

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ,

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1881.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1881.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 5 декабря 1880 года.

Цензоръ протоіерей С. Зерновъ.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИТУ.

Посланіе св. ап. Павла къ Титу есть одно изъ такъ называемыхъ пастырскихъ посланій. Общія свѣдѣнія о нихъ см. въ сентябр. кн. Душен. Чт. 1880 г. Въ посланіи къ Титу содержатся правила въ руководство ему, какъ пастырю Критскому, и въ лицѣ его всѣмъ устроителемъ церкви (1, 6—3, 11). Въ этихъ правилахъ 1) сначала предлагаются поставленія относительно поставленія епископовъ (1, 6—9); 2) далѣе слѣдуютъ поставленія на случай распространенія кѣмъ-либо неправыхъ мыслей (1, 10—16); 3) наконецъ указывается, чему и какъ слѣдуетъ учить вѣрныхъ, сообразуясь съ ихъ возрастомъ и состояніемъ (2, 1—3, 11). Именно указывается: а) въ чемъ состоитъ добронравіе старцевъ и старицъ 2, 2. 3; б) въ чемъ добронравіе молодежи и юношей—ст. 4—6. Толкованіе на оба эти пункта см. въ декабр. книж. Душен. Чтенія 1880 г. — Далѣе Апостолъ в) напоминаетъ, чтобы учащій самъ былъ во всемъ образцовымъ, ст. 7 и 8.

в) *Напоминаніе, чтобы учащій самъ во всемъ былъ образцовымъ, —2, 7. 8.*

Учи, говоритъ; но конечно не затѣмъ, чтобы только знали, а наипаче для того, чтобы и жили сообразно съ ученіемъ. Какъ въ семъ отношеніи самое лучшее побужденіе и указаніе есть примѣръ учащаго, то Апостолъ и прилагаетъ:

Ст. 7. 8. *О всемъ же самъ себе подавалъ образъ добрыхъ дѣлъ, въ ученіи независтное, честность, нетлѣніе, слово*

здоровое, незазорное: да противный посрамится, ничтоже имѣя глаголати о насъ укорно.

Двѣ образцовости представлять въ себѣ заповѣдуетъ Апостоль св. Титу: образцовость въ жизни, и образцовость въ учительствѣ; такъ что все сказанное можно выразить коротко такъ: но главное, будь самъ образцемъ во всемъ,—и въ жизни и въ учительствѣ.

Образцовость въ жизни являема бываетъ богатствомъ добрыхъ дѣлъ: самъ себя представляй образцемъ добрыхъ дѣлъ. «Пусть, говорить, старшія женщины научаютъ младшихъ, а самъ ты поучай молодыхъ людей цѣломудрію; для всѣхъ же пусть будетъ общимъ училищемъ и образцемъ добродѣтели твоя свѣтлая жизнь, открытая всѣмъ, какъбы какое первоначальное изображеніе, заключающее въ себѣ всѣ добродѣтели и легко представляющее примѣры для всѣхъ, желающихъ научиться чему либо доброму» (св. Злат.). «Образцемъ предлагаемыхъ тобою ученій да будетъ жизнь; потому что слово, свидѣтельствуемое дѣлами, дѣлается достойнымъ вѣроятія» (Θеод.). «Какъ должно дѣлать то, чему учить слово, пусть показываетъ примѣръ жизни» (Амвр.). «Для учащаго никакой нѣтъ пользы—стяжать навыкъ въ наученіи и натереть языкъ въ говореніи, если онъ не будетъ учить болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ. Если нецѣломудренный станетъ убѣждать слушателей къ цѣломудрію, слово его будетъ слабо и бездѣйственно, какъ бы ни былъ онъ краснорѣчивъ. Напротивъ если онъ самъ чистъ и цѣломудренъ, то хотя бы онъ былъ невѣжда въ словѣ и косенъ глаголати, примѣромъ своимъ побудитъ ихъ къ преспѣванію въ сей добродѣтели чрезъ подражаніе ему» (Іерон.).

Образцовость въ учительствѣ представлять учить Апостоль и расположеніями, съ какими слѣдуетъ преподавать ученіе, и содержаніемъ его.

Образцовыя расположенія въ дѣлѣ ученія опредѣляются словами: *независтное, честность, нетлннне.*—*Независтное, ἀδιαφθόριον*, у иныхъ — *αφθόριον*, у нѣкоторыхъ, —

αφθονίαν. Последнее дало повод перевести послavianски—*независтное*. Независтный, напимѣрь, источникъ значить—для всѣхъ достаточный, ни для кого не закрытый, бери всякой и сколько хочешь. Независтность въ ученіи будетъ — всѣмъ и все преподавать, не такъ, чтобъ одно преподавать, а другое удерживать, или однимъ преподавать все, а другимъ часть,—а всѣмъ все, подражая святому Павлу, который Ефесянамъ говорилъ, что необинуясь преподавалъ имъ всю волю Божию. Въ этомъ значеніи независтность будетъ тоже, что *цѣлостъ*, какъ значитъ и въ славянскомъ подѣ чертою, т.-е. для цѣлаго общества, и цѣлый корпусъ ученія преподавай. Ибо *διαφθεῖρειν* одежду, напимѣрь, значить—разодрать на части. Всячески слову *αδιαφθορίαν* надо давать особое значеніе, отличное отъ *αφθρησίαν*—которое стоитъ чрезъ слово. Лучше всего положить, что Апостоль ввншаетъ: въ ученіи преподавай всѣмъ все, являй себя полнымъ источникомъ ученія, преизливающимся, жаждущимъ подѣлиться со всѣми, чѣмъ полно сердце, отъ преизбытка коего и уста говорятъ, какъ и Спаситель сказалъ объ учителяхъ: *всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть челоуку домовити, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (Мѡ. 13, 52). И не преимущественно ли надо видѣть здѣсь указаніе на эту жажду ученія, или неупрдержимое желаніе изливаться въ словѣ отъ полноты вѣдѣнія Божія, полнымъ сердцемъ содержимаго и любимаго?

Честность, — *σεμνότης*,—въ ученіи являетъ учитель, когда преподаетъ ученіе благоговѣнно, какъбы предъ Богомъ во Христѣ глаголя, и почтительно къ слушающимъ, обращая къ нимъ слово не какъ начальникъ къ подчиненнымъ, а какъ доброжелательный отецъ къ дѣтямъ (Экум.), съ кротостію и любовію. Это требуетъ, чтобы въ самомъ образѣ выраженной рѣчь поучающая соблюдала строгую важность сообразно съ предметомъ, при всей простотѣ, требуемой необходимостію приспособляться къ понятіямъ слушающихъ,—чтобъ не было ни напыщенности,

ни низости и пошлости, ни шуточныхъ оборотовъ, ни утонченности, обычной въ суетныхъ мудрованіяхъ, или,— какъ пишетъ бл. Теофилактъ, — «чтобъ не было ничего юношескаго, могущаго разсѣять неразумныхъ и подвигнуть на смѣхъ, но чтобъ все было благочестно, важно и достойно Бога».

Нетлѣннiе въ ученіи прямо подаетъ ту мысль, что въ немъ не должны быть допускаемы не только ложь, но и суемудрыя предположенія, растлѣвающія слово истины. Но какъ эта мысль содержится въ слѣдующихъ словахъ: *слово здоровое и незазорное*, то здѣсь подѣ нетлѣнiемъ лучше разумѣть не растлѣнное, неповрежденное страстями—расположеніе духа, съ какимъ надлежитъ преподавать ученіе, чтобъ не было при семъ ни тщеславія, ни скверноприбыточества, ни другихъ какихъ земныхъ побужденій.

Ст. 8. Образцовое содержаніе ученія опредѣляютъ слова: *слово здоровое, незазорное*.—Слово *здоровое* есть, которое назидаетъ, да *здравствуютъ* слушающіе *въ вѣрѣ* и твердыми пребываютъ *въ здоровомъ ученіи* (Тит. 1. 13. 9). Какъ тѣло здоровое есть то, которое, будучи неповрежденно ни въ какой части, живетъ полною, свойственною ему жизнію: такъ и слово учительное здоровое есть то, которое предлагаетъ ученіе, неповрежденное ни въ какой части и содержащее все, чтѣ предназначено ему содержать, по намѣренію Того, Кто низпослалъ на землю сіе слово истины. Такое слово и насаждаетъ, и напаяетъ, и возвращаетъ вѣру здравую и ученіе здоровое, догматическое (Экум.). Слово *незазорное*,—*ακαταγωγος*, — то, котораго ни въ чемъ укорить нельзя, которое исправно во всѣхъ отношеніяхъ, и имѣетъ все, чтѣ имѣтъ ему слѣдуетъ, по предложеннымъ выше требованіямъ отъ него. «Слово здоровое и незазорное есть слово православное, не содержащее ничего укорнаго» (Теоф.).

Эту безукоризненность слова можно почестъ чертою, совмѣщающею въ себѣ всѣ, требуемыя отъ него совер-

шенства, объ украшеніи коими слова должно простирать ревность до того, чтобъ даже врагъ, *противный*,—зорко слѣдящій за нимъ и злобно подсматривающій, чтобъ открытъ въ немъ что либо худое, остался посрамленнымъ въ семъ покушеніи, *ничтоже имѣя глаголати о насъ укорное*. Св. Златоустъ говоритъ: «противнымъ Апостолъ называетъ діавола и всякаго, кто ему служитъ. Когда и жизнь (учителя) свѣтла, и ученіе соотвѣтствуетъ ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно и не подаетъ противникамъ никакого повода къ осужденію, то бываетъ великая и неизреченная польза. Посему весьма нужно служеніе слова, слова не какого-нибудь, но искуснаго и безукоризненнаго, которое не подавало бы никакого повода къ нареканію желающихъ этого». Блаж. Иеронимъ прилагаетъ такое поясненіе: «требуя слова незорнаго, Апостолъ не того хочетъ, чтобъ учитель такъ являлъ себя искуснымъ въ словѣ и такъ мудрымъ въ жизни, чтобъ ни отъ кого не терпѣлъ укора (были укоряемы и Апостолы и Евангелисты отъ еретиковъ и язычниковъ), но того, чтобъ онъ ничего не говорилъ и не дѣлалъ достойнаго порицанія и укоренія, хотя бы враги тщательно старались найдти въ немъ что-либо такое,—хочетъ, чтобъ враги, святостію жизни и ученія будучи поражены, смѣлости не имѣли осуждать, или сплетать что-либо правдоподобное къ укоренію. Примѣръ сему показалъ самъ Апостолъ, ибо говоритъ о своемъ образѣ дѣйствования: *да отъску вину хотящимъ вины* (2 Кор. 11, 12)».

г) *Въ чемъ добронравіе рабовъ?* 9. 10.

Ст. 9. 10. *Рабы, своимъ господемъ повинуютися, во всемъ благоуднымъ быти, не прекословнымъ, не крадущимъ, но въру всяку являющимъ благу: да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ.*

Рабовъ учи. Господь пропускаетъ, можетъ быть потому что вообще не полную пишетъ программу, кого чему и какъ учить, а можетъ быть и потому, что господа и сами

могли легко уразумѣть, какого образа дѣйствованія относительно рабовъ должно имъ держаться и удобно то исполнять; рабы же, получивъ и возчувствовавъ великія свои духовныя преимущества во Христѣ Исусѣ, могли легко увлечься и подумать, что они прочее свободны отъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ господамъ. Апостоль и напоминаетъ Титу, чтобъ онъ предотвращалъ это уклоненіе рабовъ отъ праваго пути, предполагая, можетъ быть, какъ бы Титъ не подумалъ, что рабовъ можно оставлять и безъ всякаго особаго назиданія. Бл. Иеронимъ пишетъ: «такъ какъ Господь и Спаситель нашъ, который говоритъ въ Евангеліи: *приидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою васъ* (Мѳ. 11, 28), никакого состоянія, возраста и пола не устраняетъ отъ блаженства; то Апостоль предписываетъ заповѣди и для рабовъ, т.-е. какъ членовъ тѣла Христова и части Церкви Его; и какъ выше показалъ, чему Титъ долженъ учить старцевъ и старицъ, молодежи и юношей, такъ теперь показываетъ, какія заповѣди пригоди для рабовъ».

Учи, говоритъ, рабовъ, во первыхъ *повиноватися господемъ своимъ*,—это главное; потому что если это есть, трудно прорваться чему либо другому, несообразному съ правымъ образомъ дѣйствованія рабовъ: развѣ, можетъ быть, привзойдетъ какаядь неправость въ духѣ повиновенія. Почему св. Златоустъ говоритъ при семь словъ: «справедливо Апостоль учитъ въ другомъ мѣстѣ: *служаще, якоже Господу, а не яко челоувкомъ* (Еф. 6, 7). Ибо хотя ты и служишь господину, но можетъ быть основаніемъ этому служить страхъ (человѣческій, что отнимаетъ цѣну у твоего служенія). Но кто служитъ со страхомъ Божиимъ, тотъ получитъ великую награду».

Во всемъ бл. Иеронимъ относитъ къ *повиноватися*. «Во первыхъ учи, говоритъ Апостоль, чтобъ рабы повиновались господамъ своимъ во всемъ. Впрочемъ, въ томъ во всемъ, что не противно Богу: т.-е. если господинъ повелѣваетъ то, что не противно св. Писанію, то чтобъ повиновал-

ся рабъ господину; если же приказываетъ что противное ему, то чтобъ повиновался паче Господу духа, чѣмъ господину тѣла. Внимай, сколь сообразныя съ лицами даетъ Апостоль заповѣди!» Бл. Θεодоритъ, не указывая, къ чему относить это слово, опредѣляетъ только его относительный смыслъ: «сказано: *во всемъ*, то-есть относящемся къ оказанію тѣлесныхъ услугъ господамъ, ибо если господинъ велитъ нечестовать, то это не обязываетъ раба повиноваться». — Но обыкновенно *во всемъ* относится къ слѣдующему слову —

Благоуоднымъ быти, — εὐαρεστος εἶναι, — не угодливыми, а такими, чтобъ господамъ благоуодно было и пріятно имѣть ихъ, чтобъ имѣніе такихъ слугъ доставляло имъ удовольствіе, по причинѣ ихъ послушности, разумной исполнительности и всегдашней вѣрности, ради коихъ на нихъ можно во всемъ полагаться и быть насчетъ ихъ совершенно покойными. Но блаж. Іеронимъ находитъ возможнымъ въ словѣ — *благоуоднымъ быти* — видѣть и ту мысль, чтобъ слуги угоднымъ себѣ находили быть слугами, довольствовались своимъ положеніемъ. Онъ пишетъ: «это слово, хоть не вполнѣ, но отъ части можемъ мы такъ истолковать: чтобъ довольны были, т.-е., чтобъ не казалось имъ, что Богъ неправъ, присудивъ имъ такое состояніе. Но какъ бѣдный по мѣрѣ своей можетъ спастись, какъ женщина при слабости пола своего не исключается изъ царства Божія и всякое состояніе по чину своему можетъ получить блаженство: такъ и рабы пусть довольствуются тѣмъ, что рабы суть, и не думаютъ, что не могутъ уже служить Богу, по той причинѣ, что подчинены людямъ, но вѣруютъ, что пребывая во всемъ покорными господамъ своимъ и довольствуясь своимъ положеніемъ, они волѣ Божіей благоугождаютъ, и тѣмъ спасаются».

Не прекословнымъ, — чтобъ не прекословили, не по лучшему разумѣнію дѣла, но по одной сварливости и ропотливости, когда почасту и дѣлаютъ и ворчатъ. «Самый

большой въ рабахъ порокъ, пишетъ бл. Иеронимъ, — поперечить господамъ и ворчать съ собою, когда они что приказываютъ. Апостолъ и велитъ Титу, здравымъ ученіемъ отклонять отъ такой неисправности рабовъ изъ христіанъ. Ибо если рабу нельзя ужъ не исполнять того, что повелѣваетъ господинъ, то почему не дѣлать ему этого съ добрымъ изволеніемъ? Прекословіемъ своимъ опъ господина оскорбляетъ, а чтò приказано, все же не можетъ не сдѣлать».

10. *Не крадущимъ, μη υορφίζομενοις*, — не отъособляющими что изъ господскаго и не отдѣляющими тайкомъ въ свою пользу или на свою долю. Разумѣется такое присвоеніе себѣ господскаго добра, которое не бросается въ глаза, дѣлается тайкомъ и такъ, что слѣдовъ не видно; запрещается хитрое искусство поживляться господскимъ добромъ, состоя между тѣмъ у господъ на добромъ счету.

Но вѣру всяку являющимъ благу.—*Вѣру всяку*—всякую вѣрность; вѣрность *благу*—съ добрымъ изволеніемъ, съ добрыми цѣлями, въ добрыхъ дѣлахъ и на добро; Чтòбъ не казаться только вѣрными, но въ настроеніи сердечномъ быть такими. «Видишь, чтò требуетъ отъ рабовъ? То, чтò паче всего успокоиваетъ господъ, именно чтòбъ не прекословили, не крали, по были вѣрны во всемъ» (Θεοφ.).

Да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ. «Такими, говоритъ, добрыми дѣлами да украшаютъ слуги ученіе Господа нашего. Тогда господа не только не станутъ запрещать вѣровать, но даже рады будутъ тому, видя, что вѣра и для нихъ самихъ оказывается полезною» (Амвр.). Напротивъ «если рабъ не воздерживаетъ своей руки и не обуздываетъ языка, то по какому поводу язычники будутъ удивляться нашему ученію? Если же они увидятъ раба любомудрствующимъ во Христѣ, показывающимъ большее воздержаніе, нежели ихъ философы, и служащимъ съ великою готовностію и усердіемъ, то не-

сомнѣнно будутъ удивляться силѣ проповѣди. Ибо язычники судятъ о догматахъ не по ученію, а по дѣламъ и жизни. Итакъ пусть будутъ для нихъ учителями и жены и рабы—своимъ поведеніемъ. И у нихъ и вездѣ признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упорны, мало способны къ добродѣтели,—не отъ природы, — нѣтъ, но отъ воспитанія и нерадѣнія объ нихъ господъ ихъ. — Итакъ, когда язычники увидятъ, что сила проповѣди, обуздавъ этотъ грубый родъ людей, сдѣлала ихъ честнѣйшими и скромнѣйшими изъ всѣхъ; то хотя бы господа были самые безразсудные изъ людей, они получаютъ высокое понятіе о нашихъ догматахъ. И чѣмъ болѣе злы были прежде такіе люди (рабы), тѣмъ болѣе (господа) будутъ удивляться силѣ проповѣди. Такъ и врачу мы удивляемся тогда, когда человѣка отчаяннаго, не принимающаго никакой пищи, онъ исцѣлитъ и исправитъ (св. Злат.).

д) *Внушеніе, что за тѣмъ и все домостроительство спасенія во Христѣ Иисусѣ, чтобъ върующіе дѣлались ревнителями добрыхъ дѣлъ,—11—15.*

Ст. 11. *Явися бо благодать Божія, спасительная въсѣмъ человекомъ.*

Прочитавши все доселѣ сказанное Апостоломъ, иной могъ спросить, чего ради такъ много заботиться о рабахъ, когда объ нихъ мало кто думаетъ? А другой могъ подумать, чего ради заповѣдуешь учить все только тому, какъ жить: будто только и предметовъ? Апостоль отвѣчаетъ: о рабахъ забочусь потому, что благодать Божія спасительная явилась *въсѣмъ* человѣкамъ, не исключая и рабовъ; а повелѣваю учить *наипаче* тому, какъ жить, потому, что сія спасительная благодать, всѣхъ объемлющая, затѣмъ и явилась, чтобъ сдѣлать насъ ревнителями добрыхъ дѣлъ, научивъ жить цѣломудренно, благочестно и праведно. Первый отвѣтъ содержится въ настоящемъ стихѣ, а второй—въ послѣдующихъ за нимъ.

Свят. Златоустъ поставляетъ настоящій стихъ въ прямую связь съ предыдущимъ наставленіемъ рабамъ: «заповѣдавъ рабамъ имѣть великую добродѣтель,—ибо подлинно великая добродѣтель—украшать во всемъ ученіе Бога и Спаса нашего, не подавая господамъ никакого повода къ неудовольствію, даже въ маловажныхъ дѣлахъ,—Апостоль приводитъ и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же причину? *Явися бо, говоритъ онъ, благодать Божія, спасительная всемъ челоукомъ*.—*Благодать Божія*,—это домостроительство спасенія въ Господѣ Исусѣ Христѣ,—что Сынъ Божій воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и Духа Святаго низпослалъ, который чрезъ Апостоловъ устроилъ Церковь Божію на землѣ, въ которую всякому открытъ входъ: приходи, принимай ученіе вѣроу, освящайся таинствами и затѣмъ живи свято подъ руководствомъ пастырей,—рабъ ли ты, или свободный. «Для сего то и воплотился Единородный Сынъ Божій, пишетъ бл. Θεодоритъ, чтобы всѣхъ людей, и господъ и слугъ, сподобить спасенія, уготовивъ ихъ къ тому, чтобъ вмѣстѣ съ злочестьемъ оставили и беззаконную жпзнь». «У насъ нѣтъ никакого различенія раба и свободнаго, грека и варвара, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, женскаго пола и мужскаго; но всѣ мы едино есмы во Христѣ, всѣ къ единому призваны царству, примирены бывъ съ Богомъ Отцемъ, не своими заслугами, но благодатію Спасителя нашего—Христа Господа, который есть присно-живая благодать, выну ходатайственно предстоящая о насъ предъ лицомъ Бога Отца» (Иерон.).

Но можно отвлекши вниманіе отъ рабовъ, видѣть въ сихъ словахъ Апостола общее всѣмъ христіанамъ побужденіе къ тому, чтобы прекраснымъ житіемъ ревностно украшать ученіе Спасителя нашего Бога. Такъ дѣлаетъ свят. Златоустъ, который, приведши предыдущія слова, прибавилъ: «подлинно тѣ, которые имѣютъ учителемъ своимъ Бога и получили отпущеніе грѣховъ безчислен-

ныхъ, какъ могутъ не быть такими, какими я теперь изобразилъ ихъ (разумѣется, — въ предыдущихъ заповѣдяхъ Апостола разнымъ лицамъ)? Вы знаете, что немало притыждаетъ (стыдиться заставляетъ недолжнаго) и вразумляетъ душу между прочимъ и то, что она, бывъ виновна въ безчисленныхъ грѣхахъ, не подверглась наказанію, но получила прощеніе и безчисленные блага. Если бы кто нибудь, имѣя раба, провинившагося множество разъ, не наказалъ его ремнями, но даровалъ бы ему прощеніе и почтилъ его великими дарами, потребовавъ только отъ него исправности на будущее время и приказавъ остерегаться отъ тѣхъже проступковъ; то скажи мнѣ, уже ли бы не постарался быть исправнымъ получившій такую милость? Впрочемъ не подумай, будто благодать состоитъ не только въ прощеніи прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время дѣлаетъ насъ безопасными (отъ наказанія), хотя и это зависитъ отъ благодати. Если бы она избавляла дѣлающихъ зло отъ наказанія навсегда, то она была бы не благодатію, а нѣкоторымъ поводомъ къ развращенію и гибели». — Познаніе великой благодати во Христѣ Исусѣ не расслабляетъ, а въ напряженіе приводитъ нравственныя силы вѣрующихъ; ибо существо благодати есть — дѣлать насъ нравственно во всемъ исправными, — какъ и сказываютъ слѣдующія за симъ слова.

Ст. 12. *Наказующи насъ, да отвергшемся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ.*

Начинается отвѣтъ на второй вопросъ: чего ради учить все о должной жизни? Именно, — того ради, что для такой жизни — все домостроительство спасенія въ Господѣ Исусѣ, названное здѣсь спасительною благодатію. Сія благодать не знаніе голое сообщаетъ, а жизнь передѣлываетъ. Какъ же это? — *Наказующи насъ*, — *παιδεύουσα*. Дѣтямъ не читаютъ теорій, а прямо говорятъ: не такъ стоишь, не туда пошелъ, не то дѣлаешь, — и тотчасъ берутъ за руку и исправляютъ, какъ слѣдуетъ всему быть; такъ что тутъ

идеть заразъ и слово и дѣло. Также дѣйствуетъ и благодать спасительная. Зоветъ; но первый шагъ по зову есть уже жизненный шагъ. Именно,—отвергнись нечестія и мірскихъ похотей, и начни новую жизнь, противную первой. *Отвергнись*, не познай только несостоятельность прежнихъ порядковъ, но отвратись отъ нихъ чувствомъ, мерзкими ихъ возымѣй, возненавидь и брось. И Спаситель еще прежде сказалъ: *да отвергнется себе желающій идти вслѣдъ Мене*. А еще прежде пророкъ предъуказалъ: *выдѣте изъ среды ихъ и нечистотъ ихъ не прикасайтесь* (Ис. 52, 11). Въ этомъ основа дѣятельнаго христіанства! Отъ чего плохи христіане? Отъ того, что не имѣютъ этого отверженія и не вышли изъ недоброй среды. Св. Златоустъ и говоритъ при семъ: «вотъ основаніе всякой добродѣтели! Не сказалъ: дабы мы избѣгали, но—*да отвержемся*; отверженіе означаетъ совершенное удаленіе, полную ненависть, рѣшительное отвращеніе».

Чего же именно отвергнуться требуетъ Апостоль? *Нечестія и мірскихъ похотей*. Нечестіемъ обнимаются всякія неправыя понятія о Богѣ и всякій, несообразный съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, образъ богопочтенія,—всѣ неправыя религіи. «Нечестіемъ называетъ Апостоль нечестивое ученіе (св. Злат.), нечестивые догматы (Экум.), идолопоклонство» (Теоф.).—Подъ мірскими похотями разумѣется самоугодливая жизнь въ похотяхъ сердца и страстяхъ, къ удовлетворенію которыхъ направлены всѣ обычаи міра, и которымъ въ жертву приносятся всѣ законы правды и любви. «Мірскими похотями Апостоль назвалъ порочную жизнь; или (общѣ) мірскія похоти суть все то, что приноситъ намъ пользу только для настоящей жизни (безъ отношенія къ будущей); все, что исчезаетъ вмѣстѣ съ настоящею жизнію, есть мірская похоть» (св. Злат.): «любоиманіе, сластолюбіе, (гордыня) и подобное» (Теоф.). Все сіе обозначилъ св. Петръ, когда написалъ: *довѣтъ вамъ мимошедшее время житія, волю языческую творившимъ, ходившимъ въ нечистотахъ,*

въ похотехъ, въ пїянствѣ, въ козлогласованїихъ, въ лихоиманїи и богомерзскихъ идолюслуженїихъ (1 Петр. 4, 3). Довольно; насытились и пресытились. Все сіе бросить надлежитъ и оставить позади себя. Такъ учить, влечетъ и располагаетъ благодать, чтобъ уже *не человѣческими похотми, но воли Божїей* проше во плоти жити время (там.—2), — именно: *цѣломудренно, и праведно, и благочестно.*

Цѣломудренно, удаляясь отъ плотскихъ грѣховъ и ревнуя о чистотѣ. Но можно здѣсь разумѣть чистоту и отъ всѣхъ страстей, и тѣлесныхъ, и душевныхъ, оскверняющихъ душу и дѣлающихъ ее нечистою предъ Богомъ и невѣрною Ему. Такъ св. Златоустъ: «цѣломудріе, какъ всегда я говорю, состоитъ не только въ томъ, чтобы воздерживаться отъ прелюбодѣянїя, но и въ томъ, чтобы воздерживаться и отъ прочихъ страстей. Посему и любостыжательный — нецѣломудренъ; какъ тотъ (прелюбодѣй) пристрастенъ къ тѣлесному наслажденїю, такъ этотъ (любостыжательный) къ богатству; даже послѣдній невоздерживаетъ перваго, тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе сильное дѣйствуетъ на него побужденїе. Тамъ пожеланїе такъ естественно, что, хотя бы иной не приближался къ жепѣ, природа дѣйствуетъ и производитъ свое; а здѣсь не бываетъ такъ». Что сказано здѣсь о любостыжанїи, тоже идетъ и къ прочимъ страстямъ—гордости, тщеславію, ненависти, зависти, гнѣву, самоволїю и непокоривости, и проч. Всѣ дѣйствующїе по симъ страстямъ, дѣйствуютъ нецѣломудренно,—нездравоумно, не такъ, какъ слѣдуетъ жить одаренному высшею силою, умомъ или духомъ.

Праведно, какъ слѣдуетъ человѣку—христіанину. Христіанину же слѣдуетъ не только не нарушать предѣловъ правды въ отношенїи къ другимъ, но и дѣлать имъ всякое добро. Законъ христіанской правды—любовь, которая требуетъ въ случаѣ нужды и душу положить за други своя. Какъ цѣломудріе, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, требуетъ самоотверженнаго житїя, съ всестороннимъ попра-

ніемъ всякаго самоугодія, все къ себѣ стягивающаго: такъ праведность требуетъ благотворнаго дѣйствованія, все отъ себя на ближнихъ устремляющаго.

Благочестно, со страхомъ и благоговѣнствомъ предъ Богомъ, вездѣсущимъ, всевидящимъ и все содержащимъ, Ему, яко Владыкѣ своему, все посвящая,—и большое и малое, и душевное и тѣлесное, и видимое и невидимое,—и всячески ревнуя, да славится имя Его пресвятое не въ насъ только, но и чрезъ насъ. Благочестіе обнимаетъ всестороннее отношеніе нашего ума и сердца къ Богу, наипаче же молитвенное Ему всегда предстояніе и твореніе всего во славу Его.

Цѣломудріе, праведность и благочестіе—обнимаютъ всю святую жизнь и совмѣщаютъ всѣ заповѣди и всю волю Божію, въ коей ходитъ обязательство пріемлютъ приступающіе къ Богу въ истинной вѣрѣ. Сознующіе сіе христіане и ревнуютъ жить такъ во все время, пока живутъ въ вѣцѣхъ семъ, въ настоящей жизни, чтобъ, достойно приготовить къ блаженной жизни въ вѣкѣ будущемъ. Христіанинъ что есть?—Вѣруетъ искренно и освящаясь таинствами, вседушно ревнуетъ объ угожденіи Богу святою жизнію, въ несомнѣнномъ чаяніи блаженной вѣчности. На землѣ онъ только руками и ногами, а сознаниемъ, умомъ и сердцемъ—весь на небѣ.

Ст. 13. *Ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.*

Блаженное упованіе есть упованіе блаженства въ царствѣ небесномъ. Оно благодатію Божіею вселяется въ сердцѣ истинно вѣрующаго въ самомъ дѣйствиіи призванія и новаго рожденія въ купели крещенія. Рожденный здѣсь отъ Духа есть чадо Божіе, и такимъ себя сознаетъ и чувствуетъ во глубинѣ сердца. Чувствуя же себя такимъ, чувствуетъ, что Божій есть и все Божіе своимъ имѣетъ и прямой есть наслѣдникъ Божій. *Самый Духъ споспешествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, сонаслѣд-*

ницы же Христу (Рим. 8, 16). Такимъ образомъ блаженное упованіе или упованіе блаженства вѣчнаго есть неотъемлемая черта во внутреннемъ настроеніи истинныхъ христіанъ, и они пребываютъ на землѣ *ждуше* его, не какъ неопредѣленнаго чего-то и не съ колебаніемъ какимъ либо,—можетъ быть будетъ, а можетъ быть и нѣтъ,—но такъ, какъ ждетъ кто прибытія дорогаго лица, которое уже идетъ, приближается, уже слышны шаги его. — Почему христіанину, который не носитъ въ сердцѣ такого чаянія, надлежитъ поскорѣе разсудить, чего ради такъ, и поспѣшить возстановить сію существенную черту во внутреннемъ строѣ своемъ. Безъ упованія чловѣку жить нельзя; но ихъ два: одно въ вѣцѣ семь, а другое—въ будущемъ. О первомъ сказалъ Апостоль: *ище въ животъ семь точію уповюще есмь, окаянныйши всѣхъ чловѣкъ есмь* (1 Кор. 15, 19). А о второмъ: *наше житіе на небесахъ есть* (Фил. 3, 20). Слѣдовательно первому не должно быть у насъ мѣста; второе же одно должно господствовать въ насъ, да пребываетъ *животъ нашъ сокровенъ со Христомъ въ Богъ* (Кол. 3, 3). Ибо нѣтъ словъ для изображенія того, что ожидаетъ на небѣ истинно вѣрующихъ и вѣрныхъ вѣрѣ. «Всякой умъ превышаютъ будущія блага» (св. Злат.).

Явленіе славы великаго Бога нашего Иисуса Христа есть второе Его пришествіе, когда явится Онъ во славу и по суду откроетъ вѣчное царство свое во всемъ его неизреченномъ величій и свѣтлости. Тотчасъ по смерти вѣрные вступаютъ въ преддверіе сего царства, которое и само исполняетъ неизреченнаго блаженства. Полное же ихъ ублаженіе послѣдуетъ по воскресеніи. Но если это ублажаетъ, сколь блаженно то—последнее? *Знаютъ* сіе блаженные, и желательно ждуть явленія во славу Христа Господа, умѣрая сіе желаніе развѣ благожеланіемъ къ живущимъ на землѣ, чтобы всѣ предопредѣленные успѣли пройти приготовительный къ тому курсъ.

Спасителя нашего Иисуса Христа называлъ Апостоль

Богомъ, и Богомъ великимъ. «Гдѣ тѣ, взываетъ св. Златоустъ, которые говорятъ, будто Сынъ меньше Отца? Великаго, говоритъ, Бога и Спаса нашего, Иисуса Христа. Когда называетъ онъ Его Богомъ великимъ, то называетъ великимъ не по отношенію къ чему нибудь, но безусловно великимъ,—такимъ, послѣ котораго уже никто не великъ, потому что всякой другой великъ только относительно; если же относительно, то великъ по сравненію, а не по природѣ; Онъ же великъ безъ сравненія». Пишетъ и блажен. Иеронимъ: «гдѣ змій — Арій? Гдѣ ужъ — Евномій? — Великимъ Богомъ именуется Иисусъ Христосъ Спаситель, не Перворожденный вся твари, не Слово Божіе и Премудрость, но Иисусъ Христосъ; каковыя слова совмѣщаютъ и воспринятаго чловѣка. Ибо мы не говоримъ, что инъ есть Иисусъ Христосъ и ино Слово, какъ богохульствуетъ новая ересь; по одного и тогоже, Который и прежде вѣкъ и послѣ вѣковъ, и прежде міра, и послѣ Маріи, или паче—изъ Маріи, именуемъ великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Иисусомъ Христомъ».

Ст. 14. *Иже далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ.*

«Для сего-то Христосъ за всѣхъ насъ пріялъ смерть, чтобы прекративъ мучительство смерти, избавить насъ отъ горькаго онаго рабства и сдѣлать своимъ собственнымъ народомъ, любителемъ и ревнителемъ похвальныхъ дѣлъ» (Θεод.). Прежде указаль, чего требуетъ отъ насъ и что производитъ въ насъ спасительная благодать. Теперь показываетъ основаніе тому, утверждая, что за тѣмъ все воплощенное домостроительство, чтобъ сдѣлать насъ чуждыми грѣха и богатыми всякими добродѣтелями. Ибо *далъ есть Себе* значитъ—благоволилъ пріяты на себя и совершить воплощенное домостроительство, средоточіе коего есть крестная смерть Богочловѣка. *Да избавитъ,*—ἀγαπαρισθη, —да искупитъ, да дастъ за насъ выкупъ. Какъ?

Удовлетворивъ смертію своею правдѣ Божіей за всѣ грѣхи наши, такъ чтобъ ни одного изъ нихъ не оставалось на насъ такого, за который требовалось бы отплачиваться намъ самимъ. Но это не все: съ искупленнаго раба снимаются узы рабства, и онъ получаетъ свободу дѣйствовать самъ по себѣ. Мы въ узахъ рабства грѣху. Искупивъ насъ, Спаситель разбиваетъ сіи узы, *яко тому не работати намъ грѣху*, и мы получаемъ свободу дѣйствовать сами по себѣ такъ, какъ требуетъ естество наше, по образу Божію созданное, а не по влеченію грѣха — приплаго тиранна. И сіе есть полное искупленіе, или избавленіе. «Не такъ, чтобъ отъ одного (беззаконія) избавиться, а отъ другаго нѣтъ; но отъ всякаго беззаконія. Почтимъ же свое избавленіе, (стыдясь омрачить его грѣхомъ какимъ)» (Теоф.).

И очиститъ Себѣ люди избранны.—*Очиститъ*,—*καθαρισθη*,—какъ очищаютъ долги уплатою за нихъ. Или—примѣнительно къ состоянію рабовъ искупленныхъ, кои получаютъ нечесаные, испачканные, въ ранахъ и рубищахъ,—*очиститъ* значить—всякую нечистоту грѣховную смоетъ, всякую рану страстей уврачуетъ, и въ красныя одежды добродѣтелей облечетъ.

Люди избранны,—*λαον περιουσιον*.—*Περιουσιος*,—отмѣнный, отличный, отособленный отъ другихъ и ничего общаго съ ними не имѣющій (св. Злат., Теоф.). Или—собственный, въ собственность свою обращенный въ силу искупленія и къ дѣламъ по духу своему приставленный. «Метафорически взято отъ слугъ, вращающихся около имущества, — *περ την ουσιαν*,—и достоянія господина своего» (Теоф.). И такъ далъ есть Себе Спаситель, чтобъ искупить насъ, очистить отъ всякой нечистоты и ранъ, и сдѣлавъ отмѣнными, приставить къ дѣламъ по духу своему. Какъ? «Купелію божественнаго крещенія и дѣланіемъ божественныхъ и очистительныхъ заповѣдей Его» (Теоф.). «Христосъ Іисусъ, великій Бѣгъ нашъ и Спаситель, искупивъ насъ кровію своею, сдѣлалъ изъ насъ Себѣ особенный христіанскій

народъ,—который тогда только можетъ быть особеннымъ, когда будетъ ревнителемъ добрыхъ дѣлъ» (Иерон.).

Ревнителю добрымъ дѣломъ, т.-с. «съ жаромъ стремящимися къ добродѣтели и показывающими ревность ко всѣмъ добрымъ дѣламъ и пламенное подражаніе (самоу Спасителю)» (Ееоф.). «Не просто требуетъ дѣлъ, но быть *ревнителями*, т.-е., совершающими добрыя дѣла съ великою ревностію и съ надлежащимъ усердіемъ. Избавить обремененныхъ множествомъ золъ и исцѣлить неизлечимо больныхъ — было дѣломъ Его человеколюбія; а дальнѣйшее есть дѣло и наше и Его» (св. Злат.).

Ст. 15. *Сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ: да никтоже тя преобидитъ (презираетъ).*

Всю предшествующую вводную рѣчь велъ Апостоль того ради, чтобъ доказать, что какъ для вѣрующихъ главное дѣло есть бѣгать всего худаго и дѣлать всякое добро, такъ для пастырей главнымъ дѣломъ должно быть учить ихъ сему, учить настаивая, чтобъ они непремѣнно были таковы, и употребляя къ тому всякіе способы, убѣжденія. *Глаголи*, говори просто, что такъ и такъ должно жить. Есть нравы, для которыхъ ничего больше и не требуется: только укажи, — и ужъ будетъ сдѣлано. Для кого мало простаго указанія, того, говорить, *умоли*, т.-с., уговаривай, убѣждай любовною и благожелательною рѣчью. Убѣжденіе совершается указаніемъ такихъ сторонъ въ заповѣдуемомъ дѣлѣ, которыя привлекаютъ къ нему сердце, подвигаютъ на него и возбуждаютъ энергію къ совершенію его. Всякое доброе дѣло имѣетъ сіи стороны; но онѣ не для всѣхъ ясны. И требуется выказать ихъ... и умолить тѣмъ дѣлать его. Для кого и этого мало, на того остается уже дѣйствовать только силою обличенія, пристыженія, укора и власти: такого, говорить, *обличай со всякимъ повелѣніемъ*. «Сперва *глаголи и умоляй*, то-есть учи болѣе кроткою рѣчью; а потомъ *обличай*, и не просто, но *со всякимъ повелѣніемъ*, то-есть, настоятельно и властно» (Ееоф.).— «Три глагола употребилъ: *глаголи, моли, обличай*.

Глаголи, кажется, надо относить къ простоту ученію. Что касается до *моли*, то оно тоже значить, что въ словахъ: *по Христъ убо молимъ* (1 Кор. 2, 20), когда учащій и себя смиряетъ и уничижаетъ, будто проситель, чтобъ только пріобрѣсть того, кого убѣждаетъ. А третье—*обличай* умѣстно уже послѣ убѣжденія. Которые презрять умоленіе, тѣ достойны обличенія и заслуживаютъ услышать: *забысте утѣшеніе, еже вамъ, яко сыновомъ, глаголетъ* (Евр. 12, 5). Къ Тимоѳею пиша, Апостолъ обличеніе поставилъ впереди умоленія: *обличи... умоли* (2 Тим. 4, 2). А здѣсь желаетъ, чтобъ учениковъ прежде умоляли, и тогда уже обличать, когда умоленіе останется безплоднымъ,—и обличать *со всякимъ повелѣніемъ*. Это—*со всякимъ повелѣніемъ* относится только къ обличенію, а не къ двумъ первымъ (то-есть *учи, моли*). Ибо нельзя говорить: *моли* со всякимъ повелѣніемъ, или *глаголи* со всякимъ повелѣніемъ, но только обличай со всякимъ повелѣніемъ (Иерон.). Св. Златоустъ различіе въ характерахъ учительной рѣчи объясняетъ разностію предметовъ. «Есть грѣхи, отъ которыхъ нужно отклонять повелѣніями; именно: убѣждая презирать богатство, быть послушными и т. п., нужно увѣщавать (умолять); а исправлять прелюбодѣя, блудника и корыстолюбца нужно съ *повелѣніемъ*; чародѣя же, волшебника и тому подобныхъ людей (нужно обличать) не просто съ *повелѣніемъ*, но *со всякимъ повелѣніемъ*. Видишь ли, съ какою силою, и какою великою властію дѣйствовать заповѣдуетъ онъ Титу?»

Можно видѣть здѣсь предписаніе пастырю: не спи, а дѣйствуй, всякія употребляя мѣры къ тому, чтобъ заставить своихъ пасомыхъ жить, какъ должно.

Да никтоже тя преобидитъ (презираетъ). Если не будешь учить, умолять и властно обличать, то несправные станутъ наконецъ у тебя на глазахъ дѣлать все неподобное, думая и говоря: на этого что смотрѣть? Ничего не скажетъ.—Хоть ты самъ и исправецъ по жизни, но если будешь нерадѣть о пасомыхъ, то всѣ станутъ

тебя презирать и ни во что ставить. Не то внушаетъ, чтобъ жизнию своею не подавалъ повода къ презрѣнію себя, но чтобъ нерадѣніемъ о своемъ пастырскомъ долгѣ не подавалъ пасомымъ свободы ни во что себя вмѣнять. Почему и глаголь употребленъ такой: μηδεις σου περιφρονειτω; чтобъ никто тебя не презиралъ не за то, что въ тебѣ, въ правѣ твоемъ, а за то, что около тебя и на тебѣ, т.-е. за твое нерадѣніе учить, умолять и обличать пасомыхъ.

Епископъ Теофанъ.

ПЯТОЕ ПИСЬМО

ВЪ С. П. В. по поводу появленія тамъ новаго
ученія вѣры *).

Нужно бы теперь писать тебѣ противъ того, что говорятъ ваши новшаки,—будто *ничего не нужно*: вѣруй въ Господа, и все тутъ. Но сколько я ни твердилъ тебѣ—развѣдать, что такое они разумѣютъ подъ *ничего не нужно*, ты все молчишь. Кое-что видно о семъ изъ ихъ рѣчей; но надо бы знать то поопредѣленнѣе.—Какъ перерывъ нашихъ съ тобою бесѣдъ и безъ того уже долго, то больше ждать не буду; и, пока-то ты тамъ развѣдасяшь объ этомъ, берусь потолковать съ тобою о томъ, *что нужно*, оставляя тебѣ, и всякому другому, самому сдѣлать заключеніе, что коль скоро кто говоритъ, что *этого нужно* не нужно, то говорить ложь.

Рѣчь же мою о семъ пристрою къ тому, о чемъ мы толковали съ тобою въ предыдущихъ письмахъ. Въ пер-

*) Предшествующія четыре письма напечатаны въ книжкахъ Душен. Чтенія 1880 года,—первое въ мартовской, второе и третье въ июльской, четвертое въ августовской.

вомъ письмѣ сдѣлано общее начертаніе всего, необходимаго для спасенія. Такъ оно и есть. Безъ всего того нѣтъ спасенія. Тамъ сказано: «хочешь спастися?—Вѣруй всему богооткровенному ученію, и пріемля благодатныя силы, яже къ животу и благочестію, чрезъ св. таинства, живи неуклонно по заповѣдямъ Божіимъ, подь руководствомъ богоучрежденныхъ пастырей, по все сіе въ духѣ св. церкви Божіей, по ея законоположеніямъ, и съ нею состоя въ живомъ союзѣ, и спасешься». Сказано такъ, и доказано изъ божественнаго Писанія, что все сіе необходимо нужно, и почему нужно. Нечего бы послѣ того и толковать объ этомъ. Но я боюсь, не пропускаешь ли ты, или другой кто, безъ вниманія послѣднюю строчку: *все сіе въ духъ св. церкви Божіей, по ея законоположеніямъ и съ нею состоя въ живомъ союзѣ.* Между тѣмъ это столь существенно въ дѣлѣ спасенія, что не будь сего, всѣ другіе пункты не будутъ имѣть надлежащей силы,—и спасеніе не состоится. Почему я и положилъ потолковать съ тобою объ этомъ особенно.

Тебѣ уже извѣстно, что въ-одиночку никто не спасается, что Господь изъ всѣхъ вѣрующихъ благоволилъ сочетать единое тѣло и самъ сталъ Главою его, и что кто не спасается, спасается не иначе, какъ въ церкви, т.-е. въ живомъ съ нею состоя союзѣ, а чрезъ нее и съ Господомъ. Объ этомъ и не буду распространяться. Укажу только тебѣ, какъ все въ ней приспособлено ко спасенію.

Но напередъ понуждаюсь напомнить тебѣ, что говоря о рѣшительной для спасенія необходимости состоять въ живомъ союзѣ съ церковію я разумѣю подь церковію, не всякую безъ разбора церковь, носящую имя христіанской церкви, а единую истинную церковь, св. Апостолами основанную церковь и доселѣ вѣрно хранящую все, чрезъ нихъ въ ней богоучрежденное, — каковою церковію сестъ наша св. православная восточная церковь,—и кромѣ ея никакая.

Церквами христіанскими, какъ тебѣ конечно извѣстно, именуются, кромѣ православной нашей церкви, церковь латинская, и многія христіанскія общества протестантскія. Но ни латинской церкви, ни тѣмъ паче протестантскихъ общинъ не слѣдуетъ признавать Христовыми церквами; потому что онѣ несообразны съ Апостольскимъ церкви Божіей устроеніемъ.

Латинская церковь есть Апостольскаго происхожденія; но отступила отъ Апостольскихъ преданій и повредилась. Главный ея грѣхъ — страсть ковать новыя догматы, по своему мышленію и своеволію. Сначала она изобрѣла догматъ о происхожденіи Духа Святаго отъ Отца и Сына или чрезъ Сына,—это давно, въ началѣ ея отпаденія отъ истинной церкви,—а вотъ на нашей памяти еще придумала два: о непорочномъ зачатіи Божіей Матери и о непогрѣшимости папы. Ей кажутся такія новоизобрѣтенія обогащеніемъ и възвышеніемъ совершенства церкви; на дѣлѣ же это порча церкви, и порча очень существенная. Ученіе о происхожденіи Св. Духа и отъ Сына или чрезъ Сына повреждаетъ догматъ о Пресвятой Троицѣ; ученіе о непорочномъ зачатіи Божіей Матери повреждаетъ догматъ о поврежденіи нашего естества въ паденіи и отчасти объ искупленіи; ученіе о непогрѣшимости папы человѣку самочинно присволяетъ Божеское свойство, — и повреждаетъ общее ученіе о Богѣ и человѣкѣ. Такъ у ней повреждены существеннѣйшія части христіанскаго исповѣданія,—о Пресвятой Троицѣ, объ искупленіи и вообще о естествѣ Бога и человѣка. Всѣ сін ученія чужды апостольскому преданію, и суть измышленія человѣческія, и какъ таковыя, походятъ на пристройки къ зданію, не по плану и стилю зданія, и не изъ тогоже матеріала,—или на то, какъ еслибъ кто въ цѣльное виноградное вино подлилъ какой либо жидкости, противной его естественному составу. Какъ тою пристройкою портится зданіе, а этою примѣсью—вино: такъ тѣми ученіями латиняне повредили и испортили св. вѣру, св. апостолами преданную. Особен-

но разрушительнѣ послѣдній новыи догматъ—о непогрѣшимости папы. Послѣ него недоумѣваешь, какъ и смотрѣть на эту церковь.

Что касается до протестантскихъ общинъ, то хотя и можно называть ихъ христіанскими потому, что онѣ толкуютъ о христіанствѣ,—но никакъ Христовыми церквами. Христова церковь устроена св. апостолами, по начертанію и плану самого Господа, Духомъ Святымъ уясненному и утвержденному. А эти общины устроены людьми самочинно и по плану ими самими сочиненному. У нихъ есть многое, взятое изъ апостольскаго преданія, но всему дасть иной строй, иное мѣсто и иной смыслъ. Они разоряли прежнѣе зданіе церкви, брали изъ ней, что казалось гожимъ по ихъ мыслямъ, прибавляли свое, и изъ смѣси того и другаго слагали свою общину. Что же тутъ Христова? Въ зданіи главное—идея зданія и планъ по ней. Какъ у нихъ то и другое не Христово, а свое, своимъ умомъ измышленное, то эти общины несправедливо именовать Христовыми церквами. Ибо Христу въ устроеніи ихъ не дано части.—Правда, они говорятъ, что заимствовали указанія на устроеніе своихъ общинъ изъ Писанія. Но идея и планъ построенія церкви не были преданы Писанію; потому не могли быть оттуда позаимствованы. Можно наведенія вѣкія дѣлать объ нихъ изъ написаннаго; но наведенія даютъ только вѣроятности, а не подлинную истину. Истинную идею и планъ церкви Божіей Апостолы осуществили на дѣлѣ въ устроеніи церкви. Кто возжелалъ бы ихъ познать, тому слѣдуетъ обратиться къ самой церкви Божіей, и изъ ней сему научиться, а не изъ Писанія братьяся извлекать ихъ, когда они туда не положены. Они тамъ видны отчасти; но чтобы узрѣть ихъ, надо напередъ ознакомиться съ ними изъ дѣйствительнаго устройства св. Божіей церкви. А протестанты какъ поступаютъ? Раззорять церковь, и потомъ изъ обломковъ ея съ приложеніемъ кое-чего и своего строить новую самоизмышленную. Можно ли ожидать, чтобы они напали на слѣдъ Божія начертанія истинной церкви?!

Послѣ сего самъ можешь сдѣлать неложное заключеніе о протестантскихъ церквахъ,—что, поелику онѣ строены не по Божію, а по самонзмышленному плану и такой же идеѣ, то не суть подлинныя церкви Христовы, а поддѣльныя. Онѣ тоже, что фальшивая монета, или лучше, что фабрикованное вино. Фабрикованное вино, и по виду и по вкусу иногда и по аромату, бываетъ похоже на естественное вино—настоящее; но въ существѣ своемъ совсѣмъ не оно есть, хоть золотыми буквами подписывается, что это такое-то, такое-то вино. Такъ и эти церкви, по надписи Христовыми кличутся, но въ существѣ не суть таковы. Ихъ прилично называть фабрикованными церквами.

Первый пачалъ эту фабрикацію Лютеръ, а потомъ, съ его легкой руки, за тоже взялись и другіе,—и нафабриковали церквей множество. Но все еще недовольны. Фабрикованіе церквей стало боевою жилою протестантства. Оттого среди ихъ оно все еще продолжается, и, кажется, будетъ продолжаться до скончанія вѣка. Нодавно англичане сфабриковали апостольскую общину, Ирвингівскую, которой отродьемъ, кажется, былъ тотъ англичанипъ, что завелъ у васъ новшества. Но объ этомъ послѣ.

Всѣ фабриканты церквей исходили и исходятъ изъ той мысли,—что церкви Божіей, какъ она Апостолами устроена, пѣтъ на землѣ;—чтѣ я и называю разореніемъ стараго. Но какъ безъ церкви быть нельзя, то надобно ее снова построить, къ чему они и приступаютъ смѣло, почитая себя къ тому призванными потому одному, что это пришло имъ въ голову. Но какъ строить, по какимъ указаніямъ?—Копечно по Писанію, какъ же иначе?—Бросятся въ Писаніе, и ну — рыться. Въ Писаніи, какъ я говорилъ, не изложенъ планъ здаціи церкви, но содержатся только нѣкіе неясные намеки на него. Нападая на такіе намеки и истолковывая ихъ по своему, они берутъ ихъ въ основу плана здаціи церкви и немедля приступаютъ къ устроенію самой церкви. Какъ одинъ изъ нихъ

береть одно въ основу своей церкви, другой другое, третій трестье: то у каждаго выходитъ своя церковь, непохожая на другія. Выходить, сколько умовъ, столько плановъ церквей, сколько плановъ, столько и церквей. А настоящей ни одной. Разность ихъ, сама бросающаяся въ глаза, довольно сильное должна бы подавать вразумленіе, что ниодинъ изъ фабрикантовъ ихъ не попалъ на слѣдъ истины. Но какъ всё они имѣютъ въ основаніи нѣчто отъ Писанія, то всякой изъ нихъ затрудняется признать себя ошибающимся, а напротивъ твердить, что онъ только одинъ и попалъ на слѣдъ должный. Такъ и стоятъ сіи церкви одна подлѣ другой,—всѣ почитая себя настоящими церквами, и не будучи ниодна такою.

Я парочко объ этомъ тебѣ толкую, чтобъ ты вѣдалъ, что коль скоро кто зачинаеть рѣчь вести о томъ, что будто нѣтъ истинной церкви Божіей на землѣ, то это навѣрно фабрикантъ церковный, замышляющій сфабриковать новую церковь, — и вѣдая сіе, напередъ заключалъ, что какъ бы мудро и красно на видъ ни повелѣ опъ дѣла, несомнѣнно не попадетъ на истину и сфабрикуеть поддѣльную церковь. — Если нѣтъ на землѣ апостольской церкви, то гдѣ же съ нашимъ умишкомъ додуматься до того, какъ она устроена была Апостолами? Нечего потому и братья за это дѣло возустрасія Божіей церкви. Да вѣдь и не для чего.—Есть на землѣ Апостольская церковь, по пеложному обѣтованію самого Господа. Эти фабриканты церковные двояко виноваты: и тѣмъ, что берутся за дѣло, къ которому не призваны и способовъ не имѣютъ, и тѣмъ, что не трудятся увидѣть истинную церковь Божію, которая по пеложному обѣтованію Божію должна быть на землѣ до скончанія вѣка, или парочно искривляютъ глаза свои, чтобъ не видѣть се, когда она стоитъ во очію ихъ. Этотъ трудъ исканія и обрѣтенія истинной церкви былъ бы достоинъ похвалы; а этотъ трудъ—фабрикованія церкви смѣха достоинъ. Тотъ спаситель, а этотъ въ пагубу ведетъ и фабрикующаго и увлекающихся въ слѣдъ его.

Вотъ и вашъ повшакъ, ты думаешь, спроста мычется тамъ у васъ по городу? Нѣтъ, и онъ конечно загадалъ сфабриковать свою церковь. Вѣдай же и толкуй всѣмъ, что хоть не совсѣмъ ясно, какую онъ задумалъ сфабриковать церковь, но то несомнѣнно, что и она не будетъ истинною. Нечего потому и тянуться къ нему, — а особенно намъ, сынамъ истинной Божіей апостольской церкви. Ужъ конечно не мудрѣе онъ всѣхъ предшествовавшихъ ему фабрикантовъ церковныхъ. Потому нѣтъ сомнѣнія, что и плодъ трудовъ его будетъ такой же.

Ты передавалъ мнѣ рѣчи нѣкоторыхъ, что-де и онъ говорить о церкви, даже напечаталъ объ этомъ. Ужъ не подумалъ ли ты, что это говорить онъ о православной церкви, такъ какъ прежде былъ сыномъ сей церкви? Но гдѣ же у тебя, — или у васъ тамъ, — глаза? — Вы же вѣдь бывали у него на собраніяхъ? Есть ли тамъ хоть одна черточка маленькая изъ того, что бываетъ обычно въ православной церкви? Не говорю объ иконкѣ какой, даже крестнаго знаменія у нихъ нѣтъ, даже молитвы Господней не читаютъ, а вмѣсто сей божественной молитвы и другихъ нашихъ церковныхъ боголѣпныхъ молитвословій, поютъ какіе-то стихи, плохо составленные, скудные содержаніемъ, и въ добавокъ съ гудѣлкою (фисгармонією). А въ церкви-то Божіей онъ бывалъ когда либо съ тѣхъ поръ, какъ сбился съ пути? Бывали-ль въ ней и тѣ, которые увлечены имъ, съ тѣхъ поръ, какъ увлеклись? — Такъ нечего тебѣ и останавливаться, а прямо рѣшай, что и онъ, и оии совсѣмъ отпали отъ истинной церкви Божіей и суть отступники отъ ней. Вѣрить же ему въ томъ, что онъ напечаталъ, и на волосъ нельзя. Тамъ онъ рисуется предъ публикою всемірнымъ учителемъ, и чтобъ сразу не оттолкнуть отъ себя, поминаетъ и о церкви, и о другомъ кое-чемъ, не вѣруя ничему тому по православному, какъ надо полагать, потому, что онъ отложилъ все, бывающее въ православной церкви. Говоря о церкви, онъ вѣрно разумѣетъ какую либо заоблачную, — можетъ быть, —

ту, которую онъ сфабриковать задумалъ; но ужь никакъ нельзя полагать, чтобъ это была истинная православная церковь. Да въ этомъ и сомнѣваться нечего. Дома онъ совсѣмъ иначе о семъ говоритъ, иначе говоритъ и предъ слушателями, которыхъ считаетъ втянувшимися въ его лжеученіе. Иногда, можетъ быть, и ненамѣренно заговорившись проговаривался. Вотъ изъ этихъ случаевъ и получила въѣсть, что онъ церкви знать не хочетъ. Ты писалъ объ этомъ; передавалъ мнѣ нѣкій благоговѣйный священникъ чрезъ одно лице тоже, а нѣкто и напечаталъ въ Вѣстникѣ, что онъ учитъ, что ничего не нужно,—ни церкви, ни прочаго церковнаго. Вотъ три свидѣтеля.

Сбился я рѣчью на этого новшака вашего, — а имѣлъ въ мысли разсуждать вообще о не-настоящихъ церквахъ. Но не беру назадъ; пусть и это все идетъ въ строку.— Да впрочемъ это можно оставить и безъ оговорокъ. Потому что такое теченіе рѣчи привело насъ къ увѣренію, что вашъ новшакъ церкви Божіей знать не хочетъ, мечтая однакожь, что онъ чрезъ это нисколько не уклоняется отъ пути спасительнаго. Какъ для вразумленія его и увлеченныхъ имъ ничто столько не сильно, какъ указаніе, что для спасенія существенно необходимо состоять въ живомъ союзѣ съ единою истинною церковію Христовою; то къ сему указанію естественно и переходимъ, какъ и положили въ началѣ письма.

Говоримъ: желающему спастися необходимо быть въ живомъ союзѣ съ истинною церковію Христовою. Почему? — Потому что Господу угодно было въ ней единой совмѣстить все, потребное для спасенія.

Припомни, что у насъ съ тобою сказано въ третьемъ письмѣ, — что въ дѣлѣ спасенія надобно различать двѣ стороны: *то*, что Господь совершилъ нашего ради спасенія, — именно, стяжанныя Господомъ чрезъ воплощенное домостроительство блага во-спасеніе наше; и *то*, что мы должны дѣлать съ своей стороны для полученія спасенія, — наши въ содѣваніи спасенія труды. Изъ того и

другаго, — чрезъ сочетаніе ихъ въ лицѣ спасаемомъ, — спѣется дѣло спасенія. Всякому можно сказать: позаботься удостоиться пріятія сокровищъ спасенія, стяжанныхъ Господомъ, — усвой ихъ себѣ и употребляй какъ должно, и спасешься. Но сіе двоякое дѣло совершаться должно можетъ и совершается только въ св. православной церкви. Въ ней и благодатныя сокровища во спасеніе, и практика всего того, что отъ тебя требуется для твоего же спасенія, съ руководствомъ въ томъ, и словомъ и примѣромъ.

Слыша: позаботься удостоиться пріятія благодатныхъ сокровищъ спасенія, — ты невольно можешь придти къ вопросу: гдѣ же ихъ взять? Гдѣ придти съ ними въ соприкосновеніе и какъ вкусить ихъ? Они всѣ въ Господѣ, а Господь, стяжавъ ихъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца. Какъ досягнуть до Него? И кто силенъ къ тому? — На это скажу тебѣ: никакъ не досягнешь, и никто не силенъ къ тому; но не приходи отъ этого въ ужасъ. Господь вознесся на небо, а блага, Имъ для насъ стяжанныя, оставилъ на землѣ, ввѣривъ ихъ святой своей церкви.

Св. церковь православная есть сокровищница благъ спасенія. Что бы тебѣ ни нужно было для спасенія, — все то найдешь въ ней, — и только въ ней. Помимо ея и самъ Господь не даетъ сихъ благъ. Такъ благоволилъ устроить самъ Онъ. Ставъ Главою церкви, Онъ не иначе дѣйствуетъ во спасеніе наше, какъ чрезъ сіе тѣло свое. И не ищи къ Ею сокровищамъ спасенія другаго доступа. Его нѣтъ.

Господь Спаситель, яко ипостасная Премудрость, принесъ въ себѣ самомъ на землю, изъ таинницъ тріипостаснаго божества, всю спасительную премудрость. Но не удержалъ ее сокровенною въ себѣ самомъ, а сначала преподалъ ее Апостоламъ, заповѣдавъ имъ преподавать ее и всѣмъ вѣрующимъ изъ всѣхъ языковъ. Апостолы передали ее всему сонму вѣрующихъ, заповѣдавъ преемни-

камъ своимъ блюсти ее. И стала церковь столпъ и утверждение истины, которая, водворившись въ ней, пребываетъ въ ней и будетъ пребывать до скончанія вѣка. Хочешь вѣдать сію премудрость? Иди въ церковь православную, вѣрную блюстительницу всего, преданнаго Апостолами,— и у ней поучайся ей.

Кромѣ истины Господомъ и благодать бысть (Іоан. 1, 17). Воплотившись нашего ради спасенія, Онъ принесъ Себя въ жертву искупленія насъ, и открылъ тѣмъ путь нисхожденію къ намъ Духа Святаго съ благодатными силами своими. Отсюда два существеннѣйшихъ блага воплощеннаго домостроительства въ спасеніе наше,—оправданіе и освященіе. И ихъ оставилъ Господь на землѣ и ввѣрилъ ихъ своей церкви.

Въ церкви Божіей стоитъ, непрерывно приносимая, жертва тѣла и крови Господа, по заповѣди Его, и въ той силѣ, въ какой благоугодно было Господу установить сіе учрежденіе. Жертва сія приносится въ опредѣленное время; но какъ съ движеніемъ солнца и часть сей движется по землѣ съ востока на западъ съ промежутками, едва, или совсѣмъ не замѣтными; то само собою очевидно, что жертва сія въ каждое мгновеніе приносится на землѣ, или вѣрнѣе — непрерывно стоитъ. Господь ходатайствуетъ о насъ на небѣ предъ лицомъ Бога и Отца. Но тамъ пѣтъ крови. Кровь свою благоволитъ Онъ таинственно источать въ святой церкви своей, яко Глава ея, въ таинствѣ тѣла и крови. *Сіе творите*, заповѣдалъ Онъ, въ *Мое воспоминаніе*. *Сіе*, т.-е. тѣло ломимос, и кровь изливаемую, во оставленіе грѣховъ. Такъ оправдательный и ходатайственный покровъ простертъ и стоитъ надъ церковію,—привлекая и препровождая къ намъ всякія милости Божіи. Хочешь быть причастникомъ сихъ милостей? Бывай, сколько можешь чаще, на жертвѣ сей и общеніе съ ней держи, если не вкушеніемъ ея, то сокрушеніемъ и плачемъ.

Кровная жертва открыла путь нисхожденію къ намъ

Святаго Духа, отъ коего всѣ благодатныя силы, яже къ животу и благочестію. Безъ сихъ силъ спасенію нашему содѣваему быть невозможно. Необходимо потому всякому стяжать благодать Свят. Духа. Но непосредственно Духъ Святыи сошелъ только на Апостоловъ; послѣ же нихъ благодать Св. Духа сообщается вѣрующимъ уже не иначе, какъ чрезъ особыя средства, или таинства, по указанію Господа Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ учрежденныя. И таинства сіи ввѣрены св. православной церкви и суть въ ней единой. И стала церковь сокровищницею не истины только, но и благодати. Чувствуешь потребность благодати? Иди въ православную церковь, вступи къ таинствамъ, и получишь благодать, — всякую, какую възыщешь.

Возрожденія ищешь? Възыщи его въ св. православной церкви. Она, — и только она, — породитъ тебя водою и Духомъ, въ таинствѣ св. крещенія. — Дара Духа Свят. ищешь? Възыщи его во св. православной церкви. Она, — и только она, — преподаетъ тебѣ его въ таинствѣ миропомазанія. — Согрѣшилъ? Каешься и ищешь врачеванія душевныхъ ранъ и разрѣшенія узъ совѣстныхъ? Иди въ св. православную церковь. Она, — и только она, — въ лицѣ пастырей своихъ пріавшая власть вязать и рѣшить, разрѣшить тебя отъ грѣховъ и исцѣлитъ раны души твоей врачевательными обязаніями. — Нужду имѣешь и ищешь преискреннѣйшаго общенія съ Господомъ? Иди въ св. православную церковь. Она, — и только она, — давь тебѣ вкусить тѣла и крови Господа отъ жертвы Его, ея всегда приносимой, сдѣлаеть, что ты будешь въ Господѣ и Господь въ тебѣ, по неложному Его обѣтованію. — Ищешь положить благодатную основу семейству своему? Иди въ св. православную церковь. Она доставитъ тебѣ сіе благо, запечатлѣвъ благодатию брачный союзъ твой въ таинствѣ брака. — Немоцествуешь тѣломъ и ищешь врачеванія? Обращайся къ церкви святой. Она доставитъ тебѣ сіе благо и съ отпущеніемъ грѣховъ, чрезъ таинство елеосвященія.

Столько благодатныхъ сокровищъ ввѣренно св. церкви!—Приставниками же и раздаятелями ихъ поставлены сначала Апостолы, а потомъ ихъ преемники, которые и сами получаютъ особую на то благодать чрезъ таинство священства, въ церкви же Божіей. Таинство священства—верхъ таинствъ благодатныхъ: ибо безъ него остались бы недействительными и всѣ другія таинства,—и церковь превратилась бы въ безблагодатную.

Такъ упостасная Премудрость Божія, создавъ себѣ домъ св. церкви, утвердила въ немъ столповъ (отдѣлений) семь, и всѣхъ входящихъ къ ней, по ея призыванію, обильно питаетъ и напаяетъ разнообразною своею благодатию. Семь источниковъ благодати. Но два изъ нихъ текутъ неразлучно съ теченіемъ всей жизни спасаемаго. Это таинства — покаянія и свят. причастія, дающія благодать оправданія и благодать освященія,—благодати, источныя въ жизни спасительной. Они развиваютъ, укореняютъ, возвышаютъ въ духѣ человѣка все, потребное для спасенія. И чѣмъ кто чаще пользуется ими, тѣмъ успѣшнѣе зрѣетъ его духовная спасительная жизнь. А безъ этого, она скоро засаривается, вянетъ и гложнетъ.

Видишь, чтò ввѣрено св. церкви?! Не думай же и другому никому не позволяй думать, будто можно безъ живаго союза съ церковію устроить свое спасеніе, когда безъ сего союза съ нею нельзя нигдѣ найти и получить благодатныя силы ко спасенію. Да, живое общеніе съ церковію и есть пріятіе чрезъ ея таинства сихъ силъ. Почему живое общеніе съ свят. православною церковію столько же необходимо, сколько необходимо сподобленіе благодатныхъ во спасеніе силъ.

Вторую половину дѣла спасенія составляетъ собственный нашъ трудъ въ содѣваніи его. Казалось бы, что онъ долженъ быть совершенно предоставленъ свободѣ каждаго.—Предоставленъ, правда, но не вполнѣ. Св. церковь и сюда привтекаетъ своимъ влияніемъ и властію. Я разумѣю подъ симъ не указанія только и поощренія, но из-

вѣстные порядки и труды, исполненіе которыхъ есть содѣваніе того, что содѣвать требуется отъ насъ нашего ради спасенія. Извѣстные труды во спасеніе возлагаетъ св. церковь на вѣрующихъ, какъ долгъ, не стѣсня однакожь свободы къ самоохотнымъ въ томъже родѣ начинаніямъ и дѣяніямъ, а напротивъ поощряя къ нимъ и давая въ отношеніи къ нимъ руководство словомъ и примѣрами. Сама церковь возлагаетъ извѣстные труды во спасеніе, и потому, что желаетъ, чтобъ всѣ были какъ одинъ въ содѣваніи спасенія, и потому, что, считая труды тѣ необходимыми въ дѣлѣ спасенія, не полагается на свободную охотность къ нимъ каждаго по немощамъ самоудовольности нашей; а руководство свое даетъ въ прочихъ свободныхъ сего рода дѣлахъ и начинаніяхъ, потому что, по неумѣнію, иное дѣло и трудъ можно сдѣлать такъ, что вмѣсто пользы выйдетъ отъ того вредъ дѣлу спасенія.

Но вотъ ты и самъ все это увидишь ясно. Припомни, что у насъ сказано въ третьемъ письмѣ о лежащемъ на самомъ христіанинѣ долгѣ трудиться во свое спасеніе. Тамъ, по объясненіи, какъ зараждается въ насъ спасительная жизнь, показано, какъ затѣмъ должна быть она ведена, чтобы дойти до цѣли своей,—именно, — что рѣшившемуся содѣвать свое спасеніе и пріившему на то благодать, предлежитъ, дѣйствіемъ облагодатствованнаго духа своего, очистить душу и тѣло отъ страстей и перенастроить ихъ на всякое добро, чтобъ сдѣлать храмомъ достойнымъ Бога, обѣтовавшаго вселяться въ вѣрующихъ и ходить въ нихъ.

Не буду всего того повторять. Беру одно это главное положеніе: надо душу и тѣло очистить и перенастроить силою духа облагодатствованнаго.—Что для сего потребно? Потребны подвиги — для тѣла тѣлесные, для души душевные, для духа духовные: ибо и его надобно оживлять и укрѣплять, чтобъ онъ постоянно чувствовалъ себя обладающимъ силою властно дѣйствовать на душу и тѣло.

Тѣлесные подвиги нужны потому, что тѣло служить

сѣдалищемъ страстей. Не смиришь плоти, не будешь имѣть успѣха въ преодоленіи страстей. Надо потому претрудить плоть лишеніями пищи, сна, покоя и всякаго усладенія чувствъ. — Но угодница страстей и страстолюбивица есть душа. Ее потому еще больше, чѣмъ тѣло, надлежитъ взять въ руки и трудить. Въ ней возникаютъ помыслы и пожеланія страстные и влекутъ къ страстнымъ дѣламъ, потому что въ ней живутъ самыя страсти. Дѣло спасающагося—прогонять сіи страстные движенія, и на мѣсто ихъ возстановлять и водружать добрыя мысли, чувства и расположенія. Это дѣйствованіе, и все другое, чтò для сего дѣлается, составляетъ предметъ душевныхъ подвиговъ.—Наконецъ подвиги духа — молитва и богомысліе, и все, чтò для сего предпріимается, какъ вспомогательное средство.

На сіи подвиги указывалъ Спаситель въ пагорной бесѣдѣ, когда давалъ наставленіе, какъ поститься, творить милостыню и молиться. Подъ постомъ совмѣщены здѣсь всѣ подвиги тѣлесные, подъ милостынею—душевные, подъ молитвою—духовные. У содѣвающихъ свое спасеніе дѣйствительно дѣло такъ и идетъ,—что они проводятъ жизнь въ молитвѣ, добродѣланіи и постническомъ воздержаніи. И вотъ къ симъ-то дѣламъ св. церковь, обязывая вѣрующихъ къ трудамъ въ содѣваніи спасенія, и принаровляетъ нѣкоторыя свои законоположенія, порядки и учрежденія.

Какъ поприще для тѣлесныхъ подвиговъ, назначены въ ней св. посты,—однодневные въ среду и пятницу каждой недѣли, и въ нѣкоторые другіе дни года, и многодневные,—четыре большихъ поста.

Какъ поприще для душевныхъ подвиговъ, кромѣ тѣхъ-же постовъ, опредѣлены въ ней разныя благотворительныя учрежденія: больницы, богадѣлни, сиротопитальни, страннопріимницы.

Какъ поприще для духовныхъ подвиговъ, есть въ ней непрерывное послѣдованіе молитвословій церковныхъ, съ

наставительными на нихъ чтеніями и бесѣдами, — молитвословіи, обнимающихъ всю жизнь человѣка, въ разнообразныхъ ея направленіяхъ и положеніяхъ.

Не вдаюся въ подробное объясненіе всего сюда относящагося. Дѣлаю общее обозрѣніе или указаніе, чтобъ только ты видѣлъ, что все содержимое св. церковію, всѣ ея чины и порядки благочестныя цѣлесообразны и вѣрно направлены къ содѣванію спасенія всѣми вѣрующими. — Постъ погашаетъ похоть; добродѣланіе изгоняетъ гнѣвъ и раздраженіе; оба вмѣстѣ заграждаютъ главные источники страстныхъ движеній (т.-е. похоть и гнѣвъ), и воспитываютъ противоположныя имъ добрыя расположенія и настроенія. Молитвословія же, возвышая духъ горѣ и вводя его въ общеніе съ областію божественною, даютъ ему вкусить духовныхъ стихій, чтобъ потомъ ими одухотворяютъ душу и тѣло и все окрестъ человѣка.

Всѣ эти установленія св. церкви — молитвословія, посты, благотворенія, занимаютъ и обязываютъ все тѣло церкви, какъ одно лицо (въ маломъ видѣ—это приходъ). Но это не стѣсняетъ свободы каждаго, кромѣ сихъ общихъ трудовъ, избирать и держать свои частныя,—свои пощенія, свои молитвы, свои добродѣланія. Но св. церковь, какъ попечительная о спасаемыхъ мать, и на эту часть трудовъ вѣрующихъ простираетъ свою заботу, заповѣдуя приступать къ нимъ съ совѣта и по указанію духовныхъ отцевъ, и предлагая примѣры къ подражанію въ прежде жившихъ отцахъ и братіяхъ, каждодневно воспоминаемыхъ.

Прохожденіе всѣхъ такихъ трудовъ по указанію и руководству церкви составляетъ поприще общехристіанскаго *подвижничества*. Но въ церкви Божіей есть особія учрежденія, въ которыхъ подвижничество въ молитвахъ, пощеніяхъ и служеніяхъ всѣмъ съ забвеніемъ себя составляетъ исключительную цѣль. Исходя изъ коренныхъ потребностей духа и существеннѣйшихъ стремленій христіанскихъ, сія міроотрочная подвижническая жизнь,

бывъ проводима, какъ слѣдуетъ, скоро любимцевъ своихъ возводитъ на высшія степени христіанскаго совершенства и обогащаетъ ихъ, а чрезъ нихъ и христіанство, вѣдѣніемъ о духовныхъ вещахъ, недосызаемыхъ при прочихъ порядкахъ жизни.

Такимъ образомъ, какъ видишь, церковь Божія и для второй половины дѣла спасенія, т.-е. нашего труда въ содѣваніи его, содержитъ чины, учрежденія и порядки, исполняя которые, всякій, безъ особыхъ напряженій, въ раду другихъ движась, или въ общемъ тѣлѣ церкви состоя, содѣваетъ свое спасеніе мирно, не выдаваясь и не отставая отъ другихъ. И вотъ что я разумѣлъ, когда говорилъ въ первомъ письмѣ, что всѣ вы спасеніе свое содѣваете покойно и мирно. Ибо дѣйствительно такъ и есть, что всѣ живущіе по уставамъ свят. церкви и въ духѣ ея, идутъ спасеннымъ путемъ или спасеніе свое содѣваютъ.

Мы особо разсматриваемъ учрежденія и порядки церкви, дѣлающіе насъ причастными благодатныхъ сокровищъ спасенія, и дающіе намъ поприще для собственныхъ нашихъ трудовъ въ содѣваніи спасенія; но въ дѣйствительности они входятъ одни въ другіе, и живущій по нимъ отъ однихъ переходитъ къ другимъ, и нерѣдко всѣ проходитъ ихъ заразъ, какъ это бываетъ постами и вообще во время приготовленія къ исповѣди и св. причастію. Вотъ это и есть жизнь въ живомъ союзѣ со святою церковію и въ духѣ ея,—въ коей чрезъ таинства божественнымъ наитствуется человѣческое, а въ прочихъ чинахъ, — и особенно въ молитвословіяхъ, подкрѣпляемыхъ постомъ и добродѣланіемъ, — человѣческое возвышается до божественнаго, и благодатно духовный ростъ благоспѣется всесторонне.

Будемъ называть ее жизнію церковною. Примѣни теперь ее къ тому, что у насъ прежде положено необходимымъ ко спасенію, и увидишь, что живя церковною жизнію, по всѣмъ порядкамъ и уставамъ св. церкви, ты

будешь вѣрнымъ исполнителемъ всего того, т.-е. будешь и вѣру св. соблюдать, и благодатию чрезъ таинства преисполняться, и вѣрно исполнять заповѣди и состоять подъ руководствомъ богоучрежденныхъ пастырей, — будешь, т.-е., вѣрно содѣлать свое спасеніе.

Какъ все сіе есть во св. церкви по памѣреніямъ самаго Господа о спасеніи нашемъ, то, живя жизнью церковною, ты будешь въ живомъ союзѣ и съ Господомъ и съ устроителями церкви, Апостолами, и съ продолжателями ихъ дѣла св. святителями, и съ вѣрными исполнителями всего—св. мучениками и св. отцами преподобными,—и спасеніе твое обезопасено, если пребудешь вѣренъ сему союзу. Ты будешь какъ въ безопасной пристани, какъ въ крѣпкой оградѣ, какъ подъ несокрушимымъ покровомъ. Жизнь церковная и отъ міра тебя отградить, и отъ стрѣлъ невидимыхъ враговъ сохранить невредимымъ,—и непрестанно будетъ напаять тебя притоками духовныхъ стихій, подъ вліяніемъ которыхъ жизнь твоя христіанская будетъ обильно развиваться и зрѣть, восходя отъ силы въ силу, невидимо среди видимыхъ твоихъ трудовъ и дѣлъ. Чуждающіеся же церковной жизни бываютъ обыкновенно скудны духомъ и духовными движеніями, хотя во всемъ прочемъ являются исправными.

По сему можешь судить, сколь великъ злодѣй есть тотъ, кто отбиваетъ другихъ отъ церковной жизни. Онъ есть настоящій душегубецъ. Таковъ вашъ новшакъ, врагъ церкви Божіей и Божій.

Предупреждаю тебя, что если кому либо изъ лицъ одного духа съ вашимъ церквеотступникомъ придется прочитать строки сіи, то ты непременно услышишь: о, это есть оплотеніе христіанства,—или: это есть возвращеніе къ іудейству,—или другое что подобное. Зри, не ужасайся. Въ церкви есть видимыя учрежденія, но въ нихъ ничего нѣтъ плотянаго, а все духовно; есть уставныя законоположенія, но они совершенно чужды всякой примѣси іудейства. И главное,—все въ ней или отъ Господа не-

посредственно, или отъ Господа чрезъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ по внушенію Духа Святаго.

Все это я, можетъ быть, вздумаю, разъяснить тебѣ, поподробнѣе, въ слѣдъ за симъ. А теперь спасайся, и о мѣѣ Бога моли.

ЖЕЛАННАЯ ВСТРѢЧА.

(По поводу появленія новыхъ сектъ).

Около 37 года по Рож. Христовѣ, находившійся въ Самаріи діаконъ Филиппъ получаетъ отъ Ангела повелѣніе: «встань, и иди на полдень, на дорогу ведущую изъ Іерусалима въ Газу; на ту, которая пуста». Онъ всталъ и пошелъ (Дѣяній Ап. 8, 26—27).

Главною обязанностію діаконѣвъ того времени было пещись о столахъ для вѣрующихъ, чтобы Апостоламъ, возложившимъ на нихъ эту службу, было удобнѣе пребывать постоянно въ служеніи слова (—6, 2—5); однакожь кругъ дѣятельности ихъ не ограничивался совершенно попеченіемъ о столахъ, но они являлись иногда въ качествѣ пособниковъ Апостоламъ и въ служеніи слову, такъ называемыхъ благовѣстниковъ (—21, 8).

Конечно посланный Ангеломъ діаконъ не зналъ сначала опредѣленно, съ какою цѣлію онъ посылается такъ далеко—на пустую Газскую дорогу. Однакожь онъ всталъ и пошелъ. Единственное предположеніе, къ которому должны были привести его указанное мѣсто и также самая пустынная дорога изъ Іерусалима въ Газу,—это то, что онъ долженъ здѣсь оказать помощь кому-то, въ чемъ-то нуждающемуся. Но въ чемъ именно?—знать онъ не могъ: въ пустынѣ такъ во многомъ можетъ нуждаться путникъ, кто бы онъ ни былъ, что не выдавъ его и не выслушавъ его нужды, невозможно заранѣе угадать ее.

Можетъ быть путникъ нуждается въ подкрѣпленіи пищею тѣлесною; но можетъ статься и то, что онъ сомнѣвается, правильный ли и прямой избранъ имъ путь, не заблуждается ли онъ и гдѣ прямая дорога къ цѣли? Естественно, что погруженный въ эти думы о цѣли своего посольства, проникнутый сознаниемъ своей обязанности пешихъ о комъ должно, Филиппъ зорко и внимательно присматривался на дорогѣ ко всему, что было кругомъ его, чутко прислушивался къ каждому звуку въ пустынь—не зовутъ ли его на помощь? И это напряженное состояніе духа и тѣла, несмотря на извѣстную продолжительность, въ немъ не ослабѣвало. Предположенія должны были разрѣшиться такъ или иначе. До слуха Филиппа доходятъ наконецъ какіе-то звуки; пустынная дорога перестаетъ быть пустынною и молчаніе ея прервано. Все яснѣе и яснѣе слышно, что кто-то ѣдетъ. Не тотъ ли это — кто нуждается въ его помощи, ради которой онъ послалъ?

Понятно, что теперь Филиппъ, какъ и слѣдовало въ его положеніи посланнаго, весь превратился во вниманіе, въ зрѣніе, въ слухъ. И вотъ,—говоря словами дѣяписателя, который конечно получилъ точныя свѣдѣнія о происшествіи или отъ самого Филиппа, или отъ другихъ достовѣрныхъ людей, слышавшихъ разсказъ изъ устъ его,—мужъ Еѳіоплянинъ, евпухъ, вельможа Кандакѣи, царицы Еѳіопской, хранитель всѣхъ сокровищъ ея, прѣзжавшій въ Іерусалимъ для поклоненія, возвращается и сидя на колесницѣ своей читаетъ книгу (ст. 27—28).

Эти подробности въ повѣствованіи, хотя и не всѣ — потому что Филиппъ изъ дальнѣйшихъ разговоровъ съ путникомъ могъ узнать многое, — тѣмъ не менѣе совершенно достаточно свидѣтельствуютъ о томъ, что Филиппъ замѣтилъ отчетливо національность ѣхавшаго и можетъ быть угадалъ его высокое общественное положеніе. Но какой бы помощи могъ требовать и ждать отъ пѣшаго бѣднаго діакона этотъ ѣдущій въ колесницѣ вельможа?

Отъ внимательнаго Филиппа однакожь не ускользнуло одно очень важное обстоятельство: знатный путешественникъ очень внимательно, даже вслухъ, читаль какую-то книгу. Это обстоятельство, подмѣченное діакономъ въ путешественникѣ, легко могло освѣтить для него внутренней міръ евнуха, указать на то, въ чемъ именно могъ онъ ънуждаться и относительно чего Филиппъ могъ ему оказать помощь.

Не нами и не нынѣ только замѣчено, что очень многіе изъ людей, желая проникнуть въ смыслъ читаемаго, но не въ силахъ будучи уяснить себѣ его, перечитываютъ вслухъ и не разъ извѣстное мѣсто книги. Усиливаясь понять и не понимая, человекъ является въ одно и тоже время и въ положеніи преподающаго, какъ кто-то посторонній, и въ положеніи воспринимающаго. Неудовлетворенность ума, потребность его ясно представлять себѣ темное и выражается въ духовномъ и физическомъ напряженіи — неоднократномъ перечитываніи вслухъ. Понятно само собою, что состояніе неудовлетворенности, чувство духовнаго безсилія и беспомощности — состояніе тяжелое. А въ такомъ-то именно положеніи дѣховнаго безсилія и беспомощности и находился путникъ на пустынной Газской дорогѣ.

Позволимъ себѣ проникнуть нѣсколько болѣе во внутреннее состояніе этого путника, возвращавшагося на родину изъ Іерусалима, куда онъ около 37 года ѣздилъ для поклоненія, и читавшаго на обратномъ пути книгу. Читаніе книги не было для него только простымъ препровожденіемъ скучно тянущагося въ дорогѣ времени; не было оно и просто благочестивымъ упражненіемъ богомольца. Можетъ быть тотъ день и время дня, когда онъ ѣхалъ, были изъ тѣхъ палестинскихъ дней и временъ, когда отъ палящаго зноя ссыхаются уста, когда раскаленный солнцемъ воздухъ приводитъ въ совершенную истому, въ неспособность двигаться, читать, размышлять. Свой благочестивый обѣтъ онъ уже выполнилъ, какъ могъ, и

теперь ближе всего слѣдовало бы искать прохлады въ тѣни, отдыха отъ истомы. А ѣдущій читаетъ и читаетъ съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что на пустынной дорогѣ, гдѣ такъ естественно путника должна была бы развлекать всякая случайность, всякая встрѣча живаго человека, онъ даже и не замѣчаетъ за чтеніемъ идущаго стороною дороги Филиппа. То обстоятельство, что путникъ ѣдетъ изъ Іерусалима и ѣдетъ именно около 37 года, объясняетъ намъ его углубленіе въ книгу и вводитъ во внутренней міръ его. Эти данныя: пунктъ отправленія на родину, время пути и занятіе въ дорогѣ—чтеніе, даютъ возможность предположить, что умъ путника волновала масса вопросовъ высочайшей важности. Чтобы рѣшить ихъ на досугѣ, внѣ городской суеты, и успокоить возбужденный духъ, онъ въ дорогѣ, вдали отъ Іерусалимскаго шума, на свободѣ отъ многосложныхъ занятій и заботъ, которыя встрѣтятъ его съ прибытіемъ къ Египетскому двору, раскрываетъ книгу и въ ней надѣется найти отвѣтъ на тревожные вопросы. Но, къ несчастію, или книга не даетъ отвѣта, или онъ самъ не можетъ уловить его. И вотъ онъ снова перечитываетъ тѣ мѣста изъ книги, которыя казалось должны разрѣшить его вопросы, его сомнѣнія; перечитываетъ вслухъ и такъ громко, что идущій рядомъ съ колесницей Филиппъ, несмотря на шумъ производимый ѣздою по каменистой дорогѣ и звонкимъ топотомъ коней, улавливаетъ не только вообще матерію, но узнаетъ автора книги... А на вопросы свнуха все нѣтъ отвѣта... Какъ ни усиливается онъ уразумѣть смыслъ чтомага мѣста,—для его собственныхъ силъ, безъ помощи другаго болѣе сильнаго, оно оказывается для него неудоборазумительнымъ (2 Петра 3, 16). Какъ ни желаетъ онъ снять покрывало при чтеніи ветхозавѣтной книги,—оно остается лежащимъ на его умѣ и сердцѣ; остается не снятымъ потому, что оно—покрывало—снимается Христомъ (2 Кор. 3, 1—15).

Какое же покрывало застигало умы и сердечныя очи

нашего путника изъ Іерусалима и что именно—какой предметъ для уразумѣнія оно застигало? На что искалъ онъ въ книгѣ отвѣта? Какіе вопросы рѣшить онъ желалъ? И не заглядывая въ книгу и не прочитывая того мѣста изъ нея, понять которое напрягался путникъ, кажется заранѣе можно угадать хотя въ общихъ чертахъ тѣ вопросы, которые волновали его умъ. Эти вопросы вѣдвигало предъ очень многими время, когда онъ ѣхалъ, и мѣсто, откуда ѣхалъ. И быть не могло, чтобы евнухъ былъ однимъ изъ пришедшихъ въ Іерусалимъ, который не зналъ бы о происшедшемъ въ немъ въ сіи дни (Лук. 24, 18), не рассуждалъ бы по поводу этихъ происшествій, не въ углу происходившихъ (Дѣян. 26, 26), и не слышалъ о новомъ ученіи, наполнявшемъ весь Іерусалимъ (Дѣян. 5, 28), объ апостолахъ, его распространявшихъ, и о происходившихъ по поводу его напряженныхъ спорахъ. Очень вѣроятно, что въ то самое время, когда поклонникъ изъ Египта находился въ Іерусалимѣ, произнесена была въ синедріонѣ громовая рѣчь о недавно свершенномъ убійствѣ Праведника, возвѣщеннаго пророками; произошло великое гоненіе на церковь и Савлъ дышалъ угрозами и убійствомъ на учениковъ Господнихъ (Дѣян. 7—9 гл.). Если въ виду бывшихъ тогда въ Іерусалимѣ споровъ, волненій и гоненій симпатіи поклонника и не могли хлопиться прямо на сторону новаго ученія, съ которымъ онъ, какъ пріѣхавшій изъ далекой страны, не могъ быть близко знакомъ; все-таки въ той или иной мѣрѣ, какъ знатный вельможа, онъ долженъ былъ заинтересоваться имъ, хотя бы съ тою цѣлю, чтобы сообщить нѣчто новое при своемъ дворѣ о событіяхъ Іерусалимскихъ; долженъ былъ познакомиться со взглядами на движеніе со стороны лицъ болѣе или менѣе важныхъ и вліятельныхъ въ странѣ и между прочимъ со взглядомъ знаменитаго и уважаемаго всѣмъ народомъ учителя Іерусалимскаго Гамалиила, который открыто высказалъ въ рѣчи членамъ синедріона: «если сіе предпріятіе и сіе дѣло отъ человеквъ, то оно разрушится; а если отъ

Бога,—то вы не можете разрушить его. берегитесь, чтобъ вамъ не оказаться и богопротивниками» (5, 38—39). Но еще болѣе, нежели какъ придворный вельможа, онъ долженъ былъ обратить вниманіе на событія въ Іерусалимѣ, какъ прозелитъ іудейства, какъ человѣкъ набожный (2, 5),—что доказывается его пріѣздомъ въ Іерусалимъ изъ страны очень далекой для поклоненія, слѣдовательно сопряженнымъ съ большими трудностями и неудобствами, особенно встрѣчающимися на востокѣ, по знойнымъ пустынямъ. Но онъ, какъ набожный, всёю пожертвовалъ для Іеговы и Его храма, а здѣсь неожиданно услышалъ толки, что христіанское ученіе грозитъ вытѣснить іудейскую религію. Что же останется для него—евнуха? Для іудейства онъ оставилъ грубое язычество и конечно къ нему воротиться немислимо. И въ то же время настойчиво говорятъ, что Ветхій Заѣтъ долженъ уступить мѣсто Заѣту Новому. Правда, послѣдователей новаго ученія гонятъ, какъ вредныхъ людей, какъ отступниковъ. Но что же значать эти новые ряды ихъ, все умножающіеся? Что значить далѣе это предостереженіе Гамалиила?—Евнухъ не хочетъ быть сознательно богопротивникомъ. Однакожь кто богопротивникъ при настоящемъ положеніи дѣлъ? Тотъ ли, кто считаетъ себя Моусеевымъ ученикомъ, или кто ученикъ Іисуса? Извѣстно, что съ Моусеемъ говорилъ Богъ; а объ этомъ Іисусѣ не знаютъ—откуда Онъ (Іоан. 9, 28—29). Своею рѣчью уважаемый Іерусалимскій учитель оставлялъ евнуха еще болѣе въ положеніи слѣпорожденнаго, нежели заклятые враги Іисуса. Въ его авторитетномъ словѣ онъ не находилъ отвѣта: кто же и откуда Онъ—этотъ произведшій такое раздѣленіе во мнѣніяхъ однихъ и нерѣшительность въ сужденіяхъ другихъ. Ждать—разрушится или нѣтъ Его дѣло? Но какъ узнать объ этомъ въ далекой Еѳіопіи? И какъ долго можетъ быть придется ждать, ждать съ мучительнымъ сомнѣніемъ—не богопротивникъ ли ты въ данную минуту? Такъ ждать мучительно невозможно. Кто же Онъ, этотъ Іисусъ? Какъ судить

о Немъ? Оставалось самому испытать писаніе и именно обратиться къ пророчеству, какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ,—среди протіворѣчивыхъ взглядовъ и боязливаго выжиданія, что покажетъ будущее, можетъ быть отдаленное еще,—не начнетъ ли отсюда разсвѣтать день и не взойдетъ ли утренняя звѣзда въ сердцѣ (2 Петра 1, 19)? Быть не можетъ, чтобы о такомъ Пророкѣ, сильномъ въ дѣлѣ и словѣ предъ Богомъ и всѣмъ народомъ (Луки 24, 19), съ явленіемъ котораго даже по признанію противниковъ Его связанъ вопросъ о возможности сдѣлаться богопротівникомъ, не увѣровавъ въ Него, ничего не сказали пророки. Къ пророку онъ и обратился, чтобы узнать: кто Онъ и откуда Онъ, какъ должно судить о Немъ?

Что именно эти вопросы, возбужденные въ душѣ свнуха недавними Іерусалимскими событіями и спорами, волновали ѣхавшаго,—объ этомъ можно заключить изъ выбора имъ извѣстной книги для чтенія и опредѣленнаго мѣста изъ этой книги, перечитывая которое, вѣроятно не первый разъ, онъ поравнялся на дорогѣ съ Филиппомъ. Не случайно конечно, а намѣренно свнухъ выбралъ для чтенія книгу пророка Исаи и съ особеннымъ вниманіемъ остановился на 53 главѣ этой книги. Съ этимъ центральнѣйшимъ, глубочайшимъ и высочайшимъ изъ всего, что содержится въ ветхозавѣтныхъ пророчествахъ, изображеніемъ раба Господня, какимъ онъ данъ Исаіею—ветхозавѣтнымъ евангелистомъ, было такъ много общаго изъ того, что слышалъ въ Іерусалимѣ самъ свнухъ объ Иисусѣ, Его добровольномъ страданіи, Его ученіи о Себѣ—какъ примирительной жертвѣ за грѣхи міра и пр. и пр.

И то, что свнухъ слышалъ объ Иисусѣ, и предупрежденіе Гамалила, и изображеніе раба Господня у Исаи—все это въ высшей степени тревожило умъ и совѣсть его. Среди разнорѣчивыхъ сужденій объ учителѣ изъ Назарета въ Іерусалимѣ, при уклончивой рѣчи знаменитаго фа-

рисея законоучителя, при мрачности пророческаго изображенія,—гдѣ найти опоры для правильнаго сужденія о лицѣ и значеніи событія? Легко было сдѣлаться богопротивникомъ, противъ чего предупреждалъ Гамалиилъ; но развѣ не такъ же легко стать въ нѣкоторомъ родѣ язвою общества, — членомъ назарейской ереси (Дѣяній 24, 5)? Кто же Иисусъ? Кто изъяснить родъ Его? О Немъ, или о комъ другомъ говоритъ пророкъ, къ которому обратился за разрѣшеніемъ недоумѣній евнухъ?

Между тѣмъ какъ хранитель всѣхъ сокровищъ Египетской царицы волнуется сомнѣніями, разрѣшить которыхъ не можетъ онъ и съ помощію книги пророческой, Филиппу, шедшему тоюже дорогою, повелѣвается подойти ближе къ колесницѣ. И идя рядомъ, о бокъ съ колесницею, Филиппъ слышитъ, какъ не замѣчая его присутствія путешественникъ громко читаетъ: «какъ овца веденъ былъ Онъ на закланіе и какъ агнецъ предъ стригущимъ его безгласенъ, такъ Онъ не отверзаетъ устъ своихъ. Въ униженіи Его судъ Его совершился. Но родъ Его кто изъяснить? ибо вземется отъ земли жизнь Его» (Ис. 53, 7—8).

Самоуглубленіе, усиліе разрѣшить волнующія его сомнѣнія, не позволяютъ путнику замѣтить, что рядомъ съ колесницей кто-то идетъ и внимательно прислушивается. Но это же громкое чтеніе и самоуглубленіе пробуждаютъ въ Филиппѣ ясную мысль, что путникъ находится въ затрудненіи.

Такъ вотъ для чего онъ вызванъ на пустынную дорогу! Вотъ кому онъ посланъ и долженъ помочь! И исполняя Божественное повелѣніе и прямую обязанность службы пещись о нуждающихся,—Филиппъ вдругъ спрашиваетъ читающаго: разумѣешь ли, что читаешь?

Бѣдный пѣшеходъ, прервавшій занятія важнаго вельможи такимъ страннымъ вопросомъ, могъ бы ожидать въ отвѣтъ или презрительное молчаніе, или даже обиду. Но вопросъ Филиппа былъ такъ прямъ, тонъ вопроса былъ такъ мягокъ и располагающъ, евнухъ такъ глубоко чувство-

валъ свое безсиліе, что отвѣчать на вопросъ могло только лишь смиреніе.

— Какъ могу разумѣть, если кто не наставитъ меня?— смиренно отвѣчалъ знатный евнухъ на вопросъ бѣднаго діакона.

Вѣроятно не болѣе, какъ только «прозелить вратъ», слѣдовательно вполнѣ сознавая, что онъ относительно разумѣнія Писаній есть невѣжда и неутвержденный,—неудобовразумительное въ нихъ по глубинѣ и высотѣ евнухъ легко могъ бы превратить къ своей собственной гибели, еслибы положился только на самого себя (2 Петра 3, 16). А этого онъ боялся. Онъ и чувствовалъ и опытно теперь зналъ, что пророчество въ Писаніи нельзя разрѣшить самому собою (2 Петра 1, 20). И надѣясь услышать отъ Филиппа разъясненіе мѣста изъ пророка и разрѣшенія своихъ недоумѣній, ничѣмъ доселѣ не разрѣянныхъ, попросилъ его взойти въ колесницу и сѣсть съ нимъ. Филиппъ конечно не замедлилъ отвѣтить на искреннее приглашеніе искреннимъ согласіемъ. И первый же вопросъ, обращенный къ Филиппу, былъ именно тотъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго зависѣло разрѣшеніе всякихъ другихъ сомнѣній и вопросовъ евнуха, вынесенныхъ имъ изъ Іерусалима. «Прошу тебя сказать, обратился онъ къ Филиппу, о комъ пророкъ сіе говоритъ: о себѣ ли, или о комъ другомъ» (Дѣян. 8, 29—34)?

Теперь для Филиппа стало совершенно яснымъ — для чего посланъ онъ такъ далеко на Газскую дорогу, — въ чемъ нуждался этотъ поклонникъ истиннаго Бога. Естественно, что недавно еще занимавшійся раздаваніемъ ежедневныхъ потребностей — Филиппъ отверзъ уста свои и начавъ отъ сего Писанія, то-есть имѣя исходнымъ пунктомъ для проповѣди ту самую главу, которую такъ внимательно читалъ предъ тѣмъ алкавшій познанія евнухъ, благовѣствовалъ ему объ Иисусѣ (ст. 35).

Неизвѣстно, какъ продолжительно было благовѣствованіе. Но вѣроятно ни Филиппъ въ сознаніи важности

долга и дѣла, ни евнухъ въ сознаніи важности разрѣшаемаго вопроса не замѣчали времени и пути, одинъ—благовъствуя, другой—жадно внимая благовъствованію и чувствуя, какъ мало-по-малу, все яснѣе и яснѣе начинается сія утренняя звѣзда въ его умѣ и сердцѣ (2 Петр. 1, 19), предвѣстница свѣтлаго дня.

Быстро течетъ время въ бесѣдѣ; не менѣе ярко разгарается въ сердцѣ евнуха свѣтъ разумнѣя и вѣры. И вотъ подъ лучемъ этого свѣта путникъ видитъ воду. А при видѣ воды, съ особою силою отзывается въ просвѣтляющейся душѣ чернаго Египтянина можетъ быть только что сейчасъ сказанное Филиппомъ слово о необходимомъ условіи вступленія въ общество Иисусово,—въ общество не богопротивниковъ, а примиренныхъ съ Богомъ смертію Богочеловѣка: кто будетъ вѣровать и креститься спасенъ будетъ; а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ (Мр. 16, 16). И ослѣненный этой мыслію, евнухъ спрашиваетъ: вотъ вода; что препятствуетъ мнѣ креститься?

Гдѣ бы ни раздался этотъ просящій о помощи голосъ,—въ Бео-Цурѣ ли (Ис. Нав. 15, 58), какъ думаютъ одни (Раумеръ. Палестина, стр. 181—182), или въ другихъ мѣстахъ, какъ думаютъ другіе (*idem* пр. 162. s. 182), между ними въ Вади ель-Хази (*el-Nazy*), какъ думаютъ третьи (Робинзонъ. Новыя библейскія изслѣдованія въ Палестинѣ. s. 364),—для насъ это все равно. Куда бы преданіе ни приурочивало фактъ,—онъ остается фактомъ. И здѣсь, и тамъ, и въ третьемъ мѣстѣ внѣшнихъ препятствій не было. Не въ нихъ было и дѣло. Но на желаніе крещенія, заявленное евнухомъ, благовѣстникъ отвѣтилъ: «если вѣрешь отъ всего сердца, можно».

Нашедшій успокоеніе въ разрѣшеніи своихъ сомнѣній, запримѣтившій въ своемъ сердцѣ и умѣ свѣтъ утренней звѣзды—предвѣстницы свѣтлаго дня,—что могъ сказать въ отвѣтъ Филиппу евнухъ, какъ не то: «вѣрую, что Иисусъ Христосъ есть Сынъ Божій». И немедленно онъ приказалъ остановить колесницу. «И сошли, говоритъ дѣепис-

сатель, оба въ воду, Филиппъ и евнухъ; и крестилъ его... и евнухъ продолжалъ путь радуясь (ст. 36—39). Послѣ водной бани возрожденія и обновленія посредствомъ слова (Еф. 5, 26), миръ, покой и радость спизопли въ недавно еще смущенную душу путника. Нищій Филиппъ обогатилъ богатаго (2 Кор. 6, 10), и хранитель всѣхъ сокровищъ Кандакии приобрѣлъ себѣ еще иное, высшее сокровище, которое ни моль ни ржа не истребляютъ, ни воры не подкапываютъ и не крадутъ (Мо. 6, 20). Чрезъ проповѣдь Филиппа онъ обогатился во Христѣ всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ (1 Кор. 1, 5). Обновленіе духа совершилось посредствомъ живаго слова, а не по ветхой буквѣ (Римл. 7, 6).

При наступленіи новаго года ни о чемъ, какъ кажется, нельзя говорить съ большою умѣстностію, какъ именно объ обновленіи. Когда же въ самомъ дѣлѣ умѣстнѣе сказать, что дрѣвнее прошло, теперь все новое (2 Кор. 5, 17), какъ не въ тѣ дни, когда только и слышится кругомъ поздравительная рѣчь: съ новымъ годомъ!

Однакожъ, недостаточно сказать, что старый годъ прошелъ и наступилъ новыи, чтобы намъ и самихъ себя счесть обновленными, новою тварью. Простая, обычная смѣна временъ доказываетъ только ту глубокую истину, что нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ (Еккл. 1, 4—9). Если мы страдательно участвуемъ въ этой смѣнѣ временъ, совершающейся помимо нашей воли и желаній, то слѣдовательно и съ наступившимъ новымъ годомъ для насъ собственно говоря не настало ничего новаго; и съ новымъ годомъ мы не обновляемся, и потому не имѣемъ права считать себя новою тварью. Только тотъ, кто во Христѣ, — истинно новая тварь (2 Кор. 5, 17), которая рождается благовѣствованіемъ (1 Кор. 4, 15. Филим. ст. 10).

Обновленіе человѣка есть вѣчный процесъ, который имѣетъ только свое начало, но не имѣетъ конца. Оно есть постоянное, вѣчное усовершенствованіе, начинаю-

щееся совлеченіемъ ветхаго человѣка и облеченіемъ въ новаго, который затѣмъ постоянно обновляется въ познаніи по образу Создавшего его (Кол. 3, 9—10), доколѣ онъ не придетъ въ мужа совершеннаго въ мѣру полнаго возраста Христова (Еф. 4, 13).

На этомъ ристалищѣ всѣ должны бѣжать, видѣть ясно цѣль и никогда къ ней не приблизиться (1 Кор. 9, 24), ибо идеаль недостижимъ (Мѡ. 5, 48). Этого мало. Процессъ обновленія не только требуетъ напряженія со стороны обновляющагося, но необходимо условливается напряженіемъ и со стороны обновляющаго. Этотъ послѣдній долженъ быть въ мукахъ рожденія новой твари, доколѣ въ дѣтяхъ не изобразится Христосъ (Гал. 4, 19). Отсюда видимъ, что процессъ обновленія есть дѣйствительно процессъ вѣчный; что стать новою тварью не значитъ только то, чтобы считать 1881 годъ *по* Христѣ вмѣсто 1880 года. Только тотъ, кто *во* Христѣ — новая тварь. А новая тварь, по Апостолу, должна быть и постоянно обновляющеюся. Безъ этого живаго постояннаго обновленія она естественно старѣетъ и при смѣнѣ ветхаго прошлаго времени новымъ, можетъ оказаться тварію ветшающею, или даже совсѣмъ ветхою. Это тѣ, которые безъ внутренняго обновленія страдательно, помимо воли и желанія, переходятъ изъ одного года въ другой. Въ сущности здѣсь—все старое и новаго нѣтъ ничего, какъ нѣтъ ничего новаго подъ этимъ солищемъ.

Да и чтѣ же можетъ быть новаго, если мы страдательно только мѣняемъ счетъ годовъ *по* Христѣ, а не *во* Христѣ? Нѣтъ ничего новаго; и мы пустословимъ, говоря другъ другу привѣтствіе: съ новымъ годомъ. Гдѣ же новое, гдѣ нравственный и умственныи ростъ, хотя бы на одинъ локоть (Луки 12, 25), какъ нѣчто новое, прибавившееся къ старому?

Есть не только отдѣльныя единицы человѣческія, но и цѣлыя народы, которымъ судя по времени надлежало бы быть учителями, но которыхъ еще нужно учить первымъ

началамъ слова Божія, для которыхъ нужно молоко, а не твердая пища. Всякій же питаемый молокомъ несвѣдущъ въ словъ правды, потому что онъ младенецъ. Твердая же пища свойственна совершеннымъ и которыхъ чувства навыкомъ приучены къ различенію добра и зла (Евр. 5, 12—14). Для остающихся младенцами,—будутъ ли это отдѣльныя лица, или цѣлыя народы,—накакой наступающій новый годъ не приносить ничего новаго. И въ прежнемъ—истекшемъ, и въ новомъ наступившемъ годѣ они одинаково остаются еще «недорослями».

Но мы вокругъ себя въ эти дни только и слышимъ поздравленія: съ новымъ годомъ! Съ новымъ годомъ! Всюду ожиданія новаго, надежды на новое, даже требованія новаго... А есть ли соотвѣтствіе между этими звуками, ожиданіями, надеждами и требованіями съ жизнію дѣйствительной? Въ самомъ ли дѣлѣ замѣтно обновленіе въ нашей жизни и въ тѣхъ поздравительныхъ звукахъ слышится ли правдивое слово, а не пустословіе и тѣмъ болѣе не обидный звукъ?...

Люди, близко стоящіе къ народной средѣ и внимательно слѣдящіе главнымъ образомъ за явленіями, касающимися народной правственности, замѣчаютъ наиважнѣйшее изъ явленій, отличающихъ современную русскую и въ особенности русскую простонародную жизнь. Явленіе это—стремленіе нѣкоторыхъ наиболѣе мыслящихъ людей народной среды къ духовному просвѣщенію и къ распространенію его. Въ основаніи этого стремленія, по замѣчанію нѣкоторыхъ наблюдателей, лежитъ сознаніе необходимости бороться съ пьянственными и другими раззорительными увлеченіями, пробравшимися въ настоящее время и въ крестьянскій міръ.

Не отрицая этого послѣдняго побужденія, иные наблюдатели даютъ стремленію въ средѣ народа къ духовному просвѣщенію основаніе болѣе глубокое и цѣль болѣе широкую. Положеніе освобожденнаго народа находятъ ужасно труднымъ въ томъ отношеніи, что онъ при новыхъ

условіяхъ его жизни *самъ* долженъ отвѣчать за свои дѣйствія и предъ людьми, и предъ своєю совѣстію, и предъ Богомъ. До отмѣны крѣпостнаго права и семейныя и общественныя его отношенія и всѣ вообще многообразныя явленія и положенія жизни опредѣлялись и устроались не его собственною волею, а волею и часто произволомъ и прихотями его опекуна—барина. Думать и распоряжаться во всѣхъ этихъ отношеніяхъ *по своему* было невозможно, такъ какъ надъ его волею стояла воля барина, которая за все и должна была отвѣчать и предъ людьми, и предъ его совѣстію, и предъ Богомъ. «Еслибы наша воля,—его барская воля», слѣдовательно и отвѣтъ. Теперь, съ измѣнившимися обстоятельствомъ, съ освобожденіемъ, простому народу *самому* приходится устроить порядки духовной жизни. Въ этихъ видахъ народъ берется за книгу, принимается изучать Евангеліе — книгу, которая затрогиваетъ и отвѣчаетъ на всѣ волнующіе его вопросы. Прежде всего народъ берется за Евангеліе; берется за него именно потому, что Евангеліе есть единственная книга, которая съ такой удивительной простотой раскрываетъ передъ совѣстію человѣка всю необъятную совокупность явленій, обнимающихъ правду человѣческихъ отношеній и нравственныхъ обязанностей. Кромѣ того, сильная надежда и сильная потребность найти въ книгѣ что-нибудь «для души», заставляеть крестьянина отдавать трудовыя копѣйки за другія назидательныя книги, часто очень неудовлетворительныя. Всякій согласится, что это отраднѣйшее явленіе. Оно означаетъ, что въ нашемъ народѣ совершается нѣчто новое,—паступилъ часъ пробужденія его отъ вѣковаго сна (Римл. 13, 11). Бывъ доселѣ младенцемъ, и потому помладенчески говоривши, помладенчески мысливши и помладенчески разсуждавши, онъ желаетъ стать мужемъ и оставить младенческое (1 Кор. 13, 11), оставить тѣ негодныя и бабьи басни, которыми столько времени жилъ, для истиннаго знанія, и упражнять себя въ благочестіи (1 Тим. 4, 7). Онъ на-

чаль сознать, что пробудившись отъ сна почи, ему какъ днемъ нужно и вести себя благоприлично, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству, ни сладострастію, ни распутству, ни ссорамъ, ни зависти (Римл. 13, 12 — 13).

Весьма отрадно, что нашъ народъ нуждается уже не въ одномъ молокѣ, которымъ доселѣ питался, а и въ твердой пищѣ (1 Кор. 3, 2); что онъ ищетъ обновленія въ познаніи по образу Создавшаго его; или, какъ самъ народъ говоритъ, въ немъ пробудилась потребность устроить жизнь свою «по-божески»,—пресобразоваться обновленіемъ ума своего, чтобы познать—что есть воля Божія, благая, угодная и совершенная (Римл. 12, 2). Хочетъ онъ стать по уму совершеннѣйшимъ (1 Кор. 14, 20).

Если все это такъ,—мы не напрасно поздравимъ себя съ наступившимъ новымъ годомъ! Мы дѣйствительно, а не страдательно, въ него вступили и поздравленія взаимныя вполнѣ приличествуютъ времени. Народъ ищетъ духовнаго просвѣщенія и съ этою цѣлю онъ прежде всего беретъ въ руки новозавѣтную книгу—Евангеліе. Отрадное явленіе!... Но при чтеніи этой единственной книги, хотя и на языкѣ понятномъ народу, онъ встрѣчаетъ многое такое, чего нельзя правильно разрѣшить и понять самому собою (1 Петра 1, 20), и при вопросѣ со стороны: разумѣешь ли, что читаешь?—готовъ повторить смиренное сознаніе евнуха: какъ могу разумѣть, если кто не наставитъ меня? Онъ сознаетъ нужду помощи тѣхъ вѣрныхъ людей, знающихъ священныя писанія, которые были бы способны учить другихъ (2 Тим. 2, 2; 3, 15). Онъ знаетъ, что нельзя быть учителемъ всякому, но только тому, кому дается проявленіе Духа на пользу—одному слово мудрости, другому слово знанія (1 Кор. 12, 7—8), а не всякому тому, кто желаетъ быть законоучителемъ, но не разумѣетъ ни того, о чемъ говорить, ни того, что утверждать (1 Тим. 1, 7). Поэтому, по словамъ близко стоящихъ къ народной средѣ—наблюдателей, изучая Евангеліе на русскомъ языкѣ, хотя и понятномъ, выучивая

его даже наизусть, крестьяне не рѣшаются полагаться на свое разумѣніе въ толкованіи темныхъ и непонятныхъ мѣстъ текста, а ищутъ указанія у людей болѣе знающихъ и болѣе ученыхъ. И вотъ къ ихъ услугамъ являются, къ сожалѣнію, разныя секты. Такъ открылась *новая секта* подъ именемъ «сѣтаевцевъ», старающаяся уложить свою жизнь въ нравственныя рамки Евангелія, но отрицающая церковь, потому будто что пичего поучительнаго въ ней нѣтъ; церковная служба происходитъ на непонятномъ языкѣ, Евангеліе читается на томъ же языкѣ безъ всякихъ толкованій (Моск. Церк. Вѣд. 1880 г. № 29).

Это явленіе уже никакъ нельзя назвать явлсіемъ отпаднымъ. И къ несчастію оно—не единичное явленіе. Люди близко стоящіе къ народу отмѣчаютъ фактъ появленія многочисленныхъ сектъ въ народѣ, читающемъ Евангеліе (От. Зап. 1880. Августъ стр. 250).

Самое появленіе этихъ новыхъ многочисленныхъ сектъ чѣмъ объяснить, какъ не тѣмъ, что взявъ въ руки Евангеліе, нашъ народъ находится въ томъ же положеніи, въ какомъ находился и свпухъ на пустынной дорогѣ въ Газу изъ Іерусалима, пока не встрѣтилъ Филиппа? Сомнѣній много, а разрѣшить ихъ не-кому: дорога безлюдна,—и вотъ беспомощные люди, певѣжды и неутвержденные, къ собственной своей гибели и гибели другихъ—превращаютъ писанія, толкуя ихъ по своему, какъ случится; потому что нельзя же оставаться съ однимъ сомнѣніемъ—правильно или нѣтъ понято что мос. Не безлюдна ли въ самомъ дѣлѣ та дорога, по которой идетъ нашъ народъ съ Евангеліемъ въ рукахъ, читая и не понимая въ немъ многого и требуя помощи со стороны лицъ, способныхъ учить,—или же тѣ священники и левиты, которыѣ обязаны ему помочь, хотя и идутъ тою же дорогою, и видятъ нуждающихся въ помощи, но проходятъ мимо (Луки 10, 31—32)?

Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, слушаемъ, что говорятъ люди стоящіе, по ихъ мнѣнію, близко къ народной

средѣ и наблюдающіе надъ явленіями въ ней совершающимися, и что говоритъ самый народъ, читающій Евангеліе и образующій многочисленныя секты.

И вотъ первые сѣтуютъ на пастырей, которые не умѣютъ понять всей важности и великости лежащей на нихъ задачи; сѣтуютъ о томъ, что вмѣсто того, чтобы помочь деревенскимъ кружкамъ, имѣющимъ почти всегда религіозный оттѣнокъ, ихъ причисляютъ къ сектамъ, начинаютъ преслѣдовать,—что и придаетъ кружку просто-мыслящихъ людей до нѣкоторой степени враждебную замкнутость. Они не прочь приписать самой православной церкви долю участія въ возникновеніи отщепенцевъ отъ нея (Отеч. Зап. 1880. Августъ стр. 253). Жалуются, что духовенство *своевременно* не приняло пастырскихъ мѣръ къ предупрежденію совращенія православныхъ въ штундизмъ. Когда же съ ученіемъ его крестьяне сознательно освоились, увѣщанія духовенства оказались по отношенію къ этимъ сектантамъ безуспѣшными. По поводу появленія секты «голубчиковъ» говорятъ, что нужна усиленная просвѣтительная дѣятельность среди народа со стороны нашего духовенства, которая такъ слаба теперь (Моск. Цер. Вѣд. 1880 г. № 23).

Сами сектанты, въ лицѣ «коликовцевъ», отрицающихъ церковь, говорятъ, что они *не видятъ настоящихъ крестителей*, которые бы исполняли спасительныя слова: аще кто не родится водою и Духомъ, не увидеть въ царствіе Божіе (Тамъже. № 27).

Почему бы и не ходить въ церковь, говорятъ сѣтаевцы, — дайте намъ такихъ священниковъ, какъ требуетъ Евангеліе, и мы пойдемъ къ нимъ и за ними. Но въ церкви нѣтъ ничего поучительнаго; Евангеліе читается на непонятномъ языкѣ безъ всякихъ толкованій (№ 29).

Итакъ если справедливо, что тѣ дороги, по которымъ идутъ наши свнухи — теперь уже различные штундисты, сѣтаевцы, коликовцы, голубчики и пр. и пр. — съ Евангеліемъ въ рукахъ, усердно изучая его и толкуя по своему, — эти

дороги пустынны и безлюдны, какъ будто нѣтъ на нихъ Филипповъ: то объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Гдѣ же въ самомъ дѣлѣ Филиппы? Развѣ они не посланы на наши, на русскія пустынные дороги?

Нѣтъ. Они посланы идти по всему міру и проповѣдовать Евангеліе всей твари (Мр. 16, 15); посланы идти и учить всѣ народы (Мѡ. 28, 19); посланы въ качествѣ пастырей и учителей «на дѣло служенія, для созиданія тѣла Христова, доколѣ всѣ прійдемъ въ единство вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершеннаго, въ мѣру полнаго возраста Христова; дабы мы не были болѣе младенцами, колеблющимися и увлекающимися всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству чловѣковъ, по хитрому искусству оболъщенія» (Еф. 4, 11—14). А если посланы,—значить должны идти. Чтожь они такъ долго не вышли на дорогу, гдѣ ихъ ждали нуждающіеся въ ихъ помощи своевременной? Зачѣмъ они такъ медлили въ Самаріи? Чтò ихъ такъ въ ней удерживало?

Конечно Самарія того времени, когда діаконъ Филиппъ получилъ здѣсь повелѣніе идти на дорогу пустынную, чтобы помочь евнуху Кандакіи, была не тѣмъ уже, чѣмъ была прежде. А прежде — она была вѣнкомъ гордости пьяныхъ Ефремлянъ. Здѣсь, прежде «патались отъ вина и сбивались съ пути отъ сикеры: священники и пророки спотыкались отъ крѣпкихъ напитковъ; побѣждены были виномъ, обезумѣли отъ сикеры, въ видѣніи ошибались, въ сужденіи спотыкались. Всѣ столы были наполнены отвратительною блевотиною, такъ что не было чистаго мѣста. Но въ то же время на укоризны истинныхъ пророковъ, пьяными лепечущими устами отвѣчали: кого хочеть онъ учить вѣдѣнію? и кого вразумлять проповѣдію? Отнятыхъ отъ груднаго молока, отлученныхъ отъ сосцевъ матери? Ибо все заповѣдь на заповѣдь, заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, правило на правило, тутъ немного и тамъ немного» (Исаи 28, 7—10). Въ этомъ пьяномъ городѣ и пьяномъ царствѣ «стражи стада были

нѣмыми псами, не могущими лаять, бредящими лежа, любящими спать; псами — жадными душою, не знающими сытости, смотрящими на *свою* дорогу, каждый до послѣдняго, на свою корысть. Приходите, — говорили они впрочемъ вызывая другъ-друга и на *общую* дорогу — я достану вина, и мы напьемся сикеры; и завтра тоже будетъ, что сегодня, да еще и больше» (Исаи 56, 10—12). Такова была Самарія встарь; но не такую она была при діаконѣ Филиппѣ. Тогда народъ Самарійскій, еще недавно изумлявшійся Симону, выдававшему себя за кого-то великаго, и внимавшій ему, единодушно внималъ уже проповѣди Филиппа, лишь только онъ началъ благовѣствовать о имени Иисуса Христа (Дѣяній 8, 5—12).

Ужели и посланныхъ Филипповъ современныхъ удерживаетъ выходить на пустынные наши дороги участіе въ тѣхъже «пьянственныхъ увлеченіяхъ», пробравшихся въ крестьянскій міръ, хотя съ ними нашъ русскій народъ желаетъ бороться, часто впрочемъ безсильно?... Страшно и оскорбительно было бы, еслибы это было такъ... Ужели совѣмъ не знаютъ наши пастыри, что «горе тѣмъ пастырямъ, которые пасли и пасутъ самихъ себя, которые ѣли тукъ и волною одѣвались, откормленныхъ овецъ закалали, а стада не пасли, слабыхъ не укрѣпляли, и больной овцы не врачевали, и пораненной не перевязывали, и угнанной не возвращали, и потерянной не искали, такъ что блуждаютъ овцы по горамъ и по всякому высокому холму, и никто не развѣдываетъ объ нихъ, и никто не ищетъ ихъ»? Конечно знаютъ, что «пастыри должны пасти стадо, а не самихъ себя» (Иезек. 34, 1—6). Поэтому лучше будемъ думать, что не пасеніе самихъ себя на современной тучной долинѣ сраженныхъ виномъ (Ис. 28, 1) причиною того, что современные Филиппы медлятъ выходить на пустынные дороги, гдѣ ждутъ ихъ толкованія читаемой и неразумѣваемой книги.

Или они считаютъ должнымъ оставаться въ городѣ до тѣхъ поръ, пока не будутъ облечены силою свыше (Луки 24, 49), чтобъ идти на пустынные дороги? Но не зна-

емъ, какая же сила могла бы накрѣпко и запретить имъ учить о имени Христовомъ (Дѣяній 5, 28. 40) на этихъ пустынныхъ дорогахъ, когда уже разъ навсегда Апостолу, а въ его лицѣ и всѣмъ его преемникамъ,—находившемуся въ городѣ, было сказано: вотъ три человѣка ищутъ тебя: «встань, сойди и иди съ ними, ни мало не сомнѣваясь» (Дѣяній 10, 19 — 20). А нашихъ Фялиповъ ожидаютъ и ищутъ не три человѣка,—ищутъ цѣлыя селенія. Спрашиваютъ: нѣтъ ли такой книги, которая бы нашу псалтирь разъяснила? Получаютъ, читаютъ, и снова говорятъ: псалтирь эта больно хороша, да только, бываетъ, что и не поймешь какое мѣсто; кабы не батюшка о. N, мы бы сами собою никакъ въ толкъ не взяли, да спасибо онъ разъясняетъ (Моск. Церк. Вѣд. 1880 г. № 16).

Уловленъ моментъ—и благо уловившему, пришедшему во время на помощь къ пуждающимся; благо и пуждавшимся. Не то бываетъ, когда моментъ опущенъ. Когда съ самоизмышленнымъ ученіемъ крестьяне сознательно освоятся, когда при недостаткѣ помощи со стороны они сами возьмутъ что либо въ толкъ, — никакіе доводы, никакія увѣщанія не разубѣждаютъ уже ихъ, и они остаются *при своемъ* толкованіи, *при своемъ* разумѣніи (Тамже №№ 23. 27). Народъ ухватывается за новую вѣру съ жаромъ, предается ей съ фанатическимъ ослѣпленіемъ (№ 23). Самочинные пресвитеры сектантовъ, задавшись одной цѣлію во что бы ни стало защитить и распространить въ народѣ новое ученіе, не только не задумываются надъ отвѣтами на возраженія, имъ предлагаемая отъ другихъ, но гораздо чаще стараются засыпать совопросника своими собственными возраженіями (№ 26). Обличители самочинныхъ учителей и ложнаго ученія, могутъ сказать имъ словомъ Апостола: «кто думаетъ, что онъ знаетъ что нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать» (1 Кор. 8, 2). А самочинный учитель, *по своему* толкуя и разумѣя тоже слово апостольское, отвѣтитъ, уже подготовленный къ тому,—не смиреннымъ вопросомъ евнуха: «какъ

могу разумѣть, если кто не наставитъ меня?» по самоувѣреннымъ отвѣтомъ: «помазаніе, которое мы получили, въ насъ пребываетъ и мы не имѣемъ нужды, чтобы кто училъ насъ; но какъ самое сіе помазаніе учитъ насъ всему и оно истинно и неложно, то чему оно научило насъ, въ томъ и пребываемъ» (1 Іоанна 2, 27). «Имѣемъ помазаніе и знаемъ все» (2, 20). Ему могутъ сказать, что только церковь есть столпъ и утвержденіе истины, — а бгъ отвѣчаетъ: «она въ насъ» (№ 29).

Ясное дѣло, что когда пропущенъ моментъ колебаній и исканія истины; когда это послѣднее безъ посторонней помощи разрѣшилось тѣмъ или инымъ вѣрованіемъ и оно по времени окрѣпло и успѣло подыскать для своей жизни какія-либо, хотя бы и ложныя въ основаніи опоры, — тогда борьба уже трудна. Ее-то теперь безуспѣшно и ведутъ по мѣстамъ наши пастыри. Но гдѣ они были, что удерживало ихъ выйти на пустынную дорогу съ словомъ толкованія въ то время, когда еще въ народѣ были одни исканія истины и не найденъ еще, не измысленъ былъ толкъ?

Или они и нынѣ еще поставлены жизнію въ такія тѣсныя условія, что оставивъ слово Божіе принуждены пещись — и не о чужихъ даже, а о своихъ столахъ, о ежедневномъ не раздаяніи, а добываніи для себя потребностей (Дѣяній 6, 1—2)? А если это такъ, то напрасны допросы и несправедливы были бы укоризны въ промедленіи. Давно уже замѣчено, что «мудрость книжная, — а потому и сообщеніе ея другимъ немудрымъ, — пріобрѣтается только свободнымъ временемъ, и не имѣющей много дѣла за собою можетъ пріобрѣсть мудрость (и передать ее, научить другихъ). А кто и обязанъ учить и въ то же время принужденъ управлять плугомъ, гоняетъ воловъ и занятъ работами ихъ и говоритъ только о воловьихъ прилодахъ, — тотъ по необходимости занимаетъ свое сердце только тѣмъ, чтобы проводить борозды, и забота его о выкормѣ телиць» (Сирахъ 38, 23—25).

Но по какимъ бы причинамъ ни случилось, что къ нашимъ еввухамъ на ихъ пустынные дороги не вышли или по крайней мѣрѣ не всѣ и не единодушно вышли—наши Филиппы съ толкованіемъ, съ объясненіемъ чтомага ими,—кто не согласится, что своевременная встрѣча, подобная встрѣчѣ, описанной въ книгѣ Дѣяній, была бы самою желанною встрѣчею; и кто не пожелаетъ, чтобы такая встрѣча состоялась? Кто не пожелаетъ, чтобы устранены были тѣ причины, которыя задержали появленіе нашихъ Филипповъ съ помощію еввухамъ въ самую трудную и вмѣстѣ самую важную для послѣднихъ минуту? Кто не пожелаетъ, чтобы наши Филиппы, лишь только коснется ихъ уха голосъ: встань и иди на ту дорогу, которая пуста, могли подобно Филиппу дней апостольскихъ, тотчасъ же встать и пойти?

А такихъ призывныхъ голосовъ и теперь и впереди еще будетъ много. Пожелаемъ же, чтобы въ новомъ годѣ на эти голоса свободно могли идти Филиппы, не промедляя въ нынѣшней за отвратительными столами Самаріи.

МІРЪ НАСЪКОМЫХЪ.

Пчелы и ихъ произведенія.

Когда намъ рѣвемся говорить о пользѣ, какую намъ приносятъ насъкомыя, первое насъкомое, которое приходитъ на разумъ — это пчела. Изъ произведеній, которыми даритъ насъ міръ насъкомыхъ, конечно самое прекрасное—это медъ, сладкая, янтарная, ароматическая жидкость, которую пчела, средствами своего организма, вырабатываетъ изъ сока и цвѣточной пыли растеній. Достоинство продукта отчасти зависитъ отъ качества матеріала но удивительное устройство механизма сохраняетъ свою силу при всѣхъ перемѣнахъ обстоятельствъ. Медъ, собираемый пчелами, во время цвѣтенія липы и шиповника, также отличается отъ меда, собираемаго съ полей цвѣтущей гречи, какъ и гречневый отъ меда тѣхъ мѣстностей, гдѣ пчелы собираютъ дань свою съ цвѣтущихъ луговъ поймъ; — но всегда отличается своимъ сладкимъ вкусомъ и специальнымъ ароматомъ, хотя иногда пчелы собираютъ его съ грязи болотъ и, даже будто бы, съ падали,—символъ мудрости, умѣющей отвсюду собирать одно только хорошее. Безъ блеска и треска совершаетъ пчела свой трудъ, и надо подумать, чтобы представить громадность результата микроскопическихъ работъ. Если даже съ каждаго цвѣтка пчела стала бы брать такое количество матеріала, что изъ него можно изготовить каплю, способную пристать къ кончику булавки,—и тогда какое невообразимое количество матеріи, труда, силы, терпѣнія,

искусства потребуется этому крохотному созданію для того, чтобы наполнить одинъ обыкновенный улей,—а кто сочтетъ, сколько ульевъ и дупль наполняется этимъ нектаромъ каждое лѣто! Исполнская работа пигмеевъ! Такъ, великое совершается въ тишинѣ, истинное достоинство не нуждается въ блескѣ, успѣхъ достигается трудомъ и терпѣніемъ. Соловей не отличается нарядными перьями, но извѣстенъ всемъ міру, какъ первое украшеніе весны и радость лѣсовъ. И пчела—скромное насѣкомое, которое равно услаждаетъ трапезу полудикаго обитателя лѣсовъ, пчеловода, и пышнаго богача — гастронома. *Мала есть въ пернатыхъ пчела, и начатокъ сладостей плодъ ея* (Сир. 11, 3. 4). *Иди ко пчелѣ и увѣждь: коль дѣлательница есть, дѣланіе же коль честное творить: еяже трудовъ царіе и простіи во здравіе употребляютъ, любима же есть всеми и славна: аще силою и немощна сущи, но премудростію почитаема произведется* (Прит. 6, 8)

И доселѣ петронутія гражданственностію страны избилуютъ первобытными благами и дарами. Луга не измѣренныя и неизмѣримыя питаютъ табуны дикихъ коней и стада воловъ; лѣса избилуютъ звѣрями и птицами для птицелова и звѣролова; рѣки полны рыбою, дупла деревьевъ и щели скалъ — сотами дикихъ пчелъ. А гдѣ нынче дикія пчелы?

Одинъ западноевропейскій путешественникъ, посѣщавшій древнюю Россію, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ, вѣроятно выдуманшій, но характерный по отношенію къ тому положенію, которое высказано въ предъидущихъ строкахъ. По его словамъ, непроходимые тогда лѣса нашей благословенной Московіи до того были богаты медомъ дикихъ пчелъ, что былъ-де такой случай. Поселянинъ, разыскивая дупла съ медомъ дикихъ пчелъ, нечаянно провалился въ старое дуплистое дерево, и завязъ въ накопившійся тамъ медъ по самую шею, такъ что никакъ не могъ выкарабкаться. Бѣдному сластолюбцу угрожала судьба Тантала, несмотря на изобиліе сладкой снѣди, если-

бы счастливый случай не спасъ его. Косматый князь лѣсовъ — медвѣдь, влекомый такою же нецивилизованною страстью къ чужому добру, *увѣдѣлъ медъ* чутьемъ, и полѣзъ въ тоже самое дупло, и, по мѣстнымъ условіямъ и удобствамъ сочелъ лучшимъ спуститься внизъ задомъ. Утопающій хватается за соломенку, а тонущій медовщикъ ухватился за счастливую идею, а затѣмъ за простоватаго медвѣдя... Застигнутый въ распахъ и ошеломленный нечаянностью, медвѣдь такъ быстро выскочилъ изъ предательскаго дупла, что извлекъ за собою и утопавшаго въ меду мордвина. Интересно представить двухъ лѣсныхъ красавцевъ, окрашенныхъ въ бурожелтый цвѣтъ...

А гдѣ нынче такія дупла-пропасти съ медомъ дикихъ пчелъ *)?—Тамъ, куда еще не проникла цивилизація истребительница и дикихъ пчелъ и дикихъ звѣрей,—медвѣдей.

Древнѣйшія племена человѣчества, подобно нашему древнему соотечественнику и его товарищу медвѣдю, занимались только отыскиваньемъ готовыхъ даровъ природы и даровыхъ плодовъ труда трудолюбивѣйшаго изъ насъкомыхъ, т.-е., попросту сказать, — грабили. Это продолжается и доселѣ у народовъ, живущихъ, какъ говорится, «на лонѣ природы». Тамъ еще есть пчелы живущія въ своихъ собственныхъ ульяхъ, въ дуплахъ и скалахъ. Такъ называемый каменный медъ въ нѣкоторыхъ частяхъ Америки, прозрачный какъ вода и весьма жидкій, есть не что иное какъ продуктъ дикихъ пчелъ, которыя привѣшиваютъ къ скаламъ свои соты изъ тридцати или сорока восковыхъ ячеекъ, похожихъ на виноградныя грозды. Въ южной Америкѣ большое количество меда собирается изъ сотовъ, устраиваемыхъ въ деревь-

*) Виргилій въ Георгикахъ еще говоритъ вотъ что: „часто рои подъ землею, въ дуплахъ, и даже ущельяхъ каменныхъ скалъ собираютъ жилище. Будь ихъ хранитель!—Щели ихъ ульевъ замазываютъ глиной и сдѣлай теплѣе. Трещины крова листьями съ деревь покрой отъ пенастья“ (Вѣст. Евр. 1816 дек. № 23. 24).

яхъ *Trigona Amalthea*.—Жители Цейлона тщательно отыскиваютъ въ лѣсахъ медъ дикихъ пчелъ, равно какъ и жители Парагвая. Готтентоты на мысѣ Доброй Надежды охотятся за гнѣздами дикихъ пчелъ. Проводникомъ въ этой охотѣ служить имъ птица, извѣстная подъ именемъ медовой кукушки. Медовая кукушка въ этомъ случаѣ какъ-бы указываетъ путь человѣку. Она, испуская тихій выразительный крикъ, перелетаетъ съ дерева на дерево и охотнику остается слѣдовать за птицей - доносчикомъ, которая не замедлитъ остановиться возлѣ дуплистаго дерева съ пчелинымъ гнѣздомъ. За эту услугу Готтентоты всегда вознаграждаютъ медовую кукушку, оставляя для нея часть своей добычи. Романистъ Фениморъ Куперъ въ своемъ произведеніи *Лугъ* превосходно описываетъ, какъ въ Америкѣ охотники за пчелами отыскиваютъ дикіе ульи. Для этого они помѣщаютъ въ извѣстномъ мѣстѣ доску, только что выкрашенную бѣлою краскою, на которую кладутъ куски хлѣба, покрытые сахаромъ или медомъ. Пчелы собирая съ хлѣба медъ или сахаръ обмазываютъ краскою свое тѣло, и тогда не трудно услѣдить за ними при возвращеніи въ улей. На о. Бурбопъ есть особый видъ пчелы, которая производитъ замѣчательный и весьма цѣнный сортъ — ароматическій зеленый медъ, который какъ драгоцѣнность вывозится въ Индію. За то медъ Бразильской осы производитъ головокруженіе и боль въ желудкѣ *). Въ древности медъ съ береговъ рѣки Меандра имѣлъ одуряющее наркотическое свойство, будтобы потому, что окрестныя луга изобиловали чемерицею. Въ необозримыхъ лѣсахъ Америки въ дуплахъ водится дикая порода пчелъ — безъ жала. Медъ этой дикой пчелы темный и дурнаго качества. Дикіе туземцы американскихъ лѣсовъ собираютъ медъ медоклада, и при этомъ съ безпечною необразованнаго человѣка, раззоряютъ и гнѣзда этихъ драгоцѣнныхъ пасѣкомыхъ. Въ наше время начали

*) Подробность о медѣ дикихъ пчелъ и охотѣ за ними извлечены изъ соч. Керби, Спенса и Л. Фигье.

приручать (то-то!) пѣкоторыя породы медоклада, устроенная для нихъ помѣщенія въ глиняныхъ горшкахъ, или въ деревянныхъ ящикахъ *). (Подробности см. Нива 1874 г. № 51).

Пчелъ много родовъ: лигурійская, извѣстная древнимъ римлянамъ и грекамъ, египетская и др. виды, которыхъ пасчитывается отъ 10 до 12 (водятся въ Сенегалѣ, на мысѣ Доброй Надежды, на остр. Мадагаскарѣ, въ Восточной Индіи, на о. Тиморѣ и т. д.). Латинское имя прирученной пчелы—*Apis mellifica*, пчела медодѣлица, медоносная, еще бы лучше дополнить другимъ: пчела воскодѣлица, потому что къ пчеламъ относятся и такія насѣкомыя, которыя умѣютъ готовить медъ, но не умѣютъ дѣлать воскъ. Воскъ, изъ котораго строятъ свои неправильныя ячейки шмели, не похожъ на пчелиный: онъ мягокъ, тягучъ и буроватаго цвѣта. Пчела кукушка не готовитъ ни меда, ни воска; — она кладетъ свои яички въ гнѣзда шмелей. Пчелы кукушки до такой степени на самомъ дѣлѣ похожи на шмелей, что онѣ спокойно могутъ войти въ гнѣздо послѣднихъ, не возбудивъ къ себѣ ни малѣйшаго подозрѣнія. Шмели довѣрчиво ихъ принимаютъ, какъ членовъ своего семейства, и даже воспитываютъ личинокъ этихъ безстыдныхъ гостей. Осы строятъ удивительныя въ архитектурномъ отношеніи гнѣзда изъ самодѣльной сѣрой бумаги, не собирая ни меда, ни воска. Ячейки ихъ сотовъ имѣютъ шестигранную форму и также правильны, какъ ячейки пчелъ. Шершни устраиваютъ висячую кровлю на манеръ колокола, и подъ нимъ, въ видѣ груши, сотъ съ шестигранными ячейками, отверстіемъ внизъ. Бумажный строитель или оса - картопщица изъ превосходнаго бѣлаго картона строить улей-вазу на тонкой пожкѣ, напо-

*) Медовлады всегда умирали при переселеніи въ Европу съ наступленіемъ первыхъ холодовъ, потому что это насѣкомое не можетъ существовать въ европейскомъ климатѣ. Зато и европейская пчела тамъ возвращается въ дикое состояніе.

минающую капустный кочанъ, а въ немъ ряды шестигранныхъ ячеекъ.

Господи! Сколько труда, ума, соображенія, красоты, прочности въ постройкахъ такихъ однолѣтнихъ маленькихъ тварей, которыхъ существованіе начинается и оканчивается съ двѣтами! И послѣ того дерзають еще отрицать бытіе Того Кто придумалъ для нихъ такіе разнообразные планы жилищъ, столь разнообразные матеріалы, положилъ такіе удивительные законы бытія, указалъ способы къ сохраненію и продолженію рода! Не такъ ли трудятся и маются, встають и смѣняются предъ лицомъ Твоимъ поколѣнія людей, смѣняются расы, исчезаютъ, возрождаются царства, пустѣють ульи, подобные Вавилону, Ниневіи, и вновь созидаются новые рои, новыя царства?.. *Ты же тойжде еси и льта Твоя не оскудѣютъ* (Пс. 101, 28).

Есть, мы сказали, пчела — медодѣлица, есть пчела — воскодѣлица. Къ помянутымъ титуламъ надобно прибавить третій: пчела общественная, *ζων πολιτικον*, потому что есть пчелы и необщественныя, одиночныя, которыя не знаютъ ни меду, ни воску, ни улья, ни роя, живутъ наподобіе дикихъ звѣрей. *Антофоры* свои гнѣзда, состоящія изъ растертой и размоченной въ слюнкѣ земли, строятъ въ щеляхъ старыхъ стѣнъ и въ землѣ. *Древогнѣздники* въ деревьяхъ выдавливаютъ галлерей, и тамъ кладутъ яички съ достаточнымъ количествомъ пыльцы и меда. Пчела - *каменьщикъ* строитъ свои гнѣзда возлѣ стѣнъ, въ твердой и растертой известковой землѣ. Пчелы *листорѣзы* дѣлають родъ трубки изъ листьевъ. *Антоконы*, или пчелы обойщики кладутъ яича въ твердой землѣ, выстилають гнѣздо листьями полеваго мака и покрываютъ ихъ землею: «покойся милый прахъ до радостнаго утра!—я больше уже тебя не увижу!»

Такимъ образомъ и между пчелами, какъ между людьми, есть большое разнообразіе, переходы отъ низшей расы къ высшей (какъ отъ Негра до Европейца), роды за-

нятій (землекопы, древодѣлы, камешники и охотники), разныя степени развитія. Домашняя пчела, постигнѣ, стоитъ на высшей степени гражданственности, почти человѣческой. У ней есть отечество — улей, есть государство —рой, есть глава правительства —матка, есть законы, субординація, классы общества: гвардія, воспитатели, рабочій людъ, и общій девизъ —трудъ, трудъ, трудъ для общей пользы! Еслибы въ человѣческихъ обществахъ, сверхъ того, что уже имѣють, господствовало такое же всеобщее трудолюбіе, такая же ненависть къ тупеядству и такая же любовь къ закону, къ порядку, къ повиновенію чего бы еще желать для общественнаго блага? Тогда остались бы почти одни естественныя бѣдствія, а соціальныя язвы и недуги исчезли бы; остались бы эпидеміи, а революціи исчезли бы; остались бы неурожаи —голодь, не было бы пролетаріата; жили бы на чужой счетъ калеки, больные, не было бы тупеядцевъ, сосущихъ чужой сокъ....

Нынѣ, когда изобрѣтены тростниковый, виноградный, свекловичный сахаръ, разныя патоки, сиропы, глицеринъ, — медъ нѣсколько утратилъ свое значеніе, какое имѣлъ въ прежнія времена, когда, по необходимости былъ первымъ украшеніемъ и услажденіемъ ястій и питій; но воскъ, пчелиный воскъ, есть предметъ, доселѣ незамѣнимый и незамѣняемый, хотя требуется во множествѣ техническихъ производствъ. Крахмаль, камеди, смолы, декстринъ идутъ сами по себѣ, а безъ воску все — таки не обойдешься. Воскъ Андекой восковой пальмы, китайскаго восковаго дерева, при всѣхъ ихъ качествахъ, не могутъ равняться съ пчелинымъ *). Еще очень недавно газъ, керосинъ,

*) И китайскій или японскій растительный воскъ есть тоже произведеніе насѣкомаго въ родѣ кошенили. Особаго рода насѣкомое величиною съ рисовое зерно, въ началѣ бѣлаго; а потомъ красноватаго цвѣта, владеть ячки на дерево; изъ личекъ выводятся черви, расплозаются по листьямъ и оставляють жидкость, изъ которой добывается восковое вещество —*не-ла* —бѣлаго цвѣта; съ масломъ изъ него дѣлаются свѣчи.

электричество замѣнили и вытѣснили употребленіе воска изъ общественныхъ зданій и домовъ знатныхъ и богатыхъ людей; а для освѣщенія храмовъ, и вообще при богослужебныхъ церемоніяхъ, онъ остается и доселѣ незамѣнимымъ. Свѣтъ его, подобный стеариновому, гораздо пріятнѣе свѣта деревяннаго масла и прежнихъ масляныхъ лампъ. Запахъ его не имѣетъ ничего противнаго и гораздо лучше чѣмъ запахъ деревяннаго масла или керосина. Церковное употребленіе его очень обширно. По словамъ Гумбольдта, «количество воска прежде сего ежегодно вывозившеся изъ Кубы въ Новую Испанію, гдѣ даже въ каждомъ небольшомъ селеніи его много расходуютъ во время церковныхъ праздниковъ, простиралось до 25,000 арробасъ, на сумму свыше 83,000 фунтовъ ст. Въ 1803 году воску изъ тогоже острова вывезено 42,670 арробасъ, на сумму 130,000 ф. стерлинговъ. Почти все количество воска, употребляемое въ Европѣ, и все, несравненно большее количество, сжигаемое въ Америкѣ, получается отъ обыкновенной ульевои пчелы; но въ послѣдней изъ названныхъ частей свѣта довольно значительное количество воска получается и отъ дикихъ пчелъ» (Кэрби и Спенсъ)*).

У насъ, на мѣстахъ исчезнувшихъ селеній, на склонахъ вновь размытыхъ овраговъ, по временамъ, открываются странные клады, памятники старицнаго богатства пчелами: дубовый *срубъ*, погребъ, колодезь—*набитый воскомъ*. При рѣдкости населенія, при небольшомъ числѣ церквей, при дурныхъ путяхъ сообщенія, при небезопасности дорогъ, при немногочисленности торговаго люда—этотъ драгоценный кладъ копился годами и затѣмъ, по обстоятельствамъ, такъ и остался тамъ, гдѣ положенъ.

А нынче, за недостаткомъ воска, образовался постыдный промыселъ. Алчные промышленники шныряютъ по

*) Восковыя свѣчи вывозятся изъ Россіи въ Молдавію и Грецію. Средній отпускъ ихъ 1844—1846=694 пуда. Арроба=28 русс. фунта. Настол. Словарь Толля.

селамаъ и соблазняютъ пчелковъ продавать ульи «на выдержку», т.-е. на погибель,—умертвить пчель и продать вмѣстѣ съ медомъ и воскомъ этимъ барышникамъ. Говорятъ, что изъ самыхъ этихъ убитыхъ пчель вытапливаютъ или выжимаютъ то количество воска, какое въ нихъ находится: ничто не пропадай! Корысть—мать варварства и неблагодарности. — Истожайте до основаній! Послѣ насъ хоть трава не рости!—

Пчеловодство—одно изъ древнѣйшихъ занятій человѣка и возникло, вѣроятно, вмѣстѣ съ земледѣліемъ и осѣдлостію. Первоначально конечно пользовались даровымъ медомъ дикихъ пчель. Медъ, который патріархъ Іаковъ, между прочими дарами, посылалъ правителю Египта (Быт. 43, 11), былъ, можетъ быть, еще медъ дикихъ пчель—*отъ плодовъ земныхъ*, т.-е. изъ самородныхъ произведеній страны. Медъ, который ввелъ въ искушеніе Іонаана, сына Саулова (1 Цар. 14, 26) и чуть не стоилъ ему жизни, былъ уже произведеніемъ пчеловодства—взятъ на пчельникѣ. Позднѣе пчеловодство было почетнымъ занятіемъ людей свободныхъ (т.-е. благородныхъ) наравнѣ съ земледѣліемъ и войною. На Египетскихъ памятникахъ часто изображается пчела въ лучахъ. Ефесъ чеканилъ на своихъ монетахъ изображеніе пчелы. Плиній утверждаетъ, что Аристомасъ 58 лѣтъ занимался наблюденіемъ нравовъ пчель, и что Филискусъ изъ Фракіи съ тою же цѣлію провелъ всю жизнь въ лѣсахъ. Виргилій воспѣвалъ пчель въ своихъ произведеніяхъ. Въ четвертой пѣснѣ Георгикъ (пѣсней о земледѣліи) онъ прекрасно описалъ все, что въ его время было извѣстно о природѣ и нравахъ этого насѣкомаго. Труды повѣйшихъ натуралистовъ и агрономовъ еще болѣе обратили вниманіе мыслящихъ людей на это чудное животное. Хотя истребленіе лѣсовъ, распашка луговъ подъ хлѣбные посѣвы вредно дѣйствуютъ на пчеловодство, занятіе столь прекрасное и прежде повсемѣстное, однако цѣнность меда и воска дѣлаеть уходъ за пчелами занятіемъ выгоднымъ и полезнымъ. Го-

ры, поросшія лѣсомъ, вересковыя пространства, пойма рѣкъ, кратко, — всѣ мѣста малоудобныя для земледѣлія доселѣ могутъ съ пользою служить занятіямъ пчеловода. На замѣчаніе, что въ Украинѣ пудъ сахара дешевле, чѣмъ пудъ меда, г. Бутлеровъ отвѣчаетъ, что это только около сахарныхъ заводовъ, но въ Петербургѣ разница цѣнъ настолько измѣняется въ пользу меда, что кромѣ собственно русскаго находятъ выгоднымъ привозить медъ даже изъ-за границы, изъ Германіи (Газ. Гатцука 1879 № 46). Пчеловодство даетъ 25—50% и пригодно для всякаго небольшого хозяйства, тогда какъ сахарное производство требуетъ уже капитала, машинъ, заведеній, фабричныхъ, заводскихъ пріемовъ — и все-таки воску не производитъ. А сравнивая цѣну сахара и меда, противники пчеловодства цѣнность воска какъ-то позабыли. Нѣтъ, въ мѣстностяхъ, благопріятствующихъ пчеловодству, оно есть занятіе превосходное, благородное, выгодное и, такъ сказать, нравственное: нѣтъ тутъ ни конкуренціи, ни прижимки рабочихъ, ни обмана въ добротности товара и пр., что сплошь и рядомъ встрѣчается въ практикѣ фабрикъ и заводовъ. Въ Украинѣ одинъ крестьянинъ имѣетъ отъ 400 до 500 ульевъ; въ Испаніи одинъ священникъ имѣлъ ихъ до 5000! Въ Америкѣ, этой странѣ обширныхъ предпріятій, есть пчеловодственное заведеніе, устроенное на гигантскихъ началахъ: оно занимаетъ огромныя пространства, владѣетъ тысячами ульевъ, передвигаетъ ихъ изъ штата въ штатъ. Если улей есть городъ, пасѣка — штатъ, то этотъ исполинскій пчельникъ есть копія Соединенныхъ Штатовъ въ миниатюрѣ. Этотъ случай даетъ намъ поводъ сказать нѣсколько словъ о кочевомъ пчеловодствѣ, которое практикуется въ разныхъ странахъ.

Подобно скотоводамъ Азіатскихъ степей и пчеловоды переселяются съ своими пасѣками съ мѣста на мѣсто. У насъ вся перекочевка ограничивается перевозомъ ульевъ на лѣто въ ближайшій лѣсъ или кустарникъ и уборкою обратно на зиму. Въ Испаніи это перемѣщеніе про-

изводится въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Когда жаркое лѣтнее солнце пожигаетъ траву на равнинахъ Андалузїи, Кастиліи, пчеловодъ перевѣшиваетъ ульи попарно на муловъ и петоропливо передвигается въ горы сѣверныхъ провинцій. Когда приближеніе зимы въ свою очередь уменьшаетъ добычу пчель и дѣласть негостепріимнымъ воздухъ Астурїи, Галиціи, онъ откочевываетъ на югъ, гдѣ зимняя прохлада освѣжаетъ воздухъ, и подъ вліяніемъ сырости снова появляется зелень и цвѣты. Странствіе, напоминающее патріархальныя времена и нравы. Тамъ дикія горы поросли розмариномъ, здѣсь цвѣтутъ и благоухаютъ лимонныя и апельсинныя рощи! Медъ съ цвѣтовъ померанца и граната! *Мала есть въ пернатыхъ пчела и начатокъ сладости плодъ ея* (Сир. 11, 34). Не даромъ и у Грековъ, богъ покровитель пчеловодства назывался Аристей (аристосъ—лучшій) и былъ сыномъ солнца.

Нѣтъ примѣровъ плавающего скотоводства (Китайцы впрочемъ съ своими птичками для утокъ переплываютъ съ мѣста на мѣсто), за то есть плавающее пчеловодство. «Нибуръ встрѣтилъ однажды на Нилѣ цѣлый транспортъ, состоявшій изъ 4000 ульевъ, которые перевозились изъ страны, гдѣ пора цвѣтовъ миновала, въ другую, гдѣ весна наступаетъ позднѣе. Колумелла говоритъ, что Греки подобнымъ образомъ ежегодно отсылали свои ульи изъ Ахайи въ Аттику. Точно такое же обыкновеніе существуетъ въ Италїи и даже въ Англїи, въ сосѣдствѣ съ тѣми мѣстами, гдѣ изобилуютъ верески». Какъ было бы прїятно видѣть плоть или плоскодонную барку, уставленную ульями, и тихо гуляющую по раздолью Волги между лѣсистыми горами и широкими, цвѣтущими лугами Поволжья! Есть плавающіе сады на озерахъ; отчего не быть и плавающимъ пчельникамъ на рѣкахъ?

При этомъ надобно обратить вниманіе на удивительный инстинктъ благороднаго насѣкомаго—находить мѣсто своего улья. Не очень удивительно, что пчела, живущая въ

осѣдломъ пчельникѣ, находить свой пчельникъ и знаетъ свой улей, хотя улетаетъ иногда на далекія разстоянія отъ него: ей примѣтны эти деревья, эти ручьи и долины, знакома вся окрестность. Но какъ она паходитъ свой пріютъ, когда панорама, ее окружающая, движется, окрестность каждодневно измѣняется? Не показывасть ли это, что кромѣ чутья, кромѣ инстинкта, у пчелы есть извѣстная доля разсудительности, соображенія? Она вѣроятно принимаетъ къ свѣдѣнію положеніе солнца, теченіе рѣки, направленіе вѣтра, характерныя черты окружающаго ландшафта: тростники Дельты, пирамиды Мемфиса, пальмы Оивъ,—и по нимъ располагаетъ направленіе своего полета и обратный путь къ своему дому и племени. На среднемъ теченіи Волги (подъ Нижнимъ), во время разлива, когда ширина водной поверхности достигаетъ пяти-верстаннаго пространства, пчелы нагорной стороны чутьемъ знаютъ, что тамъ, за Волгой, по островамъ цвѣтеть тальникъ, и летятъ туда за добычей. На обратномъ пути, обремененныя цвѣточною пылью, усталыя, борясь съ вѣтромъ, надъ обширнымъ воднымъ пространствомъ, не зная покоя ногамъ своимъ, онѣ гибнуть въ волнахъ: мученицы своего трудолюбія и долга!

Свящ. В. Владимірскій.

С Л О В А

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА

НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО СЕМДЕСЯТЬ ДЕВЯТОЕ *).

1) О животворномъ умертвіи, которое подастъ Духъ Святыи подвижающимся о спасеніи своемъ.

2) О томъ, что освободившіеся отъ работы закону сознательно приемятъ благодать божественнаго свѣта.

3) Каковъ долженъ быть іерей, пріявшій свыше власть рѣшить и вязать?

4) Тому, кто истинно священнодѣйствуетъ и осіявается божественнымъ свѣтомъ, явны всѣ люди.

1) Братія мои возлюбленные, внимайте добрѣ божественнымъ Писаніямъ, которыя слушаете. Ибо Господь нашъ повелѣваетъ намъ изслѣдовать Писанія для того, чтобы вѣрно узнать путь, ведущій ко спасенію, и чтобы шествуя потомъ симъ путемъ посредствомъ исполненія заповѣдей Христовыхъ, невозвращаясь вспять, достигнуть вѣрно сего спасенія душъ нашихъ, которое есть Исусъ Христосъ, какъ въ часъ рожденія Его возвѣстилъ пастьрямъ Ангель: *се благовѣствую вамъ радость велию, яже будетъ вамъ людемъ, яко родися вамъ днесь Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градъ Дави-*

*) Предшествующія Слова см. въ книжкахъ Душен. Чтенія 1879 и 1880 года.

довѣ (Лк. 2, 10. 11). Воспримемъ же всѣ мы, возлюбленные братья мои, ревность и скоро со всѣмъ усердіемъ потечемъ путемъ симъ, не обременяя себя никакою ношею, или никакою вещію мірскою, обычно неудобносною, чтобъ она не помѣшала намъ теши скоро и во время досиѣть и вйти внутрь града Давидова, и узрѣть тамъ Спасителя нашего Христа. Умоляю васъ, воспримите усердное попеченіе о спасеніи своемъ дѣйствующею въ васъ благодатию и не допускайте себя хоть и мало понерадѣть о немъ. Но какъ только пробудимся, какъбы отъ сна воставъ, отъ лукаваго мнѣнія (что у насъ все исправно) и нерадѣнія, не позволимъ себѣ ни постоять, ни присѣсть, пока не выбѣжимъ за предѣлы міра и внѣ его не обрѣтемъ и не узримъ Спасителя и Бога нашего, и падше не поклонимся Ему; но и здѣсь не дадимъ себѣ остановиться, а потечемъ далѣе и далѣе, пока самъ Спаситель не скажетъ намъ: *вы не отъ міра, но Азъ избрахъ вы отъ міра* (Ин. 15, 19).

Какъ же достигается то, чтобы не быть уже отъ міра?—Когда кто распнетъ себя міру и міръ себѣ, какъ говоритъ и Апостоль Павелъ: *мнѣ міръ распялся, и азъ міру* (Гал. 6, 14). Но какое сходство, спросишь, имѣютъ эти слова Апостола съ тѣми словами Христа Спасителя?—Слова различны, но мысль у обоихъ одна и таже. Ибо какъ находящійся внѣ дома не видитъ запершихся внутри, такъ распявшійся, или умершій міру никакого не имѣетъ чувства къ мірскимъ вещамъ; и еще какъ мертвое тѣло не имѣетъ никакого чувства ни къ живымъ, ни къ мертвымъ тѣламъ, лежащимъ подлѣ него: такъ и тотъ, кто благодатию Духа Святаго выйдетъ изъ міра и станетъ быть съ Богомъ, не можетъ имѣть никакого чувства къ міру или къ вещамъ міра.

Такъ-то, братья, бываетъ смерть, или умертвіе прежде смерти тѣла и прежде воскресенія тѣлъ бываетъ воскресеніе душъ,—дѣйствительное, опытно сознаваемое, истинное. Ибо когда смертное мудрованіе уничтожено бываетъ

бессмертнымъ умомъ, и мертвость изгоняется жизнью, тогда душа ясно видитъ себя воскресшею, какъ пробудившіеся отъ сна видятъ себя бодрствующими,—съ сознаниемъ, что это Богъ воскресилъ ее,—познавъ Коего и возблагодаривъ, поклоненіе Ему приносить и славословить безпредѣльную Его благодать. Тѣло же послѣ того не имѣетъ уже болѣе никакого движенія или воспоминанія о своихъ похотѣніяхъ и стремленіяхъ, но бываетъ для нихъ совершенно мертво и бездыханно. Бываетъ даже нерѣдко, что человекъ забываетъ самыя естественныя потребности, потому что душа его всегда мысленно привѣтаетъ въ томъ, что выше естества, какъ и подобаетъ ей; ибо Писаніе говоритъ: *духомъ ходите и похоти плотскія не совершайте* (Гал. 5, 16). Когда такимъ образомъ плоть сдѣлается мертвою, какъ мы сказали, благодатию всесвятаго Духа, тогда она оставляетъ насъ жить прочее безъ всякаго съ своей стороны осажденія насъ и препятствія намъ. Тогда исполняется сказанное Апостоломъ Павломъ: *праведнику законъ не лежитъ* (1 Тим. 1, 9), такъ какъ онъ живетъ уже жизнью, которая выше закона (т.-е. благодатною); ибо *идѣже Духъ Господень, ту свобода* (2 Кор. 3, 17),—свобода конечно отъ рабства закону. Законъ пѣтупъ есть, руководитель и учитель правды; ибо говоритъ: это дѣлай, а того не дѣлай. Благодать же и истина не говоритъ такъ, а какъ?—Ты будешь дѣлать и говорить все по благодати данной тебѣ и говорящей въ тебѣ, какъ написано: *и будутъ вси научени Богомъ* (Ив. 6, 45).

Таковые не изъ писмени познаютъ, что добро, но научаются сему благодатию Святаго Духа; и не научаются они божественному словомъ только, но свѣтомъ слова и словомъ свѣта таинственно. Достигнувъ сего, бываютъ они учителями и себѣ самимъ и ближнимъ, свѣтомъ міра и солю земли.

2) Тѣ, которые, прежде благодати Евангельской, состояли подъ закономъ, праведно сидѣли и подъ сѣнію за-

кона. Но тѣ, которые, по явленіи благодати, вступили въ свѣтъ и день, освободились отъ сѣни, т.-е., отъ рабства закону и стали выше закона, такъ какъ они высоко поднялись посредствомъ Евангельскаго житія, и живутъ съ законоположителемъ Богомъ, будучи и сами законоположители паче, нежели соблюдатели закона.

Но есть ли кто нынѣ имѣющій уши слышати, да слышитъ и постигаетъ силу того, что глаголется отъ Духа Святаго? Есть ли кто и теперь имѣющій умъ Христовъ да разумѣетъ добръ и боголѣпно то, что пишется Имъ? Есть ли кто и нынѣ имѣющій глаголющаго въ себѣ Христа, да возможетъ добръ изъяснить таинства, сокровенныя внутри словесъ Его? Ибо, говоритъ Апостоль, *премудрость глаголемъ не вѣка сего* престающую, *но премудрость въ тайнѣ сокровенную* (1 Кор. 2, 6—) отъ многихъ, намъ же щедро открываемую и уразумѣваемую добръ водящимися страхомъ Божиимъ и всегда къ Нему взирающими. Ибо мы не то, чего не знаемъ, говоримъ, но что знаемъ, о томъ свидѣтельствуемъ. Свѣтъ уже во тмѣ свѣтитъ, и въ нощи, и во дни, и въ сердцахъ нашихъ, и въ умѣ нашемъ, и осіяваетъ насъ невечерне, непреложно, неизмѣнно, неприкровенно,—глаголетъ, дѣйствуетъ, живетъ и животворитъ, и дѣлаетъ свѣтомъ тѣхъ, которые осіяваются Имъ. Богъ свѣтъ есть и тѣ, которые сподобляются узрѣть Его, всѣ видятъ Его, какъ свѣтъ, и тѣ, которые пріяли Его, пріяли, какъ свѣтъ. Ибо свѣтъ славы Его предъидеть предъ лицомъ Его, и безъ свѣта Ему невозможно явить Себя. Тѣ, которые не видѣли свѣта Его, не видѣли и Его, потому что Богъ свѣтъ есть; и тѣ, которые не пріяли свѣтъ Его, не пріяли еще благодати, потому что приемлющіе благодать приемлютъ свѣтъ Божій и Бога, какъ сказалъ самъ Свѣтъ Христовъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16).

Но тѣ, которые не сподобились еще пріять, или вкусить сего,—всѣ находятся еще подъ игомъ закона, еще состоятъ подъ сѣнію и образами, еще суть чада рабынины.

Пусть это будутъ цари, пусть патріархи, пусть архіереи или іереи, пусть начальники или подначальные, пусть міряне или монахи. Всѣ они еще во тмѣ сидятъ и во тмѣ ходятъ,—и не хотятъ, какъ должно, покаяться. Покаяніе есть дверь, которая выводитъ человѣка изъ тмы и вводитъ въ свѣтъ. Почему кто не вошелъ еще въ свѣтъ, тотъ очевидно не добръ и не какъ слѣдуетъ прошелъ чрезъ дверь покаянія. Ибо если бы онъ прошелъ чрезъ нее добръ, то непременно вступилъ бы въ свѣтъ. Кто не кается, согрѣшаетъ, что не кается. *Въ-дущему бо добро творити и не творящему грѣхъ ему есть.* Творящій же грѣхъ, рабъ есть грѣха,—и ненавидитъ свѣтъ, чтобъ не обнаружились дѣла его. Но всяко они обличатся. Есть два обличенія: одно здѣсь во спасеніе, а другое—тамъ въ осужденіе. Нынѣ, въ настоящей жизни, входя въ свѣтъ чрезъ покаяніе, самоохотно и самопроизвольно, мы хотя обличаемся и осуждаемся, но по благодати и человѣколюбію Божію, обличаемся и осуждаемся тайно и сокровенно, во глубинѣ души нашей, во очищеніе и прощеніе грѣховъ нашихъ. И только одинъ Богъ вмѣстѣ съ нами знаетъ и видитъ сокровенности сердець нашихъ. И кто здѣсь, въ настоящей жизни, бываетъ судимъ такимъ судомъ, тому нечего бояться другаго какого истязанія. Но тогда, во второе пришествіе Господне, на тѣхъ, которые нынѣ не хотятъ внити въ свѣтъ и быть имъ судимы и осуждаемы, но ненавидятъ его, откроется свѣтъ, сокрытый нынѣ, и сдѣлаетъ явными всѣ ихъ сокровенности. И всѣ мы, нынѣ укрывающіе себя и нехотящіе объявить сокровенности сердець нашихъ чрезъ покаяніе, раскрыты будемъ тогда дѣйствомъ свѣта предъ лицомъ Бога и предъ всѣмъ прочимъ,—что такое есмь мы нынѣ.

И помысли, какой великій стыдъ покроетъ тогда насъ? Какъ тотъ, кто, кроясь въ домѣ за запертыми дверьми и не будучи никѣмъ видимъ совнѣ, грѣшитъ безъ всякой опаски и зазрѣнія, блудствуетъ и другія творитъ срамоты

и мерзости, потомъ внезапно будучи открытъ за такими злыми дѣлами, покрывается превеликимъ стыдомъ и срамомъ; или, по другому сравненію, какъ тотъ, кто задумалъ возстаніе противъ царя, пока укрывается въ домѣ, небоязненно строить ковы свои, а потомъ, когда царь, узнавъ о томъ, придетъ со всѣмъ сипклитомъ своимъ, окружить домъ воинствомъ и велитъ распести его до основанія, такъ что навѣтникъ тотъ явится открытымъ предъ всѣми и со всѣми ковами своими,—поражается и страхомъ и стыдомъ, и предается заслуженнымъ казнямъ: такъ тогда подобно случится со всѣми сущими нынѣ на землѣ, тогда все откроется, и ночь какъ день просвѣтится. Тогда всѣ тѣ, которые не облеклись здѣсь во Христа, т.-е. не вошли въ свѣтъ, не пріяли свѣта и не стали сами свѣтомъ, какъ мы сказали,—всѣ такіе окажутся обнаженными, придутъ въ великій страхъ и трепеть, въ великую отвсюду тѣсноту. И не это только, но и каждое дѣло доброе и худое, каждое слово и каждый помыслъ нашъ, со времени рожденія до смерти, всѣ собравшись, явны будутъ тогда во всякомъ человѣкѣ. И тотъ одинъ стыдъ, какой испытывать тогда будетъ всякій, съ какимъ сравнить можно мученіемъ? Какое другое мученіе можетъ быть большее того стыда и страха, какимъ будутъ поражены тогда находящіеся нынѣ во тмѣ и не просвѣщенные Духомъ Святымъ? Сего ради, восподвигаемся, братія мои, нынѣ, въ настоящей жизни, пройти тѣсными вратами покаянія и узрѣть свѣтъ, иже есть впуоть его. Ей, молю васъ, не отступимъ, толкая и ища, пока не услышитъ насъ Господь нашъ и не отверзетъ намъ двери и мы не ввидемъ внутрь, и не воспримемъ свѣта, чтобъ хранить его въ сердцахъ своихъ неугасимымъ.

3) Не будемъ прельщать самихъ себя, и, послѣдуя волѣ плоти своей, не будемъ удаляться отъ Бога и уклоняться отъ прямого пути благочестія, который должны вѣдать всѣ мы, особенно же іереи, духовники, учителя, игумены, если дорого цѣнимъ и высокѣ чтимъ волю Божию и соб-

ственное свое спасеніе. Если Христосъ, когда послѣ того, какъ Онъ сказалъ Никодиму: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія*, Никодимъ изумился, говоря: *како можетъ человекъ родиться старъ сый? Еда можетъ второе внити въ утробу матери своя и родиться*,—если, говорю, его укорилъ Христосъ, сказавъ: *ты еси учитель израилевъ и сихъ ли не вѣси* (Іоан. 3, 3. 4. 10),—при всемъ томъ, что онъ еще былъ невѣрующій и не зналъ, что есть благодать: то какого осужденія достойны мы, которые бываемъ учителями по явленіи благодати, получаемъ такое богатое наученіе, и каждодневно еще учимъ бываемъ Апостолами, Пророками, Отцами церкви и самимъ Господомъ нашимъ,—и не знаемъ тайнства благодати? Если мы не знаемъ, какъ надлежитъ проводить пастырю жизнь, какъ должно обогащаться добрыми дѣлами и являть себя рабами правды Божіей, какъ общавшимся безукоризненно работать живому Богу,—ни того не знаемъ, какими надлежитъ намъ прежде сдѣлаться самимъ, чтобы потомъ руководствовать и другихъ: то скажи мнѣ, какъ можемъ мы быть достойны принять на себя попеченіе о Господнемъ стадѣ и охраненіи его? Какъ въ такомъ случаѣ возможно намъ пасти его по волѣ Пастыреначальника Христа и умѣть изводить его на присноживотныя пажити? Но—о, ослѣпленіе! о, невниманіе къ Богу и божественнымъ вещамъ! Заткнули мы уши свои, какъ аспиды, и стали какъ мертвые, глухіе, слѣпые, безгласные, не понимаемъ, что говорятъ божественныя Писанія, и не знаемъ, что такое христіанство. Но при всемъ томъ, что не знаемъ тайнства воплощеннаго домостроительства, не знаемъ точно и другихъ христіанскихъ тайнъ, безъ стыда однакожь беремъ учить другихъ о свѣтѣ вѣдѣнія. Вѣдѣніе не есть свѣтъ, но свѣтъ есть вѣдѣніе, ибо въ этомъ Свѣтѣ, и чрезъ Него и изъ Него все бысть. Если мы незнакомы съ зрѣніемъ сего свѣта, то обнаруживаемъ чрезъ то, что мы еще не родились и не вышли на Божій свѣтъ, но находимся еще во чревѣ или лучше сказать, мы—

мертвородные выкидыши. А между тѣмъ безъ стыда восходимъ на священныя степени; и, что хуже всего, большая часть изъ насъ, въ крайнемъ безстрашіи Божиѣмъ, покупаемъ священство за деньги и ищемъ предстоятельства въ Господнемъ стадѣ, не сдѣлавшись еще и агнцами. И все такое дѣлаемъ мы не по чему другому, какъ потому, что намъ такъ хочется.

Таковы ли были, братія, Апостолы? Таковы ли были преемники Апостоловъ? Таковы ли были богоносные отцы наши и учителя? Горе таковымъ по причинѣ ихъ страшной дерзости! Ибо тѣ, которые употребляютъ при семъ деньги и имѣютъ въ виду только деньги, не только предатели суть и святотатцы церковныхъ вещей, но они дерзаютъ торговать даже божественнымъ богатствомъ, т.-е. покупать и продавать даже самую благодать Святаго Духа. Почему не стыдятся говорить: наше есть вязать и рѣшить,—и это пріяли мы на сію жизнь свыше отъ Бога. О безстыдство, чтобъ не сказать, о крайнее безразсудство! Скажи мнѣ, прошу тебя, ты, говорящій такія слова, за какія добродѣтели пріялъ такую благодать свыше? За то ли, что оставилъ все и послѣдовалъ Христу? Что презрѣлъ славу міра сего? Что сталъ нищъ духомъ? Что продалъ все, чтò имѣлъ, и раздалъ то бѣднымъ? Что погубилъ душу свою, т.-е., умертвилъ ее для міра, и не давалъ ей оживать ни для какого посланія плоти? Но, говорятъ, вѣдь такова власть іереевъ. Знаю это и я, что она есть достояніе іереевъ, но не просто всѣхъ іереевъ, а тѣхъ, которые священнодѣйствуютъ евангельски съ духомъ смиренія и живутъ безукоризненною и добродѣтельною жизнію,—тѣхъ, которые прежде предали себя самихъ Господу и духовно представили Ему въ храмѣ тѣла своего чистое сердце, жертву совершенную, святую и благоугодную Господу,—были приняты къ вышнему жертвеннику и были принесены великимъ Архіереемъ Христомъ Богу и Отцу, какъ совершенное приношеніе, преложились и измѣнились силою Духа Святаго и преобразились во Христа, умершаго за насъ и

воскресшаго во славѣ Божества,—тѣхъ, говорю, іереевъ, которые каются, плачутъ день и ночь съ совершеннымъ смиреніемъ и молятъ Бога со слезами не о себѣ только самихъ, но и о братіяхъ, коихъ имѣютъ въ своемъ попеченіи, и о всѣхъ сущихъ въ мірѣ св. церквахъ Божиихъ, и много плачутъ о чужихъ грѣхахъ,—тѣхъ, которые не употребляютъ ничего кромѣ необходимой пищи и ничего не дѣлаютъ въ угожденіе и покой тѣла, но ходятъ, какъ написано, Духомъ и никакой похоти плотской не совершаютъ,—и тѣхъ еще, которые, ради правды и заповѣди Божіей, не предпочитаютъ ни бѣднаго, ни богатаго, ни власть имѣющаго, ни подвластнаго, ни даже самаго царя, равно какъ не презираютъ и не преступаютъ заповѣди Божіей, ни подъ предлогомъ милостины, ни изъ-за даровъ, ни изъ страха или любви, ни изъ-за какой либо другой вещи видимой или невидимой. Такихъ достояніе есть вязать и рѣшить, священнодѣйствовать и учить, а не тѣхъ, которые принимаютъ только отъ людей избраніе и рукоположеніе. *Никтоже*, говоритъ Писаніе, *самъ себя пріемлетъ честь, но званный отъ Бога* (Евр. 5, 4). Не сказалъ: тотъ, кому люди подають голосъ, и кто отъ людей пріемлетъ хиротонію, но кто на это предопредѣленъ и проручествованъ Богомъ.—Тѣ, которые бывають отъ людей и чрезъ посредство людей, такіе суть тати и разбойницы, какъ сказалъ Господь: *Азъ есмь дверь. Все, елико ихъ пріиде* и приходятъ не чрезъ Меня, а *прелазятъ инудъ, тати суть и разбойницы* (Ин. 10, 8. 1).

4) Не прельщайтесь же, братія мои; кто во тмѣ, тотъ за дверь; кто кажется вошелъ, но не чрезъ свѣтъ вошелъ, внѣ есть внутренняго двора и этоть. Ибо если Христось есть дверь и свѣтъ міра, то всячески дверь свѣтовидна, а не просто. только дверь есть. И тотъ, кто вошелъ въ нее, вступилъ въ свѣтъ міра. Свѣтъ же міра есть Христось,—не чувственно видимый, но мысленно созерцаемый. Чувственное сіе солнце просвѣщаетъ тѣлесныя очи не только людей, но и безсловесныхъ живот-

ныхъ. А Христосъ, умное солнце, явившееся въ міръ, просвѣщаетъ только разумныя души, но и ихъ не всѣхъ безъ разбора и не по достоинству. Онъ не есть тварь, или рабъ, опредѣленный на служеніе другимъ, какъ это чувственное солнце, сіяющее на праведныхъ и неправедныхъ, на злыхъ и благихъ. Христосъ хотя называется свѣтомъ и солнцемъ, но есть выше свѣта и солнца, какъ Творецъ и Владыка свѣта и солнца. Онъ есть жизнь и животворецъ, есть истина, правда и освященіе, простъ, несложенъ, благъ,—есть всякое благо и превышаетъ всякаго блага. Какъ истина, коею Онъ есть и именуется, бываетъ Онъ истинною для кающихся и обращающихся къ Нему истинно; какъ правда, бываетъ Онъ праведностію для возненавидѣвшихъ всякое зло и неправду; какъ освященіе, освящаетъ Онъ омывшихъ и очистившихъ себя слезами; какъ простой, простымъ обрѣтается Онъ въ тѣхъ, кои не кроютъ въ себѣ никакого лукавства, или злобы; какъ несложный, несложнымъ является Онъ въ тѣхъ, которые не имѣютъ никакого злоухищренія, или двоеумія или двоедушія, или безвѣрія душевнаго; какъ благій, благимъ открывается Онъ въ тѣхъ, которые духовныхъ дѣлъ покаянія не стѣсняють дѣлами тѣлесными, или мірскими заботами и хлопотами, и не мѣшаютъ мірскаго съ духовнымъ, но приступаютъ къ Нему въ незлобіи, обнаженными и простыми въ настроеніи сердца и произволеніи души, коихъ простоту и непытливость пріемлетъ Богъ и въ короткое время наполняетъ ихъ всякимъ добромъ, и какъ только откроется и явится въ нихъ, тотчасъ дѣлаетъ ихъ причастниками такихъ благъ, которыя превосходятъ всякой умъ и всякое помышленіе.

Кто же можетъ узнать таковыхъ, если и есть они во времена сіи? Ихъ узнаетъ тотъ, кто просвѣщенъ свыше благодатію Святаго Духа. Но кто говоритъ: я не знаю таковыхъ, а принимаю свидѣтельство другихъ, и на основаніи ихъ рукополагаю; таковой да вѣдаетъ, что если при такомъ порядкѣ впуститъ онъ волка въ стадо Христово,

то, хотя это будетъ учинено не сознательно, но все-же онъ виновенъ во вредѣ причиненномъ стаду Христову. Скажетъ иной: ктожь его знаетъ, что онъ волкъ? И я, вѣдь, человѣкъ и не могу знать, что кроется въ сердцѣ каждаго.—Но если кто не слѣпъ самъ, то нѣтъ ему возможности не узнать такого человѣка. Ибо кто, имѣя глаза, не различить овцы отъ волка, и татя отъ пастыря? Если же кто въ самомъ дѣлѣ слѣпъ для этого, то пусть поищетъ руководителя, а лучше пусть совсѣмъ отстанетъ отъ такого дѣла, чтобъ ни самому не быть руководителемъ другихъ, ни другаго не поставлять руководителемъ ихъ, хотя бы цѣлый міръ свидѣтельствовалъ, что онъ достоинъ. Кто смотритъ и слушаетъ духовно, тотъ, увидавъ человѣка и поговоривъ съ нимъ нѣсколько разъ, усматриваетъ самую душу его, т.-е. познаетъ, какова она и въ какомъ состояніи находится; даже по виду лица его узнать, сподобился ли онъ пріять Духа Святаго. Если же онъ, хотя пріять благодать, но не совершенъ еще въ благодати и не сдѣлался боговиднымъ, то тотъ, духовный, смотрящій на него и бесѣдующій съ нимъ, узнаетъ это по словамъ его; какъ сказалъ и Владыка нашъ Христосъ: *отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѡ. 7, 16). Какъ древо познается по плоду его, такъ и человѣкъ, что онъ за человѣкъ, познается изъ словъ его.

Познается впрочемъ это отъ тѣхъ, у которыхъ самихъ здравы умъ и чувства душевныя. Ибо не-таковыя не имѣютъ чувствъ и разсужденія для различенія даже дѣлъ человѣческихъ. Почему, видя постыжагося по тщеславію, хвалятъ его, а того, кто принимаетъ пищу, какъ обычно, но со смиреніемъ, осуждаютъ; того опять, который воздерживается со смиреніемъ, почитаютъ лицемѣромъ, а того, который ѣсть по чревоугодію, почитаютъ простымъ и нелукавымъ, любя и сами часто съ нимъ ѣсть, чтобы поблажать страстямъ своимъ. Также о тѣхъ, которые притворяются дурачками, говорятъ безвременно смѣшныя слова, припимаютъ нелѣпыя положенія и подвигаютъ дру-

гихъ на смѣхъ, думаютъ, что они такими видами шутили-выми и словами неумѣстными скрываютъ свою добродѣтель и безстрастіе, и почитаютъ какъ безстрастныхъ и святыхъ; а тѣхъ, которые ведутъ себя благоговѣнно и добродѣтельно въ простотѣ сердца, пропускаютъ безъ вниманія, почитая ихъ за людей заурядныхъ. Есть и такіе, которые человѣка говорливаго и показливаго почитаютъ учительнымъ и духовнымъ, а отъ человѣка молчаливаго, блюдушлаго отъ празднословія, отвращаются, какъ отъ высокоумнаго и горделиваго, и болѣе соблазняются его малословіемъ, чѣмъ назидаются, тогда какъ того, кто изворотливъ на словахъ отъ начитанности или многаго ученія, хотя онъ говоритъ иное лживо во вредъ спасенію ихъ, хвалятъ и любятъ много. И нѣтъ между такими никого, кто бы могъ добрѣ видѣть и различать вещи, какъ они есть воистину.

Ибо кто слѣпъ на одно, тотъ слѣпъ и на все, равно какъ кто глухъ на одно, глухъ и на все. Не бываетъ такъ, чтобы слѣпой одно видѣлъ, а другаго не видѣлъ, или чтобы глухой голосъ одного слышалъ, а другаго не слышалъ. Но какъ у слѣпаго, такъ и у глухаго обыкновенно зрѣніе и слухъ бываютъ вполне повреждены. Тоже бываетъ и въ отношеніи къ духовной жизни, что человѣкъ, не имѣющій чувства въ отношеніи къ одному, не имѣетъ его и въ отношеніи ко всему того же рода; и наоборотъ кто имѣетъ чувство къ одному, т. е. къ Богу, тотъ имѣетъ чувство и ко всему божескому, и чувствуетъ, кто каковъ есть въ семъ отношеніи. Будучи въ Богѣ, онъ въ Немъ видитъ и все,—видитъ себя самого, другихъ и все прочее. У кого открылись духовныя чувства, такъ что онъ умѣетъ и видѣть и слышать и чувствовать духовно, тотъ разумѣетъ, о чемъ здѣсь говорится; а кто не разумѣетъ, у того, явно, не здравы, а повреждены чувства душевныя. Находясь въ такомъ состояніи, онъ и не разумѣетъ, но приложися скотомъ несмысленнымъ и уподобися имъ.

Уподобившійся же безсловеснымъ животнымъ, если не обратится, не покается и не придетъ опять въ прежнее достоинство,—по благодати, стяжанной намъ Владыкою и Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ, Сыномъ Божиимъ чрезъ воплощенное Его домостроительство,—такимъ и пребудеть. Ибо престать ему быть таковымъ иначе нельзя, какъ облекшись въ образъ Христа Господа. Кто есть яко скоть несмысленный, тотъ еще не облекся во образъ Господа нашего Иисуса Христа, небснаго яловѣка и Бога; и поелику не облекся еще въ Него, съ чувствомъ и вѣдѣніемъ духовнымъ, то онъ есть еще кровь и плоть и не можетъ пріять чувства духовной славы посредствомъ слова, какъ и тѣ, которые слѣпы отъ рожденія, не могутъ мысленно представить свѣта солнечнаго по однимъ словамъ о немъ. Посему будемъ умолять Бога, да откроетъ Онъ очи души нашей, чтобъ увидѣть намъ умный оный свѣтъ въ себѣ самихъ, и тако прославлять Отца и Сына и Св. Духа, во вѣки. Аминь.

БЕСѢДА СЪ ПОПОВЦЕМЪ

О рукоположенныхъ отъ еретиковъ и обратившихся въ православіе безо всякаго чинопріятія.

Поповецъ: Напрасно такъ сильно настаиваешь, будто безъ воли епископа невозможно принять паствы обратившемуся отъ ереси іерею (или обратившемуся епископу безъ воли собора епископовъ). По исторіи извѣстны и такіе случаи, что рукоположенные отъ еретиковъ, по сознаниі своей ереси, въ православной церкви были пастырями безъ всякаго чинопріятія. Въ первомъ Дѣяніи седмаго вселенскаго собора читаемъ: «Діоскоръ вопреки духу канонѡвъ дозволилъ себѣ хиротонію на Константинопольскую епископію, возводитъ въ епископы ея нѣкоего Анатолія, явившагося въ Константинополь съ отвѣтомъ церкви Александрійской. Въ служеніи съ Діоскоромъ былъ и Евтихій. Анатолій, не зная что изъ этого выйдетъ, съ благодарностію сказалъ ему: гдѣ ты ни явился, вездѣ посвящаль. Это было въ консульство Протогена и Астерія. Тогда святѣйшій патріархъ Тарасій сказалъ: что вы скажете объ Анатоліи? Не былъ ли онъ предсѣдателемъ св. четвертаго собора? А между тѣмъ онъ былъ хиротонисанъ нечестивымъ Діоскоромъ въ присутствіи (сослуженіи) Евтихія». Далѣе читаемъ: «святѣйшій патріархъ Тарасій сказалъ: но и очень многіе изъ собравшихся на св. шестой соборъ были конечно хиротонисаны Сергіемъ, Пирромъ, Павломъ и Петромъ, учителями ереси моноелитской: такъ какъ они преемственно занимали Константинопольскую кафедру и послѣ Петра, который занималъ Константинопольскую

каедру послѣднимъ изъ нихъ, до шестаго собора прошло не болѣе пятнадцати лѣтъ, и самые архіереи: Оома, Иоаннъ и Константинъ, бывшіе (на Константинопольской кафедрѣ) въ вышепоказанный промежутокъ времени, были рукоположены вышепоименованными еретиками, и однакожь это не было поставлено имъ въ вину. Пятьдесятъ лѣтъ продолжалась тамъ эта ересь, но отцы шестаго собора анаѳематствовали (только) этихъ четырехъ, хотя и были сами ими рукоположены».—Св. соборъ сказалъ: «Да, очевидно».

Прочитавши все это, поповецъ сказалъ: если рукоположенные отъ еретикъ безъ всякаго исправленія, только при одномъ сознаниі истины, могли быть пастырями церкви православной, кольми паче приходящіе къ намъ іереи, обратившіеся отъ ереси, могутъ быть, по исправленіи чрезъ священника, пастырями церкви, безъ всякаго сомнѣнія.

Я отвѣтилъ: Правда, многократно случалось, что рукоположенные отъ еретиковъ послѣди въ церкви были пастырями безъ всякаго чиноисправленія, и никѣмъ не были за то обвиняемы, каковъ былъ и святой Протерій, патріархъ Александрійскій: онъ также былъ рукоположенъ Діоскоромъ еретикомъ въ протоіерея, хотя противился Діоскору въ проповѣданной имъ ереси (зри житіе его). Но рукоположеніе, совершенное отъ еретиковъ, тоцію тогда было приѣмлемо, егда оніи еретицы не были отлучены отъ церковнаго общенія всею церковію, или, яснѣе сказать, еще не были осуждены вселенскимъ соборомъ, еще не были извержены изъ сановъ своихъ, и посему еще не были лишены власти, въ хиротоніи преподавать дары св. Духа. Отъ нихъ до времени ожидали исправленія, являя къ нимъ долготерпѣніе. А посему хиротонисаннымъ отъ нихъ нужно было только отвергнуть ереси и принять православное исповѣданіе, а не порученныхъ имъ овецъ они не похищали, но со своими овцами обращались ко св. перкви. А что святѣйшій патріархъ Тара-

сій, когда говорилъ о хиротонисанныхъ отъ еретиковъ, говорилъ, какъ я сказалъ, о хиротонисанныхъ еще прежде ихъ соборнаго осужденія, а не о тѣхъ, которые были бы рукоположены еретиками послѣ ихъ осужденія, о томъ слыши судъ самого, тобою во свидѣтельство приведеннаго св. патріарха Тарасія, написанный въ томъже, тобою приведенномъ первомъ Дѣяніи седьмага Вселенскаго собора: «Святѣйшій патріархъ Тарасій сказалъ: если же кто дерзнетъ припятъ хиротонію отлученныхъ еретиковъ по провозглашеніи соборнаго опредѣленія и единомысленнаго мнѣнія церковей относительно православія: то подлежитъ низложенію».—Святый соборъ сказалъ: «Это сужденіе справедливо».

По прочтеніи сихъ словъ, я сказалъ поповцу: Видите судъ патріарха Тарасія и съ нимъ всего святаго собора о еретикахъ осужденныхъ соборнѣ вселенскою церковію: кто приметъ ихъ хиротонію, тотъ подлежитъ низложенію. Стало-быть, если на томъже соборѣ приводимы были примѣры обратившихся отъ ереси и принятыхъ церковію безъ всякаго чиноисправленія, то сіе относилось только къ тѣмъ, которые хиротонисаны были отъ еретиковъ, еще соборнѣ всею церковію неосужденныхъ, а именно отъ Діоскора прежде его осужденія и низложенія отъ патріаршества, отъ Пирра и его сообщниковъ прежде осужденія ихъ вселенскимъ соборомъ. Пріавшіе отъ нихъ рукоположеніе Іоаннъ Маркіоновъ, вовлеченный въ ересь Севира, и прочіе тому подобныя, сохранили рукоположеніе потому, что пріяли оное тогда, когда между православными и еретиками еще происходили только пренія и были противъ нихъ частныя осужденія, а не всеобще осуждены были они церковію, Когда же они общимъ судомъ церкви еще не были лишены даровъ св. Духа, какъ я выше сказалъ, имъ было нужно только отречься отъ ереси и принять православное исповѣданіе. Притомъ они не на чуждые престолы вступили и нечуждыхъ овецъ самовольно восхищали, но своимъ престоломъ владѣя и своихъ овецъ

паса, исправлялись въ вѣрѣ. Потому для вашихъ іереевъ, чуждую, не врученную имъ отъ Бога паству, самовольно похищающихъ, сіи примѣры образцомъ быть никакъ не могутъ.

Поповецъ: Какъ не могутъ? Святой Тарасій патріархъ говоритъ о пріятіи хиротоніи отъ еретиковъ неосужденныхъ сборомъ, на что ты и самъ согласенъ. Это весьма примѣнимо и къ намъ. Ибо и церковь грекороссійская никакимъ соборомъ суждена еще не была; посему, по словамъ св. Тарасія, и намъ отъ нея принимать священство нѣтъ никакого препятствія.

Я отвѣтилъ: Отъ неосужденныхъ соборомъ еретиковъ потому принималась хиротонія, что прежде соборнаго осужденія не почитали ихъ обнаженными даровъ благодати Св. Духа. А посему и требовали отъ нихъ только исправленія въ вѣроисповѣданіи. А вы, восхитивъ себѣ не дарованную вамъ власть и судъ, принадлежащей одному вселенскому собору, осудили всю православную вселенскую церковь, пимало не погрѣшившую въ догматахъ вѣры. Принимая приходящихъ къ вамъ отъ ней чрезъ мѣропомазаніе, вы этимъ признали ее осужденною и обнаженною даровъ благодати св. Духа въ ея таинствахъ, и несмотря на сіе вы отъ тѣхъ же, которыхъ, по чинопріятію вашему, почли осужденными еретиками, лишенными даровъ благодати св. Духа въ ея таинствахъ, отъ тѣхъ же, забывши свой судъ, какъ отъ неосужденныхъ пріемлете хиротонію, какъ обильную благодати св. Духа. Это ни съ чѣмъ несообразно, и вы несправедливо въ свое оправданіе, въ противность своему суду, приводите древніе примѣры принятія церковію рукоположенія, совершеннаго отъ неосужденныхъ еретиковъ. Эти примѣры, описанные св. Тарасіемъ, какъ показываетъ заключеніе его словъ, мною выше приведенныхъ, ясно говорятъ противъ васъ. Притомъ лица, о которыхъ говоритъ Тарасій, хиротонисанные отъ неосужденныхъ еретиковъ, приняты были вселенскимъ соборомъ, или общимъ согласіемъ пастырей,

а не самовольно себя оправдывали, и себѣ не присвоили не принадлежащихъ имъ овецъ, какъ ваши іереи. Въ томъ же первомъ Дѣяніи седьмаго вселенскаго собора о святѣйшемъ Ювеналіи патріархѣ Іерусалимскомъ сказано сице: «И потомъ Ѡаласій, Евсевій и Евстаѳій, почтеннѣйшіе епископы, сказали: «все мы согрѣшили, все просимъ прощенія». И за тѣмъ: «Вставъ вмѣстѣ съ ними, почтеннѣйшій епископъ Ювеналій перешелъ на другую сторону, и тогда воскликнули восточные и бывшіе съ ними почтеннѣйшіе епископы: «хорошо, что Богъ привелъ тебя, православный, хорошо, что ты пришелъ». Ясно, что этотъ случай нимало не можетъ быть образцомъ на пріятіе вашихъ іереевъ, пребывающихъ безъ епископства, и не имѣющихъ на порученіе другому іерею словесныхъ овецъ власти, которая бы дана была имъ отъ Бога.

Архимандритъ Павелъ.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Чудеса Христовы *).

Исцѣленіе разслабленныхъ.

Разслабленные—тоже что параличные, или разбитые параличемъ. Эта болѣзнь состоитъ въ потерѣ чувствительности или въ прекращеніи движенія въ какой либо части тѣла, или въ томъ и другомъ вмѣстѣ.—Въ самомъ началѣ общественнаго служенія Господа Иисуса Христа къ Нему приводили множество недужныхъ и въ числѣ ихъ разслабленныхъ, и Онъ исцѣлялъ ихъ (Мат. 4, 24). Въ Евангеліи также повѣствуется объ отдѣльныхъ случаяхъ исцѣленія разслабленныхъ. Такъ однажды положили предъ Нимъ разслабленнаго, лежащаго на одрѣ. Его несли четверо человѣкъ. За многолюдствомъ они не могли пробраться съ нимъ въ домъ, гдѣ былъ Иисусъ, обыкновеннымъ ходомъ, и потому приподняли часть кровли дома и чрезъ отверстіе спустили разслабленнаго къ ногамъ Иисуса. Иисусъ, видя вѣру ихъ, сказалъ разслабленному: дерзай, чадо, прощаются тебѣ грѣхи твои,—и затѣмъ, чтобы всѣ видѣли, что Онъ имѣетъ власть, яко Богъ, отпущать грѣхи, изрекъ разслабленному: встань, возьми одръ твой и иди. И онъ всталъ и пошелъ съ одромъ своимъ домой, слава Бога.—Въ другой разъ, Иисусъ Христосъ по просьбѣ римскаго сотника исцѣлилъ слугу его, лежавшаго въ разслабленіи и жестоко страдавшаго. Сот-

*) Стихи В. Канона, указывающіе на чудеса Христовы, приведены въ Октаб. книжкѣ Душ. Чтенія 1880 года.

никъ пожелалъ, чтобы исцѣленіе было совершено заочно. Онъ вѣрилъ, что всемогущая сила Иисуса не стѣсняется разстояніемъ, и что издали, однимъ словомъ Онъ можетъ также легко, какъ и вблизи, исцѣлять больныхъ. Иисусъ одобрилъ вѣру сотника и по вѣрѣ исполнилъ его желаніе.—Въ притворахъ Іерусалимской овчей купальни лежалъ одинъ расслабленный, въ надеждѣ, не удастся ли ему погрузиться въ воду въ то мгновеніе, когда возмущалъ ее ангелъ Господень и дѣлалъ ее цѣлительною на это мгновеніе. Иисусъ сжалился надъ несчастнымъ, 38 лѣтъ находившимся въ болѣзни, и спросилъ его: хочешь ли быть здоровымъ? Больной отвѣчалъ ему: «такъ, Господи, но некому опустить меня въ купальню, когда возмутится вода». Иисусъ говоритъ ему: «встань, возьми постель твою и ходи». Больной тотчасъ выздоровѣлъ, взялъ постель свою и пошелъ. Спусти нѣсколько времени Иисусъ встрѣтилъ его въ храмѣ и сказалъ ему: вотъ ты выздоровѣлъ; не грѣши же, чтобы не случилось съ тобою чего хуже (Іоан. 5, 1—14).

Тѣлесное расслабленіе есть образъ духовнаго расслабленія,—того душевнаго состоянія, которое называется уныніемъ, упадкомъ духа, скукою. Человѣкъ, находящійся въ этомъ состояніи, получаетъ отвращеніе къ труду, ни на что бы онъ не смотрѣлъ, ничто ему не мило. Такъ бываетъ съ міролюбцами: въ душѣ ихъ, пресыщенной плотскими удовольствіями и радостями земными, является тягостная пустота, нестерпимая горечь. Ощущеніе спасительное! Міролюбцу дается возможность убѣдиться, что напрасно онъ ищетъ счастья въ земныхъ наслажденіяхъ. Онъ долженъ оставить пристрастіе къ нимъ, подумать о душѣ, о вѣчности, о Богѣ, и искать себѣ утѣшеній въ благочестіи и добродѣтели. Но и это не всегда спасаетъ отъ унынія. Оно посѣщаетъ нерѣдко людей духовной жизни. Тогда пропадаетъ у человѣка охота къ исполненію христіанскихъ обязанностей, къ духовнымъ упражненіямъ, не хочется ни молиться въ церкви или дома, ни слово

Божіе читать, ни размышлять о духовномъ, ни другое что богоугодно дѣлать: все это ему непріятно, надоѣло, ко всему этому онъ потерялъ вкусъ. Впадаетъ онъ въ духовное разлѣненіе, и подобно тѣлесно расслабленному, не владѣющему членами, пригвожденному къ одру, онъ неподвижно лежитъ на одрѣ духовной безпечности, и въ тоже время жестоко мучится въ душѣ, какъ мучился слуга сотника, лежавшій въ расслабленіи.—Отъ чего происходитъ такое печальное состояніе? Отъ различныхъ причинъ. Въ душахъ чистыхъ и близкихъ къ совершенству оно бываетъ иногда вслѣдствіе того, что на время составляетъ ихъ благодать Божія съ цѣлію предохранить ихъ отъ духовнаго самомишнїя и гордости, возбудить въ нихъ смиренное сознаніе недостаточности собственныхъ силъ для того, чтобы удержаться на духовной высотѣ, и заставить ихъ снова искать помощи свыше.—Происходитъ уныніе также отъ прирожденной грѣховной порчи. Умомъ и волею стремится человѣкъ къ небу, а прирожденный грѣхъ тянетъ его противъ воли къ землѣ; «не еже бо хочу доброе, сіе творю, но еже не хочу злое, сіе содѣваю (Рим. 7, 19)». Выбившись изъ силъ въ борьбѣ съ злыми влеченіями, человѣкъ бросаетъ ее и впадаетъ въ уныніе.—Впадаютъ иногда въ уныніе отъ вишнихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ,—отъ болѣзни, отъ смерти близкихъ людей, отъ потери чести, достоянія и т. п., нерѣдко отъ частыхъ размышленій о неправдахъ, господствующихъ въ мірѣ, о томъ, какъ люди невинные и добродѣтельные терпятъ во всемъ неудачи и скорби, а нечестивые возвышаются и блаженствуютъ, посмѣваясь надъ благочестіемъ и добродѣтелію.—Естественною склонностію къ унынію и діаволь пользуется для того, чтобы еще болѣе смущать человѣка, и своими кознями иногда ввергаетъ его въ отчаяніе.—Но отъ какихъ бы причинъ ни происходило уныніе, во всякомъ случаѣ оно есть великое зло. Уже то худо, что оно останавливаетъ духовную жизнь, задерживаетъ ее въ дальнѣйшемъ движеніи, тогда какъ мы обязаны непрестанно

идти впередъ, задняя забывая и въ предняя простираясь. Еще хуже то, что уныніе сопровождается нерѣдко разсѣянностію. Отъ снѣдающей скуки человѣкъ ищетъ лекарства въ разныхъ чувственныхъ развлеченіяхъ и въ нихъ запутывается такъ, что совсѣмъ забываетъ о духовной жизни, дѣлается міролюбцемъ и плотоугодникомъ, — совсѣмъ теряетъ самообладаніе. Поистинѣ невладѣющей членами разслабленный!

Противъ духа унынія, духовнаго разслабленія могутъ быть употребляемы съ успѣхомъ слѣдующія средства: прежде всего должно возбудить въ себѣ желаніе избавитъ-ся отъ этого недуга. На вопросъ Спасителя: хочешь ли быть здоровымъ, разслабленный, лежавшій при Іерусалимской купальнѣ, отвѣчалъ изъявленіемъ желанія исцѣленія. Такое желаніе естественно во всякомъ тѣлесно-больномъ; но въ недугующихъ духовнымъ разслабленіемъ оно не всегда бываетъ, — они иногда такъ сродняются съ своимъ недугомъ, что не только не думаютъ объ излеченіи, а скорѣе впадаютъ въ озлобленіе или въ отчаяніе. Въ этомъ состояніи они почти недоступны врачеванію, какъ Каинъ и Иуда. Стало-быть съ ихъ стороны прежде всего требуется побѣдить въ себѣ пагубное равнодушіе къ своему духовному состоянію, возбудить въ себѣ желаніе исцѣленія, и затѣмъ поискать врачевства. Искать этого врачевства въ мірской разсѣянности значитъ изъ одной болѣзни впасть въ другую. Свѣтская разсѣянная жизнь сама сопровождается скукою и уныніемъ, оставляетъ ненаполненною душевную пустоту, ибо душа по своей природѣ пространнѣе всего міра. Отъ духовнаго недуга надобно лечиться духовными средствами. Главное изъ нихъ есть молитва. Молись о томъ, чтобы тебѣ дарована была душевная бодрость для борьбы съ грѣховными искушеніями и воспламенился въ тебѣ огонь ревности шествовать путемъ заповѣдей Господнихъ. «Душу мою, Господи, во грѣсѣхъ всяческихъ и безмѣстными дѣяніи лютей разслабленную, воздвигни божественнымъ твоимъ предстательствомъ, якоже разслаб-

леннаго воздвигль еси древле» (Тропарь въ недѣлю разслабленнаго).—Въ чтеніи слова Божія заключается также сильное врачевство противъ унынія. Слово Божіе—не книга только, сообщающая разныя свѣдѣнія, но живой проводникъ благодати Божіей. Читающій его съ благоговѣніемъ и молитвою вступаетъ въ общеніе со Свят. Духомъ,—Духомъ мира, крѣпости и мужества.—Благодать духовнаго оживленія и духовной силы сообщается особенно въ таинствахъ церкви—исповѣди и св. причащенія.—Спасительно также участіе къ положенію унывающаго со стороны людей, одушевленныхъ такою же любовію къ больнымъ духовно, какою одушевлены были сотникъ къ своему разслабленному слугѣ и тѣ четыре челоувѣка, которые къ ногамъ Іисуса спустили на одрѣ разслабленнаго. Всякое горе ослабляется, не столь остро чувствуется, даже со всѣмъ проходитъ, если есть съ кѣмъ молвить слово, подѣлиться своимъ горемъ. Но особенно благотворна въ уныніи бесѣда съ людьми, богатыми христіанскимъ духомъ, опытными въ духовной жизни.—Духъ унынія, если произошелъ отъ сомнѣнія въ правдѣ Божіей, возникающаго при размысленіи о земной участи благочестивыхъ и нечестивыхъ, побѣждается размысленіемъ о воздаяніи каждому по дѣламъ его въ жизни загробной.—Занятіе себя трудомъ тѣлеснымъ тоже прогоняетъ уныніе,—отъ движенія тѣлеснаго оживаетъ сначала тѣло, а потомъ и духъ получаетъ бодрость.—Но паче всего спасителенъ трудъ исполненія заповѣдей Божіихъ. Уныніе отвращаетъ челоувѣка отъ этого труда. Надо принуждать себя къ нему. Пусть онъ горекъ, не по вкусу, надо взять терпѣніе, которымъ побѣждается нерасположеніе и пріобрѣтается расположеніе къ тому, чтò прежде возбуждало отвращеніе.—Исцѣлѣвшему разслабленному сказано: «се здравъ еси, кому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ». Подобно сему получившій облегченіе отъ недуга унынія долженъ всѣми силами ограждать себя отъ него на будущее время, иначе этотъ недугъ сдѣлается неисцѣльнымъ, какъ и всякая болѣзнь, если выздоровѣвшій не бережетъ себя.

Воскрешеніе умершихъ.

Въ Евангеліяхъ повѣствуется о трехъ случаяхъ воскрешенія Христомъ мертвыхъ.—У начальника Канерпаумской синагоги Іаира лежала при смерти двѣнадцатилѣтняя дочь. Іаиръ просилъ Іисуса придти къ Нему въ домъ и исцѣлить ее. Іисусъ пошелъ за нимъ, но на дорогѣ получено извѣстіе, что больная померла. Іисусъ сказалъ Іаиру: «не бойся, только вѣруй», и продолжалъ путь. Въ домѣ Іаира Іисусъ увидѣлъ свирѣльщиковъ и плакальщицъ и общее смятеніе домашнихъ. «Что смущаетесь и плачете, сказалъ Христосъ: дѣвица не умерла, но спитъ». Неовѣрчиво отнесли къ Ею словамъ. Но Христосъ, выславъ всѣхъ изъ дома, кромѣ отца и матери умершей и трехъ учениковъ Петра, Іакова и Іоанна, входитъ съ ними въ комнату, гдѣ лежала усопшая, беретъ ее за руку и говоритъ: «дѣвица, я тебѣ говорю: встань». Дѣвица встала и начала ходить. Христосъ велѣлъ дать ей пищи (Мѡ. 9, 18. 23—25. Марк. 5, 22. 23. 35—43).—Въ другой разъ Іисусъ, приближаясь къ городу Найну, встрѣтилъ похоронное шествіе: выносили изъ города на кладбище умершаго юношу, единственнаго сына у матери-вдовы, и много народа шло съ нею изъ города. Господь Іисусъ сжалился надъ нею, и сказалъ ей: не плачь. Затѣмъ подошедъ прикоснулся къ одру, на которомъ несли усопшаго. Несшіе остановились. Христосъ сказалъ: «юноша, тебѣ говорю: встань». Мертвый поднялся, сѣлъ и сталъ говорить (Лк. 7, 12—15).—Самое поразительное чудо владычества надъ смертію явилъ Господь Іисусъ въ воскрешеніи Лазаря. Услышавъ о предсмертной болѣзни Лазаря, Іисусъ сказалъ: «сія болѣзнь не къ смерти, но къ славѣ Божіей, да прославится чрезъ нее Сынъ Божій». Говоря сіе, Іисусъ зналъ, что болѣзнь Лазаря кончится смертію, и имѣлъ намѣреніе воскресить его къ славѣ Божіей. Дѣйствительно Лазарь вскорѣ померъ. Іисусъ, узнавъ объ этомъ по своему всевѣдѣнію, назвалъ его смерть сномъ и сказалъ, что идетъ разбудить его.

Иисусъ пришелъ въ Виванію, гдѣ жилъ Лазарь, уже на четвертый день послѣ его смерти. Лазарь уже былъ похороненъ и отъ тѣла его слышенъ былъ запахъ гнилости. Сестры его плакали и самъ Иисусъ прослезился. Затѣмъ Онъ велѣлъ открыть гробовую пещеру и громко возгласилъ: «Лазарь, гради вонъ». И Лазарь воскресъ и вышелъ изъ гроба, обвитый по рукамъ и ногамъ погребальными пеленами. Иисусъ сказалъ: «развяжите его, пусть идетъ» (Іоан. 11, 1—44).

Частные случаи воскрешенія Христомъ умершихъ служатъ залогомъ и предъизображеніемъ всеобщаго воскресенія. «Общес воскресеніе прежде твоя смерти увѣряя, изъ мертвыхъ воздвиглъ еси Лазаря Христе Боже» — поетъ церковь. Смерть двѣнадцатилѣтней отроковицы и Лазаря Христосъ назвалъ сномъ. Смерть тѣлесная дѣйствительно есть сонъ, ибо какъ сонъ оканчивается пробужденіемъ, такъ и смерть смѣнится нѣкогда воскресеніемъ. Оно произведено будетъ тѣмъже всемогущимъ голосомъ Сына Божія, которымъ во время земной Его жизни воскрешены три мертвеца.—Участь имѣющихъ воскреснуть въ послѣдній день міра будетъ не одинакова, по слову Христову: «одни воскреснутъ въ воскресеніе живота, т.-е. для вѣчно-блаженной жизни, другіе—въ воскресеніе суда», т.-е. осуждены будутъ на вѣчныя муки. Къ первымъ будутъ принадлежать творящіе благое, къ послѣднимъ творящіе злое (Іоан. 5, 29). Ибо кто что посѣетъ въ этой жизни, то пожнетъ въ жизни будущей. «Сѣющій въ плоть отъ плоти пожнетъ ислѣніе, сѣющій въ духъ (ведущій духовную жизнь) пожнетъ животъ вѣчный» (Гал. 6, 8). И въ блаженствѣ и въ мученіи будетъ участвовать съ душою воскресшее тѣло, которое было орудіемъ души при совершеніи грѣха. Правда Божія опредѣлила, «чтобы каждый, по воскресеніи, получилъ соотвѣтственно тому, что онъ дѣлалъ, живя въ тѣлѣ, доброе или худое» (2 Кор. 5, 10). Худыя дѣла, совершаемыя чрезъ тѣло, разнообразны. Это грѣхи зрѣніемъ, слухомъ, языкомъ, обонаніемъ, осяза-

ніемъ. Возненавидь эти грѣхи, душа христіанская, если не хочешь вѣчно страдать за нихъ вмѣстѣ съ тѣломъ. Берегись осквернять грѣхами не только умъ и сердце, но и внѣшнія чувства.

Тѣло, предназначенное къ воскресенію, по самой природѣ своей смертно. Не такова природа души: она по природѣ безсмертна,—въ ней печему умирать,—и убивающіе тѣло не могутъ убить души (Лук. 12, 4). Но жизнь души состоитъ не въ одномъ существованіи, а вмѣстѣ въ соотвѣтственной ея природѣ дѣятельности. Вѣдь и жизнь тѣла тоже состоитъ не въ одномъ присутствіи въ немъ жизненнаго начала, не въ томъ одномъ, что человѣкъ живъ, не померъ. Бываютъ такія тѣлесныя состоянія, что и о живомъ человѣкѣ говорятъ: онъ заживо померъ. Таково наприм. состояніе параличнос. Иной человѣкъ въ семь состояніи долго живетъ и даже по своему здоровъ, боли не чувствуетъ; по пораженные параличемъ члены не обнаруживаютъ свойственной ихъ природѣ дѣятельности, лишены способности движенія, или чувствительности, словно мертвые, хотя въ нихъ не изсякло жизненное начало. Въ подобномъ состояніи можетъ находиться душа. Истинная жизнь души, кикъ созданной по образу и подобію Божію, состоитъ въ дѣятельномъ стремленіи къ уподобленію Богу, къ возможному для человѣка подражанію божественнымъ совершенствамъ — мудрости, святости и благодати, а чрезъ сіе подражаніе къ достиженію блаженнаго общенія съ Богомъ. Но это не все. Такъ какъ это стремленіе можетъ быть успѣшно только при помощи благодати Божіей—просвѣщающей, освящающей и оправдывающей, то жизнь души состоитъ главнымъ образомъ въ благодатномъ общеніи съ Богомъ. Внѣ сего общенія духовная жизнь, при всей ревности къ богоугожденію, невозможна, какъ невозможна жизнь вѣтки, отрѣзанной отъ дерева. Теперь по противоположности съ жизнію духовною можно поняті, въ чемъ состоитъ смерть духовная. Она состоитъ въ разъединеніи души съ

Богомъ, въ удаленіи ея отъ Него, и въ лишеніи Его благодати. Человѣкъ, пораженный духовною смертію, не теряетъ способности къ мысленію, можетъ быть весьма умнымъ человѣкомъ, великимъ ученымъ, неподражаемымъ мастеромъ устроить внѣшнее свое благостояніе, можетъ быть даже честнымъ человѣкомъ, все равно какъ и пораженный параличемъ можетъ отлично пользоваться органами питанія; но при этихъ совершенствахъ, умственныхъ и даже нравственныхъ, которыхъ нельзя отрицать въ духовно-мертвомъ человѣкѣ, онъ не имѣетъ того, что составляетъ истинно-духовную жизнь. Онъ не помышляетъ и не любитъ помышлять о духовномъ и небесномъ, а только объ одномъ земномъ, плотскомъ и житейскомъ. Умъ его—чисто плотской умъ. Напрасно вы стали бы пытаться обратить его вниманіе на истины духовныя, божественныя,—онъ и слушать васъ не станеть, или будетъ слушать съ глумленіемъ и досадою. Органъ для воспріятія этихъ истинъ въ немъ забить, омертвѣлъ. Не менѣе жалко нравственное состояніе духовно-мертваго человѣка. Стремленія къ чистотѣ и святости, къ дѣламъ любви и самоотверженія въ немъ убиты преобладаніемъ плоти, т.-е. низшихъ, животныхъ силъ; а дѣла плоти, говоритъ Апостоль, извѣстны,—они суть: «прелюбодѣяніе, блудъ, нечистота, непотребство, идолослуженіе, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнѣвъ, распри, разногласія, соблазны, ереси, ненависть, убійство, пьянство, безчинство» и т. подобное (Гал. 5, 19—21). Самыя повидимому добрыя дѣйствія его повреждены самолюбіемъ и своекорыстіемъ. Благочестія не ищите въ духовно-мертвомъ человѣкѣ: можетъ ли быть благочестивымъ тотъ, для кого богомъ служить земля и плоть?—Ни въ дарахъ счастья, ни въ напастяхъ, болѣзняхъ и скорбяхъ, онъ не видитъ руки Божіей, благодѣющей, или карающей, и потому ни въ первомъ случаѣ не чувствуетъ благодарности къ Богу, ни въ послѣднемъ не смиряется предъ Нимъ. Мертвые ничего не чувствуютъ.—Бываютъ и въ духовно-мертвомъ че-

ловѣкъ проявленія благочестія,—по благочестія мертвѣго, а не живѣго, обрядоваго, механическаго, безъ смиренія, сердечной вѣры и любви къ Богу.—Къ радостямъ духовнымъ онъ нечувствителенъ: онъ до того погрязъ въ пристрастіе къ однимъ плотскимъ и мірскимъ удовольствіямъ, что еслибы и въ рай попалъ, ему и въ раю было бы скучно.

Слово Божіе часто говоритъ о духовной смерти. Оно вообще приписываетъ ее грѣшникамъ, не возрожденнымъ благодатію: «васъ мертвыхъ по прегрѣшеніямъ Богъ Отецъ оживотворилъ со Христомъ; благодатію вы спасены» (Еф. 2, 5. Кол. 2, 13). Дѣла невозрожденнаго оно называетъ мертвыми (Евр. 9, 14). Блуднаго сына, растратившаго отеческое наслѣдство на жизнь распутную, оно прямо называетъ мертвымъ: *мертвъ бѣ*. «Сластолюбивая вдовица, по слову ап. Павла, заживо умерла» (1 Тим. 5, 6). «Вѣра безъ дѣлъ, по слову ап. Іакова, мертва» (2, 17; 2, 26). «Невидящій брата, по слову ап. Іоанна, пребываетъ въ смерти» (1 Іоан. 3, 14).

Смерть духовная имѣетъ свои степени. Блаж. Августинъ образъ ихъ усматриваетъ въ трехъ мертвецахъ, воскрешенныхъ Христомъ; онъ различаетъ грѣхъ—въ сердцѣ, грѣхъ дѣломъ, грѣхъ обратившійся въ привычку,—это какбы три смерти. Одна смерть имѣетъ мѣсто какбы въ домѣ, когда только въ сердцѣ лежитъ сочувствіе къ грѣху (это двѣнадцатилѣтняя отроковица, лежавшая мертвою въ домѣ); другую смерть представляетъ выносъ умершаго юноши изъ воротъ города,—это значить то, когда сочувствіе къ грѣху, созрѣвши въ сердцѣ, изъ сердца выходитъ наружу, т. е. въ дѣло; третья смерть бываетъ, когда силою злой привычки душа какбы тяжелымъ камнемъ подавляется, и подобно четырехдневному Лазарю, какбы въ гробницѣ смердитъ («О пагорной бесѣдѣ Господа» кн. 1. гл. 23). Другіе видятъ указаніе на степени грѣха въ четырехъ дняхъ смерти Лазаря. Первый день—это согласіе воли на грѣхъ; второй день—совершенство грѣха дѣломъ; третій—частое повтореніе грѣха и образованіе привычки къ нему;

четвертый — обращеніе привычки въ необходимость, во вторую какъбы природу, въ непобѣдимое упорство (Корпел. Аляпиде Коммен. на Ев. Іоанна гл. 11).

Но на какой бы степени духовнаго омертвѣнія ни стоялъ грѣшникъ, состояніе его не безнадежно. Пока не померъ челоѣкъ физически, онъ всегда можетъ вырваться изъ области духовной смерти, всегда можетъ покаяться при помощи благодати Божіей, всегда можетъ совершиться съ нимъ переворотъ, подобный тому, какой совершился съ блуднымъ сыномъ евангельской притчи, низпадшимъ въ глубину грѣха: *мертвъ бѣ и оживе*. Тотъ, который нѣкогда поднималъ съ ложа смерти дочь Іаира и Наинскаго юношу—словомъ: встань,—и четверодневнаго мертвеца—возгласомъ: Лазаре, гряди вонъ, — Онъ же доселѣ взываетъ къ спящему мертвымъ сномъ грѣшнику: «востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ» (Еф. 5, 14). Ему жалко было видѣть умершихъ въ цвѣтѣ лѣтъ отроковицу и юношу, и людей къ нимъ близкихъ, тяжело чувствовавшихъ утрату ихъ. Оцъ плакалъ при гробѣ друга своего Лазаря. Но не менѣе, даже болѣе жалки Его челоѣколюбивому сердцу грѣшники, путемъ духовной смерти идущіе въ область вѣчной смерти или погибели, отъ которой Онъ приходилъ избавить насъ. Потому Онъ всячески ищетъ пробудить ихъ отъ мертваго грѣховнаго сна. Онъ взываетъ къ нимъ чрезъ совѣсть, иногда ихъ обличающую и вразумляющую, чрезъ обстоятельства жизни благоприятныя и неблагоприятныя, чрезъ слово Божіе, чрезъ совѣты и обличенія доброжелательныхъ къ нимъ людей. И какъ голосъ Его оживилъ даже смердящаго чтырехдневнаго мертвеца, полуразлажившійся трущъ, такъ отъ Его же голоса прекращается духовное нечувствіе заживо умершаго грѣшника: изъ груди его вылетаетъ вздохъ о грѣхѣ,—первый признакъ оживленія. Въ пемъ начинается нѣкоторое духовное движеніе,—онъ начинаетъ подниматься изъ гроба нечувствія и подобно Лазарю выходитъ изъ мрака его на свѣтъ Божій, пачинаетъ чувствовать сла-

дость благодатнаго Христова свѣта,—по слову обѣтованія: «востани спяй, и освѣтитъ тя Христосъ» (Еф. 5, 14). Но онъ еще не свободенъ въ своихъ движеніяхъ, онъ еще не совсѣмъ увѣренъ въ своемъ счастіи; въ его пробудившейся совѣсти съ такою силою возстаютъ воспоминанія о сдѣланныхъ грѣхахъ, что не даютъ ему спокойно зажить новою духовною жизнію. Ему пужно осязательное удостовѣреніе въ прощеніи смущающихъ его грѣховъ, особенное благодатное умиротвореніе, — и оно дается ему. «Разрѣшите его, пусть онъ идетъ» (Іоан. 11, 44), говоритъ Воскресившій изъ гроба Лазаря Господь,—и вотъ лица, пріявшія отъ Него власть разрѣшать грѣшниковъ и связывать, пріемлютъ отъ нихъ исповѣдь грѣховъ, разрѣшаютъ ихъ отъ узъ грѣховныхъ, и умиротворяютъ ихъ совѣсть. Но сего недостаточно, надобно укрѣпить силы души для подвиговъ жизни духовной, ослабленныя грѣхами. «Дайте ей ѣсть» (Марк. 5, 43), повелѣваетъ Господь, какъ Онъ повелѣлъ накормить воскрешенную Имъ дочь Іаира. И вотъ ожившій отъ грѣховной смерти вкушаетъ тѣло и кровь Христову, и въ этомъ спасительномъ брашнѣ обрѣтаетъ источникъ силы и мужества для шествія путемъ новой жизни.

Прославь, грѣшная душа, неизреченое человѣколюбіе Господа и если ты близка къ духовной смерти, поспѣши обратиться къ Нему съ мольбою, да не дастъ тебѣ уснуть въ смерть. Не отчаявайся въ спасеніи и тогда, когда тма грѣховная со всѣхъ сторонъ, словно могильный мракъ, окружитъ тебя. Благодать Христова и тогда готова спасти тебя, воздвигнуть тебя изъ глубины паденія, какъ воздвигнуть былъ изъ гроба четверодневный смердящій мертвецъ.

Исцѣленіе бѣсноватыхъ.

Умилосердися, спаси мя, Сыне Давидовъ, помилуй, бѣснующіяся словомъ исцѣливый.—Во время земной жизни Ис. Христа было такъ много несчастныхъ одержимыхъ

бѣсами, какъ никогда до Рождества и по Рождествѣ Христовѣ. Діаволь и подручныя ему злыя духи почуяли, что наступилъ конецъ ихъ владычества надъ людьми, что царство заблужденія и пороковъ, распространяемыхъ ими въ человѣческомъ родѣ, близко къ разрушенію съ пришествіемъ Христовымъ, — и вотъ они употребляютъ крайнія усилія, чтобы хоть на послѣднихъ порахъ своего могущества надѣлать какъ можно больше зла людямъ. Одинъ изъ видовъ этого зла было бѣснованіе, подъ которымъ разумѣется не духовно-правственное дѣйствіе бѣсовъ на человѣка, каково напримѣръ было дѣйствіе сатаны на Іуду предателя (Іоан. 13, 27) и вообще на враговъ Іисуса Христа Іудеевъ, творившихъ похоти отца своего діавола (Іоан. 8, 44), но физическое вселеніе бѣсовъ въ человѣка, пребываніе ихъ въ немъ. — Люди, одержимые бѣсами, по временамъ, или навсегда, лишались ясности мыслей и свободы дѣйствій, становились дикими, нечеловѣчными, иногда убѣгали въ пустыни, жили въ гробныхъ пещерахъ, ходили безъ одежды, словно дикіе звѣри, и своимъ видомъ и движеніями на всѣхъ наводили ужасъ. Въ сильныхъ припадкахъ бѣснованія они дѣлались неистовыми, разрывали желѣзныя цѣпи, съ неудержимою силою бросались въ огонь и въ воду (Мат. 8, 28; 17, 15. Марк. 5, 3; 9, 18. Лук. 8, 29. 39) и выносили ужасныя тѣлесныя страданія. Нѣкоторые изъ нихъ обладали извѣстною степенью ясно-видѣнія, — называли Господа Іисуса Сыномъ Божиимъ, раньше чѣмъ кому-либо Онъ открылъ это (Лук. 4, 34. Матѳ. 8, 29. Марк. 1, 23; 3, 11). Въ иныхъ бѣснованіе обнаруживалось потерей способности говорить (Мат. 9, 32; 12, 22. Лук. 11, 14) или видѣть (Мат. 12, 22), скорченностію (Лук. 13, 11), оцѣпенѣніемъ (Марк. 9, 18). Во многихъ бѣсноватыхъ обитали многіе бѣсы, напр. въ Маріи Магдалинѣ до ея исцѣленія 7 бѣсовъ, въ Гадаринскомъ бѣсноватомъ цѣлый легіонъ (Марк. 16, 9; 5, 9). Бѣсноватые получали исцѣленіе не только отъ самого Іис. Христа, который то однимъ приближеніемъ своимъ къ одержи-

мымъ злыми духами приводилъ послѣднихъ въ трепеть (Мат. 8, 29), то однимъ словомъ изгонялъ ихъ изъ людей (Марк. 1, 25), но и отъ учениковъ Ис. Христа, которые съ вѣрою въ Его всемогущество призывали Его имя, страшное бѣсамъ. Иисусъ Христосъ исцѣлялъ множество бѣсноватыхъ,—по особенно замѣчательно исцѣленіе капернаумскаго бѣсноватаго, изъ котораго нечистый духъ вышелъ съ громкимъ крикомъ, сотрясши тѣло его (Мар. 1, 26); изгнаніе бѣсовъ изъ гадаринскаго бѣсноватаго, съ дозволеніемъ имъ перейти въ свиней (Мат. 8, 25—34); исцѣленіе хаванеянки по вѣрѣ ея матери (Мат. 15, 21—28).

Проявленіе чудодѣйственной силы Христовой надъ бѣсноватыми имѣло тѣсную связь съ главною цѣлію пришествія Христа на землю. Эта цѣль состояла не въ томъ, чтобъ чудеснымъ образомъ избавлять людей отъ частныхъ золъ—недуговъ, увѣчья и между прочимъ отъ бѣснованія, а въ томъ, чтобы вообще однажды навсегда освободить людей отъ владычества князя тмы, которое пагубно преимущественно для души, разрушить царство его, — царство суевѣрій, нечистоты и беззаконій всякаго рода, и основать благодатное царство, — царство истины, чистоты и святости. Частные чудодѣйственные опыты побѣды надъ діаволомъ, частныя исцѣленія бѣсноватыхъ, были только знаменіемъ общей побѣды царства Христова надъ царствомъ сатаны, служили только средствомъ къ тому, чтобы обратить вниманіе людей на главную цѣль Христова служенія — явленіе царства благодати. На эту общую побѣду и главную цѣль самъ Христосъ указалъ, когда по случаю совершеннаго Имъ исцѣленія одного бѣсноватаго сказалъ: «если Я Духомъ Божиимъ изгоняю бѣсовъ, то конечно достигло до васъ (*наступило*) царствіе Божіе» (Мат. 12, 28), и слѣдственно пришелъ конецъ царству тмы. Главный ударъ владычеству князя тмы и подчиненныхъ ему духовъ нанесенъ смертію Спасителя, избавившею насъ отъ грѣха, слѣдственно отъ власти діавола, утверждавшей на грѣхѣ, который чрезъ него

появился и распространился на землѣ. Посему-то и сказалъ Христосъ не задолго до своей смерти: «нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ» (Іоан. 12, 31). Событія не замедлили оправдать сіе предреченіе Христово, страшное для сатаны. Владычество его потрясено смертію Христовою прежде всего въ адѣ, куда нисшелъ Христосъ по смерти для того, чтобы находившимся здѣсь душамъ, съ вѣрою ожидавшимъ Его пришествія, объявить свободу отъ узъ ада и отъ имущаго державу смерти діавола (1 Петр. 3, 18. 19). Послѣдовавшія затѣмъ событія—воскресеніе Христа изъ мертвыхъ, вознесеніе Его на небеса и сошествіе Св. Духа послужили новымъ прочнымъ основаніемъ для царства Христова. Укрѣпленные въ вѣрѣ во Христа сими событіями, Апостолы пронесли имя Его по вселенной, и съ каждымъ ихъ шагомъ распространялось царство Христово и сокращалась область сатаны. Предъ именемъ Іисуса падали идолы, разрушались храмы, открывались обманы жрецовъ и пустота язычества. Случалось, что отъ одного звука сего страшнаго имени съ крикомъ бѣжали изъ языческихъ капищъ нечистые духи. Вездѣ, гдѣ ни водворилось царство Христово, процвѣла истина и добродѣтель, —на землѣ явились равноангельные люди.

Такъ, владычество діавола сокрушено Христомъ, князь міра изгнанъ вонъ изъ присвоенной имъ области. Но ему нѣтъ мѣста собственно въ средѣ истинно-вѣрующихъ во Христа. Невѣрующіе во Христа, каковы язычники, некрещенные, доселѣ находятся подъ властію діавола, *ибо бози языкъ бгсове суть* (Іс. 90, 6). Къ сожалѣнію, между самими христіанами немало людей, которые добровольно отдають себя во власть діавола. Въ крещеніи они отреклись отъ него, отъ всѣхъ дѣлъ его, отъ всего служенія его, но съ теченіемъ времени онъ снова уловляетъ ихъ въ свои сѣти многообразными искушеніями и соблазнами, и они дѣлаюся его покорными слугами. Напримѣръ діаволь есть отецъ лжи, и лжецы — чада его (Іоан. 8, 9).

Мало ли между нами таковыхъ?—Сатана располагаетъ къ употребленію имени Божія всеу (Мат. 5, 37). Мало ли среди насъ употребляющихъ божбу въ праздныхъ бесѣдахъ, даже для подтвержденія лжи?—Сатана уноситъ сѣмя слова Божія изъ сердца невнимательныхъ слушателей, чтобъ они не увѣрвали и не спаслись (Лук. 8, 12). Мало ли между нами таковыхъ? — Есть вѣра *бѣсовская*, когда вѣрующій принимаетъ только къ свѣдѣнію предметъ вѣры (Іоан. 2, 19). Есть *мудрость бѣсовская*, когда она соединяется съ сварливостію, съ ложью, съ попытками запутать, исказить, отвергнуть истину (Іак. 3, 15). Кто предается раздражительности, тотъ дастъ въ себѣ мѣсто діаволу (Еф. 4, 27). Въ порывахъ гнѣва, въ припадкѣ неистовства, сопровождающагося грубѣйшею, оскорбительнѣйшею бранью, буйствомъ, такой человѣкъ даже по внѣшнему виду походитъ на бѣсноватаго и опасенъ не менѣе его.—Объ одномъ изъ бѣсноватыхъ въ Евангелии повѣствуется, что ему чуждо было чувство самосохраненія: онъ бросался въ огонь и въ воду, не боясь ни сгорѣть, ни утонуть (Мат. 17, 14—23). Какъ похожъ на него иной грѣшникъ, безопасно живущій въ грѣхахъ и непомышляющій объ исправленіи! Онъ бережетъ свое тѣло, здоровье, имущество, но души своей не бережетъ, бросаетъ ее въ огонь страстей, въ грязную и мутную воду пороковъ, не опасаясь вѣчной гибели. Здоровье и внѣшнее благосостояніе онъ дорого цѣпитъ, а душу ни во что ставитъ, забывая, что она дороже цѣлаго міра (Мар 8, 13), и что для спасенія ея пострадалъ на крестѣ Богочеловѣкъ. Нѣтъ сомнѣнія, что до такого состоянія грѣшникъ доходитъ не безъ участія діавола, ибо по слову ап. Іоанна, вообще кто творитъ грѣхъ, тотъ отъ діавола, п. т. сначала діаволь согрѣшилъ (1 Іоан. 3, 8). — Въ переживаемое нами несчастное время есть разрядъ людей, которыхъ глубокое нравственное паденіе не иначе можно объяснить, какъ тѣмъ, что ихъ осѣтилъ діаволь. Они не вѣрять въ самое бытіе діавола, но разсуждаютъ и жи-

вуть вполнѣ подіавольски. Они встають противъ основныхъ нравственныхъ и релігіозныхъ понятій и правилъ. Для нихъ нѣтъ ничего священнаго: они отрицають семью, церковь, собственность, государство и стремятся къ уничтоженію ихъ путемъ насилій, вражды, убійствъ, подкоповъ, поджоговъ. Враги общества, они для достиженія своихъ злодѣйскихъ цѣлей безъ разбора губятъ вмѣстѣ съ тѣми, кого почитаютъ своими врагами, тѣхъ, кого совсѣмъ не знаютъ. Въ нихъ не осталось ничего человѣческаго, — ихъ злоба и ожесточеніе носятъ чисто дьявольскій характеръ и безъ воздѣйствія на нихъ дьявола не могутъ быть объяснимы. Ихъ состояніе хуже, чѣмъ бѣсноватыхъ въ собственномъ смыслѣ: послѣдніе только несчастны, а тѣ въ высшей степени преступны.

Пожалѣемъ несчастныхъ погибающихъ въ сѣтяхъ дьявола; но опасность попасть въ эти сѣти и запутаться въ нихъ близка къ каждому. Никто не долженъ почитать себя застрахованнымъ отъ нихъ. И горе тому, кому заберется въ голову мысль о недоступности его для дьявольскихъ оболещеній: одна уже эта мысль есть признакъ дьявольскаго оболещенія. «Дьяволъ, яко левъ рыкая ходитъ искій кого поглотити». Посему потребна великая съ нашей стороны бдительность, чтобы не попасть въ его львиныя челюсти: *трезвитесь и бодрствуйте* (1 Пст. 5, 8), бдительно наблюдайте надъ своими грѣховными помыслами. Трудно знать, какіе изъ нихъ имѣютъ свое начало въ насъ однихъ, и какіе всѣваются въ насъ дьяволомъ. Достаточно знать, что и въ первомъ случаѣ грѣховные помыслы зрѣютъ и разрастаются не безъ участія злой силы. Посему падлежитъ съ одинаковой ревностію подвизаться въ борьбѣ противъ нихъ, откуда бы они ни шли. Но успѣха въ борьбѣ съ кознями дьявольскими нельзя достигнуть безъ помощи Божіей; а она привлекается смиренною молитвою. «Бдите и молитесь, да не впадете въ искушеніе» (Мат. 26, 41), сказалъ Христосъ апостоламъ, а въ лицѣ ихъ всѣмъ, угрожаемымъ дьявольскими искушеніями.

Въ сей молитвѣ имѣеть особенную силу имя Исуса, призываемое съ вѣрою во всемогущество Его. Именемъ Исуса изгоняли бѣсовъ не только апостолы, но и непринудившіе къ ихъ обществу заклинатели (Марк. 9. 8). «Именемъ Исусовымъ бій ратники, нѣсть бо ни едишаго крѣпчайшаго орудія на небеси и на земли», внушаетъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ.—Къ молитвѣ для отогнанія вражескихъ искушеній должно прибѣгать не только въ началѣ ихъ, когда они еще не успѣли возобладать нами, но и тогда, когда они одержали надъ нами рѣшительную побѣду, когда діаволь успѣлъ насъ свергнуть въ огонь страстей и съ беспощадною жестокостію оналяетъ насъ этимъ страшнымъ огнемъ. вмѣстѣ съ хананеянкою, умолявшею Господа объ исцѣленіи ея бѣсноватой дочери, пусть каждый изъ насъ вопіетъ тогда къ тому же Господу: «Исусе, помилуй мя, не дочь бо, но плоть имамъ, страстьми лютѣ бѣсящуюся и яростію палимую, и исцѣленіе даждь ми» (Акаѳ. Исусу. Кондакъ 11). Не должно ослабѣвать въ молитвѣ и унывать, если Господь не вдругъ исполняетъ ее, испытывая наше терпѣніе и вѣру и упражняя насъ въ смиреніи. Такъ Онъ поступилъ и съ хананеянкою. Онъ сначала не внималъ ся мольбѣ и сурово отказывалъ ей въ томъ, чего она просила у Него; но наконецъ ея вѣра и терпѣніе восторжествовали: Христось не только исцѣлилъ бѣсноватую, но и похвалилъ великую вѣру ея матери, какъ образецъ для нашего подражанія. Подобно ей и ты, грѣшная душа, бѣснующаяся страстями, не отчаявайся и не ослабѣвай въ молитвѣ о помощи. «Предаваясь отчаянію, душа моя, не будь хуже хананеянки. Ты слышала, какъ за вѣру ея получила исцѣленіе дочь ея словомъ Божіимъ. Подобно ей и ты изъ глубины сердца воззови ко Христу: Сыне Давидовъ, спаси и меня» (стихъ В. Канона). Но когда наконецъ послана будетъ тебѣ благодатная помощь и ты успѣешь погасить пламень страстей, не прекращай подвига духовнаго бдѣнія надъ собою. Если ослабѣешь въ этомъ подвигѣ и предашь себя безпечности, врагъ

снова приступить къ тебѣ съ своими кознями, и въ домъ души твоей, откуда былъ изгнанъ, возвратится уже не одинъ, а съ семью еще лютѣйшими духами (страстями), и будутъ они хозяйничать въ немъ съ бѣльшею наглостію, чѣмъ прежде, такъ что послѣднее будетъ хуже перваго (Мѣ. 12, 45).

Прот. В. Нечаевъ.

О ПОМОЩИ НУЖДАЮЩИМСЯ.

Возлюбиши искренняго твоего, яко самъ себе (Мѣ. 22, 39).

Господь нашъ Иисусъ Христосъ, въ отвѣтъ на вопросъ одного изъ законоучителей іудейскихъ: «какая заповѣдь большая есть въ законѣ», приведши первую заповѣдь о любви къ Богу, какъ она читается въ Законѣ, и назвавъ ее первою и главною, присовокупилъ: «вторая же подобная ей, возлюбиши искренняго твоего яко самъ себе». Слѣдовательно по точному смыслу словъ Спасителя заповѣдь о любви къ ближнему имѣетъ для насъ важность и обязательность, подобную важности и обязательности заповѣди о любви къ Богу. Любовь къ Богу не можетъ быть безъ любви къ ближнему. «Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжець; ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? И мы имѣемъ отъ Него такую заповѣдь, чтобы любящій Бога любилъ и брата своего» (1 Іоан. 4, 20. 21). Отличительнымъ признакомъ христіанъ Господь поставляетъ ихъ взаимную любовь: «о семъ познаютъ вси, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою» (Іоан. 13, 35). Св. Іоаннъ говоритъ: «дѣти Божіи и дѣти діавола узнаются такъ: всякій, не дѣлающій правды, не есть отъ Бога, равно и не любящій брата своего. Мы зна-

емъ, что перешли изъ смерти въ жизнь, потому что любимъ братьевъ; нелюбящій брата пребываетъ въ смерти» (1 Іоан. 3, 10. 14). Теперь спросимъ: любимъ ли мы Бога? Имѣемъ ли право называться учениками Христовыми? Чьи мы дѣти: Божія, или врага Божія? На пути мы къ вѣчному спасенію, или къ вѣчной гибели? Духовною жизнію мы живемъ, или умерли для нея?—Всѣ эти вопросы рѣшаются отвѣтомъ на другой болѣе легкой вопросъ: любимъ ли мы своего ближняго? Если любимъ, то значитъ, и Бога любимъ, и имя христіанъ не напрасно носимъ, и къ чадамъ Божиимъ принадлежимъ, если же чада, то и наслѣдники вѣчнаго спасенія,—значитъ, что еще теплится, не угасла въ насъ духовная жпзнь. Если же въ сердцѣ нашемъ царствуетъ не любовь, а ненависть къ ближнему, это значитъ, что и Бога не любимъ, и христіане только по имени, и къ чадамъ Его не принадлежимъ, и путемъ гибели идемъ, и пребываемъ въ духовной смерти.—Но если мы должны любить ближнихъ, то возникаетъ новый вопросъ: кто же нашъ ближній? Кого можно считать своимъ братомъ?—Всѣ люди, къ какому бы званію, состоянію, полу, возрасту, къ какой бы націи, вѣрѣ ни принадлежали, суть наши ближніе; всѣ люди—братья, потому что всѣ произошли отъ одного Адама, всѣ—созданія одного и того же Бога, Творца неба и земли; но присные въ вѣрѣ сугубо близки къ намъ, сугубо братья намъ во Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ. Христіане составляютъ одно семейство, глава котораго Отець небесный; но и сего мало: христіане составляютъ одно тѣло Христово (Еф. 4, 16), глава котораго Христось; посему связь между христіанами должна быть такая же, какъ между членами тѣла: малѣйшее поврежденіе одного члена чувствуетъ все тѣло; отъ легкаго укола булавки вздрагиваютъ всѣ члены. Такое же сочувствіе и такая тѣсная и живая связь должна быть и между христіанами. Гдѣ бы несчастіе ни случилось, въ какой бы далекой отъ насъ странѣ ни страдали люди,—каждый христіанинъ, какъ только донесся до него

воплъ страдающихъ, долженъ спѣшить съ своею посильною помощію. Такъ и поступали христіане первыхъ вѣковъ: случался ли голодъ въ какой либо церкви, всѣ другія церкви спѣшили послать свою помощь,—и благодаря Бога первенствующая церковь не знала того зла, которое развѣдастъ теперешнее общество, не знала нищенства, пролетаріата. Возмущала ли какую область ересь,—всѣ церкви посылали увѣщательныя и обличительныя посланія: въ зараженную ересью область спѣшили пастыри церкви для назиданія, богословы ученые для разъясненія спорныхъ мѣстъ Писанія; созывались соборы,—и общими усиліями ересь прекращалась. Начиналось ли гдѣ гоненіе,—вся церковь молилась. Совершился грѣхъ въ Коринѣѣ, изъ Рима посылали строгое осужденіе (1 Кор. 5 гл.). Обижалъ кто, всѣ осуждали. Всякой грѣхъ, всякое беззаконіе вызывало строгое обличеніе; потому и боялись грѣха пуще огня. Если же кто дерзалъ сопротивляться общему голосу церкви, его оплакивали, какъ мертваго; ему говорили: «буди тебѣ, яко язычникъ и мытарь»; отъ него отдѣлялись, его чуждались. При такомъ единодушіи нашъ нигилизмъ не могъ бы такъ быстро распространиться и причинить столько бѣдъ. Тогда не знали словъ: чужое горе, чужая бѣда,—и уже конечно не стали бы пировать или тратить общественныя суммы на устройство театра въ то время, когда есть голодающіе. Чужое горе было свое горе; чужая бѣда—своя бѣда. А горе, вызвавшее сочувствіе, есть уже не горе, а поль-горя; бѣда, нашедшая помощь, перестаетъ быть уже бѣдою. Какъ бы ни было велико бѣдствіе, будетъ ли то голодъ, пожаръ, землетрясеніе,—оно можетъ подавить, уничтожить одного, многихъ, но не всѣхъ, ибо Господь многомилостивъ. Онъ сказалъ: «во вся дни земли сѣяніе и жатва, зима и зной, лѣто и весна, день и ночь не престануть» (Быт. 8, 22). Сказалъ и такъ всегда дѣлаеть: если въ одномъ мѣстѣ Онъ не далъ урожая, за то въ другихъ мѣстахъ Онъ послалъ обильный урожай. Если въ мірѣ много бѣдныхъ,

то довольно и богатыхъ. Если у однихъ нѣтъ денегъ для насущнаго пропитанія, за то у другихъ ихъ столько, что нужно особенное искусство прожить ихъ. Если у другихъ нѣтъ мѣста, гдѣ главу подклонить, за то у другихъ столько помѣщенія, что они затрудняются занять его. И вѣрьте, что голодные голодаютъ, страдающіе страдаютъ не столько отъ неурожая, сколько отъ того, что мы, сытые и радующіеся, забыли ихъ, какъ братьевъ своихъ. Какъ бы ни было сильно бѣдствіе,—сильно оно не само по себѣ, но нашею слабостію, нашею разобщенностію, нашею нелюбовію другъ къ другу. Представьте какое угодно бѣдствіе—голодь, пожаръ, землетрясеніе; но если всѣ отнесутся къ этому бѣдствію съ участіемъ, всѣ постараются помочь, то отъ этого бѣдствія скоро слѣда не останется. Еслибы всѣ христіане пожертвовали только $\frac{1}{10}$ часть того, безъ чего можемъ обойтись, то вмѣсто каменнаго, истребленнаго пожаромъ какого нибудь города, можно бы выстроить мраморный. Еслибы наши жены и дочери отказались въ этотъ годъ отъ нарядовъ, безъ которыхъ они легко могутъ обойтись, то можно бы закупить столько хлѣба, что его продавали бы дешевле, чѣмъ въ прошломъ году. Еслибы мы всѣ согласились деньги, которыя проигрываемъ въ карты, или расходуемъ на лакомства, на балы, вечера, употребить на общественное образованіе; то, думаю, во всякомъ селѣ была бы благоустроенная школа. Еслибы каждый изъ насъ не только сотую, но тысячную часть того, что онъ получаетъ, жертвовалъ въ пользу миссіонерскаго дѣла, язычниковъ въ нашемъ отечествѣ скоро совсѣмъ бы не было. Но въ томъ-то и бѣда наша, что мы эгоисты, живемъ только для себя, думаемъ только объ удовольствіяхъ плоти, а не о помощи ближнимъ, что подписка въ пользу бѣдныхъ, обошедши чуть не весь городъ, возвращается съ меньшимъ количествомъ рублей, чѣмъ подписка на обѣдъ знатному лицу, или на поднесеніе подарка какой либо пѣвицѣ, сдѣланная въ тѣсномъ кружкѣ; что на обѣдъ мы охот-

но подписываемъ 15 и 25 рублей и не только не жалѣемъ, но хвалимся этимъ, а въ пользу бѣдныхъ одинъ руб., рѣдко три, а чаще и въ этомъ отказываемъ; что участвовать въ подпискахъ на обѣды насъ «благородство» обязываетъ, а долгъ христіанскій насъ ни къ чему не обязываетъ.

Но нужно ли и можно ли *обязывать* къ помощи бѣднымъ? Не утопія ли это? скажутъ. Утопія?! Увы, скоро, кажется, мы и всѣ заповѣди станемъ считать утопіею! Уже и теперь служителей церкви часто съ усмѣшкою спрашиваютъ: какъ это «по вашему»? Какъ будто «наше», то - есть церковное, христіанское не есть общечеловѣческое, и не должно быть вмѣстѣ «вашимъ»!—Нѣтъ, не утопія, а ученіе Спасителя. «Когда дѣлаешь пирь, говоритъ Онъ, зови нищихъ, увѣчныхъ, хромыхъ, слѣпыхъ: и блаженъ будешь, что они не могутъ воздать тебѣ; ибо воздастся тебѣ въ воскресеніе праведныхъ» (Лук. 14, 13. 14). «Нищихъ всегда имѣете съ собою» (Мѡ. 26, 11) не для того конечно, чтобы они бѣдствовали, но чтобы видъ нищеты и бѣдности пробуждалъ часто дремлющую въ душѣ нашей любовь къ ближнему, чтобы страданіе неимущихъ возбуждало состраданіе имущихъ и такимъ образомъ смягчало наше грубое сердце и дѣлало способнымъ къ принятію Божественной благодати. Много-различны пути въ царство небесное: неимущихъ Онъ ведетъ путемъ скорби и страданія, насъ же, по своей неизреченной милости (ибо знаетъ, какъ мы слабы!) хочетъ вести путемъ легкимъ и пріятнымъ, путемъ милости и состраданія. «Мое серебро и мое злато, глаголетъ Господь Вседержитель» (Аг. 2, 9). Какъ Всемогущій, Онъ безъ сомнѣнія могъ бы обогатить всѣхъ неимущихъ; но Онъ не дѣлаетъ этого, чтобы дать просторъ нашей любви. Въ лицѣ меньшихъ братій своихъ Онъ алчетъ и жаждетъ не потому конечно, что самъ не могъ бы ихъ напоить и накормить, но потому, что алчетъ и жаждетъ нашего спасенія. Не для себя Онъ проситъ пропитанія, но хочетъ напитать насъ; не для себя проситъ одѣянія, но хочетъ

одѣть насъ, намъ приготовить золотую одежду, царскую ризу; требуетъ не по своей нуждѣ, а для собственныхъ нашихъ нуждъ, для чего и приходитъ къ намъ въ бѣдномъ одѣяніи, протягиваетъ руку, не гнушается, если даемъ копѣйку, не идетъ прочь, если укоряемъ, но приступаетъ къ намъ снова. Онъ крѣпко любитъ насъ, всячески ищетъ спасенія нашего (Златоустъ).

«Всѣхъ бѣдныхъ не пригрѣешь; всѣхъ алчущихъ не напитаешь, жаждущихъ не напоишь, нагихъ не одѣнешь». Такъ; однако на страшномъ судѣ Христовомъ вождѣнныя слова Господа: «прійдите, благословенніи Отца Моего; наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра» слышать только тѣ, которые алчущихъ напитади, жаждущихъ напоили, нагихъ одѣли. Если человѣкомъ достаточнымъ считать того, кто сытъ, одѣтъ, обутъ и имѣетъ теплый кровъ; то никакого нѣтъ сомнѣнія, что достаточныхъ людей, по милости Божіей, несравненно оубе, чѣмъ ничего неимущихъ. Слѣдовательно можно на- питать и всѣхъ алчущихъ.

Вѣдь есть же, къ стыду нашему, инославныя общества, у которыхъ всѣмъ нищихъ нѣтъ; всѣмъ бѣднымъ дана работа, всѣмъ беспомощнымъ оказана помощь. Но увы! видно сыны вѣка сего всегда были и есть мудре сыновъ свѣта! Есть въ православномъ нашемъ отечествѣ множество сель, гдѣ нѣтъ и никогда не было нищихъ; но бывають же и сироты, бывають пожары, общественныя бѣдствія, напр. неурожай ихъ прежде всего и болѣе всего поражаютъ, и однакоже нищихъ нѣтъ: община умѣетъ ихъ призрѣть, умѣетъ всѣмъ дать дѣло. Почему же этого нѣтъ въ городахъ? Почему чѣмъ богаче городъ, тѣмъ нищихъ болѣе, тѣмъ положеніе ихъ безотраднѣе? А вѣдь въ городахъ люди образованные, гуманные. Но, видно, одной образованности свѣтской, языческой гуманности недостаточно. Почему каждый изъ насъ не считаетъ своимъ долгомъ призрѣть одного, или нѣсколькихъ нищихъ? Почему не старается расположить къ этому своего сосѣда,

товарища по службѣ и пр.? Вѣдь располагаемъ же мы другъ друга къ какимъ либо другимъ предпріятіямъ, торговымъ, промышленнымъ и пр. Но въ томъ и бѣда наша, что когда дѣло коснется истинно-христіанскаго добраго дѣла мы необыкновенно бываемъ медленны, тяжелы на подъемъ и много пужно усилій со стороны, чтобы убѣдить насъ оказать пособіе какому либо доброму дѣлу. «Пусть, говоримъ, другіе начинаютъ. Начинайте съ вышнихъ, съ начальства. Начальство прикажетъ, тогда и мы...» Вотъ обыкновенные наши отвѣты. Иногда даже съ напускнымъ негодованіемъ восклицаемъ: «да куда же смотреть правительству?» Какъ будто дѣло правительства кормить нашихъ братьевъ и сестеръ? Это дѣло наше, и больше ничье. Вотъ на худыя дѣла, напр. на устройство баловъ и вечеровъ подъ праздники, иногда даже съ затратою на это казенныхъ денегъ, мы не спрашиваемся начальства, не дожидаемся его разрѣшенія! Тутъ мы стараемся быть первыми, а не послѣдними. Откуда и усердіе берется? И деньги находятя. И на голодный годъ не посмотримъ!

Многіе изъ насъ стараются какъ можно болѣе собрать только для себя самихъ, и болѣе ни для кого: «въ себя только богатѣютъ»; этимъ самымъ они выдѣляются отъ другихъ, обособляются. И когда соберутъ много, воображаютъ себя счастливыми, тогда какъ тутъ и становятся несчастными, тутъ-то и становятся бѣдными, бѣднымъ не духовными только благами (это само собою понятно), но бѣдными въ обыкновенномъ смыслѣ, по крайней мѣрѣ очень, очень близкими къ самой лютой бѣдности.

«Разорю житницы моя и большія созижду, и соберу ту вся жита моя и благая моя, и реку души моею: душе, имаша многа блага, лежаща на лѣта многа: почивай, яждь, пій, веселись» (Лк. 12, 18. 19). Увы! Эти эгоистическія слова упоминаемаго въ Евангеліи богатаго весьма часто повторяются нами. «Выиграю этотъ процессъ, мечтаетъ адвокатъ, и тогда-то покажу себя». «Обдѣлаю это дѣло,

разчитываетъ купецъ, и тогда куплю новое имѣніе, выстрою новый роскошный домъ». «Получу болѣе выгодное мѣсто и поведу жизнь на широкую ногу, заведу знакомство съ вельможами», думаетъ чиновникъ. «Выиграю 200 тысячъ, и тогда будетъ трудиться, служить, думаетъ лѣнивый; ѣшь, пей, веселись». «Кончу курсъ и тогда заживу», мечтаетъ юноша. «Выслужу пенсію, получу прибавку къ пенсіи.... и тогда....» предполагаетъ учитель. Во всѣхъ этихъ думкахъ, мечтаніяхъ, предположеніяхъ слышится одна только забота о себѣ; все для себя, и ничего для другихъ. Какъ будто мы одни на землѣ (Ис. 5, 8)! «Безумисъ», всѣмъ такимъ отвѣчаетъ Господь, «въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе; а же уготоваль еси, кому будутъ» (Лук. 12, 20)? Но допустимъ, что души нашей не истяжетъ Господь въ сію ночь, что мы будемъ жить и жить долго. Долготерпѣливъ Господь! Можно ли въ самомъ дѣлѣ прочно положиться на собранныя нами блага? Счастіе переменчиво: оно, какъ вода въ морѣ, то прибываетъ, то убываетъ; сегодня оно благоволитъ къ одному, завтра къ другому. Гдѣ то сокровище, которое ни моль, ни ржа не истребляетъ, ни воры ни подкапываютъ и не крадутъ? Гдѣ тѣ имѣнія, которыя не расхищались бы? Дома, которые бы не ветшали и не горѣли? Общества страховыя, которыя бы не разорвались? Банки, которые бы не лопались? На землѣ нѣтъ ничего прочнаго. Кто знаетъ, можетъ жители Загреба, любуясь своими великолѣпными домами, считали себя прочно обеспеченными,—и вдругъ ударъ землетрясенія, и великолѣпныя дома въ развалинахъ, а владѣльцы ихъ — нищіе. Кто знаетъ, можетъ жители Содома и Гоморры, обладая землею, которая цвѣла, какъ *рай Божій*, восхищались своими великолѣпными помѣстьями,—и вотъ когда они довольные и счастливые ѣли, пили, покупали, продавали, садили, строили,—пролился съ неба дождь огненный и сѣрный и истребилъ всѣхъ (Лук. 17, 28. 29). Все это несомнѣнно было; бываетъ и теперь: наводненія и

землетрясенія истребляютъ села и города, банки на нашихъ глазахъ прекращаютъ платежи, — торговые дома объявляютъ себя несостоятельными; фабрики, заводы, желѣзныя дороги калечатъ людей. Почему же думаемъ, что подобныя несчастія не могутъ случиться съ нами? «Не полагайся, поучаетъ Премудрый, на имущества твои и не говори: станеть на жизнь мою» (Сир. 5, 1). «Не говори: довольно у меня, и какое отнынѣ я могу потерпѣть зло (11, 24)»? Кто поручится, что мы всегда будемъ цѣлыми и невредимыми? Что имѣнія у насъ ничто и никто не отъиметь, должности насъ не лишатъ, что мы будемъ всегда сильны и здоровы, здоровы и тѣломъ и душею? Кто поручится, что мы не оставимъ жены своей вдовою, а дѣтей сиротами? Что же будемъ дѣлать въ день посѣщенія Божія, когда придетъ «гибель издалека» (Ис. 11, 3), никѣмъ непредвидимая, никѣмъ неожиданная? Кто призритъ насъ во время, «изобилующее правдою Божіею» (Ис. 11, 22), если мы сами никого не призирали во время, изобиловавшее для насъ милосердіемъ Божіимъ? Къ кому обратимся за помощію, если сами никому не помогали? Кто напитаетъ насъ (ибо можемъ лишиться и дневнаго пропитанія), если мы сами только ѣли, пили, веселились, и хладнокровно смотрѣли на то, какъ другіе и алчутъ, и жаждутъ, и наготуютъ? На кого оставимъ своихъ вдовъ и сиротъ, если сами обижали, чужихъ вдовъ и сиротъ? «Ты говоришь», глаголетъ Господь, «я богатъ, разбогатѣлъ, и ни въ чемъ не имѣю нужды; а не знаешь, что ты несчастенъ и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ, и нагъ (Ап. 3, 17). Подлинно живущій только для себя и несчастенъ, и жалокъ, и нищъ, и слѣпъ и нагъ; онъ не понимаетъ, онъ не чувствуетъ, что истинно-прочное богатство въ любви къ Богу и ближнему.

«Милуай нища взаимъ даетъ Богу». Вотъ вѣрный хранитель нашего имѣнія! Вотъ должникъ, которому всякій безопасно можетъ ввѣрить все, что имѣеть, и себя самого, и жену свою, и дѣтей своихъ, и имѣніе свое! Богъ—

должникъ милостиваго. Какое неизреченное снисхожденіе Божіе! Онъ, Творецъ неба и земли, Владыка ангеловъ считаетъ Себя должникомъ челоуѣка! Какое твердое основаніе надежды не потерять своего имѣнія, если это имѣніе ввѣрено нами Богу!

Господь милосердъ; Милостивый ли не помилуетъ милостиваго? Онъ грѣшниковъ милуетъ; оставитъ ли «преподобныхъ своихъ (Ис. 37, 28)? Онъ мытаря, который грабилъ другихъ, помиловаль; оставитъ ли праведника, который «расточи, даде убогимъ»? Нѣтъ; «правда» милостиваго пребываетъ во вѣкъ (2 Кор. 9, 9). Онъ разбойника, который убиваль другихъ, помянулъ во царствіи своемъ; забудетъ ли того, кто самъ не забываль другихъ, жалѣль ихъ, благотворилъ имъ? Нѣтъ; «не неправеденъ Богъ, чтобы забылъ дѣло ваше и трудъ любви, которую вы оказали во имя Его, послуживъ и служа святымъ» (Евр. 6, 10). Нѣтъ; Онъ «помянетъ всяку жертву», тѣмъ болѣе жертву милости, которой Онъ собственно и требуетъ отъ насъ. «Милости хочу, а не жертвы (Ос. 6, 6), говоритъ Онъ. «Не оставлю тебя; не покину тебя», говоритъ Онъ (Исус. Нав. 1, 5). И Онъ не оставитъ; Онъ не покинетъ; сторицею воздастъ.. «Всякъ», говоритъ Спаситель, «иже оставитъ домъ..., или села имене Моего ради, сторицею приметъ и сверхъ того животь вѣчный наслѣдитъ» (Матѹ. 19, 29). Нсизмѣняемый ли измѣнитъ своему слову? Всемоуціи ли не исполнитъ своего обѣщанія? «Взгляните на древніе роды», говоритъ Премудрый, и посмотрите: «кто вѣрилъ Господу и былъ постыженъ? Или кто взываль въ страхъ Его и былъ оставленъ? Или кто взываль къ Нему и Онъ презрѣль Его» (Сир. 2, 10)? Авраамъ былъ страннолюбивъ, и развѣ Господь не умножилъ сѣма его паче песка морскаго? Іовъ былъ око слѣпымъ, нога хромымъ, и развѣ Господь не удвоилъ его имѣнія? Апостолы оставили все и послѣдовали за Христомъ, и что же? Оставивъ уду и сѣти, они, по выраженію св. Златоуста, имѣли во власти своей имѣнія всѣхъ людей, ихъ поля,

дома и даже самыя тѣла вѣрующихъ; многіе готовы были даже умереть за нихъ (Гал. 4, 15). Филаретъ милостивый все имѣніе роздалъ бѣднымъ и Господь въ сей же жизни сторицею воздалъ ему, сдѣлавъ его тестемъ царя. Но не будемъ умножать примѣровъ. «Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно: дающая рука не оскудѣетъ никогда». Милостивый если «и падетъ, не разбѣется; ибо Господь подкрѣпляетъ руку его» (Пс. 36, 26); да и люди поддерживаютъ его. Справедлива русская пословица: не наживай сто рублей, а наживай сто друзей. А у истинно, похристіански милостиваго не сто, а болѣе друзей; ибо милосердіе невольно привлекаетъ къ себѣ сердца всѣхъ. Кому болѣе всего бѣдные желаютъ здоровья? Милосердому. О комъ усерднѣе Богу молятся? О немъ же. Кому отъ всѣхъ испрашивается Божіе благословеніе? Ему же (Прит. 22, 9). А на кого сыплются со всѣхъ сторонъ проклятій? На жестокосердаго. Здоровъ онъ? Бѣдные говорятъ: «вотъ какъ раздобрѣлъ отъ нашего хлѣба». Великолѣпны его хоромы? Кажется камни изъ стѣнъ возопіютъ и перекладыны изъ дерева отвѣчаютъ имъ: горе строящему на крови и созидающему неправдою (Ав. 2, 11. 12). Роскошно онъ одѣтъ? «Это не золото, не камни, а слезы обиженныхъ имъ блестятъ». Вотъ что слышитъ жестокосердый; но не онъ одинъ слышитъ; слышитъ это и Богъ правосудный. «Блаженъ разумѣваяя на нища и убога, въ день лють избавить его Господь» (Пс. 40, 1). А если не призираемъ на нища и убога, то кто избавить насъ, когда, какъ тать, придетъ къ намъ день лють? «Сотворите себѣ други отъ мамоны неправды, да, егда оскудѣете, примутъ вы въ вѣчныя кровы» (Лук. 16, 9) свои. А если живемъ только для себя; то кто приметъ насъ въ свой кровъ, когда оскудѣемъ? А вѣдь несомнѣнно оскудѣемъ: «ничего мы не принесли въ міръ; явно, что ничего не можемъ вынести изъ него» (1 Тим. 6, 7). «Нагъ я вышелъ изъ чрева матери моей, нагъ и возвращусь» (Іов. 1, 21). Кто же покроетъ наготу нашу? О! блаженъ, тысячу разъ блаженъ, иже имать южикъ въ Іерусалимѣ небесномъ.

Да, не тѣ деньги потеряны, которыя мы употребили на пропитаніе нищихъ, а тѣ потеряны, которыя израсходованы на чувствєнныя удовольствія,—эти прямо брошены въ помойную яму, употреблены на пищу тлѣнію и червямъ. Не тѣ деньги пропали, на которыя мы одѣли нагаго, а тѣ, которыя употреблены на разные, ненужные наряды; въ послѣднемъ случаѣ мы размѣняли чистое золото на тряпки. Не тѣ деньги безвозвратно погибли, на которыя построены больницы, богадѣльни, пріюты, страннопріимныя дома, а тѣ, которыя мы тратимъ на излишнее убранство комнатъ. Дома наши въ такомъ случаѣ не что иное, какъ поваленныя гробы. Дома красивы, а хозяинъ ихъ—мерзость заустѣнія.

Милосердіе имѣетъ чудное свойство: чѣмъ кто болѣе даетъ, тѣмъ болѣе получаетъ; чѣмъ кто болѣе расточаетъ, тѣмъ болѣе собираетъ. «Сѣйи скудостію, скудостію и пожнетъ. Сѣйи о благословеніи, о благословеніи и пожнетъ» (2 Кор. 9, 6). Вопросите своихъ отцевъ, вопросите старцевъ: видалъ ли кто изъ нихъ, слыхалъ ли, чтобы люди бѣднѣли отъ милосердія, разорялись отъ благотворительности? Нѣтъ; разоряются люди не отъ благотворительности, бѣднѣютъ не отъ милосердія, а отъ жадности, отъ корыстолюбія, отъ лѣности, отъ разврата. Ахъ! не такъ страшны для домовъ нашихъ бури и непогоды, наводненія и землетрясенія, какъ страшна неправда, содѣянная нами, вошли къ Отцу небесному, вздохи и слезы нами обиженныхъ. Много прекрасныхъ домовъ, веселыхъ усадебъ спесено съ лица земли, такъ что и слѣда ихъ не осталось; мною великолѣпныхъ помѣстій и замковъ лежатъ въ развалинахъ и служатъ убѣжищемъ совѣ и нетопырей. Лежатъ въ развалинахъ и цѣлые города и цѣлыя царства. О! еслибы эти камни могли говорить! Какая бы страшная картина человѣческаго нечестія возстала предъ нами! Увы! и нынѣ праведный можетъ говорить эти страшныя слова: «видѣлъ я нечестивца грознаго, расширяшагося подобно укоренившемуся многолѣ-

твистому дереву; но онъ прошелъ, и вотъ нѣтъ его; ищу его и не нахожу» (Псал. 46, 35). Но за то какъ отрадны, какъ утѣшительны слѣдующія слова св. Давида: «я былъ молодъ и состарѣлся и не видалъ праведника оставленнымъ, и потомковъ его просящими хлѣба. Онъ всякій день милуетъ и въ займы даетъ, и потомство его въ благословеніи будетъ» (— 25. 26). «Сильно на землѣ будетъ сѣмя его». «Слава и богатство въ дому его» (Пс. 111, 2. 3).

Эти слова св. Давида да будутъ отвѣтомъ тѣмъ изъ насъ, которые говорятъ: «я не для себя собираю, а для дѣтей; не хочу оставить ихъ въ бѣдности». Зачѣмъ оставлять дѣтей въ бѣдности? Кто пожелаетъ этого своимъ дѣтямъ?

Но, возлюбленный мой о Господѣ братъ, оставимъ лучше своимъ дѣтямъ доброе имя. «Его отецъ былъ добрый, честный, милостивый человѣкъ». Что можетъ быть лучше, что сильнѣе подобной рекомендаціи? Значить, скажутъ, и сынъ такой же: яблоко отъ яблони не далеко падаетъ. «Доброе имя», говоритъ Премудрый, «лучше большаго богатства и добрая слава лучше сребра и золота» (Пр. 22, 1). Доброе имя отца въ несчастіи даетъ сыну утѣшеніе, а въ искушеніи поддержку. Оно, какъ печать Господня на челѣ, будетъ свидѣтельствовать всѣмъ, что онъ—сынъ достойныхъ родителей, какъ вѣнецъ изъ драгоценныхъ камней, будетъ украшать главу его. «Иже безъ порока поживетъ въ правдѣ, блаженны оставитъ дѣти своя» (Прит. 20, 7). «Слава человѣка отъ чести отца его» (Сир. 3, 11), а не отъ денегъ.

Оставимъ своимъ дѣтямъ любовь другихъ. Ничто столько не уравниваетъ путей жизни, какъ любовь къ намъ другихъ: она и кривизны исправляетъ, и отъ паденія предохраняетъ, и неровные пути дѣлаетъ гладкими. «Отецъ его помогъ мнѣ; ему я много обязанъ. Помогу же я его сыну», и съ удовольствіемъ помогутъ добрые люди. Вотъ что услышать отъ другихъ дѣти добраго отца; эти слова способны усладить всякое горе, паче елея, радо-

стію умащать лице сына. Доброе дѣло никогда не пропадаетъ даромъ; какъ сѣмя, брошенное въ землю, оно непременно плодъ принесетъ.

Оставимъ дѣтямъ въ наслѣдство промыслъ Божій, заступленіе Матери Божіей и святыхъ Его. Не забудемъ, что если сами о чемъ слишкомъ заботимся, то Богъ перестаетъ заботиться. Не безопаснѣе ли вручить своихъ дѣтей Богу, чѣмъ богатству, которое, по выраженію Премудраго, «имѣетъ крылья; устремились глаза на него, и его уже нѣтъ» (Пр. 23, 5)? Ужели Богъ, создавшій дѣтей нашихъ по образу своему, оставитъ ихъ безъ своего отеческаго призрѣнія, особенно, если мы сами своимъ челоуѣколюбіемъ содѣйствовали промыслу Его въ призрѣніи бѣдныхъ? Если св. пророкъ Ілія за малый опрѣснокъ, поданный Сарептскою вдовою, спасъ ее и сына ея отъ голода; то подумаемъ, скажемъ словами св. Златоуста, какое милосердіе явитъ Господь Ілію! Позаботимся о томъ, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ не богатыми, а благочестивыми. Если наши дѣти будутъ воспитаны «въ благочестіи, которое на все полезно, обѣтованіе имущее, живота нынѣшняго и грядущаго; въ страхѣ Божіемъ, который произращаетъ миръ и невредимое здоровье, улаживаетъ сердце и даетъ веселіе, радость и долгоденствіе» (Пр. 1, 12. 18); если будутъ приучены къ трудолюбію, то и при бѣдности найдутъ большее утѣшеніе въ добродѣтели, и съ малымъ будутъ счастливы, и малое, оставленное имъ родителями, трудами своими приумножатъ. Если же будутъ не благочестивы; то... негодному сыну не въ прокъ отцовское богатство. «О! лучше умереть бездѣтнымъ, нежели имѣть дѣтей нечестивыхъ» (Сир. 16, 4). Оставляя такому сыну богатство значить бросать его въ бездонную пропасть, подкладывать огонь къ огню, подливать масла въ раскаленную печь, давать пищу пороку, средства — преступленію. Послѣ смерти отца, тотчасъ найдутся хорошіе пріатели и прахомъ разлетится цѣлю

жизнію нажитое богатство. «Много такого видѣло око мое, говоритъ Прсмудрый, еще болѣе того слышало ухо мое» (Сир. 16, 6). Отцы наживали, а дѣти прожили; дѣды были вельможами, а внуки въ рубищѣ, чуть не умирають съ голоду. Нѣтъ; не тотъ отецъ оставляетъ дѣтей своихъ счастливыми, кто оставляетъ ихъ богатыми, а тотъ, кто «отъ юности напиталъ ихъ хлѣбомъ разума и напоилъ водою мудрости». Эта мудрость весь «домъ ихъ наполнить всѣмъ, чего желаютъ, и кладовыя ихъ произведеніями своими; она вознесетъ ихъ надъ ближними своими, и среди собранія откроетъ уста ихъ. Веселіе, и вѣнецъ радости, и вѣчное имя наслѣдуютъ они. Но не постигнуть ея люди неразумныя и грѣшники не увидятъ ея. Далека она отъ гордости, и люди лживыя не подумаютъ объ ней» (Сир. 1, 17; 15, 3. 5 — 8).

Протоіерей Михаилъ Некрасовъ.

ГНИЛЫЯ РЪЧИ.

СЛОВО ВЪ ОСЬМУЮ ГОДОВЩИНУ БРАТСТВА СВ. ПЕТРА
МИТРОПОЛИТА, 1880 ГОДА, 21 ДЕКАБРЯ.

„Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть благо къ назиданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ“ (Еф. 4, 29).

Въ сихъ словахъ Апостола содержитсяъ ученіе о томъ, какъ должно обращаться съ словомъ. Апостоль предостерегасть христіанъ отъ употребленія гнилыхъ словъ и заповѣдусть говорить только назидательныя рѣчи.

Предостерегая отъ гнилыхъ словъ, Апостоль имѣеть въ виду сходство ихъ съ гнилымъ деревомъ. Иное дерево можетъ быть очень красиво на видъ, бросается въ глаза чистою корою, обиліемъ вѣтвей и листьевъ, можетъ своею наружностію подкупать глазъ зрителя; но отъ него не ждите плода, или оно дастъ плодъ недоброкачественный, незрѣлый, нездоровый,—потому что внутри дерево повреждено, тронута гниlostію, болѣзненно, худосочно. Есть и слова, подобно дереву гнилыя. Это прежде всего слова праздныя; они могутъ быть очень красивы, остроумны, увлекать слушателей, но въ тоже время пусты по содержанію. Такъ иной способенъ долго и много проговорить о погодѣ, о томъ, что видѣлъ на дорогѣ, въ церкви, въ гостяхъ, на рынкѣ, пересыпать свою рѣчь блестящими остроуміями, произвестъ въ слушателяхъ смѣхъ, поддержать въ нихъ веселое настроеніе; но подъ конецъ отъ его словъ остается одно смутное впечатлѣніе, зевота, душевная пустота, такъ что слушатель, оставшись наединѣ

и хорошенько разобравъ прослушанья, остроумныя и смѣхотворныя, въ сущности же безсодержательныя рѣчи, самъ удивляется, какъ это у него достало терпѣнія слушать ихъ, какъ это онъ еще могъ восхищаться ими.

По слову Христа Спасителя, «за всякое праздное слово люди дадутъ отвѣтъ въ день суда» (Мат. 12, 36). На этомъ судѣ строго будутъ судимы праздныя слова за то, что въ нихъ нѣтъ ничего хорошаго для говорящаго и слушающаго ихъ, хотя въ нихъ, повидимому, ничего нѣтъ и положительно худаго, въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи преступнаго. И ничего нельзя возразить противъ этого строгаго суда: онъ вполне правъ, потому что праздныя слова, какъ ни казались бы невинными, суть злоупотребленіе дара слова, которое дано намъ для прославленія Бога, для пользы ближнихъ, а не для празднословія. Но предостерегая отъ гнилыхъ словъ, Апостоль имѣетъ въ виду не одно, несправедливо называемое невиннымъ, празднословіе, но вмѣстѣ и главнымъ образомъ слова положительно преступныя въ отношеніи религіозномъ и нравственномъ. Отъ гнилаго дерева раждается гнилой, злокачественный и негодный къ употребленію, даже вредный для здоровья плодъ. Такъ изъ устъ человѣка исходятъ нерѣдко слова, которыя, какъ плодъ растлѣннаго сердца и ума, не только не полезны, но положительно вредоносны говорящему и слушающему. И какъ много такихъ гнилыхъ вредоносныхъ словъ ходитъ по бѣлу свѣту!—Укажемъ на нѣкоторыя виды ихъ.

Вотъ человѣку плохо живется на свѣтѣ; его житейскія дѣла не въ порядкѣ, успѣха въ нихъ нѣтъ. Между тѣмъ сосѣду его, человѣку недалекому по уму и нехорошему по жизни, во всемъ удача. Какъ не позавидовать! И люди недовольные своею судьбою не только завидуютъ, но еще изрыгаютъ слова ропота на Бога, упрекаютъ Его въ недостаткѣ правосудія въ распредѣленіи земныхъ благъ. Не слѣдовало бы, по ихъ суду, допускать, чтобы недостойные благоденствовали, а достойные бѣдствовали. Сло-

ва поистинѣ гнилыя, и плодъ отъ нихъ гнилой! Они свидѣтельствуя объ отсутствіи въ говорящемъ смиренія, и потому только прогнѣвляють Бога. Воли Божіей конечно такія слова не измѣнять, вразумленій отъ насъ Богъ не приметъ. Ропщущіе на Бога—это плюющіе на небо. Брызги отъ ихъ слюны на нихъ же падаютъ. Лучше бы имъ не дѣлать этого, жалѣючи себя. Но этого мало,—они еще втягивають въ свой грѣхъ другихъ: гниль удобосообщительна. Имъ нужно сочувствіе чье бы ни было, и вотъ въ надеждѣ найти это сочувствіе, они дѣлается своими жалобами на Бога съ другими, — и если успѣють въ этомъ случаѣ достигнуть своей цѣли, — то, явно, вмѣстѣ съ собою губятъ и ихъ.

Употребленіе имени Божія всеу — одинъ изъ распространенныхъ видовъ гнилословія. Сюда относятся также кощунство, богохульство, произнесеніе словъ св. Писанія въ превратномъ смыслѣ; наприм. въ оправданіе лжи нерѣдко повторяють слова изъ Псалтири: «ложъ конь во спасеніе», — тогда какъ здѣсь говорится не о лжи, а о конѣ, — о томъ, что конь не надеженъ для спасенія отъ гнѣва Божія, — отъ гнѣва Божія не убѣжишь ни на какомъ конѣ. — Привычка къ божбѣ и сроднымъ съ нею гнилымъ словамъ свидѣствуетъ объ отсутствіи въ сердцахъ страха Божія; а гдѣ нѣтъ страха Божія, гдѣ отсутствіе его громко заявляется въ дерзкихъ словахъ нечестія, тамъ нѣтъ прочной основы для нравственности, для благоустроенія жизни частной и общественной. Всякія другія основы въ томъ и другомъ случаѣ, помимо страха Божія, гнилыя основы. Горе обществу, въ которомъ уста нечестивыхъ свободно, не встрѣчая ни отъ кого противодѣйствія, изрыгають слова нечестія: «Усты нечестивыхъ раскопается градъ» (Притч. 11, 11).

Къ гнилымъ словамъ относятся пересуды. Охотники до нихъ вредятъ и себѣ самимъ, ибо нельзя безнаказанно поступать вопреки заповѣди Христа Спасителя: «не судите, да не судими будете», — и тѣмъ, кого они осуждаютъ, ибо

подрываютъ къ нимъ уваженіе, довѣріе, и какъ сами относятся къ нимъ безъ снисхожденія, безъ сожалѣнія, такъ и въ другихъ убиваютъ къ нимъ сочувствіе. Гнилой, вредоносный плодъ даютъ особенно пересуды, соединенныя съ клеветою. Клеветникъ есть слуга того злаго существа, котораго самое имя (діаволь) означаетъ клеветникъ. Клевета посягаетъ на честь ближняго, приписывая ему безчестныя поступки. Честь же для инаго есть такое благо, которое дороже самой жизни, — «добрѣе бо мнѣ паче умерети, нежели похвалу мою кто да испразднить» (1 Кор. 9, 15). Клеветникъ, отнимающій у ближняго это драгоценное благо, есть величайшій врагъ его. Въ наше время страсть къ распространенію клеветы и всякаго рода сплетней нашла себѣ пріютъ во многихъ органахъ печатной гласности, завѣдомо промысляющихъ этимъ ходкимъ въ публикѣ товаромъ. Особенно страдаетъ отъ печатной клеветы духовенство. Есть органы гласности, которые ни однимъ добрымъ словомъ не проговорятся о служителяхъ церкви, о ихъ трудахъ и заслугахъ для церкви, но съ радушіемъ принимаютъ на свои страницы всякія злыя вѣсти о нихъ, большею частію выдуманныя людьми злонамѣренными, и всячески стараются вооружить противъ нихъ общественное мнѣніе, а оправданій отъ оклеветанныхъ или совсѣмъ не принимаютъ, или принимаютъ тогда, когда клевета, переходя изъ одной газеты на страницы другой, успѣла обойти весь свѣтъ. Представители печати въ настоящее время сильно жалуются на стѣсненіе будто бы для нихъ свободы, и хлопочутъ о совершенномъ освобожденіи отъ цензуры. Помилуй Богъ, если ихъ хлопоты увѣнчаются успѣхомъ. И теперь, при существованіи надъ ними нѣкотораго надзора, тѣжко достается отъ нихъ невиннымъ людямъ, а съ отмѣною этого надзора, честнымъ людямъ совсѣмъ некуда будетъ отъ нихъ дѣваться. Вражда противъ церкви и религіи прежде всего скажется тогда въ усиленныхъ нападеніяхъ на служителей церкви. Таковъ гнилой плодъ гнилаго печатнаго слова!

Клевета унижаетъ человѣка, ложно обвиняя въ предосудительномъ образѣ мыслей и дѣйствій. Это постыдно, но не менѣе постыдна лесть, или лукавая угодливость, когда хвалятъ въ лице человѣка, незаслуживающаго похвалы, превозносятъ его поступки и предпріятія, сами по себѣ незамѣчательныя, недобрыя его дѣла называютъ добрыми, безусловно соглашаются съ его мнѣніями, часто ложными. Слова лести, какъ и клеветы, гнилыя слова. Они пагубны для льстеца: «мужа кровей и льсти гнушается Господь» (Пс. 5, 7). «Горе глаголющимъ лукавос доброе, и доброе лукавое» (Иса. 5, 20). Слова льстивыя, какъ и всякая вредная гниль, пагубны для выслушивающихъ лесть. Не всякій пойметъ лицемѣріе и корыстную цѣль въ словахъ льстеца. Иной, недалъновидный, пожалуй, повѣритъ ему и заберетъ въ голову, что дѣйствительно онъ имѣетъ приписываемыя ему достоинства, и возгордится. Лесть усыпляетъ въ человѣкѣ сознаніе своихъ недостатковъ. Отуманенный лестію, глупый почитаетъ себя умнымъ; погрязній въ глубину пороковъ смотритъ на нихъ, какъ на невинныя шалости; безчестный богачъ, нажившій милліоны обманомъ и притѣсненіемъ ближнихъ, воображаетъ себя героемъ чести; несправедливый и беспечный начальникъ — образцемъ справедливости и начальственной мудрости. Особенно пагубно дѣйствуетъ лесть на молодыхъ людей. Современныя намъ волненія учащейся молодежи въ значительной степени поддерживаются тѣми же либералами, которые и въ обществѣ и въ печати съ какимъ-то непонятнымъ раболѣпствомъ становятся на ея сторону, выражаютъ сочувствіе къ ея притязаніямъ, сожальютъ о неудовлетвореніи этихъ дерзкихъ притязаній, и съ ожесточеніемъ опрокидываются на людей честныхъ и прямыхъ, единственно по доброжелательству къ ней, неодобрительно отзывающихся о ея увлеченіяхъ и отъ души совѣтующихъ ей заниматься однимъ ученіемъ, а не устроеніемъ разныхъ противозаконныхъ сходовъ. Къ сожалѣнію, голоса трезвыхъ людей, старающихся направить

нашу молодежь на путь истины, заглушаются голосами льстецовъ ея. Словамъ, солию мудрости раствореннымъ, она предпочитаетъ гнилыя рѣчи льстецовъ, часто злонамѣренныхъ, парочно возмущающихъ воду, чтобы легче поймать въ ней рыбу.

Самый постыдный видъ гнилыхъ словъ есть срамословіе. Въ томъ, кто привыкъ къ нему, оно указываетъ на нечистоту сердца, на развращенность воображенія и еще болѣе растлѣваетъ его душу и увеличиваетъ вкрадшуюся въ нее гнилость. Но эта гнилость растлѣваетъ не одного срамослова,—она заражаетъ и другихъ, которые вольно или невольно выслушиваютъ его. Срамословіе знакомитъ невинныя души съ разнообразными видами самаго грязнаго разврата, скоро и легко возбуждаетъ въ нихъ нечистыя представленія и пожеланія, тогда какъ безъ того, можетъ быть, онѣ навсегда сохранили бы цѣломудріе и непорочность.—Къ срамословію относятся не однѣ срамныя ругательства, но также неприличныя пѣсни, нескромныя бесѣды и шутки, также инныя книги, описывающія развратъ въ заманчивыхъ для плотоугодливыхъ читателей картинахъ. Гниль этихъ описаній распространяетъ смрадъ и заразу на обширныя пространства. Они разчитаны на нецѣломудренныя вкусы людей и потому быстрѣе эпидеміи расходятся повсюду.

Пословицы и поговорки справедливо почитаются выраженіями народной мудрости. Къ сожалѣнію, и между ними попадаютъ выраженія народнаго невѣжества и грубости.—Есть пословицы и поговорки поистинѣ гнилыя; въ нихъ закрѣплена ложная, часто нечестивая мысль и подъ ихъ покровомъ безпрепятственно гуляетъ повсюду, какъ непреложная истина. Напримѣръ: «Гласъ Божій вызвонитъ изъ ада душу грѣшника» (о вкладѣ на колоколь за упокой самоубійцы).—Пьянъ, да уменъ—два угодыя въ немъ.—Господи прости, въ чужую клѣтъ пусти.—Чему быть, тому не миновать».

Не перечисляя многихъ другихъ видовъ гнилословія, пе-

реходимъ къ главной цѣли нашего слова,—къ русскому расколу старообрядства. Все сказанное нами имѣеть ту связь съ этимъ печальнымъ явленіемъ русской церковной жизни, что расколъ есть не что иное, какъ собраніе гнилыхъ словъ. Если хотите, въ немъ совмѣщаются всѣ тѣ виды гнилословія, на которое мы указали.—Такъ, не только неприемлющіе, но и приемлющіе священство старообрядцы утверждаютъ, будто вопреки обѣтованію Спасителя о вѣчности и неодолимости основанной Имъ церкви, она со времени Никона или, какъ думаютъ одни, совсѣмъ прекратила свое существованіе и наступило царство антихриста, или, по мнѣнію другихъ, цѣлыхъ двѣсти лѣтъ она могла просуществовать безъ епископовъ и быть окормляема бѣгствующими священниками, лишенными благодати священнодѣйствовать таинства. Утверждать то и другое не значить ли обвинять Главу церкви въ томъ, что Онъ не исполнилъ того, что обѣщаль, не сдержалъ своего слова, не значить ли всю вину слагать на Него, себя признавать правыми, а Его неправымъ, какъ свойственно вообще ропшущимъ на Бога, недовольнымъ Его промыслительными дѣйствіями? Не значить ли говорить гнилыя слова?

Старообрядцы однихъ себя именуютъ истинными христианами, утверждая, что они одни чтутъ православно Христа Бога. Но если при этомъ они хулятъ церковь, ея священноначаліе, таинства, то не все ли они чтутъ Христа? Хулящіе церковь, въ которой Христосъ пребываетъ своею благодатію, которая составляетъ Его тѣло, не хулятъ ли самого Христа? Не повинующійся законнымъ пастьрямъ церкви, не отпадаетъ ли, не отбрасывается ли самого Христа? Неприемлющіе спасительной благодати Божіей, подаемой въ таинствахъ, совершаемыхъ законными епископами, отъ апостоловъ ведущими преемство, и пресвитерами, и мнящіеся быть причастниками благодати или помимо таинствъ, или чрезъ подобіе таинствъ, совершаемыхъ незаконными священнослужителями, — напрасно говорятъ, что угождають Христу. Они все призываютъ Его святое имя,—они говорятъ гнилыя рѣчи. Отступленіе

отъ церкви оправдывать ревностію по старой вѣрѣ, но при этомъ подь старою вѣрою разумѣть только старыя или мнимо-старыя обряды,—не значитъ ли кощунствовать надь старою вѣрою, не значитъ ли злоупотреблять ею именемъ, какъ будто вѣра не можетъ быть мыслима безъ той или другой формы обряда?

Къ гнилымъ словамъ мы отнесли пересуды и клеветы, лести и срамословіе. Все это есть въ расколѣ.—Грѣшно осуждать частныхъ людей, но несравненно грѣшнѣе осуждать всю православную церковь; и чего-чего не говорятъ въ осужденіе ея непризванные судіи, заклятые враги ея! Трехперстіе, четвероконечный крестъ, имя Іисусъ, трегубое аллилуія, хожденіе противъ солнца,—все это будто нововведенія, все это великія преступленія противъ истины вѣры. Еще болѣе возмутительны другія обвиненія старообрядцевъ на церковь, непорочную невѣсту Христову. И Символь-то вѣры она измѣнила, и духу лукавому повелѣваетъ молиться, и безгрѣшнаго Сына Божія называетъ грѣшнымъ, и всѣ службы и чины церковныя исказила,—и т. п. Сколько гнилыхъ словъ въ этихъ обвиненіяхъ! Сколько въ нихъ клеветы и злости!—А вотъ и лукавая лестъ съ цѣлю уловленія въ расколъ: «Хорошій ты человекъ, худо только то, что ты никоніанецъ. Переходи къ намъ, у насъ старая вѣра, по нашей вѣрѣ спаслись святыя угодники. Мы тебѣ и въ нуждѣ поможемъ. И заживешь ты счастливо. Люди нашей вѣры зажиточнѣе церковныхъ» и т. п. Этими гнилыми словами легко уловляются легкомысленные и простодушные. А пастырямъ церкви трудно услѣдить за этими совращеніями,—они совершаются воровски.—Гнусно срамословіе, но между укоризнами старообрядцевъ противъ церкви есть такія, которыя суть тоже, что срамословіе.—Имя Іисусъ есть имя послѣдняго антихриста, четвероконечный крестъ—печать антихриста,—три перста въ крестномъ знаменіи—три апокалипсическія жабы,—что это какъ не срамословіе?—Таинство Евхаристіи безпоповцы обзываютъ такимъ непристойнымъ именемъ, которое срамно и глаголати.—

Немало и поговорокъ сочинено старообрадцами для закрѣпленія своихъ заблужденій. Напримѣръ: «не согрѣша, не помолишься.—Не грѣша не спокаешься; не спокаявшись, не помолишься; не молясь не спасешься.—Большой грѣхъ прощается скорѣе малаго, потому что человекъ покается.—Безъ бороды и въ рай не пустять.—Чай проклять на трехъ соборахъ, а кофе на семи.—Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай.—Привитая оспа—антихристова печать»*).

Намъ недостало бы времени перечислить гнилыя слова, какими обилуетъ расколъ. Къ сожалѣнію не мало гнилыхъ словъ можно слышать и отъ защитниковъ раскола. Они громко сѣтуютъ на то, что старообрядцамъ до сихъ поръ не дана полнѣйшая свобода въ исповѣданіи ихъ заблужденій, не дано право торжественно совершать свои лицедѣйственныя службы, открыто совращать православныхъ. Пусть дарованіе такой свободы, такого права будетъ служить къ поруганію церкви, искупленной кровію Христа и достигшей своего торжества путемъ тяжелой и продолжительной борьбы съ языческими-ересями и расколами,—для защитниковъ раскола это не важно,—для нихъ дорога свобода заблужденія и изувѣрства, а не истина, не православіе, которое они позорятъ гнилыми словами съ неменьшею злостію, какъ и раскольники.—Многіе потому ополчаются противъ церкви и стоятъ за расколъ, что сами не имѣютъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій. Ихъ не можетъ оскорблять униженіе церкви, потому что по своему образу мыслей они стоятъ внѣ ея. Имъ тутъ нечего терять, потому что они ничего, кромѣ запаса гнилыхъ, лжелиберальныхъ словъ, не имѣютъ.

Предостерегая отъ гнилыхъ словъ, Апостоль убѣждаетъ христіанъ къ тому, чтобы изъ ихъ устъ исходило только слово благое,—такое, которое служить къ свиданію вѣры и «даетъ благодать», т.-е. благотворно для слушающихъ. Примемъ, братія, къ сердцу это предостереженіе и наставленіе Апостола. Всѣ мы обязаны заботиться не о

*) Еще: „Женатые грѣшатъ да не каются, а мы грѣшимъ да каемся.—Лучше семерыхъ родить, чѣмъ за мужъ ходить.“

своемъ только спасеніи, но и о спасеніи ближнихъ, удерживая ихъ отъ заблужденій и пороковъ и направляя ихъ на путь истины, словами благими, къ созиданію вѣры. Но для достиженія сей цѣли недостаточныя одиночныя усилія каждаго порознь,—она успѣшнѣе достигается соединенными, дружными усиліями многихъ дѣятелей. Въ семь отношеніи, какъ и въ житейскихъ дѣлахъ, весьма благотворными являются парочитыя общества или союзы. Къ числу такихъ обществъ принадлежитъ Братство св. Петра митрополита, празднующее сегодня осьмую годовщину своего существованія. Оно поставило себѣ задачею споспѣшествовать спасенію ближнихъ, однихъ предохраняя отъ заблужденій раскола, другихъ ревнуя обратить отъ заблужденій къ истинѣ, путемъ бесѣды и изданіемъ книгъ, служащихъ къ вразумленію заблуждающихъ. Помолимся Господу, да продолжаетъ Онъ благословлять успѣхомъ его святую дѣятельность, помолимся, чтобы слова истины, исходящія отъ нашего Братства, падали на сердца слушающихъ, какъ роса на жаждущую землю, какъ цѣлительный елей на жгучія раны; и такимъ образомъ поистинѣ *давали благодать слушающимъ*, т.-е. были проводниками благодати Божіей къ ихъ спасенію. Но такъ какъ для сего потребно, чтобы сердца, на которыхъ сѣется слово истины, дѣйствительно жаждали ея, дѣйствительно ощущали нужду духовнаго врачеванія, то помолимся вмѣстѣ о томъ, чтобы Господь своею благодатію коснулся этихъ сердецъ, пробудилъ въ нихъ эту спасительную жажду и далъ болящимъ духовно, недугующимъ расколѣмъ, почувствовать свою болѣзнь. Кто не признаетъ себя больнымъ, хотя дѣйствительно боленъ, тотъ не приметъ лекарства. Кто не жаждетъ истины, не имѣетъ пріемлемости къ ней, тотъ останется глухъ къ голосу истины, какъ бы ни былъ громокъ и убѣдителенъ этотъ голосъ. Аминь.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

ЛІІІV.

Неискусные не должны братья за толкованіе Слова Божія.

(Изъ слова отъ патерика, яко добро есть трудитися монахоѡмъ. Прол. янв. 18 л. 561 на об.).

Любители чтенія священнаго Писанія часто нисколько не стѣсняясь берутся за толкованіе онаго. Вамъ, бр., я бы этого не совѣтоваль. Слово Божіе заключаетъ въ себѣ много сразу не совѣмъ понятнаго, таинственнаго, прообразовательнаго, загадочнаго, и толковать оное не многіе даже изъ святыхъ отцевъ брались. Кто же берется за это дѣло изъ неученныхъ и ради только тщеславія, тотъ тяжко грѣшитъ и очень жалокъ

Одинъ монахъ, прочитавъ въ Писаніи выраженіе: *не дѣлайте брашна глблющаго*, т.-е. старайтесь не о пищѣ тлѣнной (Іоан. 6, 27), вообразилъ, что по смыслу этихъ словъ челоѡвѣку нужно жить, какъ ангелу безплотному, и о списканіи пищи заботиться и вообще заниматься трудомъ тлѣснымъ грѣхъ. Надобно знать, что сіи слова Господа Исуса сказаны Имъ по поводу чудеснаго насыщенія Имъ пятью хлѣбами многочисленнаго народа. Накормленный народъ на другой день послѣ этого чуда искалъ Исуса, желая повторенія тогоже чуда. И вотъ Господь вразумляетъ желавшихъ этого, чтобы они не ожидали отъ Него въ другой разъ пищи тлѣнной, какая дарована имъ чудесно вчера, а заботились о пищѣ нетлѣнной, т.-е. о таинственномъ соединеніи съ Нимъ, которое Онъ устроитъ для всѣхъ въ таинствѣ тѣла и крови своей. Этого инокъ не понялъ. Также неправильно онъ понималъ и замѣчаніе Марѡ Спасителя: *Марѡ, Марѡ, печешися и молвиши о мнози* и проч. (Лук. 10, 41). Придя разъ къ преподобному Силуану въ гору Синайскую и увидавъ учениковъ его работавшими, онъ вздумалъ свое неразумное пониманіе вышеприведенныхъ словъ свящ. Писанія сообщить преподобному и его ученикамъ и сказалъ имъ, что работать, по слову Божію, якобы грѣхъ: *не дѣлайте брашна глблющаго; Марія бо благуу часть избра.* Дру-

гой кто можеть быть и повѣрилъ бы сго неразумному толкованію, но преподобный Силуанъ былъ человекъ мудрый и ктому же благодатію Божіею просвѣщенный. Онъ понялъ всю нелѣпость толкованія и непризваннаго учителя скоро вразумилъ. Обратившись къ ученику своему Захаріи, онъ сказалъ: «отведи гостя въ пустую комнату». Тотъ отвелъ. Прошло послѣ этого немного времени, и иноки сѣли обѣдать. Затворенный гость черезъ окно видѣлъ это и все думалъ: «вотъ сейчасъ позовутъ и меня». Однако никто его не звалъ. Мучимый голодомъ, онъ наконецъ не вытерпѣлъ. Вышедши изъ келліи, онъ подошелъ къ преподобному и сказалъ: «что вы, отче, нынѣ ѣли или пѣтъ?» «Ѣли», отвѣчалъ старецъ. «Чтожь вы меня не позвали?» продолжалъ гость. Силуанъ сказалъ: «да зачѣмъ же звать тебя? Ты человекъ духовный и пищи не требуешь; мы же плотяны и ѣсть хотимъ и ради этого вотъ и работаемъ. А ты вѣдь ктому же самъ про себя говоришь, что благою часть избралъ. Ну такъ читай книги и сытъ будешь словами духовными». Пристыженный гость, къ счастью, тутъ понялъ свое неразумное толкованіе и бросился старцу въ ноги. Старецъ, разумѣется, простилъ его, замѣтивъ: «не забывай, что и отъ тѣлеснаго труда есть польза. Вѣдь и Марія ради Марѣ похвалена была на вечери».

Итакъ, бр., по отношенію къ толкованію слова Божія будьте осторожны. Читайте оное, поучайтесь въ немъ, вникайте въ толкованіе на оное отцевъ святыхъ и духовныхъ пастырей, но чтобы думать, что сами вы можете лучше другихъ толковать оное и свои собственныя произвольныя толкованія навязывать другимъ, спаси васъ отъ этого Господь. И поумнѣе и въ тысячу разъ поученѣе насъ были Арій, Македоній, Несторій, Евтихій и подобные имъ; а чрезъ произвольное толкованіе слова Божія до чего дошли? Сколько душъ погубили? Сами знаете. Такъ снова повторяю, по отношенію къ толкованію слова Божія осторожны будьте. Аминь.

ЛІІІ.

О томъ, сколь прогнѣваетъ Бога скупость и неблагодарность.

(Слово о человекѣ, который спасся отъ болѣзни милостыни ради, и паки раскаявся умре. Прол. лѣт. 19 л. 564 на об.).

Въ болѣзняхъ и особенно тяжкихъ и скупые часто дѣ-

дѣлаются щедрыми. Желая выздороветь, но потерявъ всякую надежду на помощь врачей, они, какъ и всѣ, все готовы бываютъ отдать, только бы встать съ одра болѣзненнаго и избѣжать смерти,—благотворятъ щедрою рукою. Но прошла болѣзнь и щедрости какъ не бывало! И забываетъ алчный до денегъ милость къ нему Божию, ропщетъ на свою, какъ ему кажется, расточительность, и жалуется на свое малодушіе, и на что-на что не готовъ бываетъ, только бы возвратить розданное во время болѣзни! Неблагодарность къ Богу непростительная! Ожесточеніе крайнее! Выслушайте, брат., какъ гнѣвъ Божій постигаетъ иногда подобныхъ людей, и научитесь бѣгать скупости и неблагодарности къ Богу. Нѣкоторый человекъ, жившій во Царьградѣ, тяжело разболѣлся и, будучи объятъ ужасомъ смерти, положилъ привлечь къ себѣ милость Божию чрезъ милостыню. Онъ роздалъ нищимъ тридцать литръ золота, и милостыня дѣйствительно спасла его. Онъ выздоровѣлъ. Что бы послѣ сего, казалось, оставалось дѣлать ему, какъ не день и ночь благодарить Бога за свое спасеніе? Но нѣтъ! Крѣпко затужилъ онъ о золотѣ своемъ и мысль о розданной во время болѣзни милостынѣ не давала ему ни минуты покоя. Мучимый ею, онъ пришелъ разъ къ одному изъ своихъ друзей и открылъ ему свою скорбь. Сей былъ человекъ благочестивый и милостивый и пожелалъ вразумить сребролюбца. «Брось», сказалъ ему, совѣтъ дьявольскій и Бога, воскресившаго тебя ради милостыни, не гнѣви. Иначе, кто знаетъ? можетъ Онъ внезапно смертію тебя поразить, и тогда безъ покаянія умрешь».—Но скупецъ этими словами не вразумился. Тогда другъ сказалъ ему: «ну если не слушаешь меня, такъ вотъ что: пойдемъ со мною въ церковь; тамъ деньги твои я тебѣ возвращу, только скажи передъ Богомъ, что не ты сотворилъ милостыню во время болѣзни и твоей, а я». Сребролюбецъ очень радъ былъ такому предложенію, и оба пошли въ церковь. Тамъ получивши отъ друга золото и сказавши, чего онъ требовалъ, сребролюбецъ спокойно было пошелъ домой, но увя! дома своего увидать ему уже не пришлось. Въ дверяхъ церковныхъ онъ внезапно упалъ и тотчасъ же испустилъ духъ. Ужасъ объялъ присутствовавшихъ, которые во внезапной смерти неблагодарнаго скупца увидѣли явно наказаніе ему отъ Бога за его скупость и неблагодарность.

Другъ взявъ у умершаго золото свое и тутъ же роздалъ оно бѣднымъ.

Въ виду столь разительнаго примѣра пагубныхъ послѣдствій скупости и неблагодарности къ Богу, что сказать, бр., тѣмъ изъ васъ, которые чувствуютъ себя виновными въ томъ или другомъ изъ этихъ пороковъ? Вмѣстѣ съ вышеупомянутымъ случаемъ припоминайте чаще и слова Евангельскія къ хотѣвшему разорить житницы свои и большія воздвигнуть: *безумне, въ сію ночь душу твою истяжутъ отъ тебе: а яже уготовалъ еси, кому будутъ* (Лук. 12, 20); и слова Апостола Іакова: *пріидите нынѣ богатіи, плачтитеся и рыдайте о лютыхъ скорбехъ вашихъ, грядущихъ на вы. Богатство ваше изгни и ризы ваша моіе поядоша. Злато ваше и сребро изоржавъ и ржа ихъ въ послушество на васъ будетъ* (Іаков. 5, 1—3).

Священникъ Викторъ Гурьевъ.

ЗАМѢЧАНІЯ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

На Библейскую исторію протоіерея Б—ва и на газетную статью о крещеніи Господнемъ.

1) Соглашаясь съ мнѣніемъ (протоіерея Горскаго) разсматривавшаго книгу *) и конференціи (Московской академіи), справедливымъ признаю присовокупить, что она требуетъ значительнаго пересмотра и исправленія неточности въ сказаніяхъ, мысляхъ и слогѣ. Напримѣръ: «Богъ былъ вѣчно».—Здѣсь несообразность. *Былъ* означаетъ только прошедшее время: а *вѣчно*—всѣ времена.

«Міръ явился по одному Его слову».—Въ каждый изъ шести дней творенія Господь изрекалъ слово, и не одно:

«Это было не то небо, какое мы видимъ».—Читающій естественно спроситъ: какое же? Гдѣ же оно дѣлось? Откуда же взялось нынѣшнее?

«Твердь небесная».—Если хотѣли писать ясно: ясно ли это для отрока?

«Множитесь».—Это пославенски, а не порусски.

«То былъ день празднества для всего творенія Божія». Это фантазія, а не исторія.

*) Книга подъ заглавіемъ: „Сказанія заимствованныя изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго завѣта“, была представлена сочинителемъ къ новому изданію.

«На которыя было весело смотрѣть, а тѣмъ пріятнѣе ѣсть плоды съ нихъ».—Это не описаніе красоты рая, а выраженіе чувства лакомаго человѣка.

«Если ты благочестивъ, то не получишь ли прощенія»?—Переводъ не соотвѣствующій ни еврейскому, ни греческому тексту *). Прощеніе относится къ грѣшнику, а не къ благочестивому.

«На землѣ, которая отверзла челюсти свои».—Неупотребительно, грубо, неестественно.

«Не будетъ тебѣ ни мѣста на землѣ».

Гдѣ же будетъ послѣ сего Каинъ? На воздухѣ? Или подъ землею?

«Вся племена земная».—Это пославенски, а не по-русски.

«Авраамъ вышелъ изъ страны своей. Но вотъ между пастухами Авраамовыми и Лотовыми начались распри».—Читающій долженъ подумать, что тотчасъ по выходѣ изъ отечества на дорогѣ. Напротивъ того, Авраамъ по выходѣ изъ Месопотаміи жилъ въ Харранѣ, перешелъ въ Палестину, и тутъ-то уже начались распри между пастухами. Подобныя историческія скачки, сбивающіе съ пути читателя, не разъ встрѣчаются.

«Ну вотъ и ты»?—Это ли языкъ благословляющаго Исаака?

«Самый младшій былъ Іосифъ».—Неправда. Веніаминъ.

Стр. 81. «Послѣднимъ изъ судей былъ Сампсонъ».

Стр. 81. «Сдѣлался судіею первосвященникъ Илій». — И такъ послѣ послѣдняго судіи былъ еще судія, видно, очень послѣдній.

Указываю только примѣры; и повторяю, что пересмотра требуетъ многое.

Сентября 30-го 1861.

2) Статья о крещеніи Господнемъ **) подверглась неблагоприятнымъ сужденіямъ. И дѣйствительно пропущена (*цензурнымъ комитетомъ*) не съ довольною осмотрительностію. Напримѣръ Иисусъ Христосъ не являлся міру до

*) Быт. 4, 7; если дѣлаешь доброе, то не поднимаешь ли лица?

**) „Праздникъ крещенія Господа нашего Иисуса Христа“.—Съ этимъ заглавіемъ статья была помѣщена въ Вѣдомостяхъ московск. городской полиціи.

30 лѣтъ возраста, потому что *не позволялось и пр. *)*. Какъ будто Онъ подчиненъ былъ обыкновенному позволенію, или непозволенію.—*Въ слѣдующій за послѣднимъ посольствомъ іудеевъ къ Иоанну день Иисусъ явился для крещенія. На чемъ это основано?—Соединеніе двухъ праздниковъ **)* производится отъ незнанія дня того и другаго событія. Напрасно покрывается неизвѣстностію время послѣдняго событія ***); и притомъ незнаніе времени двухъ событій не ведетъ къ соединенію ихъ.—*Предстоятели церкви считали какъбы обязанностію въ день Богоявленія говорить поученія. Фраза пустая, ни къ чему не служащая.—Призывается благодать на воды, которая бы сдѣлала ихъ не только годными къ употребленію и пр. Неужели освящаютъ такую воду, которая безъ того не была бы годна къ употребленію? Къ чему въ московской газетѣ о праздникѣ Богоявленія латинскіе стихи и латинскіе обряды, безтолково разсказанные?—Три мальчика уходятъ въ алтарь. Да въ латинской церкви нѣтъ алтаря; тамъ престоль открытый.—И много еще нескладнаго. Надобно смотрѣть внимательнѣе. Января 18-го 1848.*

Сообщилъ Арх. Григорій.

ПИСЬМА МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1. *Къ 1-му войсковому атаману Донскаго войска, генералу отъ кавалеріи, Павлу Христофоровичу Граббе.*

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь! Съ утѣшеніемъ и сорадованіемъ отъ лица в. в—ва, и чрезъ васъ отъ всего достославнаго воинства Донскаго, въ новое лѣто, услышалъ я гласъ привѣта и благожелательства.

Съ равнымъ участіемъ привѣтствую васъ, мил. гос., и достойно предводительствуемое вами, сильное мужествомъ и любовію къ Царю и отечеству Донское воинство.

Вѣчный Владыка времянь да благословитъ для него и для васъ, равно какъ и для всего любезнаго отечества нашего, новое лѣто новыми дарами Своя благодати и

*) У евреевъ то-есть не позволялось выступать на общественную службу и быть народнымъ учителемъ раньше показаннаго возраста.

**) Въ древней церкви Рождество и Крещеніе Христово праздновались въ одинъ день.

***) Крещенія Господня. Лук. 3, 23.

Своего провидѣнія. Да благословитъ вашъ подвигъ и покой, трудъ и плоды его. Да будетъ небо благотворно землѣ вашей, и земля щедра на благопотребныя и полезныя для васъ произведенія. Наипаче же святая вѣра и благое житіе по заповѣдямъ Христовымъ да пребываютъ животноснымъ источникомъ, орошающимъ родъ настоящій и грядущій по немъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр.

Инваря 22-го 1866.

2. *Къ ректору Императорскаго Новороссійскаго Университета Ивану Дмитріевичу Соколову.*

Милостивый государь! Благосклонное Новороссійскимъ университетомъ приглашеніе меня въ составъ своего сословія принялъ я съ почтительною благодарностію къ достопочтенному сословію, и не безъ озабочивающей мысли.

По моему мнѣнію, почетное званіе или предполагаетъ заслугу, или призываетъ къ ней. Не могу приписать себѣ перваго, и для меня уже поздно было бы въ настоящемъ положеніи моемъ обѣщать послѣднее.

Могу только взывать, и искреннимъ желаніемъ взываю къ Высочайшему Источнику истины, да изливаетъ Онъ на новую обитель просвѣщенія обильный свѣтъ чистой истины, раждающей вѣрныя правила жизни, плодотворящей знанія, благотворныя, охранительныя и спасительныя для человѣчества.

Благодаря и васъ, мил. гос., какъ посредника, съ совершеннымъ уваженіемъ имѣю честь быть и пр. 30 іюля 1867 г.

Отношеніе г-на ректора Новороссійскаго Университета къ м. Филарету отъ 21 іюня, слѣдующаго содержанія: „Въ чувствахъ глубокаго уваженія къ неусыниному служенію в. в—ва на пользу русскаго просвѣщенія, къ многоразличнымъ ученымъ трудамъ, плодами конхъ насыщается болѣе полвѣка не только вся Россія, но и весь единоувѣрный намъ Востокъ, совѣтъ Императорскаго Новороссійскаго университета единогласно призналъ васъ почетнымъ членомъ университета.

„Исполняю лестное для меня порученіе поднести в. в—ву дипломъ на это званіе и испрашиваю святительскаго благословенія вашего на начинающуюся дѣятельность Новороссійскаго университета“.

Сообщилъ Архим. Григорій.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1867, янв. 1. «Въ семь дѣлѣ представляется вниманію слѣдующее: 1) церковное Богослуженіе учреждается, чтобы молитвою воздать славу Господу Богу и обрѣсти милость Его. Но просители (*прихожане Волоколамской Христорождественской церкви*) въ семь святомъ дѣлѣ ищутъ денежныхъ выгодъ (*для храма и причта*), и сіи выгоды полагаютъ въ числѣ основаній своей просьбы. При семь еще есть неблаговидность, что спрошенныя прихожане отказываются отъ пожертвованія въ пользу церкви, и прибыли хотятъ искать отъ постороннихъ, тогда какъ ближайшая обязанность поддерживать приходскую церковь лежитъ на ея прихожанахъ. 2) Что прошеніе составлено усиленнымъ образомъ, сего признакомъ служитъ то, что подъ нимъ допущена подложная подпись Смирдиной (*кучихи*). 3) Святая церковь издревле опредѣлила начатки дня посвящать Богу, то-есть, въ ранніе часы совершать утреннюю службу. Не должно отступать отъ сего безъ нужды. Такая нужда встрѣчается въ большихъ городахъ, гдѣ жизнь расположеніемъ времени оразнообразилась новыми принятыми обычаями. Въ небольшомъ городѣ, гдѣ жизнь простѣе, удобнѣе, можно слѣдовать древнему церковному порядку. 4) Для нѣкоторыхъ есть всенощное бдѣніе въ Крестовоздвиженской церкви (*разрѣшенное на праздничные дни по ходатайству градской Думы*). Посему учинить слѣдующее: 1) благочинный и мѣстный священникъ изьяснять вышеписанное просителямъ, съ увѣщаніемъ, чтобы они уважали существующій донынѣ порядокъ во временахъ церковнаго Богослуженія и не облѣялись слѣдовать оному. 2) Мѣстному священнику изьявить неодобреніе за то, что принялъ участіе въ прошеніи, для цодкрѣпленія котораго употреблена подложная подпись».

1850, іюня 15. «1) Какъ въ Высочайшихъ повелѣніяхъ изображено, что пѣвческимъ хорамъ предоставляется исполненіе того или другаго правильнаго паѣва, по усмотрѣнію духовнаго начальства; что распоряженіе относи-

тельно клира и пѣнія принадлежитъ по іерархическому порядку епархіальнымъ архіереямъ, и что одобренныя директоромъ придворной пѣвческой капеллы духовномызыкальныя сочиненія употреблять должно не иначе, какъ въ печатныхъ экземплярахъ и притомъ съ разрѣшенія св. Синода: то консисторіи предписать благочиннымъ монастырей и церквей чтобы въ наблюденіи за правильностію церковнаго пѣнія руководствовались означенными Высочайшими повелѣніями, дабы древнее церковное пѣніе соблюдалось неизмѣнно, дабы неодобренное и св. Синодомъ перазрѣшенное пѣніе не было введено и дабы нововведеніями не было измѣняемо издавна въ церкви употребляемое, Богослуженію приличное и благочестивому слуху обычное пѣніе. 2) Списокъ съ сего указа (св. Синода отъ 26 мая) и съ сей резолюціи сообщить учрежденному въ Лаврѣ собору, академическому и обоимъ семинарскимъ правленіямъ. 3) Объявить также регенту архіерейскаго (Чудовскаго) хора».

1846, окт. 7. «Мѣдные оклады не составляютъ достойнаго украшенія для иконъ. Лучше возобновленныя (въ Иосифовомъ мон.) иконы оставить безъ окладовъ. Прочее утверждается».

1866, іюня 19. «Имя Экзарха дано Попову (пономарскому сыну Вологодской епархіи) неразсудительно. Это не есть имя святаго мужа. Въ Прологѣ подъ указаннымъ числомъ (16 янв.) написано: *въ тойже день словд Іоанна экзарха*. Это заглавіе слова, или сказанія, которое сказалъ Іоаннъ, имѣвшій въ Римской церкви чинъ или должность экзарха. Экзархъ *) есть названіе церковнаго чина или должности. Если Поповъ принять будетъ въ Лавру (послушникомъ): то переимѣнить сіе имя и дать ему имя одного изъ святыхъ».

1831, окт. 24. «Совѣтую цензурному комитету осмотрѣться, не въ нарушение ли привилегій синодальной типографіи и академіи наукъ пропущенъ столѣтній календарь (Брюсовъ) въ пользу частнаго лица.»

Сообщ. Арх. Григорій.

*) Духовное лицо, наблюдающее за нравственностію лицъ духовнаго званія.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

„Московскій Справочный Листокъ“.

Постоянно возрастающее население Москвы и разнообразныя условия общественной жизни, вызывая потребность въ такого рода печатномъ органѣ, который могъ бы специально служить для публики какъ бы справочною книгою по наиболѣе существеннымъ отраслямъ столичной дѣятельности, побудили меня предпринять изданіе ежедневной газеты подѣ названіемъ „Московскій Справочный Листокъ“ съ отдѣлами: церковнымъ, официальнымъ, судебнымъ, медицинскимъ, учебнымъ, зрѣлищъ и увеселеній, желѣзно-дорожнымъ, разныхъ объявленій, торговымъ.

„Газета“ эта выходитъ въ свѣтъ съ 1-го октября 1880 года ежедневно, за исключеніемъ дней слѣдующихъ за праздничными и табельными, свѣдѣнія конхъ будутъ всегда помѣщаемы раньше, т.-е. въ предъидущихъ № №.

Подписная цѣна. Въ Москвѣ съ доставкою на 12 мѣс. 3 руб., на города 4 р. на 6 мѣс. въ Москвѣ 2 р., на города 2 р. 50 к. на 3 мѣс. въ Москвѣ 1 р. 30, на города 2 р. 30 к., на 1 мѣс. въ Москвѣ 50 к., на города 1 р.

Подписка и объявленія принимаются въ Москвѣ, въ конторѣ изданія: *типографіи Индриха*, у Срѣтенскихъ воротъ, пачало Рождественскаго бульвара, д. Малюшина.

Редакторъ *Орнатскій*.
Издатель *Волчковъ*.

Продаются книги у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга, Москвы, Казани, Кіева, Харькова, Одессы, Тифлиса и у самого сочинителя и издателя, Законоучителя четвертой Прогимназіи М. Н. Просв. и Пиротехн. Артил. Училища протоіерея Спасобочаринской Тихвинской церкви (въ Спб., на Выбор. стор., Воскр. ул., д. № 11, близъ Воскр. моста). *Василія Михайловскаго*.

1) „Сокращенный молитвенникъ“, изъясн. и пер. 7-е изд. съ 1871 г. Ц. 8 к. безъ пер. Спб. 1878 г. 2) „Молитвенникъ“. Съ изъясн. и пер., съ карт. Спб. 1878 г. 6-е изд. Ц. 12 к. безъ пер. 3) „Начальное обученіе Православной Вѣрѣ“. Съ картинками. Ц. 20 коп. безъ перес. 4) Священная Исторія Вѣтхаго Зав. 3-е изд. 1881 г. Ц. 30 к. 5) Священная Исторія Новаго Зав. 3-е изд. 1881 г. Ц. 35 к. 6) „120 картинъ“ къ Свящ. Исторіи В. и Нов. Завѣта съ подписью главныхъ мыслей разсказа. Ц. 50 к. безъ пер. 7) „Краткое объясненіе Божественной Литургіи Св. Іоанна Златоуста“. Ц. 7 коп., съ 2 карт. 3-е изд. 8) „О Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ“. Ц. 2 к. 9) „Объясненіе обрядовъ“ при совершеніи Св. Таинствъ въ П. Ц. Ц. 10 к. безъ карт., а съ 7 карт. 35 к. 10) „О главѣйшихъ праздникахъ Православной Церкви и Страстной недѣль“. Съ 18 картинами. Ц. 15 коп. безъ перес. 11) „Ученіе о Православномъ Богослуженіи“. Изд. 12-е, съ 50 рисунками. Ц. 30 к. безъ пер. 12) „Словарь“ Пра-

восславнаго Церковно-Богослужебнаго языка и священныхъ обрядовъ. Ц. 50 к. безъ пер., съ пер. 80 к. 2-е изд. 13) „О Святыхъ Таинствахъ“ въ Православной Церкви и объ отношеніи къ нимъ православныхъ. Ц. 15 к., за пер. каждыя 5 экз. 20 к. 14) „О Римско-Католической Церкви“. Ц. 20 к. безъ пересылки. 15) „Воскресные Листки. Вып. 1-й. Объясненіе Евангельскихъ чтеній на Литургіи во всѣ воскресные дни года съ 44 картинками. 1879 года Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к. 16) „Объясненіе“ Апостольскихъ чтеній на Литургіи во всѣ воскресные дни года съ прилож. Вып. 2-й Воскр. Листковъ. Спб. 1879 г. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. 17—27) Изданы для народа избранныя житія святыхъ: Антипы 5 к., Св. Кирилла и Меодія 5 к., Св. Николая Чудотворца 5 к., Св. Великомуч. Екатерины 5 к., Св. Ап. Павла 15 к., Св. Ап. Петра 5 к., Св. Ап. Иоанна 5 к., Св. Равноап. Владиміра 10 к., Св. Варвары 5 к., Св. Тихона 10 к. Од. У. К. М. Н. П. 28) „Постъ, его происхожденіе и польза“. Ц. 10 к. 3-е изд. 29) „Иисусъ Христосъ—Свѣтъ и Спаситель міра. Ц. 20 к. 30) „Библейскій Богословскій Словарь“, 3-е изд. Ц. 1 р. 50 к. 31) „Святый Апостолъ Павелъ“. Ц. 50 к., съ перес. 75 к. 32) „Троицинъ день“. Съ карт. 2 к. 33) „Церковно-Историческая карта“, изобращающая разными красками разные періоды распространенія Христіанства во всемъ мірѣ до XIV вѣка. Ц. 25 к. 34) „Съ нами Богъ!“ Музыка на четыре голоса. Сочиненіе протоіерея Даміана Борща. Ц. 60 к., а съ пер. 1 р. 35) „О благочиніи въ храмѣ“. Ц. 10 к. 4-е изд. съ 1871 г. 36) „Пасхалія“ на 35 дѣтъ, съ указаніемъ и Столбовъ для Чтенія Евангелія и гласовъ во всѣ недѣли въ году. Ц. 15 к. 37) „Семь картинъ“, изображающихъ главное въ священнодѣйствіи таинствъ, по 5 к. каждая. 38) „Географическая карта Европы“ (въ листъ писчей бумаги), раскрашенная всploшь, 15 к. безъ пер. 39) „О Православн. христіанск. воспитаніи дѣтей до школы“, 1878 г. Ц. 10 к. 40) „Всенощное Воскресное Бдѣніе“. Съ переводомъ на русскій языкъ стихиръ, тропарей, богородичныхъ и воскресныхъ ирмосовъ въ восьми гласовъ. Изд. 5-е. Ц. 15 к. 41) „Крупныя“ картины по свящ. и церк. исторіи. 1-й выпускъ 12 картинъ съ текстомъ и примѣрными уроками. 1876 г. На хорошей бѣлой бумагѣ 1 р. 50 к. съ перес. не раскраш., а раскраш. 10—12 красками, съ текстомъ—3 р. и 2 р. Одобренъ Свят. Синодомъ и IV Отд. С. Е. И. В. К. 42) Чтеніе для солдатъ. „Христоролюбивому воину повсюдній спутникъ“. 10 к. 43) „Словарь“ не совсѣмъ понятныхъ словъ, встрѣчающихся во Святомъ Четвероювангеліи и въ Православномъ Богослуженіи. Ц. 2 к. Одобр. IV Отд. С. Е. И. В. К. 44) „О Крещеніи и Миропомазаніи“ съ карт. и съ обрядами присоединенія иновѣрцевъ. Ц. 3 к. 45) „О Святомъ Причащеніи и Покаяніи“, со статьями закона о духовныхъ завѣщаніяхъ. Ц. 2 к. 46) „О Священствѣ“ и посвященіи во всѣ три степени Священства. Ц. 1 к. 47) „О Брачѣ“ и его обрядахъ и Законахъ, съ карт. Ц. 3 к. 48) „О Соборованіи и погребеніи Православныхъ“. 2 к. 49) „Мысли воинна“ предъ сраженіемъ, съ 2 карт. 2 к. 50) „Свѣтлое Христово Воскресенье“ съ переводомъ ирмосовъ Пасх. Канона. 2 к. 51) „Пяпство и его леченіе. 2 к., а съ рис. раск. 5 к. 52) „Объясненіе всеноч. бдѣнія, съ 3 карт. 2 к. 53) „Божественная Литургія“, съ 5 карт. 2 к. 54) „Объ анаемѣ“. 5 к. 55) „Табакъ и ядовитое вліяніе его на человѣка“. 2 к.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИТУ.

е) *Въ чемъ добронравіе христіанъ, какъ гражданъ?*

3, 1. 2.

Ст. 1. *Вспоминай тѣмъ, начальствующимъ и властвующимъ повиноватися и покарятися, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти.*

Прежде показано, какимъ семейнымъ добродѣтелямъ надлежитъ учить вѣрующихъ; теперь показывается, какимъ гражданскимъ добродѣтелямъ учить ихъ слѣдуетъ, или, что то же, какими и въ семь отношеніи добродѣтелями должны украшаться христіане.

Первое здѣсь—отношеніе къ начальству. Какъ же должно держать себя въ отношеніи къ нему? *Повиноватися и покарятися.* Какъ вездѣ, такъ и здѣсь Апостоль конечно разумѣть повиновеніе не лицемѣрное, чтобъ видимою покорностію прикрывать вѣрованіе свое и жить по вѣрѣ безмятежно, но по совѣсти, по убѣжденію, что начальство отъ Бога и что начальствующіе суть слуги Божіи; почему покорность имъ есть покорность волѣ Божіей. Такъ прямо выходитъ изъ вѣры во все-распорядительный Промыслъ Божій. Здѣсь не выставляетъ сего на видъ св. Павелъ потому, что пишетъ не вѣрующимъ, а Титу, который зналъ, какихъ началъ держится въ семь отношеніи св. Павелъ.

Онъ пишетъ—*вспоминай тѣмъ*, т.-е. христіанамъ; потому что покорность сія была повсюдна, по обычному гражданскому устройству. Иные забывались; но тотчасъ получали вразумленіе отъ самой власти. Апостоль желаетъ, чтобъ это предотвращено было домашними внушеніями и чтобъ изъ христіанъ никто не подавалъ повода властямъ напоминать ему о покорности. Забываться же христіанамъ могло подать поводъ то, что они, по вѣрѣ, стали гражданами иного міра, и имѣютъ иного Царя,— Христа Господа. Напоминай, говорить, чтобъ они не впали въ такое заблужденіе.

Начальствующимъ и владычущимъ, — *αρχαις και εξουσιαις*, — начальамъ и властямъ. Вѣрнѣе этимъ означается безъ различія всякое гражданское начальство, и большое и малое. Но славянскій переводъ подаетъ мысль, что Апостоль хочетъ обучить христіанъ покаряться не царямъ только,—*владычущимъ*, но и ближайшимъ властямъ,—*начальствующимъ*, хоть нельзя утверждать, что это непременно такъ было; греческія слова наоборотъ въ *αρχαι* указываютъ высшія власти, а въ *εξουσιαις*—низшіе чины.

Повиноватися и покарятися, — *υπατασσεσθαι, πειδαρχειν*. Первое означаетъ вообще подчиненность, охотную или неохотную; а второе—сердечную покорность, вседушное послушаніе, съ убѣжденіемъ, что такъ должно.

Блажен. Іеронимъ предлагаетъ при семъ такое соображеніе: «подобное пишется и къ Римлянамъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога* (— 13, 1). Такая заповѣдь, какъ здѣсь такъ и тамъ, потому, думаю, выставлена, что тогда былъ еще въ силѣ догматъ Іуды галилеянина и имѣлъ многихъ послѣдователей, какъ объ этомъ и въ книгѣ Дѣяній помипается (— 5, 37). Онъ, какъ можно съ вѣроятностію полагать, училъ на основаніи закона, что никого не должно именовать властителемъ, кромѣ единого Бога, и что тѣмъ, которые вносятъ десятины въ храмъ, не должно платить дань кесарю. Эта ересь такъ

разрослась, что не только увлекала много народа, но возмущала и фарисеевъ; такъ что они и къ самому Господу подступали съ вопросомъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви, или ни?* На чѣмъ получили премудрый отвѣтъ: *воздадите кесареви кесареви, и Божію Богови* (Мат. 22, 17. 21). Сообразуясь съ этимъ отвѣтомъ, и Апостоль Павелъ учитъ, что вѣрующіе должны слушаться началъ и властей».

И ко всякому дѣлу благу готовымъ быти. Или вообще указывается примѣрное благоповеденіе среди согражданъ, чтобъ все видѣли и знали, что христіане народъ добрый, кроткій, благопомощный, благотворительный. Экуменій: *готовы*—ετοιμοι толкуеть—*ηυτρεπισμενοι*,—благонастроенны, благоправны, не вѣшно только добры, но и во внутреннѣйшемъ настроеніи сердца таковы.—Или—готовы на всякое доброе дѣло, къ какому приглашаетъ начальство и власть, чтобъ и они знали, что христіане—первые на добро. Это напримѣръ, какъ у насъ теперь приглашаютъ то погорѣльцамъ помогать, то дѣлать вкладъ на леченіе раненыхъ, то облегчать участь голодающихъ, отъ неурожая, и подобное. Бл. Феодоритъ видитъ въ сихъ словахъ указаніе, доколѣ должно простираться повиновеніе начальникамъ: «ибо не во всемъ должно покорствовать начальникамъ, но вносить пошлину и подать, воздавать подобающую честь; а если прикажутъ нечестовать, то открыто прекословить». Тоже и у Иеронима: «если что доброе повелѣваетъ правитель, то повинуйся волѣ повелѣвающаго. А если что худое и богопротивное, то отвѣчай ему апостольскимъ отвѣтомъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели челоуѣкомъ* (Дѣян. 5, 29).

Ст. 2. *Ни единого хумити, не сварливымъ быти, но тихимъ, всяку являющимъ кротость ко всемъ челоуѣкомъ.*

Слова эти суть болѣе подробное поясненіе предыдущихъ словъ: *ко всякому дѣлу благу готовымъ быти*, и вмѣстѣ съ ними опредѣляютъ вторую половину общественныхъ добродѣтелей, — именно при покорности вла-

стыямъ, соблюдать добрыя отношенія и къ согражданамъ. Готовность на всякое доброе дѣло все уже обнимаетъ и въ семь отношеніи. Апостоль здѣсь указываетъ еще, чтобъ устраняемо было то, что особенно разстраиваетъ добрыя отношенія гражданъ, именно: учи, говоритъ, чтобъ христіане никого не задирали не только дѣломъ но и словомъ; пусть живутъ такъ тихо, что будто ихъ нѣтъ, и чтобъ другіе о существованіи ихъ знали только по добрымъ дѣламъ.

Ни единого хулити, то-есть «ни о комъ не отзываться худо» (Феод.). «Хотя худо кто поступаетъ, не злословь его и не укоряй» (Феоф.). «*Михаилъ Архангелъ, егда съ діаволомъ препирался, глаголаше о Морсеовъ тѣлеси, не смѣяше суда навести хульна, но рече: да запретитъ тебѣ Господь* (Иуд. ст. 9). Если Михаилъ не смѣлъ навести хульна словесе на діавола, достойнѣйшаго всякаго хуленія; не тѣмъ ли паче мы должны соблюдать себя чистыми отъ злословія? Заслуживалъ діаволь хуленія; но слово хульное не должно было исходить изъ устъ Архангела» (Иерон.). «Послушаемся сего внушенія. Уста наши должны быть чисты отъ укоризнъ; ибо хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дѣло высказывать ихъ; изслѣдывать — дѣло судіи; ты же почти осуждаеши брата твоего (Рим. 14, 10)? Ктому же, если ты укоряешь другихъ, то скоро и самъ подвергнешься тому же. Посему блаж. Павелъ и предлагаетъ такое увѣщаніе: *тѣмъ же мняйся стояти, да блюдется, да не падеть*» (1 Кор. 10, 12) (Св. Златоустъ). Ничто такъ не разстроиваетъ добрыхъ отношеній общежитія, какъ худья другъ о другѣ рѣчи. Напротивъ ничто такъ не скрѣпляетъ содружества, какъ добрыя рѣчи, особенно когда бы рѣчи худья были заслужены. Законъ общежитія основной—не пускать въ ходъ злыхъ рѣчей, и доходящія отычуды пресѣкать. Потокъ злыхъ рѣчей есть ядъ, разъѣдающій союзъ добраго сожительства.

Не сварливымъ быти, ἀμυχροῦς,—не быть восвателями,—

не заводить ссоръ, споровъ и судовъ и противъ зла не замышлять и не воздвигать зла. Это тоже, что Господь сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу* (Мѡ. 5, 39). Когда дождевую воду запружаютъ, она все больше и больше надымается; а когда даютъ стекать свободно, она течетъ маленькимъ ручейкомъ и скоро престаетъ. Такъ бываетъ, и когда со стороны подымается враждебность. Пригнись; она перекатится какъ волна,—и конецъ. Станешь противъ,—она надмится до непреодолимой силы. Бл. Иеронимъ пишетъ: «если мы—сыны мира и желаемъ, чтобъ почивалъ на насъ миръ, если мы приступили къ небесному Иерусалиму, имя свое отъ мира получившему, то да имѣемъ миръ даже съ тѣми, кои возненавидѣли миръ, и съ своей стороны да пребываемъ мирны со всѣми чело-вѣки,—не съ кроткими только, но и съ задорными и бра-чливыми: ибо съ тихими быть мирну, какая добродѣтель? Будемъ давать мѣсто гнѣву, показывая тихую кротость ко всѣмъ чело-вѣкамъ. Не желаемъ пустой славы руко-водясь, должны мы являть себя кроткими ко всѣмъ чело-вѣкамъ; но пусть, когда всѣхъ сносить будемъ и за не-правды не воздавать отмщеніемъ, самыя дѣла предъ всѣми славны .бываютъ. Можетъ иной по тщеславію и молвы ради народной притворяться кроткимъ и брать личину доброты; но если нѣтъ у кого кротости истинной, сердеч-ной, укоренившейся, то не знаю, удастся ли ему всѣхъ увѣрить въ своей кротости».

Послѣднія слова бл. Иеронима истолковываютъ и слѣ-дующія за симъ слова Апостола: *всяку яеляющимъ кро-тость ко всемъ чело-вѣкомъ*. И Экуменій равно пишетъ: «къ Иудеямъ и Еллинамъ, къ друзьямъ и врагамъ, къ опе-правдывающимъ и вредъ причиняющимъ» (И свят. Злат. съ Теоф.). Уступчивость представляется нѣкоторою по-терею и ущербомъ, но на дѣлѣ она всегда выигрываетъ если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, не вѣчномъ, а тоже временномъ. Потрянное возвращается съ лихвою.

ж) *Внушеніе, что за тьма и благодать Св. Духа, чтобы претворять насъ недобрыхъ въ добрыхъ, — 3 — 7.*

Ст. 3. *Бѣхомъ бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ, въ злобѣ и заисти живуще, мерзцы суще, и ненавидяще другъ друга.*

Бѣхомъ бо. Черезъ это бо рѣчь сія связуется прямо съ предыдущею, что не слѣдуетъ инединаго же хулити. Почему? Потому что намъ не слѣдуетъ уже быть такими. Были и мы таковы же; но теперь стали инаковы, по благодати Спаса нашего, обновившаго и изъ худыхъ сдѣлавшаго хорошими. Такъ св. Златоустъ: «никого не порицай, ибо и ты былъ такимъ же. Вышій прежде такимъ же и измѣпившійся не долженъ укорять такихъ людей, но молиться и благодарить Дарующаго ему и Готоваго дать имъ освобожденіе отъ прежнихъ грѣховъ. Никто не долженъ хвалиться; ибо всѣ согрѣшили. Итакъ, когда ты, будучи самъ исправенъ, хочешь порицать кого либо, то вспомни о своей прежней жизни и неизвѣстности будущаго,—и удержи свое пегодованіе. Еслибы ты съ самаго дѣтства жилъ добродѣтельно, и тогда ты имѣлъ бы много грѣховъ; а если не имѣешь ихъ, какъ ты думаешь, то знай, что это зависитъ не отъ твоей силы, но отъ благодати Божіей; ибо, еслибы Онъ не призвалъ (къ вѣрѣ) твоихъ предковъ, то и ты былъ бы невѣрнымъ». — Такъ бл. Феодоритъ: «приведемъ себѣ на память прежнее наше поведеніе, представимъ въ умѣ, сколько въ насъ было худыхъ качествъ; и когда таковыми были, Богъ всяческихъ сподобилъ насъ спасенія. Посему и мы будемъ переносить злонавіе пребывающихъ еще въ заблужденіи».

Но можно отвлекши мысль отъ связи съ предыдущимъ, видѣть и въ семь отдѣленіи (ст. 3—7), какъ и во встрѣченномъ уже нами выше (2, 11—14), указаніе на побужденіе, почему особенно христіане должны быть чужды всякаго порока и украшены всѣми добродѣтелями. Потому что были пехороши, а теперь ограждены благода-

тію Духа въ купели къ новой святой жизни, щобъ ставъ праведными сподобиться наслѣдія жизни вѣчной, блаженной. Отличіе настоящего отдѣленія отъ встрѣченнаго выше то, что тамъ говорится о призваніи къ святой жизни, а здѣсь о новомъ для сей жизни рожденіи и о снабженіи насъ достаточными къ тому силами. На тѣхъ, кои возрождены и снабжены силами къ святой жизни, лежитъ неотложный долгъ быть святыми. И если они не окажутся такими, то съ такимъ неразуміемъ ничто сравниться не можетъ. Такъ отчасти Амвросіастъ: «Апостоль поминаеть, что сіи блага, которыхъ не имѣеть невѣріе, даны христіанамъ; чтобъ, сія всякою правдою, они давали всѣмъ разумѣть, что суть читатели истиннаго Бога. Ибо когда они, бывъ ижекогда несмысленными, являются пунѣ во всемъ благосмысленными; то чрезъ это въ нихъ прославляется Богъ.

Бѣгомъ бо иногда и мы.—*Иногда*,—прежде увѣрованія и освященія благодатію Божією.—*И мы*. Апостоль очевидно разумѣеть Критяпъ; но и себя причислилъ къ нимъ, чтобъ смягчить рѣчь. У насъ въ ходячей рѣчи соотвѣтствуетъ этому фраза: и мы съ вами. Блаж. Теодоритъ такъ объясняетъ это—*и мы*: «божественный Апостоль и себя включилъ въ тоже число, не какъ подлежащаго всѣмъ этимъ обвиненіямъ, но какъ бывшаго гонителя; ибо не всѣмъ порокамъ подлежали всѣ, но одни—тѣмъ, а другіе—другимъ; однакоже всѣ улучили спасеніе».

Несмысленни, и непокориви, и прелъщенни. Изображается сими словами, какъ, когда живутъ въ грѣхахъ и страстяхъ, поражены и извращены бывають всѣ силы души. Мысленная сила поражается *несмысліемъ*, теряетъ здравыя понятія о Богѣ, мірѣ, человекѣ, о цѣли настоящей жизни, о цѣли окружающихъ насъ вещей и значеніи всего бывающаго съ нами. Потерявъ же такія понятія, она теряетъ силу управлять жизнію человека; и онъ ходитъ, какъ во мракѣ, впадая отъ неразумія въ неразуміе. Такъ съ язычниками и было. «Не безсмысленно

ли было служить такимъ богамъ (какіе были у язычниковъ), и приписать людей въ жертву» (Феоф.)? А изображенія ихъ жизни ихже писателями читать нельзя безъ отвращенія.—Дѣятельная сила заражается *непокоривостію*, по коей ни божескихъ, ни человѣческихъ законовъ знать не хочетъ, и никакихъ уваженій не берутъ въ счетъ, кромѣ своей воли. Такъ хочутъ, и никто имъ не указъ; а хочетъ только того, что внушаетъ самость и самоугодіе въ удовлетвореніе страстей. Чтò ни говори, слушать не хочетъ. *Απειθεϊς*—именно такихъ и представляетъ, непринимających никакихъ резоновъ.—Чувствующая сила бываетъ возблудана *прелестію*, по коей считаетъ хорошимъ, пріятнымъ и красивымъ то, чтò по свойству своему дурно, отвратительно и безобразно. Она теряетъ природный свой вкусъ.

Или можно полагать, что здѣсь указывается на пораженіе высшей духовной стороны человѣческаго естества: *несмыслиемъ*—исчезновеніе помышленія о Богѣ и страха Божія; *непокоривостію*—невниманіе къ гласу совѣсти и заглушеніе его; *прелещеніемъ*—пристрастіе къ вещамъ чувственнымъ. Это все, всегда и всюду имѣетъ мѣсто, когда кто предается самоугодію и страстямъ, кто бы онъ ни былъ, язычникъ или христіанинъ, ученый или неученый, простой или благородный. Ибо грѣхъ, какъ и ядъ, не имѣетъ лицепріятія.

Работающе похотемъ и сластемъ различнымъ. Когда поражены высшія силы и высшая сторона человѣческаго естества, тогда мѣсто законовъ, лежащихъ въ нихъ и долженствовавшихъ править дѣянїями человѣка, заступаютъ похоти и сласти, и жизнь начинаетъ течь по ихъ требованїямъ. Высшія силы тогда у нихъ въ работѣ состоятъ: умъ придумываетъ средства къ удовлетворенію ихъ и прикрытію такого удовлетворенія, которому непригоже быть видиму; воля, какъ ведомая, ведется въ слѣдъ ихъ, какъ осли на обрывочкѣ; и чувство, не разъ испытавъ безвкусіе похотныхъ сластей, все влечется къ нимъ, прельщаемо бывая обманчивымъ чаяніемъ—встрѣтить и

вкусить наконецъ и на этомъ пути какое нибудь благо прочное. Тутъ настоящее рабство внутри чловѣка,—тираннія грѣха.—Подъ похотями разумѣются страсти душевныя и тѣлесныя. Онѣ возбуждаютъ пожеланія предметовъ коими обычно удовлетворяются. А сласти суть тѣ минутныя пріятности, какія доставляетъ удовлетвореніе страстей. Всякая страсть имѣетъ свою сласть, которою манеть къ предметамъ своимъ; всѣ же сласти сливаются въ одной корепной—самоугодіи. Въ сластяхъ—сила страстей. Страсти побѣждаютъ всегда обѣщаніемъ сластей. Грѣшникъ сластолюбивъ; оттого не разгибаясь и работасть страстямъ.

Несмысліе, непокоривость, прельщенность, рабство похотямъ и сластямъ составляютъ внутренній строй грѣшника. Чѣмъ опъ обнаруживается вовнѣ, въ дѣлахъ? *Жизнію во злобѣ и зависти.* Эгоизмъ и самоугодіе все къ себѣ стягиваетъ. Какъ и внѣ встрѣчаются они съ такими же направленіями, то естественно вступаютъ въ столкновенія. Полагающій имъ преграду возбуждаетъ неприязнь къ себѣ въ разныхъ степеняхъ, на верху которыхъ стоитъ злоба—желаніе уничтожить противника подѣченіемъ присутствующихъ ему силъ: когда онъ богатъ—истощеніемъ богатства; когда во власти,—подрывомъ власти и проч. Это и есть злоба или злодѣйство. Оно имѣетъ мѣсто особенно, когда эгоизмъ гордъ, силенъ и характеромъ, и подручными средствами. — Но бываетъ, что иной возбуждаетъ неприязнь не помѣхою, а однимъ тѣмъ, что стоитъ выше и живетъ богаче и веселѣе. Изъ-за него начинается точить зависть, которая сильнаго тоже ведетъ ко злодѣйству, а безсильнаго самого спѣдаетъ и истощаетъ. Тамъ, гдѣ господствуютъ страсти, злоба и зависть непрестанно въ движеніи болѣе или менѣе сильномъ. И бываетъ ли кто отъ нихъ свободенъ?

Мерзцы суще. Кто неприязнствуетъ къ другимъ въ нескрываемой злобѣ и зависти, тотъ обратно къ себѣ возбуждаетъ неприязнь: отъ него начинаютъ отвращаться,—

или гнушаясь имъ, или ужась къ нему питаая. Это и выражаеть—*συγγητοι*. Люди злобные и завистливые естественно отвратительны.

И выходитъ такимъ образомъ, что люди, обладаемые страстями, живутъ *ненавидяще другъ друга*. Потому что каждый одинъ нераздѣльно хочетъ обладать благомъ, къ которому съ такимъ же желаніемъ протягиваетъ руку и другой. Въ природѣ эгоизма—себя только любить. Онъ напередъ уже ко всѣмъ холоденъ; и лишь только встрѣтитъ въ другихъ противное себѣ, тотчасъ претворяетъ свою холодность въ непріязнь. Эгоизмъ умѣряется иногда симпатическими чувствами; но это не погашаетъ его ненависти, а только расширяетъ: ибо тогда ненавистью онъ ограждаетъ не себя только, но и все принятое въ сферу своего сочувствія; выходитъ партія на партію.

Ст. 4. 5. *Егда же благодать и человеколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по своей Его милости, спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго.*

Такъ вотъ каковы были мы до вѣры и благодати, когда жили въ рабствѣ похотямъ и сластямъ. Теперь же мы инаковы и ссмы и должны быть. Ибо благодать избавила насъ отъ того рабства, обновивъ естество наше въ купели крещенія и обязавъ къ жизни, по духу и силѣ сего обновленія.

Благодать,—*χρηστοτης*,—благостыня, — и *человеколюбіе Спаса нашего Бога* явились въ воплощенномъ домостроительствѣ, «черезъ вочеловѣченіе Единороднаго, когда Единородный Сынъ Божій, воплотившись и намъ во всемъ ставъ подобнымъ» (Экум. и Ософ.), совершилъ и устроилъ все потребное для нашего спасенія. *Явися*—указываетъ на устроеніе спасенія въ Господѣ Иисусѣ Христѣ; а приложеніе его къ каждому изъ насъ вѣрующихъ или явленіе силы его въ насъ ниже означается въ словахъ: *спасе насъ банею пакибытія*. Слова — *Спаса нашего Бога* возводятъ къ Богу Отцу: ибо ниже говорится, что

сея Богъ Спасъ нашъ спасъ насъ чрезъ *обновленіе Святаго Духа, еже изля Іисусъ Христомъ* «Тщательнѣе выкинувъ, пишетъ бл. Іеронимъ, найдемъ въ семъ отдѣленьицѣ явственнѣше Пресвятую Троицу. Благостыня и челоѡколюбіе Спаса нашего Бога, не другаго, какъ Бога Отца, чрезъ баню пакыбтїя и обновленіе Духа Святаго, Котораго излялъ Онъ на насъ чрезъ Іисуса Христа, праведными насъ сдѣлали для наслѣдія жизни вѣчной. Спасеніе вѣрующихъ есть таинство Пресвятыя Троицы». Тоже и у Осодорита.

Ст. 5. *Не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы.* Устроеніе спасенїя вызвано не добродѣтелями нашими великими, а напротивъ крайнею нашею худобою и безпомощностію. Благость Божїя не потеряла оставитъ насъ въ рукахъ наденїя и погибели нашей,—и благоволила устроить намъ дивный образъ спасенїя. Одно только преимущество было за нами,—то, что мы—твореніе всеблагаго, премудраго и всемогущаго Бога, не раскаявающагося въ дарованїяхъ своихъ. И это привлекло благость къ намъ Божїю, устроившую спасеніе наше. Но не одно общее устроеніе спасенїя, но и призваніе каждаго къ полученію сего спасенїя тоже есть не плодъ цѣнныхъ дѣлъ нашихъ, но дѣло благодати Божїей. Изъ всѣхъ опытовъ призванїя телько Корнилїй сотникъ призванъ потому, что молитва и милостыни его дошли до Бога; но то былъ особенный промыслительный случай для проложенїя пути къ принятію въ лоно церкви овецъ, кои не были отъ двора Израилева. Общїй же порядокъ призванїя есть дѣло благодати, какъ въ началѣ, такъ теперь, такъ и до конца вѣка. Надобно однакожь строго различать призваніе къ устроеному спасенію, и содѣваніе спасенїя тѣмъ способомъ, какъ оно устроено. Съ момента впятїя призванію и перваго по нему шага начипается уже участіе въ содѣванїи спасенїя и собственнаго труда и усилїя, которое и идетъ объ руку съ благодатію до самаго окончательнаго совершенїя спасенїя. Все отъ благодати; но Божїя благодать непомогающа.

Но по своей Его милости спасе насъ банею пакибытія. Сіе говоритъ не на спасеніе другихъ смотрящій, а самъ воспріявшій спасеніе. Въ чувствѣ спасенія благодарными устами возвѣщаетъ: *спасе.* Отъ чего *спасе?* Отъ всѣхъ удобъ, о коихъ говорено выше, и отъ рабства похотямъ и сластямъ, подъ игомъ коего стесали мы. *Спасе насъ,*—кого насъ? Всѣхъ увѣровавшихъ въ Господа Иисуса Христа. «Наименовавъ себя и Апостоловъ, св. Павелъ разумѣлъ всѣхъ увѣровавшихъ во Христа, показывая, каковы они были до возрожденія въ банѣ животворной, и какими стали послѣ того» (Иерон.). Какъ *спасе?*—*Банею пакибытія и обновленія Духа Святаго.* «Увы! взываетъ св. Златоустъ. Такъ глубоко были мы погружены во злѣ, что не могли уже очиститься, но имѣли нужду въ возрожденіи. Это подлинно было новое рожденіе, новаго бытія полученіе. Какъ подъ сгнившій домъ никто не подставляетъ подпоръ и не приколачиваетъ ничего къ старому зданію, но разрушивъ его до основанія, сполна воздвигаетъ и возобновляетъ: такъ поступилъ и Онъ—Спасъ нашъ; не поправилъ насъ, а возсоздалъ сполна. Это означаютъ слова: *и обновленія Духи Святаго.* Онъ сполна сдѣлалъ насъ новыми. Какимъ образомъ? Святымъ Духомъ. Столь великую имѣемъ мы нужду въ благодати!»

Ст. 6. 7. *Егоже излія на насъ обильно, Иисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, да оправдившеся благодатию Его, насътѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя.*

Духа Святаго Богъ Отецъ излілъ обильно на всѣхъ вѣрующихъ чрезъ Христа Спасителя. Изрекая Апостоламъ обѣтованіе о семъ, Господь говорилъ: *Азъ умолю Отца, и много Утѣшителя дастъ вамъ* (Ин. 14, 16). Далѣе: *Утѣшитель же, Духъ Святой, егоже послетъ Отецъ во имя Мое* (тамже 26); и потомъ: *Утѣшитель, егоже Азъ пошлю вамъ отъ Отца* (Ин. 15, 26). Такъ Господь Иисусъ Христосъ посредствуетъ въ ниспосланіи на Апостоловъ, а чрезъ нихъ и на всѣхъ вѣрующихъ Пресвятаго Духа. Положено было въ совѣтѣ Божіемъ, чтобъ

Сынъ Божій, воплотившись и прошедши чрезъ крестныя страданія и смерть, прославился въ воскресеніи и вознесеніи, и тѣмъ проложилъ путь нисхожденію Св. Духа. Сей законъ Божескихъ въ устроеніи спасенія нашего дѣйствию открылъ св. Евангелистъ Іоаннъ, сказавъ: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ*,—Святый Духъ, котораго имѣли пріять вѣрующіе, въ такомъ обилии, что *рѣки отъ чрева ихъ потекутъ воды живы* (Ип. 7, 38. 39). Излить Духъ Святый первоначально на Апостоловъ, а чрезъ нихъ изливался Опъ и на всѣхъ вѣрующихъ. И видимъ въ Дѣянїяхъ и Посланїяхъ многіе примѣры, осязательно о томъ свидѣтельствующіе. Апостолы обыкновенно возвѣщали Евангеліе о спасеніи, увѣровавшихъ крестили, на крещеныхъ возлагали руки, и Духъ Святый изливался на нихъ, свидѣтельствуя о томъ явными благодатными дарованїями. Вѣрующіе всѣ знали сіе и испытывали, и Апостолъ неслестно въ лице имъ говорилъ, что Богъ излилъ на насъ съ вами Духа Святаго Іисусъ-Христомъ Спасителемъ нашимъ. Доразумѣвается: какъ сами вы знаете и испытали.

Да оправдившеся благодатию Его.—*Оправдившеся*,—не объявленные правыми, а сдѣлавшись праведными, святыми и чистыми, такими, въ которыхъ и слѣда нѣтъ прежде указанныхъ нравственныхъ худобъ. Совершаетъ сіе благодать. Она, нисходя на насъ, отвращаетъ отъ всего худаго и воодушевляетъ на все доброе, давая силу и дѣйствовать по сему воодушевленію. Дѣйствуя такъ, мы все злое изъ себя изгоняемъ, все же доброе насаждаемъ и укореняемъ,—и дѣлаемся такимъ образомъ во всемъ чистыми и непорочными. Се и цѣль домостроительства спасенія нашего. Се мѣта, куда надо направлять всѣ труды дѣйствованія нашего на землѣ. Конецъ же, вѣнчающій сіи труды—*на слѣдїе жизни вѣчныя*.

Да.... наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя. Упованіе наслѣдія есть существенная черта во внутреннемъ строѣ вѣрующихъ. Это вездѣ ярко выставляется у

Апостола. И по существу домостроительства такъ должно быть. Гдѣ Я, тамъ будетъ слуга мой, обѣтоваль Господь. Наслѣдіе жизни вѣчной закрѣплено за нами. Не такъ, что можетъ быть получимъ, но такъ, что оно наше уже, только время не настало получить его. «Что значить: *по упованію*? Т.-е. какъ возуповали, такъ и получимъ, или: мы уже наследники этого» (св. Златоустъ). Только бы ревновать не переставали о томъ, чтобъ быть праведными и святыми, и преуспѣвали въ томъ. Даромъ призваны къ наследію, даромъ снабжены силами, чтобъ дойти до него; но дается оно не даромъ, а *комуждо по дѣламъ*.

Вѣрно слово!

Эти слова отнесены къ слѣдующему стиху; но по существу дѣла относятся къ предыдущей рѣчи. Имъ запечатлѣваетъ Апостоль вѣрность всего сказаннаго въ 3—7 ст., паче же обѣтованія наследія жизни вѣчной. Пишетъ бл. Иеронимъ: «что сказалъ: *вѣрно слово*,—сіе должно соединять съ предыдущими словами: *да оправдившися благодатію Его, наследники будемъ по упованію жизни вѣчной*. Ибо всякой вѣры достойно слово о наследіи Божіемъ и объ упованіи жизни вѣчной». Такъ и св. Златоустъ: «такъ какъ онъ сказалъ о будущемъ, то прибавилъ и это для удостовѣренія. Это истинно, говоритъ, и ясно изъ предшествующаго. Тотъ, кто избавилъ насъ отъ такого беззаконія и такихъ золь, безъ сомнѣнія подастъ намъ и будущія блага, если мы пребудемъ въ благодати; ибо все совершается однимъ и тѣмже промысломъ».

Епископъ Теофанъ.

С Л О В А
ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Пресвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ВОСЕМДЕСЯТОЕ.

1) О томъ, какое вѣдѣніе есть истинное вѣдѣніе, и о томъ, что вѣдѣніе Бога въ добродѣтельныхъ не отъ ученія происходитъ, о отъ чистоты души и отъ божественной благодати.

2) Что осужденіе есть худое дѣло.

3) Обличеніе тѣхъ, которые думаютъ, что знаютъ тайны Духа, не имѣя благодати Духа.

4) О святости Духа.

5) Коль блага вѣра, какой плодъ ея и какъ онъ множится.

6) Которые имѣютъ сокровище Духа въ себѣ, узнаютъ, когда оно есть и въ другихъ, и знаютъ, какіе отличительные признаки святыхъ.

7) Кто не родился свыше, тотъ не можетъ видѣть Бога и узнать того, кто достигъ сего благодатию Духа Святаго.

1) Нынѣ такое время, въ которое прилично сказать съ Пророкомъ Давидомъ: *Господь съ небесе прииме на сыны человеческія, видѣти, аще есть разумвоая или възыскаяя Бога. Всеи уклонишася, окупъ неключими быша: нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единого* (Пс. 13, 2—3). *Гдѣ премудръ? Гдѣ книжникъ? Гдѣ совопросникъ въка сего? Не обуи ли Богъ премудрость въка сего* (1 Кор. 1, 20), чтобы никто не могъ посредствомъ ея познавать истинную премудрость, Бога единого истинно сущаго?— Ибо еслибъ, братія, могло намъ подаваться познаніе ис-

тиной премудрости и Боговѣдѣнія посредствомъ письмени, обученія и виѣшней премудрости, то для чего бы требовалась вѣра? или божественное крещеніе? или причастіе св. таинъ? Конечно не требовались бы. Но *понеже не разумъ міръ премудростію Бога, благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти върующіихъ* (1 Кор. 1, 21). И это говоритъ божественный Павелъ. Я же справедливо могу плакать и рыдать о сокрушеніи собственныхъ моихъ членовъ, т.-е. плотскихъ и духовныхъ братій моихъ,— о томъ, что мы, облекшіеся во Христа въ божественномъ крещеніи, ни во что вмѣняя тайны Христовы, думаемъ, что можемъ получить познаніе истины Божіей посредствомъ виѣшней премудрости и посредствомъ одного чтенія премудрыхъ Писаній святыхъ мужей, въ которомъ упражняемся, и довольствуясь этими одними средствами почитаемъ себя постигшими православіе и имѣющими точное и твердое познаніе Пресвятыя Троицы,—и не только объ этомъ, но что и болѣе почтенные предъ другими люди неразумно полагаютъ, будто тѣ мысли, какія они слагаютъ въ умѣ своемъ, суть созерцанія такого же достоинства, какъ и тѣ, которыя подаются достойнымъ только чрезъ озареніе Духа Святаго. Увы! какое безуміе и какое ослѣпленіе! Другіе, опять безъ чистоты сердечной углубляясь умомъ своимъ въ тайны Бога и богословствуя, когда услышатъ о Богѣ, что какъ въ трехъ солнцахъ единое есть сіяніе свѣта, такъ и въ Пресвятой Троицѣ—едино сіяніе единаго Божества, тотчасъ воображаютъ въ умѣ своемъ три солнца соединенныя по свѣту, т.-е. по существу, и раздѣленныя по ипостасямъ, и полагаютъ несмысленно, что они видятъ такъ самое Божество, и что святая, единосущная и нераздѣльная Троица полно выражается симъ уподобленіемъ.

Но не такъ есть, братія, не такъ. Никто не можетъ добрѣ и полно постигнуть умомъ и выразить словомъ догматъ о Пресвятой Троицѣ, сколько ни читай онъ божественныя Писанія. Истинно вѣрующій и не беретъ за

это; но приѣмля съ вѣрою написанное, въ томъ одномъ пребываетъ, ничего болѣе не пытая, и кромѣ написаннаго и того, чему наученъ, совершенно ничего другаго не можетъ онъ сказать пытливымъ и самонадѣянно дерзающимъ изслѣдовать божественное. Что такое слово мое истинно, послушай, что говоритъ Христосъ Господь: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и емуже аще волитъ Сынъ открыти* (Мѡ. 11, 27). Этими словами и другими подобными заграждаются безстыжія и бездвернія уста тѣхъ, которые говорятъ и думаютъ, что знаютъ сущую истину, самого, говорю, Бога, изъ внѣшней мудрости и изъ писменъ изучаемыхъ, и что сими средствами они стяжеваютъ познание сокровенныхъ таинъ Божіихъ, которыя открываются только Духомъ. Ибо если *никтоже знаетъ Сына токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ токмо Сынъ, и емуже аще волитъ Сынъ открыти* глубины сіи и сіи тайны (ибо, говоритъ, тайны мои мнѣ и моимъ); то кто изъ мудрыхъ, или риторовъ, или ученыхъ (кромѣ тѣхъ, которые при семъ очистили умъ своею высшею философіею и подвижничествомъ, и имѣють душевныя чувства свои истинно обученными) можетъ безъ откровенія свыше отъ Господа одною человѣческою мудростію познать сокровенныя тайны Божіи? Онѣ открываются посредствомъ умнаго созерцанія, дѣйствуемаго божественнымъ Духомъ, въ тѣхъ, коимъ дано и всегда дается познавать ихъ божественною благодатію. Знаніе сихъ таинъ есть достояніе тѣхъ людей, которыхъ умъ каждодневно просвѣщается Духомъ Святымъ ради чистоты душъ ихъ,—тѣхъ, коихъ умныя очи добрѣ открыты дѣйствіемъ лучей Солнца правды,—тѣхъ, коимъ дапо Духомъ Святымъ слово разума и слово премудрости,—тѣхъ, кои сохраняють совѣсть и страхъ Божій, посредствомъ любви, мира, благодати, милосердія, воздержанія и вѣры. Вотъ чье достояніе есть вѣдѣніе божественнаго!

Тѣмъ, кои таковы, говорить Христось, какъ сказалъ и Апостоламъ: *вамъ дано есть въдати тайны царствія Божія, прочимъ же въ притчахъ* (Лк. 8, 15). Они, движи-мы будучи божественнымъ Духомъ, знаютъ равночестіе и единеніе, которое имѣеть Сынъ со Отцемъ, такъ какъ видятъ во Отцѣ Сына и въ Сынѣ Отца чрезъ Духа, какъ написано въ Евангеліи: *Азъ во Отца и Отецъ во Мнѣ* (Ин. 14, 10),—при чемъ подразумѣвается, что и Духъ Свя-тый равно есть во Отцѣ. Ибо такъ какъ Духъ Святой исходитъ отъ Отца, Отецъ же весь есть во всемъ Сынѣ, то и Духъ Святой есть во Отцѣ и Сынѣ. Отецъ и Сынъ и Духъ Святой есть единъ Богъ, покланяемый отъ всякаго дыханія.—Какъ же можно тебѣ говорить, что едино три солнца? Ибо если ты ихъ соединишь и скажешь, что три одно, то три объединятся, и будутъ въ одно солнце. Если же не соединишь ихъ, а скажешь, что ихъ три, то потеряешь единство трехъ. Отца безъ Сына и Духа невозможно тебѣ найти никоимъ образомъ, ни Сына безъ Отца и Духа, ни Духа безъ Отца и Сына. Почему вѣруй, что въ Духѣ Отецъ и Сынъ, въ Сынѣ Отецъ и Духъ, во Отцѣ Сынъ, соприсносущно всегда сущій и пребывающій и имѣющій сіяющимъ вмѣстѣ съ Собою Духа Святаго. Эти три лица не суть три Бога, но единъ Богъ въ трехъ ипостасяхъ воспѣваемый безчисленными Ангелами, сый и присносый, и такожде сый, въ единомъ сосущіи, и царствіи, и Божествѣ. Ибо хотя въ каждомъ изъ трехъ лицъ помышляются срасленные имъ личныя особенности (нерожденность, рожденность и исходность), однакоже три лица—единъ Богъ, и едино, т.-е. единъ Богъ—три: чему невозможно быть въ трехъ солнцахъ.

2) Хотѣлъ бы я представить какой нибудь примѣръ, чтобъ нѣсколько прояснить мысль сказаннаго тѣмъ, кои съ самоувѣренностію хвалятся, что знаютъ божественное, посредствомъ одного лжеименнаго разума, и безъ благодати Святаго Духа, испытующаго глубины и тайны Бога; но боюсь Бога, который повелѣлъ не давать Святаго без-

стыднымъ и дерзкимъ, и не бросать бисера предъ тѣми, которые божественное ставятъ наравнѣ съ заурядными и нечестивыми вещами, и нѣкоторымъ образомъ попираютъ и безчестятъ его своими низкими и земными помышленіями о немъ, и своими пытливыми душами,—каковыхъ умъ ослѣпилъ Богъ, какъ говоритъ Пророкъ: «и омрачи сердце ихъ, да видяще не видятъ и слышаще не разумѣютъ» (Ис. 6, 9. 10).—И праведно. Такъ какъ они сдѣлали себя недостойными (Божія водительства), своєю гордостію и своими злыми дѣлами, то и оставлены Богомъ ходить во тмѣ невѣрія и собственной худости своей, какъ говоритъ Онъ чрезъ Пророка Давида: *и отпустихъ я по начинаніямъ сердцецъ ихъ, пойдутъ въ начинаніихъ своихъ* (Пс. 80, 13). Имѣя предъ собою столь много примѣровъ исполненія заповѣдей Божіихъ (которыя совершивъ дѣлами, св. отцы предложили памъ вѣрнымъ въ подражаніе ихъ добродѣтели), они не хотѣли подумать о нихъ, и подражать св. отцамъ, но дѣлаютъ все противное имъ и осуждаютъ ихъ и жизнь ихъ, кою подвизались они по Богу, говоря, что жизнь ихъ не по Богу. Таковыя, говорю, не только недостойны божественнаго вѣдѣнія, какъ сыны противленія и погибли, но повинны всякому осужденію и наказанію. Потому что, забывъ себя искушать, аще суть въ вѣрѣ, пытаются стороннее и изслѣдуютъ необдуманно то, что выше силъ ихъ, не боясь Бога, который повелѣваетъ: *не судите, да не судимы будете. Имже бо судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѡ. 7, 1),—и не уважая наставленій ученика Христова Павла, который говоритъ: *ты кто еси судая чуждему рабу? Своему Господу стоитъ или падаетъ* (Рим. 14, 3). Какъ же можно признать таковыхъ вѣрными и христіанами, когда они преслушаютъ и оставляютъ словеса Христа Господа и св. Его Апостоловъ, не соблюдаютъ законоположеній, которыя постановилъ Онъ и ученики Его, и не идутъ по стопамъ учителя нашего Христа и не послѣдуютъ Ему? Какъ возможно увидѣть свѣтъ заповѣдей тѣмъ, которые

явно преступаютъ сіи божественныя заповѣди? Нѣтъ, это невозможно.

Да не прельщаетъ васъ, братія, никто суетнымъ ученіемъ, говоритъ Апостоль (Кол. 3, 8. 18). Братіями насъ называетъ божественный Апостоль по причинѣ возрожденія и духовнаго родства, которое имѣемъ мы съ нимъ въ силу божественнаго крещенія. Но по дѣламъ нашимъ, какъ вижу, мы далеко отчуждились отъ братства святымъ. И это я хочу представить самими примѣрами, или, лучше сказать, самья дѣла наши и слова обличаютъ насъ въ этомъ. Съ сею цѣлю, обращая вопросы мои какъбы къ одному лицу, говорю: отвергся ли ты міра и всего мірскаго, брате? Сдѣлался ли пестяжательнымъ, послушнымъ, чуждымъ своей воли? Стяжалъ ли кротость и смиреніе? Преуспѣлъ ли въ постѣ, молитвѣ и бдѣніи? Достигъ ли совершенной любви къ Богу, и ближняго имѣешь ли какъ самаго себя? Молишься ли со слезами и отъ всей души о тѣхъ, которые тебя ненавидятъ, неправдывають и вражески относятся къ тебѣ, да будутъ прощены имъ такія согрѣшенія ихъ?—Взошелъ ты на такую высоту добродѣтелей, или еще нѣтъ? скажи мнѣ. Если стыдишься сказать: нѣтъ, и опять по смиренномудрію не хочешь сказать: да; то я напояну еще тебѣ, брате, о подобающемъ и покажу, какими дѣлами и исправностями восходитъ на такую высоту добродѣтелей всякій истинный подвижникъ, позвизающійся съ истиннымъ знаніемъ дѣла и съ сильною ревностію о святости. И такъ говорю: если изъ всего сказаннаго ты достигъ того, что возлюбилъ враговъ своихъ и многократно плакалъ о нихъ отъ сердца, молясь Богу объ обращеніи ихъ и покаянїи; то явно, что ты преуспѣлъ прежде и во всемъ прочемъ,— то есть, подвигами, тобою подъятыми, сдѣлался безстрастнымъ, стяжалъ сердце, чистое отъ страстей, и въ немъ и имъ узрѣлъ Бога безстрастнаго. Ибо инымъ путемъ нельзя дойти до того, чтобы молиться за враговъ своихъ съ расположеніемъ къ нимъ сердца и любовію, какъ очи-

стившись напередъ отъ всякой скверны плоти и духа, чрезъ соединеніе съ Богомъ содѣйствіемъ всеблагаго Духа.

Итакъ, если благодатію Спасителя Бога достигъ ты, брате, до сего, вмѣстѣ съ благостію и смиреніемъ; то для чего не вѣришь, что и сподвижники твои достигли тогоже, или, вѣря, завидуешь имъ, осуждаешь ихъ и оклеветываешь, чтобъ развѣять доброе о нихъ мнѣніе? Не знаешь развѣ, что дѣлатели, вступившіе въ виноградникъ на работу съ перваго часа дня, за то, что позавидовали пришедшимъ въ одиннадцатый часъ и получившимъ одинаковую съ ними награду, ввержены въ огонь кромѣшній? Какъ же ты, дѣлая и говоря тоже или и хуже того противъ святыхъ, конхъ добродѣтельная жизнь и вѣдѣніе сіяютъ, какъ солнце, думаешь, что не будешь осужденъ на такое же, или еще худшее, наказаніе и мученіе? Или не знаешь, что святые никогда не завидуютъ святымъ? Ибо гдѣ зависть, тамъ живетъ и отецъ зависти, діаволь, а не Богъ любви. Почему, если имѣешь въ себѣ зависть, то какъ думаешь, что ты святъ,—ты, котораго не признаетъ даже вѣрнымъ или христіаниномъ любовь Бога и брата твоего? А что такъ есть воистину, что тотъ, кто имѣетъ зависть, имѣетъ діавола и не можетъ быть Христовымъ, потому что не имѣетъ любви къ брату, это явно для всякаго, слушающаго божественныя Писанія.

3) Если же ты не удостоился еще пріять такіе дары и не достигъ въ такую мѣру боготворныхъ добродѣтелей; то какъ дерзаешь отверзать уста свои и говорить? Какъ берешься учить, самъ имѣя нужду въ оглашеніи и наученіи отъ другихъ? Какъ покушаешься совопросничать о томъ, чего не знаешь и о чемъ не слыхалъ? И какъ дерзаешь вступать въ бесѣду о такихъ высокихъ предметахъ, будто человекъ, знающій божественное? Или не знаешь, что тебѣ слѣдуетъ стоять за дверью церкви, какъ оглашенному, а ты по дерзости своей стоишь вмѣстѣ съ другими вѣрными, чистыми, молящимися внутри церкви, пре-

ступая Апостольскія правила? Ибо оглашеннымъ слѣдуетъ называть не только невѣрнаго, но и всякаго, кто не зрѣть славы Господа откровеннымъ лицемъ ума своего. Я впрочемъ плачу о твоёмъ невѣжествѣ, что ты совсѣмъ не вѣришь, чтобъ нынѣ былъ кто нибудь такой святой, какъ древніе; между тѣмъ, сопричисляя себя къ массѣ людей, какъ заурядный къ зауряднымъ, въ тоже время, какъбы нѣкій святой и богоносный мужъ, говорящій Духомъ Святымъ, берешься изъяснять то, къ чему повужденъ словами моими, хотя сознался, что совсѣмъ не знаешь того. Теперь спрошу тебя,—то, о чемъ сказалъ ты, что не видѣлъ того, не слышалъ и не удостоился пріять въ душу свою,—это, говорю, какъ не стыдишься ты изъяснять и истолковывать, какъбы познавшій то отъ Духа Святаго?

4) Ибо если ты не сдѣлался безстрастнымъ, если не удостоился пріять Духа Святаго, если ты еще не святой, то какъ говоришь, что знаешь тайны Духа, какъбы былъ святой,—тайны, о коихъ написано, что око не видало, ухо не слышало и на сердце челоуѣка перстнаго не веходило, что за блага, которыя уготовалъ Богъ любящимъ Его? Ибо они открываются Богомъ благодатию Святаго Духа тѣмъ, кои сдѣлались причастны святыни Духа, да вѣдаютъ, какіе божественные дары подаются достойнымъ, какъ говорить божественный Павелъ: *мы не духа міра сего пріяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да въмы яже отъ Бога дарованная намъ. Духъ бо вся испытуетъ, и глубины Божія* (1 Кор. 2, 12. 10). Черезъ Него открылся и познался намъ, грѣшникамъ сущимъ и смиреннымъ, Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и Бога великаго, въ самомъ Христѣ Богѣ,—Богъ, *егоже никтоже видѣлъ есть отъ челоуѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16). *Богъ, рекій изъ тмы свѣту возсіяти, Онъ же самый возсія и въ сердцахъ нашихъ* (2 Кор. 4, 6). То есть, совершенно неописанный и необъемлемый пріемлется какъ сокровище въ скудельные сосуды тѣлѣ

нашихъ; и не имѣющій образа и вида образуется въ насъ, исполняя все неописанно, яко сый превыше всякаго величія и всякой полноты. То, что Богъ образуется въ насъ, что другое есть, какъ не то, что Онъ перетворяетъ, возсоздаетъ и преображаетъ насъ по образу Божества своего?

5) Таковъ былъ и Симеонъ благоговѣйный, подвизавшійся въ Студійской обители, какъ мы знаемъ и какъ удостовѣрились въ этомъ опытно. Ибо мы на проявленіяхъ Духа, бывшаго въ немъ, основали вѣру свою въ Него, хранимую неизмѣнно и доселѣ, или лучше сказать, возжгли отъ свѣта его, какъ нѣкую лампаду, свѣтильникъ души нашей, который и блюдемъ неугасимымъ, сами хранимы будучи его молитвами и ходатайствами о насъ, которыми напаема будучи душа наша умножаетъ вѣру въ Него, и еще (дерзая о Господѣ говорю) будетъ умножать, Богу содѣйствующу, да приносить стократный плодъ отъ сего божественнаго свѣта. Плодъ вѣры есть святой и невечерній свѣтъ; свѣтъ же святой въ свою очередь прилагаетъ и умножаетъ вѣру. Насколько сильнѣе возсіяваетъ свѣтъ, настолько возрастаетъ вѣра и всходитъ на высоту. И опять насколько возрастаетъ вѣра, настолько множится явно плодъ Духа; плодъ же Духа есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благодать, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе. Имѣющій такіе плоды знаетъ ихъ добръ. Ибо какъ тотъ, кто имѣетъ маргариты и камни драгоценныя, сапфиры, говорю, аметисты и другіе подобныя, знаетъ (если пріобрѣлъ опытность въ томъ) видъ и величину cadaго: такъ и тотъ, кто насадилъ въ себѣ добродѣтели и возрастилъ плоды Духа, знаетъ и видъ и силу cadaго изъ нихъ, и наслаждается сладостію всѣхъ ихъ.

6) И, что всего дивнѣе, вѣрно узнаетъ, когда тотъ плодъ, который въ немъ есть, есть и въ другихъ. Ибо какъ народы распознаются по одеждамъ ихъ, особенно же по голосу и языку: такъ и святые познаются по тому, какъ благочестно и благообразно они себя держатъ, и по другимъ внѣшнимъ признакамъ; но особенный и рѣшительно

вѣрный признакъ ихъ есть слово, исходящее изъ устъ ихъ. Ибо чего нѣтъ въ сердцѣ, того не могутъ изнести уста; если же и берется кто изнести то, тотчасъ обличается собственными своими словами, что говорить недобрѣ. *Благій человекъ*, говоритъ Господь, *отъ благаго сокровища сердца своего износитъ благая; и лукавый человекъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая* (Мѡ. 12, 35). И смотри, какія глубины Духа?—Не сказалъ Господь только, что отъ благаго сердца износитъ, но сказалъ: *отъ благаго сокровища сердца*, чтобъ ты позналъ изъ сего, что никто изъ насъ не можетъ имѣть сердца пустымъ, но что всякій имѣетъ въ сердцѣ своемъ одно изъ двухъ: или благодать Духа Святаго посредствомъ вѣры и добрыхъ дѣлъ, или лукаваго діавола за невѣріе, нерадѣніе о заповѣдяхъ Божіихъ и дѣланіе злыхъ дѣлъ. Чтобъ ты не подумалъ, будто Господь говоритъ, что имѣютъ сокровище Святаго Духа и тѣ, которые исполняютъ нѣкоторыя только заповѣди Божіи, а не всѣ со всею точностію, Онъ сказалъ въ другомъ мѣстѣ: *имѣяй заповѣди моя* (разумѣется, всѣ) *и соблюдалъ ихъ, той есть любяй Мя; а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ; и Азъ возлюблю его и явлюся ему самъ*,—и прибавилъ: *аще кто любитъ Мя, слово мое соблюдетъ; и Отецъ мой возлюбитъ его, и къ нему придетъ, и обитель у него сотворимъ* (Ип. 14, 21. 23).

Видишь, какъ тотъ, кто стяжалъ благое сердце трудами и дѣланіемъ заповѣдей, имѣетъ въ себѣ все Божество, которое есть благое сокровище? А что сокровище сіе не обитаетъ въ томъ, кто преступаетъ или нерадитъ хоть объ одной какой заповѣди, даже малѣйшей, и не исполняетъ ея,—слушай, что еще говоритъ Онъ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ, и научитъ тако человекъ, мнѣ наречется въ царствіи небесныхъ* (Мѡ. 5, 19). Меньшими или малѣйшими назвалъ Господь заповѣди не потому, чтобъ онѣ въ самомъ дѣлѣ были таковы, но потому, что мы почитаемъ ихъ такими. Попряднословить,

напримѣрь, или пожелать елика суть брата нашего, или посмотрѣть страстно, или презрѣть и осудить кого,— все это и подобное сему почитаемъ мы за ничто, имѣемъ малѣйшимъ и послѣднѣйшимъ, почему нерадимъ, и относимся къ тому безразлично, не остерегаемся того и никакого о томъ понятія не имѣемъ; потому что забыли, какой строгій судъ произноситъ Господь о такихъ дѣлахъ, говоря: *всяко слово праздно, еже аще рекуть чевъцы, воздадутъ о немъ слово въ день судный* (Мѡ. 12, 36); еще: *не пожелай, слика суть ближняго твоего* (Втор. 5, 21); еще: *иже воззритъ... ко еже вождельти... уже любодѣяствова* (Мѡ. 5, 28); и еще: *иже речетъ брату своему: рака, повиненъ еси сонмищу; а иже речетъ: уроде, повиненъ еси гесннѣ огненный* (Мѡ. 5, 22).—И Апостоль, желая показать, что діаволь дѣйствуетъ въ тѣхъ, кои дѣлаютъ такія дѣла, говорить: *жало смерти грѣхъ* (1 Кор. 15, 56). Ибо если грѣхъ есть не что иное какъ преступленіе заповѣди Божіей, а—не пожелай, не лги, не празднословъ и не осуждай брата своего, есть заповѣдь Божія; то явно, что всякій, творящій такія дѣла, уязвляется жаломъ смерти, т.-е. грѣхомъ; сквозь же эту язвину и ужаленіе грѣха, тотчасъ, какъ червь, входитъ діаволь и живетъ тамъ внутри. Видишь ли, какъ тѣ, которые не сдѣлали сердець своихъ чистыми посредствомъ слезъ и покаянія, имѣютъ живущимъ внутри себя діавола, который есть злое сокровище?

Такъ-то благой человекъ изъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое, а злой—злое. Но истинное покаяніе съ исповѣдію и слезами, какъ нѣкими пластырями и лскарствами, омываетъ и очищаетъ рану сердца, и самую язвину, какую до сердца открыло жало мысленной смерти,—потомъ извлекаетъ вонъ червя, который сдѣлалъ себѣ внутри пору и жилъ тамъ, и убиваетъ его, — наконецъ залсчиваетъ рану и мѣсто ея дѣлаетъ совершенно здоровымъ, такъ что даже и слѣда ея не остается. Это, сказанное мною, знаютъ, какъ происходитъ въ нихъ, только тѣ, которые имѣютъ сердце, ищущее здравія при-

трудно, со слезами и покаяніемъ. А прочіе чувствуютъ даже удовольствіе отъ такихъ язвъ и нарочно ихъ растрavляютъ, стараясь прибавлять къ нимъ и другія раны. Они то только и считаютъ здоровьемъ, когда удовлетворяютъ всякую страсть и всякую похоть свою; даже величаются, когда дѣлаютъ какой грѣхъ срамный, срамоту такую вмѣняя себя въ славу. Почему же они такъ превратно дѣйствуютъ? Потому что не знаютъ духовнаго утѣшенія и радости, какія приноситъ совершенное очищеніе сердца,—или, лучше сказать, потому что совершенно не вѣрятъ сему и держатъ убѣжденіе, что невозможно человѣку совершенно очиститься отъ страстей и пріять въ себя полное дѣйство Духа Святаго. Вслѣдствіе сего они и говорятъ и дѣлаютъ всегда то, что противно спасенію ихъ, а чрезъ это и сами себѣ затворяютъ двери въ царство небесное, и другимъ желающимъ препятствуютъ войти въ него. Если случится имъ услышать гдѣ о комъ либо, что онъ подвизаясь, какъ слѣдуетъ, въ заповѣдяхъ Господнихъ, сталъ смиренъ въ сердцѣ и въ мудрованіи своемъ, очистился отъ страстей и всѣмъ проповѣдуетъ дивныя милости Божіи, какія явилъ надъ нимъ Богъ, по неложнымъ обѣтованіямъ своимъ,—или его самого услышатъ говорящимъ на пользу слушающихъ, какъ удостоился онъ увидѣть свѣтъ Божій и самаго Бога во свѣтѣ славы, и какъ разумно позналъ въ себѣ присутствіе и дѣйствіе Духа Святаго и сталъ одѣянъ благодатію Духа Святаго,—если, говорю, услышатъ они сіе, тотчасъ, какъ псы разъяренные, начинаютъ лаять противъ него, покушаясь, если возможно, и совсѣмъ пожрать его, говоря ему: перестань, прельщенне и горделиве! Кто въ теперешнее время можетъ сдѣлаться такимъ, каковы были древніе отцы? Или кто можетъ видѣть Бога, хотя мало нѣкако? Кто можетъ получить благодать Св. Духа въ такомъ обиліи, чтобъ ради ея сподобился увидѣть Отца и Сына?—Перестань, чтобъ не быть тебѣ побиту камнями.

Таковымъ, мнѣ кажется, я долженъ достойно отвѣтить, какъ того требуетъ невѣжество ихъ, слѣдуя наставленію Соломона: *Не отвѣчай безумному по (прос) безумію его, да не подобенъ ему будешь: но отвѣщай безумному по (хата) безумію его, да не явится мудръ у себе* (Притч. 26, 4. 5). О братія! Изъ васъ дѣйствительно никто, какъ говорите, не видѣлъ Бога; но изъ тѣхъ, которые самоохотно взяли на себя крестъ Господень и потекли тѣснымъ путемъ, готовы будучи и душу свою погубить за животь вѣчный, изъ этихъ многіе видѣли Бога, и прежде и теперь, какъ думаю, многіе видятъ Его, и всякій можетъ увидѣть Его, если возжелаетъ сего и устремится къ сему какъ должно; только вы, по развращенію сердца вашего и по зависти, не можете видѣть такихъ людей. Слушай, что говоритъ евангелистъ Іоаннъ: *слицы пріятеля Его, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти, вѣрующимъ во имя Его: иже не отъ крове, ни отъ похоти плотскія, ни отъ похоти мужескія, но отъ Бога родишася* (Іоан. 1, 12. 13).

7. Итакъ, если ты не родился отъ Бога, то явно, что ты и не чадо Его. Ты не пріялъ еще Его и не имѣешь внутри себя. Почему Онъ не далъ тебѣ области, и ты не можешь быть чадомъ Божиимъ. Если же ты не сдѣлался еще чадомъ Божиимъ, то какъ возможно тебѣ видѣть небеснаго Бога, яко Отца своего? Никто никогда не видѣлъ Отца своего прежде чѣмъ родился отъ него: и никто изъ людей не увидитъ Бога, если прежде не родится отъ Него. Посему-то Господь и говорилъ: *аще кто не родится свыше, не можетъ видѣти царствія Божія* (Іоан. 3, 3). И еще: *рожденное отъ плоти плоть есть: и рожденное отъ Духа духъ есть* (— — 6). Но ты, поелику родился только отъ плоти и не позналъ еще духовнаго рожденія, которое бываетъ отъ Святаго Духа; то не родился отъ Него, не сдѣлался и самъ духомъ. Итакъ какъ же можешь ты испытывать глубины Божіи, или, лучше сказать, видѣть Бога? Всеко-нечно не можешь. Ты самъ, и не хотя, признаешь это

истиннымъ. Ибо видишь, что говоритъ Господь?—Но ты таковъ ли? И почему узнать намъ, что ты таковъ?—Я не могу сказать, что я таковъ, безъ благодати Божіей. Но полагаю, что ни самъ Апостоль Павелъ, ни Іоаннъ не могутъ сказать это, и я болѣзную о душевномъ ослѣпленіи тѣхъ, которые говорятъ это, и тутъ же ищутъ узнать, какъ познается тотъ, кто достигъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.

Впрочемъ, если хочешь узнать, я скажу тебѣ, какъ: такъ, какъ слѣпые узнаютъ другихъ людей,—какъ Исаакъ признавалъ сына своего Іакова, хотя онъ былъ наряженъ такъ, чтобъ походилъ на брата своего Исава. Всѣ вы знаете, что Исаакъ былъ въ недоумѣніи и говорилъ: руки—руки Исава, а голосъ — голосъ Іакова. Хитрости подраженія онъ не могъ узнать, потому что былъ слѣпъ, а обычный голосъ сына своего Іакова узналъ. Еслибъ онъ былъ глухъ, то не могъ бы и голоса его узнать. Такъ и вы,—кто бы вы ни были изумляющіеся подобнымъ образомъ, какъ можете узнать мужа духовнаго, если вы не только слѣпы, но и глухи? Невозможно это для васъ. А что это истинно, что тѣ, которые не видятъ духовно, не могутъ и слышать духовно, послушай, что говоритъ Господь невѣрнымъ Іудеямъ: *почто бесѣды моя не разумете? Яко не можете слышати словесе моего. И еще немного ниже: иже есть отъ Бога, глаголовъ Божіихъ послушаетъ: сего ради вы не послушаете, яко нѣсть отъ Бога. Вы отца вашего діавола есте, и похоти отца вашего хотите творити* (Іоан. 8, 43. 47. 44). Итакъ если и вы, по причинѣ невѣрія и лукавства своего, по причинѣ перадвнїя и преступленія заповѣдей Божіихъ, плоть есте,—разумѣю, если одесѣлѣли сердцемъ и имѣете слухъ и око душевныя заключенными, и умъ покрытымъ страстьми; то какъ можете познать духовнаго и святаго мужа?

Но, о, братія мои и отцы! Умоляю, да восподвизається каждый изъ насъ сначала познать себя самого, дабы потомъ имѣть возможность иной разъ отъ того, что въ

мѣру нашу, познать и то, что выше насъ. Ибо кто не позналъ прежде себя самого такъ, чтобъ могъ съ Давидомъ говорить: *азъ есмь червь, а не человекъ* (Пс. 21, 7), и съ Авраамомъ: *азъ есмь земля и пепелъ* (Быт. 18, 27), тотъ никакъ не можетъ познать что либо изъ духовнаго и божественнаго духовно и достойно, и какъ подобаетъ вышесестественному и премудрому Духу. Никто да не прельщаетъ васъ суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать божественныя тайны вѣры нашей, безъ наученія и просвѣщенія Святаго Духа. Пріятельцемъ же даровъ Духа никто не можетъ быть безъ кротости и смиренія. Почему падлежитъ всѣмъ намъ всепремѣнно прежде всего положить твердое и непоколебимое основаніе вѣры во глубинахъ души нашей; потомъ на семъ основаніи создать домъ внутренняго благочестія души, устроивъ стѣны его высоко и крѣпко изъ разныхъ видовъ добродѣтелей. Когда такимъ образомъ ограждена будетъ душа со всѣхъ сторонъ, какъ стѣнами, и когда въ ней водрузится и укоренится всякая добродѣтель; тогда возложимъ на сіе зданіе и кровлю, которая есть вѣдѣніе Бога,—и домъ Духа будетъ у насъ всецѣло и совершенно готовъ. Ибо когда душа очистится слезами соотвѣтственно являемому ею покаянію и исполненію заповѣдей, тогда человекъ, вопервыхъ, удостоивается благодатию Духа познать свое состояніе и всего себя; потомъ послѣ тщательнаго и долговременнаго очищенія сердца и укорененія глубокаго смиренія, начинаетъ онъ мало-по-малу, и нѣкоторымъ образомъ примрачно, постигать яже о Богѣ и божественныхъ вещахъ; и чѣмъ больше постигаетъ, тѣмъ паче дивится и стяжеваетъ вящее смиреніе, думая о себѣ, что совсѣмъ недостоинъ познанія и откровенія такихъ тайнъ. Почему, блудомый такимъ смиреніемъ, какъ-бы находясь за крѣпкими стѣнами, пребываетъ онъ неуязвимымъ отъ помысловъ тщеславія, хотя каждодневно растетъ въ вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу, и ясно видитъ преспѣваніе свое, являющееся въ приложеніи вѣдѣ-

ніа къ вѣдѣнію и добродѣтели къ добродѣтели. Когда же достигнетъ накопецъ въ мѣру возраста исполненія Христова, и истинно стяжетъ умъ Христовъ и самого Христа; тогда приходитъ въ такое доброе состояніе смиренія, въ коемъ увѣренъ бываетъ, что не знаетъ, имѣетъ ли что либо въ себѣ доброе, и почитаетъ себя работою неключимымъ и ничтожнымъ. И то наипаче дивно и вышеестественно, что онъ держитъ на сердцѣ, что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одного человѣка, который былъ бы ниже и грѣшнѣе его. Какъ доходитъ онъ до такого убѣжденія и какъ удерживаетъ его, не могу сказать. Одно только могъ я понять въ этомъ, что есть прехвальная добродѣтель смиренія. Когда душа придетъ въ такое доброе состояніе и умъ ея силою Духа о Христѣ Богѣ погрузится во глубину смиренія и забудетъ міръ и все, что въ мірѣ, помышляя только о себѣ и своемъ, такъ что это обратится въ постоянный навыкъ и настроеніе неизмѣнное; тогда она видитъ себя крайне уничиженною и бѣдною, и убѣждается, что между всѣми людьми міра нѣтъ никого другаго, столь ничтожнаго, какъ она. Такимъ образомъ, чѣмъ болѣе кто имѣетъ себя въ чувствѣ души бѣднѣйшимъ и низайшимъ всѣхъ людей, тѣмъ онъ бываетъ первѣе и выше всѣхъ людей, какъ опредѣляетъ Господь и Богъ нашъ: *иже хочетъ озъ васъ вящійи быти, да будетъ вамъ слуга* (Матѣ. 20, 25). Станемъ же и мы, братія, подвизаться, чтобъ придти въ такой чинъ и состояніе;—тогда и мы будемъ въ состояніи легко узнавать святыхъ достигшихъ сей мѣры,—и улучимъ и настоящія и будущія блага, благодатію Господа нашего Іисуса Христа,—Коему слава во вѣки. Аминь.

О ЗАГРОБНОЙ ЖИЗНИ, ПРОТИВЪ СПИРИТОВЪ.

СЛОВО НА ЕВАНГЕЛЬСКУЮ ПРИТЧУ О БОГАТОМЪ И ЛАЗАРЬ.

(Лук. 16, 19—31) *).

Съ той поры, какъ Богъ сказалъ падшему Адаму: *земля еси и въ землю отъидеши* (Быт. 3, 19), жатву смерти видимъ часто и повсюду. Умирають бѣдныя, умирають и богатые. Умирають и вельможи и цари, какъ простые земледѣльцы и рабы; умирають старые и малые. И часто тотъ, кого сбываютъ съ рукъ, какъ человѣка лишняго, негоднаго, живетъ себѣ спокойно и счастливо; а добрый, умный и полезный человѣкъ умираетъ преждевременно.

Что отсюда слѣдуетъ? А то, что наша жизнь и смерть— всегда во власти Божіей: кого, когда захочетъ Онъ, того и позоветъ къ Себѣ. И нѣтъ и не было на свѣтѣ, да и быть не можетъ никого изъ насъ, кто могъ бы избѣжать сего послѣдняго предѣла, по словамъ Писанія: *всяка плоть, яко риза обетшаетъ, завѣтъ бо отъ вѣка: смертію умрещи* (Сир. 14, 18). *И кто есть человекъ, иже поживетъ и не узритъ смерти* (Пс. 88, 49)?—Такъ; если умирають всѣ, то значить, рано или поздно, а можетъ быть и скоро, и насъ съ тобою, слушатель, зарюютъ въ хладную и мрачную могилу. Конечно «ужь давно растутъ тѣ деревья, изъ которыхъ и для насъ съ тобой устроятъ гробъ»; а можетъ быть они для этой цѣли уже срублены и подготовлены. А могилу выкопать недолго...

Что же это за область, куда отходятъ всѣ,—и откуда болѣе никто не возвращается? Что постигло тѣхъ, кои

*) Сказано 9 ноября 1880 года въ Исакиевскомъ соборѣ.

перешли уже отъ насъ въ эту новую страну, для насъ, покуда недовѣдомую? И что тамъ ожидаетъ насъ самихъ, когда придется намъ туда явиться, послѣ смерти нашей на землѣ?

Все это вопросы, сколько важпше для всѣхъ, столько же и неразгаданные однимъ только нашимъ умомъ человѣческимъ, — вопросы, каждому близкіе и вмѣстѣ неудоборѣшасмые!... Да, это такая тайна и жизни и смерти, которою вполнѣ владѣетъ лишь одинъ Творецъ всемогущій и Судія живыхъ и мертвыхъ, *въ руки Коего ключи рая и ада, жизни и смерти* (Апок. 1, 18).

Многіе изъ мудрыхъ сего вѣка пытались, сами по себѣ, своимъ умомъ, помимо откровенія отъ Бога, разрѣнить подобныя вопросы для себя и для другихъ; но всѣ они попадали либо въ крайнія пелѣпости, либо въ страшныя заблужденія.

Одни при этомъ совершенно отвергали жизнь загробную и думали, что человѣкъ, какъ тварь простая и бездушная, поживетъ на этомъ свѣтѣ и опустится въ ту землю, на которой былъ, соплѣетъ, превратится въ прахъ, душой и тѣломъ, — и тѣмъ кончится вся жизнь его...

Другіе подходили къ истинѣ, утверждая, что по смерти, *въроятно*, есть другая жизнь, для однихъ пріятная, блаженная, счастливая, а для другихъ худая и несносная. Но при этомъ и блаженство, какъ мученія, по смерти, представляли какъ-то смутно и неясно, въ самомъ грубомъ видѣ и плотскомъ.

И не мудрено, что такія мнѣнія были въ языческомъ мірѣ, когда *людіе съдяху во тмѣ и снѣи смертнѣи* (Мѡ. 4, 16). Вольно имъ было бредить каждому, какъ вздумаетъ!

Нынѣ, въ просвѣщенномъ вѣкѣ, кто же изъ порядочныхъ людей, со здравымъ смысломъ, повѣритъ этимъ баснямъ жалкаго язычества, и кто допуститъ эту мысль безумную, что будто и душа, какъ тѣло, по смерти разрушится у насъ, или сливается безслѣдно съ общей массою природы, точно дымъ и паръ па воздухѣ? Зачѣмъ

такъ тяжко унижать достоинство природы человѣческой и ставить нашу жизнь не только наравнѣ съ простыми, безсловесными и неразумными животными, но даже, хуже того, низводить ее на степень камня или дерева?! Если это мнѣніе древняго язычества и раздѣляютъ нынѣ сумасброды, то это только нигилисты и безбожники, которыхъ еще Псалмопѣвецъ справедливо назвалъ всѣхъ *безумными* (Пс. 13, 1). Ибо, согласитесь, есть ли разумъ у того, кто самъ себя считаетъ наравнѣ съ скотами и бездушною природою или думаетъ, что онъ, какъ грибокъ, какъ червь, какъ злукъ, сгніетъ въ землѣ душой и тѣломъ, и больше не возникнетъ къ новой жизни?!..

Что же значить послѣ этого и наша жизнь земная?— Она тогда не больше, какъ «смѣшная и глупая шутка», или «даръ напрасный, даръ случайный», который бросить, уничтожить, прекратить, когда угодно, ничего не стоитъ нигилисту, что и дѣлаютъ нигилисты такъ часто, то убивая другихъ, то—сами себя. Странное дѣло: всякое животное, какое ни возьмите изъ породы безсловесныхъ, даже насѣкомое, бережетъ свою жизнь, охрапаетъ ее; а тутъ какойнибудь безбожникъ и бездѣльникъ, изъ-за самой ничтожной причины или неудачи, поднимаетъ руки на себя самого!.. Какъ же онъ не хуже скота?..

Вотъ что значить и къ чему ведетъ отрицаніе загробной жизни, съ воздаяніемъ за зло и за добро! Сохрани Богъ каждому изъ насъ отъ этой дерзкой и безумной мысли!..

Но вотъ еще, къ сраму настоящаго вѣка, сначала на Западѣ, а затѣмъ и у насъ въ Россіи, касательно рѣшенія вопросовъ о загробной жизни, явилась новая, страшная ересь, которая въ одной себѣ совмѣщаетъ не только всѣ старыя бредни и сказки жалкаго язычества, но и возобновляетъ въ нашей памяти и древнихъ еретиковъ въ христіанствѣ (напримѣръ Гностиковъ, Неоплатони-

ковъ) *), и позднѣйшихъ псевѣровъ и богохульниковъ. Эта ересь называется *спиритизмомъ*, а послѣдователи ея — *спиритами* (отъ латинскаго слова: (spiritus) спиритусъ—духъ; а какой? мы сейчасъ же это увидимъ.

Жаль, что предѣлы нашего слова и опасеніе, какъ бы имъ не утомить вашего вниманія, не позволяютъ намъ раскрыть подробно всю опасность этой новой ереси, которая, замѣтить нужно, охватила и у насъ цѣлыя тысячи легковѣрныхъ, привыкшихъ къ повизнѣ во всемъ, даже и въ религіи, по слѣпому подражанію западнымъ псевѣрамъ. Впрочемъ, благодареніе Богу, эта новая, заграничная ересь покуда держится только въ высшемъ и отчасти въ среднемъ нашемъ обществѣ (и то, конечно, далеко не у всѣхъ); а въ низшій слой народа православнаго едва-ли и войдетъ она когда-нибудь. Но все-таки сказать хоть что-нибудь объ этой ереси, въ предостереженіе инымъ, необходимо.

Спириты утверждаютъ, что Евангельское слово уже недостаточно для вразумленія заблудшихъ христіанъ, особенно такихъ, которые не признаютъ загробной жизни. И потому, говорятъ, ихъ, какъ новыхъ проповѣдниковъ, будто бы самъ Богъ послалъ на землю для того, чтобы просвѣтить такихъ псевѣровъ новымъ, высшимъ откровеніемъ, какое сообщаютъ имъ духи изъ загробнаго міра. Этихъ-то духовъ спириты вызываютъ и съ ними иногда бесѣдуютъ о томъ: что и какъ творится тамъ, въ загробномъ мірѣ? Что дѣлаютъ по смерти люди добрые и что—худые? Что такое рай и что подъ словомъ *адъ* намъ нужно разумѣть? Даже эти духи и о Богѣ говорятъ и о

*) См. Новицкій. Постепен. развитіе философ. ученій. „Гностики“, ч. IV, гдѣ говорится, что „Неоплатонники“ защищали Оракуловъ, а „Гностики“ вызывали духовъ и души умершихъ, и съ ними бесѣдовали. „Моптанисты“—тоже. (Histoire des dogmes chretiens, t. I Cl. Dictionnaire Universel des Hérésies, par M. l'Abbé, M. Guyot. p. 165).

Христѣ кой-что имъ сообщаютъ.... Не правда-ли, все это любознательно знать зарапѣе, пока еще мы живы на землѣ?

«Да вѣдь это, скажете вы, вздоръ или пустое шарлатанство! Какъ же это можно вызывать духовъ, или умершихъ лицъ изъ загробнаго міра и съ ними разсуждать, какъ на яву?» Пить, не вздоръ, мы отвѣчаемъ,—и не одинъ пустой обманъ! Извѣстно, что вызываніемъ духовъ, или умершихъ душъ, и бесѣдою съ ними занимаются не все простые только люди, а гораздо чаще и ученые,—даже доктора, философы, юристы и многіе профессора. Значитъ что-нибудь да есть тутъ и дѣйствительно, для насъ-то непонятное, а для спиритовъ очень ясное. Имъ дѣйствительно являются и духи и души умершихъ, даже въ видѣ человѣческомъ, такъ что ихъ спириты узнаютъ и ясно различаютъ ихъ по этому явленію.

По вопросу здѣсь въ тѣмъ: «кто же эти духи и души?» — На основаніи священнаго писанія и Ветхаго и Новаго завета, и сказаній древней исторіи, равно какъ и по тѣмъ отвѣтамъ *), какіе сообщаютъ сами духи, можеть утвердительно сказать, что это — духи злые, или просто, бѣсы-оболъстители.

Спиритизмъ, какъ вызваніе духовъ, или душъ умершихъ людей, есть запятіе не новое, а древнее, которымъ, какъ извѣстно по исторіи, занимались съ незапамятныхъ временъ не только многіе язычники **), особенно жрецы ихъ, маги, чародѣи, шюи, оракулы (въ Египтѣ, Индіи, Китаѣ, а также въ Греціи и Римѣ), но даже это чародѣйство иногда замѣтно было и въ народѣ Іудейскомъ.

*) Въ соч. ученаго путешественника Диксона (Nou America, Monatsblätter für innere Zeitgeschichte, 1869) говорится, что нѣкоторые духи, на вопросъ: кто ты? отвѣчали и даже подписывались: *чортъ, бѣсъ, нечистый духъ.*

**) Les médiateurs et les moyens de la magie, par des Mousseaux, lib. 1. Ch. 31—32. Histoire de la médecine par Chprengel.—Aeneis Virgilii. Cap. 34.—L'Univers, 1850. I Avril, Vinchot, и мн. др.

Такъ извѣстно, напримѣръ, что Аэндорская волшебница, по желанію и просьбѣ печестиваго царя Саула, вызвала изъ ада пророка Самуила (до сошествія Спасителя во адъ и праведные люди, какъ и сей Пророкъ, во адѣ были). И Сауль тогда узналъ его и *приклони лице свое на землю, поклонися ему* (1 Цар. 28, 14. 15). Самуиль, за это чародѣйство, грозно обличилъ Саула и предсказалъ ему погибель, которая на утро и постигла этого отступника отъ Бога.

Еще раньше этого, при Моусеѣ, тоже были вызыватели отшедшихъ душъ изъ ада и волхвы, за что и была таковыиъ назначена отъ Бога смертная казнь (Втор. 18, 11. 12) *). И въ Новомъ завѣтѣ, при Апостолахъ, была *нѣкая отроковица, имущая духъ пытливъ* (Дѣян. 16, 16), или, что тоже, прорицательный, которой они запретили это волхованіе и бѣса изъ нея изгнали. Кромѣ того, тогда же, при Апостолахъ, былъ нѣкто Симонъ-волхвъ, который, не только дѣлалъ предсказанія, но даже чудеса творилъ, при помощи бѣсовской силы **). Объ этихъ же волхованіяхъ и чародѣйствахъ, равно какъ и о вызываніи и вопрошеніи умершихъ, неоднократно говорится и въ Дѣяніяхъ святыхъ мучениковъ и великихъ подвижниковъ, которымъ иногда, съ цѣлію искушенія, являлись бѣсы то въ видѣ людей, то въ видѣ даже Ангеловъ святыхъ, то дерзали, наконецъ, принимать и видъ Спасителя ***).

Чтожь тутъ невозможнаго для бѣса, если опъ и нынѣ преданнымъ ему слугамъ его является въ своемъ или, настоящемъ видѣ, или подъ видомъ лицъ умершихъ, и

*) *Волхвомъ живымъ быти не попустите* (Исх. 22, 10; см. Лев. 20, 6. Втор. 18, 20).

**) О немъ сказано: *прежде бѣ во градѣ (Самаріи) волхвун и удивляя языкъ Самарійскій, глаголя нѣкоего быти себе велика.* (Дѣян. 8, 9—11). По свид. Анастасія Никейскаго, онъ заставлялъ двигать-ся статуи, леталъ по воздуху, являлся въ видѣ боговъ и т. д. (Стран. 1874 г. Сент. 228 стран.).

***) См. житіе Симеона Столпника, Сент. 1, и мн. др.

сообщаетъ имъ свои новыя откровенія о загробномъ мірѣ, въ явный подрывъ и разореніе православно-христіанскаго ученія?!. А спириты этому и вѣрятъ, на погибель себѣ и другимъ, коихъ оболещаютъ этимъ повымъ, истинно-сатанинскимъ, а не Христовымъ ученіемъ.

Апостоль Павелъ христіанамъ говоритъ: *иже мы, или Ангелъ съ небесе благовѣститъ вамъ наче, еже благовѣстимъ вамъ* (т.-е. если станетъ проповѣдывать не то, что мы вамъ возвѣстили), *анаѣма да будетъ* (Гал. 1, 8).

А что же проповѣдуютъ спириты, по внушенію своихъ духовъ, или бѣсовъ?—Вотъ что:

«Богъ, по ихъ понятію, не есть существо отдѣльное отъ твари, или самобытное *). Онъ есть такая масса, въ которой собраны и соединены, между собою, любовію чистые и совершенные духи. Изъ этой массы добра, какъ они называютъ Бога, постоянно выходятъ простые, не одаренные вѣдѣніемъ духи, которыхъ Онъ творить непрестанно **) и посылаетъ на землю въ различныя тѣла, не только людей, но даже животныхъ,—даже въ камни и растенія ***) , и эти духи перевоплощаются дотолѣ, пока усовершатся и, пройдя чрезъ солнце ****), опять сольются съ этой массою добра, которая послала ихъ на землю».

Таковы главныя черты пагубнаго ученія спиритовъ. Въ немъ совершенно отвергается христіанское ученіе о злыхъ духахъ, объ адѣ и загробныхъ, вѣчныхъ мукахъ. «Всѣ награды праведниковъ и наказанія грѣшниковъ

*) См. *Révélations du monde des esprits*, ser. I. Правда, у иныхъ спиритовъ есть понятіе о Богѣ и близкое къ христіанскому, но болѣе они держатся пантеистическихъ воззрѣній.

**) *Le livre des esprits*. Edit. 5. I. II. Ch. I. II.

***) По ученію Кардека (Книга духовъ, въ русск. перев.) духи воплощаются только въ тѣла человѣческія; а Розе (*Révélations du monde... ser. I*) допускаетъ, что они могутъ воплощаться и въ дерева и камни.

****) *Revue du monde*, ser. I.

здѣсь ограничиваются только скорымъ для однихъ и медленнымъ для другихъ духовъ перевоплощеніемъ, изъ одной матеріи въ другую. А подь конецъ все-таки каждый духъ непременно сольется въ блаженствѣ съ общою массою добра. Ни страшнаго суда, ни воскресенія мертвыхъ, ни вѣчнаго мученія, по ихъ понятію, не будетъ даже и для самыхъ величайшихъ грѣшниковъ *). Ни ада, ни діаволовъ, въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ разумѣемъ по слову откровенія, у нихъ не существуетъ **).

Какъ сладко это новое ученіе для всѣхъ невѣровъ, негодяевъ и разбойниковъ и даже для самоубійць, которыхъ новыя спириты называютъ только «шалунами», не лишеными надежды на дальнѣйшее ихъ исправленіе, усовершенствованіе и блаженство! Какъ оно потворствуетъ всякому злодѣйству однимъ этимъ убѣжденіемъ, что адскаго огня не будетъ! Ибо, по ученію спиритовъ, «все злодѣямъ наказаніе по смерти будетъ состоять лишь въ томъ, что они до времени будутъ жить только въ удаленіи отъ Бога. Но они и въ это время мучиться не будутъ, а станутъ забавляться тѣми же развлеченіями, къ какимъ привыкли на землѣ, т.-е. будутъ заниматься музыкой, прогулкой, танцами, а также разными искусствами и науками» ***).

Ясно, что для такого ученія нѣтъ основанія въ священномъ Писаніи и откровеніи отъ Бога. И потому спириты отвергаютъ этотъ источникъ религіознаго вѣдѣнія. Да зачѣмъ имъ это прежнее откровеніе, когда они получаютъ новое, по ихъ понятію, болѣе ясное? Сказаніе Моисея о сотвореніи міра и человѣка они отвергаютъ или

*) Les dogmes de l'église du Christ. p. 113. 143. 99 — 100. Le livre des esprits, I. II. Ch. II. IV.

**) Le ciel et l'enfer. Paris. 1865, p. I. Ch. VII u Revue Spirite 1862 p. 46.

***) См. сочин. спирита Каганье: Arcanes de la vie future dévoilées. Любопытствующіе могутъ объ этомъ прочитать разговоръ его съ вызываемыми духами. Дом. Б. 1864. стр. 303. 304.

искажаютъ; да и самое Евангеліе — для нихъ устарѣлая книга *). «Иисусъ Христосъ, по ихъ словамъ, былъ не болѣе, какъ феноменъ своего вѣка, или—человѣкъ гениальный; а если и пазывается Онъ Сыномъ Божіимъ, то это въ томъ же смыслѣ, какъ и прочіе, добрые люди, или сотворенные духи. Онъ—посланникъ Божій, но подобный всѣмъ другимъ, философамъ, поэтамъ, моралистамъ **). Въ свое время Онъ, дѣйствительно, принесъ хорошее ученіе; но оно еще не окончательное; у спиритовъ оно выдѣтъ лучше, чище, совершеннѣе. Онъ училъ творить добро,—и это нужно исполнять. Ибо тотъ, кто такъ будетъ поступать по этому Его ученію, избѣгнетъ лиш-нихъ перевоплощеній и скорѣе сольется съ массою добра ***). Онъ исполнилъ свою миссію, или порученіе свое,—затѣмъ взошелъ на небо и больше не придетъ уже на землю «никогда». О третьемъ лицѣ Святыя Троицы, то-есть о Духѣ Святомъ, у спиритовъ — ни слова. Все священное Писаніе, по ихъ словамъ, годно только для низшихъ, грубыхъ и неразвитыхъ людей ****). Вся Церковь, съ ея таинствами и обрядами, есть учрежденіе плоти, для котораго, при этомъ новомъ откровеніи спиритовъ, прошло уже время *†). Значить: ни Крещеніе, ни Покаяніе и Причащеніе болѣе не нужны. О Священствѣ, и о прочихъ таинствахъ нечего и говорить!..

Такъ вотъ какая злая ересь нынѣ, такъ еще недавно, не больше, какъ лѣтъ сорокъ этому назадъ, появилась и окрѣпла и у насъ въ Россіи!

Повидимому спиритизмъ поддерживаетъ безсмертіе души; а на самомъ дѣлѣ совершенно уничтожаетъ или ис-

*) Книга духовъ Алланъ-Кардека, ч. I. гл. III.

**) Les dogmes de l'église du Christ, pag. 99—100.

***) Ibid. Тамъ же говорится, что I. Хр. творилъ чудеса посредствомъ *Божественной магіи*, р. 100

****) Кн. духовъ Кардека ч. I. гл. III.

*†) Roze. Révélat. du monde des esprits p. II. Sermons sur le spiritisme réfutés, par une spirite de Metz. 1863

кажаетъ эту истину святую и колеблетъ все христіанство, въ самой основѣ его! — Но это онъ дѣлаетъ постепенно. Сначала врагъ-то исконный не всѣхъ въ свои сѣти ловить открыто. Если попадется въ эту секту новичекъ, еще немножко вѣрующій христіанинъ, то онъ, лукавый, до времени, снисходитъ къ его святымъ убѣжденіямъ: велитъ ему и въ церковь ходить и бѣднымъ помогать. Даже утверждаетъ, что лучшаго ученія, чѣмъ какое у Христа, покуда нѣтъ, — что этотъ Иисусъ былъ добрый, умный въ свое время, гениальный человѣкъ. Но какъ только согласитесь, что Христосъ не Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, а только человѣкъ,—этого и довольно, чтобы послѣ отказать отъ Христа и къ бѣсу обратиться..

Ахъ, братіе, братіе! За наши новыя, тяжкія беззаконія, видно, *изсякаетъ* между нами не только любовь христіанская, но и самая *вѣра*, которая стала теперь замѣняться какимъ-то страшнымъ невѣріемъ! Видно настало то время, о которомъ предсказалъ Христосъ: *возстанутъ лжехристіи и лжепророцы, дадутъ знаменія велія и чудеса, якоже прельстятъ, аще возможно, и избранныя* (Мѡ. 24, 24)! Видно, во-очію нашею, исполняется и слово Апостола: *будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ похотехъ изберутъ себѣ учителя* (2 Тим. 4, 3). *Отъ истины слухъ отвертятъ, и къ баснею уклонятся* (— 4). *Духъ* (Божій) *явственнѣе* *лагаетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нынѣши отъ вѣры, вземлюще духовомъ лестчымъ и ученіемъ бѣсовскимъ* (1 Тим. 4, 1). А этотъ новый спиритизмъ, какъ сами видите, развѣ не бѣсовское ученіе? О, страшно за будущность, страшно за христіанство и все человѣчество, если эта новая ересь и адская прелесть и у насъ въ Россіи, какъ на Западѣ, усилится и распространится, даже въ простомъ народѣ. Сохрани Богъ отъ этого зла всякаго крещенаго человѣка!

И къ чему намъ прибѣгать къ такому новому, бѣсовскому, слѣпому и ложному ученію, когда Евангеліе и

св. Церковь сообщаютъ намъ истинное ученіе о всемъ, что намъ нужно знать для нашего спасенія? Къ чему намъ увлекаться лжеученіемъ спиритовъ о будущей загробной жизни, съ воздаяніемъ за зло и за добро, когда истинное ученіе о ней Спаситель намъ такъ ясно изложилъ въ Евангельскомъ словѣ своемъ, и особенно въ притчѣ «о Богатомъ и Лазарѣ», которую сегодня повторила намъ святая Церковь? Чтò можетъ быть лучше и справедливѣе этого откровенія, свыше отъ Бога, по которому ясно, что по смерти *каждому воздастся по дѣломъ его* (Рим. 2, 6),—что люди грѣшныя и злыя, и притомъ пераскаянныя, будутъ вѣчно мучиться по смерти въ пламени геенскомъ; а бѣдныя, благочестивыя страдальцы, которые, подобно Лазарю, несли безъ ропота свой крестъ до могилы, будутъ вѣчно наслаждаться нескончаемымъ блаженствомъ?

Здѣсь, можетъ быть, страшить кого-нибудь самое слово: *вѣчность*, особенно—*вѣчность мученій во адѣ*, чтò отвергаютъ спириты? Да, были и прежде ученые люди, даже изъ христіанъ (например Оригенъ, знаменитый церковный учитель), которые во всѣхъ истинахъ вѣры легко и вполне убѣждались, а сомнѣвались только въ этой одной: «какъ это можно, чтобъ грѣшныя люди, за малую сладость ихъ жизни земной, мучились вѣчно по смерти, во адѣ, не только душевно, но и тѣлесно? Сообразно ли это, говорили они, съ милосердіемъ Божиимъ?!».

Вѣчность!... какое многозначительное слово, и особенно—*вѣчность мученій въ огнѣ*, который никогда не угаснетъ!.. Для насъ это значить: начало, которому нѣтъ ни конца, ни предѣла.. Вѣчность—это океанъ какого-то пространства, необъятнаго для нашего ума,—океанъ, въ которомъ тонетъ самая смѣлая наша мысль, какъ малая капля въ пучинѣ морской, не оставляя даже слѣда своего существованія.

Вѣчность — это какая-то бездна, въ которой, хоть тысячи тысячъ годовъ, хоть милліоны вѣковъ сольются въ

одно, никогда и ничѣмъ ее не наполнять. *Вѣчность*, которой ни объяснить, ни понять, мы никакъ не умѣемъ!.. Но въ тоже время вѣруемъ и исповѣдуемъ, по слову Откровенія, что въ этой вѣчности ни блаженству праведныхъ, ни мученію грѣшниковъ не будетъ конца, никогда!.. *Мученія—свѣчны*. Въ этомъ увѣряетъ насъ Самъ Богъ; а слово *Его истинно есть* (Іоан. 17, 17). Этому насъ учитъ святая Церковь, которая мнѣніе Оригена и другихъ о томъ, что рано или поздно, будто бы и грѣшники освободятся отъ адскихъ мученій, равно какъ *сладинскія* (а нынѣ спиритическія) *басни о прехожденіи и превращеніи некоторыхъ тѣлъ и душъ*, подвергла анаѣмѣ на Шестомъ Вселенскомъ соборѣ (прав. 1)*. Этому, отчасти, научаетъ насъ и здравый разсудокъ, или чувство правосудія, по которому, если несправедливо за краткую жизнь и дѣла на землѣ наказывать грѣшниковъ вѣчнымъ мученіемъ, такъ, значитъ, и праведно-пожившихъ здѣсь не за что награждать вѣчнымъ блаженствомъ. Но, допуская послѣднее, мы должны признать неизбѣжнымъ и первое.

Правда, мы грѣшимъ здѣсь временно; но виновность грѣшника измѣряется не однимъ временемъ. Если послѣ столькихъ милостей, дарованныхъ намъ отъ Господа честною кровію за насъ распятаго Спасителя, мы продолжаемъ оскорблять Его нашими грѣхами; если, всегда имѣя средство къ оправданію предъ Богомъ въ великомъ таинствѣ святаго покаянія, которое открыло райское блаженство даже и разбойнику,—если мы и это все отричемъ и оставимся по прежнему безпечными и пераскаянными грѣш-

*) Въ устахъ Оригена это отрицаніе вѣчности мученій было высказано въ родѣ догадки. Но ученики его приняли эту догадку за истину. Эту ересь Оригенистовъ Церковь осудила сначала въ 541 г. на частномъ соборѣ, а потомъ въ 553 г. и на Вселенскомъ произнесла анаѣму на всѣхъ проповѣдниковъ и послѣдователей этого ученія. См. Страпникъ, сентябрь, 1874 г. стр. 224.

никами,—то чего тогда достойны мы отъ Бога, какъ не вѣчнаго проклятiя и гнѣва,—какъ не вѣчнаго мученiя въ гееннѣ огненной? Никогда не надо забывать, что Богъ не только безконечно милостивъ, но и безпредѣльно правосуденъ.

«Да; за это, скажутъ намъ иные, помучиться необходимо людямъ пераскаившимъ, смотря по количеству и качеству грѣховъ ихъ, неомытыхъ на землѣ слезами покаянiя; но не вѣчно же! Вѣдь это ужасно!»—А сколько времени на это нужно? спросимъ ихъ. «Ну, положимъ, скажутъ, лѣтъ пятнадцать, двадцать, наконецъ хоть сто. Сколько лѣтъ они въ грѣхахъ-то прожили на землѣ, пусть столько же и страдаютъ за нихъ!»—Все такъ, мы отвѣчаемъ, по нашему сужденiю; прекрасно это и даже справедливо, кажется, такое возданiе, или возмездiе по смерти за грѣхи!... Но дѣло въ томъ, что въ вѣчности и нѣтъ и бытъ не можетъ нашего времени, и нѣтъ ему тамъ счета и предѣла, ни годами, ни столѣтiями. «Времени не будетъ никому» (Апок. 10, 6), сказано въ откровенiи о состоянiи мiра въ вѣчности. И такъ какъ только во времени возможно окончанiе чего-либо, то съ прекращенiемъ времени отнимается возможность и прекращенiя мученiй.

Этимъ мы и покончимъ бесѣду свою!

Выводъ изъ всего, что мы сказали о загробной жизни, очень простъ:

Цѣною времени, христiане, покупайте себѣ вѣчность, какую угодно; васъ Богъ не стѣсняетъ! Вы—люди, а не машина безъ души и сознанiя, или не тварь безъ ума и безъ сердца, Вамъ дана свобода полная и притомъ разумная. Что хотите, то и дѣлайте, для вашей будущей, загробной жизни!.. Захотите? Въ рай пойдете вмѣстѣ съ прочими святыми путемъ вѣры и любви, съ полною надеждою на Господа и всецѣлымъ покаянiемъ предъ Нимъ. Не захотите? Съ грѣшными идите въ муку вѣчную широкими, веселыми вратами! Не любите вѣчныхъ мученiй, трепещете ихъ? Такъ полюбите вѣчное блаженство, и къ нему все-

гда стремитесь! А какъ достигнуть лучшаго и избѣжать намъ худшаго? Объ этомъ вы, конечно, и безъ нашихъ наставленій, знаете вполнѣ. Для васъ довольно и той притчи къ назиданію, какую вы сегодня слышали во храмѣ Божіемъ, и знаете се давно. Если вы желаете по смерти быть на лонѣ Авраама, или, что тоже, въ царствіи небесномъ, подражайте Лазарю въ его терпѣніи, въ его безропотномъ несеніи креста, какой и вамъ Господь укажетъ или даровалъ уже, по великой милости Его.

А кто не хочетъ быть въ раю небесномъ, потому что ему весело и здѣсь, тотъ веди себя во всемъ, какъ Евангельскій богачъ, то-есть *почивай, яждь, ній, веселися* (Лук. 13, 19), *на вся дни свѣтло* (— 16. 19); а на бѣдныхъ Лазарей не обращай, пока до времени, никакого милосердагн вниманія!

Но мы, конечно, ни себѣ, ни вамъ, счастливыцы сего міра, не желаемъ той несчастной и плачевной, вѣчно-безотрадной участи за гробомъ, какая и постигла и постигнетъ всѣхъ жестокихъ богачей. И потому и просимъ и молимъ со слезами Господа о томъ, чтобы Онъ всѣхъ научилъ: въ бѣдности терпѣнію, молитвѣ и смиренію; а въ богатствѣ — воздержанію, состраданію и милосердію.

За это Богъ насъ наградить не только здѣсь, во времени, но и *тамъ*, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Протоіерей Іоаннъ Полисадовъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Мнѣнія новѣйшихъ ученыхъ о спиритизмѣ различны и часто невѣрны. Большая часть нашихъ публицистовъ, не вникнувъ въ суть дѣла и, какъ видится, не прочитавъ ни одного сочиненія о спиритизмѣ (особенно главнѣйшихъ апостоловъ этой ереси Пьерара и Кардека), только издѣвается надъ спиритизмомъ, прямо, слѣпо, голословно, по наслышкѣ называя его не больше, какъ „шарлатан-

ствомъ“, или, какъ выразился фельетонистъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 295-й 1880 год.), „плодомъ болѣзненнаго воображенія вѣрующихъ (?) или ловкою мистификаціею разныхъ медіумовъ“. Такого же мнѣнія о спиритизмѣ и всѣ матеріалисты (и пигилисты). Не споримъ, что съ легкой руки знаменитаго мнимо-спирита Юма въ свое время (особенно 1853 — 1854 г.) много появилось и фокусниковъ (напримѣръ: Бодиско, Германъ, Давенпортъ и др.), которые, подъ предлогомъ спиритизма, показывали различныя забавы и продѣлки надъ вертящимися и пишущими столиками, тарелками и т. п. Но, во всякомъ случаѣ, такое одностороннее мнѣніе весьма обидно для *настоящихъ* спиритовъ, конхъ число не только въ Америкѣ, Франціи, Англии и Германіи, но и у насъ въ Россіи, весьма значительно. Между ними множество, положимъ, и шарлатановъ или первоучениковъ спиритизма, еще больше найдется такихъ, которые покуда далеки отъ мысли, чтобъ считать себя, или считаться сумасбродами. Есть много спиритовъ и въ ученomъ сословіи. Спросите любаго изъ нихъ: „шарлатанство-ли спиритизмъ?“—И каждый изъ нихъ отвѣтитъ, по совѣсти и убѣжденію, что „спиритизмъ, напротивъ, есть ученіе новое, духосообщенное, которое имѣетъ цѣлю охватить, передѣлать и усовершенить весь религіозно-правственныи бытъ челоѣчества и особенно христіанства,—что это есть повое откровеніе или новая религія духовъ, даже повая наука и философія, которыя имѣютъ цѣлю просвѣтить людей заблудныхъ, особенно матеріалистовъ и невѣровъ,—поборотъ въ нихъ зло, возбудить къ добру и вторично искупить челоѣческій родъ отъ тяжкихъ заблужденій современнаго невѣрія.“ — Тутъ дѣло не о томъ, чтобы вертѣть столами, а такъ сказать перевернуть вверхъ-дномъ и передѣлать все современное челоѣчество, въ религіозномъ отношеніи, на основаніи этихъ новыхъ откровеній, сообщаемыхъ имъ духами, непосредственно или чрезъ медіумовъ.

Такова задача спиритизма!

А надъ этою задачею смѣются тѣ, кои рѣшительно не понимаютъ ни исхода, ни цѣли спиритизма, называя всѣхъ его послѣдователей людьми сумасшедшими!.. Почитайте хорошенько, гг. не понимающіе цѣли спиритизма, о томъ, что написано объ этомъ новомъ ученіи и въ Америкѣ и Франціи, вообще на Западѣ, — и вы ясно убѣдитесь, что спиритизмъ, теперь, отнюдь не шутка, не пустое шарлатанство. Напротивъ, онъ, по выраженію французскаго ученаго Ваянюра, есть „одно изъ громаднѣйшихъ явленій нашей эпохи, — эта эпидемія спиритизма служитъ вѣрнымъ предвѣстиемъ урагана, о которомъ одна мысль можетъ привести людей благомыслящихъ въ ужасъ.“

Задача спиритизма, по мнѣнію спиритовъ, есть вмѣстѣ и религиозная или, по нашему, антирелигіозная. Спиритизмъ хочетъ доказать и показать повѣйшимъ христіанамъ, что Евангельское слово— больше недостаточно къ нашему общему вразумленію и исправленію, — что Иисусъ Христосъ съ своимъ ученіемъ, съ своимъ таинствомъ, былъ только временнымъ учителемъ и просвѣтителемъ падшаго человѣчества, которому теперь необходимы и, по милосердію небесному, даются новыя, высшія, болѣе дѣйствительныя откровенія. А получать ихъ можно не иначе, какъ только отъ спиритовъ. О томъ, что Онъ—не Богъ, или не Божій Сынъ по естеству, а развѣ только по благодати, какъ и всѣ мы христіане,—спириты явно говорятъ и пишутъ...

Какъ же, и послѣ этого, утверждать, что спиритизмъ есть шарлатанство? Какъ же въ немъ не видѣть, при такой задачѣ, явнаго стремленія поколебать весь строй христіанскаго ученія или, что то же, привести въ нашу православную семью повѣй страшный расколъ, новую доселѣ небывалую ересь, въ которой бы, кромѣ этихъ новыхъ пагубныхъ заблужденій, совмѣщались и всѣ прежнія, не только христіанскія, но и языческія?..

Поколебать святую вѣру христіанъ, или исказить ее хуже всякаго зловѣрія, отуманить все человѣчество какимъ-то новымъ, небывалымъ откровеніемъ—цѣль дѣйствительно сатанинская! И послѣ этого такую понытку или задачу называть только „шарлатанствомъ или глупою забавою“ — это или дѣтски-легкомысленное сужденіе, или апатичное отношеніе къ той вѣрѣ христіанской, которая есть *Божій даръ* (Еф. 2, 8)!..

„Пѣтъ, скажемъ словами одного нашего ученаго изслѣдователя и обличителя спиритизма (г. Потулова, см. Дом. В. 1864 г. стр. 780), надо потерять рассудокъ или, лучше сказать, надо совершенно обезумѣть, чтобы не видѣть въ спиритизмѣ дьявольскаго навожденія явившагося (пышѣ), по поущенію Божію, вслѣдствіе всеобщаго упадка благочестія... Спиритизмъ есть произведеніе сатаны“...

Какъ же говорить еще при этомъ, будто мы — служители Евангельскаго слова, пастыри и учителя этой высшей, совершеннѣйшей религіи Христовой, которые вѣруемъ, исповѣдуемъ и другимъ проповѣдуемъ, что Онъ есть *Христосъ Сынъ Бога живаго*, совершенно равный Отцу и Духови, — „будто мы не вправѣ, даже и съ церковной касседры, предостерегать своихъ пасомыхъ отъ этой повой, злѣйшей ереси спиритовъ?“—Какъ же утверждать, что это будто бы „не наше дѣло,—что оно ведетъ насъ къ напрасной полемикѣ со спиритами, которые поэтому будто бы и сами могутъ являться въ церковь и вступать въ дебаты съ проповѣдниками (какъ объ

этомъ было сказано въ „Молвѣ“ № 313 1880 г.)? Ужели сказать хоть нѣсколько словъ съ церковной кафедрѣ противъ ложнаго и крайне-вреднаго ученія спиритовъ, кои силятся подорвать или, по крайней мѣрѣ, совершенно исказить все Евангельское слово, всѣ таинства и догматы и даже низвести Спасителя на степень обыкновеннаго, хотя въ свое время и гениальнаго человѣка, — „будтобы не дѣло православныхъ проповѣдниковъ“, и „бесѣда объ этомъ не отнесется къ *религіознымъ поученіямъ!*..“ Какъ? Хищные волки идутъ въ наше стадо *расхитить и расчлудить* папшихъ словесныхъ овецъ,—повые умники хотятъ всю вѣру и всю Церковь, нашу мать, осрамить, какъ неспособную вести людей къ добру и ко спасенію и замѣнить ихъ суевѣріемъ и чародѣйствомъ, — отвергнуть все догматы о второмъ пришествіи Христовомъ, о страшномъ судѣ и вѣчныхъ мученіяхъ для нераскаянныхъ и т. п! А мы, пастыри церкви и блюстители вѣры Христовой, должны молчать при этомъ! Или же, восходя на церковную кафедру, говорить только общія, всемъ извѣстныя истины, напримѣръ о томъ, что благочестіе полезно,—что нужно любить и Бога и ближнихъ и т. п? Правду говоритъ народное присловіе, что „на всехъ и Богъ не угодитъ“. Одни досаждютъ на папшихъ проповѣдниковъ за то, что будто „все они борются только съ тѣнями, повторяютъ зады,—ничего-то любопытнаго не скажутъ“ и т. д.; а другіе готовы въ грязь втоптать проповѣдника за то, если онъ даже и слегка коснется той или другой самой современной ереси, въ родѣ спиритизма... Какъ же древніе-то, святые отцы, пастыри и учителя церкви, на помѣстныхъ и вселенскихъ соборахъ, сряду возставали противъ разныхъ, современныхъ имъ ересей? Напримѣръ—противъ Арія, который такъ же, какъ и спириты, называлъ Иисуса Христа только *простымъ человекомъ*, а не Сыномъ Божиимъ, равнымъ Богу Отцу, или противъ послѣдователей Оригена, которые такъ же, какъ и спириты, не допускали *вѣчныхъ мученій* по смерти ни для кого.

Итъ, господа свѣтскіе публицисты, хоть во имя той *свободы слова*, о которой вы себѣ хлопчете, дайте и намъ, пастырямъ церкви, особенно намъ—православнымъ, побесѣдовать отъ души, безъ придирокъ или стѣсненій, съ нашими насомыми! Безъ духовной цензуры мы въ соборахъ не говоримъ. А если прикажете наше слово еще и къ вамъ посылать предварительно, для просмотра и разрѣшенія произнести его, такъ не будетъ ли это для насъ неудобно, очень обременительно и отчасти, несправедливо?

Протоіерей Іоаннъ Полсадовъ.

ШЕСТОЕ ПИСЬМО

**въ С. П. В. по поводу появленія тамъ новаго
ученія вѣры.**

Судя по тому, что писано доселѣ, особенно въ послѣднемъ письмѣ*), ты самъ можешь заключить, что если кто изъ живущихъ нерадиво, т.-е. пополамъ со грѣхомъ, или совсѣмъ грѣшно, придетъ въ сознаніе своей неискренности и возжелаетъ исправиться, то ему вотъ что предложитъ сдѣлать: сознавъ, въ возрожденіи такихъ помысловъ, благодать Божію, зовущую его ко вступленію на путь спасенія, возблагодаритъ Господа за такую великую милость и поспѣшитъ воспользоваться ею, по намѣренію Дарователя; для сего, не давая разсѣяться или заглухнуть этимъ первымъ спасительнымъ помысламъ и движеніямъ, позаботится, размысленіемъ и молитвою, довести ихъ до такого напряженія, чтобъ подъ вліяніемъ ихъ образовалась безотлагательная рѣшимость тотчасъ же приступить и къ дѣлу, внушаемому тѣми чувствами, т.-е. бросить жизнь неискреннюю и начать искреннюю, затѣмъ исповѣдаться и, получивъ разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ, съ принятіемъ и спитиміи во утѣшеніе своихъ душевныхъ ранъ, причаститься Св. Христовыхъ таинъ, въ соединеніе съ Господомъ, котораго отдаляли отъ него доселѣ грѣхи его; наконецъ, укрѣпившись такимъ благодатнымъ обновленіемъ, начать самымъ дѣломъ новую жизнь въ дѣлахъ благочестія,—молитвахъ, постѣ и воздержаніи и всевозможномъ добродѣланіи, какъ все сіе ведется у благоговѣйныхъ христіанъ, истинныхъ сыновъ церкви, по указанію и руководству ея.

*) См. пятое письмо въ январ. кн. Душеп. Чтенія.

Всѣ покаявшіеся и начавшіе жить благочестно такъ дѣлають и, съ помощію благодати Божіей, отъ грѣховъ оберегаясь, въ добрыхъ же дѣлахъ преуспѣвая, все болѣе и болѣе грѣховныя вожделѣнія въ себѣ подавляютъ, а добрыя расположенія укореняють, и чрезъ то приходятъ въ совершенную чистоту сердца, которая и дѣлаеть ихъ достойными того, что самъ Господь вселяется въ нихъ по своему обѣтованію,—что есть конечная цѣль и верховное благо христіанское.

Кому не желательпо достигнуть сего блага, выше котораго ничего нѣтъ и быть не можетъ? Но если желательпо благо, то надобно возжелать вступитъ и на путь, ведущій къ нему,—именно, прописанный выше; ибо другаго нѣтъ.—Есть однакожь мудрецы, которые загадываютъ и блага того достигнуть, и миповать означенный путь,—не по какимъ-либо твердымъ основаніямъ, а просто по капризу сердца. Противнѣе всего имъ эта исповѣдь и съ нею связанная спитимія, — затѣмъ и прочее все—хожденіе въ церковь, поклоны, посты, усиденіе, и подоб.—Крайне испріятно.—Они и бросаютъ это; но какъ устранить себя отъ того, ни съ того ни съ сего, совѣстно даже предъ собою, то они придумываютъ нѣчто въ оправданіе свое; а иныя до того втягиваются въ свои оправдательныя умствованія, что считаютъ ихъ рѣшительно вѣрными, и на нихъ построивъ свой особый образъ содѣванія спасенія, выступаютъ съ проповѣдію о немъ, какъ о вѣрномъ пути ко спасенію, съ укореніемъ порядковъ, держимыхъ истинными сынами церкви православной, по внушенію и руководству сей непогрѣшимой матери своей.

Одни изъ таковыхъ, какъ я поминалъ тебѣ въ концѣ прошлаго письма, въ оправданіе своего отъ церковной жизни отступленія, обзываютъ порядки церковныя оплотненіемъ и отѣлесеніемъ христіанства, долженствующаго будто быть чисто духовнымъ: ибо Богъ духъ есть и иже кланяется Ему, духомъ и истиною долженъ кланяться,—

а другіе—возвращеніемъ къ іудейству: не коснися, не вкуси, не осяжи. Полагать надобно, какъ есть и свидѣтельства, — что и ваши вѣро-и церкве-отступники такія же иногда держать рѣчи и такія же питають суемудрія. Ибо самъ видишь, что они отбросили всѣ наши церковныя порядки, въ которыхъ православныя христіане Богу служатъ и благоугождаютъ, выражая и вмѣстѣ питая тѣмъ свое истинно-христіанское благочестіе, — разоблачили себя отъ всего, оголили, — суевѣрно чая чрезъ то быть духовными.

Что они дурно и предурно поступаютъ, это само собою очевидно. И толковать бы нечего. Но опасаясь, какъ бы и изъ васъ ипой, слушая часто ихъ бредни, не запутался въ нихъ, я считаю нужнымъ поговорить съ тобою и съ тѣми, кои около тебя, объ этомъ поподробнѣе.

Начинаю съ перваго укора, будто у васъ христіанство овеществлено, оплотянено, отѣлесено. Это говорятъ они, смотря на наши церковныя порядки, или нашу церковную жизнь, видимо и тѣлесно проявляемую и совершаемую. У васъ, говорятъ, все только обряды и обряды, и большіе ничего. Исполнилъ обрядъ, и покоенъ, — приняла ли въ томъ участіе душа, или нѣтъ.

Скажемъ имъ: христіанство въ высшей степени духовно, ибо благодатно; но не невидимо. И христіане истинные въ высшей степени духовны, ибо непремѣнно благодатствованы; но не безплотны. Почему, при всей духовности—наивысшей, они не могутъ не дѣйствовать тѣлесно не только въ отношеніи къ людямъ, но и въ отношеніи къ Богу, — въ самыхъ духовнѣйшихъ движеніяхъ сердець своихъ. Отсюда слѣдуетъ, что смотря на видимое, чѣмъ выражается христіанская жизнь въ Церкви и христіанахъ, несправедливо все въ нихъ и ограничивать сею одною видимостію. Не справедливѣе ли, напротивъ, подъ этимъ видимымъ провидѣть невидимое и духовное, какъ въ словѣ мы осязательно встрѣчаемъ сокрытую мысль.

Иныхъ, можетъ быть, сбиваетъ въ семъ дѣлѣ съ толку слово—*обрядъ*. Пояснимъ значеніе сего слова. Возь-

мемъ богослужебную часть, потому что въ ней наиболѣе выражается церковная жизнь, или въ ней наиболѣе видна, прикрывая или и совсѣмъ закрывая собою другія части—подвиги и добротвореніе (постъ и милостыню). Что есть каждое священнослуженіе?—*Рядъ* молитвъ читаемыхъ, поемыхъ и мысленно къ Богу возносимыхъ. Въ этомъ существе священнослуженія. Но какъ мы заключены въ пространство и время; то всякое такое служеніе требуетъ своего времени, своего мѣста и порядка, своей обстановки *обряда*, того, что неизбѣжно обстоитъ рядъ молитвъ, хотя не составляетъ существа служенія. Священникъ въ извѣстномъ мѣстѣ, въ извѣстное время, въ опредѣленномъ порядкѣ, какъ положено въ церкви, совершаетъ свое священнослуженіе, при чемъ и онъ, и причтъ, и христіане присушіе держатъ себя въ извѣстномъ положеніи. Все сіе есть *обрядъ*. Но существо дѣла не въ этомъ внѣшнемъ, а въ *рядъ* молитвословій, совершаемыхъ при семъ. Это же все привходитъ, потому что мы пространственны и временны и что ни станемъ дѣлать, дѣлаемъ въ свое время, въ своемъ мѣстѣ и въ извѣстномъ порядкѣ. И кто бы сталъ въ этомъ полагать существо дѣла, сдѣлалъ бы большую ошибку.

Возьмемъ простое дѣло—писаніе письма. Тутъ перо нужно, чернила нужны, бумага нужна; нужно тебѣ и своимъ положеніемъ приспособиться къ писанію. Но все это внѣшняя обстановка,—такая, что безъ нея не напишешь письма; но и когда она есть, нельзя сказать, что письмо пишется или напишется. Письмо въ умѣ и сердцѣ образуется. Когда потомъ оно обычнымъ порядкомъ выразится на бумагѣ, совершится письмописаніе и явится письмо. Зародившееся въ душѣ вызвало соотвѣтственное дѣйствованіе тѣломъ,—и явилось дѣло совершенное. Таково и всякое священнослуженіе и молитвословіе. Возбуждается въ духѣ потребность и желаніе вознестись къ Богу съ прошеніемъ или благодареніемъ. Это вызываетъ извѣстное молитвенное дѣйствованіе тѣломъ, которое, бывъ

совершенно, являетъ дѣло молитвы, или молитву совершенную,—въ коей внутреннее и духовное сочтано съ внѣшнимъ и тѣлеснымъ. Смотри на пишушаго письмо, ты не думаешь, что во внѣшнемъ положеніи пишушаго и въ порядкѣ его дѣйствованія все дѣло письмописанія. Не думай и не говори тогоже и о молитвѣ и служеніи Богу, видимо тѣломъ совершаемыхъ. Вотъ примѣръ. Старушка проситъ священника отслужить панихиду на могилѣ сына или дочери, внука или внучки. Священникъ надѣваетъ епитрахиль и идетъ на могилу; причетникъ несетъ кадило и свѣчу. Смотри издали, что тамъ дѣлается на могилѣ? Священникъ читаетъ и кадитъ, причетникъ поетъ, старушка кладетъ поклоны, стоя на колѣняхъ. За тѣмъ почитали, попѣли, покадили и пошли назадъ. Дѣло поминовенія совершенно. Но въ чемъ тутъ существо дѣла? Въ томъ духѣ вѣры, который подвигъ старушку пригласить священника совершить церковное поминовеніе; въ такомъ же или и сильнѣйшемъ духѣ вѣры, съ которымъ священникъ началъ, продолжалъ и кончилъ *рядъ* положенныхъ молитвословій. А прочее все что есть? Прочее все есть обрядъ, обстановка, неизбѣжная по условіямъ нашего теперешняго существованія,—не случайная однакожь, но соотвѣтствующая какъ значенію сего служенія, такъ и настроенію совершающихъ и участвующихъ въ немъ. Тутъ сочтано внутреннее и внѣшнее, духовное и тѣлесное. И кто остановился бы вниманіемъ на одномъ внѣшнемъ, не приходя до внутренняго и все существо служенія сего поставилъ бы во внѣшнемъ, не думая о внутреннемъ, тотъ обнаружилъ бы грубое невѣдѣніе дѣла.

Таковы всѣ наши церковные молигвенные обряды. Они всѣ совмѣщаютъ въ себѣ духовнѣйшія молитвословія, и кто совершаетъ ихъ, или участвуетъ въ совершеніи ихъ, о томъ слѣдуетъ говорить, что онъ духомъ ходитъ, выражая то и рядомъ внѣшнихъ дѣйствій. Стало быть, какъ самъ видишь, нельзя говорить, что у насъ въ церковной жизни оплотянено, отѣлесно христіанство,—и мы —только

внѣшніе христіане. Не понимающіе дѣла могутъ такъ суесловить, въ обличеніе своего невѣжества. Хлысты, напримѣръ, обзываютъ насъ суетными церковниками, а ваши вѣро-отступники, кажется, суевѣрами, потому одному, что мы вѣру свою и свое служеніе Богу считаемъ нужнымъ являть и выражать внѣшнимъ установленнымъ порядкомъ. Но какъ мы при семъ силу полагаемъ не во внѣшнемъ, а во внутреннемъ, или вѣруемъ не въ силу внѣшняго чина, а въ силу внутренняго къ Богу обращенія и притомъ церковно; то такая вѣра и такое упованіе нельзя называть суетными, ибо имъ даны самимъ Господомъ обѣтованія. Суетны тѣ, которые помимо церкви чаютъ служить благоугодно Богу; ибо такимъ не даны обѣтованія. Въ приведенномъ примѣрѣ, эти настоящіе суевѣры суетные говорятъ: покадитъ священникъ, а они вѣрують, что это спасительно для усопшихъ. Но я уже тебѣ объяснялъ, что мы полагаемъ силу не во внѣшнемъ при семъ чинѣ, а во внутреннемъ духѣ, съ какимъ онъ совершается; теперь прибавлю: и совершается по установленію церкви. Священникъ съ присущими представляетъ и совмѣщаетъ въ себѣ всю церковь,—и молтва тутъ бывающая бываетъ столько же сильна, сколько сильна вся церковь, въ ея цѣломъ составѣ,—церковь, коей глава Христосъ Господь. Смотри на внѣшній чинъ, или обрядъ, иной можетъ еще приходить къ вопросу, какая отъ этого польза; а содержа въ мысли существо дѣла и значеніе священнослуженія церковнаго, никто не задастъ такого вопроса. Такъ и о всемъ церковномъ разумѣй. Церковь представляй преисполненною небесныхъ силъ. Приди только кто въ соприкосновеніе съ нею,—и причастится силъ ея. Вводятъ въ сіе соприкосновеніе разнообразныя церковныя молитвословія, или молитвенные чины. Они тоже суть для насъ въ жизни, что въ опытахъ физическихъ проволоки, проведенныя до соприкосновенія съ сильною батареею электрическою. За какую проволоку ни возмись, хоть самую тоненькую, сила при-

тока къ тебѣ электричества опредѣлится не проволокою, а батарсею. Такъ и въ жизни, чрезъ какой чинъ ни прикоснись къ церкви, ты коснешься всей ея силы.—Суетна ли такая вѣра, когда Господь есть глава ея и преисполняетъ ее всю и во всемъ? Вотъ видъ церкви, такъ что ни дѣлай, ничего не будетъ выходить.

Такъ вотъ,—когда тебѣ придется толковать съ кѣмъ-либо изъ вашихъ, отпадшихъ отъ церкви, и онъ, претендуя на духовность, обзоветъ тебя суевѣрнымъ обрядникомъ, ты поскорѣе растолкуй ему, что есть обрядъ и сколь велика сила церковной молитвы. Этимъ ты заставишь его замолчать; ибо тогда рѣчь его будетъ, какъ стрѣла безъ цѣли, на вѣтеръ. Къ вамъ она пойдетъ. Не мы—обрядники суетны и суевѣрны, а скорѣе они—безобрядники.

Говоря все сказанное, я имѣлъ въ виду богослужebные чины церковные, но и другія части церковной жизни (постъ, милостыня) также должно разумѣть, т.-е. что существо и въ нихъ составляетъ духъ, съ какимъ они совершаются, а не видимость, въ какой являются. И въ пощеніи есть своя, церковію утвержденная внѣшняя сторона, которая кромѣ видна во время говѣнія. И милостыню, по заведеннымъ въ церкви порядкамъ, тоже творять разнообразно: то обѣды для нищихъ строятъ въ извѣстные дни, то по тюрьмамъ и богадѣльнямъ ѣздятъ съ подачами, то больныхъ посѣщаютъ, а на папертяхъ церковныхъ всѣ уже по силѣ своей подаютъ бѣднымъ, что смогутъ.

И это все—обрядоваго свойства церковные порядки. Но и здѣсь,—хотя внѣшнее входитъ глубже въ дѣло, —существо дѣла не во внѣшнихъ порядкахъ, а во внутреннемъ настроеніи духовномъ. Въ пощеніи, и вообще въ подвигахъ, существо дѣла не въ одномъ отказѣ себѣ въ пищѣ, снѣ и прочемъ, а въ духѣ покаяннаго сокрушенія и смиренія и въ отрѣшеніи отъ всякаго самоугодія. Равно и въ милостынетвореніи, или вообще въ добродѣланіи существо не въ одномъ внѣшнемъ дѣлѣ, а паче

во внутреннемъ расположеніи,—въ милостивости, возгрѣваемой воззрѣніями на Господа всемилостиваго, святую заповѣдь Его и славу имени Его.

Ваши отступники отъ церкви, оголившіе себя отъ всего церковнаго (голыши), кажется, претендуютъ очень на духовность, чуждаясь всего внѣшняго, даже крестнаго знаменія. Потому потолкуемъ побольше о вѣрѣ нашей, какъ ей подобаетъ быть, голою ли, или облаченною въ внѣшнюю благолѣпность.

Смотри, какъ совершенно наше спасеніе? Богъ, чистѣйшій духъ, благоволилъ, нашего ради спасенія, воплотиться, пожить на землѣ, яко чловѣкъ, пострадать, умереть, воскреснуть, вознестись на небо и сѣсть одесную Отца. Все сіе видимо, внѣшно, тѣлесно. Чего ради? Того ради, что спасенію нашему невозможно было иначе быть устроено. Еслибъ было возможно совершить сіе какъ-либо духовно, то Богу духовнѣйшему зачѣмъ было бы отѣлсяться? Но надлежало, воспріять наше духовно-тѣлесное естество, провестъ его самымъ дѣломъ, жизненно, по всему пути изъ глубины паденія до высоты возстановленія. Это и совершилъ Господь, открывая новый для насъ путь къ обновленію падшаго естества нашего. Если же для устроенія образа нашего спасенія надлежало духовнѣйшему Богу сверхъестественно воплотиться и дѣйствовать тѣлесно; то какъ же можно намъ, естественно-тѣлеснымъ, содѣвать свое спасеніе по сему образу нѣкако безтѣлесно, мысленно и духовно? Путь спасенія открытъ намъ тѣлеснымъ шествіемъ по нему Бога; есть ли же умъ у тѣхъ, кои гадаютъ пройти по нему въ слѣдъ Господа, во спасеніе свое, духовно лишь, а не и тѣлесно?

Далѣе Господь, стяжавъ для насъ блага во спасеніе, благодатныя, духовныя,—въ духовномъ ли видѣ оставилъ ихъ намъ, и намъ духовнымъ ли только образомъ пользоваться ими повелѣваетъ?! Нѣтъ; и блага свои благодатно-духовныя благоволилъ Онъ заключить въ вещественныя сосуды, божественныя таинства, и пользоваться-

ся ими повелѣлъ намъ видимо, тѣлесно. Духъ Святой непосредственно сошелъ только на Апостоловъ, — и одинакожь видимо, въ видѣ огненныхъ языковъ, за тѣмъ всѣмъ вѣрующимъ благоволилъ Онъ преподаваемымъ быть чрезъ видимыя, вещественныя средства, Имъ же самимъ чрезъ Апостоловъ учрежденныя. Благодать возрожденія подается чрезъ погруженіе тѣла въ воду, благодать общенія съ Господомъ—чрезъ вкушеніе тѣла Его и крови, и проч. И всѣ сокровища спасенія, благодатныя и духовнѣйшія, бывъ заключены въ вещественныя сосуды, принимаются чрезъ тѣло. Тѣло соприкасается вещественному, сокрывающему въ себѣ духовно-благодатное, и передаетъ сіе благодатно-духовное духу нашему, въ которомъ пріятельнице и вмѣстилище для того устрояется чрезъ духовныя настроенія.

Что далѣе предлежитъ намъ, по пріятіи благодати? — Дѣйствовать,—и дѣйствовать видимо-тѣлесно: поститься, молиться, милостыню творить. Такъ заповѣдалъ Господь, и во исполненіе сего повелѣлъ Апостоламъ завести соотвѣтственные порядки между вѣрующими, которые и ведутся донныѣ въ церкви.

Такимъ образомъ ни благами спасенія не можемъ мы пользоваться какъ-либо лишь мысленно, ни содѣвать свое спасеніе—лишь духовно. То и другое посредствуется видимыми учрежденіями, а съ нашей стороны — тѣломъ и тѣлеснымъ дѣйствованіемъ. Такъ благоволилъ устроить Самъ устроитель нашего спасенія. Если помимо Его негдѣ найти спасенія; то тѣ, которые мечтаютъ достать себѣ спасеніе нѣкако лишь мысленно—духовно, промечтаютъ, а спасенія не получаютъ. Вообрази большую, широкую и глубокую рѣку. Чрезъ нее построены мосты и устроены разныя другія переправы,—лодки, пароходы. Изъ тѣхъ, кому нужно переправиться на другую сторону, кто идетъ чрезъ мостъ, кто садится на лодку или пароходъ, и переправляются. Но вотъ явились мудрецы, которые возмечтавъ, что имъ для переправы не нужны ни мосты, ни лодки, а что духъ

нѣкій схватить ихъ и перенесеть, сѣли на берегу въ сказанной увѣренности, и сидять не двигаясь, лишь съ усмѣшкою поглядывая на другихъ, переправляющихся, какъ заведено, и обзывая ихъ суетными. Попадутъ они когда либо на другой берегъ? Конечно нѣтъ; такъ и просидять весь свой вѣкъ. Точь-въ-точь въ такомъ находятся положеніи тѣ, которые чуждаются св. церкви и всѣхъ ея спасительныхъ учрежденій, самимъ Господомъ установленныхъ во спасеніе наше. Не видать имъ того берега, и не ступить на землю спасенныхъ.

Слыхалъ ты про философію? Это такая наука, которая беретъ на себя все сущее подвести подъ одинъ обзоръ и объяснить такъ, чтобъ оно въ цѣломъ своемъ составѣ видно было какъ на ладонкѣ. Хотя до этого ей никогда дойти не доведется; но въ трудѣ семъ можно различать болѣе правый и прямой путь отъ неправыхъ. Прямой путь—изучать разные виды бытія существъ, какъ оно проявляется на дѣлѣ, со всѣхъ сторонъ, вѣдать которыя имѣемъ мы естественное стремленіе,—обобщать, дѣлать наведенія, и восходя все къ болѣе и болѣе объемлющимъ воззрѣніямъ, стараться достигнуть до всеобъемлющаго воззрѣнія, объясняющаго все сущее. Тѣ, которые идутъ симъ путемъ, доходятъ до положеній очень цѣнныхъ и важныхъ какъ въ области научной, такъ и для жизни. И всего, что было и есть хорошаго въ философіи, симъ путемъ достигнуто. Но есть болѣзнь философскихъ умовъ, въ которой философы, не соображаясь съ фактами и частностями, какъ они есть на дѣлѣ, хотять все построить изъ одного своего ума. — И строить. Что же выходитъ? Выходять философіи такія, которыя дѣйствительности не отвѣчаютъ и объяснять ее не объясняютъ, а напротивъ затемняютъ. Эта болѣзнь философовъ есть идеальничанье. Такъ вотъ, — что есть сіе идеальничанье въ философіи, то въ жизни есть, — назовемъ примѣнительно къ сему, духовничанье, — мечтательная надежда безъ особыхъ трудовъ тѣлесныхъ достигнуть совершен-

ства духовнаго, какими-то одними мысленными путями. И тамъ и здѣсь ничего прочнаго и дѣйствительно хорошаго не выходитъ. Порожденіе ихъ — мыльные пузыри. Духовничающіе съ небреженіемъ о внѣшно и видимо совершаемыхъ трудахъ и дѣлахъ, какъ установлено и вѣдѣется во свят. церкви, суть такіе же мыльнопузырники, какъ и идеалисты.

Здравые духомъ, воспріявъ сѣмя духовной жизни, начинаютъ обычно воспитывать ее и развивать посредствомъ видимаго, тѣлеснаго дѣйствованія. Вотъ смотри, какъ это бываетъ!—Нѣкто сказывалъ о себѣ, что «возжелавъ содѣлать свое спасеніе, я положилъ, говоритъ, сему дѣлу прочное основаніе покаяніемъ, исповѣдію и причащеніемъ. Затѣмъ началъ трудиться въ семь родѣ, какъ обычно всѣ трудятся. Сознавая, что при другомъ многомъ надобно для сего и милостыню творить, я понуждалъ себя на это, по все отлагалъ и къ дѣлу не приступалъ. Наконецъ сталъ скорбѣть, что не совладаю собою. Обратился я со своею скорбію къ одному благочестивому человѣку, — и онъ сказалъ мнѣ: это отъ того у тебя, что ты собираешься милостыню творить вдругъ сотнями рублей. А ты положи сначала раздавать на милостыню по пятаку или гривнѣ, всякій разъ какъ бываешь въ церкви. Я сталъ такъ дѣлать, говоря себѣ: много ли это?—и раздавалъ положенное охотно. Когда прошло нѣсколько времени, мнѣ пришло желаніе раздавать по стольку же всякой день; и я сталъ раздавать. Потомъ подумалось, что воскресеніе и праздники надо отличить, и я сталъ раздавать въ эти дни побольше... За тѣмъ эта прибавка перешла и на другіе дни, воскресеніе же и праздники отличились новою прибавкою, Такъ все расло и расло. Всякое упираніе ногами при подаваніи милостыни прошло и возродилось желаніе подавать и подавать,—и уже не бѣгаешь, бывало, случая къ тому, а ищешь сго. Теперь же, заключилъ онъ, я все готовъ бы раздать, еслибъ не семья».—Видишь какъ?! Милостивость есть чисто духовное расположеніе, а какъ оно

образовалось? Дѣлами, которыя видимо тѣломъ были совершаемы. Такъ и всякое другое духовное расположеніе утверждается въ сердцѣ: терпѣніе—частымъ перенесеніемъ обидъ и нуждъ, безгнѣвіе — частымъ подавленіемъ гнѣва и восстановленіемъ кротости,—и проч. И замѣть, что только симъ путемъ стѣсненные духовныя расположенія бывають непоколебимо прочны.

Такъже и подвижничество образуется и утверждается. Помнишь исторію о св. Досіеѣ? Св. Дороеѣй, которому онъ былъ порученъ, желая научить его воздѣржанію въ пищѣ и постничеству, сначала далъ ему насытиться пищею вдоволь; потомъ началъ чрезъ небольшіе промежутки, понемногу умалять количество пищи, принятой въ первый разъ, и довелъ до того, что св. Досіеѣй сталъ наконецъ довольствоваться самою малою малостию въ пищѣ. Такъ и сонъ доводятъ до малости желающіе, и навикають бдѣнію, а отъ отдыха совсѣмъ отвикають и весь день непрерывно пребываютъ въ трудѣ и напряженіи силъ, переходя отъ одного дѣла къ другому. Мало-помалу симъ путемъ доходятъ до навыка въ безпоблажливости въ отношеніи къ тѣлу и вообще ко всякимъ своимъ пожеланіямъ. Безпоблажливость же себѣ есть основа подвижничества, когда она долгими опытами укоренится и станетъ потребностію духа.

Возьми наконецъ молитву. Какъ и она растеть, крѣпнеть и восходитъ на высшія степени совершенства? Не иначе какъ частыми и долгими трудами въ совершеніи молитвословій. Начипають ходить въ церковь, какъ кто можетъ,—кто ко всѣмъ, кто къ нѣкоторымъ службамъ,—дома стоять не мало на молитвѣ, неопустительно каждый день, то читая молитвы, то своими словами молясь, со многими поклонами, — и кромѣ того днемъ почасту полагають въ сердцѣ своємъ восхожденія къ Богу, — и такимъ образомъ все болѣе и болѣе възгнѣвають въ себѣ молитвенный духъ, который наконецъ такъ глубоко внѣдряется въ сердце, что молитва отъ него не отходитъ.

Неотходная молитва есть верхъ духовнаго совершенства въ нашемъ къ Богу отношеніи.

Такимъ образомъ видишь, что по всѣмъ частямъ требуемаго отъ насъ въ содѣваніи спасенія труда совершенство полное и прочное достигается не иначе, какъ трудами и дѣлами, видимо тѣломъ совершаемыми,—иначе сказать, духовность вырабатывается тѣлеснымъ путемъ. Слышалъ ты въ церковныхъ пѣсняхъ слова: дѣяніе и разумъ?—Если слышалъ, то конечно и то тамъ слышалъ,— что дѣяніе есть къ разуму восходъ. Что, думаешь, значать сии выраженія?—То самое, что я предъ симъ толковалъ тебѣ, что до духовности должно доходить трудами, видимо тѣломъ совершаемыми. Дѣяніемъ означаетъ видимая, дѣятельная сторона содѣванія спасенія, а разумомъ—невидимая, духовная, созерцательная. И у св. отцевъ пишется, что надобно то и другое соединять, дѣяніемъ начинать и переходить къ созерцанію и духовности. Послику это такъ есть и иначе быть не можетъ; то увидь изъ сего, какъ во святой церкви Божіей все цѣлесообразно и направлено къ твоему спасенію. Какъ только возродится въ тебѣ желаніе спасенія и облагодатится чрезъ таинства, что есть сѣмя жизни духовной,—церковь тотчасъ облагаетъ тебя своими учрежденіями видимыми, сокрывающими однакожъ въ себѣ духовные элементы,—и ты, состоя подѣ влияніемъ ихъ и дѣйствуя по нимъ, самъ не замѣчая того, растешь и крѣпнешь духомъ, между тѣмъ какъ хожденіе твое все—будто только тѣлесно. То она въ храмъ тебя влечетъ на молитву, то постъ предлагаетъ, то мѣсто и образъ благотворенія указываетъ, то снова приглашаетъ къ таинствамъ. Все это видимо, а между тѣмъ все это питаетъ духъ и раститъ духовную жизнь. Твой духъ извлекаетъ изъ всякаго вида церковной жизни содержащейся въ немъ духовный элементъ и тѣмъ питается и растетъ. Какъ наше тѣло растетъ и живетъ, извлекая жизненные соки изъ разныхъ видовъ принимаемой пищи: такъ и духъ нашъ питается и жи-

веть, проходя многіе чины церковной жизни и извлекая изъ нихъ сокрытыя въ нихъ духовныя стихіи.

Но пора уже намъ съ тобою свестъ итоги изъ всего сказаннаго.—Такъ, въ дѣлѣ нашего спасенія, и что отъ Бога, и что отъ насъ, все должно быть видимо, приемлемо и совершаемо. Церковь Божія, мать наша, невѣста Христова, и признала необходимымъ ввести все сіе въ порядки своей жизни религіозной, обязывая и насъ, чадъ своихъ, ходить въ нихъ, чтобъ мы, живя по нимъ, всегда и освящаемы были свыше, и преуспѣвали въ себѣ. И вѣдай, видя повсюдныя опыты, что всѣ, которые подчиняются симъ порядкамъ и отъ души проходятъ ихъ, спѣшно идутъ въ духовномъ преспѣяніи, прочно утверждаютъ въ духовной жизни и становятся истинно духовными. Здѣсь конецъ видимаго — невидимое, тѣлеснаго — духовное, земнаго — небесное.

Слыша однакожь отъ меня такія рѣчи, что въ дѣлѣ нашего спасенія, и что отъ благодати, все отѣлесено, и что отъ насъ, должно быть дѣемо тѣлесно, не подумай, что я въ этомъ, видимомъ и тѣлесномъ, полагаю существо дѣла: о томъ, что должно происходить и совершаться въ духѣ, я писалъ въ прежнихъ письмахъ. А эту рѣчь направляю противъ тѣхъ, которые слишкомъ идеальничаютъ или духовничаютъ въ дѣлѣ вѣры и спасенія. Дошедши до мысли, что христіанство духовно, они все уже видимое въ церкви пренебрегаютъ и отвергаютъ. Я и толкую тебѣ, что такъ умствовать не подобаетъ; ибо это противно существу дѣла. Эти умники прямо хватаются за духовное и невидимое, минуя видимое и тѣлесное. А это тоже есть, что желать достигнуть цѣли, оставляя въ сторонѣ необходимыя къ ней средства. И ты знай навѣрное, что такіе никакой духовности не имѣютъ, а только умствуютъ о ней. Если они чуждаются таинствъ, то въ нихъ и сѣмени нѣтъ духовной жизни. Если же они приняли сіе сѣмя въ св. Церкви чрезъ таинства, а отъ прочаго церковнаго,—молитвъ церковныхъ, постовъ, отвѣра-

щаются; то сѣмя сіе навѣрно заглохло и изсохло, не имѣя вокругъ себя соотвѣтственныхъ учреждений, изъ которыхъ духъ могъ бы извлекать потребныя для питанія его элементы, и тѣмъ питать и развивать его.

Такимъ образомъ покорные сыны церкви, пачиная тѣлесно, достигаютъ духовности, а эти, начиная мнимою духовностію,—мечтами о ней, остаются совсѣмъ недуховными. Сколько совершенныхъ въ духовности мужей представляютъ памятники св. Церкви?! И всѣ они востекли на сію высоту, живя строго по церковнымъ порядкамъ. Они восходили на высоту по лѣствицѣ совершенства, переступая съ терпѣніемъ со ступени на ступень. И востекли на верхъ успѣшно. А эти сразу хотятъ занести ноги наверхъ съ самой земли. Ничего у нихъ и не выходитъ. Будто тянутся наверхъ; между тѣмъ стоятъ все на одномъ мѣстѣ, на землѣ.

Совсѣмъ уже хотѣлъ я кончить письмо это, какъ пришло мнѣ на мысль сказать тебѣ еще нѣчто. Огступники ваши отъ церкви и отъ всего церковнаго, взрослые уже, многое получивъ отъ св. Церкви, могутъ еще мечтать, что имѣютъ нѣчто духовное, хоть все это теперь, надо полагать, заглохло.—Но спроси ихъ, въ дѣтяхъ ихъ, въ новомъ поколѣніи, которое обыкновенно растетъ среди стараго и воспитывается въ атмосферѣ его, въ дѣтяхъ ихъ какъ будетъ пробуждаться, расти и развиваться духовная жизнь? Въ св. православной Церкви, дѣти чрезъ таинства св. Крещенія и Мвропомазанія приѣмлютъ сѣмя истинно-духовной, благодатной жизни, которое потомъ развивается и воспитывается въ нихъ бываніемъ въ церкви при священнодѣйствіяхъ, подъ сокровеннымъ отъ сего влияніемъ, наипаче же причащеніемъ св. Христовыхъ таинъ, подъ благодатнымъ дѣйствіемъ ихъ. И видимъ, что дѣти, старательно проводимыя симъ путемъ, когда приходятъ въ разумное сознаніе, находятъ въ себѣ довольно сильныя духовныя стремленія, которыя и влекутъ ихъ туда, гдѣ могутъ быть удовлетворены. Они любятъ бы-

вать въ храмахъ, участвовать во всѣхъ церковныхъ послѣдованіяхъ, и часто приступать къ св. тайнамъ. И это для нихъ составляетъ отраду, отвлекающую ихъ отъ многихъ удовольствій и утѣхъ пустыхъ и вредныхъ. У дѣтей же отступниковъ вашихъ чѣмъ пробудиться и воспитаться духовной жизни? Нечѣмъ. Она такъ и останется заглохшею. Изъ новаго отъ отступниковъ поколѣнія выйдутъ одни душевнотѣлесные люди безъ духа. Такъ въ наказаніе суемудрымъ отступникамъ отъ Церкви духовничанье ихъ поведетъ родъ ихъ къ повальному оплотяненію всѣхъ. И пресмнники ихъ будутъ мнить о себѣ, что духовничаютъ, но это будетъ имя, а не дѣло, какъ и теперь.

Итакъ, хочешь преуспѣть въ духовной жизни, иди къ сему такъ, какъ сіе дѣлается во св. Церкви: засѣмнивъ сію жизнь видимо совершаемыми таинствами, развивай потомъ ее, строго держась видимыхъ учрежденій и порядковъ церковныхъ. Если будешь такъ дѣлать, скоро разовьешь въ себѣ духовную сторону, — и она явится въ тебѣ добрѣ воспитанною и прочно стоящею на неизблемыхъ основаніяхъ. А тѣхъ, кои помимо Церкви чаютъ преуспѣть въ духовномъ, оставь. Ничего изъ нихъ не выйдетъ, кромѣ мечтателей, мпящихся имѣти нѣчто, ничего не имѣя.

Полагаю, что ты уже слышалъ, или услышишь отъ кого-либо изъ нихъ: мы не прочь бы отъ внѣшнихъ чиновъ, но зачѣмъ ихъ у васъ такъ много? Вы облѣпили себя ими такъ, что кромѣ ихъ у васъ ничего невидно, — и ктому же все обратили въ законъ, чему никакъ не подобаетъ быть. Это ихъ обычная поговорка. Но объ этомъ до слѣдующаго раза.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Въ С. П. В. по поводу новаго явившагося тамъ
ученія вѣры.

Берусь докончить, что осталось недоконченнымъ въ
прошломъ письмѣ.

Такъ много слишкомъ у насъ обрядовъ, говорятъ ва-
ши отступники; мы себя облѣпили ими такъ, что за ни-
ми не видно никакой въ насъ духовности. А иные, мо-
жетъ быть, прибавляютъ: и все это безъ всякой нужды
и пользы.

Много?—Пусть много. Чтожь? Досадовать ли и горе-
вать отъ этого? Въ какомъ домѣ всего много, охаютъ
тамъ отъ этого? Церковь есть домъ Божій. Если въ ней
много всего, по экономіи, какая въ ней ведется, т.-е. по
устроению спасенія чадъ ся,—и слава Богу! Когда видишь
домъ всѣмъ полный, духъ радуется; а когда въ какомъ
домѣ дворъ пустъ и всюду хоть шаромъ покати,—какое
безотрадное оставляетъ это чувство! И таковы ваши апо-
столы. Всѣмъ своимъ скопомъ они представляютъ домъ
запустѣлый, изъ котораго все повыброшено. Такими вѣр-
но хотятъ они сдѣлать и всѣхъ васъ.

Много у насъ церковности отъ того, что насъ много, и
потребностей у насъ много. Попечительная мать наша—
Церковь, Главою своимъ руководимая, и заготовила все
благопотребное, хранить то и изживаетъ щедро на насъ—
чадъ своихъ, въ подобающее время и въ должной мѣ-
рѣ.—Перечислять ли все?—Но вотъ общѣйшее!

Нужны тебѣ наставленія,—иди въ церковь, слушай и смотри. И чрезъ ухо, и чрезъ око польются въ тебя всякаго рода уроки. Слушай Апостоль, Евангеліе, Пророковъ,—и поучайся; внимай цѣснопѣніямъ,—и вразумляйся; смотри на священнодѣйствія, и возносись горѣ, вникая въ значеніе ихъ и смыслъ; видишь изображенія, поминай славныя дѣла изображенныхъ и порывайся подражать имъ, если то лица, или прославляй Бога, дивнаго въ милости и правдѣ, если то событія. Въ церкви и неграмотные становятся не меньше грамотныхъ, вѣдцями Бож. тайнъ спасенія, если внимають.

Чувствомъ долга понуждаешься жертву приносить Богу, Творцу своему, Промыслителю и Спасителю,—иди въ церковь. Здѣсь каждодневно приносится безкровная жертва Богу,—тѣло и кровь Господа, единая достойная Бога жертва, сильная умилоствитъ Его. Но пріобщайся къ сему жертвоприношенію и самъ сердцемъ сокрушеннымъ и смиреннымъ, и приноси на алтарь Господень слезу, чтобъ она вмѣстѣ съ безкровною жертвою восходила предъ лице Бога и, напоминая Ему о тебѣ, низводила на тебя Его благоволеніе и благословеніе.

Желаешь ли навикнуть молитвѣ и получить руководство въ ней? О! этимъ, паче всего, богата святая церковь. Она и готовая молитвы дасть тебѣ, и научить самого своими словами возноситься къ Богу въ молитвѣ. Въ ней все молитва,—и всякій найдетъ тамъ молитвы всякаго рода и на всякій случай. Потребность молитвы во время обращенія, какъ искра, западаетъ въ сердце, дѣйствіемъ благодати, таинственно возвращаемой и возстановляемой. Въ пламень же сія искра разгорается вѣяніемъ воздуха церковнаго во время участія въ молитвенныхъ послѣдованіяхъ церковныхъ. Внимай молитвамъ читаемымъ и поемымъ въ церкви,—напрягайся и самъ составляй свои молитвы, когда приглашаемъ бываешь къ тому (ектеніями); и молитва твоя скоро придетъ въ

движеніе, напряжется, окрѣпнетъ и начнетъ бить изъ сердца, какъ струя изъ неистощимаго родника.

Имѣешь ли нужду смирить плоть,—врага самаго близкаго, безотвязнаго и лстиваго?—Вотъ тебѣ въ пособіе и руководство постъ за постомъ. Се—середа; не успѣешь повернуться, какъ подошла и пятница; пройдетъ нѣсколько недѣль,—настанетъ большой постъ, за нимъ опять чередованіе дневныхъ постовъ; а тамъ опять—другой большой постъ. Такъ круглый годъ. Умѣй этимъ пользоваться, и будешь имѣть плоть смиренною, и въ ней, таковой, вмѣсто вреда, самаго благопотребнаго помощника.

Если палъ и имѣешь нужду очистить совѣсть свою,—эти же посты даютъ тебѣ и сильное къ тому побужденіе и благоприятное время. Поговѣй, исповѣдуйся, причастись св. Христовыхъ Таинъ, и, ставъ такимъ образомъ твердо ногою опять на должный путь, теки имъ бодренно.

Имѣешь ли какую частную потребность? На всякую, какая бы она ни была, найдешь въ церкви благопотребное удовлетвореніе. Помыслы ли смущаютъ, духи ли стужаютъ, скорбь ли тяготитъ,—въ путь ли собираешься, или дома что начинаешь,—на все это и другое многое найдешь въ церкви и молитву ходатайственную, и священнодѣйствіе освятительное, и руководство указательное.

Объ источникахъ благодати, св. Таинствахъ, не говорю; не говорю и о постоянномъ руководствѣ въ духовной жизни и образцахъ для нея. Самъ знаешь, что этимъ богата св. Церковь,—и только Церковь православная.

Видишь ли теперь, что нельзя не быть у насъ многому? Много у насъ потребностей, которыя не пресѣкаются, а требуютъ своего всю жизнь, начиная съ минуты рожденія до смерти. Св. Церковь такъ и обнимаетъ своею церковностію всего человѣка и во всю жизнь; она принимаетъ его въ свои объятія тотчасъ по рожденіи, сопутствуетъ ему по всему теченію жизни и препровождаетъ его на тотъ свѣтъ. И какъ это благотворно! Міръ окружаетъ насъ съ своими прелестями и ду-

хи злобы съ своими кознями. Св. Церковь, всесторонне окружая насъ своею церковностію и совсѣмъ закрывая ея, и духъ міра отвѣваетъ отъ насъ и стрѣлы духовъ злобы отражаетъ. И выходитъ, что ходящій по всѣмъ уставамъ церковности есть какъ въ непроницаемую броню облеченный, или какъ подъ мощныя крылья укрывшійся, или какъ въ песокрушимую крѣпость запятанный. Что это не пустыя слова, знаютъ тѣ, которые проводятъ дни свои въ смиренной покорности всему церковному, освящаемой и оживляемой искреннею вѣрою. — Спроси кто хочетъ ихъ, и удостовѣришься, сколь великое сіе есть благодѣяніе. А отчуждившіеся отъ всего церковнаго что суть? — Что раздѣтый на морозѣ, что безоружный среди враговъ, что безкровный, голый и голодный, не имѣющій гдѣ главу подклонить. Прославъ же Господа, столь богатую, мощную и попечительную церковь намъ устроившаго, и будь всегда вседушно и съ вѣрою покоренъ ей, при ея материнскихъ за тобою ухаживаніяхъ, какъ за дѣтищемъ.

Такъ слава Богу, что въ церкви всего много. И тяготиться этимъ нечего; да и не приходится тяготиться. Ибо судя потому, какъ каждому надо бываетъ участвовать въ церковныхъ чинахъ, можно сказать, что на каждыя приходится очень немного. Помолиться по уставу церкви, утромъ и вечеромъ, предъ столомъ и послѣ стола, предъ началомъ дѣла и по окончаніи его,—вотъ и все въ иной день. Въ иной день, кромѣ того, надо бываетъ сходить еще въ храмъ, чтобъ или только помолиться обще со всѣми, или и частную какую свою справить потребу. Много ли это? Въ семьѣ въ иной годъ и никакой не бываетъ потребности, ради коей слѣдовало бы приглашать церковь, въ иной одна какая. Такъ на всякаго вовсе немного падаетъ церковности. Церковь же многое содержитъ и блюдетъ на всякій случай, всегда готова бывая съ своею помощію. То правда, что несмотря на то церковность не на глазахъ только бываетъ непрестанно у всякаго, но

и занимаетъ всякаго, заставляя его дѣйствовать по своему. Но какъ это вошло уже въ порядки жизни, то для привыкшихъ не составляетъ уже ничего особеннаго, и исполняется легко, какъ легко дышется. Отягощеніе чѣмъ-либо церковнымъ обличаетъ тяготящагося въ отчужденіи отъ церкви. Замѣтимъ при семъ, что хоть и малымъ чѣмъ иной касается церковности; но вліяніемъ и силою церкви, — освятительною и защитительною, пользуется полною. Только невѣріе и рѣшительное отчужденіе отъ всякой церковности дѣлаетъ бѣднаго отступника голымъ и беззащитнымъ.

Такъ видишь, какъ есть дѣло. А отступники все свое: много лишняго, говорятъ, случайнаго, произвольнаго; надо иное измѣнить, иное отмѣнить, иное замѣнить новымъ.

Скажемъ на это обще: въ Церкви Божіей ничто не заведено безъ нужды. Что ни учреждено ею, учреждено въ удовлетвореніе потребностей духовныхъ, потребностей не придуманныхъ, а живыхъ, жизнью вызванныхъ. Ктому же учреждаемое учреждалось по благоизволенію Господа, Главы Церкви, въ духъ Его, и сообразно съ обѣтованіями. Безъ Господа ничто не вошло въ церковь, ни большое ни малое; ибо она воистину есть живое тѣло Его, Имъ живущее. Поелику жетакъ есть дѣло; то кто смѣетъ говорить, какъ говорятъ отступники?—Одни отступники. Они потому и говорятъ такъ, что отступники суть; и поелику такъ говорятъ, явно, что отступники суть. Сынъ церкви истинный никогда не скажетъ такъ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи можно различать только степени нужности и важности содержимаго церковію: необходимос, полезное, утѣшительное,—такъ какъ и потребности такихъже родовъ бываютъ. Въ обычныхъ нашихъ житейскихъ домахъ иное таково, что безъ него домъ—не домъ,—существенно необходимо, иное имѣется и держится, какъ полезное, иное служить только къ украшенію дома или къ удовольствію живущихъ; иное заведено и бережется на случай. И церковь есть домъ,—Божій

домъ,—и все подобное, въ своемъ лишь родѣ, должно быть и въ ней. И есть. Есть въ ней существенно необходимое, безъ чего церковь—не церковь (священство, таинства, службы, посты, благотворительныя учрежденія), есть такое, что принято и держится, какъ спасительное и душеполезное (—иконы), есть такое, что утѣшаетъ и улаживаетъ чадъ ея (—пѣніе). Какой хозяинъ станетъ выбрасывать вещи изъ дома потому только, что и безъ нихъ домъ—всеже домъ? Ибо для живущихъ въ домѣ и пріятное пужно, и безъ того, что служить только къ украшенію его, скучно жить; а полезное въ то время, какъ потребуется отъ него польза, становится необходимымъ. Такъ и сущаго въ церкви не слѣдуетъ касаться дерзкою рукою самочинія, а принимать все въ томъ качествѣ, какъ оно заведено и держится. Въ ней все назидательно и питаетъ духъ вѣрующихъ, имѣющихъ очи и умѣющихъ видѣть.

Оставить, говорятъ, самое нужное, а другое все прочь. Но если мы станемъ такъ поступать, то что останется? Что останется въ домѣ изъ всего, что видимъ въ домахъ нашихъ, если поступать съ ними по такому правилу? Четыре стѣны, кровля, очагъ, кое-какіе сосуды,—и все тутъ. Что останется также изъ одежды, если подвергнуть ее переустройству по сказанному? Ничего. Клокъ матеріи, а можетъ быть и онъ не удержится, потому что вмѣсто всякой матеріи можетъ служить листъ травный, или кожа животнаго. Можно ли ожидать, чтобъ кто-либо задумалъ такъ сдѣлать? И еслибъ кто сдѣлалъ, не сочли ль бы его всѣ помѣшаннымъ? Такъ и въ отношеніи къ церковному благолѣпію слѣдуетъ относиться. Вы же какъ? Отступники ваши оголили васъ отъ всего церковнаго, а вы и рады.—Льгота, выходить, емансипація. Какая у васъ тамъ безтолковщина?!

Но какого бы качества ни было содержимое церковію, все то отъ Господа есть, какъ я уже поминалъ, или прямо Господомъ учреждено, или Имъ благоизволено. Если въ тѣлѣ нашемъ ничего не дѣется безъ зависимости отъ

головы (мозга, нервовъ); то тѣмъ паче надо вѣровать, что такъ есть въ церкви Божіей, т.-е., что въ ней, яко тѣлѣ Господа, ничего не бываетъ безъ Господа, который есть глава ея. Истинная вѣра всегда осязаетъ десницу Господа во всякой церковности и принимаетъ ее, какъ отъ Него исходящую, съ смиренною и теплою покорностію, не позволяя себѣ дерзкихъ замысловъ объ отмѣненіяхъ, или измѣненіяхъ.

Такъ, стало быть, у васъ опять подзаконность, вопятъ отступники? Гдѣ же свобода христіанская?—Она тутъже, при этомъ и въ этомъ, что называется обязательною церковностію. Свобода отъ подзаконности іудейской, дарованная намъ о Христѣ Иисусѣ, не есть поставленіе насъ внѣ всякой законности, а есть выводъ изъ подзаконности іудейской, чтобъ поставить подъ законность христіанскую, не во внутренней только духовной жизни, но и во внѣшнихъ порядкахъ религіозной жизни. Поелику собраніе вѣрующихъ составляетъ общество опредѣленнаго духа и цѣли; то оно, какъ общество, должно быть благоустроено или скрѣплено и ограждено законами, и какъ общество опредѣленнаго духа и цѣли, должно подлежать такимъ именно, а не инымъ законамъ, и законамъ неизмѣннымъ, какъ неизмѣненъ долженъ быть его духъ и цѣль. Вотъ и подзаконность неотложная!—Но какъ общество сіе есть видимое, мѣстнымъ и временнымъ условіямъ подлежащее, то подзаконность его, пребывая неизмѣнною въ существѣ, въ приложеніи или образѣ исполненія можетъ не быть одинаковою во всѣхъ мѣстахъ и неизмѣнною во всѣ времена. Вотъ и свобода при подзаконности! Въ церкви Божіей мы и видимъ во всѣ времена и эту подзаконность неизмѣнную и эту свободу въ исполненіи законности, не заключенномъ въ повсюдное и во всевременное однообразіе.

Въ Ветхомъ Заветѣ не только существенное вмѣнялось въ законъ, но и разнообразное того приложеніе до подробностей тоже было опредѣлено, какъ законъ неотлож-

ный и неизмѣнный. Такъ было необходимо; потому что Завѣтъ тотъ представлялъ руководство отъ внѣшняго къ внутреннему, — единому, — которому образоваться помѣшали бы внѣшнія частности, еслибъ онѣ оставлены были на свободу: ибо тогда онѣ, не имѣя внутренней основы, которая еще должна была только образоваться, оразнообразились бы до противоположности, и повели къ разному внутреннему. Христіанство напротивъ идетъ отъ внутренняго къ внѣшнему. Въ немъ данъ духъ жизни о Христѣ Иисусѣ, и въ семъ духѣ существенная законность для общества христіанскаго; примѣненіе же сей законности къ частностямъ оставлено на свободу; ибо то, для чего сіи частности были опредѣлены въ Ветхомъ Завѣтѣ, — образованіе единаго внутренняго, уже имѣлось.

Такъ и было въ церкви. Она съ самаго сошествія Святаго Духа и начала облекаться въ свое внѣшнее, отрѣшаясь мало-по-малу отъ внѣшняго ветхозавѣтнаго, какъ видимъ въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ Апостольскихъ, по всѣмъ сторонамъ неизбѣжнаго для христіанъ религіознаго дѣйствованія. — И облеклась.

Но какъ первоначально сіе облаченіе себя внѣшностію было отдано въ руки самой церкви, такъ и послѣ, по устроеніи сего облаченія, оно состоитъ въ тѣхже рукахъ церкви. Облекшись, церковь не связала себя тѣмъ; власть ея надъ своею внѣшностію тѣмъ не пресѣклась; она осталась властною въ отношеніи къ ней на всѣ времена. Почему какъ первоначально вводитъ все имѣла она свободу; такъ и потомъ все, — во всѣхъ частяхъ, — поновлять, пополнять, измѣнять, она можетъ и долгъ имѣетъ, по требованію обстоятельствъ, времени и мѣста, по руководству живущаго въ ней Духа. Свободу сію св. Церковь всегда проявляла, и проявляетъ, и будетъ проявлять до скончанія вѣка.

Чтобъ ты не путался въ мысляхъ, что такое не измѣняется и что можетъ быть измѣняемо, приложу примѣры: чтобъ быть въ церкви священству, таинствамъ, церковнымъ собраніямъ для молитвъ, чтенія Писаній и жер-

твы безкровной, быть посту, благотворительнымъ учрежденіямъ,—это неотложный законъ. Господь, Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ всюду это и учреждалъ, какъ только гдѣ образовывалась Церковь. Но образъ веденія сихъ дѣлъ и частные въ отношеніи ихъ порядки предоставлены были на свободу каждой Церкви. И тутъ не все оставалось безъ руководства Апостоловъ, особенно когда вѣрующіе по неумѣнію право удовлетворять ревность духа своего, допускали что-либо нестройное. Но свобода въ семъ отношеніи всегда оставалась за каждою церковію. Примѣръ очевидный представляетъ Церковь Коринѣская. Закономъ только неотложнымъ поставлялось, чтобъ все вводимое было благообразно и по чину,—и чтобъ оно вполнѣ соотвѣтствовало духу вѣры и жизни о Христѣ Иисусѣ.

Но сія предоставленная св. Церкви свобода не есть достояніе каждаго сына или дщери Церкви. Нашъ долгъ повиноваться Церкви, какъ мы и исповѣдуемъ въ символѣ вѣры словами: *вѣрую во едину святую, соборную и Апостольскую Церковь*. Все, что есть и установлено въ Церкви, есть законъ для каждаго изъ насъ, пока оно есть и держится въ церкви.—Но и мы не закованы въ сіе, какъ въ оковы. Когда мы обще со всѣми дѣйствуемъ, обязаны дѣйствовать по общему уставу; а когда дѣлаемъ что дома, одни, то тутъ и намъ оставлена свобода. Молитвы и пѣсни въ церкви читаются и поются для всѣхъ,—и мы обязаны тогда объединяться въ духъ со всѣми. Но въ домашней молитвѣ ты совершенно свободенъ. И для этого составлены молитвенники; но образъ употребленія ихъ тебѣ предоставленъ. Установлены посты, указаны и способы подвижничества—бдѣніе, уединеніе, трудъ. И образъ исполненія сего оставленъ на свободу, приложенъ только совѣтъ: съ совѣтомъ все твори. Въ образѣ благотворенія еще болѣе простора и свободы. Такимъ образомъ въ нашей церковной жизни дивнымъ образомъ сочетана свобода съ законностію, то и другое бывъ направлено къ преспѣванію во внутренней жизни. |

Слыша: уставы Церкви—законъ, не подумай, что законъ сей обязателенъ потому, что опредѣленъ общимъ голосомъ Церкви,—т.-е. въ томъже смыслѣ, какъ въ житейскомъ быту обязателенъ для каждаго приговоръ общества; ибо общество властвуетъ надъ частными лицами. Въ церкви Божіей—не такъ. Св. Церковь—не обыкновенное человѣческое общество, а есть тѣло, состоящее подъ главою—Христомъ Господомъ, Духомъ Святымъ руководимое и животворимое, и благоволеніемъ Бога Отца объемлемое. Потому все въ ней,—и ей на свободу предоставленное, не есть одного человѣческаго происхожденія, и обязательно не потому, что всѣ рѣшили быть такъ, а потому, что такъ благоизволилъ тріупостасный Богъ. Покорность Церкви есть покорность Богу, въ той силѣ, прибавлю опять, въ какой что установлено, т.-е. иное какъ необходимое, другое какъ полезное, то какъ утѣшительное, это какъ благоукрасительное. Почему вѣруемъ, что исполняя все отъ души, мы Богу служимъ и Ему благоугождаемъ, хотя дѣйствованіе наше бываетъ лишь видимое, тѣлесное, Богъ же—духъ есть: ибо дѣйствуемъ съ духовнымъ настроеніемъ.

Предыдущее указаніе даетъ мнѣ поводъ къ слѣдующему наведенію, не бесполезному въ отношеніи къ предмету нашихъ съ тобою разсужденій. Поелику въ Церкви Божіей все есть по Божію изволенію, и поелику, исполняя то, мы службу Богу приносимъ; то все, малое и великое должно быть исполняемо съ полнымъ благоговѣніемъ, Богу приличествующимъ. Благоговѣніе наше должно быть соразмѣряемо не съ великостію или малостію дѣлаемаго, а съ лицемъ Бога, къ коему относится. Кадитъ ли кто, или читаетъ и поетъ, или другое что дѣлаетъ, коль скоро небрежно то исполняетъ, подлежитъ суду творящихъ дѣло Божіе съ небреженіемъ. Равно и изъ присущихъ въ церкви, стоитъ ли кто, или поклоны кладетъ, или свѣчу ставитъ, если дѣлаетъ это небрежно, столько же погрѣшаетъ, и тому же подлежитъ суду.

Всѣ сіи и подобныя дѣйствія не сами по себѣ важны, и не неотложно необходимы такія именно: на мѣстѣ ихъ могутъ быть всякія другія. Но коль скоро они приняты и уставлены, и коль скоро дѣйствователемъ къ Богу относятся; то небрежничаящій въ нихъ, Бога презираетъ и оскорбляетъ. Тоже самое должно сказать и о дѣйствованіяхъ внѣ церкви (дома). Коль скоро они къ Богу относятся и Ему посвящаются, то должны быть совершаемы съ полнымъ благоговѣніемъ, не соразмѣрно съ своею важностію или малостію, а какъ подобаетъ дѣйствовать предъ всемогущимъ Богомъ, въ честь и славу Его.

Не сочти ты это замѣчаніе излишнимъ, будто оно не къ дѣлу. Нѣтъ; я нарочно его выставляю; потому что оно даетъ очень важныя для нашего предмета наведенія. Висреди, въ началѣ письма, было замѣчено, что Церковь своими уставами обнимаетъ всю жизнь человѣка, съ рожденія до смерти, и притомъ во всѣхъ ея проявленіяхъ и порядкахъ. Слѣдовательно нѣтъ движенія и дѣйствія, гдѣ бы внимательный христіанинъ не встрѣтился съ чѣмъ либо церковнымъ. Слѣдовательно далѣе,—нѣтъ движенія и дѣйствія, которое не поставляло бы его предъ лице Бога, и чрезъ то не обязывало къ дѣйствованію благоговѣннѣйшему, какъ подобаетъ дѣйствовать предъ лицемъ Бога. Отсюда выходитъ, что дѣйствующій по церковному какъ слѣдуетъ, непрерывно проходитъ науку благоговѣинства предъ Богомъ съ посвященіемъ Ему всего, а отсюда навыкъ—съ каждымъ дѣломъ видимымъ соединять все вниманіе ума, все сочувствіе сердца и всю ревность воли, и все сіе въ религіозномъ духѣ. Ходи ты теперь въ семь настроенія, подъ вліяніемъ церковныхъ порядковъ,— что получишь? Получишь то, что духъ благоговѣинства проникнетъ всего тебя и вселится въ тебя. А отсюда что выйдетъ?—Выйдетъ то, что ты никакой многости въ церковномъ замѣчать не станешь; ибо духъ благоговѣинства, пребывая въ тебѣ неотходно, все объединять будетъ, и у тебя во вниманіи будетъ не многое, а одно. Выйдетъ

также, что ты ни въ какомъ послѣдованіи церковномъ не будешь замѣчать длительности; потому что никакое послѣдованіе церковное не можетъ быть столько длительно, чтобъ сравниться въ семъ отношеніи съ духомъ благоговѣинства, или превысить его, когда онъ неотходенъ и непрерывно дѣйственъ. Выйдетъ еще и то, что ты не будешь замѣчать связи себя церковною законностію, ибо тогда у тебя все будетъ идти извнутри, изъ сердца,—и ты будешь самъ себѣ законъ, или станешь такимъ лицомъ, которому законъ не лежитъ.—Припомни теперь укоръ намъ: вы облѣпили себя церковною внѣшностію (разумѣется,—законностію),—и смотри, есть ли какая отъ этого бѣда. Внѣшнее тутъ только внѣшняя оболочка неизбѣжная, а что составляетъ существо дѣйствованія, то все внутренно, духовно, все идетъ предъ лицомъ Бога, въ глубинѣ сердца. Ходящій въ семъ внѣшнемъ, ходитъ внутренно, оживляетъ и укрѣпляетъ духъ и живетъ духомъ.

Послѣ этого, самъ видишь, что если иногда въ совершающемъ церковныя послѣдованія и въ участвующихъ въ нихъ церковность обращается въ одну форму; то вина тому не въ церковныхъ порядкахъ, а въ насъ. Это наша оплошность, а не неизбѣжная принадлежность церковности. Таковы мы, что самые назидательные и возбуждательные порядки, своимъ невниманіемъ обращаемъ въ бездѣйственные формы. То, что вчера такъ благотворно дѣйствовало на насъ, нынѣ уже дѣйствуетъ слабѣе, черезъ день будетъ еще слабѣе дѣйствовать, — и такъ далѣе, пока дѣйствіе сіе не дойдетъ до нуля. И останется тогда одна форма. Такъ бываетъ и съ церковностію,—такъ и она обращается въ форму, не будучи сама въ себѣ одною формою. Это однакожь подаетъ поводъ отступникамъ и нѣкоторымъ сочувствующимъ имъ умникамъ кричать: формализмъ! формализмъ!

Безтолковый крикъ! Церковность сама въ себѣ не есть одна форма, и въ исполнителяхъ ея, не во всѣхъ она об-

рапается въ форму. Что же кричать-то? — Вѣдь, нельзя же, потому одному, что иные внѣшнюю церковность по своей оплошности обращаютъ въ безжизненную форму, отмѣняютъ ее? Ибо безъ ней намъ быть нельзя. Не слѣдуетъ и измѣнять ее или замѣнять новою; ибо какіе порядки ни введи вмѣсто ихъ, мы и ихъ обратимъ въ одну форму. А что слѣдуетъ? Слѣдуетъ поставить намъ самимъ себѣ закономъ — такъ пользоваться церковностію, чтобы она не обращалась у насъ въ форму: ибо сама по себѣ она не есть одна форма, — и въ исполнителяхъ, не во всѣхъ бываетъ такою. Вмѣсто затѣванія объ измѣненіяхъ и отмѣнахъ, пусть всякій позаботится стать въ рядъ разумныхъ исполнителей, и дѣлу конецъ. И для этого не многое требуется. Что искренняя ревность о богоугожденіи требуется, объ этомъ и говорить нечего: ибо она корень всей благочестной жизни. Къ ней надобно придать только нехитрый и несложный приѣмъ: всякій разъ приступать къ церковному дѣйствованію, какъ въ первый разъ, совсѣмъ забывая, — или цѣны никакой тому не давая, — что совершали то когда либо, или совершали нѣсколько разъ, — т.-е. приступать съ тѣмъ же вниманіемъ и благоговѣніемъ, какимъ обыкновенно полна бываетъ душа, въ первый разъ приступая къ священному дѣлу. Такое правило даютъ свят. отцы. И оно оправдывается повсюдными опытами. Спроси у благоговѣйниковъ, — и они подтвердятъ тебѣ это. Спроси у тѣхъ, кои низпадали въ формализмъ и опять поднялись изъ него и востекли къ живому духу благоговѣнія, — и они тоже скажутъ.

Не изволь же думать, будто, когда внѣшнее въ церкви учреждено и дано въ законъ, то этимъ мы закованы въ пустую формальность.

Сдѣлаю и еще одно замѣчаніе. Выше я говорилъ, что вѣтхозавѣтное есть руководство отъ внѣшняго къ внутреннему. А вотъ вышло, что и новозавѣтное таково же. Взрослые церковностію, содержимою, какъ законъ, под-

держиваютъ и питаютъ въ себѣ духовную жизнь, а молодое поколѣніе и совсѣмъ его въ себѣ симъ путемъ воспитываетъ. Изъ этого выходитъ, что своего рода подзаконность имѣетъ мѣсто и въ новозавѣтной церкви. — И не дивись сему. Неизбѣжно такъ по нашему устройству. Въ естественномъ порядкѣ, какъ говорятъ, животное высшее, въ то время, когда зародышь его развивается до совершеннаго образованія его, проходитъ всѣ степени предшествовавшихъ ему живыхъ существъ. Тоже и въ духовной жизни. Хотя родъ нашъ теперь въ христіанскомъ возрастѣ, но изъ насъ всякій проходитъ и тѣ состоянія, въ какомъ бывалъ человѣкъ въ предшествовавшихъ возрастахъ, т.-е. и мы бываемъ то такими, каковы были жившіе до закона (дѣтство, отрочество), то такими, каковы были подзаконные (отроки, юноши), то наконецъ такими, какими бываютъ сущіе о Христѣ Исусѣ, не по закону уже ходящіе, но по духу. Потому, что мы бываемъ подъ закономъ, церковнымъ не укоръ, а похвала, — что мы идемъ должнымъ порядкомъ развитія духовнаго, и имѣемъ все къ тому потребное. Укоръ будетъ, если кто остановится на одной законности церковной. Но и ему довольно сказать: подтянись немножко и воодуховись.

Спросить только можно: чего ради, и послѣ того, какъ развивается уже духовная жизнь, не бросаютъ законности церковной?—Отвѣтимъ главное: того ради, что духовная жизнь всегда требуетъ оживленія; церковная же наша законность вся преисполнена духовными стихіями; потому ходящій въ ней всегда вдыхаетъ въ себя духовнос, — оживляющее. Какъ дыханіе тѣлесное освѣжаетъ и оживляетъ весь организмъ: такъ и хожденіе въ церковныхъ порядкахъ освѣжаетъ и оживляетъ весь составъ духовной жизни. Какъ кровоточивая, коснувшись края ризы Господа, привлекла цѣлительную себѣ отъ Него силу: такъ всякій, дѣлющій что-либо церковное, или участвующій въ томъ, пріемлетъ притокъ духовныхъ стихій въ

оживленіе своего духа. Внѣшній чинъ Церкви есть риза Господа, самая же Церковь—тѣло Его.

Спросить еще иной можетъ: если Церковь властна перемѣнять свое внѣшнее, то чего ради не перемѣняетъ? Того ради, что ей дано перемѣнять не потому только, что она властна это дѣлать, или не для того только, чтобъ дать упражненіе сей власти своей; по въ такомъ случаѣ, если какое-либо дѣйствіе, уставомъ ея опредѣляемое, перестало быть потребнымъ, перестало пазидать и питать духъ.— И это не по капризу нѣкихъ лицъ—модниковъ, но удостоившись, что дѣйствительно такъ есть, и что перемѣна или отмѣна всѣми желательна въ видахъ пользы духовныхъ, а не какихъ-либо удобствъ внѣшнихъ. Если же въ Церкви все назидательно, требуется и удовлетворяетъ потребности, а не излишество составляетъ; то для чего отмѣнять, или перемѣнять? Она и не отмѣняетъ, и не перемѣняетъ.

Изъ всего сказаннаго выходитъ: такъ, стало быть, не шевелись, и не затѣвай новизнъ, а живи какъ всѣ жили и теперь живутъ по церковному, усердно исполняя всѣ уставы Церкви. Такъ дѣлая, несомнѣнно Богу угодишь и спасешься. А модничать станешь,—Бога прогнѣвишь и душу свою сгубишь.

Послѣднія три письма я направлялъ все къ тому, чтобы убѣдить тебя, что поговорка вашихъ апостоловъ, будто ничего не нужно, есть пусторѣчіе. Видишь, сколько нужно!? Все, что есть въ церкви, нужно, и ни отъ чего отставать не слѣдуетъ.

Слѣдовало бы мнѣ все это снова перечислить, какъ обыкновенно дѣлается въ заключеніи; но изволь сдѣлать это самъ.—И спасайся!

БЕСѢДА СЪ ПОПОВЦЕМЪ

О МНИМОМЪ ПРАВѢ ІЕРЕЕВЪ ПРИНИМАТЬ ПРИХОДЯЩІЯ ОТЪ ЕРЕСИ СВЯЩЕННЫЯ ЛИЦА ВЪ СУЩЕМЪ ИХЪ САНѢ.

Поповець. Свят. Златоустъ на первое посланіе къ Тимоѳею въ бесѣдѣ едионадеслятой о тождествѣ епископа и презвитера пишетъ сице: «зане не много среднее ихъ (*презвитеровъ*) и епископовъ, ибо и тіи воспріяша учительство и предстоятельство церкви: и яже о епископѣхъ рече, сія и о презвитерѣхъ приличная суть, рукопоженіемъ бо самѣмъ превосходятъ ихъ, и симъ токмо мнятся лишне имѣти, нежели презвитери». Посему наше общество, хотя и пребывало около двухъ-сотъ лѣтъ безъ епископовъ, съ одними презвитерами, но ничего чрезъ то не лишалось. Ибо, по словамъ св. Златоуста, и тіи, то есть презвитери, воспріяша учительство и предстоятельство церкви. И вы несправедливо наше общество, безъ епископъ существовавшее, не признаете церковію.

Я отвѣтилъ: Св. Златоустъ не сказалъ того, что церковъ святая можетъ существовать и безъ епископства. Это вы отъ себя сказали. Св. Златоустъ сказалъ только то, что епископы рукоположеніемъ самимъ точію превосходятъ презвитеровъ. А какъ велико оное превосходство, еже совершати рукоположеніе, слыши: презвитери принимаютъ даръ Св. Духа на учительство и предстоятельство церкви чрезъ хиротонію отъ епископовъ, и въ которомъ обществѣ нѣтъ епископства, не можетъ быть и совершенія таинства хиротоніи; нѣтъ хиротоніи, нѣтъ и преподаванія дара Духа Святаго на поставленіе презвитерства, на учи-

тельство и предстоятельство въ церкви. И такъ съ прекращеніемъ хиротоніи отъ епископства, по нужди прекращаются и всѣ благодатные дары, истекающіе отъ пресвитерства, и таковое общество, не имущее среди себя источника даровъ Свят. Духа, не можетъ быти и церковію. О семъ блаж. Симеонъ Солунскій въ книгѣ первой въ главѣ 76 пишетъ сице: «слыши: ни единъ же священнодѣйствовать іерей можетъ въ Дусѣ, или ино что дѣйствовать, аще не хиротонію имать. Сія же отъ архіерея есть, убо архіерейство чрезъ того дѣйствуетъ». И паки: «іерей тайноводствъ не дѣйствуетъ безъ жертвенника: сей же чрезъ муро освящается. Муро же чрезъ архіерея самого совершается. Тѣмже кромѣ архіерея, ниже жертва, ниже іерей, ниже жертвенникъ, ибо вся сія чрезъ архіерея суть». Паки: «никто же крещаетъ, аще не хиротонію имать: сія же отъ архіерея». И паки: «не можетъ крестити безъ мюра, сіе же архіерейства есть. Тѣмже вся божественныя тайны, и во всѣхъ священныхъ архіерейство дѣйствующе есть, и безъ того ниже жертвенникъ будетъ, ниже хиротонія, ниже муро святое, ниже крещеніе, ниже убо христіане. Чрезъ тое убо истинное христіанство и Христовы чрезъ тое вся тайны». Игнатій Богоносецъ, къ Филadelphійцамъ посланіе третіе, пишетъ: «сіи Христовы суть, сіи со епископомъ суть». Св. Кипріанъ въ письмѣ къ Флоренцію Папіану пишетъ: «церковь есть стадо прилѣпляющееся своему пастырю: а посему знай, что епископъ въ церкви, и церковь во епископѣ; и ежели кто не съ епископомъ, тотъ и не въ церкви». И самъ св. Златоустъ о таинствѣ хиротоніи въ правоученіи на посланіе къ Ефесеемъ пишетъ сице: «что глаголеши: таяжде вѣра есть, православни суть и они. Чего же ради не суть съ нами: единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе. Аще яже тѣхъ добръ суть, то наша злѣ: аще наша добръ, то опѣхъ злѣ. Младенцы, рече, влающесе и скитающесе всякимъ вѣтромъ. Пенщуете ли сіе довлѣти, еже глаголати, яко православни суть, а яже рукоположенія, исчеза-

ють и погибають? И каѧ польза есть иныхъ, сему не сущу опасну? Якоже бо за вѣру, тако и за сіе ратоватися подобаетъ».

Виждь, како намѣстники апостольскіе и церковныи учителя глаголють: яко безъ епископа ни жертверникъ, ни жертва, ни муро святое, ни церковь, ниже христіане могутъ быти. Св. Златоустъ глаголетъ: аще и вѣра тояжде, исчезнувшей же хиротоніи, кромѣ тоя никакаже польза иныхъ, аще онаѧ не соблюдена опасно. И влѣпоту, гдѣ нѣтъ источника преподанія даровъ Св. Духа на совершеніе таинствъ, тамо нѣсть и таинствъ, а безъ таинствъ нѣсть и спасенія, и прочая всѧ, то есть и самая вѣра безъ таинствъ, остаются тщетными, сей, сирѣчь хиротоніи, не сущей. Ты же глаголеши, яко мощно церкви существовать и кромѣ епископства! Явѣ есть, яко противная ученію святому глаголеши, и въ такое впадаешь заблужденіе, что при всемъ твоёмъ тщаніи благоугодить Богу, по свидѣтельству св. Златоуста, всеу трудиться.

Поповець: Въ старопечатномъ Потребникѣ, въ чинѣ крещенія отъ ереси приходящихъ читаемъ: «внегда хотятъ приводими бывати къ православнѣй вѣрѣ, предваривъ убо подобаетъ сотворити того оглашенника, оглашена молитвою и дѣйствомъ презвитерскимъ. Первѣе повелитъ тѣмъ архіерей или іерей преклопати колѣна предъ дверьми церковными и знаменуеть приходящаго трижды». И паки въ чинопріятіи отъ ересей (не крещаемыхъ) точію муромъ помазуемыхъ пишется сие: «попъ, преклонивъ главу приходящаго, и творитъ молитву». Изъ сихъ чинопріятій явствуется, что надъ приходящими отъ ереси, крещаемыми и муромъ помазуемыми, чинъ присоединенія можетъ совершать какъ архіерей, такъ и іерей; также въ семъ чинопріятіи не показано различія и приходящихъ отъ ереси, будутъ ли то міряне, или іереи, или епископи: ибо доколѣ они въ ереси, то менѣе суть принимающаго ихъ православнаго священника и безъ сомнѣнія отъ него могутъ принять чинъ присоединенія. Посему

и наши іереи могутъ безъ всякаго сомнѣнія пріимати отъ ереси приходящихъ іереевъ и епископовъ.

Я отвѣтилъ: Іерей, пріемый повелѣніе отъ епископа совершати таковая, безъ сомнѣнія можетъ совершать чинъ присоединенія надъ приходящимъ отъ ереси ко св. церкви іереемъ, и тѣмъ кончается или ограничивается его дѣйствіе; по присоединеніи же благословити новоприсоединеннаго священнодѣйствовать въ православной церкви и вруčiti ему паству словесныхъ овецъ,—сія не суть власти іерейскія. Ваши же іереи даже и чинъ присоединенія приходящихъ отъ ереси и таинство исповѣданія совершать не могутъ, потому что не приняли на то повелѣніе отъ архіерея; тѣмъ паче не могутъ они совершать то, на чтѣ не имѣютъ власти и законно поставленные іереи, т.-е. преподавать присоединенному отъ ереси іерею благословеніе на священнодѣйствіе и пастырство.

Пововецъ: Почему наши іереи не могутъ присоединенному отъ ереси іерею преподавать благословеніе священнодѣйствовать и пасти паству словесныхъ овецъ? Святый Златоустъ во второмъ посланіи къ Коринѣяномъ въ нравоученіи второмъ пишетъ сице: «рукою іерейскою и языкомъ Богъ благословляетъ». Вы вѣруете ли сему ученію св. Златоуста? Если вѣруете, то почему не признаете правильнымъ чинопріятіе приходящихъ къ намъ іереевъ, совершаемое нашими іереями, когда ими самъ Богъ благословляетъ?

Я отвѣтилъ: О приведенномъ вами изъ книги бесѣдѣ св. Златоуста изреченіи на полѣ замѣчено, что принадлежитъ оно скорѣе издателямъ книги толкованій св. Златоуста, нежели самому свят. Златоусту; однакоже оно имѣетъ сходство по смыслу со словами св. Златоуста. Въ той бесѣдѣ его говорится о молитвѣ объ оглашенныхъ на литургіи, о преклоненіи главъ оглашенными (то-есть познавшими истину, но еще некрещенными) и о совершающемся надъ ними благословеніи, гдѣ просится у Бога, дабы открылъ имъ Господь Евангеліе правды и присое-

динилъ св. соб. и апостольской церкви. Разсужденіе о семъ заключаетъ св. Златоустъ сицевыми словами: «таже преклонити главы (оглашеннымъ) повелѣваемъ, знаменіе еже услышатися молитвамъ творяще еже Богу благословляти, не человекъ бо есть благословляя, но Богъ онаго рукою и языкомъ». Доздѣ подлинныя слова св. Златоуста. И мы вѣруемъ, что устами и рукою іерея совершается св. литургія, и егда молится оупъ надъ оглашенными, егда просвѣщаетъ ихъ св. крещеніемъ, и въ прочихъ имъ данныхъ дѣйствіяхъ, самъ Богъ дѣйствуетъ ими и рукою ихъ благословляетъ; но знаемъ также, что не въ дарованныхъ имъ не дѣйствуетъ, какъ о томъ свидѣтельствуется апостольское 39 правило, гласящее сице: «безъ воли епископа своего презвитери или діакони да не творятъ ничтоже, тому бо суть поручени людіе Господни». *Толкованіе:* «имѣть достойно презвитеру, или діакону, безъ повелѣнія епископа своего, ни людей связовати, еже есть отлучати, или умножати, или умалити спитемію, сирѣчь запрещеніе, или ино что таковое творити, аще не будетъ дано имъ отъ епископа о томъ писаніе, сирѣчь пріимати въ покаяніе, и вязати и разрѣшати свѣни (на нолѣ, кромѣ) того не могутъ ничтоже творити, яко епископу суть поручени Господни людіе, и той хочеть воздати слово о душахъ ихъ». Въ семъ 39 правилѣ ясно говорится, что епископу поручени суть людіе Божіи, а не іерею. Посему іерейское благословеніе не въ данныхъ ему дѣйствіяхъ, каково именно подаяніе благословенія приходящему іерею пасти паству, не имѣетъ силы. Итакъ ваши іереи, принимая приходящихъ отъ ереси священниковъ и благословляя ихъ на священнодѣйствіе и пастырство, поступаютъ законопреступно и противно приведенному 39 правилу апостольскому. Столь же законопреступно поступаютъ и принятыи ими священники, дерзая совершать принадлежація священнику дѣйствія: ибо они, дѣйствуя такъ, или признаютъ себя получившими на то право отъ пріившаго ихъ іерея, или же, не признавая такого

права, присвояють себѣ санъ и дѣйствія священства самовольно, а то и другое законопреступно. О такихъ дѣйствіяхъ и о такихъ глаголемыхъ іереяхъ въ Номоканонѣ, во главѣ о тайнахъ свят., вотъ что сказано: «о духовномъ же служеніи, подобно есть согрѣшенію нерукоположнѣ дѣйствующаго, иже безъ повелѣнія и заповѣди святительскія дѣйствуетъ». Виждь, какво согрѣшеніе священника, безъ повелѣнія святительскаго дѣйствующаго: оно подобно согрѣшенію нерукоположнѣ дѣйствующаго. А какъ велико согрѣшеніе нерукоположнѣ дѣйствующаго, о томъ пишется въ томъ же Номоканонѣ и въ той же главѣ: «сіе дѣло горше есть и самыхъ тѣхъ нечестивыхъ бѣсовъ, во ангела свѣтла точію преобразующихся, но не сущихъ, и Божіе убо лицемѣрующихъ, безбожныхъ же сущихъ и противныхъ Богу». Виждь, коль велико согрѣшеніе безъ повелѣнія архіерейскаго священнодѣйствовать дерзающихъ и не пребывающихъ въ данныхъ комуждо мѣрахъ. И ты слова св. Златоуста, сказанныя имъ о благословеніи оглашенныхъ, несообразно привелъ на благословеніе вашихъ іереевъ, дерзающихъ благословлять приходящихъ къ вамъ іереевъ на пасеніе не данной имъ отъ Бога чрезъ епископское посредство паствы.

Архимандритъ Павелъ.

ТРУДНОСТЬ ДОБРОДѢТЕЛИ И УЧИТЕЛЬСТВА.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ТРЕХЪ СВЯТИТЕЛЕЙ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩ.
СЕРГІЯ, АРХІЕПИСКОПА КАЗАНСКАГО.

„Иже сотворитъ и научитъ, сей велий наречется въ царствіи небеснѣмъ“
(Матѳ. 5, 19).

На основаніи сихъ словъ Христовыхъ три святителя, которымъ нынѣ празднество, называются великими. Видно не малый трудъ творить и учить, когда за то и другое вмѣстѣ обѣщана такая великая почеть и въ царствѣ небесномъ.

Какъ трудна добродѣтель, это самъ на себѣ каждый можетъ испытать. Не говоримъ о постѣ, молитвѣ, дѣвствѣ и другихъ духовныхъ подвигахъ, о которыхъ многіе люди свѣтскіе не имѣютъ и правильнаго понятія; возьмемъ дѣла челоуѣколюбія и обязанность обуздывать себя. Иной очень хорошо разсуждаетъ о помощи бѣднымъ, а самъ хотя и имѣетъ достатокъ, затрудняется и малое приношеніе въ ихъ пользу сдѣлать, извиняя себя своими нуждами, предстоящими расходами и заботами о своемъ семействѣ. Слѣдовательно нужно побѣдить въ себѣ привязанность къ своимъ стяжаніямъ, чтобы удѣлить изъ нихъ что нибудь нищимъ. А пренобѣждать свои пристрастія и привычки нельзя безъ усилія надъ собой. Неприятно, кто при насъ скажетъ о ближнемъ что либо рѣзкое, злорѣчивое; а между тѣмъ свой языкъ никакъ привязать не можемъ. Посему апостолъ Іаковъ и замѣтилъ, что *кто въ словъ не согрѣшаетъ, сей совершенъ мужъ* (3, 2). Вспомнимъ также порывы раздражительности, какъ часто че-

ловѣкъ вспыльчивый отъ ничтожныхъ причинъ воспламеняется гнѣвомъ. Прежде нежели онъ войдетъ въ себя, овладѣетъ своимъ чувствомъ, онъ уже надѣлаетъ не мало дерзостей и оскорбленій другимъ, а потомъ самъ пачинаетъ жалѣть и раскаиваться. Посему даже язычники признавали, что величайшая изъ побѣдъ есть побѣда надъ собою.

Отъ юности три святителя, при добромъ воспитаніи, привыкли строго вести себя. Безпрекословное повинованіе родителямъ, духъ страха Божія, храненіе душевной чистоты и воздержанія, скромность въ словахъ и мягкость въ обращеніи съ другими, удаленіе отъ всего соблазнительнаго,—вогъ черты, отличавшія этихъ юношей. А когда пришло время быть имъ на епископскомъ престолѣ, сіи святители, по примѣру Пастыреначальника Христа, который *начатъ творити же и учити* (Дѣя. 1, 1), сопровождали своимъ дивнымъ подвижничествомъ свое пастырское ученіе. Ихъ воздержаніе простиралось до умерщвленія плоти, ихъ любовь до прощенія врагамъ, ихъ ревность по правдѣ до самоотверженія, ихъ святость до чудотворенія. Потому за свои великія дѣла они достойно названы великими.

Трудное дѣло и духовное учительство. Самъ Златоустъ, хотя получилъ это имя за свое краснорѣчіе, уклонялся отъ священства, боясь между прочимъ проповѣднической обязанности. Тоже извѣстно и о Григоріѣ Богословѣ. Въ чемъ же трудность? Повидимому исполнять трудно, а учить легко. Нѣтъ, опытъ показываетъ иное. Излагать истины вѣры нужно такъ, чтобы онѣ и для простыхъ сдѣлались понятны. Но тутъ требуется осторожность, какъ бы и священныхъ предметовъ не унижить просторѣчіемъ, и не оставить ихъ мало вразумительными, допустивъ учепость изложенія. Ихъ изясненіе нужно и для людей образованныхъ. Приѣзжалъ въ Іерусалимъ на поклоненіе одинъ вельможа изъ Египціи; на обратномъ пути, сидя въ коляскѣ, онъ читалъ біблію; подходитъ къ нему апостоль Филиппъ, и спрашиваетъ: «понимаешь ли,

что читаешь?» — Тотъ сознался: «какъ мнѣ понять, если мнѣ не расколкуютъ»? Затѣмъ онъ попросилъ апостола сѣсть съ нимъ вмѣстѣ, и слушалъ его толкованіе (Дѣян. 8, 27 и слѣд.). Могутъ быть и нынѣ люди, въ обществѣ значительные, но въ предметахъ духовныхъ мало-свѣдущіе, и ищущіе наставленій отъ пастырей церкви, которые посему сами должны знать истины вѣры точно и непогрѣшительно, чтобъ не ввести другихъ въ заблужденіе. Тутъ недостаточно одного благочестія, а нужно православное образованіе. И нашихъ отечественныхъ расколоучителей нельзя назвать худыми по жизни, — они воздержны и ревнители обрядовъ; но примѣшивая къ ученію неправыя мнѣнія, они являются слѣпыми вождями слѣпыхъ. Въ предостереженіе духовнаго учителя, апостоль Павелъ напоминаетъ ему: *Внемли чтенію, наставленію, ученію, и пребывай въ нихъ: сія бо творя, и самъ спасешия, и слушающіи тебе* (1 Тим. 4, 13. 16). Но здѣсь новое ожидаетъ затрудненіе въ томъ, что не всѣмъ слушающимъ угодить можно. Надобно говорить правду, а она обличаетъ и колетъ. «Многіе, признается святой Златоустъ, не перенося тяжести словъ моихъ, по выходѣ изъ церкви изъявляли мнѣ негодованіе. Но я отвѣчалъ имъ, что я не свои заповѣди имъ предлагаю, а читаю писмена, нисшедшія съ неба; и тотъ, кому ввѣрено такое служеніе, долженъ или все, содержащееся въ нихъ, объявлять смѣло, или боясь непріязни слушателей, терять свое и ихъ спасеніе черезъ такую угодливость. Еслибы я молчаніемъ могъ прикрывать грѣхи, то каждый справедливо негодовалъ бы на то, зачѣмъ я ихъ изобличаю. Если же хотя бы мы и молчали теперь, грѣхи непременно будутъ обнаружены тамъ на небѣ; какая можетъ быть вамъ польза отъ нашего молчанія? Напротивъ, если теперь стану говорить, то приведу кого нибудь въ покаяніе и сердечное сокрушеніе» *).

*) Бес. на разн. мѣст. Пис. том. III, стр. 416. 417. 419.

Посему можно судить, какъ былъ великъ и труденъ подвигъ вселенскихъ учителей. Они учили и обличали, хотя обличаемые на нихъ гнѣвались; они излагали и защищали ученіе православное, хотя еретики противъ нихъ вооружались. Ихъ писанія для всѣхъ православныхъ должны служить руководствомъ, въ какомъ бы вѣкѣ и мѣстѣ кто ни жилъ. Святый Григорій Богословъ глубокомысленно изложилъ ученіе о Сынѣ Божіемъ; святый Василій великій изъяснилъ божественное достоинство Духа Святаго, и составилъ уставъ иноческаго житія; святый Іоаннъ Златоустъ, изъяснитель слова Божія, проповѣдникъ покаянія, есть руководитель всякаго, кто и въ мірѣ хочетъ жить для Бога, есть утѣшитель несчастныхъ и печальныхъ. Сіи трубы Духа Божія не престанутъ издавать гласъ свой, доколѣ не вострубитъ труба архангела и не позоветъ насъ къ отвѣту въ томъ, какъ мы пользовались средствами спасенія.

Будемъ же внимательны къ тому, чему учать насъ сіи наставники наши; постараемся исполнять ихъ полезныя внушенія, и при ихъ помощи сохранимъ чистоту своей души и надежду вѣчной жизни. Аминь.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Нищіе, мытари и грѣшники.

Нищимъ благовѣствоваше Христосъ Слово, съ мытари ядше, со грѣшники бесѣдоваше.

Пророкъ Исаія, предрекая о первомъ пришествіи Христа на землю, между прочимъ говоритъ отъ Его лица о Его благовѣствованіи: «Духъ Господень на мнѣ; ибо Онъ помазалъ меня благовѣствовать нищимъ». Въ первые дни своего общественнаго служенія Господь Иисусъ приходитъ въ Назаретскую синагогу и заявляетъ желаніе предложить собравшемуся народу чтеніе изъ священныхъ книгъ. Ему подали книгу пророка Исаіи, и Онъ изъ этой книги прочиталъ то мѣсто, въ которомъ содержатся приведенныя слова (Иса. 61, 1 — 2). Кончивъ чтеніе, Христосъ сказалъ: «нынѣ исполнилось писаніе, слышанное вами» (Лук. 4, 21), т.-е. предреченіе о дѣятельности Христовой и между прочимъ благовѣствованіи Его нищимъ Онъ отнесъ прямо къ себѣ. Онъ дѣйствительно помазанъ былъ Духомъ Святымъ, т.-е. во время крещенія въ Иорданѣ почилъ на Его человѣчествѣ обильная благодать Св. Духа, — и благодать сія обильно изливалась изъ устъ Его, напоая жаждущія истины и правды души. Эту жажду Христу удалось пробудить и удовлетворить въ людяхъ, по видимому безнадежныхъ въ нравственномъ отношеніи, въ нищихъ и жалкихъ духовно, — во многихъ мытаряхъ и грѣшникахъ. Занятія мытарей, собиравшихъ пош лины въ пользу языческаго правительства и наживавшихъ себѣ бо-

гатство притѣсненіями и неправдами, были ненавистны іудеямъ. Особенно ненавидѣли и презирали ихъ фарисеи, почитавшіе себя и слывшіе у народа ревнителями закона и праведниками. Съ нескрываемою ненавистію и презрѣніемъ они смотрѣли вообще на грѣшниковъ, на людей позорившихъ себя невоздержаніемъ, развратомъ, неправдами, холодныхъ къ вѣрѣ и благочестію, и чуждались общенія съ ними, бѣгали ихъ какъ язвы, какъ заразы. Но не такъ относился къ нимъ Господь Иисусъ. Онъ призывалъ къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ беззаконіями. Онъ охотно вступалъ въ общеніе съ ними не затѣмъ, чтобъ участвовать въ ихъ грѣхахъ, но чтобы пробудить ихъ совѣсть и обратить ихъ къ раскаянію. И Онъ достигалъ сей цѣли. Слова благодати, исходившія изъ устъ Его, спасительно дѣйствовали на грѣшниковъ. Они познавали свою духовную нищету, убѣждались въ крайней своей виновности предъ Богомъ, въ своей безотвѣтности предъ Нимъ. Къ этому убѣжденію они приходили и тогда, когда слышали себѣ укору и обличенія отъ фарисеевъ. Но фарисеи своими безсердечными обличеніями могли только растравлять грѣховныя раны, а не заживлять ихъ. Они могли только указать грѣшникамъ на ихъ духовную болѣзнь, по у нихъ не было ни желанія, ни силы уврачевать ее. Сіе могъ сдѣлать только Христосъ Спаситель. Грѣшниковъ, сознавшихъ свою духовную нищету, Онъ ободрялъ надеждою спасенія. Онъ *благотворилъ* имъ спасеніе. Онъ говорилъ имъ: «блажени нищія духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное». Въ самомъ сознаніи нищеты Онъ указывалъ имъ путь къ этому царству. Оно доступно только тѣмъ, которые сознаніемъ безпомощности своего положенія, безвыходности его приводятся къ надеждѣ спасенія единственно по милосердію Божію. Милосердый Господь возбуждалъ въ нихъ эту надежду своею проповѣдію Евангелія царствія Божія. Съ этою проповѣдію Онъ преимущественно, если не исключительно къ нимъ обращался, и для сего входилъ съ ними въ близкія сношенія.

Но эта близость Господа къ нищимъ духомъ мытарямъ и грѣшникамъ не правилась гордымъ своею праведностію фарисеямъ. Имъ не нравилось, что Онъ посѣщалъ ихъ жилища, раздѣлялъ съ ними трапезу и бесѣдовалъ съ ними подружески. Фарисеи ставили въ упрекъ Христу то, что Онъ дружить съ мытарями и грѣшниками, любитъ ѣсть и пить съ ними (Мат. 11, 19). Но Христосъ на эти упреки отвѣчалъ: «не здоровые имѣють нужду во врачѣ, но больные» (Мат. 9. 12). Фарисеи признавали себя здоровыми въ нравственномъ отношеніи. Они ослѣплены были гордымъ сознаніемъ своей праведности, хотя эта праведность была только наружная и чужда была любви къ Богу и ближнимъ. Потому они не чувствовали нужды въ духовномъ врачѣ, въ наставленіяхъ и вразумленіяхъ. Это и было причиною, почему Господь обществу ихъ предпочиталъ общество презираемыхъ ими мытарей и грѣшниковъ: послѣдніе, а не первые имѣли въ Немъ нужду. Онъ пришелъ призвать не праведниковъ, но грѣшниковъ къ покаянію (Мат. 9, 13). И на небесахъ, говорилъ Онъ, болѣе радости будетъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся (каковы были мытари), нежели о девяносто девяти (мнимыхъ подобныхъ фарисеямъ) праведникахъ, не имѣющихъ нужды въ покаяніи (Лук. 15, 7).

Въ милосердой близости Ис. Христа къ нищимъ духомъ, мытарямъ и грѣшникамъ какой трогательный урокъ покаянія предлагается для всѣхъ насъ! Если Господь Исусъ, существо чистѣйшее и святѣйшее, не презиралъ грѣшниковъ, не гнушался ихъ обществомъ, мы ли грѣшныя будемъ чуждаться подобныхъ намъ грѣшниковъ, почитать ихъ недостойными общенія съ нами? Преступно входить въ сношенія съ людьми нечестивыми и беззаконными съ цѣлію участвовать въ ихъ беззаконныхъ и нечестивыхъ дѣлахъ; но не только не чуждаться, но еще искать общенія съ ними съ цѣлію обращенія ихъ на путь истины, уврачеванія ихъ духовныхъ болѣзней, отнюдь не преступно, напротивъ есть непремѣнный нашъ долгъ, долгъ христіанской любви, доброжелательной къ ближнимъ

и содѣйствующей спасенію ихъ, есть дѣло подражанія любви Христовой, спусходившей къ великимъ грѣшникамъ и спасавшей ихъ отъ погибели. Презирающіе грѣшниковъ потому, что почитаютъ себя превосходящими ихъ въ нравственномъ отношеніи, чуть не праведниками, похожи на современныхъ Христу фарисеевъ и за свое самомнѣніе скорѣе могутъ погибнуть, чѣмъ презираемые ими грѣшники, оказывающіе себя и начинающіе идти путемъ покаянія. А примѣръ послѣднихъ да научить тебя не отчаяваться въ милосердіи Божіемъ, въ случаѣ тяжкихъ паденій твоихъ. Раскаявающемуся въ нихъ всегда отверсты объятія Отца небеснаго. Тотъ, который пришелъ не праведниковъ, а грѣшниковъ призвать къ покаянію, ждетъ отъ тебя покаянія въ твоихъ грѣхахъ и готовъ не только простить тебя, но и вступить въ тѣснѣйшее общеніе съ тобою. Въ этомъ отношеніи Онъ сдѣласть для тебя больше, чѣмъ для мытарей и грѣшниковъ, съ которыми Онъ раздѣлялъ трапезу во время земной жизни своей: Онъ предложитъ самого себя въ пищу тебѣ въ таинствѣ тѣла и крови своей, и чрезъ сіе содѣласть тебя причастникомъ своего божественнаго естества (2 Петр. 1, 4) и наслѣдникомъ жизни вѣчной въ царствѣ небесномъ, какъ Онъ самъ обѣтовалъ: «ядый мою плоть и пійай мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азь въ немъ. Ядый мою плоть и пійай мою кровь имать животъ вѣчный» (Іоан. 6, 56. 54).

Самарянка.

Аще кладязь еси глубокій, Владыко, источи ми воду изъ пречистыхъ Твоихъ жилъ, да яко Самаряныня, не кому пійай жажду: жизни бо струи источавши. Іоан. 4, 13.

Въ первый годъ своего общественнаго служенія, Господь Іисусъ, проведши довольно времени въ Іудеѣ, идетъ съ своими учениками въ Галилею, чрезъ Самарійскую область. Здѣсь, утомленный путемъ, Онъ останавливается близъ

города Сихаря (древняго Сихема), у колодезя, по преда-
нію выкопаннаго патріархомъ Іаковомъ. Ученики Его
пошли въ городъ купить чего нибудь съѣстнаго для Него
и для себя. Въ ихъ отсутствіе приходитъ изъ города къ
колодезю одна Самарянка зачерпнуть воды. І. Христосъ
заводитъ съ нею разговоръ, въ которомъ возводитъ ея
взоръ отъ земнаго къ духовному. Онъ говоритъ ей: «дай
мнѣ пить». Самарянка выражаєтъ удивленіе, какъ Онъ,
будучи іудеемъ, отступаєтъ отъ обычая іудеевъ не вхо-
дить ни въ какія сношенія съ Самарянами, и проситъ
у нея напиться. «Но еслибы ты знала, отвѣчалъ ей Ис-
сусъ, какое благодѣяніе посылаетъ тебѣ Богъ (въ эту ми-
нуту) и кто говоритъ тебѣ: дай мнѣ пить, ты сама стала
бы просить у него, и онъ далъ бы тебѣ воду живую». Самарянка
подумала, что Онъ говоритъ о водѣ родни-
ковой, находящейся въ глубинѣ колодезя, и замѣтила, что
оттуда трудно ее достать. Но Исусъ хочетъ отвести ея
мысли отъ этой земной воды и навести ихъ на другую.
Онъ отвѣчаетъ ей: «всякій пьющій воду сію (изъ колодезя
Іаковлева) возжаждетъ опять. А кто будетъ пить воду,
которую Я дамъ ему, тотъ не будетъ жаждаť во вѣкъ.
Она сдѣлается въ немъ источникомъ воды, текущей въ жизнь
вѣчную». Должно полагать, что подъ живою водою, кото-
рую Спаситель обѣщаетъ дать жаждущему, Онъ разумѣлъ
благодать Св. Духа, какъ это видно изъ сличенія этого
обѣщанія съ подобными словами Его, сказанными по дру-
гому случаю. Въ послѣдній день праздника Кущей Онъ при-
ходитъ въ храмъ Іерусалимскій и здѣсь въ виду обряда
возліанія воды на жертвенникъ, совершавшагося въ па-
мять чудеснаго изведенія Моисеемъ воды изъ камня, взы-
ваєтъ: «Аще кто жаждетъ, да приидетъ ко Мнѣ и пієтъ.
Вѣруай въ Мя, якоже рече Писаніе, рѣки отъ чрева его
истекуть воды живы». «Сіе же рече, замѣчаетъ Еванге-
листъ, о Дусѣ, егоже хотяху пріимати вѣрующіи во имя
Его» (Іоан. 7, 37—39). Итакъ если въ послѣднемъ слу-
чаѣ подъ живою водою разумѣется благодать Св. Духа,

то и въ бесѣдѣ съ Самарянкою подѣ образомъ живой ключевой воды общается жаждущему также благодать Св. Духа. Она поистинѣ есть живая вода: она утоляетъ жажду истины, паставляя насъ касательно всего, что нужно знать для спасенія души (Іоан. 14, 26. 1 Іоан. 2, 20), ибо Духъ Святой есть Духъ истины. Она укрѣпляетъ волю на борьбу съ грѣховными искушеніями, ибо Духъ Святой есть Духъ крѣпости, и освящаетъ насъ (Римл. 1, 4); она низводитъ въ сердце миръ и радость (Римл. 14, 17), превосходящія всякое разумѣніе.—Кому же сообщается утоляющая духовную жажду, благодать Св. Духа?—Только вѣрующимъ во І. Христа; ибо хотя ближайшій источникъ благодати есть Св. Духъ, она есть плодъ искупительныхъ заслугъ І. Христа. Потому Св. Духъ, источникъ благодатныхъ даровъ, называется Духомъ Христовымъ (Римл. 8, 9). Христосъ общалъ ученикамъ своимъ умолить Отца, да пошлетъ къ нимъ Св. Духа и да пребываетъ Онъ съ ними во вѣкъ (Іоан. 14, 16). И вотъ въ день Пятидесятницы Св. Духъ видимымъ образомъ сошелъ на учениковъ Христовыхъ, и съ тѣхъ поръ благодать Его разлилась рѣками по вселенной и до скончанія вѣка будетъ папаять жаждущія спасенія души. Съ молитвою о дарованіи сей благодати каждый вѣрующій можетъ обращаться непосредственно къ Св. Духу, но вмѣстѣ онъ долженъ умолять о ней Христа Сына Божія, ради безцѣнныхъ заслугъ котораго подаются намъ всѣ божественныя силы къ животу и благочестію,—слѣдуя Его заповѣди: «Аще кто жаждетъ, да придетъ ко мнѣ и да піетъ». Для всякаго вѣрующаго Христосъ есть неисчерпаемый кладязь даровъ благодати, подобно вещественному колодезю, наполняемому непрерывно водою изъ подземныхъ родниковыхъ жилъ. Христосъ по самому человечеству обладаетъ всею полнотою благодатныхъ даровъ, почившихъ на Немъ со времени крещенія Его въ Іорданѣ, и отъ этой полноты всякій можетъ почерпать благодать на благодать (Іоан. 1, 16), всякій можетъ при-

частиться тѣхъ духовныхъ благъ, для низведенія которыхъ на вѣрующихъ Христосъ по чловѣчеству помазанъ былъ Духомъ Святымъ: слѣпымъ духовно, жаждущимъ прозрѣнія, Онъ даруетъ свѣтъ истины; плѣнникамъ грѣха, желающимъ вырваться изъ плѣна,—освобожденіе; сердцамъ угнетаемымъ чувствомъ своей немощи въ борьбѣ съ грѣховными искушеніями, исцѣленіе и крѣпость (Лук. 5, 18). Всякъ приходи ко Христу, глубокому и неистощимому кладязю благодатной жизни, съ просьбою объ утоленіи духовной жажды, объ удовлетвореніи своихъ духовныхъ нуждъ, — и никому не будетъ отказа. Всякій пусть взываетъ къ Нему: исповѣдую, Владыко, что Ты кладязь глубокой, что въ Тебѣ сокрыты неисчерпаемыя сокровища благодати, никогда неоскудѣвающей, какъ неоскудѣваетъ вода въ земныхъ источникахъ, питаемыхъ водою изъ подземныхъ родниковыхъ жилъ. Я истаяваю духовною жаждою, томлюсь сознапіемъ своей духовной слѣпоты, грѣховности, немощи въ борьбѣ со грѣхомъ, и не знаю душевнаго мира. Сжался надъ моимъ окаянствомъ, отверзи для меня струи твоей благодати, и утоли ими мою духовную жажду. Вѣрую, что эти живительныя струи способны напоить жаждущаго такъ, что онъ уже не захочетъ искать другой воды для удовлетворенія своей жажды, не промѣняетъ ихъ на земную мудрость, на земныя блага, на земныя удовольствія. Піющій отъ сихъ стійныхъ водъ вѣчно будетъ томиться жаждою, ничѣмъ ненасыщаемою; но піющій отъ живой воды благодати и въ сей жизни будетъ испытывать отрадное чувство удовлетворенія, а въ будущей полное блаженство, потому что эта чудная вода течетъ въ животъ вѣчный,—имѣетъ силу піющаго отъ нея готовить къ наслѣдію вѣчно-блаженной жизни, для дѣйствительнѣйшаго соединенія со Христомъ, неистощимымъ источникомъ воды жизни (Апок. 21, 6) здѣсь, и наипаче тамъ. Источни же мнѣ струи твоей животворящей благодати для утоленія моей духовной жажды.

*Христосъ Самарянынь явися, въ душѣ службу тебѣ,
душе, предживописа.*

Слушая рѣчи Иисуса Христа о водѣ живой, Самарянка не догадывалась, что говорящій съ нею есть пророкъ, и притомъ не обыкновенный пророкъ, а самъ Мессія. И вотъ Онъ даетъ другое направленіе своей рѣчи. На просьбу ея: «дай мнѣ живой воды», о которой говорилъ ей Христосъ, Онъ объявилъ ей, чтобы она пошла и привела своего мужа. «У меня нѣтъ мужа», говоритъ она, и изъ отвѣта Его убѣждается въ Его пророческомъ вѣдѣніи. Онъ знаетъ про нее то, чего не могъ знать обыкновенный чужестранецъ, случайнымъ образомъ оставившійся у самарійскаго колодца, — Онъ говоритъ ей: «правду ты сказала, что у тебя нѣтъ мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тотъ, котораго нынѣ имѣешь, не мужъ тебѣ». Пораженная этимъ пророческимъ вѣдѣніемъ, Самарянка обращается теперь къ Нему, какъ къ пророку, и проситъ у Него разрѣшенія религиозныхъ вопросовъ. Она проситъ Его разрѣшить споръ между іудеями и самарянами: чье богослуженіе правильнѣе, іерусалимское, или самарянское, совершаемое на горѣ Гаризинъ, на которой былъ построенъ съ позволенія Александра Македонскаго храмъ, разрушенный впоследствии Гирканомъ. Господь Иисусъ въ своемъ отвѣтѣ различаетъ прежнее и настоящее время. До сихъ поръ правы были іудеи, и если на ихъ сторонѣ было то преимущество, что среди нихъ, а не въ другой странѣ, было средоточіе истиннаго богослуженія—Іерусалимъ, то это потому, что спасеніе должно выйти отъ іудеевъ, что обѣтованія и пророчества даны имъ, что они одни—хранители этихъ обѣтованій и пророчествъ, слѣдственно они одни знаютъ, кому кланяются, т. е. они одни обладаютъ истиною, кланаясь Богу, какъ Онъ самъ научилъ посредствомъ пророчествъ и обѣтованій. Самаряне знаютъ одно только Пятокнижіе Моисеево, но не признаютъ дальнѣй-

шихъ откровеній Божіихъ, бывшихъ послѣ Моисея, и потому они сами не знаютъ, кому кланяются, если не хотятъ знать того, что Богъ благоволилъ открывать о себѣ послѣ Моисея. Итакъ самарянское богослуженіе, средоточіе котораго было на горѣ Гаризинъ, неправо,—самарянамъ не слѣдовало отдѣляться отъ іудеевъ въ богослуженіи, не слѣдовало устроить новое средоточіе богослуженія; не имѣя религіознаго общенія съ іудеями, они не имѣли истинной религіи. Такъ было доселѣ. Но вотъ «настало время, когда ни на горѣ сей и не въ Іерусалимѣ будете покланяться Отцу, когда истинные поклонники будутъ покланяться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отець ищетъ себѣ. Богъ есть духъ; и покланяющіеся Ему должны покланяться въ духѣ и истинѣ». Такимъ образомъ прежнему іудейскому и самарянскому богослуженію Христотъ противопоставляетъ служеніе новое. Не только неправильное самарянское, но и правильное и законное іерусалимское богослуженіе должно теперь уступить мѣсто богослуженію новому—въ духѣ и истинѣ. Іерусалимское богослуженіе не исключало, правда, духовнаго поклоненія Богу: съ внѣшними жертвами истинные поклонники приносили Ему въ жертву духъ сокрушенный (Пс. 50, 19). Но внѣшнія жертвы могли быть приносимы только въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, въ котораго онѣ были бы незаконны и Богу неугодны. Это ограниченіе внѣшняго богослуженія однимъ извѣстнымъ мѣстомъ было необходимо для поддержанія единства богопочтенія, для предохраненія ветхозавѣтныхъ вѣрующихъ отъ разныхъ суевѣрій, для поддержанія чистоты вѣры. Въ виду опасности отъ языческихъ заблужденій, господствовавшихъ въ сосѣдствѣ съ іудеями и повсюду, нельзя было предоставить имъ полную свободу въ этомъ отношеніи, нельзя было дозволить имъ совершать общественное богослуженіе гдѣ хотятъ. Если и при ограниченіи богослуженія извѣстнымъ мѣстомъ возможны были уклоненія іудеевъ отъ истинной вѣры, то при устраненіи этого огра-

виченія эти уклоненія были бы гораздо чаще. Теперь наступилъ конецъ прежнему образу богослуженія. Надлежало истинную вѣру, истинное богопочтеніе сдѣлать до стояніемъ всего человѣчества, въ церковь Божію, которая до сихъ поръ заключаемъ въ себѣ одинъ избранный народъ, ввести всѣ народы. Потому и общественное богослуженіе уже не могло быть привязано къ одному какому либо мѣсту во вселенной. Для удобства участія въ общественномъ богослуженіи теперь должны быть открываемы средоточія его повсюду, чтобы на всякомъ мѣстѣ владычества Божія люди могли собираться для прославленія Господа, для поклоненія Ему. И такое умноженіе мѣстъ общественнаго богослуженія гораздо больше соотвѣтствуетъ понятію о Богѣ, чѣмъ служеніе Ему въ одномъ мѣстѣ, бывшее необходимымъ доселѣ. Ибо *Богъ* по своей природѣ есть *духъ*, и какъ духъ, Онъ не ограничивается пространствомъ,—Онъ вездѣсущъ. И какъ вездѣсущій, Онъ будетъ принимать поклоненіе Ему вездѣ, гдѣ бы ни устроили для Него храмъ. Слѣдственно съ этихъ поръ для общественнаго богослуженія могутъ быть созидаемы тысячи и миллионы храмовъ, гдѣ угодно, и сколько будетъ на землѣ храмовъ, столько будетъ средствъ для вступленія въ ближайшее общеніе съ Господомъ, ибо каждый храмъ будетъ мѣстомъ особеннаго присутствія Господа. Чтобы сподобиться предстать лицу Божію, не будетъ необходимости за тысячи верстъ искать мѣста особеннаго явленія Его присутствія, какъ это нужно было во времена ветхозавѣтныя,—ступай въ ближайшій храмъ, и здѣсь сподобишься благодатнаго общенія съ Тѣмъ, кто обитаетъ въ этомъ храмѣ своею благодатію, сподобишься предстать въ немъ лицу Божію. Дѣло теперь не въ томъ, гдѣ именно, въ какомъ храмѣ поклоняться Богу, а въ томъ, какъ поклоняться Ему. Вопросъ о мѣстѣ богослуженія имѣлъ значеніе во времена ветхозавѣтныя. Тогда желающему участвовать въ общественномъ богослуженіи грѣшно было поклоняться Богу внѣ іерусалимска-

го храма. Теперь для поклоненія открыты безчисленные храмы,—въ любомъ молись, но молись и покланяйся *духомъ и истиною, ибо таковыхъ поклонниковъ ищетъ Отець себѣ*. Храмы земные для того и устрояются, чтобы собирающіеся въ нихъ поклонники отрѣшались духомъ отъ всего земнаго и возносились умомъ и сердцемъ къ Богу, существу духовному и Богу духовъ. Существу духовному угодно и поклоненіе духовное, такъ чтобы внѣшнія дѣйствія набожности и благочестія были выраженіемъ или проявленіемъ духовнаго стремленія къ Богу, духовной жажды общенія съ Нимъ вѣрою, надеждою и любовію. Но и такое поклоненіе Господу угодно Ему только въ соединеніи съ истиною: «Богъ есть духъ, и покланяющіеся Ему должны покланяться въ духѣ и *омъсть* въ истинѣ». Истинно - духовное поклоненіе отличается отъ ложно-духовнаго, на примѣръ мистическаго, духоборческаго, молочнокапскаго и т. п., именно истиною, тѣмъ, что оно соединяется съ вѣдѣніемъ и храненіемъ ученія истины, какъ оно преподается въ словѣ Божіемъ и святой церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины. «Поелику многіе, говоритъ бл. Теофилактъ, кажутся покланяющимися Богу въ душѣ, но не имѣютъ праваго вѣдѣнія, какъ на примѣръ еретики, то къ слову: *озъ духъ* Христосъ присовокупилъ: *озъ истинъ*. Ибо надлежитъ и умомъ покланягься Богу, и имѣть здравое понятіе о Немъ». — Значить такъ называемые духовные христіане, чуждающіеся православныхъ храмовъ и церковнаго богослуженія съ его таинствами, молитвословіями и обрядами, напрасно въ оправданіе свое ссылаются на слова Христовы о поклоненіи Богу духомъ. Эти слова служатъ только къ осужденію ихъ, ибо, мечтая угождать Богу духовнымъ служеніемъ, они отступили отъ истины, содержащейся въ церковномъ вѣроученіи, а служеніе Богу людей, отвергающихъ или искажающихъ богооткровенную истину, содержимую церковію, не угодно Богу, какъ и служеніе самарянъ, невѣдавшихъ кому кланялись. Еслибы Христосъ,

говоря о служеніи Богу духомъ, воспрещаль всякое внѣшнее поклоненіе и служеніе Богу, въ такомъ случаѣ Онъ не научилъ бы вѣрующихъ въ Него, какими словами должно молиться Отцу небесному; самъ не выражалъ бы словами своихъ молитвенныхъ чувствъ и не возводилъ бы при этомъ очей своихъ на небо (Іоан. 17, 1), не повергался бы ницъ, молясь въ саду Геосиманскомъ (Мат. 26, 37), не установилъ бы таинствъ крещенія и ехаристіи съ чувственными обрядовыми принадлежностями. Стало-быть поклоненіе Богу духомъ, заповѣданное Христомъ, отнюдь не исключаетъ чувственнаго служенія Ему словами и тѣлесными дѣйствіями, а только должно проникать и одухотворять ихъ. Истинный поклонникъ Отцу небесному не только стремится къ общенію съ Нимъ однимъ умомъ, богомысліемъ, внутреннимъ молитвеннымъ настроеніемъ, но и къ внѣшнимъ дѣйствіямъ богопочтенія относится духовно. Такъ осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ, онъ возносится мыслію къ Распятому за насъ и вѣрою въ Его искупительную жертву возбуждаетъ въ себѣ дерзновеніе молитвы. Преклоняя колѣни предъ Господомъ, онъ исповѣдуетъ свою виновность предъ Нимъ и выражаетъ сердечное сокрушеніе. Поставляя или видя свѣчу предъ иконою, онъ возноситъ къ Богу духъ горящій любовію къ Нему и готовый на подвиги самоотверженія изъ любви къ Нему. Съ кадильнымъ дымомъ восходящимъ кверху воспаряетъ къ небу его молитва. Въ чтеніи, которому онъ внимаетъ въ церкви, онъ ищетъ свѣта для ума, въ пѣснопѣніяхъ церковныхъ — сладости для сердца. Къ пріятію благодати таинствъ онъ уготовляетъ себя подвигами самоиспытанія, смиренія, сердечнаго сокрушенія, и всецѣло отверзаетъ свой духъ къ усвоенію ея.

Вопроси себя, христіанинъ, ревнуешь ли объ угожденіи Богу *службою въ душъ*, которую Христосъ *преджи-вописалъ* (предначерталъ) *тебѣ* въ бесѣдѣ съ самарянкой? Чувствуешь ли живѣйшую потребность благословлять

устаи и духомъ Господа, дивныя дѣла Его всемогущества, благодати и премудрости, на всякомъ мѣстѣ владычества Его, особенно же въ храмахъ, въ которыхъ Онъ особенно приближается къ человѣку своею благодатию? Радуеться ли, когда тебѣ скажутъ: въ домъ Господень поидемъ? Отрѣшается ли въ храмъ духъ твой отъ земныхъ пристрастій и заботъ, и воспаряетъ ли къ Отцу небесному на крыльяхъ богомыслия и молитвы? Не преслѣдуютъ ли тебя и въ храмѣ, этомъ земномъ небѣ, житейскія попеченія, и присутствіе въ храмѣ не наводитъ ли на тебя одну скуку? Или не ходишь ли въ храмъ для одного любопытства и развлеченія, безъ жажды духовнаго общенія съ Господомъ? Твое богопочтеніе не ограничивается ли одними внѣшними знаками благочестія, безъ духовнаго горѣнія, безъ духовнаго подвига?—Горе тебѣ, если ты не навикъ къ духовной службѣ, предназначенной тебѣ Христомъ! Но горе и въ томъ случаѣ, если впадаешь въ противоположную крайность,—если мечтаешь угодить Богу однимъ духовнымъ служеніемъ и пренебрегаешь участіе во внѣшнемъ богослуженіи, тѣлесные подвиги благочестія! — Бойся той и другой крайности. Служи Богу всѣмъ существомъ твоимъ—духомъ и вмѣстѣ тѣломъ.

Прот. В. Нечаевъ.

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

LXXXVI.

Безъ любви къ Богу и ближнимъ спастись нельзя.

(Изъ слова отъ Патерика, вопросъ тріехъ монаховъ духовнаго отца о дѣтелехъ, яже безъ милости и безъ любви. Пролъ Генв. 20 л. 568)

Господь сказалъ: возлюбиши Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твою, и всю мыслью твою. Сія сть первая и большая заповѣдь. Вторая же подобна ей: возлюбиши искренняга твоего, яко самъ себе (Мѣ. 22, 37—39). Эти слова ясно показываютъ, что любовь къ Богу и любовь къ ближнему нераздѣльны между собою и что первая весьма недостаточна безъ послѣдней; а между тѣмъ многіе полагаютъ, что они и безъ любви къ ближнимъ спасутся и что довольно съ нихъ доказать свою любовь къ Богу постомъ, молитвами и другими подвигами, касающимися только ихъ однихъ. Подобные люди ошибаются: кто не имѣетъ любви къ ближнему, тотъ не имѣетъ и любви къ Богу и такимъ образомъ ему никогда не спастись.

Нѣкогда три инока, не имѣвшіе въ сердцѣ своемъ любви къ ближнимъ, пришли къ одному опытному въ духовной жизни старцу и стали хвалиться своими дѣлами. Первый сказалъ: «я выучилъ наизусть весь ветхій и новый завѣтъ; что мнѣ будетъ за это?» Старець отвѣчалъ: «воздухъ ты наполнилъ словами, а всѣтаки пользы тебѣ отъ твоего труда нѣтъ». За первымъ второй приступилъ и тоже спросилъ: «а я, отче, все Священное Писаніе переписалъ для себя!» Старець сказалъ: «и тебѣ нѣтъ пользы» Тогда третій воскликнулъ: «а я, отче, чудеса тво-

рю!» «И тебѣ нѣтъ пользы», сказалъ и этому старецъ, «ибо и ты любовь отгналъ отъ себя». Потомъ обратившись ко всѣмъ, сказалъ: «если хотите спастись, имѣйте ко всѣмъ любовь и милости прилежите, и тогда спасетесь».

Итакъ, бр., знайте, что кто не имѣетъ любви къ ближнимъ, въ томъ нѣтъ и любви къ Богу и такой человѣкъ не спасется. *Аще кто речетъ, говоритъ возлюбленный ученикъ Христовъ, яко люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, ложь есть: ибо не любяй брата своего, еоже видь, Бога, еоже не видь, како можетъ любити? И сію заповѣдь имама отъ Бога, да любяй Бога, любитъ и брата своего* (1 Іоан. 4, 20. 21). Амиць.

LXXXVII.

Вънецъ любви къ ближнимъ.

(Память Павлина епископа, иже изда все имѣніе свое въ мплотыню, и послѣди самся на проданіе вдаде цоганымъ. Прол. Генв. 23. л. 576).

Вънецъ любви къ ближнимъ есть полагать за нихъ душу свою. *Больши вся любве*, говоритъ Спаситель, *никтоже иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя* (Іоан. 15, 13). Что же значитъ полагать душу свою за други своя? То, чтобы въ случаѣ нужды быть готову на всякіе подвиги самоотверженія. Жизнь потребуется, жизнь отдай; свобода, свободу; имущество, и имущества лишись. Однимъ словомъ, будь готовъ жертвовать имъ всѣмъ, не исключая и самого себя. Васъ, бр., удивляетъ это? Не удивляйтесь. Нынѣ, правда, можетъ быть не найдется такихъ людей, по прежде бывали. И вотъ смотрите, до чего иногда простиралась къ ближнимъ любовь ихъ.

Св. Павлинъ, епископъ Ноланскій, на искушеніе своихъ соотечественниковъ изъ плѣна у Вандаловъ роздалъ все свое имѣніе и остался безъ всего рѣшительно. Въ

это время является къ нему одна вдова и просить, чтобы онъ далъ ей денегъ на выкупъ изъ плѣна сына ея. Угодникъ Божій обыскалъ всѣ углы своей келліи, думая найти что вибудь, но не нашель ничего. Выйдя къ просительницѣ, онъ сказалъ: «Повѣрь, что дать тебѣ на выкупъ сына твоего мнѣ нечего, кромѣ самого себя. И потому, если хочешь, меня, какъ раба, за сына продай, а его возврати». Вдова приняла было слова епископа за насмѣшку, но онъ убѣдилъ ее въ искренности ихъ, и оба пошли во Фракію къ зятю царя Вандальскаго, князю, у котораго сынъ вдовы былъ въ плѣну. Встрѣтивши князя, скорбная мать сначала, не упоминая о Павлинѣ, пала къ ногамъ его и стала просить, чтобы онъ сжалился и отпустилъ единственнаго сына ея. Но когда слезы и мольбы не помогли, она указала на святаго и стала просить князя, чтобы онъ обмѣнилъ на Павлина сына ея. Благообразное лице святителя понравилось князю, и онъ спросилъ Павлина: «Знаешь ли какое нибудь ремесло?» «Не знаю, былъ отвѣтъ, и могу только воздѣлывать огородъ». Тогда зять царскій оставилъ его у себя, а сына вдовѣ возвратилъ. И вотъ Архіерей Божій огородникомъ сдѣлался: выращивалъ овощи, подавалъ ихъ къ столу господина своего и въ такой службѣ долгое время пребылъ. Зять царскій весьма любилъ его и часто съ нимъ бесѣдовалъ. Однажды во время бесѣды святитель сказалъ ему: «я слышалъ, что ты въ путь собираешься. Не ходи; ибо въ настоящее время тебѣ надобно не о путешествіи заботиться, а о томъ, чтобы удержать за собою престолъ царскій. Знай, что царь скоро внезапно умретъ и тогда, если не будетъ тебя здѣсь, не ты, а другой сдѣлается царемъ». Слова эти поразили зятя царскаго и онъ передалъ ихъ царю. Выслушавши ихъ, послѣдній сказалъ: «я хочу видѣть того, кто тебѣ говорилъ это». Князь отвѣчалъ: «я сегодня во время обѣда пришлю его къ тебѣ»; и затѣмъ лично повелѣлъ Павлину принести овощи къ столу царскому. Павлинъ явился. Царь, увидавши его, ужа-

снулся. Призвавъ къ себѣ зятя, онъ сказалъ: «что тебѣ сказалъ про меня рабъ твой, то истина. Узнай, что я сегодня во снѣ увидѣлъ судъ надъ собою, и на этомъ судѣ, гдѣ были и всѣ вельможи мои, выше всѣхъ сидѣлъ сей. Судъ же надо мной кончился тѣмъ, что у меня отнята была царская власть моя. Спроси его: кто онъ? Я не думаю, чтобы онъ былъ изъ простаго званія; ибо я видѣлъ его облеченнымъ въ высокій санъ». Тогда князь, отозвавши Павлина въ уединенное мѣсто, сталъ заклинять его, чтобы онъ открылъ ему свое званіе. Павлинъ сначала уклонялся отъ отвѣта, по наконецъ открылъ, что онъ Епископъ. Со страхомъ и съ великимъ смиреніемъ князь послѣ сего поклонился ему и предложилъ просить у него чего хочетъ. Павлинъ испросилъ свободу всѣмъ плѣнникамъ своего города и съ ними съ торжествомъ и радостію возвратился домой.—Не слѣдуетъ умолчать, что пророчество его о смерти царя вскорѣ сбылось.

Такъ вотъ что значить, бр., душу свою за други своя полагать! Тяжелъ конечно и едва выносимъ подобный подвигъ, но за то и награда за него велика. Такая самоотверженная любовь имѣетъ великую цѣну въ очахъ Божиихъ. Милость хвалится на судѣ (Іак. 2, 13); она покрываетъ множество грѣховъ (1 Петр. 4, 8); и наконецъ уготовляетъ милостивымъ мѣсто тамъ, гдѣ и самъ Господь будетъ (Іоан. 12, 26). Аминь. •

Священникъ Викторъ Гурьевъ.

ОТЧЕТЪ

по Братству св. Петра митрополита за
1880 годъ,

читанный секретаремъ Совѣта въ общемъ собраніи членовъ
21 декабря 1880 года.

Восьмой разъ имѣю я честь являться предъ вами съ годичнымъ отчетомъ дѣятельности Братства св. Петра митрополита. Съ каждымъ годомъ въ этихъ отчетахъ приходилось все больше и больше говорить о трудахъ Братства по изданію и распространенію сочиненій, направленныхъ противъ раскола, такъ что теперь уже, можно сказать, самую жизнь Братства опредѣлилось, что именно въ этомъ состоитъ и должна состоять главная его задача и главная заслуга для православной Церкви. Правда, нѣкоторые, хорошо извѣстные вамъ члены Братства не прекращали и въ истекшемъ году своихъ обычныхъ трудовъ по веденію устныхъ, живыхъ бесѣдъ съ старообрядцами; современемъ, при измѣнившихся къ лучшему условіяхъ, быть можетъ получить больше развитіе дѣятельность Братства и въ этомъ отношеніи, чего разумѣется нужно желать и что можетъ быть достигнуто лишь посредствомъ умноженія или обновленія личнаго состава Братства новыми, способными къ этому роду дѣятельности силами. Теперь же, повторяю, дѣятельность Братства была направлена главнымъ образомъ къ изданію и распространенію противураскольническихъ сочиненій, что, какъ я сказалъ сейчасъ, сдѣлалось его главною задачей. Отчетомъ объ этой его дѣятельности въ истекшемъ году мнѣ и предстоитъ занять ваше благосклонное вниманіе.

Но прежде всего прошу позволенія сказать нѣсколько объяснительныхъ словъ о двухъ порученіяхъ, по довѣрію Братства возложенныхъ лично на меня.

Въ отчетѣ за 1879 годъ уже было объяснено, что составленное мною по порученію Совѣта предисловіе къ изданію соборныхъ дѣяній 1666 и 1667 гг., по разсмотрѣніи и одобреніи его Совѣтомъ, препровождено въ Святѣйшій Синодъ, которымъ собственно это дѣло и было возложено на Братство. Въ истекшемъ году Св. Синодъ

разсмотрѣлъ предисловіе и возвратилъ его Братству для напечатанія, при чемъ съ своей стороны предложилъ только подвергнуть исправленію, или исключенію одно мѣсто, не представляющее впрочемъ особенной важности, такъ что его исключеніе нисколько не измѣняетъ основной мысли, послѣдовательно раскрытой и проведенной въ предисловіи. Самое же изданіе и предисловія, и соборныхъ актовъ Св. Синодъ предписалъ сдѣлать отъ имени Братства св. Петра митрополита. Совѣтъ, съ дозволенія Его Высокопреосвященства, препроводилъ предисловіе для напечатанія въ Московскую Синодальную типографію. Такимъ образомъ это дѣло, давно лежавшее на обязанности Братства, приведено теперь къ окончанію. Будемъ желать и молиться, чтобы оно послужило на пользу св. Церкви, способствуя установленію и среди православныхъ, особенно же въ обществѣ единовѣрцевъ и глагольскихъ старообрядцевъ,—установленію тѣхъ правильныхъ понятій о большомъ Московскомъ соборѣ и произнесенныхъ имъ клятвахъ, которыя мы, по искреннему въ томъ убѣжденію, старались раскрыть въ предисловіи изъ самаго содержанія соборныхъ актовъ и которыя, къ нашему утѣшенію, призналъ правильными самъ святѣйшій Синодъ Православной Россійской Церкви.

Другое дѣло, по которому я долженъ войти въ личныя объясненія, есть изданіе «Матеріаловъ для исторіи раскола», благосклонно переданное вами подъ мою редакцію. Въ истекшемъ году слѣдовало издать шестой по порядку томъ «Матеріаловъ». Въ него, какъ вамъ уже извѣстно изъ предидущаго отчета *), должны войти сочиненія друга и вѣсть врага Аввакумова, бывшаго Благовѣщенскаго дьякона Ѳедора Иванова, который, по моему мнѣнію, есть лучшій послѣ Аввакума раскольническій писатель своего времени. Я сдѣлалъ по возможности полное собраніе его сочиненій, воспользовавшись для этого частію свитками Синодальной бібліотеки, въ которыхъ удалось найти нѣкоторыя, доселѣ остававшіяся неизвѣстными сочиненія дьякона Ѳедора, частію рукописными ихъ сборниками и списками нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сочиненій. Изъ сборниковъ по своей полнотѣ заслуживаетъ упоминанія нарочно выписанный мною изъ бібліотеки Казанской Духовной Академіи; лучшіе списки нѣкоторыхъ сочиненій дья-

*) См. март. книжку Душен. Чт. 1880 года.

кона Ѳедора найдены мною въ рукописяхъ нашего уважаемаго члена А. И. Хлудова: между ними заслуживаетъ особеннаго упоминанія старинный, очень замѣчательный списокъ Ѳедорова посланія къ сыну Максиму, чрезвычайно важнаго въ историческомъ и другихъ отношеніяхъ, изданіе котораго давно уже считалось очень нужнымъ. Собранныя мною, приведенныя въ порядокъ и сличенныя по разнымъ спискамъ сочиненія дьякона Ѳедора совсѣмъ уже напечатаны; мнѣ оставалось только написать предисловіе, какъ встрѣтились неотложныя дѣла, отвлекшія меня отъ этого занятія. Такимъ образомъ, къ моему крайнему сожалѣнію, я лишень возможности представить нынѣ нашему вниманію вполне отпечатанный шестой томъ «Матеріаловъ». Да послужить для меня нѣкоторымъ извиненіемъ за эту неисправность то обстоятельство, что упомянутыя неотложныя дѣла имѣютъ ближайшее отношеніе къ задачамъ нашего Братства, и слѣд., исполняя ихъ, я исполнилъ тоже братское дѣло. Надѣюсь однакоже, что въ началѣ наступающаго года шестой томъ «Матеріаловъ» непременно выйдетъ изъ типографіи, и съ Божіею помощію я буду имѣть возможность заняться приготовленіемъ къ изданію седьмаго тома, въ которомъ предполагаю помѣстить собраніе сочиненій инока Аврамія.

Перехожу теперь къ отчету объ издательской дѣятельности Братства. Въ этомъ отношеніи 1879 годъ замѣчателенъ былъ тѣмъ, что Братство издало двѣ очень нужныя, очень большія и очень цѣнныя книги: «Выписки А. И. Озерскаго» и особенно—«Собраніе сочиненій архим. Павла». Истекшій же 1880 годъ замѣчателенъ обиліемъ изданныхъ Братствомъ маленькихъ книжекъ, распространеніе которыхъ такъ удобно и такъ полезно въ цѣляхъ Братства. Въ самомъ дѣлѣ, ни въ одинъ еще годъ Братство не издавало ихъ такъ много и въ такомъ количествѣ экземпляровъ, какъ въ истекшемъ теперь году. Именно же на счетъ Братства издано 17 разныхъ книжекъ и частію листовъ, кромѣ того на частныя средства нѣкоторыхъ членовъ Братства еще 6 книжекъ и листовъ, такъ что въ общей сложности поступило въ истекшемъ году въ склады Братства 23 новыхъ изданія. Изъ этого числа только 8 книжекъ и листовъ напечатаны первымъ изданіемъ; остальные же 15 суть лишь повторенія прежнихъ изданій. Изъ новыхъ сочиненій, изданныхъ Братствомъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія составленный трудами іером. Фила-

рета при содѣйствіи о. архимандрита Павла сборникъ «Свидѣтельство о древности перстосложенія именовсловаго и троесперстнаго», и того же автора книжка: «Были ли и остался ли преданъ строобрядчеству митрополитъ Амвросій». Братству также угодно было напечатать и вновь обработанную мною статью: «Разсмотрѣніе содержания глоголемыми старообрядцами ученія о мнимомъ неправославіи греческой церкви». А для новаго, втораго изданія были выбраны тѣ изъ преждеизданныхъ Братствомъ книжекъ, которыя, за распродажею и раздачею ихъ оставались въ самомъ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Уже это самое, что въ нихъ ощутишь крайній недостатокъ, что онѣ разошлись такъ успѣшно, указывало настоящую нужду новаго ихъ изданія и вмѣстѣ служило залогомъ, что и это новое изданіе будетъ имѣть не меншей успѣхъ чѣмъ первое. Вообще повтореніе прежнихъ изданій, быстро распространившихся и достоинство которыхъ чрезъ это самое уже признано самими читателями, слѣдуетъ считать дѣломъ не менѣе, если еще не болѣе, полезнымъ въ цѣляхъ Братства, какъ и печатаніе новыхъ сочиненій. Поэтому издательская дѣятельность Братства за истекшій годъ заслуживаетъ полнаго вниманія и уваженія. Изъ напечатанныхъ теперь вторымъ изданіемъ, самое значительное по объему и содержанию есть сочиненіе іером. Филарета: «Разборъ отвѣтовъ на вопросы, поданные въ старообрядческой Духовный Совѣтъ» извѣстными членами Бѣлокриницкой іерархіи предъ ихъ присоединеніемъ къ церкви, и еще заслуживаетъ упоминанія его же сочиненіе «Старопечатный Номоканонъ» со свидѣтельствомъ о числѣ просфоръ на проскомидіи. Особенно же явилась надобность сдѣлать новое изданіе разныхъ мелкихъ статей о. архим. Павла: ихъ напечатано 8, и въ томъ числѣ довольно значительная даже по объему книжка: «Бесѣды о пророкахъ Іліи и Энохѣ и объ антихристѣ»,—сочиненіе въ высшей степени замѣчательное по полнотѣ и обстоятельности разсмотрѣнія и по общедоступности изложенія этого важнѣйшаго въ безповскомъ ученіи вопроса.

Всѣ прошлогоднія Братскія изданія напечатаны крупнымъ и четкимъ славянскимъ шрифтомъ, въ одинаковомъ принятѣмъ для нашихъ изданій, маломъ форматѣ, и нѣкоторыя снабжены рисунками, какъ наприм. «Разборъ отвѣтовъ», «Тринадцать вопросовъ о церкви» Егора Антонова и

«Свидѣтельства о древности перстосложенія именовсловаго и троеперстнаго». Къ этой послѣдней книжкѣ приложенъ точный снимокъ съ замѣчательной по своей древности чудотворной иконы Спасителя, находящейся въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ; въ виду особенной важности этого снимка для показанія старообрядцамъ несомнѣнной древности и правильности именовсловаго перстосложенія, онъ сверхъ того напечатанъ еще для продажи и раздачи на особыхъ, отдѣльныхъ листахъ. Каждой книжки печаталось обыкновенно по четыре завода, т.-е. по 4800 экз.; а тѣ изъ нихъ, на которыя предполагались особенно большія требованія, напечатаны и въ гораздо большемъ количествѣ, притомъ одновременно и книжками и листами. Такъ упомянутыя «Свидѣтельства о древности» перстосложенія напечатаны въ количествѣ 10,000 книжекъ и 8013 листовъ; еще извѣстной «Записки», подапной собору раскольниковъ архіерсвѣ И. Ѳ. Андреевымъ съ товарищи, напечатано 3000 книжекъ и 2100 листовъ, а весьма замѣчательныхъ «Вопросовъ о церкви и священствѣ», Егора Антонова — 3000 книжекъ и 7000 листовъ. Кромѣ того, на счетъ Никольскаго Единовѣрческаго монастыря издапа статья о вѣчности церкви въ количествѣ 10.000 листовъ и 5000 книжекъ, также статья о пророкахъ Іліи и Энохѣ въ количествѣ 10,700 листовъ. А достоуважаемому А. И. Хлудову угодно было напечатать на свой счетъ въ количествѣ также 10,000 экземпляровъ книжку: «Раскольниковъ соборъ въ Москвѣ, бывшій во второй половинѣ октября 1879 года» *). Общее же число изданныхъ на счетъ Братства книжекъ и листовъ простирается до 95,313 экз. и на частныя средства 50,100; а всего поступило въ склады Братства для продажи и раздачи вновь изданныхъ въ теченіе года книжекъ и листовъ 145,413 экз. Достоинно и праведно воздать благодареніе Богу за такой успѣхъ издательской дѣятельности Братства въ истекшемъ году!

Но не въ одномъ изданіи книгъ состоитъ обязанность Братства въ отношеніи къ той задачѣ, о которой я веду рѣчь; другую существенно важную ея половину составляетъ распространеніе изданныхъ книгъ среди народа, между православными и старообрядцами. Съ утѣшеніемъ

*) Кромѣ того членъ Братства о. І. Г. Виноградовъ издалъ на особомъ листѣ, въ количествѣ 10,000 экз. статью противъ безпоповства.

и съ благодарностію къ Богу мы имѣемъ возможность сказать, что и здѣсь успѣхи Братства въ минувшемъ году были такъ велики, какъ никогда прежде. Не утомляя вашего вниманія подробностями, которыя вы найдете въ приложеніяхъ къ отчету, когда онъ будетъ напечатанъ *), считаю достаточнымъ сказать, что въ теченіе года продано и безвозмездно роздано Братствомъ своихъ собственныхъ изданій и изданныхъ другими книгъ о расколѣ (а также по присланнымъ въ Братство просьбамъ разослано книгъ единовѣрческой печати и старопечатныхъ) всего 39.240 экз. Замѣчу еще, что въ этомъ количествѣ книги и листы розданные безмездно составляютъ почтенную цифру—9800 экз. Такъ наше Братство самымъ дѣломъ оправдываетъ свое намѣреніе и предназначеніе—заботиться не о приобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ отъ изданія и продажи книгъ, хотя эти средства и очень нужны ему для продолженія той же самой просвѣтительной и благотворительной дѣятельности, а единственно о томъ, чтобы распространять ихъ въ наибольшемъ количествѣ среди народа. Иногда книги выдаваемы были безмездно въ довольно значительномъ количествѣ разнымъ лицамъ, обратившимся изъ раскола, противураскольническимъ Братствамъ и миссіонерамъ, какъ наприм. снабжены безмездно книгами новообратившійся изъ раскола, пчѣ единовѣрческой майноской священникъ Іоаннъ Васильевъ при отправленіи его обратно въ Турцію, новоучрежденное во Владимірѣ Братство св. Александра Невского, преосвящ. Камчатскій Мартивіанъ и др. Значительное количество книгъ было роздано также въ церкви Чудова монастыря послѣ совершенныхъ тамъ двухъ присоединеній изъ раскола—В. Ѳ. Можяева и И. Ѳ. Андреева. И такъ нашимъ Братствомъ въ теченіе года распространено, и преимущественно въ простомъ народѣ, болѣе 39,000 экз. разныхъ книгъ, книжекъ и листовъ, содержащихъ вразумленіе людямъ, сѣдящимъ во тьмѣ раскола, и предостереженіе православнымъ отъ увлеченія въ расколъ! Чему же мы обязаны этимъ успѣхомъ, какъ не Божію благословенію, видимо почіющему на нашемъ смиренномъ Братствѣ? Чѣмъ иначе объяснимъ мы, что оно, не трубя о себѣ, пребывая и трудясь почти въ безвѣстности, сдѣлалось однакоже центромъ, куда обращаются изъ всѣхъ

*) См. Прилож. подъ № 1.

иногородныхъ противураскольническихъ Братствъ и от-
всюду, гдѣ силенъ расколъ и гдѣ есть люди, желающіе
ему противодѣйствовать, обращаются за совѣтами и осо-
бенно за полученіемъ нужныхъ имъ книгъ? А это и есть
одна изъ причинъ все болѣе и болѣе расширяющагося
распространенія чрезъ Братство сво собственныхъ изда-
ній и другихъ книгъ о расколѣ. Но слѣдуетъ съ при-
знательностію упомянуть и о лицахъ, много содѣйствовав-
шихъ и содѣйствующихъ этому успѣху. Такъ еще разъ
мы должны принести благодарность преосвященному Ам-
вросію за доставленіе намъ возможности имѣть свою
Братскую книжную лавку.—Для Москвы, а частію и для
прѣзжихъ въ Москву, она уже сдѣлалась наиболѣе удоб-
нымъ и доступнымъ мѣстомъ, откуда они получаютъ
Братскія изданія и другія книги: въ теченіе минувшаго
года въ ней продано разныхъ книгъ, книжекъ и листовъ
около 12.000 экз. Весьма значительною долей этого успѣха
наша книжная лавка, безъ сомнѣнія, обязана искусству,
опытности и сердечной преданности своему дѣлу завѣ-
дующаго ею Егора Антонова, о которомъ также нельзя
не упомянуть здѣсь съ благодарностію: онъ, по истинѣ,
смотритъ на свое дѣло, какъ на способъ служенія цер-
кви, и смотритъ, безъ сомнѣнія, вполне справедливо *).
Остается, наконецъ, упомянуть съ признательностію о
тѣхъ достопочтенныхъ трудолюбцахъ, которые съ самаго
основанія Братства приняли на себя и несутъ доселѣ
трудныя обязанности по сношеніямъ съ типографіею, за-
вѣдыванію складомъ Братскихъ изданій, ихъ разсылкѣ во
всѣ мѣста, откуда поступаютъ на нихъ требованія, и ве-
дутъ всѣ денежные счета и отчеты по изданію и про-
дажѣ книгъ,—о достопочтенныхъ братіяхъ Никольскаго
монастыря о. Филаретѣ и о. Ипполитѣ. Первый изъ нихъ,
кромѣ того, съ рѣдкимъ усердіемъ и знаніемъ дѣлаетъ
дѣло, которое едва ли кто изъ насъ въ состояніи былъ
бы сдѣлать такъ, какъ онъ: онъ держалъ корректуру всѣхъ
изчисленныхъ мною Братскихъ изданій за прошедшій
годъ. Кто знаетъ, чтó такое корректура славянскаго на-

*) Долгомъ поставляемъ упомянуть еще съ признательностію о
другомъ подобномъ труженикѣ, нижегородскомъ миссіонерѣ И. П.
Ламакинѣ: разѣзжая для собесѣдованій со старообрядцами по Ниже
городской епархіи, онъ распространяетъ Братскія изданія въ весь
ма большемъ количествѣ (въ истекшемъ году онъ выписалъ книгъ
изъ Братства на сумму свыше 700 р.).

бора, тотъ пойметъ всю трудность этого дѣла и важность этой его услуги Братству.

Изданіе сочиненій о расколѣ и особенно распростра-неніе ихъ въ такомъ большомъ количествѣ, служащее показаніемъ, что въ народѣ, и въ православныхъ, и въ старообрядцахъ, возбуждено къ нимъ вниманіе, возбуждена охота читать ихъ,—это есть дѣло великой важности, даже, можно сказать, важнѣе устныхъ бесѣдъ со старообрядцами, хотя и эти послѣднія имѣютъ несомнѣнно важное значеніе: ибо, по замѣчанію святителя Ростовскаго Димитрія, «устная бесѣда близъ токмо слышится, а яже писанію предаются, та и въ концы вселенныя происходятъ; устно реченное слово скоро отъ памяти человѣческія отъемлется, писанное же незабвенно пребываетъ» (Роз. XII, об.). И мы уже имѣемъ положительныя данныя утверждать, что изданныя и распространенныя Братствомъ сочиненія принесли и приносятъ свои плоды: во многихъ умахъ и сердцахъ, зараженныхъ расколомъ, успѣли положить сѣмя сомнѣнія относительно правоты раскола и расположеніе къ общенію съ церковію; многихъ бывшихъ въ расколѣ и совсѣмъ уже привели въ лоно православія, а для православныхъ, имѣющихъ сношенія со старообрядцами, дали руководство и пособіе къ успѣшнымъ съ ними бесѣдамъ. Случается слышать въ видѣ упрека Братству или въ видѣ сомнѣнія относительно полезности его существованія вопросъ: почему въ нашихъ отчетахъ не говоримъ мы, сколько приходится Братству ежегодно обратить старообрядцевъ къ православію? Братство слѣдуетъ слову Апостола Павла: *похвалитися не пользуетъ ми* (2 Кор. 12, 1). Да и можно ли только примѣрами обращеній изъ раскола измѣрять степень пользы, какую Братство приноситъ церкви православной? Впрочемъ, еслибы мы рѣшились, не ради самовосхваленія, а ради полученія духовнаго утѣшенія за трудъ и къ вящшему возбужденію въ себѣ благодарныхъ чувствъ къ Виновнику всѣхъ благъ, еслибы, говорю, рѣшились исчислить, сколько со времени открытія Братства совершено присоединеній въ одномъ Никольскомъ монастырѣ (что и надѣемся сдѣлать современемъ), то, полагаю, ихъ оказалось бы вполнѣ достаточно, чтобы всякаго сумнящагося убѣдить въ несомнѣнной благоплодности нашего Братства. Притомъ же здѣсь важно не количество только, но и качество. Присоединялись большею частію люди, такъ сказать, передовые въ старообрядче-

ствѣ, способные имѣть вліяніе на другихъ и дѣйствительно явившіеся проповѣдниками православія среди бывшихъ одновѣрцевъ своихъ. Здѣсь напомяну только о недавнихъ обращеніяхъ къ церкви И. Θ. Андреева, В. Θ. Можаяева и другихъ лицъ, вмѣстѣ съ ними подавшихъ Антонію Шутову и существу съ нимъ собору извѣстную записку о своихъ сомнѣніяхъ относительно нынѣшней старообрядческой іерархіи. Вся исторія ихъ сношеній съ Антоніемъ и антоніевскимъ богословомъ Онисимомъ Швецовымъ, равно какъ и обстоятельства ихъ присоединенія къ церкви, у васъ еще въ свѣжей памяти. Считаю нужнымъ только заявить, что все это дѣло велось при ближайшемъ участіи нашего Братства и останется однимъ изъ отрадныхъ воспоминаній объ его дѣятельности на пользу православной церкви.

Теперь нѣсколько отчетныхъ словъ о положеніи матеріальныхъ средствъ Братства.

Само собою разумѣется, что если въ истекшемъ году Братство сдѣлало столько изданій и въ такомъ количествѣ, какъ никогда прежде, то и расходы нынѣшняго отчетнаго года были несравненно значительнѣе, чѣмъ когда либо прежде. На бумагу и въ уплату типографіямъ употреблено болѣе 4600 р., а всѣхъ расходовъ по Братству значитъ около 5100 р. Наличный же капиталъ Братства, оставшійся отъ прошлаго года и вырученный за книги, не составляетъ и 3000 р. *); сумма Братскихъ взносов, которые еще не приведены въ извѣстность, конечно не будетъ особенно значительна **). Положеніе Братства въ разсматриваемомъ отношеніи было бы такимъ образомъ весьма печально и въ настоящемъ, и въ будущемъ, еслибы Братство не имѣло человѣка, который съ рѣдкимъ усердіемъ и съ рѣдкою щедростію всегда восполнялъ и готовъ восполнять его скудость. Наше Братство съ самаго учрежденія своего и до сей минуты такъ много обязано ему, такъ тѣсно связано въ своемъ суще-

*) Подробную вѣдомость прихода и расхода по Братству см. въ прилож. подъ № 3.

***) Списокъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованія на Братство, см. въ прилож. № 2. По милости Божіей, пожертвованія оказались, сверхъ ожиданія, значительнѣе прошлогоднихъ. Братство долготъ поставляеть принести благодарность отцу А. Θ. Некрасову, пожертвовавшему на нужды Братства билетъ Москов. Кредит. Общества въ 100 р. сер., и о. діакону И. Н. Бухареву, пожертвовавшему непрерывно-доходный билетъ также во 100 р.

ствованіи съ его именемъ, что если потомство съ уваженіемъ и благодарностію вспомнить о дѣятельности Братства на пользу церкви, то при этомъ съ такой же признательностію и благодарностію вспомнить и объ немъ. Я не называю лице и потому, что оно всѣмъ вамъ извѣстно, и потому, что оно рѣшительно не желаетъ извѣщеній благодарности. Впрочемъ позволю себѣ сказать въ заключеніе, что въ будущемъ намъ Братство питаетъ надежду на обезпеченіе своихъ матеріальныхъ средствъ и независимо отъ частной благотворительности, и въ этомъ смыслѣ болѣе твердое и постоянное. Говоря это, я имѣю въ виду уже начатое дѣло о передачѣ Троицкой Единовѣрческой типографіи въ вѣдѣніе Никольскаго Единовѣрческаго монастыря какъ для обезпеченія самаго монастыря, доселѣ совсѣмъ необезпеченнаго, такъ и для обезпеченія столь же мало обезпеченнаго Братства св. Петра митрополита, съ которымъ монастырь, какъ центральное мѣсто его дѣятельности, соединенъ ближайшимъ образомъ. Правда, люди, лично заинтересованные въ томъ, чтобы типографія осталась на прежнемъ положеніи, т.-е. въ ихъ безконтрольномъ вѣдѣніи и распоряженіи, воздвигаютъ всевозможныя препоны рѣшенію этого дѣла въ желаемомъ нами смыслѣ; но мы вѣруемъ и надѣемся, что правда восторжествуетъ, что часть типографскихъ доходовъ, безъ всякаго нарушенія чьихъ либо законныхъ правъ и интересовъ, будетъ законнымъ порядкомъ предоставлена на потребности нашего Братства. По крайней мѣрѣ этого не могутъ не желать всѣ, кто цѣнитъ сколько нибудь труды Братства на пользу церкви, а слѣд. желаетъ блага и самой церкви, боримой расколомъ.

Н. Субботинъ.

По прочтеніи Отчета, когда, согласно § 26 надлежало приступить къ избранію лицъ въ составъ Совѣта на 1881 г., Преосвященный Амвросій, почтившій собраніе Братства своимъ присутствіемъ, предложилъ просить прежнихъ членовъ Совѣта остаться при своихъ обязанностяхъ еще на годъ. Предложеніе это было поддержано всѣми присутствовавшими, и Совѣтъ Братства на 1881 г. остался по прежнему въ слѣд. составѣ: предсѣдатель архимандритъ Веніаминъ, помощникъ предсѣдателя архимандритъ Павелъ, члены: протоіерей В. П. Нечаевъ, іеромонахъ Филаретъ, священникъ І. Г. Виноградовъ, священникъ С. Г. Вишняковъ, А. И. Хлудовъ (казначей), Н. И. Субботинъ (секретарь), П. М. Смирновъ, Е. Т. Смирновъ.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

1. Списокъ проданныхъ въ 1880 г., розданныхъ безмездно и остающихся на лицо братскихъ изданій и другихъ книгъ о расколѣ *).

№	НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Прода- но.	Розда- но.	Остает- ся.
1	Истинно-древняя и истинно-православная Христова церковь. Соч. митр. Григорія.	200	11	1240
2	Выписки изъ старописьменныхъ, старопечатныхъ и другихъ книгъ, А. И. Озерскаго .	389	18	783
3	Собравіе сочиненій архим. Павла Отдѣльными книжками, его же:	753	—	1047
4	<i>Бесѣды о пророкахъ Іліи и Энохъ и о послѣднемъ антихристѣ</i>	509	55	4941
5	Записка о трехъ бесѣдахъ съ безпоповскими наставниками.	125	15	819
6	<i>Пояздка къ старообрядцамъ на Донъ въ 1878 году</i>	477	110	4213
7	<i>Записка о бесѣдѣ съ глал. старообрядцами, происходившей 15 іюля 1879 г.</i>	1584	800	4416
8	<i>Апокалипсическое видѣніе жены, бѣжавшей въ пустыню</i>	235	45	4520
9	<i>Различіе уставовъ о поклонахъ и церковномъ пѣніи</i>	263	40	4497
10	Отвѣтъ одному возражателю о клятвахъ соборныхъ	82	10	680
11	<i>Разсмотрѣніе свидѣтельствъ и святоподобій приводимыхъ безпоповцами въ защиту изгннмой церкви</i>	369	80	4701
12	<i>Слово на праздникъ Успенія пр. Богородицы.</i>	266	80	4347
13	<i>О желаемомъ глал. старообрядцами наименованіи „старообрядецъ“</i>	170	30	4600
14	<i>Замѣчанія на сдѣланное г. Зиковымъ описаніе бесѣды</i>	440	150	4210
15	Геросхимонаха Іоанна сказаніе объ обращеніи раскольниковъ.	4	—	110
16	Дѣяніе московскаго собора 1654 года.	65	7	461
17	Матеріалы для исторіи раскола: томъ I.	9	—	203
	„ „ „ „ „ II.	10	—	269
	„ „ „ „ „ III.	19	2	289
	„ „ „ „ „ IV.	17	2	291
	„ „ „ „ „ V.	8	6	328
18	Братское Слово за 1875 годъ.	1	1	76
	„ „ „ 1876 „	2	1	167
19	<i>Разсмотрѣніе содержимаго глал. старооб-</i>			

*) Книги, изданныя въ 1880 году, напечатаны курсивомъ.

№	НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Прода- но.	Розда- но.	Остава- ся.
20	<i>рядцами ученія о мнимомъ неправославіи Греческой церкви, Н. Субботина</i>	297	60	4443
21	Свидѣтельства древности о правильномъ начертаніи и произношеніи имени Христа Спасителя „Иисусъ“	339	65	1534
22	Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдова- ній по старопечатнымъ церк. книгамъ...	199	42	281
23	Чинъ литургіи св. Златоуста по изложенію старопечатныхъ, новоисправленнаго и дре- внеліписанныхъ служебниковъ.....	238	33	1002
24	<i>Старопечатный Номоканонъ и его свидѣ- тельство о числѣ просфоръ на проскомидіи.</i>	178	48	4865
25	Такъ называемое Феодоритово слово въ раз- ныхъ его редакціяхъ.....	60	28	1244
26	О брадобритіи. Сочин. іером. Филарета....	593	120	3650
27	<i>Объ осмомъ вѣкѣ, противъ ученія безпопов- цевъ о времени явленія антихриста.....</i>	743	85	4107
28	<i>Разборъ отвѣтовъ на вопросы, поданные въ старообрядческой „духовный совѣтъ“.....</i>	153	30	4817
29	<i>Быль ли и остался ли предѣлъ старообряд- честву митр. Амвросій.....</i>	920	80	4800
30	<i>О безпоповщинской исповѣди.....</i>	474	110	4618
31	О причащеніи, противъ безпоповцевъ	718	95	1934
32	Повѣствованіе о обращеніи къ св. церкви отъ поморскаго согласія Евдокіи Брониной.	789	135	2156
33	Современныя лѣтописи раскола, выпускъ пер- вый и второй	14	—	—
34	Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ собы- тій за 1871 г.	18	—	—
35	<i>Лѣтопись раскола за 1876—1879 г.</i>	55	25	2425
36	<i>Раскольническій соборъ въ Москвѣ въ 1879 г.</i>	300	3500	6200
37	<i>О вѣчности церкви Христовой и ея таинствахъ (на листѣ и книжкой).....</i>	3905	700	12024
38	<i>О прор. Іліи и Энохѣ и о послѣднемъ ан- тихристѣ (на листѣ).....</i>	3542	125	6970
39	Вопросы къ глаг. старообрядцамъ-поповцамъ (на листѣ).....	784	55	686
40	<i>Тринадцать вопросовъ о церк. и священствѣ, поданныхъ Епарохъ Антоновымъ глагол. арх. Антонию Шутову (на листѣ и книжкой).</i>	2325	500	7535
41	<i>Свидѣтельства о древности перстосложенія именословнаго и трооперстнаго (на ли- стѣ и книжкой)</i>	804	800	16409
42	<i>Записка о сомнѣніяхъ и недоумѣніяхъ, пода- нная нѣсколькими лицами изъ старообряд- цевъ въ соборъ ихъ именуемыхъ епископовъ (на листѣ и книжкой).....</i>	2963	1050	3078

№	НАЗВАНІЕ КНИГЪ.	Пропа- но.	Розда- но.	Остаег- ся.
42	Точный снимокъ съ чудотворной иконы Спасителя, находящейся въ Москов. Успенскомъ соборѣ	300	200	1500
43	Бесѣды къ глаголемому старообрядцу. Сочин. митр. Филарета.....	70	—	—
44	О церкви и таинствахъ. Синод. изданіе....	40	—	—
45	О влятвѣ собора 1667 года. Синод. изд....	101	—	—
46	Сборникъ бесѣдъ съ старообрядцами и другихъ сочиненій.....	15	—	—
47	Стоглавъ, изд. при Каз. Дух. Академіи	10	—	—
48	Бесѣды православнаго съ старообрядцемъ о перстосложеніи, изд. въ Кишиневѣ.....	61	1	—
49	Бесѣды съ старообрядцами, свящ. Твердынского	4	—	—
50	Историческій очеркъ Единовѣрія.....	10	—	—
51	Игум. Паренія: О промыслѣ Божиємъ.....	3	—	—
52	” ” ” Виноградъ церковный.....	46	—	—
53	” ” ” Вертоградъ духовный	57	—	—
54	” ” ” Возобличеніе поморскихъ отвѣтовъ.....	103	—	—
55	” ” ” Опроверженіе записки о русскомъ расколѣ.....	38	—	—
56	О необходимости священства (прот. безпоповцовъ) Предтеченскаго	16	—	—
57	Краткое руководство къ собесѣдованію съ глаг. старообрядцами. Сочин. протоіерея Кашменскаго.....	315	1	—
58	Замѣчанія на отвѣты поповцевъ неокружниковъ, А. Шашина.....	200	—	—
59	О Фодоритовомъ словѣ, свящ. Виноградова.	30	—	—
60	Ипполитово слово. Невоструева.....	5	—	—
61	Бесѣда съ старообрядцами въ г. Обоянѣ, іером. Прокопія (на листѣ).....	236	—	—
62	О таинствахъ причащенія, свящ. Виноградова (на листѣ)	250	—	—
63	Разныя сочиненія о Преображенскомъ кладбищѣ, Е. Сорокина	252	—	—
64	О присоединеніи Петра Юдина	100	—	—
65	О присоединеніи Василя Можяева.....	300	—	—
66	Объ алтаряхъ Рогожскаго кладбища.....	200	—	—

2. Списокъ лицъ, сдѣлавшихъ пожертвованіе на Братство
въ 1880 году.

	Руб.	
1. Александровъ Е.....	3	
Александровъ И. А.....	3	
Амвросій преосвящ. епископъ Дмитровскій.....	5	
Аеанасьевъ И. П.....	3	
5. Бабкинъ Я. П.....	5	
Бабуринъ Д. П.....	20	
Байбаковъ С. Н.....	5	
Безчастный	3	
Богаташевъ	3	
10. Боткинъ П. П.....	5	
Бриллиантовъ А. свящ.....	3	
Брянцевъ Н. И. прот. въ Спб.....	5	р. 50 к.
Булочкинъ А. М.....	10	
Бухаревъ И. Н. діакопъ.....	100	
15. Васильковскій. А. С.....	3	
Варадиновъ Н. В. въ Спб.....	5	
Веніаминъ архимандритъ.....	25	
Викторинъ преосвящ. епископъ Полоцкій.....	3	
Вишняковъ С. Г. свящ.....	3	
20. Владимірова С.....	3	
Герасимъ іеромонахъ.....	10	
Григорій високопр. архіеп. Калужскій.....	10	
Громовъ Е. М.	5	
Даниловичъ Г. Г.....	3	
25. Димитрій архим. ректоръ Тамб. сем.....	10	
Добрадинъ прот. ректоръ Полоцкой сем.....	6	
Дрожалинъ С. Т.....	5	
Дрябинъ И. Е.....	6	
Дрябинъ Н. И.....	5	
30. Дрябинъ А. И.....	3	
Дрябинъ М. И.....	3	
Дрябинъ К. И.....	3	
Ефремовъ В.....	3	
Зворыкинъ К. А.....	3	
35. Звѣздинскій І. свящ.....	3	
Зиновьевъ В. В.....	3	
Игнатьевъ Е. И.....	8	
Іустинъ преосвящ. епископъ Харьковскій.....	50	
Кротковъ П. И. свящ.....	3	
40. Кудрявцевы бр.....	3	
Кузнецовъ Е. Ѳ.....	3	
Лапшинъ Е. Г.....	3	
Леонидъ архим. намѣст. Тр. Лавры.....	5	
Лосевъ Л. В.....	5	

	Руб.	
45. Максимовъ Я. И.....	6	
Максимовы бр.....	3	
Модестъ архимандритъ.....	5	
Можаяевъ В. Ѳ.....	3	
Некрасовъ А. Ѳ. свящ.....	100	
50. Несторъ пресвящ, епископъ Аксайскій.....	5	
Нечаевъ В. П. протоіерей.....	3	
Никитскій о. протоіерей въ Спб.....	10	
Новиковъ В. И.....	3	
Ноздринъ И. А. (изъ Городца).....	30	
55. Павелъ архимандритъ.....	3	
Петровъ Е.....	3	
Петровъ І. свящ.....	3	
Поспѣловъ С. М. протоіерей (по сбор. кн).....	50	
Протопоповъ С. А.....	25	
60. Потаповъ В. Н.....	3	
Прошинъ Я. П.....	25	
Розановъ И. К.....	5	
Сергіевскій протоіерей, рект. Виѣанской сем....	5	
Синицынъ В. Ѳ.....	5	
65. Смирнова Т. Я.....	3	
Смирновъ А. В.....	3	
Смирновъ Е. Т. (по сбор. кн.).....	22	
Смирновъ Н. свящ.....	3	
Смирновъ П. М.....	10	
70. Стариченковъ В. И.....	5	
Субботинъ Н. И.....	3	
Третьяковъ П. М.....	5	
Уткинъ Л. П.....	3	
Хухлинъ В. Е.....	3	
75. Чечуринъ Н. В.....	3	
Шишковъ П. А.....	3	
Яшинъ А. протоіерей въ Выш. Волочкѣ.....	3	
Ѳедоровъ П. свящ. на Дону.....	10	
Ѳерапонтовъ А. Н.....	5	
80. Александровъ П.....	2	
Борисовъ А. П.....	2	р. 16 к.
Данилова Ю. Н.....	1	
Комаровъ Д. М.....	1	
Конаплевъ А. И.....	2	р. 16 к.
85. Остолоповъ Е. В.....	2	
Остолопова М. А.....	2	
Покровская Т. Г.....	1	
Пядышевъ П. М.....	1	
Соколовъ Н. М.....	—	50 к.
90. Соловьевъ Ѳ. діац.....	1	
Суворовъ И. П.....	2	
Шапошниковъ.....	2	

Итого..... 775 р. 32 к.

3. Вѣдомость прихода и расхода братскихъ суммъ за 1880 г.

а) ПРИХОДЪ.

Отъ 1879 г. оставалось.....	1631 р. 44 к.
Получено отъ продажи братскихъ изданій.....	1398 р. 32 к.
„ членскихъ взносовъ и пожертвованій...	774 р. 32 к.
„ изъ кружки.....	27 р. 40 к.
	<hr/>
Итого....	3832 р. 48 к.

б) РАСХОДЪ.

На покупку 253 стопъ бумаги разныхъ цѣнъ.....	1661 р. 56 к.
Въ Типографіи за печатаніе брат. изданій.....	3022 р. 44 к.
За печатаніе объявленій въ газетахъ.....	29 р. 45 к.
На почтовые и иные расходы.....	58 р. 32 к.
Въ вознагражденіе за труды по изданію и распро- страненію книгъ.....	356 р.
	<hr/>
Итого.....	5127 р. 77 к.

РЕЗОЛЮЦИИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1867, мая 25. «Указомъ св. Синода, отъ 15 февраля 1832 года, предписано было учреждать по возможности въ церквахъ библіотеки нужнѣйшихъ духовныхъ книгъ, при чемъ присланъ былъ и списокъ таковыхъ книгъ въ числѣ 38. Указъ и списокъ разосланы были по церквамъ для исполненія.

По взятымъ нынѣ, послѣ 35 лѣтъ отъ указа, свѣдѣніямъ, оказывается, что не только въ церквахъ сель и уѣздныхъ городовъ, но и въ церквахъ московскихъ, многихъ изъ означенныхъ въ списокѣ книгъ недостаетъ, такъ что въ нѣкоторыхъ находится на лицо только 13, а недостаетъ 25.

Причина недостаточнаго въ семъ успѣха заключается частію въ скудости многихъ церквей, частію въ томъ, что церковные старосты не охотно удѣляютъ на сіе церковныя деньги.

Но потребность церковной библіотеки настоятельна, какъ для поддержанія и возвышенія образованія приходскаго духовенства, такъ и для назиданія народа, и потому должна быть удовлетворена неотлагательно, хотя на первый разъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ.

Посему прежній списокъ книгъ пересмотрѣнъ и раздѣленъ на три разряда, съ тѣмъ, чтобы книги перваго разряда, преимущественно нужныя, немногочисленные, могли быть пріобрѣтены въ церкви въ скорѣйшее время, а потомъ постепенно и прочія, по мѣрѣ возможности.

Консистеріи

1) Списокъ книгъ назначаемыхъ въ составъ церковной библіотеки раздать по церквамъ, кромѣ домовыхъ и приписныхъ, не имѣющихъ причтовъ.

2) Предписать благочиннымъ, чтобы побуждали священниковъ пріобрѣтать въ церковь назначенныя книги, сначала поставленныя въ первомъ разрядѣ, а потомъ посте-

пенно и прочія, и къ сему располагать церковныхъ старость, для чего представлять имъ, что учрежденіе церковной библіотеки относится и къ пользѣ прихожанъ; потому что изъ отеческихъ книгъ могутъ быть читаемы поученія въ церкви, и нѣкоторыя книги, на примѣръ, житія святыхъ, прихожане могутъ читать или слушать чтеніе оныхъ въ домахъ членовъ причта въ праздничные дни.

3) Благочиннымъ предписать также, чтобы при обзорѣннй церквей въ концѣ текущаго года обратили вниманіе на состояніе церковныхъ библіотекъ, и донесли, въ которыхъ церквахъ составленіе библіотекъ идетъ преимущественно успѣшно, и которыя наиболѣе въ семъ отстали отъ другихъ, особенно при нескудномъ ихъ положеніи.

4) Поставить въ обязанность священникамъ, изъ имѣющихся въ церкви отеческихъ книгъ, избирать поученія, или краткія части поученій, соотвѣтствующія разумѣнію и потребному для прихожанъ назиданію; и въ праздничные дни, въ которые не произносятся собственныхъ поученій, читать оныя при Богослуженіяхъ въ установленное время.

5) Совѣтовать священникамъ и прочимъ членамъ причта въ праздничные дни учреждать въ домахъ чтеніе душеполезныхъ книгъ, къ слушанію которыхъ приглашать желающихъ изъ прихожанъ, въ чемъ нѣкоторыми священниками сдѣланы уже опыты съ добрыми успѣхами. Для сего книги (отеческія) существующія въ переводахъ славенскомъ и русскомъ надобно пріобрѣтать въ церкви, преимущественно въ русскомъ переводѣ».

1842, апр. 14. «1) Книга Іерузалема (*Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ религіи, въ 6 частяхъ*) и Часы благоговѣнія, въ подлинникахъ (*нѣмецкихъ*) содержатъ не мало ученія нечистаго, и въ переводахъ, мнѣ извѣстныхъ, не были достаточно очищены: то не могу одобрить введенія ихъ въ семинарію (*Виѣанскую*). 2) Рѣчи Цицерона купить можно.»

1840, авг. 8. «Сочиненіе (*Священная исторія ветхаго завета, Николаевскаго, что въ Воробинѣ, священника М. Г. Богданова*) не представляется обработаннымъ удовлетворительно. Изъ Церковно-Библейской ис-

торіи, писанной (*самимъ владыкою*) для слушателей, требовавшихъ богословскаго и изслѣдовательнаго взгляда на исторію, иное буквально перенесено въ сію книгу, назначаемую для слушателей не того же рода и степени. И тамъ, гдѣ сочиненіе ближе держится сказаній библейскихъ, не всегда сіе сдѣлано съ довольною разборчивостію и приспособленіемъ къ потребности слушателей. Впрочемъ не возбраняется, по исправленіи, какъ общаеть сочинитель, представить сочиненіе въ цензурный комитетъ, и подчинить его рѣшенію».

1849, авг. 27. «Слушавъ нѣкоторыя изъ сихъ музыкальныхъ сочиненій (*г - на Ламакина, учителя придворной пѣвческой капеллы, и князя Юрія Голицына*) и находя, что и одобряемое комитетомъ музыкальное положеніе стиха: *Нынѣ отпускаеши* (соч. Ламакина), по моему мнѣнію, не можетъ получить церковнаго одобренія, заключаю, что и всѣ сіи сочиненія не таковы, чтобы съ полнымъ убѣжденіемъ можно было произнести одобреніе ихъ къ употребленію въ церквахъ.»

1867, фев. 18. «Отъ г. Бостанджогло (*греческаго въ Москвѣ консула*) и нѣкоторыхъ участвующихъ съ нимъ была мнѣ представлена программа духовнаго концерта (*въ пользу христіанъ пострадавшихъ въ Кандіи*), и, уважая благотворительную цѣль сего предпріятія, далъ я согласіе на исполненіе онаго (*въ замѣ Россійскаго благороднаго собранія*) съ тѣмъ, чтобы приняты были мѣры, дабы духовное пѣніе слушаемо было съ соотвѣтственнымъ вниманіемъ, безъ употребленія свѣтскихъ выраженій удовольствія или неудовольствія со стороны слушающихъ.—Такъ отвѣтствовать (*г. оберъ-полицимейстеру*)».

1859, авг. 16. «Предписать по сему (*указу св. Синода отъ 7 августа, № 173*) окружно. Къ сему можно присокупить слѣдующее разсужденіе. Богу угодно, и для человѣка спасительно то воздержаніе, которое человѣкъ налагаетъ на себя и сохраняетъ по благоговѣнію къ Богу и заповѣдямъ Его, по желанію угодить Богу, охраненіемъ себя отъ всякой нечистоты духа и тѣла, также по долгу сохранять ненарушимо святость праздничныхъ дней,

удаленіемъ отъ невоздержанія и пїянства. Когда же кто не пьетъ вина, чтобы не нарушить договора, сдѣланнаго въ обществѣ, и чтобы не подвергнуться денежной пенѣ или другому наказанію; это не есть еще добродѣтель христіанская, а только благовидность вѣнпней жизни, соединенная съ пользою хозяйственною. Блаженъ, кто сохраняетъ воздержаніе и трезвость ради Бога и души своей, а не по одному соумышленію съ людьми, или по страху челоуѣческаго наказанія».

1866, окт. 19. «Если увѣщатели (два священника) говорили съ раскольникѣмъ (крестьяниномъ) ученымъ языкомъ, какъ пишутъ, *объ основныхъ истинахъ вѣры*: то не удивительно, что рѣчи ихъ ударили, какъ горохъ въ стѣну. Если онъ несвѣдущъ, это было для нихъ выгода: не нужно было опровергать расколическихъ учений, а только нужно внятно предложить истинное ученіе. Если выгода связи съ хозяиномъ раскольникѣмъ (Горностаевымъ) держать въ узахъ увѣщаемаго: они могли бы предложить, что душа дороже выгоднаго ремесла, и могли бы сдѣлать опытъ поискать ему подобнаго нынѣшнему положенія у православнаго хозяина. Объявить имъ сіе, и поручить священнику С—ву сдѣлать еще опытъ увѣщанія».

1860, фев. 24. «Когда священникъ получилъ извѣстіе о челоуѣкѣ раненомъ (на дуэли, бывшей на Дорогомиловскомъ кладбищѣ), находящемся въ опасности жизни и требующемъ помощи, не его была обязанность судить о винѣ: онъ долженъ былъ видѣть бѣдствіе и исполнить обязанность челоуѣколюбія, способствовать въ оказаніи помощи, и особенно по своему званію, долженъ былъ предложить находящемуся въ опасности жизни пособія вѣры. Консисторія допросить его, почему не исполнилъ долга челоуѣколюбія и долга священства, и постановя опредѣленіе представить».

1845, авг. 11. «1) Какъ поведеніе еврейки подвергнуто такому сомнѣнію, по которому подвергается сомнѣнію и чистота ея намѣренія въ обращеніи къ христіанской вѣрѣ: то, по долгу предосторожности, чтобы святыня таинствъ

не была предана недостойно, крещеніе еврейки остановить на неопредѣленное время. 2) Священникъ, которому поручено ея наставленіе, долженъ изъяснить ей, что она тогда только можетъ быть удостоена святаго крещенія, когда окажется признаки твердой рѣшимости жить непорочно и благоправно, какъ требуетъ православная вѣра. 3) Окажетъ ли она такое расположеніе, священникъ долженъ донести по внимательномъ усмотрѣніи ея образа мыслей и поведенія. 4) О семь отъ меня отвѣтствовать (*оберъ-полицейместеру*)».

1861, іюня 26. «1) Согласно съ мнѣніемъ консисторіи, и заключеніемъ преосвященнаго (*Леонида*), признать не подлежащимъ по дѣйствованію въ должности старосты Васильевской церкви (*въ Тверской ямской слободѣ*), никакому сомнѣнію Петра Ивановича С—на, который по своимъ услугамъ сей церкви, заслуживаетъ наименованія благотворителя сей церкви. 2) Малочисленные, и частію не принадлежащіе къ сему приходу, просители просятъ оказать имъ приходорасходныя книги. Г. С—нъ служитъ церковнымъ старостою десятое трехлѣтіе. Итакъ они требуютъ оказанія книги за 27 лѣтъ. Двѣ трети сего требованія противны закону о десятилѣтней давности. И какая нужда изслѣдовать за 27 лѣтъ приходорасходныя книги, противъ которыхъ почетные прихожане и большинство прихожанъ не изъясляли сомнѣнія? И какая возможность изслѣдовать подробности книгъ за 27 лѣтъ и болѣе, когда по давности многія подробности трудно припомнить и трудно найти знавшихъ въ свое время сіи подробности, изъ коихъ иныхъ, безъ сомнѣнія, уже нѣтъ въ виду? Посему требованіе оказанія книгъ признать не только не удобнымъ, какъ полагаетъ консисторія, но и незаконнымъ и неумѣстнымъ. 3) Причту и церковному старостѣ, въ предупрежденіе подобныхъ притязаній, предписать, чтобы они тщательно приглашали почетныхъ прихожанъ присутствовать при ежемѣсячной, и особенно въ концѣ года повѣркѣ хозяйственныхъ дѣлъ церкви».

Сѣобщилъ Архим. Григорій.

ДОНЕСЕНІЕ СВ. СИНОДУ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

По штатамъ 1764 года, при архіерейскихъ домахъ и при монастыряхъ положено было опредѣленное число штатныхъ служителей, и на нихъ назначены оклады. Но въ 1861 году штатъ служителей упраздненъ *); предоставлено архіерейскимъ домамъ и монастырямъ имѣть наемныхъ служителей, и на наемъ ихъ назначены особыя суммы. Изъ сего слѣдуетъ, что архіер. дома и монастыри могутъ обойтись безъ той суммы, которая въ штатахъ 1764 года положена на штатныхъ служителей.

Между тѣмъ извѣстно, что служащимъ въ канцеляріяхъ консисторій жалованье положено весьма скудное; и сія скудость еще увеличивается тѣмъ, что, для множества дѣлъ, необходимость имѣть большее число служащихъ, нежели какое положено по штату, заставляетъ и скудные оклады жалованья уменьшать, дабы чрезъ сіе дать хотя малѣйшее пособіе сверхштатнымъ.

На архіерейскій домъ и монастыри московской епархіи, въ штатахъ 1764 года на штатныхъ служителей положено всего 1942 руб. 68 к., и на Троицкую Сергіеву Лавру и Спасо-Виѣанскій монастырь 763 р. 44 к., всего 2706 р. 12 коп.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ, убѣждаясь крайнею нуждою, долгомъ поставляю представить св. Синоду, не благоугодно ли будетъ исчисленную сумму 2706 руб. 12 к. обратить **) на служащихъ въ канцеляріи Московской духовной консисторіи съ тѣмъ, чтобы она или была распредѣлена въ прибавку къ жалованью, или при окончаніи

*) Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права и штатные служители, какъ закрѣпленные за монастырями и домами архіерейскими, отошли отъ нихъ и должны были приписаться къ городскимъ и сельскимъ обществамъ.

**) Обращена.

каждаго года, по особому росписанію, раздѣляема была служащимъ въ консисторіи сообразно съ трудами и достоинствомъ службы cadaго.

Сентября 24-го 1864 г.

Сообщилъ Арх: Григорій.

ПИСЬМО МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

Къ синодальному оберъ-прокурору А. П. Ахматову.

Ваше превосходительство, милостивый государь! При отношеніи в. п—ва, отъ 7 дня сего декабря, № 8901, препровожденную ко мнѣ форму для составленія свѣдѣній о уволенныхъ отъ службы священнослужителяхъ, для соображеній о пенсіяхъ, передавъ въ консисторію для исполненія, не могу оставить безъ вниманія, и не предложить вашему вниманію, что для полноты сей формы нуженъ былъ бы слѣдующій опредѣленный вопросъ:

При увольненіи не обезпеченъ ли въ содержаніи чрезъ сына, или ближайшаго родственника?

Сіе, по моему мнѣнію, нужно, во первыхъ, для того, чтобы требуемое число пенсій не было слишкомъ обременительно въ хозяйственномъ отношеніи; во вторыхъ, для того, чтобы предупредить искушеніе ослабѣвать въ исполненіи пятой заповѣди Божіей. Уже и теперь случается особенно съ матерями, что онѣ, имѣя сыновъ занимающихъ мѣста и не лишенныхъ средствъ пропитать ихъ, просятъ пособія отъ Попечительства *о бѣдныхъ духовнаго званія.*

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть и пр. Декабря 17-го 1863 г.

Сообщ. Арх. Григорій.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ТИТУ.

з) *Вотъ чему учи, а пустыхъ стязаній отрицайся и еретиковъ прогоняй—3, 8—11.*

Ст. 8. (*Чудо Тите*) *врно слово,—и о сихъ хочу тя извѣщати (утвердити), да некутся добрымъ дѣломъ прильжати въровавшии Богу: сія суть полезна человекомъ и добра.*

Чудо Тите—изъ нашихъ толковниковъ никто не читаетъ. *Врно слово*, какъ показано *), соединяется съ предыдущимъ, какъ подтвердительное слово.

О сихъ—можно относить и къ предыдущему и къ послѣдующему. Такъ Экуменій: «*о сихъ*, т.-е. и о томъ, что сказано выше, и о томъ, что слѣдуетъ: *да некутся добрымъ дѣломъ прильжати*». Въ первомъ случаѣ будетъ: и вотъ о чемъ хочу, чтобъ ты учишь, что внушалъ, въ чемъ убѣждалъ, разумѣя обѣтованіе жизни вѣчной,—*буихъ же стязаній отступай*. Говори и толкуй о догматахъ просвѣщающихъ умъ и сердце утверждающихъ въ добромъ настроеніи и благихъ надеждахъ, а не о пустыхъ мечтаніяхъ, ни къ чему не полезныхъ. Во второмъ случаѣ будетъ: кромѣ вышесказаннаго учи ихъ еще и слѣдующему. Вышесказанное—всѣ добродѣтели, о коихъ учить заповѣдано выше, особенно же тѣ, о коихъ говорится въ первомъ и

*) См. февр. книжку Душен. Чтенія стр. 158.

второмъ стихѣ настоящей главы, т.-е., чтобъ никого не обижали, а были тихи и кротки. Слѣдующее—добрыя дѣла, милосивость и благотворительность. Учи и внушай, говорить, чтобъ не только не обижали, но и благотворительны были.

Хочу ты извѣдати,—*διαβεβαιωσαι*,—утверждати. Не св. Тита хочетъ убѣждать въ семь Апостолъ, а хочетъ, чтобъ св. Титъ убѣждалъ вѣрующихъ въ необходимости такъ дѣйствовать. Или онъ хочетъ, чтобъ св. Титъ убѣдился въ томъ, что этому именно наипаче слѣдуетъ учить вѣрующихъ.

Да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати.—*Да пекутся*,—не мимоходомъ и не кое-какъ чтобъ дѣлали добрыя дѣла, а вседушно пеклись о томъ, день и ночь о томъ только и думали, какъ бы и какое бы доброе дѣло гдѣ либо сдѣлать. *Прилѣжати*,—*προεισχωσαι*,—стоять впереди, изъ всѣхъ выдаваться. Когда обижаютъ, уступай, будто прячься; а когда доброе дѣлое предлежитъ, будь папереди всѣхъ, не давай никому упредить тебя, первый хватайся за него, чтобъ о вѣрующихъ общее утвердилось мнѣніе, что въ добрыхъ дѣлахъ они всегда первые. Почему и приложилъ: да пекутся о семь *впоровавши Богу*. Почему они такъ должны дѣйствовать, это прямо слѣдуетъ изъ предыдущаго указанія на то, какими были мы до вѣры, и какими стали отъ вѣры, и какими въ силу ея утѣшаемся обѣтованіями. Столько милостей получивши, будь самъ милосивъ и добротворенъ.

Выпишемъ, чтѣ сказали о семъ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: «сказавъ о человѣколюбіи Божиемъ, о неизреченномъ Его попеченіи объ насъ и о томъ, каковы мы были и какими Онъ сдѣлалъ насъ, Апостолъ продолжаетъ: *и о сихъ хочу ты утверждати, да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати впоровавши Богу*; т.-е. объ этомъ бесѣдовать и такимъ образомъ располагать къ милосердію. Ибо вышесказанное можетъ расположить насъ не только къ смиренномудрію и къ тому, чтобъ мы не-

гордились и не порицали другихъ, но и ко всякой другой добродѣтели. Напомнивъ о попеченіи Божиємъ и необыкновенномъ Его челоуѣколюбіи, онъ убѣждаетъ слушателей быть милосердыми, и притомъ не просто и не случайно, но какъ? *да пекутся*, говорить, *добрымъ дѣломъ прилѣжати*, т.-е. и обижаемымъ помогать, не деньгами только, но и своимъ заступленіемъ, и вдовъ и сиротъ защищать, и всѣмъ вообще бѣдствующимъ доставлять спокойствіе; ибо это значить *добрымъ дѣломъ прилѣжати*. Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей полнѣе выражены бл. Теофилактомъ. «Помянувъ о неизреченной Божіей благодати, говорить: хочу, чтобъ ты такъ училъ объ этомъ, чтобъ вѣрующіе научились не только смиренномудрствовать и не обижать другихъ, но и милость имъ всякую оказывать. Ибо кто памятуеть о милости Божіей, какой сподобился, тотъ и самъ будетъ милостивъ. *Да пекутся*, говорить, т.-с., чтобъ они всегдашнимъ дѣломъ и постоянною заботою имѣли то, чтобъ помогать онеправдываемымъ: о вдовахъ, сиротахъ и вообще о всѣхъ нуждающихся промышлять. Ибо это значать слова: *добрымъ дѣломъ прилѣжати*, — *προσπαθεαι*, — не ожидать, чтобъ нуждающіеся приходили къ нимъ, а самимъ о нихъ попеченіе имѣть».

Сія суть полезна челоуѣкомъ и добра. Вотъ о чемъ хорошо и полезно учить! Или—вотъ чѣмъ занимать свой умъ и о чемъ прилѣжать хорошо и полезно всякому! Хочетъ Апостоль и ученіе учителей и заботу вѣрующихъ направить къ стяжанію жизни вѣчной подблагодатною и святою жизнію. «Ничего нѣтъ очевиднѣе, како то, что милостивость и челоуѣколюбіе и для настоящаго хороши и на будущее полезны: вѣсь имъ — похвала, а въ день суда—вѣнецъ. И объ нихъ-то заботиться убѣждаетъ онъ правителя народа (Божія)» (Амвр.).

Ст. 9. *Буйныхъ же стязаній и родословіи и рвеній и савровъ законныхъ отступай: суть бо неполезны и суетны.*

Тому учи, а слѣдующаго устранийся. Чего же? — *Буй-*

ишь стязаній,—ζητησεις,—изысканій, пытаній, вопросовъ, что то, что это,—почему одно такъ, а другое этакъ, — что въ другомъ мѣстѣ названо совопросничествомъ. Не всякое изысканіе и пытаніе укорно. И Спаситель ввущалъ испытывать Писанія, потому что въ нихъ указываетя путь къ вѣчному животу. Такъ пыгать Писаніе, чтобъ открыть и уяснить сей путь, похвально. Но можно тоже Писаніе испытывать непохвально, когда пытаются не прямое содержаніе написаннаго, а что либо окольное; почему, напримѣръ, здѣсь такая буква стоитъ, а тамъ такая, или какая тайна откроется, если сапоставить буквы такъ и такъ. Такое изысканіе питаеть пустую пытливость, никакой пици не доставляя ни вѣрѣ ни доброправію (Иеронимъ). У іудеевъ много было подобныхъ пытаній, и между ними много было лицъ, которыя кичились тѣмъ, и другихъ старались занимать. Такихъ и подобныхъ изысканій избѣгать повелѣваетъ Апостоль, которыя болѣе представляютъ утонченности, чѣмъ доставляютъ назиданія; почему и называются *буими*, неразумными, безтолковыми. Амвросіастъ пишетъ: «*буими стязаніями* Апостоль называетъ тѣ, которыя нисколько не содѣйствуютъ спасенію, и никакого не даютъ опытнаго вѣдѣнія къ устроенію жизни добродѣтельной». Бл. Феодоритъ перифразируетъ сіи слова такъ: старайся избѣгать бесполезныхъ собесѣдованій; потому что не приносятъ никакой пользы ни собесѣдующимъ, ни слушающимъ».

Родословіи. Указывается одинъ изъ предметовъ буиныхъ стязаній. Если относить это къ язычникамъ, то у нихъ были смѣшныя родословія ихъ боговъ; а если къ іудеямъ, то у нихъ было въ обычаѣ выставлять на видъ свое происхожденіе отъ великихъ праотцевъ, и вести свои родословныя линіи. Экуменій пишетъ: «говоря о родословіяхъ, Апостоль имѣетъ въ виду или еллиновъ, которые исчисляють родословія своихъ боговъ, говоря: такой-то родилъ такого-то; или іудеевъ, которые не отличаясь добродѣтелями, прикрываются именами своихъ ро-

довначальниковъ, и по причинѣ ихъ высокая о себѣ мудрствуютъ. Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ наши, говорятъ они, праотцы. Буими и эти родословія называетъ Апостоль, какъ бесполезныя. Ибо какая польза грѣшащему имѣть праотцемъ Авраама? Скорѣе въ этомъ осужденіе, что происходя отъ такихъ лицъ, они оказались непотребными». Св. Златоустъ говоритъ, что Апостоль имѣетъ здѣсь въ виду только іудеевъ: «Апостоль намекаетъ здѣсь на іудеевъ, которые, превозносясь праотцемъ своимъ Авраамомъ, о самихъ себѣ нерадѣли. Посему онъ и называетъ такія родословія бесполезными и суетными. Дѣйстви-тельно безумно падѣяться на вещи бесполезныя».

Рвеній и сваровъ законныхъ. Тамъ указывалось на мирныя изысканія, только пустыя, а тутъ—не на пустыя только, но и на немирныя, — задорные споры, похожіе на войну, съ ретивымъ рвеніемъ устоять на своемъ. Предметъ споровъ—законъ. Нравственный законъ охотно принимали и язычники; къ христіанамъ же перешли всѣ ветхозавѣтныя Писанія и съ исторіею народа Божія. И тутъ не о чемъ было спорить. Споры шли объ обрядовой сторонѣ закона, и еще болѣе о многихъ прибавленіяхъ къ нему, навязанныхъ іудеямъ ихъ позднѣйшими учителями въ видахъ точнѣйшаго исполненія того или другаго предписанія законнаго. Христіане не порицали того, что предписывалось въ законѣ, но почитали то ненужнымъ уже въ новой благодати, почему отказывались отъ исполненія того. Іудеи же, защищая свое, въ жаркіе вступали споры. Отсюда рвенія и свары; а пользы отъ того никакой. Апостоль и предписываетъ устраняться отъ сего. *Περὶ ἰστοῦ*,—минуй, не обращай на то вниманія. У тебя есть предметы важныя; а этими пустяками не занимайся и всѣхъ пасомыхъ учи пропускать все сіе и подобное мимо ушей.

Суть бо неполезны и суетны. «Ибо никакъ не должно, оставляя дѣла необходимыя, иждивать время на суетловія и безплодные споры. Какая польза словопретиса тамъ,

гдѣ нѣтъ надежды, чтобъ кто либо плѣненъ былъ во Христа» (Теоф.). Апостоль исходитъ изъ того убѣжденія, что какъ таинства вѣры и правила жизни христіанской несомнѣнно истинны и непреложны; то все другое ложь и пустяки, которыми вѣрующимъ не слѣдуетъ заниматься. Что не созидаетъ вѣры и добронравія, то бесполезно, и отъ того надлежитъ удаляться. Бл. Теофилактъ спрашиваетъ: «но какъ же выше онъ заповѣдалъ заграждать уста противящимся?» и отвѣчаетъ: «это, когда видно; что они причиняютъ другимъ вредъ; говорить же такимъ, надѣясь принести имъ самимъ пользу, не берись: ничего не успѣешь, потому что они неисправимы».

Можетъ быть слова Апостола пригоже раздѣлить такъ, чтобъ *стязанія и родословія* относить къ языческимъ мудрованіямъ о своихъ богахъ, а *рвенія и свары* къ іудейскимъ спорамъ о достоинствѣ ихъ закона. Вѣрующіе Критяне были и изъ язычниковъ и изъ іудеевъ. И тѣ и другіе, можно предположить, не совсѣмъ отказались еще отъ своихъ воззрѣній и навыковъ. Почему поднимали вопросы то о томъ, то о другомъ,—изыскивали, заводили бесѣды, спорили,—и большею частію не пользы ища, а лишь чтобъ посуесловить. Къ этому можетъ быть нерѣдко присоединялись и невѣрующіе, какъ іудеи, такъ и язычники. Шли шумные разговоры и стязанія, а толку никакого. Апостоль и предписалъ пресѣчь это. Учи, говоритъ, тому, что созидаетъ въ вѣрѣ и утверждаетъ въ доброй жизни; а отъ пустословія и самъ удаляйся и вѣрующихъ обязывай къ тому же.

Ст. 10. *Еретика чловѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся.*

Это ужъ совсѣмъ другое. Тамъ говорилось о вѣдущихъ пустыхъ изысканія и бесполезные споры; а здѣсь представляется лице опасное, ерестикъ, который не о пустомъ чемъ и бесполезномъ разглагольствуетъ, но умствуется несогласно съ общесодержимымъ ученіемъ, и можетъ произвести раздѣленіе въ обществѣ вѣрующихъ, увлекаая

въ слѣдъ себя. Такого нельзя пропускать безъ вниманія; но, во первыхъ въ чаяніи, *еда како дастъ ему Богъ поканіе въ разумъ истины* (2 Тим. 2, 25), поспѣшить обратиться къ нему съ вразумленіемъ, и если первое окажется безуспѣшнымъ, повторить его;—и потомъ, во вторыхъ уже отрещись отъ него. Два только сдѣлать оныта вразумленія указывается, чтобъ усиленнымъ давленіемъ не углубить упорства въ иномыслящемъ, и чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ не дать ему повода научиться изворотливостямъ въ отстаиваніи своей лжи. Амвросіастъ пишетъ: «Еретики обычно, опираясь на словахъ Писанія, учатъ противно Писанію. Придавая словамъ Писанія свой собственный смыслъ, они его авторитетомъ одобрительнымъ представляютъ несправое мудрованіе ума своего. Ибо печестіе, зная, какой большой вѣсь имѣеть авторитетъ Писанія, подъ его именемъ слагаетъ ложь, чтобъ, поелнку худая вещь не можетъ быть принята сама по собѣ (подъ своимъ именемъ), она показалаь удобопріемлемою подъ чужимъ добрымъ именемъ.—Такихъ людей Апостоль велитъ однажды и дважды вразумлять, чтобъ быть имъ безотвѣтными; по не больше. Потому что если чаще ихъ обличать, то они еще болѣе сдѣлаются возбудительными на зло. Кто часто кого укоряетъ, тотъ дѣлаетъ его болѣе ретивымъ къ погубленію множайшихъ. Почему лучше отсылать ихъ прочь, чтобъ, ослабѣвъ въ ревности соблазнять другихъ, они одни только сами по крайней мѣрѣ гибли».

Отрицайся,—скажи рѣшительно: ты не нашъ, отойди прочь отъ насъ; какъ добрый пастырь, отгоняй этихъ волковъ отъ своего стада. Это однозначительно съ отлученіемъ отъ церкви. Но тогда надо подъ еретикомъ разумѣть принадлежащаго къ сонму мѣстныхъ вѣрующихъ. Между тѣмъ онъ можетъ быть чужой, отынуды пришедшій; въ такомъ случаѣ *отрицайся*—будетъ, — не связывайся съ нимъ, разъ и два вразуми, и брось, отворотись отъ него, пусть идетъ своею дорогою. Бл. Феодоритъ пишетъ: «Когда предприемлющимъ учить противному два и три

раза преподашь надлежащее ученіе, и потомъ увидишь, что остаются они при своихъ лукавыхъ догматахъ; тогда не входи уже съ ними въ собесѣдованія, потому что бесполезный это трудъ». Тоже говорятъ и св. Златоустъ: «когда кто нибудь развратился до такой степени, что никакимъ образомъ не рѣшается переменить своего мнѣнія; то для чего тебѣ трудиться напрасно, сѣя сѣмя на камени, тогда какъ можно употребить этотъ усердный трудъ для своихъ, бесѣдуя съ ними о милосердіи и другихъ добродѣтеляхъ. О людяхъ, подающихъ надежду на исправленіе и только оказывающихъ сопротивленіе (можно и болѣе позаботиться); а когда кто нибудь (держится ереси) явно и открыто предъ всѣми, то для чего напрасно спорить съ нимъ, для чего бить воздухъ?»

Ст. 11. *Въдый, яко развратися таковый и согрѣшитъ, и есть самоосужденъ.*

Причина, почему, послѣ двукратнаго вразумленія еретика, не слѣдуетъ болѣе имъ заниматься, та, что, *развратися и согрѣшаетъ.*—*Развратися*,—εἰς ἄστροπτα, — въ конецъ развратился; воспринялъ превратный умъ, съ которымъ ничего неподѣлаешь; потому что онъ потерялъ способность видѣть истину, бывъ наполненъ противными ей предубѣжденіями. Увоенныя имъ ложныя начала омрачаютъ очи его, и онъ среди дня не видитъ свѣта, его окружающаго и всѣхъ другихъ просвѣщающаго.

Согрѣшаетъ,—ἀμαρτανει, — обыкновенно употребляется о грѣхахъ нравственныхъ, или о нарушеніи заповѣдей. Но здѣсь говорится о ложномъ ученіи, въ отношеніи къ которому грѣхомъ можно считать непокорность яснымъ указаніямъ слова Божія, или противленіе ясно выраженной волѣ Божіей,—упорство во лжи въ угодность своеличнымъ предубѣженіямъ, несмотря на противорѣчіе ея ясной истинѣ Божіей. *Погрѣшаетъ*—будетъ—упорно остается въ своемъ заблужденіи, несмотря ни на какія вразумленія.

И есть самоосужденъ. Какъ самоосужденъ, когда не сознаетъ своей ошибки? — Можетъ быть это тоже зна-

читъ, что самъ виновать; говорили, вразумляли, — не хотѣль слушать, — и пожинай плоды упорства, — кто виновать? Плодъ же упорства въ ереси есть потеря царствія Божія. Въ другомъ мѣстѣ Апостоль, перечисливъ дѣла плотскія, въ числѣ которыхъ поставлены и ереси, заключилъ: *таковая творящій царствія Божія не наследятъ* (Гал. 5, 21). Еретикъ, упорно стоящій въ ереси, отселъ уже самъ себя приговариваетъ къ сему лишенію царствія, — не приговаривая приговариваетъ самымъ дѣйствіемъ упорства въ ереси, не смотря на избличеніе излюбленной имъ лжи. Здѣсь пока онъ не видитъ и не слышитъ такого надъ собою приговора. Но можно, при словѣ Апостола, переноситься мыслию къ послѣдному суду, гдѣ еретикъ самъ увидитъ свою ошибку и самъ себя осудитъ, что видя не видалъ, не имѣя что сказать въ свое оправданіе. Въ такомъ случаѣ *сомоосужденъ* — будетъ тоже, что безоправдателенъ, ничего не имѣющій сказать въ свое оправданіе (Экум.).

По гречески стоитъ: *согрѣшаетъ, будучи самоосужденъ*, — *ὁν αὐτοκταχρῖτος*. Это подаетъ ту мысль, что совѣсть осуждаетъ его (Экум.) за несогласіе съ истинною очевидною, а онъ не слушаетъ совѣсти, стыдась уступкою посрамиться. Онъ приноситъ въ жертву своему самолюбію ясно сознаваемую истину, и грѣшитъ, идя противъ совѣсти. Между еретиками не всѣ таковы; но между противящимися истинѣ не малое число есть такихъ, къ которымъ приложимъ такой приговоръ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ, — 3, 12 — 15.

Здѣсь св. Павелъ а) дѣлаеть нѣкоторыя распоряженія,—12—14, — б) посылаетъ цѣлованія и в) даетъ послѣднее благословеніе,—15.

а).

Ст. 12. *Егда пошлю Артему къ тебѣ или Тихика, пощися приити ко мнѣ въ Никополь: тамо бо судихъ озимъти.*

Оставилъ въ Критѣ св. Тита *не доконченная исправитъ* (1, 5), а тутъ опять къ себѣ зоветъ. Какъ такъ? Но нѣтъ нужды предполагать, что этотъ случай имѣлъ мѣсто скоро послѣ отбытія св. Павла изъ Крита. Могло послѣ того миновать какихъ нибудь полгода, въ какое время св. Титъ могъ въ достаточной мѣрѣ привести въ порядокъ дѣла критской церкви. Св. Павлу естественно было придти къ желанію узнать, чтò и какъ онъ тамъ устроилъ, чтобъ пересмотрѣвъ все и обсудивъ, дать ему нужныя наставленія для дальнѣйшаго дѣйствованія. Такъ св. Златоустъ, Экуменій, Ософилактъ. Вотъ слова ихъ: «что ты говоришь? Поставивъ Тита въ Критѣ, ты опять вызываешь его къ себѣ?— Не съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ должности, но чтобы больше утвердить» (св. Злат.). «Чтобы больше приспособить его къ дѣлу и дать совѣтъ, чтò и какъ слѣдуетъ дѣлать далѣе» (Экум.). «Это для его же пользы, чтобъ лучше наладить его на дѣло, обсудивъ какъ исполнено имъ ввѣренное ему» (Оеоф.) Амвросіастъ прибавляетъ, что послѣ посланія и къ себѣ зоветъ Тита свят. Павелъ не для утвержденія его только въ дѣлахъ церковныхъ, но и по желанію видѣть его, любимаго.

Какой разумѣть здѣсь Никополь? Св. Златоустъ, Теодоритъ, Экуменій разумѣютъ Никополь Фракійскій, близъ границы между Фракіею и Македоніею, на половинѣ разстоянія между Филиппами, на берегу моря и Филиппопо-

лемъ на Марицѣ. Теофилактъ разумѣтъ Никополь на Дунаѣ, который значитъся и въ древнихъ картахъ тамъ-же, гдѣ и нынѣ стоитъ. Бл. Иеронимъ разумѣтъ Никополь Эпирскій, получившій названіе такое отъ побѣды, одержанной Августомъ надъ Антоніемъ и Клеопатрою. Нынѣ — это Превеза. Былъ еще Никополь Киликійскій, недалеко отъ Тарса, близъ границы съ Сирією и Арменією. На какомъ изъ нихъ остановиться? На каждомъ можно, судя потому, какъ кто вообразить себѣ путь шествія Апостола Павла. Можно вообразить его такъ: писалъ св. Павелъ изъ Рима къ Филимону, чтобъ приготовилъ ему комнату, и нужды церкви Колосской и сопредѣльныхъ ей требовали особой заботы его. Потому не удивно, что онъ изъ Крита направился по тому же пути, по которому слѣдовалъ прежде къ Римъ, т.-е. Муръ. Отсюда взошелъ къ Колоссамъ, и устроивъ здѣсь дѣла, поспѣшилъ къ востоку для посѣщенія церквей Писидійскихъ, Ликаонскихъ и Киликійскихъ, первородныхъ чадъ своихъ, имѣя въ мысли побывать и въ Антиохіи. Но приближаясь къ предѣламъ Сиріи, узналъ что тамъ начались истребительныя нападки на евреевъ, и положилъ не идти туда, а озимѣть въ Никополѣ Киликійскомъ, такъ какъ зима была близко. Сюда-то и приглашалъ онъ Тита. Тихика взялъ онъ въ Колоссахъ, куда сей былъ посланъ отнести посланіе. Перезимовавъ въ Никополѣ, Апостоль опять направился на Западъ, посѣтилъ церкви Киликійскія, Фригійскія, Галатійскія, побывалъ въ Ефесѣ, Македоніи и Ахаіи, и чрезъ Никополь Эпирскій, или еще иначе какъ, отправился далѣе въ Испанію. Предлагаемъ такое начертаніе пути, потому что оно кажется болѣе подходящимъ. О семъ уже говорено во введеніи.

О Тихикѣ поминалось уже въ другихъ посланіяхъ. Объ Артемѣ говорится въ первый разъ и болѣе о немъ ничего неизвѣстно. Преданіе передаетъ, что онъ потомъ былъ епископомъ въ Листрахъ. Онъ причисляется къ 70 Апостоламъ. Память его 30 октября.

Бл. Іеронимъ даетъ соображеніе, зачѣмъ посылается въ Критъ Артема или Тихикъ. За тѣмъ, чтобъ остаться тамъ вмѣсто Тита и церковь Критская не сиротствовала безъ мужа Апостольскаго. «Изъ этого видна отеческая любовь Апостола къ Критянамъ. Ему нужно было видѣться съ Титомъ по дѣламъ евангельской проповѣди; но не прежде велить ему двинуться къ себѣ, какъ по приходѣ къ нему Тихика или Артемы, чтобъ заступитъ мѣсто его».

Ст. 13. *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли и да ничтоже имъ скудно будетъ.*

Зина законникъ, только здѣсь поминаемый,—потому что хорошо изучилъ и зналъ законъ, получилъ такое прозваніе; оно удержалось при немъ и по его обращеніи. *Аполлосъ*, извѣстный вѣдецъ Писанія, мужъ сильный въ словѣ. Они не получили еще особыхъ епархій въ управленіе, а сотрудничествовали Ап. Павлу (св. Злат. и др.). Относительно ихъ пишетъ св. Павелъ: *скоро предпосли.—Предпосли,—προπεμφον*,—или дальше ихъ поскорѣ проводи, или поскорѣ ко мнѣ пошли прежде себя, не дожидаясь, когда я позову тебя. И въ томъ и въ другомъ значеніи употреблялъ уже сіе слово св. Павелъ,—въ первомъ, когда уповалъ Римлянами *проводитися* въ Испанію (Рим. 15, 24), во второмъ, когда писалъ къ Коринтеянамъ проводить къ себѣ съ миромъ св. Тимофея (1 Кор. 16, 11).

Въ первомъ случаѣ получимъ такую мысль: Зина и Аполлосъ были при свят. Павлѣ. Имѣя нужду, по дѣлу проповѣди, послать ихъ куда-то, можетъ въ Ахаію, онъ, по обстоятельствамъ, направилъ ихъ туда чрезъ Критъ, и пишетъ Титу, чтобъ онъ не задерживалъ ихъ, а препроводилъ далѣе поскорѣ, снабдивъ всѣмъ нужнымъ. При этомъ можно предположить, что посланіе къ Титу было отправлено съ ними, или они отправлены съ относительно посланія, — а можетъ быть и писано было сіе посланіе по поводу направленія ихъ этою дорогою.

Во второмъ случаѣ будетъ такая мысль: Зина и Апол-

лось были въ Критѣ и трудились тамъ въ проповѣди Евангелія еще до прибытія туда мимоѣздомъ св. Павла. Отѣзжая изъ Крита, св. Павелъ оставилъ ихъ тамъ продолжать дѣло проповѣди, вмѣстѣ съ Титомъ. Но теперь имѣя въ нихъ нужду, по тому же дѣлу проповѣди въ той мѣстности, гдѣ самъ находился, пишетъ къ Титу, чтобъ носкорѣе послалъ ихъ къ нему, прежде чѣмъ самъ будетъ позванъ,—тотчасъ по полученіи сего посланія.

И да ничтоже скудно будетъ имъ. Снабди ихъ всѣмъ нужнымъ, пищею, одеждою и извѣстною суммою денегъ на путевыя издержки (Иерон. Экум. Теоф.); чтобъ они ни въ чемъ не имѣли недостатка.

Зина пастъ Христову церковь въ Діосполѣ. Память его сентября 27. Причисленъ къ 70. Аполлосъ, по Иерониму, былъ епископомъ въ Коринѣ; по мѣсяцесловы пишутъ, что онъ епископствовалъ въ Смирнѣ, прежде св. Поликарпа; причисленъ къ 70; память его сентября 10, и декабря 8.

Ст. 14. *Да учатся же и наши добрымъ дѣломъ. прилжати въ нужная требованія, да не будутъ безплодни.*

Написалъ: снабди всѣмъ нужнымъ; а гдѣ взять? Титъ, какъ и всѣ вѣропроповѣдники, конечно ничего не имѣлъ. Такъ могъ подумать читающій. Апостоль указываетъ источникъ: это пусть сдѣлаютъ *наши*, т.-е. вѣрующіе Критяне. Пусть учатся добрымъ дѣломъ, помогая въ нуждахъ всѣмъ нуждающимся. Но если всѣмъ, то тѣмъ паче труждающимся въ проповѣди. Дѣйствуя такъ, они плодъ покажутъ вѣры и благодати, и плодъ сей имъ же самимъ обратится въ пользу. Блаж. Иеронимъ, сказавъ, что сими словами св. Павелъ даетъ отвѣтъ на возможный вопросъ: откуда взять Титу нужное?—прибавляетъ: «нашими, своими назвалъ Апостоль увѣровавшихъ во Христа, которые, поколику Христовы суть, могли справедливо быть названы Павловыми и Титовыми. Имѣешь, говоритъ какъ бы Апостоль, власть надъ учениками; учи же ихъ не быть безплодными, но пусть послужатъ Евангелистамъ и му-

жамъ апостольскимъ, занимающимся спасительными трудами проповѣди, — и послужать не во всемъ, а въ нужныхъ потребностяхъ, которыя опредѣляются такъ: *имуще пищу и одежду сими довольно будемъ* (1 Тим. 6, 8). Ибо служащіе алтарю, отъ алтаря должны и питаться, и сдѣлавшіеся причастными нашихъ духовныхъ благъ, должны дѣлать насъ причастниками своихъ вещественныхъ благъ. На случай, чтобъ Критяне не оказали невниманія къ симъ словамъ посланія, или къ внушеніямъ Тита, Апостоль называетъ бесплодными тѣхъ, которые не хотятъ послужить Евангелистамъ отъ имѣній своихъ. А о бесплодныхъ написао: *всяко древо, еже не творитъ плода добра, посыкаютъ е, и во огонь вметають* (Мѡ. 7, 19). И еще: *сыій скудостію, скудостію и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6). Не хотѣть доставлять потребное апостольскимъ мужамъ и евангелистамъ Христовымъ, значитъ обличить себя въ бесплодности». Апостоль внушаетъ Титу, пишетъ блаж. Θεодоритъ: «науци увѣровавшихъ имѣть попеченіе о тѣлесныхъ услугахъ тѣмъ, кому ввѣрено учить божественному. Ибо имъ надлежитъ приносить и таковыя плоды».

«Видишь ли, продолжаетъ ту же рѣчь св. Златоустъ, какъ Апостоль заботится больше о вѣрующихъ подающихъ, чѣмъ о проповѣдникахъ принимающихъ? Можно было бы снабдить ихъ и чрезъ многихъ другихъ, но я говорю, забочусь о нашихъ. Ибо что пользы, скажи мнѣ, еслибы другіе собирающіе сокровища питали учителей? Нашимъ тогда не было бы никакой пользы; они остались бы бесплодными.—Скажи мнѣ, Христось напѣтавшій пятью хлѣбами пять тысячъ, и семью — четыре тысячи, развѣ не могъ пропитать Себя и бывшихъ съ Нимъ? Для чего же Онъ принималъ пищу отъ женъ? *Хождаху по Немъ жены, говоритъ Писаніе, и служаху Ему* (Марк. 15, 41). Онъ дѣлалъ это для наученія насъ тому, что Онъ печется о дѣлающихъ благодѣянія. Также Павелъ помогавшій своими руками другимъ, развѣ не могъ не принимать пропитанія ни отъ кого? Но смотри, какъ онъ принималъ

и просилъ, — и вотъ для чего: *не яко ищу даянїя*, говорить онъ, *но ищу плода множащагося въ слово ваше* (Филип. 4, 17)».

б).

Ст. 15. *Цѣлуютъ тя со мною сущїи вси. Цѣлуй любящїя ны въ вѣрѣ.*

Сущїи со мною, — сотрудники въ дѣлѣ проповѣди, извѣстные Титу и Тита прїятедьски знающїе. Говорить это Апостоль, и обычаю удовлетворяя, и вмѣстѣ свидѣтельствуя о достоинствѣ Тита, что «онъ таковъ, что заслужилъ любовь всѣхъ сущихъ съ Павломъ. Великая похвала Титу быть привѣтствуемому отъ всѣхъ чрезъ Павла» (Иерон.).

Любящїя ны въ вѣрѣ, — цѣлуй «или любящихъ насъ вѣрно и нелицемѣрно, или любящихъ насъ вѣрныхъ, т.-е. христіанъ» (Ееоф.). Бл. Иеронимъ понимаетъ такъ: любящихъ насъ въ духъ вѣры, или въ силу вѣры. «Еслибы всякой любящїй, пишетъ онъ, любилъ въ вѣрѣ, и не было бы иныхъ любящихъ безъ вѣры; то Апостоль никакъ къ любви не присовокупилъ бы вѣры, говоря: *цѣлуй любящїя ны въ вѣрѣ*. Любятъ и матери дѣтей, до того, что на смерть за нихъ готовы, но любятъ не въ вѣрѣ; любятъ и жены мужей, но любовь эта не отъ вѣры. Одна любовь святыхъ любить въ вѣрѣ, — до того, что хотя бы любимый былъ изъ невѣрныхъ, святой любить его въ вѣрѣ, по слову писанїя: *любите враги ваша* (Лук. 6, 35). Любить святой враговъ своихъ, и потому любить въ вѣрѣ: ибо вѣруетъ Тому, кто обѣтовалъ за исполненїе заповѣди своей воздать милостивымъ возданїемъ». Амвросїастъ прибавляетъ: «Апостоль тѣхъ обозначаетъ достойными своего цѣлованїя, которые любятъ его по любви ко Христу Господу нашему».

в).

Послѣднее наконецъ благословенїе преподавая, Апостоль говоритъ: *благодать со всеми вами*. «Молитвенно благожелательствуетъ, да сохранится въ нихъ даръ Божїй

или челоѵколюбіе Божіе выну пребудеть съ ними, сохраняя ихъ благодатію и во благодати. Или: да пребудеть всегда благодать съ ними, наипаче въ ней нуждающимися, ограждая и души ихъ и тѣла во Святомъ Духѣ (Ѳеоф). «Какъ прочіе Апостолы, по слову Господа, входя въ домъ, говорили: *миръ дому сему* (Мѳ. 10, 12); и если достоинъ былъ домъ, то миръ ихъ почивалъ на немъ, а если онъ оказывался недостойнымъ, то возвращался къ тѣмъ, которые желали благословить имъ его: такъ и теперь св. Павелъ молитвенно благожелаетъ вѣрующимъ благодати,—и это конечно вмѣстѣ съ молитвеннымъ благожеланіемъ имѣло свое дѣйствіе, если благословляемые являли себя такими, какими желалъ имъ быть благословляющій».

Приложимъ слова бл. Ѳеодорита, которыми онъ закончилъ свое толкованіе сего посланія. «Сіе написалъ божественный Апостолъ блаженному Титу; но и намъ всѣмъ доставилъ заключающуюся въ этомъ пользу; потому что и мы какъ изъ общихъ сокровищъ, извлекаемъ изъ сего богатство. Да дастъ же намъ Богъ и хранить собранное, о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемъ! Съ Нимъ Отцу со всесвятымъ Духомъ слава, честь и держава, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ! Аминь.

Епископъ Ѳеофанъ.

С Л О В А .
ПРЕПОДОВНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА
НОВАГО БОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ВОСЕМДЕСЯТЬ ПЕРВОЕ.

- 1) О духовномъ дѣланіи.
- 2) Каково было это дѣланіе у древнихъ святыхъ?
- 3) Какъ можно и намъ преуспѣвать въ немъ?

1. Поелику яные люди высокое имѣють о себѣ мнѣніе (котораго куда бы лучше было имъ не имѣть) и почитаютъ себя подобными древнимъ святымъ и богоноснымъ отцамъ нашимъ, по вѣдѣнію, дѣламъ и совершенству, будто стяжавшіе такую же благодать Св. Духа, какой сподобились и тѣ,—между тѣмъ какъ выставляють себя такими только на словахъ безъ дѣлъ, прельщены будучи духомъ самомнѣнія и тщеславія: то я счелъ благословнымъ сказать въ простотѣ нѣсколько словъ объ этомъ, по заповѣди Божіей, которая гласитъ: *и ты обратишься, утверди братію твою* (Лук. 22, 32), и по любви, какую Христосъ повелѣлъ намъ имѣть къ ближнимъ своимъ. Хочешь, брате, слышать, что дѣлали святые и богоносные отцы наши, сидя въ келліяхъ своихъ? Читай житія ихъ, и изучи прежде самъ ты ихъ тѣлесное дѣланіе, а потомъ и я открою тебѣ, какое духовное проходили они дѣланіе. Ибо писавшіе житія ихъ, описывали болѣе тѣлесныя (видимыя) ихъ дѣла, какъ - то: ничего-неимѣніе, постъ, воздержаніе, тер-

пѣніе, и прочее,—чтобъ не пересказывать все и не удлинить тѣмъ слова; духовное же ихъ дѣланіе они лишь нѣсколько давали видѣть посредствомъ тѣлесныхъ дѣлъ ихъ, какъ въ зеркалѣ; такъ что познать и уразумѣть, какихъ сподобились они дарованій духовныхъ, могутъ только тѣ, которые, подобно имъ, подѣмляютъ труды и подвиги, и такими дѣлами являя вѣру подобную ихъ вѣрѣ, чаютъ сдѣлаться причастниками и дарованій ихъ. Тѣ же, которые не подражаютъ подвигамъ ихъ, ничего не уразумѣютъ о духовныхъ ихъ дѣлахъ. Впрочемъ, поелику мы въ такое пришли неразуміе, что почитаемъ себя имѣющими такую же благодать Духа, какую имѣли древніе, не дѣлая однакожъ дѣлъ, которыя они дѣлали; то изслѣдуемъ этотъ предметъ, и удостовѣряться въ томъ, какъ все бываетъ изъ духовныхъ дѣлъ отцевъ, восподвизаемся подражать имъ, хотя и не можемъ надѣяться достигнуть въ мѣру ихъ.

2. Итакъ что дѣлалъ Антоній великій, когда уединенно жилъ въ гробницѣ,—и притомъ тогда, какъ не зналъ еще въ совершенствѣ духовнаго дѣланія? Не заключился ли онъ въ гробницѣ такъ, какъ мертвый? Имѣлъ ли съ собою хоть что либо изъ вещей міра, и заботился ли самъ о себѣ хоть скольконибудь? Не умеръ ли онъ весь и всецѣло для міра, и не искалъ ли единаго Бога, могущаго даровать ему жизнь и воскресеніе? Не довольствовался ли онъ однимъ хлѣбомъ и водою? Не выносилъ ли онъ мужественно всякое зло отъ демоновъ, хотя они такъ сильно нападали на него, что однажды онъ остался полумертвымъ отъ побоевъ ихъ? Когда же принесли его по сему случаю въ церковь, какъ мертваго и пошевелиться не могшаго, то онъ, пришедши въ себя, не возвратился ли назадъ и не выступилъ ли опять небоязненно противъ враговъ своихъ одинъ? — Простое будто это дѣйствіе, а между тѣмъ сколь оно было важно! Ибо еслибъ онъ не возвратился къ врагамъ своимъ, а остался въ мѣрѣ, и еслибъ онъ, рѣшась такимъ образомъ терпѣть до конца,

не предаль себя произвольно на смерть со всею готовностію, то не удостоился бы увидѣть превожделѣнное лице Христа Господа и услышать сладчайшій гласъ Его. Но какъ онъ взыскалъ вседушно, толкалъ всеусердно, претерпѣлъ до конца; то и получилъ достойную терпѣнія своего награду. Ибо, какъ я сказалъ, онъ умеръ произволеніемъ для всего, лобве ради Христовы, и сидѣлъ на уединеніи, какъ мертвый, пока не пришелъ Христосъ, животворящій мертвыхъ, не извелъ его изъ ада, т.-е., изъ душевной тмы, и не ввелъ въ чудный свѣтъ лица своего, который узрѣвъ Антоній, освободился отъ всякой скорбности и преисполнясь радости, воззвалъ: Господи! Гдѣ же былъ Ты доселѣ?! Словами: гдѣ былъ Ты Господи? онъ показалъ, что не зналъ, гдѣ былъ Господь; тѣмъ же, что сказалъ: доселѣ, показалъ онъ, что теперь увидѣлъ, почувствовалъ и позналъ присутствіе Христа Господа. Итакъ, если мы не хотимъ отречися міра такимъ же образомъ и не произволяемъ терпѣть подобно св. Антонію, то какъ возможно намъ удостоиться увидѣть Бога благодатію Духа Святаго и преисполниться радости духовной, подобно ему? Нѣтъ, никакъ это невозможно.

Вотъ и Арсеній великій, тотчасъ какъ возненавидѣлъ міръ, что сдѣлалъ? Не оставилъ ли царскихъ палатъ, и царей, и слугъ, и всего богатства своего, и не пошелъ ли въ монастырь одинъ, какъ какой либо бѣдный и нищій, всячески стараясь, чтобъ не узнали, чѣмъ онъ былъ, во избѣжаніе славы и хваленій человѣческихъ и въ стяжаніе славы предъ Богомъ? —Что же? Удовольствовался ли онъ этимъ однимъ? Нѣтъ; но что сдѣлалъ? Не потерпѣлъ, чтобъ его ставили наравнѣ съ бѣдными оными подвижниками, какъ нищаго и презрѣннаго, но смотрѣлъ на себя, какъ на пса. Ибо когда игумень, для испытанія его, бросилъ ему кусокъ хлѣба и хлѣбъ упалъ на земь, то благословенный сей и самъ бросился на земь и пошелъ къ хлѣбу, подобно четвероногому на рукахъ и ногахъ, но и дошедши до него, не руками взялъ его, а

зубами, какъ дѣлають псы, и съѣлъ. Потомъ, когда сидѣлъ въ келліи, не только терпѣливо трудился надъ рукодѣліемъ, къ которому совсѣмъ не имѣлъ привычки, но и такъ вель дѣло, что на нужды свои истрачивалъ гораздо менѣе, нежели сколько получалъ отъ рукодѣлья,— и пилъ воду уже попортившуюся. Къ тому же, и когда работалъ рукодѣлье и когда молился, всегда плакалъ и обливался слезами, на молитвѣ протаивалъ съ вечера до разсвѣта, и до конца жизни терпѣлъ бѣдность и нищету. Для чего? Для того, чтобы увидѣть и испытать и самому то же, что сподобился увидѣть и испытать великій Антоній. Но какъ же, спросишь, о немъ не написано, что онъ видѣлъ Христа? Ужь въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, онъ не подъялъ такихъ подвиговъ, какіе подъялъ св. Антоній; или хотъ подъялъ такіе подвиги, однакожь Бога увидѣть не сподобился? Нѣтъ, не такъ. И онъ сподобился увидѣть Бога такъ же, какъ и великій Антоній; но тотъ, кто писалъ его житіе, не сказалъ этого явно. Если желаешь въ этомъ удостовѣриться, прочитай главы, написанныя Арсеніемъ великимъ, — и узнаешь изъ нихъ, что и онъ видѣлъ Бога.

3. И такъ кто подражаетъ святымъ дѣлами своими и подвигами, тотъ навѣрное сподобится получить и равную благодать. И сіе такъ же вѣрно, какъ вѣрно то, что никто изъ святыхъ отцевъ, ни прежде пріятія благодати Свят. Духа, ни по пріятіи оной, не могъ выдти изъ омраченія душевнаго и увидѣть свѣтъ Святаго Духа, безъ трудовъ, подвиговъ и потовъ, безъ самопринужденія, самоутѣсненія и прискорбности. Ибо нудно есть царствіе небесное и нудницы восхищаютъ его,— такъ какъ многими скорбми подобаетъ внити въ него (Мѡ. 11, 12; Дѣя. 14, 12). Царствіе сіе есть благодать Святаго Духа, какъ показываетъ сказанное Господомъ слово: *царствіе Божіе внутрь васъ есть* (Лук. 17, 21), чтобъ мы возподвизались пріять и имѣть въ себѣ Духа Святаго. И такъ, которые чуждаются всегдашняго самопринужденія, самоозлобленія и са-

моствсненія, произвольной нищеты и самоохотныхъ лишеній, такіе пусть не говорятъ, что имѣютъ въ себѣ Духа Святаго. Ибо безъ трудовъ, потовъ и болѣзненныхъ подвиговъ въ добродѣтеляхъ, никому не дается сей небесный даръ. Почему истину выражаетъ общее присловіе, которое гласитъ: покажи дѣла и ищи награду.

Я знаю человѣка, который, почитавши божественныхъ Писаній въ правотѣ помышленій и простотѣ души и бдѣнно помолившись нѣскольکو дней и ночей, безъ особыхъ какихъ либо трудовъ и подвиговъ, такого сильнаго сподобился просвѣщенія отъ благодати Свят. Духа, что ему показалось, будто онъ находится внѣ тѣла, внѣ дома, внѣ сего міра. Была ночь, когда онъ увидѣлъ этотъ свѣтъ,—и вдругъ стало свѣтло, какъ въ полный день. Но какъ онъ получилъ такое богатство безъ труда, то скоро сталъ и небречь о немъ; впалъ въ нерадѣніе и лишился всего онаго богатства,—и до такой степени, что совсѣмъ даже изъ памяти у него выпало, что нѣкогда видѣлъ такую славу.

Какъ же послѣ сего тѣ, которые никогда не сподоблялись получить, или видѣть такую славу, говорятъ, что имѣютъ ее въ себѣ? Недоумѣваю. Но о, ослѣпленіе и омраченіе таковыхъ! О, нечувствіе и суетное ихъ самоумнѣніе! Откуда это они узнали? И отъ какихъ писаній слышали? Поистинѣ осуетились они помышленіями своими и омрачилось неразумное ихъ сердце, — и они все еще пребываютъ въ Египтѣ, т.-е., во мракѣ страстей и похотей своихъ. Ибо тѣ, которые возжелали увидѣть землю обѣтованія, которую видѣть сподобляются кроткіе, смиренные и нищіе (духомъ), съ удовольствіемъ подъемяютъ всякую тѣсноту, скорбь, скудость, нищету,—и всеуильно воздерживаются отъ всякой тѣлесной сласти, покоя и чести, отдаляются отъ всякаго человѣка, и малаго и великаго, и бѣгаютъ ихъ безъ ненависти, чтобъ сподобиться внити въ землю обѣтованія, прежде чѣмъ пресѣчется теченіе настоящей жизни, т.-е., прежде чѣмъ

умрутъ. Таковыя много смиряются, и почитая себя истинно злонравными, многогрѣшными, врагами Бога и преступниками заповѣдей Его, проводятъ жизнь въ скорбѣни, печалованіи и покаяніи, и всячески стараются узнать, что бы еще слѣдовало имъ сдѣлать, чтобы примириться и содружиться со Христомъ Господомъ. За это и Господь даруетъ имъ наконецъ не только познать, что надлежитъ имъ дѣлать, чтобы примириться съ Нимъ, но даетъ имъ силу и терпѣніе и дѣломъ совершить все, потребное для того, чтобы увидѣть и стяжать надъ всѣмъ и во всемъ сущаго Бога, и послѣ того жить уже какъ на небѣ и тамъ имѣть свое обиталище, хотя находятся въ горахъ, въ пещерахъ, въ келліяхъ, въ городахъ, и такимъ образомъ служить Ему съ удовольствіемъ и отрадною, съ радостію и веселіемъ неизглаголанными.

Таково дѣланіе святыхъ! Таково дѣйствованіе тѣхъ, въ коихъ дѣйствуетъ Духъ Божій! Такимъ и въ наши дни былъ святой и блаженнѣйшій Симеонъ благоговѣйникъ, который, какъ солнце, сіялъ въ славномъ монастырѣ Студійскомъ. Онъ сначала жилъ въ мірѣ, среди дѣлъ мірскихъ, среди друзей и родныхъ, заботъ, попеченій и утѣшеній мірскихъ, но потомъ такъ отъ всего этого отрѣшился, что совсѣмъ и не вспоминалъ о томъ никогда. Онъ живя среди множества монаховъ, такое блаженное сказаль слово: долгъ имѣеть монахъ быть въ монастырѣ,— какъ существующій, и несуществующій, и неявляемый, наипаче же незнаемый. Изъясняя сіе слово, онъ говорилъ: «какъ существующій и несуществующій, — какъ бы онъ существовалъ по тѣлу, а не существовалъ по духу, и не явель былъ въ семъ отношеніи другимъ исключая тѣхъ, кои содѣлались чистыми, благодатію всесвятаго Духа,— и знаемъ не былъ, т.-е. ни съ кѣмъ ничего не имѣлъ (не имѣлъ особой знаемости и дружбы)». О, блаженныя слова, коими проповѣдуется вышечеловѣческое, ангельское его житіе! О, словеса досточудныя, въ коихъ онъ самъ исповѣдалъ, что благодатію Святаго Духа стяжалъ жи-

тельство на небесахъ, и при этомъ открылъ, что былъ едино съ Богомъ, именно словами, чтобъ ни съ кѣмъ ничего не имѣлъ монахъ: чего никто не можетъ истинно проявить на дѣлѣ, чего и сказать даже никто не можетъ, если не соединился всецѣло съ Богомъ. Если же и скажетъ кто, то оболщаетъ себя. Кто не соединенъ съ Богомъ и говорить, что не грѣшитъ, тотъ слѣпецъ, совсѣмъ невидущъ и безчувственъ. Кто же имѣетъ въ себѣ Бога, тотъ *не можемъ согрѣшати, яко ѡмня Его въ немъ пребываетъ*, какъ говоритъ Іоаннъ Богословъ (1 Іоан. 3, 9). Что благоговѣйный Симеонъ имѣлъ въ себѣ всего Бога, объ этомъ онъ, и когда живъ былъ, говорилъ, и по смерти велегласно свидѣтельствуется въ писаніяхъ своихъ, говоря: «стяжи Бога другомъ себѣ, и не будешь имѣть нужды въ человѣческой помощи»; и въ другомъ мѣстѣ опять: «стяжи Бога, и не будешь имѣть нужды въ книгахъ». Это послѣднее онъ и дѣломъ показалъ: ибо цѣлую книгу составилъ своими трудами, или, лучше скажу, благодатию Св. Духа, обитавшею въ немъ, несмотря на то, что не проходилъ наукъ. Все сіе, вмѣстѣ съ св. Симеономъ, духовнымъ отцемъ моимъ, и я подтверждаю своимъ свидѣтельствомъ и исповѣдую. Блаженный и преподобный отецъ сей столь много подвизался, что превзошелъ въ этомъ даже древнихъ святыхъ, и такъ много терпѣлъ искушеній и скорбей, что уподобился многимъ великимъ и славнымъ мученикамъ. За то прославленъ Богомъ и сдѣлался безстрастнымъ и святымъ и удостоился пріять въ себя благодать Свят. Духа. Потомъ, какъ систерна даетъ изъ себя жаждущему воду, которая настекаетъ въ нее отъ дождей изъ небесныхъ облаковъ; такъ и отецъ нашъ преподобный пріялъ отъ полноты Владыки нашего Христа и источалъ изъ себя воду живую отъ благодати Св. Духа. И опять,—какъ иной досыта напивается водою, которая источается изъ систерны и изливается изъ пей внѣ, такъ и ученикъ его пріялъ благодать Святаго Духа, которая всегда источалась и изливалась отъ

сего святаго отца нашего духовнаго, напоился ею, и умылъ лице свое, руки и ноги, потомъ омылся весь и по душѣ и по тѣлу этую безсмертную водою. О, таинство страшное и преславное!

И не позволяйте себѣ, братія мои, невѣровать этому; потому что такое слово не собственное мое есть,— и то, что я сказалъ, случилось не съ одними нами (т.-е. имъ и духовнымъ отцемъ его). Но послушай евангелиста Іоанна, — что говоритъ онъ о водѣ сей, или, лучше сказать, о семъ Сынѣ, живомъ Словѣ Бога, отъ Котораго обогатился словомъ и Іоаннъ. *Всякъ пійи отъ воды сея, говоритъ Господь, вжаждетъ пакы: а иже пьетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждетъ во вѣки: но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 13. 14). Изъясняя, что значить сія вода живая, Іоаннъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *сіе же рече (Господь) о Дусѣ, егोजе хотяху пріимати втрующіи во имя Его* (Іоан. 7, 39). И Апостоль Павелъ говоритъ: *мы же не духа міра сего пріяхомъ, но Духа иже отъ Бога, да вѣмы, яже отъ Бога дарованная намъ, яже и глаголемъ* (1 Кор. 2, 12). Этою-то водою отмывается и выводится изъ души всякое зло, всякая сквернота, и безъ нея, сколько ни трудись и не подвизайся, не получишь никакой пользы. Посему и мы, не могши никоимъ образомъ скрыть талантъ, т.-е. даръ Владыки нашего Христа, и не возвѣщать о благодати Божіей данной старцу Симеону, исповѣдуемъ съ дерзповеніемъ милость Божію, явленную намъ чрезъ сего преподобнаго отца нашего, который и пасъ насытилъ ненасытно отъ воды полученной имъ отъ Бога, во славу св. имени Его. И се, по силѣ нашей, мы, послѣднѣйшіе и непотребные, славили и славимъ Бога, прославившаго преподобнаго отца нашего Симеона благоговѣйнаго, а чрезъ сіе и его (старца). Не думай же никто, будто я лгу и говорю на пагубу душѣ своей, хваля духовнаго отца моего, ибо я знаю, что Богъ погубить всѣхъ *глаголющихъ лжу* (Пс. 5, 7). Тому и дру-

гому (и хвалить и не лгать) учить меня божественный Павель, говоря: *благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Исуса Христа, — сый благословенъ; — истину глаголю, не лгу. Въмъ чловѣка прежде четьренадцетихъ лтъ, —* и проч. (Еф. 1, 3; Рим. 9, 1). И опять: *мы же не духа мѣра сего прѣяхомъ, но Духа, иже отъ Бога, да въмы яже отъ Бога дарованная намъ, яже и глаголемъ* (1 Кор. 2, 12). — Ктому же что пользы мнѣ или духовному отцу моему отъ похвалъ? Всеконечно нѣтъ намъ пользы никакой совершенно. Но какъ, говоря о древнихъ святыхъ, имъ самимъ никакой совершенно не доставилъ я пользы, слушателей же подвигъ къ подражанію имъ: такъ въ томъже смыслѣ говорилъ я, и не перестану говорить и о преподобномъ Симеонѣ, а когда бываетъ потребно и нужно, прибавляю нехотя и объ ученикѣ его. Невѣріе тѣхъ, которые во вредъ слушающимъ говорятъ, будто въ нынѣшнія времена невозможно, чтобъ кто либо сталъ такимъ, каковы были древніе отцы, чтобъ достигнулъ кто мѣры добродѣтелей, какія проявили они, и чтобъ сподобился даровъ, какіе они получили, — это невѣріе заставляеть меня говорить то, чего я, безъ сего, никогда не сказалъ бы, и представлять всѣмъ въ настоящемъ свѣтѣ чловѣколюбіе Божіе, чтобъ обличить перадѣніе и лѣность говорящихъ такіа рѣчи.

Блаженный Симеонъ такъ много трудился и подвизался, что превзошелъ своими трудами и подвигами даже многихъ древнихъ святыхъ, и такіа претерпѣлъ искушенія и скорби, что является подобнымъ многимъ именитымъ и великимъ мученикамъ. За это прославленъ онъ Богомъ, сталъ безстрастенъ и святъ, и сподобился пріять въ себя всю, такъ сказать, благодать Святаго Духа. Потомъ, какъ отецъ даетъ наслѣдіе сыну своему даромъ, такъ и мой духовный отецъ далъ ученику своему благодать Святаго Духа, безъ собственнаго его труда и подвига, а даромъ. И кто изъ насъ можетъ, не говорю, дѣлать дѣла, какія онъ дѣлалъ, даже хорошо понять то, что

овъ сказалъ?—Вотъ что прежде всего другаго, какъ наставленіе, написалъ святой нашъ: «брате! совершеннымъ удаленіемъ отъ міра называется совершенное умерщвленіе и отсѣченіе своей воли». О, блаженный гласъ, или лучше сказать, о, блаженная душа, сподобившаяся сдѣлаться такою и отрѣшиться отъ всего міра! Къ такомуъ говоритъ Владыка Христосъ: *отъ міра нысте, но Азъ избрахъ вы отъ міра сего* (Іоан. 15, 19). *Приидите ко Мнѣ, и Азъ упокою вы* (Мѣ. 11, 28). Тѣмъ же, которые инымъ шествуютъ образомъ, и творятъ волю свою хотя мало нѣкако, или въ нѣкоторыхъ только, повидимому, добрыхъ дѣлахъ, невозможно увидѣть ту жизнь, какую видятъ совсѣмъ удалившіеся отъ міра и совершенно умершіе волѣ своей.

Итакъ, брате мой, если и ты не хочешь смиряться и слушаться во всемъ, не хочешь охотно переносить скорби, безчестія, униженія и поношенія, не хочешь быть какъ какой несмысленный, незнаемый, нищій, и заброшенный, не хочешь также быть презираемымъ отъ всякаго чловѣка и почитаемымъ за какого либо помѣшаннаго; то скажи мнѣ, какимъ же другимъ образомъ возможно тебѣ сдѣлаться чуждымъ собственной своей воли? Если Богъ заповѣдалъ намъ всѣмъ терпѣть все такое, какъ бывающее съ нами для испытанія, или лучше сказать для очищенія душъ нашихъ, мы же не хотимъ того терпѣть, но живеть въ насъ земное мудрованіе плоти, заставляющее насъ не желать никакого лишенія и злостраданія; то какъ можно намъ быть мертвыми къ міру и къ вещамъ мірскимъ? Нѣтъ, это невозможно. Если же умертвимся мы міру и всему мірскому; то какъ можемъ пожить сокровенною во Христѣ жизнію? Какъ можемъ узрѣть Бога обитающимъ въ насъ, какъ свѣтъ,—какъ сказалъ и святой Симеонъ? Нѣтъ, братія мои, невозможно намъ получить такой даръ,—и пусть не прельщаетъ насъ никто.

Если ты, почитая блаж. Симеона буимъ, стыдишься подражать дѣламъ его; то подражай Христу, и страдай

охотно для собственнаго своего спасенія, какъ Онъ страдалъ для тебя. И Его, какъ слышишь, называли бѣсноватымъ, льстецомъ, ядцею и пійцею, говоря Ему: *бѣса имаши* (Іоан. 8, 48), и опять: *сей человекъ ядца и пійца, другъ мытаремъ и грѣшникомъ* (Лук. 7, 34). Тоже самое слышалъ и преподобный отецъ нашъ Симеонъ, за меня, или и за всѣхъ насъ. Слышишь опять, какъ Господь нашъ взятъ былъ и связанъ, будто убійца и злодѣй, и представленъ Пилату, какъ какойнибудь нищій и ничтожный человекъ, какъ заупенъ былъ рабомъ и брошенъ въ темницу, какъ влачимъ былъ воинами и какъ преданъ отъ Пилата еврейскому народу съ словами: *возмите его вы и распните*. Помысли же, какъ былъ среди ихъ Христосъ, сынъ претворивъ всѣхъ небесъ и содержаи вся рукою своею? Какъ былъ толкаемъ то съ одной, то съ другой стороны? Какъ былъ ударяемъ и заушаемъ, и влекомъ въ судилище Тотъ, на Кого не смѣетъ взирать всякая тварь, даже самые серафимы? Какъ обнажаемъ былъ, привязываемъ къ колоннѣ и принималъ сорокъ ударовъ,— въ показаніе, что Онъ осужденъ на смерть? Потомъ помысли, какъ Онъ одѣтъ былъ въ насмѣшку хламидою червленою, какъ ударяемъ во главу и вопрошаемъ воинами: *кто естъ ударей тя?* Какъ увѣнчанъ вѣнцемъ терповымъ и принималъ насмѣшливое поклоненіе, какъ поругаемъ и оплевываемъ и слышалъ издѣвательныя слова: *се царь іудейскій?* Какъ опять былъ одѣтъ въ собственныя свои одежды, какъ связанъ и влекомъ на смерть, какъ неся крестъ свой шелъ на мѣсто казни, какъ смотрѣлъ на водруженіе креста въ землю, оставленъ будучи одинъ друзьями и учениками своими? Послѣ сего опять подумай, какъ Онъ былъ обнажаемъ и возносимъ на крестъ, какъ привождаемъ воинами по рукамъ и ногамъ, какъ напаяемъ желчію, какъ поносимъ разбойникомъ, какъ поругаемъ толпою и слышалъ: *разоряяи церковь и трети деньми созидаая ю, спасися самъ и снуди со креста, и еще: аще Сынъ естъ Божій, да снидетъ нынѣ со креста и*

вѣруемъ въ Него. Наконецъ подумай, какъ послѣ того, какъ претерпѣлъ все сіе, благодарилъ Онъ Отца своего и молился Ему за тѣхъ самихъ, которые предали Его на такія страданія и смерть, и какъ предалъ душу свою въ руки Отца своего. Не довольно ли для тебя всего сего, брате мой, къ подражанію? Стыдишься переносить сіе и подобное сему?—Но какими же другими дѣлами, или какимъ другимъ образомъ можешь ты прославиться вмѣстѣ съ Нимъ? Слушай, что самъ Онъ говоритъ: *уже аще постыдится Мене и словеса моихъ, сего и Азъ постыждуся предъ Отцемъ моимъ, уже есть на небесѣхъ* (Лук. 9, 26; Мѡ. 10, 32). И св. Павелъ говоритъ: *аще съ Нимъ терпимъ, съ Нимъ и прославимся* (Рим. 8, 17; 2 Тим. 2, 12). Почему, если стыдимся подражать страстямъ Христовымъ, которыя претерпѣмъ Онъ нашего ради спасенія, и страдать, какъ страдалъ Онъ, — явно, что невозможно намъ быть сопричастниками и сонаслѣдниками славы Его. Ибо въ такомъ случаѣ мы вѣрны только словами, а не и дѣлами; когда же нѣтъ дѣлъ, вѣра наша мертва. Но если вѣра безъ добрыхъ дѣлъ мертва, то явно, что когда вѣра съ худыми дѣлами, тогда она не называется и не есть болѣе вѣра. Мертвое тѣло, если оно умерло недавно, называется мертвымъ; но если оно долго пролежитъ такъ, то не называется уже тѣломъ мертвымъ, а трупомъ тлѣющимъ, разлагающимся, попортившимся. Такъ и здѣсь: поелику два есть рода дѣлъ,—одни угодныя Богу, а другія ненавистныя; то, если вѣра, какъ говоритъ Апостоль Іаковъ, безъ угодныхъ Богу дѣлъ мертва есть,—очевидно, что той вѣрѣ, которая не только есть безъ угодныхъ Богу дѣлъ, но имѣетъ еще и дѣла ненавистныя Богу, нельзя уже называться мертвою, а надлежитъ ей называться попортившеюся и затлѣвшею, или истиннѣе сказать, безвѣриемъ и нечестіемъ. Кажется, что Исаія пророкъ такихъ разумѣетъ, когда говоритъ, что *нечестивые не узрятъ славы Господни.*

Потому и я говорю и не перестану говорить, что тѣ, которые не возподражаютъ страстямъ Христовымъ чрезъ покаяніе и послушаніе, и которые не сдѣлаются причастниками смерти Его, какъ частно показали мы выше,—такіе не удостоятся быть причастными и духовнаго о Немъ воскресенія, не сподобятся пріять Духа Святаго, чрезъ Котораго бываетъ духовное воскресеніе всякаго. Я говорю не о воскресеніи тѣлъ, имѣющемъ быть въ концѣ міра (тогда вострубитъ ангель,—и мертвыя тѣла возстанутъ), но говорю о духовномъ возрожденіи и воскресеніи мертвыхъ душъ, которое каждодневно бываетъ духовно, и которое даетъ, благодатію Духа Святаго, Тотъ, кто нѣкогда умеръ и воскресъ для всѣхъ, и паки воскресаетъ во всѣхъ тѣхъ, кои достойно и какъ подобаетъ жительствоуютъ, и съ Собою совоскрешаетъ души умершія съ Нимъ произволеніемъ и вѣрою, и еще отъ сей начинающей жизни даруетъ имъ чрезъ Духа Святаго царство небесное,—которое улучшить буди и всѣмъ намъ, — благодатію Господа нашего Іисуса Христа, емуже подобаетъ всякая слава, во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ

въ святу ю землю въ древней церкви *).

Религіозныя путешествія до временъ христіанства у язычниковъ и іудеевъ.—Мало извѣстно о путешествіяхъ въ св. землю въ первые три вѣка христіанства; примѣры путешествій изъ II и III вѣка. — Умноженіе числа лицъ, путешествующихъ во св. землю въ IV и V вѣкахъ; примѣръ св. Елены.—Перечисленіе замѣчательнѣйшихъ лицъ IV и V вѣка, путешествовавшихъ во св. землю и изложеніе впечатлѣній, вынесенныхъ ими отсюда. — Замѣчанія о томъ, какъ путешествовали въ это время и по какимъ побужденіямъ?—Какіе памятники и мѣста привлекали въ Палестину путешественниковъ IV и V в. ? — Замѣчательные храмы въ Палестинѣ возбуждавшіе къ себѣ вниманіе путешественниковъ этихъ вѣковъ.

Наклонность путешествовать къ мѣстамъ, почитаемымъ святыми, можно сказать, заключается въ религіозной природѣ человѣка. Путешествія къ этимъ мѣстамъ начались не со временъ христіанскихъ, а гораздо раньше. Язычники до временъ Христа ходили на поклоненія тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ по ихъ представленію боги ихъ обнаруживали особенное свое присутствіе и особенную силу, благодѣтельную для человѣка. Ветхозавѣтные вѣрующіе тоже имѣли свои св. мѣста и предпринимали благочестивыя путешествія къ нимъ.

*) Въ *Дух. Читаніи* (1862 г., іюль) была помѣщена статья подъ заглавіемъ: *О путешествіяхъ къ св. мѣстамъ*; но она немного касается исторіи путешествій во св. землю въ древнія времена церкви, а представляетъ обстоятельное размышленіе о значеніи путешествій къ св. мѣстамъ.

Язычники вообще отдавали предпочтеніе своимъ мѣстнымъ святынямъ предъ святынями другихъ странъ и народовъ; однакожъ такіе язычники, какъ Греки и Римляне, имѣли нѣсколько высокочтимыхъ святынь, которымъ всѣ они, безъ различія странъ и національностей, воздавали общесъ религіозное почитаніе. Знаменитѣйшими святынями у Грековъ и Римлянъ были Дельфы, Додона, храмъ Юпитера - Аммона. Особою славою пользовались Дельфы, въ Фокидѣ, гдѣ былъ храмъ Аполлона. Дельфы почитались центромъ всей земли. Сюда втекались путешественники изъ всѣхъ странъ и народовъ. Чтобы удостоиться узнать волю бога Аполлона, чрезъ жрицу Пифію, пилигримы должны были вступать въ храмъ по совершеніи установленныхъ очистительныхъ жертвъ, съ музыкой и въ торжественной процессіи. Храмъ Аполлона наполненъ былъ различными драгоценными подарками, какіе приносили сюда цари, князья и богатые частныя лица. Послѣ Дельфъ привлекала къ себѣ множество путешественниковъ Додона въ Епирѣ. Здѣшній оракулъ извѣстенъ былъ своею глубочайшею древностію. Главными святынями этого мѣста были источникъ и роща, которымъ приписывались чудесныя дѣйствія. Храмъ въ Додонѣ былъ великолѣпенъ и изобиловалъ подарками, какіе приносились религіозными путешественниками. Въ древности славился также храмъ Аммона въ Оивахъ, въ Египтѣ. Знаменитѣйшимъ путешественникомъ, посѣтившимъ это священное мѣсто язычниковъ, былъ Александръ Македонскій, который прибылъ сюда на поклоненіе со всѣмъ своимъ войскомъ. Были мѣста, которыя пользовались особеннымъ религіознымъ почитаніемъ язычниковъ и за предѣлами Греціи и Римской имперіи, напримѣръ въ Персіи, Индіи *).

Путешествія къ св. мѣстамъ встрѣчались и въ ветхозавѣтной церкви. Извѣстно, что Авраамъ, праотець из-

*) Augusti. Denkwürdigkeiten aus d. christ. Archeologie. Band. X, S. 88—91.

раильтанъ, по повелѣнію Божію, идетъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Исаакомъ и двумя рабами для принесенія въ жертву Исаака—туда (въ землю Моріа), куда указано ему Богомъ. Почему Богъ повелѣваетъ ему оставить свой домъ, совершить трехдневное путешествіе и избираетъ особое мѣсто для жертвы? Не потому ли, что Ему путешествія съ религиозною цѣлію угодны и что есть мѣста, на которыхъ преимущественно почіетъ Его благоволеніе? Авраамъ безпрекословно совершаетъ путешествіе къ мѣсту, которое особенно угодно въ очахъ Господа (Быт. 22). Второй примѣръ въ томъ же родѣ можно находить въ исторіи патріарха Іакова. Мѣсто, гдѣ онъ въ сонномъ видѣніи узрѣлъ лѣствицу, доходящую до небесъ, по которой восходили и нисходили ангелы, онъ назвалъ «домомъ Божіимъ» и «вратами небесными». Пробудившись отъ сна, онъ даетъ такой обѣтъ: «если Богъ будетъ со мною и сохранитъ меня на пути семъ, въ который я иду, и дастъ мнѣ хлѣбъ и одежду, и я въ мирѣ возвращусь въ домъ отца моего, то этотъ камень, который я поставилъ памятникомъ, будетъ у меня домомъ Божіимъ» (Быт. 28, 20—22). Двѣ стороны обращаютъ наше вниманіе въ указанномъ событіи. Впервыхъ Іаковъ положилъ себѣ это мѣсто почитать, какъ важнѣйшую святыню, и вотъ-рыхъ свидѣтельствовать свое почитаніе такъ, какъ должно это въ отношеніи къ дому Божію, соответствующимъ богослуженіемъ, т.-е. жертвой. Іаковъ даетъ обѣтъ посѣщать то мѣсто, на которомъ открылось благоволеніе къ нему Бога. И дѣйствительно, при своемъ возвращеніи Іаковъ посѣтилъ мѣсто дома Божія и совершилъ возліаніе; но посѣщалъ ли послѣ это мѣсто Іаковъ, Библия не говоритъ. Для потомковъ Іакова и для пророковъ израильскихъ Веилъ всегда оставался священнымъ. Они путешествовали сюда, приносили Господу жертву, и Богъ являлъ къ нимъ свое благоволеніе (1 Цар. 10, 3. 2 Цар. 12 и 13; 4 Цар. 2, 23). Іаковъ и его потомки представляютъ примѣры добровольнаго путешествія къ мѣстамъ особенной

святости. Пророки Самуиль, Илія, Елисей не только одобряли посѣщеніе Веоіля, но и сами приносили здѣсь жертвы. — Моисей въ книгѣ Второзаконія постановилъ, чтобы весь Израиль мужескаго пола трижды въ годъ приходилъ на то мѣсто, какое избереть Богъ (Іерусалимъ), — именно въ праздникъ опрѣсноковъ, въ праздникъ седмиць и въ праздникъ кущей (16, 16). Такимъ мѣстомъ былъ Іерусалимъ и до построенія въ немъ храма Іеговѣ и послѣ построенія его въ столицѣ іудейской. Когда Соломонъ построилъ храмъ, прославленный отъ самого Бога, то сюда стали притекать даже такія лица, о которыхъ законъ ничего не говоритъ: чтѣ мужской полъ израильтянъ исполнялъ по обязанности, то женскій полъ въ Израилѣ сталъ исполнять по своей доброй волѣ. Такъ извѣстно изъ Евангелія, что Іосифъ обручникъ и Дѣва Марія приходили въ Іерусалимъ на праздникъ пасхи. Въ Іерусалимъ на праздникъ стекались Іудеи и обращенные въ іудейство язычники изъ дальнихъ странъ, — именно — паряне, мидяне, еламиты, каппадокійцы, жители Понта, Азіи совершали религіозныя путешествія въ Іерусалимъ *). Даже язычники приходили сюда на поклоненіе въ праздникъ (Іоан. 12, 20). Вообще путешествія къ св. горѣ Сіонской, ко храму Іерусалимскому съ его величайшими святынями были явленіемъ, которое быть можетъ послужило образцемъ для христіанскихъ путешественниковъ во св. землю въ древности, ибо въ этой землѣ пострадалъ, умеръ и воскресъ Основатель новой религіи. Израильтяне путешествовали въ Іерусалимъ не только по требованію закона, но и по своему произволенію, какъ это видно изъ примѣра израильтянокъ, и это обстоятельство еще болѣе сближаетъ путешествія христіанъ съ путешествіями въ Іудеѣ, такъ какъ христіане и прежде

*) Binterim. Denkwürdigkeiten d. Christ - katholischen Kirche. Baud. IV, Theil 1, S. 611—614.

совершали и теперь совершаютъ хожденіе во св. землю по влеченію сердца, а не по предписанію.

Обращаемся къ исторіи путешествій въ св. землю во времена христіанскія. Мы очень мало знаемъ о христіанскихъ путешественникахъ въ св. землю въ первые три вѣка церкви. Причинъ такого явленія можетъ быть указано нѣсколько. Прежде всего христіанъ въ эти вѣка было не столь много, какъ въ послѣдующія вѣка: меньше было христіанъ, меньше было и путешественниковъ во св. землю. Далѣе, гоненія на христіанъ этихъ вѣковъ были условіемъ не предрасполагавшимъ къ совершенію путешествій: путешествіе къ св. мѣстамъ есть родъ самоотверженія; но къ такому самоотверженію давали множество случаевъ гоненія, такъ что подвигъ путешествія былъ менѣе необходимъ, чѣмъ въ спокойное время. Съ перемѣною обстоятельствъ особенно много начинаютъ путешествовать въ IV вѣкѣ: это было время, когда въ церкви водворился миръ съ воцареніемъ Константина великаго; спокойное время болѣе даетъ удобствъ и возможности предпринимать путешествія, чѣмъ время тревожное, когда царствовали императоры язычники. Далѣе, мѣста освященные страданіями Христа были намѣренно осквернены язычниками чрезъ построеніе на нихъ идольскихъ капищъ; въ Іерусалимѣ трудно было найти то, для чего шли сюда; мѣста святыхъ были въ поруганіи. Прибавимъ еще и то, что многія святыни, съ которыми соединены были воспоминанія о страданіяхъ Христа, находились въ сокрытіи, подъ спудомъ: крестъ Христовъ, пещера Его погребенія были еще не открыты. Все это можетъ объяснить, почему такъ мало знаемъ мы о путешествіяхъ во св. землю за первые три вѣка. Однакоже блаж. Іеронимъ, жившій въ IV и V вѣкахъ, оставилъ намъ ясное свидѣтельство, что путешествія во св. землю начались очень рано и имѣли мѣсто во все время до IV вѣка, когда этотъ подвигъ сдѣлался очень обычнымъ. Онъ говоритъ: «долго было бы исчислять нынѣ, сколько во все время отъ воз-

несенія Господня до настоящаго дня благовѣстниковъ, сколько мучениковъ, сколько искуснѣйшихъ въ церковномъ ученіи мужей ходило во Іерусалимъ. Всѣ они думали, что въ нихъ меньше будетъ религіозности, меньше знаній, и что они не достигнутъ высшей добродѣтели, если не поклонятся Христу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заблестало со креста первоевангеліе *)). Правда, мы не можемъ подтвердить многочисленными примѣрами истинности словъ Іеронима; но и нѣтъ причинъ сомнѣваться въ томъ, что путешественники въ св. землю встрѣчались и до IV вѣка, хотя быть можетъ ихъ было и немного: Іеронимъ обладалъ хорошимъ знаніемъ исторіи христіанскаго Востока **). Древнѣйшее свидѣтельство о путешественникахъ во св. землю находимъ у Евсевія. Онъ рассказываетъ о путешествіи сюда одного епископа изъ Каппадокіи, во II вѣкѣ. Вотъ слова Евсевія: «Александръ получилъ въ одну ночь откровеніе. Послѣдуя божественному мановенію, онъ изъ Каппадокіи отправился въ Іерусалимъ для молитвы и посѣщенія св. мѣстъ, и принять былъ братіями весьма дружелюбно, такъ что они не хотѣли отпустить его домой, ссылаясь равнымъ образомъ на откровеніе, видѣнное ими въ ту же самую ночь». Александръ, епископъ изъ Каппадокіи, остался въ Іерусалимѣ, сдѣлавшись соправителемъ престарѣлаго мѣстнаго епископа Наркисса (Цер. ист. VI, 11). Изъ времени III вѣка можно также указать одного путешественника, посѣтившаго св. землю, — разумѣемъ александрійскаго учителя Оригена. Хотя прибытіе Оригена въ Палестину и имѣло другія побужденія, помимо желанія поклониться св. мѣстамъ (Евсев. Ц. Ист. VI, 19), но онъ не теряетъ изъ виду и этой цѣли, и впоследствии самъ свидѣтельствовалъ, что онъ былъ въ Іерусалимѣ и съ тѣмъ намѣрені-

*) Твор. бл. Іеронима. т. II, стр. 11. Кіевъ. 1879. Тоже изданіе мы будемъ цитировать и ниже, именно II и III томы (письма).

**) Augusti (см. выше), S. 102.

емъ, чтобы зрѣть и благоговѣнно почитать стопы ногъ Спасителя, Его апостоловъ и пророковъ (въ Толк. на Іоан. том. 6. сар. 24). Къ сожалѣнію, изъ исторіи церкви до IV вѣка только и можно указать на эти примѣры путешественниковъ во св. землю, на какіе мы указали. Причина этого отчасти заключается въ томъ, что древніе писатели въ своихъ сочиненіяхъ отмѣчали только такихъ путешественниковъ, которые чѣмъ либо прославились, были лицами знаменитыми, а не считали своей задачей замѣчать о всѣхъ путешественникахъ, ничѣмъ неизвѣстныхъ въ исторіи.

Четвертый вѣкъ христіанской церкви, напротивъ, представляетъ многочисленнѣйшіе примѣры путешествій во св. землю. Сколько лицъ самыхъ знаменитыхъ «съ юпопескою быстротою», по выраженію Евсевія, устремляются въ Іерусалимъ, сколько славныхъ учителей церкви спѣшать въ это святое мѣсто, сколько безвѣстныхъ простыхъ вѣрующихъ текутъ все къ тойже цѣли! Во главѣ всѣхъ извѣстныхъ путешественниковъ во св. землю должно поставить мать Константина Вел. св. Елену. Евсевій говоритъ о ней: «признавъ своимъ дѣломъ воздать Богу долгъ благочестиваго своего расположенія, также вознамѣрившись возблагодарить Его за своего сына царя и своихъ внуковъ, эта старица необыкновеннаго ума съ юношескою быстротою поспѣшила на востокъ и съ царскою заботливостію обозрѣла дивную землю, города и селенія съ тою цѣлію, чтобы совершить должное поклоненія стопамъ Господа и, по слову пророка, «поклониться на мѣстѣ, идѣже стояетъ нозѣ Его» (Псал. 131, 7). Свое пребываніе въ Іерусалимѣ и св. землѣ Елена ознаменовала сооруженіемъ различныхъ храмовъ (о чемъ скажемъ ниже). Страна, видѣвшая уничиженіе Спасителя, произвела такое впечатлѣніе на царственную особу, что она съ великимъ смиреніемъ хотѣла служить Богу тамъ, гдѣ Онъ самоуничжилъ Себя. Елена, по словамъ Евсевія, оставивъ всѣ украшенія, свойственныя ея достоинству,

въ самой скромной одеждѣ, чтобы не быть узнанной, вмѣшивалась въ массу народную и раздавала щедрую милостыню (Жизнь Констант. III, 42. 45). А по свидѣтельству историка Руфина, смиреніе Елены простиралось еще далѣе. Будучи въ Іерусалимѣ, она приглашала къ своему столу дѣвственницъ, жившихъ здѣсь, а сама служила имъ за столомъ въ качествѣ простой рабыни (Hist. Eccles. Lib. I, с. 8). Примѣръ императрицы, совершившей путешествіе во св. землю, имѣлъ сильное впечатлѣніе на христіанъ IV в. Съ этихъ поръ путешественники во св. землю стекаются изъ разныхъ сторонъ, изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей, и часто большими массами. Созоменъ свидѣтельствуесть, что особенно много стекалось христіанъ въ Іерусалимъ въ тѣ дни, когда совершалось воспоминаніе осященія храма, построеннаго при Константинѣ на Голгоѣѣ. Этотъ праздникъ совершался ежегодно, былъ очень торжествененъ и продолжался восемь дней. «По случаю этого торжества, замѣчаетъ историкъ, туда, для посѣщенія святыхъ мѣстъ, стекаются многіе почти со всей подсолнечной» (II, 26). Блаженный Іеронимъ, самъ посѣтившій святые мѣста Палестины во второй половинѣ IV вѣка и долго жившій здѣсь, свидѣтельствуесть, что въ Палестину въ это время стало притекать множество христіанъ изъ различныхъ мѣстъ. Онъ пишетъ: «лучшіе въ этомъ мірѣ христіане собираются здѣсь вмѣстѣ. Каждый изъ лучшихъ людей Галліи спѣшитъ сюда. Отдаленный Британецъ едва только начинаесть преуспѣвать въ религіи, оставивъ западъ, стремится къ мѣсту столько извѣстному по молвѣ и по библейскимъ воспоминаніямъ. А что сказать объ Армянахъ, Персахъ, народахъ Индіи и Евіопіи, о странѣ близъ Египта, кипящей монахами, о Понтѣ, Каппадокіи Сиріи и Месопотаміи? Они по слову Спасителя, «идѣже бо аще будетъ трупъ, тамо соберутся орли» (Мѡ. 24, 28), — стекаются къ этимъ мѣстамъ и представляютъ намъ зрѣлище всевозможныхъ добродѣтелей» (Твор. II, 11. 12). Свят. Іоаннъ Златоустъ въ концѣ IV

вѣка въ одной изъ своихъ церковныхъ бесѣдъ говорилъ: «скажи мнѣ, гдѣ гробъ Александровъ (Александра Македонскаго)? Укажи и скажи, когда онъ умеръ? Александрова гроба не знаютъ и свои, а гробъ Христовъ и гробы рабовъ Распятаго знаютъ и варвары. Эти гробы блистательнѣе царскихъ дворцовъ не только по величинѣ и красотѣ строеній, но, что гораздо важнѣе, *по ревности стекающихся* къ нимъ. Въ предстательствѣ уже умершаго и skinотворца, и рыбака имѣеть нужду облеченный въ діадему» *).

Передадимъ свѣдѣнія о болѣе замѣчательныхъ странникахъ во св. землю въ IV вѣкѣ, о которыхъ мы имѣемъ болѣе подробныя извѣстія. Первымъ путешественникомъ, какъ раннѣйшій по времени, долженъ быть упомянуть неизвѣстный христіанинъ, который изъ Галльскаго (французскаго) города Бордо путешествовалъ во св. землю въ 333 году. Этотъ странникъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ оставилъ послѣ себя свои «путевыя записки» (itinerarium). Дневникъ этотъ есть первый историческій памятникъ подобнаго рода. Онъ отличается простодушіемъ и искренностію; видно, что писатель дневника вынесъ самыя отрадныя впечатлѣнія изъ своего странствованія **). Изъ св. мужей, прославившихся и своею высокою жизнію, и своими дѣяніями на пользу вѣры и церкви, и своими твореніями, предпринималъ путешествія во св. землю св. Григорій Нисскій, братъ Василя великаго. Свои мысли и чувства, вынесенныя имъ отъ этого путешествія во св. землю, онъ самъ излагаетъ въ своихъ твореніяхъ. Несмотря на нѣчто прискорбное, съ чѣмъ онъ встрѣтился въ Палестинѣ, общее впечатлѣніе было для него въ высшей степени отраднымъ. Такъ онъ пишетъ въ своихъ твореніяхъ: «памятники великаго человѣколюбія къ намъ

*) Толкованіе на II пос. къ Коринѳянамъ (М. 1851), стр. 324.

**) Изъ этихъ „Путевыхъ Записокъ“ ниже мы передадимъ — что найдемъ нужнымъ.

Господа, какіе показывали мнѣ на мѣстѣ, были для меня предметомъ величайшей радости и веселія; потому что открылся для меня праздникъ Божій: и въ томъ, что я видѣлъ спасительныя слѣды пребыванія здѣсь оживотворившаго насъ Бога, и въ томъ, что встрѣтилъ здѣсь души, въ которыхъ духовно созерцаются таковыя же знаменія благодати Господней. Итакъ, поелику я видѣлъ и чувственнымъ взоромъ св. мѣста, видѣлъ и въ васъ (къ кому писалъ св. отецъ) явныя знаменія такихъ мѣстъ, то исполнился такой радости, какую никакое слово передать не можетъ*). Столь же замѣчательнымъ путешественникомъ во свят. землю былъ, какъ мы упоминали выше, и бл. Иеронимъ, славный и по высотѣ жизни, и по влиянію на церковь западную того времени, и неутомимый писатель — богословъ. Онъ не только былъ во св. землѣ, но долго жилъ здѣсь и даже скончался († 420) въ Виолесмѣ. Пребываніе въ св. землѣ положило глубокое впечатлѣніе на душу этого пришельца съ отдаленнаго запада. Въ Иерусалимѣ особенно пріятно на него подѣйствовали благочиніе, смиреніе, братолюбіе, какими отличались странники, отовсюду пришедшіе сюда на поклоненіе величайшей христіанской святыни. Эти странники какъбы преобразовывались. Безъ сомнѣнія, священныя воспоминанія наполняли ихъ душу неизъяснимымъ восторгомъ. Но предоставимъ слово свидѣтелю — Иерониму: «какъ ни различны голоса (странниковъ разныхъ мѣстъ), но религія одна. Скольکو разностей народныхъ, почти столько же и поющихъ хоровъ. Но между ними нѣтъ никакого спора изъ-за своекорыстія, или изъ побужденій гордости; общее соревнованіе изъ-за смиренія. Пусть будетъ самый послѣдній, его почитаютъ, какъ перваго. Нѣтъ никакихъ отличій, ничего поражающаго въ одеждѣ. Какъ бы ни заблагоразсудилось ходить, нѣтъ ни परिцанія, ни

*) Твор. св. Григорія Нисскаго. М. 1871 г. VIII (письма) стр. 461—462. Этотъ же томъ будемъ цитировать и ниже.

похвалы. Не превозносится не яденіе, не осуждается и умѣренное насыщеніе. Каждый свосму Господу стоитъ или падаетъ. Никто не судитъ другаго, дабы не быть осужденнымъ отъ Господа. А грызть другъ груга зубами, что такъ обыкновенно въ другихъ странахъ, здѣсь этого вовсе не водится. Нѣтъ роскоши, нѣтъ и развлеченій» (Твор. т. II, 12). Столь же отрадное, успокоительное, назидательное впечатлѣніе выносили Іеронимъ и отъ пребыванія своего въ мѣстѣ рожденія Спасителя, въ Виелеемѣ. Здѣсь «все простота», писалъ онъ, «и только пѣніемъ псалмовъ нарушается молчаніе. Обратись куда угодно: земледѣлецъ, идя за плугомъ, поетъ аллилуіа; покрытый потомъ жнецъ развлекается псалмами, и виноградарь, срѣзывая кривымъ ножомъ виноградныя вѣтки, поетъ что нибудь изъ Давида. Таковы въ этой странѣ пѣсни, и это любимыя пѣсни, какъ говоритъ народъ» (тамъ же, 14). Простая идиллическая жизнь въ Виелеемѣ съ пѣніемъ священныхъ гимновъ во время даже обыкновенной работы переносила мысль путешественника, посѣщавшаго мѣсто Рождества Христова, къ тому времени, когда простые пастухи славословили рождающаго Искупителя и хоры ангеловъ восхваляли это преславное событіе. Зная, какос нелегкое дѣло — путешествіе по св. землѣ, Іеронимъ, чтобы доставить удобное помѣщеніе лицамъ, приходившимъ въ Виелеемъ, устроилъ здѣсь на свой счетъ страннопріимницу при монастырѣ. «Страннопріимничество, писалъ онъ, лежитъ у насъ на сердцѣ, и мы съ радостію принимаемъ всѣхъ входящихъ, потому что мы боимся, чтобы Марія пришедши сюда съ Іосифомъ (то-есть вообще путешественники, какими были въ свое время въ Виелеемѣ эти св. лица), не остались безъ убѣжища» *). Примѣръ доблестной странницы во св. землю въ IV вѣкѣ представляетъ благочестивая римская ма-

*) Жизнь бл. Іеронима (при I томѣ рус. перевода его твореній) стр. 88—89.

трона, по имени Павла, позднѣе спутница Иеронима. Ничто не могло удержать ее отъ задуманнаго ею путешествія въ Палестину: ни даже любовь ея къ своимъ дѣтямъ, недостигшимъ еще зрѣлаго возраста. Религіозное чувство преобѣдило въ ней чувства материнской любви. Иеронимъ въ чертахъ трогательныхъ и изобразительныхъ описываетъ ту минуту, когда Павла должна была сѣсть на корабль въ одной гавани въ Италіи для отправленія въ дальній путь и послѣдній разъ взглянуть на своихъ дѣтей, расстающихся съ своею матерью. «Вотъ она, Павла, сходитъ къ гавани; ее сопровождаютъ братъ, родные, свойственники, и что всего дороже,—дѣти, желающія любовію своею побѣдить милосердѣйшую мать. Уже распущены паруса, и корабль подъ веслами гребцовъ выходитъ на глубину. Малютка Токсоцій съ берега протягиваетъ умоляющія руки. Руффина, уже невѣста, безмолвными слезами умоляетъ подождать ея замужства. И несмотря на то, она, т.-е. Павла, поднимала ясные глаза къ небу, побѣждая любовь къ дѣтямъ любовію къ Богу. Она не признавала себя матерью, чтобы доказать, что она раба Христова. Переворачивались ея внутренности и будто на части разрывалась она въ борьбѣ со скорбію. Быть въ рукахъ враговъ и терпѣть суровыя бѣдствія плѣна не такъ мучительно, какъ разлучаться родителямъ съ дѣтьми» (Твор. т. III, 21. 22). Прибывши во св. землю, Павла отдалась всеѣмъ своимъ существомъ религіозному чувству, возбужденному въ ней съ необыкновенной силой зрѣлищемъ всего, что тогда открыто было взору путешественника. Иеронимъ, свидѣтель ея хожденія по Иерусалиму, такъ описываетъ душевное настроеніе Павлы: «здѣсь она обошла все мѣста съ такимъ жаромъ и любовію, что не въ силахъ была бы оторваться отъ первыхъ, еслибы не поспѣшала къ остальнымъ. Сколько пролила она тамъ слезъ, сколько излила стоновъ и скорби, свидѣтель весь Иерусалимъ, свидѣтель самъ Богъ, которому она мо-

лилась *) (Твор. III, 25). Св. земля такъ могущественно повліяла на сердце этой пришелицы изъ страны далекой, что она рѣшилась навсегда остаться здѣсь именно въ Виелеемѣ. Вся жизнь ея съ этихъ поръ посвящена была на дѣла благотворенія, такъ какъ она была богата. Она настроила въ Виелеемѣ келлій и монастырей и гостиниць «по той дорогѣ, по которой Марія и Іосифъ не нашли гдѣ приклонить голову» (тамъ же, 34). Сама Павла сдѣлалась начальницей устроенныхъ ею въ Виелеемѣ женскихъ монастырей и ввела въ нихъ строгій монашескій чинъ. Іеронимъ такъ говоритъ о монастыряхъ Павлы: «она раздѣлила на три общины и монастыря то множество дѣвъ, которые собрала изъ разныхъ странъ,—раздѣлила такъ однакоже, что, будучи раздѣлены въ работахъ и пищѣ, онѣ соединялись въ псалмопѣніяхъ и молитвахъ». Въ извѣстные часы онѣ собирались для общаго молитвословія. «Пришедши сама первою или въ числѣ первыхъ, она побуждала къ приходу и другихъ. Поутру, въ часъ третій, шестой и девятый, ввечеру и въ полночь онѣ пѣли псалтирь по уставу». Кромѣ молитвы, «онѣ ревностно продолжали распределенныя между ними работы, и приготавливали одежды себѣ или другимъ. Благороднымъ по происхожденію не дозволялось имѣть сожительницу кого либо посторонняго, во избѣжаніе разсѣянія. «Для всѣхъ была одна одежда» (Твор. III, 43). Въ подвигахъ строгой инокини Павла прожила въ Виелеемѣ двадцать лѣтъ; здѣсь она и скончалась, по выраженію Іеронима, «взошедши изъ маленькаго Виелеема въ небесныя царства» (тамъ же 57. 58). Эта путешественница во св. землю нашла такой миръ для своей души здѣсь, что совсѣмъ не думала болѣе возвращаться въ

*) Эти слова съ полнымъ правомъ можно прилагать и къ самому Іерониму, какъ и дѣлають описатели его жизни (напр. составитель „жизни Іеронима“ при I томѣ рус. перевода твореній этого Учителя церкви, стр 84).

міръ и умерла тамъ, гдѣ родилось спасеніе христіанъ.— Изъ путешественниковъ, посѣтившихъ св. землю въ V вѣкѣ, отмѣтимъ подвижника Петра изъ Галатіи, о которомъ повѣствуетъ блаж. Θεодоритъ. Этотъ писатель не столько описываетъ какія либо обстоятельства изъ путешествія Петра, сколько знакомитъ съ тѣми чувствами и мыслями, какія наполняли душу этаго путешественника при совершеніи имъ сказаннаго дѣла. Θεодоритъ пишетъ: «Петръ первоначально подвизался въ Галатіи; отсюда отправился въ Палестину обозрѣть мѣста, гдѣ совершились спасительныя страданія, и тамъ поклониться Спасителю Богу и насытить очи свои созерцаніемъ вождельныхъ предметовъ. Ибо страстно привязанные къ кому нибудь обыкновенно чувствуютъ радость не только тогда, когда видятся съ нимъ, но получаютъ удовольствіе и въ томъ случаѣ, если видятъ его домъ, одежду и обувь. Сей блаженный мужъ (Петръ), будучи объятъ любовію ко Христу, приложилъ къ себѣ слова изъ Пѣсни Пѣсней: «узвлень любовію азъ есмь» (5, 8), и какъбы желая увидѣть хотя тѣнь Жениха, обратился къ мѣстамъ, которыя источали для всѣхъ людей токи спасенія» *). Чувства и представленія, наполнявшія душу Петра, были конечно чувствами и представленіями, составлявшими самую цѣнную сторону такою подвига, какъ путешествіе, какое предпринимали въ то время многіе въ Іерусалимъ и его окрестности.

Немного знаемъ о томъ, съ какимъ настроеніемъ духа совершали древніе путешественники часто длинный путь до св. земли, чѣмъ наполняли дни и ночи прежде чѣмъ они вступали въ черту св. града; но и то немногое, что знаемъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Странники проводили дорожное время въ постѣ и молитвословіяхъ; первый какъбы предпочиталъ душу къ созерцанію досто-славныхъ мѣстъ, а вторыя должны были дѣлать менѣе замѣтнымъ самое путешествіе, всегда трудное и безпо-

*) Исторія Боголюбцевъ. Гл. 9. С.П.Б. 1853.

койное. Блаж. Феодоритъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о двухъ извѣстныхъ ему подвижникахъ, совершившихъ путешествіе въ Іерусалимъ. «Пожелавъ видѣть священныя мѣста спасительныхъ страданій, Марина и Кира поспѣшно пошли въ Іерусалимъ, не принимая на пути никакой пищи; пришедъ въ тотъ городъ и совершивъ поклоненіе святынь, онѣ приняла пищу и опять обратный путь совершили въ постѣ, а разстояніе (отъ мѣста, откуда они предприняли путешествіе, до Іерусалима) было не менѣе двадцати дневныхъ переходовъ» *). А Григорій Нисскій къ посту во время пути въ Іерусалимъ присоединилъ и пѣніе священныхъ гимновъ. Тоже сдѣлали и его спутники. Григорій самъ свидѣтельствуеетъ, что «колесница (на которой ѣхалъ онъ и его спутники) была для насъ *церковію и монастыремъ*, гдѣ мы всю дорогу вмѣстѣ воспѣвали Господу и постились» (Твор. VIII, 459).

Скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ побужденіяхъ, которыя располагали христіанъ IV и V вѣка брать на себя нелегкій подвигъ переплывать моря, проходить многія страны, терпѣть дорожныя неудобства и даже подвергаться различнымъ опасностямъ, чтобы достигнуть цѣли—побывать во св. землѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ побужденій видны уже и изъ того, что сказали мы выше о замѣчательнѣйшихъ странникахъ во св. землю. Прежде всего конечно побуждало принять на себя этотъ подвигъ желаніе во всей силѣ воскресить въ своей душѣ тѣ великія событія, какія произошли во св. землѣ во времена ветхозавѣтныя и новозавѣтныя, възрѣть, укрѣпить и оживить въ себѣ религиозное чувство, которое среди обыкновенной обстановки слабѣетъ и притупляется. Этой цѣли могло въ значительной мѣрѣ служить поклоненіе святынямъ Іерусалима, ибо, по прекрасному выраженію Іеронима, «вся религія наша имѣетъ родину въ этой странѣ и въ этомъ городѣ» (Твор. т. II, 5). Здѣсь все могло напоминать о

*) Истор. Боголюбцевъ, гл. 29.

Спасителѣ и совершеніи Имъ великаго дѣла искупленія и наполнять душу радостію и успокоеніемъ по тому естественному закону, на который указываетъ бл. Θεодоритъ, что «кто привязанъ къ кому либо, тотъ чувствуетъ радость не только когда видится съ нимъ, но и въ томъ случаѣ, если видитъ его домъ, одежду, обувь». У другихъ путешественниковъ къ этому мотиву—усугубить въ себѣ религиозное чувство, присоединялись и иные. Такъ по словамъ Евсевія св. Елена прибыла въ Іерусалимъ, какъ для того, чтобы видѣть мѣста, ознаменованныя великими событіями и удовлетворить своему религиозному стремленію, живо прочувствовать все, что совершилось здѣсь, такъ и возблагодарить Бога за тѣ блага, которыми Онъ одарилъ сына и внуковъ ея (Жиз. Констант. III, 42). Еще другіе путешественники хотѣли выразить чрезъ принятый ими подвигъ чувство благодарности по случаю миновавшаго ихъ несчастія. По свидѣтельству Іеронима, нашествие варваровъ и опасность плѣненія побуждали нѣкоторыхъ дать клятвенный обѣтъ.—во время самой опасности или по прошествіи ея отправиться къ св. мѣстамъ (Твор. III, 229). Нѣкоторые изъ странниковъ въ Іерусалимѣ думали находить для себя побужденіе къ этому дѣлу въ заповѣдяхъ самого Христа. Именно думали, что въ словахъ Спасителя, сказанныхъ Его ученикамъ, чтобы они не отлучались отъ Іерусалима, находится побужденіе къ странствованію во св. землю *). Нѣкоторые учепые христіане не забывали при посѣщеніи св. земли и побужденій чисто научныхъ. Св. земля должна была объяснить имъ, что представляется невразумительнымъ и неяснымъ въ св. Писаніи безъ непосредственнаго изученія той страны, гдѣ происходили событія, описанныя въ Библии. Такія побужденія между прочимъ руководили бл. Іеронимомъ. Іеронимъ, обходя св. мѣста Палестины, бралъ

*) Григорій Нисскій, который сообщаетъ это, считаетъ подобный мотивъ безосновательнымъ и изысканнымъ (Твор. VIII, 460).

съ собою въ руководители ученаго іудея, потому что ему для полнаго знанія св. Писанія не только хотѣлось видѣть своими глазами всю эту чудную страну, но и узнать на самыхъ мѣстахъ то, что должно было служить къ пользѣ богословской науки. «Тѣ, которые посѣщали Аѳины, говоритъ онъ, гораздо лучше понимаютъ исторію грековъ, и тѣ, которые шли изъ Троады до Сициліи, потомъ оттудаплыли до устья Тибра, тѣ лучше знаютъ третью книгу Энеиды. Тоже нужно и для знанія св. Писанія» *). Эти и подобныя побужденія, какъ на примѣръ тяжелое горе, желаніе подвигомъ умирить свою совѣсть, сокрушающуюся о какомъ либо великомъ грѣхѣ, вели и приводили въ Іерусалимъ и св. землю.

Теперь опишемъ, какіе предметы, памятники, мѣстности въ Палестинѣ обозрѣвались путешественниками тѣхъ временъ. Большая часть этихъ предметовъ, памятниковъ, мѣстностей имѣла значеніе религіозное, но иные изъ нихъ и просто удовлетворяли любопытству. Іерусалимъ, конечно, имѣлъ больше всего — такого, что съ особеннымъ усердіемъ обозрѣвалось и чествовалось поклонниками въ св. землѣ. Іеронимъ свидѣтельствуетъ, что въ Іерусалимѣ «столько было молитвенныхъ мѣстъ, что обойти ихъ не доставало и цѣлаго дня» (Твор. II, 12). Здѣсь прежде всего поклонникъ воздавалъ поклѣненіе животворящему кресту Христову, «лобзалъ древо крестное» (Іерон. II, 14). Частицы отъ креста Господня, по словамъ св. Кирилла Іерусалимскаго (IV в.), разносились поклонниками по всей христіанской землѣ **). Другимъ драгоценнымъ памятникомъ страстей Христовыхъ въ Іерусалимѣ была гробница ***), гдѣ Онъ былъ погребенъ и изъ которой совер-

*) Жизнь бл. Іеронима (при I томѣ его твореній), стр. LXXXIII.

***) Твор. св. Кирилла, стр. 196. М. 1855. Одинъ томъ, на который мы будемъ ссылаться и въ послѣдствіи.

***) Объ обрѣтеніи гробницы Христовой и креста Христова, что произошло въ IV вѣкѣ, рассказываютъ два древнихъ писателя: историкъ Евсевій и Руфинъ. Евсевій ясно говоритъ объ обрѣтеніи

шилось Его воскресеніе. Путешественники входили въ эту «пещеру, лобзали камень отваленный ангеломъ отъ дверей гроба, припадали къ тому мѣсту, на которомъ лежало тѣло Господне, припадали подобно тому, какъ жаждущіе припадаютъ къ давножеланнымъ водамъ» (Иерон. III, 25). Свят. Кириллъ свидѣтельствуесть, что гробница Христова не совсѣмъ сохранила свой первоначальный видъ, что когда возводились постройки здѣсь, то «преддверіе было отбито для большаго благолѣпія» (Твор. стр. 230). По словамъ тогоже Кирилла, гробница Христова находилась въ вертоградѣ, и въ его время показывали «признаки и слѣды сего» (стр. 227). Однимъ изъ самыхъ достопоклоняемыхъ предметовъ въ Іерусалимѣ была гора Голгова, мѣсто крестной смерти Спасителя. На Голгоѣ показываемы были тѣ самые камни, которые распались во время крестныхъ страданій Господа (св. Кирил. 223). Въ томъже Іерусалимѣ путешественники видѣли «колонну, поддерживающую портикъ церковный, окрашен-

гроба Спасителя, но ничего не говоритъ опредѣленнаго о крестѣ Христовомъ; правда, Евсевій упоминаесть объ открытіи „свидѣтельства (μαρτυριον) Спасительнаго воскресенія“, а Константинъ у тогоже Евсевія въ посланіи къ тогдашнему епископу Іерусалимскому Макарію „съ великимъ восторгомъ замѣчаетъ объ открытіи „знаменія (σημεіον) святѣйшихъ страстей (Христа), скрывавшагося такъ долго подъ землею“ (Жизнь Констант. III, 28. 30); но все-таки прямого нѣтъ ничего у Евсевія объ обрѣтеніи креста, что странно, если въ его время случилось это достопримѣчательнѣйшее событіе. Руфинъ же (Hist. Eccles, Lib. I, cap. 7, 8), передавая тоже событіе, какое рассказываетъ и Евсевій, утверждаетъ однако, что обрѣтенны были крестъ и гвозди, которыми пронято было тѣло Иисусово, и дщица съ извѣстною надписью. Не вѣрить Евсевію трудно, потому что онъ былъ современникъ событія; нельзя впрочемъ отвергать и сказанія Руфина, хотя онъ и былъ писателемъ позднѣйшимъ, въ виду того, что о крестѣ, но безъ особенныхъ подробностей, упоминаютъ и Кириллъ Іерус. и Іеронимъ. Кажется, нужно принять, что открытіе гробницы и открытіе креста были событіями не одновременными. Гробница обрѣтена при Евсевіи, а крестъ позже. Руфинъ перемѣшалъ событія.

ную кровію Господа, къ которой, по преданію, Онъ былъ привязанъ для бичеванія», разсматривалъ и Сіонскую гору, «гдѣ Духъ Св. сошелъ на сто двадцать вѣрующихъ душъ» (Іерон. III, 26). Хотя въ заустѣннѣ, но сохранились еще до IV вѣка и домъ первосвященника Каіафы и преторія правителя римскаго Понтія Пилата (св. Кирил. 222—3). Эти предметы также обозрѣвались путешественниками. Весьма много любопытнаго обозрѣвалъ въ Іерусалимѣ вышеупомянутый нами, неизвѣстный по имени Бордосскій пилигримъ изъ Галліи (Франціи), посѣтившій св. землю въ 333 году и оставившій намъ свои «Путевыя Записки» (*Itinerarium* *),—онъ обозрѣвалъ много таково, о чемъ не упоминаютъ другіе извѣстные намъ писатели IV вѣка. Такъ онъ видѣлъ въ Іерусалимѣ соединенныя между собою водоёмы, имѣвшіе пять портиковъ (притворовъ), которые назывались Виөезда. Здѣсь по евангельскому разсказу получали исцѣленіе больные одержимые болѣзнію много лѣтъ. Вода въ Виөездѣ была, по разсказу пилигрима, мутная съ красноватымъ оттѣнкомъ. Онъ видѣлъ также кришту (пещеру), гдѣ, какъ ему разсказывали, Соломонъ мучилъ демоновъ (трудно сказать, на что здѣсь указывается). Ему показывали остатки превосходнѣйшей башни, на которую возводилъ Господа діаволь, искушавшій Его (Мѡ. 4, 6). Онъ разсматривалъ и камень красугольный, большой, о которомъ сказано, что имъ пренебрегли зиждущіе. Подъ вышеупомянутой башней находились многія комнаты, которыя составляли дворецъ (*palatium*) Соломона. Въ одной изъ этихъ комнатъ указывали мѣсто, гдѣ сидѣлъ Соломонъ и писалъ книгу Премудрости. Въ одномъ изъ зданій, составлявшихъ прежде храмъ Соломоновъ, онъ видѣлъ на мраморномъ помостѣ кровь Захаріи, сохранившуюся до времени, когда былъ въ Іерусалимѣ этотъ пилигримъ. При восхожденіи на гору Сіонъ, ему показывали Силоамскую купѣль, которая

*) Напечатаны у Миня. *Patr. curs. Lat. Ser. t. VIII.*

имѣла четыре портика, и еще другой водоемъ, изъ котораго вода бѣжала въ продолженіе шести дней и ночей (не сказано: въ году, мѣсяцъ или недѣлю); очевидно послѣдній водоемъ былъ чѣмъ-то очень замѣчательнымъ. Такъ же, какъ и другіе путешественники, онъ посѣтилъ домъ Каіаѳы, преторію Пилата, гробницу Христа, видѣлъ колонну, около которой бичевали Спасителя (Itinerarium, сос. 790—791)

Еще больше, чѣмъ въ Іерусалимѣ, было мѣстъ, предметовъ, памятниковъ, которые обозрѣвались путешественниками, — въ Іерусалима, въ разныхъ частяхъ Палестины. Не легко было все это осмотрѣть, по причинѣ множества достопримѣчательнаго. Бл. Іеронимъ, описывая путешествіе Павлы, извѣстной уже намъ, замѣчаетъ: «у меня скорѣе не достало бы жизни, чѣмъ словъ, еслибы я слегка захотѣлъ пересмотрѣть всѣ тѣ мѣста, которыя прошла (въ Палестинѣ) достопочтенная Павла съ неимовѣрною рѣшимостію» (т. III, 33). Послѣ Іерусалима привлекалъ вниманіе путешественниковъ Вилеємъ, мѣсто Рождества Христова. Здѣсь посѣщали «гостиницу Маріину» (т.-е. мѣсто, гдѣ совершилось рожденіе Спасителя), «вступали въ вертепъ Спасителя, этотъ священный пріютъ Дѣвы, зрѣли стойло, въ которомъ «позна волю стяжавшаго и осель ясли господина своего» (Иса. 1, 3). «Вотъ въ этомъ маленькомъ земляномъ углубленіи, узнавали путешественники, родился Строитель неба, здѣсь обвить Онъ былъ пеленами, здѣсь видѣли Его пастыри, здѣсь указала Его звѣзда, здѣсь поклонились Ему волхвы» (Іерон. II, 12. 13. III, 26). Кромѣ того, путешественники «посѣщали хижину Сарры, разсматривали слѣды дуба Авраамова, подъ которымъ Авраамъ увидѣлъ день Христовъ и возрадовался; ходили въ Хевронъ, гдѣ Евреи полагали могилу Адама». Близъ Севастіи или Самаріи показывали путешественникамъ двѣнадцать гробницъ патріарховъ; тамъ погребены по преданію также пророки: Елисей и Авдій и Іоаннъ Креститель, «болій ко-

тораго не воста въ рожденныхъ женами» (Герон. III, 29. 32). Путешественники считали своимъ долгомъ — посѣтить гору Елеонскую, съ которой вознесся Господь и которая находилась вблизи Іерусалима, гробъ Лазаря въ Виваніи, побывать на Іорданѣ, помолиться на гробницѣ Давидовой, увидать источникъ, въ которомъ апостоль Филиппъ крестилъ евнуха, зайти въ пещеры, въ которыхъ пребывали пророки во времена гоненій на нихъ отъ нечестивыхъ царей еврейскаго народа, подниматься на гору Ѡаворъ и узрѣть «тамъ жилище Спасителя», обозрѣть такіе города, какъ Назареть, Кана, Капернаумъ, а также море Генисаретское (Герон. II, 15). Къ этимъ важнымъ извѣстіямъ о томъ, чему поклонялись или что обозрѣвали древніе путешественники во св. землѣ внѣ Іерусалима, прибавимъ еще и то, что тамъ же видѣлъ пилигримъ Бордосскій. Онъ сообщаетъ намъ въ этомъ отношеніи довольно любопытнаго. Такъ онъ побывалъ на мѣстѣ, именуемомъ Сихарь, откуда вышла Самарянка къ колодцу, вырытому Іаковомъ, встрѣтившаяся со Христомъ и имѣвшая извѣстный разговоръ съ Нимъ. Здѣсь этому путешественнику показаны были деревья—платаны, которые посажены были еще Іаковомъ. На пути изъ Іерусалима на востокъ къ горѣ Еленской открывается долина Іосафатова, гдѣ находились виноградники; здѣсь же показывался камень, гдѣ Іуда Искаріотскій предалъ Господа. Невдалекъ отсюда находилось пальмовое дерево, вѣтки съ котораго срывали дѣти и постилали по дорогѣ, какою шель Іисусъ во Іерусалимъ. А недалеко отъ этого мѣста, на разстояніи брошеннаго камня, находились два памятника удивительной красоты; въ одномъ—это былъ монолитъ, цѣльный камень — заключалась гробница пророка Ісаи, а въ другомъ—Езекии царя іудейскаго. По дорогѣ изъ Іерусалима въ Іерихонъ сохранилось дерево—сикомора, на которое влѣзъ Закхей, чтобы видѣть Господа. Путешественникъ видѣлъ источникъ пророка Елесея. Объ этомъ источникѣ онъ слышалъ такое преданіе: прежде

время Елисея, женщина пившая воду изъ этого источника дѣлалась безплодною; но вотъ приходитъ къ нему Елисей, останавливается надъ нимъ, высыпаетъ въ него соли и говоритъ: «сіе глаголетъ Господь: Я сдѣлалъ здоровыми воды сія; послѣ сего, если какая женщина будетъ пить воду отсюда, она будетъ раждать дѣтей». Около источника находился глиняный сосудъ тогоже пророка Елисея. Здѣсь же, надъ этимъ источникомъ показывали домъ блудницы Раавъ, извѣстной въ исторіи завоеванія Израильтянами земли обѣтованной. Пилигримъ, о которомъ у насъ рѣчь, обозрѣвалъ и Мертвое море; вода въ немъ, по словамъ его, весьма прегорькая, такъ что въ ней совсѣмъ не можетъ водиться никакой рыбы на немъ не плаваютъ лодки, и если кто вздумаетъ плавать по этому морю, то вода сама выталкиваетъ такого *).

Не послѣднее мѣсто при обозрѣніи и поклоненіи св. мѣстамъ Палестины древними путешественниками занимали и тѣ величественныя постройки, какія воздвигнуты были на нѣкоторыхъ мѣстахъ св. земли императоромъ Константиномъ Великимъ и его матерію Еленою. Эти сооруженія были великолѣпны, служили памятниками благочестивой ревности перваго христіанскаго императора и были какъбы знаками побѣды христіанства надъ язычествомъ, которая совершилась въ началѣ IV вѣка. Много поучительнаго должны были говорить эти зданія уму и сердцу поклонниковъ, приходившихъ въ Палестину. Между всѣми постройками во свят. землѣ первое мѣсто занимала постройка надъ пещерой гроба Господня и храмъ вблизи ея. Евсевій, современникъ и очевидецъ, такъ рассказываетъ объ этихъ постройкахъ. Когда - то, давно, язычники желая скрыть отъ взоровъ христіанъ ихъ великую святыню—пещеру гроба Христова, засыпали это мѣсто мусоромъ, и какъбы въ насмѣшку надъ почитателями Распятаго они построили здѣсь святилище «сла-

*) Itineriraum (см. выше), col. 970—2.

дострастному демону любви» (Венерѣ). Такъ было до времянь Константина. Этотъ императоръ приказалъ языческое святилище разрушить и очистить мѣсто отъ сора и мусора. Это предпріятіе привело къ тому, что подъ основаніями языческаго храма открыта была пещера гроба Христова, сдѣлавшаяся важнѣйшей святыней Іерусалима. Царь распорядился пещеру великолѣпно украсить и построить подлѣ нея такой «храмъ, который былъ бы великолѣпнѣе всѣхъ храмовъ, гдѣ либо существующихъ». Воля царя исполнена. «Пещеру, какъ главу всего, по словамъ Евсевія, христолюбивая щедрота царя одѣла отличными колоннами и многочисленными украшеніями. Изъ пещеры былъ выходъ на обширную площадь подъ открытымъ небомъ. Эта площадь выслана блестящимъ камнемъ и съ трехъ сторонъ обведена длинными, непрерывными портиками». Что касается до храма (базилики), выстроеннаго по повелѣнію Константина, на восточной сторонѣ пещеры, то онъ представлялъ собой чудо красоты. Свой восторгъ при видѣ этого храма Евсевій изливаетъ въ слѣдующихъ замѣчательныхъ словахъ: «царь построилъ храмъ въ ознаменованіе побѣды Спасителя надъ смертію,—быть можетъ тотъ самый храмъ, который пророческое слово называетъ новымъ и юнымъ Іерусалимомъ и во славу котораго по внушенію Духа Божія такъ много говорится въ Писаніи». Затѣмъ Евсевій такъ описываетъ этотъ храмъ: «базилика—зданіе чрезвычайное, высоты неизмѣримой, широты и длины необыкновенной. Внутренняя сторона его одѣта разноцвѣтными мраморами, а наружный видъ стѣнъ, блистающій полированными и одинъ съ другимъ слоенными камнями, представляется дѣломъ чрезвычайно красивымъ и нисколько не уступаетъ мрамору. Куполообразный потолокъ украшенъ глубокою рѣзью, которая, распространяясь подобно великому морю надъ всею базиликою, взаимно связанными дугами и вездѣ блистая золотомъ, озаряетъ весь храмъ будто лучами свѣта». «Главный предметъ всего—полукругъ,

расположенный на самомъ краю базилики (на восточной сторонѣ). Опъ по числу двѣнадцати апостоловъ увѣнчанъ двѣнадцатю колоннами, которыхъ вершины украшены большими, вылитыми изъ серебра вазами—прекраснымъ приношеніемъ Богу отъ самого царя». Въ храмѣ было множество утвари изъ золота съ драгоценными камнями (Жизнь Конст. III, 26—40). Красота и великолѣпіе храма въ Іерусалимѣ, построеннаго Константиномъ, не оставались безъ должнаго впечатлѣнія на пилигримовъ; они цѣнили то пріятное впечатлѣніе, которое выносилось отъ созерцанія этого памятника благочестивой ревности перваго христіанскаго императора. Они находили, какъ и Евсевій, храмъ въ Іерусалимѣ «удивительнымъ по красотѣ» (*mirae pulchritudinis* *). Кромѣ этого храма тотъ же Константинъ построилъ храмъ у дуба Мамврійскаго, ознаменованнаго событіемъ, которое всѣмъ извѣстно (Евсевія, Жизнь Конст. III, 53). Этотъ храмъ путешественники находили столь же прекраснымъ, какъ и храмъ въ Іерусалимѣ, и не забывали упомянуть и о немъ въ числѣ достопримѣчательностей св. земли **). Свят. Елена съ своей стороны построила два храма въ Палестинѣ: надъ пещерой Рождества Христова въ Виолеемѣ и на горѣ Елеонской, — на мѣстѣ Вознесенія Господня, — храмы прекраснѣйшіе, по свидѣтельству Евсевія (Ж. Кон. III, 43). Безъ сомнѣнія и въ началѣ IV вѣка и впоследствии эти храмы наравнѣ съ другими достопримѣчательностями Палестины привлекали къ себѣ вниманіе путешественниковъ.

А. Лебедевъ.

(Окончаніе будетъ.)

*) *Itinerarium* (см. выше) col. 791.

**) *Ibid.* col. 792.

БЕСѢДА СЪ ПОПОВЦЕМЪ

о Іоаннѣ Маркіоновѣ, патріархѣ Іерусалимскомѣ.

Поповецъ: Іоаннъ, сынъ Маркіона священника, патріархъ Іерусалимскій, рукопоженіе пріялъ отъ еретиковъ северіанъ; во общеніе же церковное пріялъ преподобными Саввою и Θεодосіемъ, иже не бяху епископи, но точію архимандрити, и сему ихъ дѣйствію отъ православныхъ никто не зазиралъ. Посему такожде и пріятіе нашихъ іерсевъ хотя не епископами и безъ воли епископскія совершается, обаче нѣсть достойно зазрѣнія.

Я отвѣтилъ: Чтобы Іоаннъ былъ поставленъ северіанами, о томъ нигдѣ не писано; извѣстно только, что Іоаннъ Маркіоновъ преткнулся обѣщаніемъ приступити къ ереси севировой, даннымъ епарху Олимпію. Также и того нигдѣ не писано, чтобы преподобные отцы Савва и Θεодосій совершали надъ Іоанномъ Маркіоновымъ чинопріятіе отъ ереси, а повѣствуется только, что они увѣщаніями утвердили его не исполнять даннаго епарху обѣщанія, но пребывать не подвижно въ православіи. Вотъ что извѣстно мнѣ о поставленіи патріарха Іоанна и о сношеніяхъ его съ преподобными Саввою и Θεодосіемъ. А если вы обрѣли гдѣ либо въ писаніяхъ свидѣтельства о томъ, что Іоаннъ Маркіоновъ поставленъ северіанами и что преподобные Савва и Θεодосій пріяли его отъ ереси, прошу представить сіи свидѣтельства.

Поповецъ: О томъ писано въ житіи преподобнаго Саввы.

Я отвѣтилъ: Будемъ читать отъ житія преподобнаго Саввы. Четія Минея декабря въ пятый день.

„Повелѣ убо царь собору быти въ Сидонѣ, вручивъ старѣйшинство двоимъ епископомъ, заступающимъ Евтихіево и Діоскорово зловѣріе, Сотиріху Кесаріи Каппадокійскія епископу, и Филоксену Геропольскому, да на соборѣ томъ Халкидонскій соборъ прокленутъ, Флавіана же и Илію низложатъ съ престоловъ ихъ, еже и бысть: соборище бо свое беззаконное совершивше, блаженнаго Флавіана антиохійскаго патріарха, къ соборищу ихъ пристати не восхотѣвшаго, съ безчестіемъ изгнаша злочестивіи, царя имуще пособника, а вмѣсто его Севирь безглавный престолъ восхити, и многія бѣды православнымъ наведе, не хотимъ общенія съ нимъ имѣти. Посла же Севирь своя соборныя догматы и къ Іліи Іеросалимскому. Онъ же еретическихъ законоположеній не приѣмши, вспять отсла я. О чемъ увѣдавъ царь, разгнѣвася на блаженнаго Ілію зѣло, и паки тѣмъ догматомъ во Іеросалимъ послатися повелѣ съ нѣкими клирики и не малою силою воинскою, да не хотящихъ принудятъ соизволити бывшему ихъ въ Сидонѣ соборищу. Пришедшимъ же имъ во Іеросалимъ, и многому смятенію бывшу, и патріарху въ бѣдѣ обрѣтающуся, преподобный Савва собра вся отъ монастырей своихъ иноки, и въ святыи градъ вшедъ, разгна присланныя севиropy служители и воинство, самого же Севира съ его единомышленники анаемѣ предъ всѣми предаде. И возвратишася еретики со студомъ къ посланнымъ ихъ: связующе веліе православныхъ дерзновение, свое же многое безчестіе. Тогда царь неизреченныя ярости исполнився, посла въ Іеросалимъ Олимпія епарха палестинскаго со множествомъ воиновъ, и повелѣ, да не коими законы ниже судіями, но царскою властію патріарха Ілію свержетъ съ престола. Пришедъ убо Олимпій со многою силою, абіе царево повелѣніе исполни, сверже патріарха безъ суда, и на заточеніе въ Аилъ посла, а вмѣсто его повезде сына Маркіона презвитера Іоанна, иже халкидонскій соборъ прокляти, съ Севиромъ же общеніе имѣти *обтщася*. О чемъ увѣдавъ блаженный Савва паки якоже и первѣе духовное свое воинство собра, и аки нѣкоторый воевода иде во св. градъ, но уже не заста епарха Олимпія: той бо повелѣнную ему злобу скоро совершивъ, радостенъ къ царю возвратися. Скорбяше же зѣло блаженной о неповинномъ св. патріарха изгнаніи и рыдаше о немъ. Обрѣтъ же новаго патріарха Іоанна еретическая мудрствующаго, вопіяше на него, да не имать общенія съ Севиромъ, Халкидонскій же соборъ да защищаетъ, и за него да станеть даже до крове: аще же ни, то отъ всѣхъ отецъ пустынныхъ яко еретьиъ прокленатся. Іоаннъ же постыдѣвся, вкупѣ же и убоявся толикихъ и толико многихъ отецъ богодухновенныхъ, со св. Саввою пришедшихъ, отвержеся Севира и всея ереси, православіе же на Халкидонскомъ соборѣ утверженное прія, и утѣшишася отцы святіи“.

На этомъ мѣстѣ я остановилъ чтеніе своего собесѣдника, сказавъ: дабы не затмить память многимъ чтеніемъ, рассмотримъ прежде прочитанное. Въ прочтенномъ уже повѣдаются оба событія: и поставленіе Іоанна, и отреченіе его отъ Севира съ принятіемъ православія. Здѣсь повѣдается, что епархъ Олимпій вмѣсто Іліи, не хотѣвшаго приять Севирово ученіе, возведе Іоанна Маркіюнова. А какими епископами возведе? Православными, или еретическая мудрствующими, о томъ нѣтъ ни одного слова. И изъ таковаго неяснаго повѣствованія слѣдуетъ ли вамъ утверждать, что Іоаннъ возведенъ еретиками, и вмѣсто евангельскаго основанія на такомъ неясномъ повѣствованіи основывать своей церкви существованіе?

Повѣсть: Когда Олимпій исполнялъ волю царя еретика, то безошибочно можно заключить, что и возвелъ онъ Іоанна Маркіюнова епископа еретиками.

Я отетилъ: Вы это утверждаете, не соображаясь съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ, а именно не принимаете во вниманіе, требовалось ли тогда неотмѣнно того северіанами, чтобы единомудрствующіе имъ епископы рукополагаемы были ихъ сеvirіанскими епископами, и существовалъ ли у нихъ тогда какой либо чинъ для пріятія православныхъ. Тогда ересь Евтихіева, на востокѣ погашенная четвертымъ вселенскимъ соборомъ, усиліями царя Анастасія и Севира стала возникать вновь, и Македонія православнаго патріарха Константинопольскаго не могла царь Анастасій согнати съ престола до двадесятаго лѣта царствія своего, бояся народа. Ибо народъ Константинопольскій, «донележе живъ бѣ той Анастасій, на всякое лѣто воставаше на него, ненавида его злобы ради еретическія» (Барон. лѣто Господне 512, Анастасія 22). Это подавало смѣлость ревновать по православіи и гражданамъ Іерусалимскимъ, почему и Севиръ оный еретикъ, отъ православнаго Іліи патріарха Іерусалимскаго не требовалъ подвергнуться какому-либо чиновисправленію, но только принять его догматы и войти съ нимъ въ об-

щеніе, а чрезъ то ввести ересь и въ патріархатѣ Іерусалимскомъ. Точно такъ же и отъ новопоставленнаго патріарха Іерусалимскаго Олимпій ничего болѣе требовать не могъ, какъ только обѣщанія по поставленіи своемъ не слѣдовать своему предшественнику блаженному Іліи въ крѣпкомъ храненіи православія, но быть согласнымъ съ еретиками, на что Іоаннъ и согласился: «иже и Халкидонскій соборъ прокляти, и съ Севиромъ общеніе имѣти *общася*». Вонми историческому повѣствованію: прокляти Халкидонскій соборъ и Севира во общеніе пріяти *общася*; еще не прокля, но *общася* прокляти. Еслибы Іоанна рукополагали епископы севирианскіе, еретики, тогда бы они при рукоположеніи потребовали отъ него не обѣщанія только прокляти соборъ Халкидонскій, но произнесенія самыя клятвы. И не за чѣмъ было бы имъ требовать отъ Іоанна, чтобы находился въ общеніи съ ними: ибо чрезъ самое принятіе отъ нихъ хиротоніи онъ уже вступилъ бы съ ними въ общеніе. Но когда требовалось отъ Іоанна, чтобы только обѣщался имѣть общеніе съ Севиромъ и его послѣдователями, то этимъ самымъ ясно показуется, что онъ поставленъ былъ въ патріарха не севирианскими, а православными епископами. Должно полагать, что такое обѣщаніе дано Іоанномъ епарху частно, что онъ обѣщаль ему наединѣ по поставленіи въ патріарха смудрствовать царю и Севиру, чего требоваль Севирь и отъ Іліи прежде его бывшаго патріарха. Такимъ обѣщаніемъ, какое и самъ Севирь требоваль отъ Іліи, епархъ долженъ былъ удовлетвориться.

Что Іоаннъ рукоположенъ былъ въ патріарха православными, на это есть указанія и въ исторіи. *Первое*: исторія не повѣствуетъ о пришествіи съ Олимпіемъ въ Іерусалимъ севирианскихъ епископовъ, о чемъ она не умолчала бы, какъ не умолчала о пришествіи ко Іліи патріарху севирианскихъ клириковъ. Потому и нѣтъ никакого повода думать, что Іоаннъ рукоположенъ севирианскими епископами; напротивъ нужно полагать, что онъ былъ рукоположенъ

въ патріарха окрестными палестинскими епископами, какъ тому прежде былъ обычай и какъ требовали правила. *Второе:* Илія патріархъ, бывшій прежде Іоанна, былъ ревностный защитникъ православія: посему, и подчиненные ему епископы были, безъ сомнѣнія, православными, и значить Іоаннъ рукоположенъ былъ православными епископами. *Третіе:* чтобы Іоаннъ при поставленіи въ патріарха произнесъ проклятіе собора халкидонскаго, къ этому епархъ долженъ былъ склонить прежде поставлявшихъ Іоанна палестинскихъ епископовъ, а это было для него дѣло трудное, требовавшее времени, а притомъ и не безопасное: ибо ему извѣстна была ревность палестинскихъ епископовъ и гражданъ Іерусалима о соблюденіи православія. Потому Олимпій и ограничился общаніемъ новопоставляемаго патріарха принять ученіе Севира и проклясть Халкидонскій соборъ, что не могъ надѣяться, чтобы поставлявшіе его епископы дозволили ему сдѣлать это при самомъ поставленіи на патріаршество, а напротивъ ожидалъ, что новопоставленный патріархъ, оставаясь вѣренъ своему общанію, успѣетъ и подчиненныхъ ему епископовъ склонить къ ереси севировой. Вотъ какая была цѣль пизложенія Іліи и возведенія Іоанна Маркіонова. Она только потому не была достигнута, что воспрепятствовали преподобные отцы Савва и Θεодосій. Іоаннъ же и началъ было приводить ее во исполненіе, убѣждалъ напимѣръ Іоанна постника принять севирово ученіе. Тогда преподобные отцы Савва и Θεодосій, обрѣтши въ Іоаннѣ ученіе севирово, стали убѣждать его, чтобы держался Халкидонскаго собора и съ Севиромъ общенія не имѣлъ: «аще ли не послушаетъ, то яко еретикъ прокленется. И тако Іоаннъ устыдѣвся вкупѣ же и убоаяся, отвержеся Севира и православіе прія».

Итакъ Іоаннъ патріархъ преткнулся даннымъ епарху общаніемъ принять севирову ересь и готовностію исполнить свое общаніе; а чтобы самая хиротонія его была

совершена еретическими епископами, о томъ нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій; напротивъ согласно историческимъ сказаніямъ и ходу событій нужно полагать, что Іоаннъ хиротонисанъ былъ палестинскими православными епископами. Ни въ какомъ также историческомъ сказаніи не говорится, чтобы Іоаннъ, по поставленіи на патріаршество, открыто и торжественно проклиналъ Халкидонскій соборъ, хотя въ частности, согласно обѣщанію свосму, и защищалъ севирово ученіе. Наконецъ и того исторія не повѣдаетъ, чтобы Савва и Θεодосій совершали надъ Іоанномъ какое-либо чинопріятіе, а свидѣтельствуесть только, что они увѣщали Іоанна не имѣть общенія съ Севиромъ и защищать Халкидонскій соборъ, на что Іоаннъ и согласился. Вотъ исторія Іоанна Маркіонова, на которую вы такъ любите ссылаться. Изъ нея видно, что Іоаннъ не былъ хиротонисанъ еретиками и преподобные отцы Савва и Θεодосій не принимали его отъ ереси, какъ вы принимали и принимаете входящихъ къ вамъ іереевъ.

Поповецъ: Вы поспѣшили сдѣлать заключеніе, еще не дочитавъ до конца повѣсти о Іоаннѣ Маркіоновѣ.

Я отвѣтилъ: Я не поспѣшилъ заключеніемъ: мы прочитали уже въ повѣсти о поставленіи Іоанна Маркіонова въ патріарха и о совершенномъ утвержденіи его въ православіи. А если вы что можете найти въ вашу пользу отъ дальнѣйшаго чтенія въ житіи преподобнаго Саввы, я согласенъ выслушать съ любовію. Ибо не побѣдитъ васъ желаю, но разсматривать съ подробностію историческія свидѣтельства.

Поповецъ продолжалъ чтеніе отъ житія преодобнаго Саввы:

„Вѣстно же сотворися о томъ царю вскорѣ, яко новопоставленный патріархъ Іоаннъ отметаесть соборъ Сидонскій, Халкилонскій же пріемлетъ: того ради царь разгнѣвася на Олимпія, и сверже его отъ сана его, яко такового патріарха избра: а вмѣсто Олимпія нѣкоего Анастасія всей Палестинѣ спарха поставивъ, во Іерусалимъ его посла, да патріарха Іоанна, или къ севирову обществу преклонитъ

или съ престола изженеть. Пришедъ же Анастасій абіе патріарха, ятъ и вверже его въ темницу. Патріархъ же моляше епарха, да послабитъ ему, обѣщавающихся все повелѣнное сотворити, точію да не по нуждѣ, рече, явмся волю цареву исполнити, но по воли. Ибо обѣщася въ грядущую недѣлю въ церкви предъ всѣмъ народомъ прокляти соборъ Халкидонскій, Сидонскій же прославити, и пріяти севирово общеніе. Испущенъ убо бывъ патріархъ изъ темницы, посла тайно къ преподобнымъ отцемъ Саввѣ и Θεодосію, да потщатся собрати вся отцы, и пріити къ нему въ день недѣльный въ церковь. Случижеса тогда быти во Іеросалимѣ и Ипатію сроднику цареву поклоненія ради пришедшу: и въ день недѣльный пріидоша оба архимандриты Савва и Θεодосій, имуще съ собою множество черноризцевъ, яко до десяти тысячъ. Бывшу же церковному собору, и епарху Анастасію такожде и Ипатію цареву сроднику въ церковь съ вои своими вшедшу, и множеству народа шедшуся, взыде патріархъ на амвонъ, имый съ собою Савву и Θεодосія, весь же народъ съ черноризцы на патріарха возоци: проклени еретиковъ, Халкидонскій же соборъ утверди. И пріемъ дерзновение патріархъ, воззва глаголя: аще кто единомудрствуетъ съ Евтихіемъ, Несторіемъ, Севиромъ и Сотерихомъ... анаема да будетъ: такожде и блаженный Θεодосій съ преподобнымъ Саввою воззваша: иже не пріемлетъ четырехъ соборовъ, аки четырехъ евангелистовъ, да будетъ проклятъ. Видѣвъ же то Анастасій епархъ, убоися множества черноризцевъ и народа, изъ церкви со тшаніемъ бѣжа въ Кесарію, сродникъ же царевъ кляся отцемъ, яко пріиде не севирову утверждати вѣру, но св. поклонитися мѣстамъ, и пріобщитися св. каѳолической церкви“.

По прочтеніи *я сказалъ* моему собесѣднику: что же вы обрѣтаете въ семъ дополненномъ чтеніи согласное съ вашимъ разумѣніемъ?

Пововецъ: Іоаннъ патріархъ проклиналъ ересь; значить происходило его чинопріятіе отъ ереси.

Я отвѣтилъ: И препобные отцы Савва и Θεодосій проклинали ереси: «кто не пріемлетъ четырехъ соборовъ, анаема да будетъ». Что же? И это было чинопріятіе отъ ереси? Конечно, нѣтъ. Вотъ и доннѣ въ православной церкви соблюдается обычай: въ недѣлю православія совершается чинъ проклятія ересей, и это не есть какое либо чинопріятіе отъ ереси, но точію утвержденіе православія. Примите еще во вниманіе, колико прейде времени, егда Іоаннъ по своемъ поставленіи увѣщаемъ былъ

преподобными отцы, егда совершися сіе событіе торжественнаго проклятiя ереси севировой: «вѣстно же, рече, сотворися о семъ царю, что Іоаннъ отмечаетъ соборъ Сидонскій, Халкидонскій же прісмлеть», и тогда уже посла царь новаго енарха Анастасія. Значить вѣстно сотворися царю, яко Іоаннъ православенъ есть. И сіе проклятiе ереси, произнесенное православнымъ уже патріархомъ, не чинопріятіе быше отъ ереси, но утвержденіе православiя, во отметаніе и низпроверженіе ересей, и нимало не можетъ вамъ быть образцемъ на чинопріятіе вашихъ іереевъ.

Поповецъ: о Іоаннѣ Маркіоновѣ есть повѣствованіе въ Дѣянiяхъ седмаго вселенскаго собора; желалъ бы я съ вами совокупно просмотрѣть, нѣтъ ли чего тамъ яснѣе сказано о семъ предметѣ?

Я отвѣтилъ: Готовъ съ усердіемъ. И стали читать отъ перваго Дѣянiя седмаго вселенскаго собора:

„Императоръ Анастасій принуждалъ архіепископа Ілію принять въ общеніе (Севира), этого растлителя и губителя душъ. Когда же тотъ никоимъ образомъ не соглашался этого сдѣлать; то императоръ, пылая гнѣвомъ, послалъ къ нему нѣкоего кесарійца Олимпія, военачальника палестинскаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ и написанное въ Сидонѣ посланіе, исповѣдующее, что не слѣдуетъ принимать соборъ Халкидонскій,—и все это для того, чтобы какимъ бы то ни было образомъ удалить Ілію съ епископiи. Этотъ Олимпій, явившись съ императорскимъ полномочіемъ и обнародовавъ вышепоименованное посланіе, при помощи многихъ комбинацій и махинацій, удалилъ Ілію съ епископiи и сослалъ въ Анлу, а Маркіонова сына Іоанна, согласившагося принять въ общеніе Севира и апостематствовать соборъ Халкидонскій, сдѣлалъ епископомъ Іерусалимскимъ въ третій день сентября мѣсяца, въ началѣ одиннадцатаго индиктіона. Освященный Савва и прочіе отцы этой пустыни, узнавъ, что Іоаннъ согласился на это, собрались къ нему и совѣтовали ему не принимать Севира въ общеніе, но терпѣть опасности за соборъ Халкидонскій; при чемъ всѣ они будутъ его поборниками. Такимъ образомъ Іоаннъ, боясь отцевъ, нарушилъ данное военачальнику обѣщаніе. Но императоръ Анастасій, узнавъ, что Іоаннъ нарушилъ обѣщаніе, воспыалъ гнѣвомъ и, за смертію Олимпія, послалъ военачальника палестинскаго Анастасія Памфила, чтобы онъ или убѣдиль

Іоанна принять въ общеніе Севира, а соборъ Халкидонскій анае-
 матствовать, или же удалилъ его съ епископін. Пришедши въ Іеру-
 салимъ, Анастасій схватываетъ неожиданно архіепископа и заклю-
 чаетъ его въ темницу подъ стражу. Всѣ жители святаго города об-
 радовались этому; потому что Іоаннъ былъ навѣстникомъ и преда-
 телемъ архіепископа Іліи. Нѣкто Захарія, управлявшій Кесарією,
 тайно пробрался въ темницу и давалъ Іоанну слѣдующій совѣтъ:
 „если ты хочешь поступить хорошо и не хочешь лишиться епископін,
 то никто тебѣ не посоветуетъ принимать Севира въ общеніе. Но
 ты покажи видъ, что соглашаешься съ вождемъ и скажи: „я и те-
 перь не прочь бы исполнить ваше предложеніе; но чтобы нѣкото-
 рые не сказали, что противъ меня употреблено насиліе, я скро-
 юсь отсюда и спустя два дня, въ воскресенье, охотно сдѣлаю то,
 чего вы отъ меня требуете“. Убѣжденный этими его словами, военачальникъ возвратилъ его церкви. Такимъ образомъ, скрывшись ночью
 архіепископъ отовсюду собиралъ монаховъ и посылалъ въ святой
 городъ. А когда кто-то, исчисливъ толпу, объявилъ, что число мо-
 наховъ простирается до десяти тысячъ и что церковь не вмѣщаетъ
 столько народу; то рѣшено было въ день Господень собраться всѣмъ
 въ храмъ святаго первомученика Стефана, который достаточно об-
 ширенъ для того, чтобы вмѣстить такое множество (народа). А
 вмѣстѣ съ тѣмъ желали встрѣтиться и съ императорскимъ племян-
 никомъ Ипатіемъ, который былъ освобожденъ тогда изъ плѣна ви-
 талионова и пришелъ въ Іерусалимъ помолиться. Итакъ когда всѣ
 иноки и граждане собрался въ упомянутомъ досточтимомъ храмѣ,
 тогда вошли туда военачальникъ Анастасій и консулъ Захарія. Ко-
 гда явился потомъ Ипатій и вмѣстѣ съ толпою вошелъ въ храмъ
 первомученика, то военачальникъ ожидалъ, что воля император-
 ская будетъ исполнена. Между тѣмъ архіепископъ восходитъ на
 амвонъ, имѣя при себѣ Θεодосія и Савву, старѣйшихъ иноковъ и
 игуменовъ, и весь народъ въ продолженіе многихъ часовъ кричитъ:
 „анаематствуй еретиковъ и утверди соборъ“. И они немедленно
 анаематствуютъ Несторія и Евтихія, Севира и Сотериха и всякаго,
 не принимающаго собора Халкидонскаго“.

Послѣ этого чтенія, *я сказалъ* своему собесѣднику: здѣсь
 въ повѣствованіи не говорится ничего подобнаго тому, что-
 бы севиріанскіе епископы приходили въ Іерусалимъ постав-
 лять Іоанна; значитъ Іоаннъ поставленъ православными
 палестинскими епископами; потомъ здѣсь говорится ясно,
 что обѣщаніе послѣдовать Севиру дано Іоанномъ воеводѣ,
 а не епископамъ при рукоположеніи; ясно также говорит-

ся здѣсь, что преподобные отцы Савва и Θεодосій только совѣтовали Іоанну не принимать Севира, но терпѣть опасности за Халкидонскій соборъ, и обѣщали ему быть его поборниками въ семь дѣлѣ, почему Іоаннъ, убоялся отцовъ, и нарушилъ данное военачальнику обѣщаніе.

Поповецъ: я желалъ бы эту повѣсть слышать по списку макарьевскихъ миней. Въ выпискахъ изъ миней, какія мнѣ случалось видѣть, говорится, что преподобные отцы много увѣщевали Іоанна патріарха, чтобы онъ, патріархъ сый, не сомнѣвался присоединенъ быть ими архимандритами ко св. церкви.

Я предложилъ собесѣднику точную выписку изъ макарьевскихъ миней отъ житія преподобнаго Саввы, прочиталъ ее, и потомъ сказалъ: видите и въ спискѣ житія преподобнаго Саввы, помѣщенномъ въ макарьевскихъ минеяхъ, ничего не говорится о поставленіи Іоанновомъ отъ севирианъ, и о чинопріятіи его преподобными Саввою и Θεодосіемъ. Здѣсь даже не упоминается и о томъ, чтобы онъ особо произносилъ проклятіе ересей, въ чемъ вы именно видите дѣйствіе чинопріятія, а говорится, что всѣ трое вмѣстѣ Іоаннъ, Савва и Θεодосій прокляли еретиковъ: «обаче убо *вси тріе* прокляша совѣтомъ Несторія и Евтихія, и Севира и Сотириха, и всѣхъ не пріемлющихъ Халкидонскаго собора. *Симъ же тріемъ* се заповѣдавшимъ) и сошедшимъ» и проч. Да притомъ, я уже говорилъ вамъ, что не было тогда недостатка въ православныхъ епископахъ въ окрестностяхъ Іерусалима (какой былъ у васъ, не имѣвшихъ ни одного епископа). А потому еслибы требовалось какое чинопріятіе для патріарха Іоанна, то удобно бы оно могло быть совершенно епископомъ и потому не было никакой нужды преподобнымъ отцамъ увѣщевать Іоанна патріарха, чтобы отъ нихъ принялъ чиноисправленіе, какъ о томъ говорится въ вашихъ неправильныхъ спискахъ.

Теперь, по разсмотрѣніи всѣхъ сказаній о Іоаннѣ Маркіоновѣ, для васъ должно быть ясно, что примѣръ сей

никакъ не можетъ служить образцемъ на пріятіе вашихъ іереевъ, а паче служить обличеніемъ своевольнаго ими похищенія паствы, имъ не порученной.

Поповецъ: Однако Іоаннъ Маркіоновъ незаконно поставленъ по неповинномъ низложеніи Іліи?

Я отвѣтилъ: Іоаннъ законно рукоположенъ своими палестинскими епископами, аще и незаконно изгнанъ былъ Ілія: ибо церковь не можетъ быть безъ епископа. И сколько тому есть образцевъ, что по изгнаніи неповинныхъ пастырей, пріимали ихъ престолы лица послѣ ихъ рукоположенныя, и они не отвѣтствовали за незаконное изгнаніе своихъ предмѣстниковъ!

Архимандритъ Павелъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ДУХОВНИКѢ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ, ІЕРОСХИМОНАХѢ АНТОНІѢ.

10 октября 1880 года, въ 4-мъ часу пополуночи, послѣ не продолжительной, но тяжелой болѣзни, скончался въ Кіево-Печерской Лаврѣ старшій ея духовникъ іеросхимонахъ Антоній. Какъ центръ нашего русскаго паломничества, Кіево-Печерская Лавра привлекаетъ къ себѣ почитателей святынъ ся изъ разныхъ предѣловъ Россіи, почему имя отца Антонія, около тридцати лѣтъ состоявшаго духовникомъ въ Лаврѣ и пользовавшагося особымъ уваженіемъ ея посѣтителей, не неизвѣстно многимъ православнымъ русскимъ, и полагать нужно, что кончина его вызоветъ искреннія сожалѣнія во многихъ сердцахъ. Особенно чувствительна она для тѣхъ, которые состояли въ близкихъ духовныхъ сношеніяхъ съ почившимъ старцемъ и привыкли жить подъ его духовнымъ руководствомъ. Старецъ имѣлъ довольно многочисленную духовную семью, не только въ Кіевѣ, но и въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и даже за ся предѣлами, видѣвшую въ немъ истинно любвеобильнаго отца, паставника, совѣтника, друга и теплаго молитвенника. Его духовная опытность, обширное знакомство съ свято-отеческими писаніями, подвижническое житіе, свѣтлый умъ, доброе сердце, сострадавшее всякому ближнему, былъ ли то вельможа, или простолюдинъ, кротость и смиреніе, и самая внѣшняя святолѣпная наружность, невольно привлекали къ нему сердца человѣческія. Высокій ростомъ и плот-

ный тѣломъ, съ ясными голубыми глазами, въ которыхъ свѣтились умъ и доброта, съ возвышеннымъ челомъ, украшенный бѣлоснѣжными сѣдинами, старецъ могъ служить типомъ древнихъ пророковъ. Какъ въ чистомъ зеркалѣ, отражались въ обликѣ его свѣтлыя качества его души, и вѣяло отъ него миромъ на души, искавшія чрезъ посредство его примиренія съ Богомъ и своею совѣстію. Ученикъ и бывший келейникъ извѣстнаго святостію жизни и духовною мудростію старца Оптиной пустыни іеромонаха Леонида, спостникъ другаго именитаго старца той же пустыни іеросхимонаха Макарія, отецъ Антоній подходилъ на нихъ духовными качествами своими и былъ наслѣдникомъ того подвижничества, которое, обновившись въ концѣ прошлаго столѣтія въ Молдавской Немецкой Лаврѣ чрезъ архимандрита ея, старца Паисія Величковскаго, учениками его распространено и процвѣло въ нѣкоторыхъ обителяхъ русскихъ, и поддержало упадавшее у насъ древнее подвижничество. Схимонахъ Теодоръ, ученикъ Паисіевъ, былъ наставникомъ іеромонаха Леонида Оптинскаго, этотъ же послѣдній воспитатель духовно іеросхимонаха Антонія. Такимъ образомъ отъ благодатнаго корня процвѣла эта благая вѣтвь. Не имѣя матеріаловъ для составленія полнаго біографическаго очерка почившаго старца, рѣшился я однако въ память о немъ подѣлиться съ его почитателями отрывочнымъ свѣдѣніями, почерпнутыми мною изъ личныхъ моихъ духовныхъ сношеній и бесѣдъ съ нимъ, и наблюденій духовной его дѣятельности, при моемъ близкомъ съ нимъ знакомствѣ, которымъ сподобилъ меня Господь пользоваться въ теченіе семи лѣтъ, и которое оставило во мнѣ неизгладимые слѣды. Скажу откровенно, такихъ духовниковъ и такихъ старцевъ, какимъ былъ отецъ Антоній, я еще въ жизни моей не встрѣчалъ. Ни послѣдовательности, ни біографической законченности воспоминанія мои не имѣютъ; въ нихъ собрано все то, что поражало, удивляло, восхищало меня и назидало въ дѣй-

ствіяхъ и словахъ старца, и заслуживаетъ по мнѣнію моему духовнаго вниманія почитателей нашихъ отечественныхъ подвижниковъ. Буду радъ и счастливъ, если примѣръ мой вызоветъ подѣлиться своими воспоминаніями о старцѣ другихъ духовныхъ его дѣтей и близко знавшихъ его лицъ, чтобы такимъ образомъ современемъ могла составиться біографія этого духовнаго дѣятеля нашего вѣка, стоявшаго хотя и не на высокомъ свѣщникѣ церкви православно-русской, но благодатно свѣтившаго многимъ душамъ и воистину достойнаго памяти съ похвалами.

Съ отцемъ Антоніемъ я познакомился въ началѣ мая 1873 года. Поѣхавъ впервые въ Кіевъ для поклоненія его святынямъ, дорогою, въ вагонѣ Курско-Кіевской желѣзной дороги, имѣлъ я сосѣдей двухъ почтенныхъ старцевъ въ одеждѣ иноческой, оказавшихся игуменомъ Оптиной пустыни—отцомъ Исаакіемъ и іеромонахомъ тойже пустыни—отцемъ Евфиміемъ. Въ вагонахъ знакомства скоро сводятся, хотя также скоро и забываются; мнѣ же это дорожное знакомство съ оптинскими старцами тѣмъ памятно, что чрезъ нихъ впервые увидѣлъ я и узналъ отца Антонія. Приѣхавъ въ Кіевъ 7 мая, на канунѣ праздника св. апостола Іоанна Богослова, я поспѣшилъ въ Печерскую Лавру, какъ главную цѣль моего паломничества. 8 мая отпраздновавъ праздникъ въ великой церкви Лавры, послѣ обѣдни пошелъ я къ ближнимъ пещерамъ, въ которыхъ я уже былъ въ тотъ день поутру для поклоненія святымъ мощамъ угодниковъ Божіихъ; теперь же шель туда, чтобы побывать въ лѣсной дебри у кладезей преподобныхъ Антонія и Θεодосія, раздѣляющей ближнія пещеры отъ дальнихъ. Въ корридорѣ, ведущемъ къ ближнимъ пещерамъ, встрѣтилъ я своихъ дорожныхъ знакомцевъ—оптинскихъ старцевъ, и съ ними высокаго благолѣпнаго старца, въ ряскѣ и клобукѣ схимническомъ, съ палочкою въ рукѣ. Наружность его сразу произвела на меня особое впечатлѣніе; мой внутренній человекъ какъбы невольно двинулся къ нему всѣмъ своимъ су-

ществомъ, и я не могъ оторвать взора отъ святодѣльнаго облика, такъ меня плѣвившаго. Старцы шли въ пещеры, и я невольно за ними послѣдовалъ. Добрый старичекъ отецъ Евфимій вспомнилъ наше вагонное знакомство, и вслѣдъ за нимъ незамѣтно пошелъ я, не давая себѣ отчета, зачѣмъ и куда иду. Дорогою по корридору, ведущему къ пещерамъ, по обѣимъ старонамъ сидѣли нищіе и увѣчные, прося подаванія у проходящихъ. Старецъ въ клобукѣ схимническомъ нѣкоторымъ изъ просящихъ давалъ подаваніе, на другихъ укоризненно кивалъ головою, а иныхъ останавливалъ рѣзкимъ словомъ обличенія, отъ котораго обличаемые видимо стыдились, закрывали лице руками и старались избѣжать его взора. Старецъ видимо зналъ, за ч о ихъ обличалъ. Одна старуха даже спряталась за спину своей товарки при приближеніи старца, но тотъ ее замѣтилъ, и очень стыдилъ, что, имѣя дѣтей небѣдныхъ и обезпеченное положеніе, просить подаваніе наравнѣ съ неимущими. «Для многихъ это промыселъ здѣсь, и довольно выгодный, замѣтилъ старецъ своимъ спутникамъ; промыселъ обращается въ привычку столь сильную, что ни обличенія, ни увѣщанія, ни запреты, не въ силахъ преодолѣть влеченія къ нищенству въ этихъ несчастныхъ. Жаль дѣтей въ особенности, — вонъ эту дѣвочку, — старецъ указалъ на одну малолѣтнюю нищую; — я было опредѣлилъ ее въ дѣтскій пріютъ, нашлись благодѣтели платить за ея обученіе и похлопотать о ея будущности; но не прошло и мѣсяца, какъ мать обманомъ взяла ее изъ пріюта къ себѣ, и вотъ опять она нищенствуетъ, о пріютѣ же и слышать не хочетъ, и сами видите, какъ отъ меня убѣгаетъ, боясь, не взялъ бы я ее опять туда. Я спросилъ о. Евфимія: кто этотъ старецъ-схимникъ? спросилъ шепотомъ, но старецъ-схимникъ услышалъ мои слова, быстро ко мнѣ повернулся и привѣтливо улыбаясь сказалъ: «грѣшный Антоній, іеросхимонахъ и духовникъ; а ты-то кто такой, рабъ Божій, что не спускаешь съ меня глазъ?» Я назвалъ себя, испросилъ у него

благословенія и съ глубокимъ уваженіемъ поцѣловаль его благословившую меня руку. Узнавъ, что впервые я въ Кіевѣ, старецъ спросилъ, былъ ли я въ пещерахъ у святыхъ Божіихъ? Я сказалъ, что былъ сегодня утромъ. Такъ зачѣмъ же теперь идешь? спросилъ старецъ. Я смутился и тихо отвѣтилъ, что не думалъ идти въ пещеры, думалъ лишь прогуляться на кладезяхъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія, увидѣвъ же оптинскихъ старцевъ и его, невольно за ними послѣдовалъ. «Видишь, голубчикъ, отечески милостиво сказалъ старецъ, у насъ не принято послѣ принятія пищи прикладываться къ святымъ мощамъ; мы еще не ѣли, поэтому и идемъ приложиться, а тебѣ, вѣрно уже пообѣдавшему, совѣтую не прикладываться изъ благоговѣнія къ святынь». Я такъ и сдѣлалъ, — послѣдуя за старцами въ пещеры, ограничивался лишь молитвенными поклонами предъ святыми мощами, но къ нимъ не прикладывался. Выйдя изъ ближнихъ пещеръ, старцы пошли по лѣстницѣ къ кладезямъ преподобныхъ, и тутъ посидѣли въ тѣни лѣсныхъ деревьевъ, оглашаемыхъ пѣніемъ майскихъ соловьевъ. «Какъ тутъ хорошо, сказалъ отецъ Антоній. Это единственное мѣсто во всей Лаврѣ, напоминающее доселѣ бывшую здѣсь пустыню преподобныхъ, и кажется, что вотъ-вотъ спустится ко кладезю съ водоносомъ своимъ преподобный Антоній или преподобный Θεодосій. Вѣдь это они своими преподобными руками эти кладези ископали и по этой горней стезѣ изъ пещеръ своихъ за водою сюда ходили». Отдохнувъ пошли къ дальнимъ пещерамъ; старцы, видимо уже усталые, очень медленно спускались по крутому сходу въ пещеры. Отецъ Антоній замѣтилъ при этомъ, что не тотъ сталъ, какимъ прибылъ въ Кіевъ изъ Оптиной пустыни. «Тогда вездѣ скоро ходилъ, теперь же совсѣмъ плохо ноги служить стали. Одолѣлъ ихъ чугунный помостъ нашей соборной великой лаврской церкви, съ которымъ чрезъ столько лѣтъ стоянія на немъ и доселѣ никакъ не примирюсь. Было бы истиннымъ благодѣяніемъ многимъ изъ нашей

братіи, да и богомольцы, еслибы устроенъ былъ деревян-
ный полъ вмѣсто чугуннаго въ великой церкви, не стали
бы ходить въ другія церкви, гдѣ деревянные полы». Въ
дальнихъ пещерахъ при мощахъ преподобнаго Тита воина
отецъ Антоній сказалъ: «вотъ и солдатъ во святыхъ, и
обагрывшій руки въ крови нетлѣніемъ почтенъ, и науча-
етъ насъ примѣромъ своимъ ревности о спасеніи души.
У насъ въ Лаврѣ есть не мало братій изъ военныхъ, и
сколько замѣтилъ я, выходятъ изъ нихъ добрые иноки.
Послуживъ вѣрою и правдою царю земному, также вѣрою
и правдою служатъ они и Царю небесному». При мощахъ
преподобнаго Веніамина, отецъ Антоній повѣдалъ спут-
никамъ своимъ о святотатствѣ одного поклонника, по-
хитившаго нетлѣнную руку отъ мощей преподобнаго для
того, чтобы раздробивъ ее, части ея продать одной бо-
гатой помѣщицѣ, желавшей имѣть у себя частицы мощей
всѣхъ преподобныхъ печерскихъ и обѣщавшей за это
значительную сумму». «Если виновенъ святотатецъ, на
подобное дѣло дерзнувшій, замѣтилъ при этомъ отецъ
Антоній, то не менѣе его по моему виновна и неразум-
ная богачка, и если за это дѣло она избѣгла кары земной,
то навѣрно не избѣгнетъ кары небесной». При святой му-
роточивой главѣ отецъ Антоній рассказывалъ оптинскимъ
старцамъ замѣчательный случай, бывшій въ Лаврѣ на его
памяти. «Многіе изъ невѣрующихъ и сомнѣвающихся въ
истинѣ чудесъ, говорилъ старецъ, обвиняютъ Лавру, будто
глава эта нарочно обливается деревяннымъ масломъ, ко-
торое затѣмъ выдается за источаемое главою муро; но
Богъ свидѣтель, что это гнусная клевета. Святая глава,
какъ сами видите, изъ костей своихъ выдѣляетъ масля-
нистую благоухающую влагу, не совсѣмъ даже похожую
на деревянное масло, и никогда не оскудѣвающую на
блюдѣ, гдѣ лежитъ глава, такъ что сколько ни бываетъ
ежедневно богомольцевъ, помазуемыхъ муромъ изъ этого
блюда, всегда есть на немъ влага въ потребномъ коли-
чествѣ для помазанія ихъ. Разъ одинъ новичекъ изъ бра-

тіи, приставленный къ дальнимъ пещерамъ, прибирая въ нихъ вечеромъ и видя большой приливъ въ эти дни богомольцевъ, когда замѣтилъ небольшое количество мұра на блюдѣ подъ мұроточивою главою, то усомнился, хватитъ ли его на завтра на помазаніе такого количества народа и, не долго думая, прилилъ деревяннаго масла въ блюдо. На утро, придя въ пещеры, увидѣлъ онъ, что мұроточивая глава вся покрылась зеленою плѣсенью. Испугавшись, побѣжалъ опъ къ блюстителю пещеръ и сообщилъ ему видѣнное. Тотъ понялъ, что вѣроятно тутъ случилось что-либо недоброе и оскорбительное для святыни, и распросивъ послушника, узналъ о прилитіи имъ деревяннаго масла въ блюдо святой главы. Немедленно глава была омыта теплою водою и насухо вытерта чистымъ полотенцемъ; омыто было начисто и блюдо ея, и поставленная ни него глава въ теченіе самаго короткаго времени опять источила чистое мұро, вполне достаточное для помазанія богомольцевъ. Не явное ли это чудо Божіе, сказалъ отецъ Антоній, и сколько бываетъ тутъ подобныхъ чудесъ, свидѣтельствующихъ непреложную святость почивающихъ въ пещерахъ вѣдомыхъ и невѣдомыхъ угодниковъ Божіихъ! Уже во дни мои, когда еще живъ былъ митрополитъ Филаретъ, при постройкѣ Николаевского моста чрезъ Днѣпръ и устройствѣ спуска къ нему, когда для этого снята была часть печерской возвышенности, открыты въ ней пещерные коридоры времени древнихъ, со слѣдами пещернаго жилья, видимое продолженіе нашихъ пещеръ. Мы всѣ ходили смотрѣть туда, и чуть не плаками, видя рабочихъ, уничтожавшихъ труды рукъ преподобныхъ отцевъ. Сколько митрополитъ Филаретъ ни хлопоталъ предъ инженерами о сохраненіи открытыхъ пещеръ, ихъ безпощадно срыли, и даже не позволили изслѣдовать далѣе ихъ направленіе въ землѣ, подъ предлогомъ ветхости и опасности пещерныхъ сводовъ. Между тѣмъ было основаніе надѣяться, что при изслѣдованіи этомъ, могли еще найтись въ пѣдрахъ земли дра-

годѣнные остатки пещерножитія древняго, а можетъ быть и нетлѣнные тѣлеса преподобныхъ, ибо у насъ теперь въ пещерахъ недостаетъ многихъ изъ святыхъ мощей, которыя были извѣстны и чувствуемы въ древности, теперь же неизвѣстно гдѣ скрыты, но полагать нужно, что здѣсь же въ пещерахъ или сопредѣльныхъ съ ними пещерныхъ отдѣленіяхъ. Вотъ и пустыя мѣста въ стѣнахъ пещерныхъ ясно свидѣтельствуяютъ, что нѣкогда и здѣсь почивали святыхъ мощи, но по грѣхамъ нашимъ взяты теперь отъ очю нашею». Выйдя изъ пещеръ, старцы прошли отдохнуть въ келью одного изъ старцевъ дальнихъ пещеръ, а я пошелъ на гостиницу лаврскую въ свой номеръ, съ довольной и радостной душой, что сподобился видѣть и принять благословеніе столь именитаго и почтеннаго старца Лавры, слышать отъ устъ его столько достопримѣчательныхъ словесъ. Поговѣвъ въ Лаврѣ, я имѣлъ усердное желаніе исповѣдываться у отца Антонія. Исповѣдь поклонниковъ обычно совершается въ Лаврѣ въ трапезной церкви, куда и я пошелъ, надѣясь найти тамъ отца Антонія. Послѣ обычнаго правила и исповѣдныхъ молитвъ, увидѣлъ я нѣсколькихъ старцевъ духовниковъ, сидѣвшихъ у стѣнъ трапезной церкви и готовыхъ исповѣдывать говѣльщиковъ, но тщетно искалъ межъ ними отца Антонія. Съ смущенною душою вышелъ я изъ трапезной церкви и присѣлъ на скамѣ, подъ тѣнью деревъ, въ оградѣ лаврской. Здѣсь же сидѣли двѣ старушки очень почтеннаго вида, разговорившись съ которыми, узналъ я отъ нихъ, что отецъ Антоній исповѣдуетъ всегда у себя въ келліи, и что это единственный духовникъ, къ которому нетщетно прибѣгаютъ нуждающіеся въ особомъ духовномъ врачеваніи. Добрыя старушки даже сами проводили меня до дверей келліи старца, этихъ дорогихъ потомъ для меня дверей, порогъ которыхъ всегда переступалъ съ благоговѣніемъ, ибо находилъ за ними сокровищницу назиданія и утѣшеній духовныхъ. Старецъ самъ, въ бѣломъ балахончикѣ, встрѣтилъ меня въ темной своей передней

и привѣтливо ввелъ въ свою молитвенную келью, старинную, со сводами, въ два окна. Здѣсь направо стояло у него большое Распятіе на налойномъ столикѣ, гдѣ лежали также крестъ и Евангеліе. Здѣсь старецъ всегда исповѣдывалъ приходившихъ; налѣво стоялъ иконостасъ съ теплившеюся предъ иконами лампадою; остальные стѣны кельи были покрыты портретами духовныхъ лицъ и фотографіями духовныхъ дѣтсей старца. Два живописные портрета старцевъ Паисія Величковскаго и Леонида оптинскаго царствовали какъбы надъ всѣми остальными портретами и фотографіями, которыхъ было очень много. Прямо противъ входной двери, между исповѣднымъ палосемъ и иконостасомъ, у котораго разложены были молитвенныя книги, находилась дверь въ другую внутреннюю келью старца, служившую ему спальнею. Въ ней было ложе, кресло, письменная конторка, и тоже довольно количество святыхъ иконъ, портретовъ и фотографій. Чистота въ обѣихъ кельяхъ была всегда примѣрная, и даже не безъ изящества нѣкотораго была келейная мебель, коврики на полу, вязанныя салфетки на столахъ и налояхъ, что съ перваго раза показалось мнѣ какъбы неумѣстнымъ въ кельѣ схимника. Самое тѣло о. Антонія, одѣтаго на этотъ разъ въ легкомъ бѣломъ балахончикѣ, показалось мнѣ тоже слишкомъ тучнымъ для схимника, и я въ помыслѣ своемъ невольно осудилъ его. И что же, не успѣлъ появиться во мнѣ этотъ помыслъ, какъ о. Антоній, обернувшись ко мнѣ, улыбаясь сказалъ: «ты видно не видалъ такихъ толстыхъ схимниковъ какъ я, но не блазнись о семъ: старецъ мой, оптинскій отецъ Леонидъ, былъ еще гораздо полнѣе меня тѣломъ, хотя кушалъ очень мало; полнота тѣла однако не помѣшала ему обладать многими благодатными дарами; по смерти его тѣло его издавало благоуханіе и почтено нетлѣніемъ, что случайно открыто при рытіи могилы близъ его склепа. Не блазнись и обстановкою моей кельи: я схимникъ базарный, живу на распутіи міра и монастыря; самъ ви-

дишь у оконъ моихъ дорогу отъ воротъ Лавры, — по ней столько разнаго люда идетъ, не мало его у меня пребываетъ. Ты соблазнилъ коверчиками моими и мебелью: то и другое — подарки собственноручной работы моихъ духовныхъ дѣтей, которыхъ не могъ я обидѣть ихъ неприятіемъ; они мнѣ лишни, но нелишни для иныхъ изъ моихъ посѣтителей, привыкшихъ дома сидѣть на бархатѣ; голая деревянная скамья еще болѣе смутить ихъ, чѣмъ тебя мои коверчики». Пораженный прозорливостью старца, какъбы читавшаго мои сокровенные помыслы, я упалъ ему въ ноги и просилъ его прощенія. Старець благодушно коснулся рукою моею головы, говоря: Богъ простить; затѣмъ облачился въ схиму и епитрахиль, и приступилъ въ исповѣди. Первая эта исповѣдь моя у старца останется памятною для меня на всю жизнь. Съ полнымъ вниманіемъ, съ отеческою любовію, выслушалъ онъ мое признаніе, дополняя его по временамъ собственными словами, если я что забывалъ открыть, точно вѣдалъ онъ и безъ исповѣди всю мою жизнь, всѣ мои наклонности и недостатки, и поразительно вѣрно преподавалъ мнѣ нужные совѣты и наставленія. По разрѣшеніи отъ грѣховъ, точно бремя какое скатилось съ моею души, точно обновился я и сталъ не тѣмъ человѣкомъ, какимъ былъ. Съ важностію и благоговѣніемъ, неспѣша прочелъ батюшка наизустъ разрѣшительную молитву, далъ мнѣ приложиться къ св. кресту и Евангелію, и потомъ заключилъ меня въ свои старческія объятія, говоря: «какъ блуднаго сына принялъ Отецъ небесный, такъ и я принимаю тебя, мой родной о Господѣ, съ этихъ поръ. Теперь ты мнѣ уже не чужой, а присное мое чадо, плѣнившее меня благимъ устроеніемъ твоей души. Не превознесись моими словами, не слѣдь бы ихъ и говорить тебѣ, но душа проситъ откровенности, и я знаю, что она тебѣ не повредитъ. Полюбилъ я тебя съ перваго раза; еще тогда, когда впервые увидѣлъ тебя на пещерахъ, невольно двинулась къ тебѣ моя душа». Вслѣдъ за тѣмъ усадилъ онъ меня рядомъ съ со-

бою, и у насъ началась довольно продолжительная духовная бесѣда, въ которой старецъ откровенно повѣдалъ мнѣ многія подробности изъ своей жизни и опытности духовной. «Не подумай, что я изъ ученыхъ, началъ старецъ; я въ молодости пасъ овецъ, былъ наемнымъ батракомъ у скотопромышленниковъ, обладавшихъ овечьими гуртами. При нихъ, подъ покровомъ неба, почною порою созерцая красоту звѣздъ, впервые научился я богопознанію и молитвѣ. Лежа въ степи, сторожа свой овечій гуртъ, такъ молился я, что и теперь уже старцемъ - схимникомъ рѣдко когда такъ молюсь. Первою духовною школою для меня были степь и уединеніе, первыми наставниками — овцы, приведшія меня къ доброму Пастырю душъ—Христу Спасителю. И въ овцахъ есть характеръ: есть кроткія, есть и своенравныя; и когда еще не зналъ я евангельскаго повѣствованія о овцахъ и козлищахъ на страшномъ судѣ, нѣчто подобное тайно созерцала моя душа, когда шелъ я съ батогомъ своимъ усмирять свое стадо. Блаженные минуты, на воспоминаніи о которыхъ и теперь отдыхаетъ моя душа. Сѣмя благое глубоко запало въ мое молодое сердце: чуть не мальчикомъ былъ я уже монахомъ въ душѣ, и стремился къ единому на потребу со всею искренностью молодости. Но Богъ испытывалъ мое произволеніе: досталось мнѣ и въ мірѣ потолкаться, не сразу попалъ я на спасительную дорогу въ монастырь. Но и это на позъзу мнѣ было, дало мнѣ опытность во многомъ, которая и теперь мнѣ пригодна бываетъ. Благодареніе возсылаю моему Господу, что привелъ меня въ моемъ новоначалии ипическомъ подъ руководство къ истинно благодатному старцу, отцу Леониду. Бросивъ міръ, пришелъ я въ Оптину пустынь уже юношею кудравымъ. Звали меня въ мірѣ Александромъ, въ честь преподобнаго Александра Свирскаго чудотворца, празднуемаго 30 августа. Оптинскій игуменъ отецъ Моисей принялъ меня въ число братіи и опредѣлилъ на поварню монастырскую. Недѣлю спустя пришелъ въ монастырь изъ скита ста-

рець отецъ Леонидъ, въ бѣломъ подрясникѣ и полумантіи, съ длинными сѣдыми волосами, которые не короче были его полумантіи и точно воротникомъ окружали его лице. Увидѣвъ меня, несшаго ушатъ съ помоями изъ поваренной палаты, старецъ крикнулъ мнѣ: «Саша-Алексаша кудрявый, брось свой ушатъ и иди ко мнѣ; Александръ свирскій велитъ мнѣ взять тебя въ келейники къ себѣ и уже отецъ игумень это благословилъ». О такомъ послушаніи не смѣлъ я и подумать. И вотъ переселился я въ Оптиинскій скитъ, гдѣ у отца Леонида была особая деревянная келья. Служилъ я у старца поваромъ, а подъ часъ и кучеромъ, когда задумаетъ бывало куда поѣхать въ окрестности; келейничалъ же у него отецъ Геронтій, котораго старецъ звалъ по своему — Горлантій, намекая на его громкій и звучный голосъ; я же такъ и остался у него подъ наименованіемъ Саши-Алексаши кудряваго, ибо тогда въ скиту было еще два Александра въ послушникахъ, почему, благодаря моимъ кудрявымъ волосамъ, и отличалъ меня наименованіемъ кудряваго. Съ перваго разу старецъ плѣнилъ мою душу и всецѣло увлекъ меня въ полное послушаніе ему. Каждый вечеръ, идя къ нему на откровеніе помысловъ своихъ, что дѣлали всѣ жившіе въ скиту, я тщательно готовился, чтобы какъ нибудь чего либо не утаить предъ старцемъ, который былъ такъ прозорливъ, что сейчасъ бывало обличить утайку или напомнить о забытомъ. Потомъ всѣ мы келейные старца слушали вечернее правило въ его кельи. Здѣсь стояли двѣ большія иконы на холстѣ въ ростъ: на одной изображенъ былъ преподобный Александръ свирскій чудотворецъ, а на другой—святой ангель хранитель; межъ ними стояла небольшая древняя икона Владимірскія Богоматери; отецъ Леонидъ признавалъ ее чудотворною, и предъ нею теплилась всегда лампада. Иконою этою, по преданію, благословилъ молдавскій старецъ Паисій Величковскій своего ученика, схимонаха Θεодора, а этотъ, умирая, благословилъ ею своего спостника отца Леонида. Живя долгое

время въ Александрo-Свирскомъ монастырѣ при схимонахъ Ѳеодорѣ, гдѣ тотъ и скончался и погребенъ, отецъ Леонидъ весьма благоговѣлъ также къ угоднику Божію, преподобному Александру-Свирскому чудотворцу, и всегда поминалъ его имя при отпускахъ своихъ молитвословій, которыя всегда совершались предъ его иконою. Правило молитвенное обычно читали по очереди его келейники; оно состояло изъ повечерія, канонѡвъ Спасителю, Богоматери и святому ангелу хранителю, молитвъ на сонъ грядущимъ и помянника. Еще читались двѣ главы изъ Апостола, и одна глава изъ святаго Евангелія; его всегда читалъ самъ старецъ, голосомъ громкимъ и внятнымъ, по молдавскому напѣву и чину, какъ читалось оно въ Лаврѣ Нямецкой при старцѣ Паисіѣ. Изъ многихъ посѣтителей, духовныхъ друзей и учениковъ старца Леонида, отецъ Антоній особенно воспоминалъ о благочестивомъ мірянинѣ-подвижникѣ Барковѣ, о жившемъ въ Оптиной пустыни помѣщикѣ Желобовскомъ, о послушникѣ Димитріѣ Александровичѣ Брянчаниновѣ, впоследствии бывшемъ епископѣ Кавказскомъ и Черноморскомъ Игнатіѣ, объ Алексѣѣ Поликарповичѣ Бочковѣ, впоследствии настоятелѣ Черменецкаго монастыря игуменѣ Антоніѣ, о Михаилѣ Ивановичѣ Антимоновѣ, впоследствии іеромонахѣ и епископѣ Кіево-Печерской Лавры Мелетіѣ, о Алексѣѣ Яковлевичѣ Митрофановѣ, впоследствии архимандритѣ Святогорской-Успенской пустыни Арсеніѣ, и о многихъ другихъ именитыхъ духовныхъ дѣятеляхъ первой половины нашего вѣка. Къ памяти Оптинскаго архимандрита отца Моисея и его роднаго брата игумена отца Антонія, батюшка тоже всегда относился съ искреннимъ уваженіемъ, называлъ ихъ мужами святыми и благодатными; нерѣдко воспоминалъ и объ іеросхимонахъ Макаріи, съ которымъ вмѣстѣ немалое время прожилъ онъ подъ духовнымъ началомъ старца Леонида. Впрочемъ всѣ воспоминанія о. Антонія о вышепоименованныхъ лицахъ были какъбы только придаточными къ воспоминаніямъ его и

разскажамъ о старцѣ Леонидѣ, который всецѣло, какъ яркое солнце, обрисовывался батюшкою и своими духовными лучами затмѣвалъ всѣхъ прочихъ. Жизнеописаніемъ старца Леонида, изданнымъ Оптиною пустынью, отецъ Аптоній далеко не удовлетворялся, и признавалъ многія въ немъ неточности. Впрочемъ батюшка сознавалъ и самъ, что очень трудно составить вѣрное жизнеописаніе старца, жизнь и дѣйствія котораго были такъ своеобразны, такъ выходили изъ общаго уровня, что и при жизни его вѣрно понять его никто не могъ. Это было своего рода чудо во очію нашею, говорилъ батюшка, чудо Божіе, предъ которымъ иные благоговѣли, иные недоумѣвали, другіе же соблазнялись. Господь творилъ явныя знаменія и чудеса руками старца Леонида: больные шли къ нему, и онъ, помазывая ихъ елеемъ изъ лампы, горѣвшей предъ иконою Богоматери въ его кельѣ, исцѣлялъ ихъ видимо. Я помню, пришла къ нему одна женщина, у которой была на груди рана. Отбросивъ стыдливость, открыла она ее старцу предъ всѣми нами его келейными. Батюшка, нимало сумняся, омочилъ свой указательный палецъ въ елей лампы, помазалъ имъ рану женщины и отпустилъ ее домой. Черезъ недѣлю таже женщина пришла съ благодарностію къ старцу, всѣмъ намъ заявила, что рана ея зажила тотчасъ послѣ того, какъ старецъ помазалъ ее елеемъ. Бывало нерѣдко, придетъ къ батюшкѣ больной, еле ноги волочить, а отъ него идетъ бодро и весело, и всѣмъ объявляетъ свою радость, что исцѣлѣлъ. Но и врагъ рода человѣческаго не дремалъ, не могъ стерпѣть смиренія старческаго, не оскудѣвавшего въ немъ несмотря на знаменія, которыя Богъ творилъ его руками: воздвигъ онъ на него многія гоненія и клеветы, которыя старецъ терпѣлъ почти до самой блаженной кончины своей. Его обвиняли и въ своекорыстіи, и въ ереси, и многомъ тому подобномъ, отъ чего кровію обливались бывало сердца у насъ, его учениковъ; но батюшка всегда благодушествовалъ, и чѣмъ злѣе была клевета, чѣмъ сильнѣе воздвигалось на него

гоненіе отъ челоуѣковъ, тѣмъ радостнѣе и свѣтлѣе казалось его лице. Мы бывало плачемъ о немъ, а онъ улыбается какъ дитя, и дурачками насъ обзываетъ, что о пустякахъ плачемъ и скорбимъ. Батюшка имѣлъ многихъ духовныхъ дочерей въ разныхъ женскихъ монастыряхъ Россіи, которыя по временамъ пріѣзжали къ нему за наставленіемъ духовнымъ, и жили подъ его духовнымъ руководствомъ и въ своихъ монастыряхъ. Разныя духовнымъ направленіемъ отъ прочихъ сестеръ, ученицы старца возбуждали въ нихъ зависть и ненависть къ себѣ и къ своему старцу. Такъ въ Борисовской Тихвинской женской пустыни Курской епархіи были ученицы и старца Леонида, и другаго духовнаго старца того времени, игумена Глинской пустыни Филарета. Ученицы обоихъ старцевъ въ этой пустыни, соревнуя между собою, старались перессорить самихъ старцевъ и вооружить ихъ одного противъ другаго. Но отецъ Леонидъ всегда съ уваженіемъ и любовію относился къ отцу Филарету, хотя и не звалъ его личво, такъ что поссорить его съ нимъ даже заочно никому не удалось. Исторія Борисовская огласилась однако довольно громко, ибо ученицъ отца Леонида начали обвинять тамъ чуть не въ ереси, и самому старцу приписывали самыя нелѣпыя ученія и поступки. Неблагопріятные слухи о старцѣ дошли до Петербурга, чему помогъ еще одинъ изъ мѣстныхъ недоброжелателей старца, мстившій ему за то, что старецъ не захотѣлъ потворствовать его страстямъ, и грозно въ нихъ его обличалъ. Пошли слѣдствія надъ старцемъ, допросы ему и его ученикамъ, и большія тревоженія въ Оптиной пустыни. Епархіальный епископъ Евлампій вызвалъ къ себѣ старца, для испытанія, право ли онъ вѣруеть, такъ какъ на него клеветали, что онъ еретикъ. Со страхомъ проводили мы батюшку къ преосвященному, ибо враги его распустили слухъ, что тамъ засадятъ его въ тюрьму и потомъ сошлютъ въ Сибирь. Небоязненно и весело ѣхалъ старецъ къ владыкѣ. Тотъ встрѣтилъ его довольно сурово, и при-

казаль ему исповѣдать, какъ вѣруеть онъ во святую Троицу. Какъ прикажете Владыка, по кievскому или по нашему мѣстному обычаю прочитатъ исповѣданіе вѣры? — смиренно спрашиваетъ преосвященнаго старецъ; тотъ недоумѣваетъ и велитъ изложитъ ему свои вѣрованія по чистой совѣсти. Ну, такъ благословите по кievскому, сказалъ старецъ, и громкимъ голосомъ пропѣлъ кievскимъ напѣвомъ Символь Вѣры, заключивъ свое пѣніе словами: тако вѣрую и исповѣдую Святую Троицу, и анаематствую всякаго, кто иначе о ней мудрствуетъ и глаголетъ!—Владыка разсмѣялся, обнялъ старца, долго и милостиво съ нимъ бесѣдовалъ, оставилъ его у себя обѣдать и съ подарками потомъ отпустилъ его домой, обѣщавъ болѣе не вѣритъ разнымъ на него клеветамъ. «Набирайся пустынная косточка мозжечкомъ», шутливо говорилъ владыка, подчивая обѣдомъ старца, и такъ его накормилъ, что когда пріѣхалъ онъ къ намъ обратно, то дня два почти не вкушалъ пищи, говоря, что доселѣ сытъ обѣдомъ архіерейскимъ. Но преемникъ Евлампія преосвященный Николай совсѣмъ иначе обращался съ старцемъ, воздвигъ на него настоящее гоненіе и неустанно преслѣдовалъ его до самой его кончины. Но батюшка благодушеествовалъ и называлъ преосвященнаго Николая своимъ благодѣтелемъ. По приказанію суроваго владыки, перевели его изъ скита въ обитель Оптину, лишили нужныхъ ему и любимыхъ келейниковъ, запрещали ему принимать учениковъ на откровеніе помысловъ и посѣтителей желавшихъ принятъ его благословеніе и услышатъ слово назиданія духовнаго; не разъ въ самой обители переводили его изъ кельи въ келью, и старецъ всегда мирно относился къ этому. Бывало возьметъ на руки келейную икону Богоматери, запоеть громкимъ голосомъ «Достойно есть» и идетъ себѣ съ иконою въ другую назначенную ему келью, гдѣ и водворяется безроотно, какъ бы ни была она дурна и неудобна для него больнаго и престарѣлаго. Последнее время жизни своей онъ проводилъ

по немощи своей болѣе лежа бокомъ на ложѣ своемъ,— такъ принималъ посѣтителей и учениковъ своихъ, исповѣдывалъ кающихся, исцѣлялъ болящихъ; хотя самъ тяжело и долго болѣзновалъ, но ни стонъ, ни жалобъ не было отъ него слышно; всегда съ свѣтлымъ и веселымъ лицомъ бывалъ онъ при тяжкихъ страданіяхъ тѣла, опухшаго и тяготившаго его собою, такъ что на-силу могъ подниматься, и то поддерживаемый учениками своими. Кончина его была праведническая, а погребеніе болѣе походило на торжество, чѣмъ на печальный обрядъ. Хотя болѣзновалъ онъ водяною, но мертвое его тѣло не подвергалось разложенію, издавало особый пріятный запахъ, и не чуждо было силы благодатной. Одна болящая исцѣлилась чрезъ прикосновеніе къ нему отъ тайнаго тяжкаго недуга, что узналъ я уже очень не скоро и совершенно случайно, при духовничествѣ моемъ здѣсь въ Лаврѣ. Оптинскіе передавали мнѣ, что при погребеніи старца іеросхимонаха Макарія, положеннаго рядомъ съ отцемъ Леонидомъ, гробъ его найденъ цѣлымъ и тѣло нетлѣннымъ и благоуханнымъ, чему я, зная святость почившаго, отъ души вѣрю. Дивный былъ старецъ отецъ Леонидъ, дивныхъ имѣлъ и нѣкоторыхъ учениковъ и ученицъ. Помню, ѣздила къ нему одна почтенная старица игуменья изъ Сѣвска, которую батюшка очень отличалъ, и звалъ ее то фельдмаршалшей, то матерью-командиршей. Мы ученики его всегда удивлялись тому, что онъ такъ ее называлъ, и сколько ни спрашивали батюшку, какая тому была причина, онъ все отмалчивался, и только говорилъ, что игуменья эта Георгія первой степени у Бога заслужила, ибо взяла она приступомъ крѣпость. Послѣ смерти батюшки, когда умерла уже и вышепоименованная игуменья, узналъ я отъ одной изъ приближенныхъ къ ней инокинь, какого рода былъ ея подвигъ, за который батюшка такъ ее называлъ. Въ монастырѣ ея была инокиня изъ дворянъ, образованная и очень красивая лицомъ, примѣрной подвижнической жизни. Въ то время въ городѣ,

гдѣ стоитъ монастырь, квартировалъ гусарскій полкъ. Командиру полка, не старому и холостому человѣку, приглянулась какъ-то въ монастырской церкви эта инокиня, и онъ началъ ее преслѣдовать своими письмами и любезностями. По его приказанію, музыка полка ежедневно начала гремѣть подъ стѣнами обители, и какъ разъ въ то время, какъ тамъ совершались службы церковныя. Бѣдной инокинѣ нельзя было показаться нигдѣ, ибо всюду встрѣчала она назойливаго волокиту, грозившаго ее силою похитить изъ стѣнъ обители. Въ столь затруднительномъ положеніи прибѣгла она къ старицѣ игуменьѣ, чистосердечно рассказала ей постигшее ее искушеніе, и просила у ней помощи и защиты отъ насилія волокиты. Игуменья уже и прежде знала, почему полковая музыка такъ неугомонно играетъ у стѣнъ монастыря, и рѣшила сперва отнестись письменно къ полковому командиру, прося его оставить въ покоѣ ихъ обитель. Но гусаръ не унялся и продолжалъ осаждать монастырь то музыкою, то парадными и лошадиными скачками у его воротъ. Тогда игуменья созвала старшихъ монахинь, и посовѣтовавшись съ ними, рѣшила подѣйствовать на гусара инымъ, довольно необычнымъ способомъ убѣжденія. Она приказала искушаемой инокинѣ написать ему письмо, и въ немъ пригласить его на свиданіе съ собою въ монастырь. Обрадованный гусаръ заранѣе торжествовалъ свою побѣду, и не замедлилъ явиться въ стѣны монастыря, и требовалъ свиданія съ вызывавшею его инокинею. Его провели въ келью игуменьи, гдѣ старица настоятельница встрѣтила его съ строгостію неумолимаго судьи. Она грозно укоряла его за безстыдное намѣреніе соблазнить посвященную Богу дѣву, и за всѣ непріятности имъ нанесенныя какъ ей, такъ и всему ихъ монастырю. Но теперь ты будешь достойно наказанъ за все, продолжала старица, кайся и готовься къ смерти. Гусаръ думалъ сперва, что все это шутки; но когда по мановенію игуменьи нѣсколько дюжихъ монахинь явились съ веревками и свя-

зали его по рукамъ и ногамъ, увидѣль онъ, чтъ съ нимъ не шутятъ. Игуменья спросила монахинь, какому наказанію достоинъ по ихъ суду этотъ челоуѣкъ за свои наглые поступки противъ ихъ обители, и всѣ въ одинъ голосъ сказали, что достоинъ онъ смерти. Гусаръ не на шутку перепугался, тѣмъ болѣе, что игуменья объявила, что ворота обители заперты, и избавить его отъ ихъ власти никто теперь не можетъ, и даже о самой смерти его никто не узнаетъ. Онъ сталъ раскаяваться въ своємъ легкомысліи, и просить пощады у игуменьи и монахинь. Бравый гусаръ трепеталъ и унижался предъ женщинами, которыя постращавъ его въ волю, взяли отъ него письменное обязательство, что онъ оставитъ въ покоѣ ихъ обитель, и даже переберется съ полкомъ своимъ изъ ихъ города въ другое мѣсто. Тогда только выпустили онъ его съ миромъ изъ стѣнъ своей обители; но урокъ данный ему подѣйствовалъ, — на слѣдующій же день гусарскій полкъ выступилъ изъ города на другія квартиры, и обитель получила давно желанный миръ и покой». —

На этомъ разсказѣ окончилась первая бесѣда моя съ отцемъ Антоніемъ, почти буквально записанная мною вслѣдъ за тѣмъ. Потомъ я провелъ у него почти цѣлый слѣдующій день, но къ сожалѣнію не успѣлъ уже записать подробно все, что слышалъ отъ батюшки. Знакомство мое съ нимъ сразу стало такъ близко и такъ задушевно, что обратилось вскорѣ въ дружбу о Господѣ. Я благоговѣлъ предъ благодатнымъ старцемъ, и онъ называлъ меня своимъ другомъ и лично и письменно. Въ перепискѣ моей съ нимъ я отдавалъ ему отчетъ о своей жизни, своей совѣсти, и изрѣдка, при нуждѣ въ томъ, получалъ отъ него краткіе богомудрые отвѣты, всегда какъ нельзя болѣе соотвѣтствующіе моимъ душевнымъ потребамъ. Почти ежегодно бывалъ я въ Кіевѣ, гдѣ все время почти проводилъ въ кельѣ отца Антонія. Старецъ всякій разъ обрадуется мнѣ какъ родному, и всегда удержитъ у себя, съ простотою и добротою ему свойственною, чисто отече-

скою. Нужно было удивляться трудамъ и неутомимости старца: присутствуя неупустительно при всѣхъ богослуженіяхъ въ великой церкви Кіево-Печерской Лавры, гдѣ службы весьма длинны, очень нерѣдко онъ самъ исправлялъ и череду обычную священнослуженія наравнѣ съ другими іеромонахами; дома же, кромѣ правила молитвеннаго, занимался духовничествомъ,—къ нему во всякое почти время дня, и даже ночью, приходили люди съ потребамн душевными. Нерѣдко было сядеть батюшка за обѣдъ и смотришь—встаетъ и идетъ къ посѣтителѣмъ, и иногда даже не разъ такимъ образомъ прерывалась его трапеза. Двери кельи его никогда не запирались, и рѣдко когда въ пріемной его не было посѣтителей, ожидавшихъ его выхода или чреды своей идти къ нему на исповѣдь. Старець ко всѣмъ былъ привѣтливъ, умѣлъ со всякимъ поговорить душеполезно, растеплить душу и вызвать въ ней покающія чувства. Сидя съ нимъ въ его спальнѣ, сопредѣльной съ его пріемною, я нерѣдко бывалъ свидѣтелемъ бесѣдъ его съ посѣтителѣми. Когда бывало ктонибудь прійдетъ и нарушитъ нашу съ нимъ бесѣду, онъ дастъ книгу какую-либо въ руки мнѣ, притворитъ двери въ спальню и оставитъ меня посидѣть съ книгою, а самъ идетъ въ пріемную. Но чрезъ двери все слышно и даже видно бывало мнѣ, чтѣ совершалось и говорилось въ пріемной. Изъ такихъ случаевъ особенно памятны остались для меня слѣдующіе: пришли два посѣтителя, монахъ изъ одной пустынной обители и съ нимъ пожилой человѣкъ, одеждою похожій на кунца. Монахъ былъ нѣкогда раскольникомъ, но обратился къ св. церква попенченіями отца Антонія, котораго называлъ онъ спасителемъ грѣшной своей души, приведшимъ его отъ тьмы къ свѣту, и вообще отношенія его къ старцу были самыя восторженно благоговѣйныя, чтѣ видимо смущало смиреннаго старца, и онъ старался умѣрять его порывы, совѣтывалъ благодарить Бога, призвавшаго его отъ тьмы раскольническихъ заблужденій къ свѣту истины. Распро-

сивъ его о житьѣ-бытьѣ его въ обители, гдѣ иночествуетъ, старецъ преподаль ему нѣсколько духовно-опытныхъ совѣтовъ, благословилъ иконою и собирался уже отпустить; тогда монахъ упалъ ему въ ноги и просилъ его посодѣйствовать обращенію отъ раскола его сродника, при чемъ указалъ на пожилаго человѣка—мірянина съ нимъ пришедшаго, который все время стоялъ у порога, дико и пытливо озирался и какъбы собирался поскорѣе уйти. Вотъ не хочетъ вѣрить онъ, говорилъ монахъ, что спасеніе возможно только въ единеніи съ св. церковію, чрезъ посредство таинствъ, хулить триперстіе и крестится двуперстно, удаляется св. церкви, и предпочитаетъ ея ученію басни раскольничьихъ начетчиковъ. Батюшка молча глядѣлъ на старика, какъбы присматриваясь къ душевнымъ его свойствамъ, потомъ началъ съ того, что сталъ защищать православное перстосложеніе для знаменія крестнаго. Въ доказательство древности триперстія онъ между прочимъ указалъ на св. мощи преподобнаго Спиридона Просфорника, почивающаго въ ближнихъ пещерахъ. «Угодникъ Божій, говорилъ старецъ, въ самый часъ отшествія своего къ Богу, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ триперстно,—въ такомъ видѣ и застыли персты его руки и до сихъ поръ нетлѣнно пребываютъ, и если хочешь, я дамъ тебѣ записку къ блюстителю ближнихъ пещеръ, и онъ покажетъ тебѣ нетлѣнную руку преподобнаго, которая да увѣритъ тебя въ правотѣ триперстія». Раскольникъ началъ было возражать, поминая что-то о Никонѣ и клятвахъ собора московскаго. Батюшка терпѣливо слушалъ, потомъ сказалъ: «Никонъ великій былъ святитель, ревнитель благочестія, столпъ православія, за что и получилъ награду отъ Бога. Онъ — угодникъ Божій, не мало чудесъ совершилъ отъ своего гроба въ Новомъ-Іерусалимѣ, и теперь совершаетъ, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Повѣрь мнѣ старцу,—здѣсь вотъ въ этой кельѣ была у меня нѣмая дѣвица, которую исповѣдывалъ я по знакамъ ея и которая

чрезъ годъ потомъ явилась ко мнѣ ясно говорящую, и повѣдала мнѣ, что языкъ ея разрѣшился въ Новомъ-Іерусалимѣ, при гробѣ святѣйшаго патріарха Никона. А вы поносите его за то, что святитель захотѣлъ очистить церковныя книги отъ ошибокъ, вкравшихся въ нихъ чрезъ неразумныхъ переписчиковъ. Вооружившись за это на Никона, вы противъ цѣлаго собора іерарховъ востали, и правильно заслужили тѣ клятвы собора московскаго, которыя и теперь тебя смущаютъ. Чтобы не смущаться ими, оставь расколъ, обратись къ православію, какъ сдѣлалъ вотъ этотъ твой сродникъ, заботящійся о спасеніи твоей души; онъ и самъ былъ подобный тебѣ законрѣный раскольникъ, а теперь смотри, каковъ сталъ: душа его какъ невѣста Христова, а твоя—страшно сказать на что похожа». «Почему знаешь, какая моя душа», грубо сказалъ раскольникъ. «Знаю и вижу тебя насквозь, продолжалъ старецъ, и жаль мнѣ тебя: ты самъ доводишь себя до гибели твоими богохульными рѣчами на св. церковь. Послушай меня старика, пожалѣй свою душу, спаси ее пока еще можно, брось расколъ, обратись въ православіе; большое спасибо мнѣ скажешь въ часъ смерти своей, ибо тогда только узнаешь вѣрно, что расколъ, и что православіе предъ Богомъ». Старецъ, говоря это, чуть не плакалъ, а монахъ-сродникъ раскольника такъ просто рыдалъ; меня самого слезы прошибли, затихъ и раскольникъ, и блѣдный стоялъ потупившись предъ старцемъ. Вдругъ какъ-бы очнувшись отъ сна, сказалъ онъ громко: «Если вѣрно твое слово, если душа моя погибаетъ, то спасай ее, тебѣ ее поручаю; спасай ее, во всемъ тебя послушаю, и православіе приму, и креститься по твоему буду, только обѣщай мнѣ, что спасешь мою душу, дай мнѣ поручника въ этомъ». «Поручникъ вотъ тебѣ крестъ и распятый на немъ Христосъ нашъ Спаситель», сказалъ восторженно старецъ, указывая ему рукою на большое Распятіе, стоявшее на его исповѣдальномъ столѣ. Долго потомъ назидалъ его старецъ, и такъ

какъ раскольникъ былъ совращенъ изъ православныхъ въ молодости, то старецъ тутъ же въ кельѣ возсоединилъ его съ церковію по требнику, исповѣдалъ его и велѣлъ на утро готовиться къ причастію св. Христовыхъ таинъ, потомъ благословилъ кипарисовымъ большимъ крестомъ, далъ ему св. Евангеліе, нѣсколько молитвенныхъ книгъ и четки съ своихъ рукъ, и съ отеческимъ лобзаніемъ отпустилъ его изъ кельи своей. Воротаясь ко мнѣ въ спальню, старецъ молитвенно шепталъ: «слава тебѣ, Господи! слава Тебѣ, Милосердый, за спасеніе души погибшей», при чемъ лицо его свѣтилось какою-то неземною радостію. Я поздравилъ его съ дорогимъ приобрѣтеніемъ. «Да, истинно дорогое, ибо что дороже души человѣческой», сказалъ старецъ и опять началъ въ полголоса славить и благодарить Бога. Видя молитвенное его настроеніе, я не хотѣлъ мѣшать ему своимъ присутствіемъ и поспѣшилъ съ нимъ распротиться.—Въ другой разъ въ тойже спальнѣ разъединили насъ двѣ посѣтительницы—пожилыя женщины, въ черной мірской одеждѣ, и съ ними молодой человѣкъ изысканно одѣтый. Я опять остался въ спальнѣ, а старецъ вышелъ въ пріемную. Женщины видимо были знакомы прежде съ старцемъ, видимо прежде о чемъ-то просили его, и теперь по его приказанію явились къ нему съ своимъ спутникомъ. Оказалось, что молодой человѣкъ заразился духомъ невѣрія, отрицалъ бытіе Божіе и существованіе будущей жизни; мать же и тетка его,—женщины благочестивыя, давнія духовныя дочери старца,—нарочно пріѣхали съ нимъ издалека въ Кіевъ, чтобы старецъ уврачевалъ душевныя язвы юноши. Рѣчь пошла съ ними у старца сперва самая обыкновенная, но потомъ непримѣтно старецъ далъ ей нужное направленіе, сталъ просто и ясно, примѣрами изъ своей жизни и случаями своей духовнической дѣятельности, доказывать всю несостоятельность невѣрія нынѣшняго молодого поколѣнія. Молодой человѣкъ сперва молчалъ, потомъ сталъ возражать старцу, отстаивая свои

незрѣлыя мнѣнія. Возраженія были впрочемъ слабыя; видно было по всему, что юноша самъ не увѣренъ въ томъ, что защищаетъ. Старецъ это примѣтилъ, и вдругъ прекративъ споръ, съ отеческою любовію подошелъ къ юношѣ, обнялъ его курчавую бѣлокурую голову и сталъ говорить: «Сережа голубчикъ, вѣдь я знаю тебя давно, зналъ тебя еще ребенкомъ, знаю твоихъ родителей, люблю всѣхъ васъ какъ родныхъ; послушай меня старика, брось ты невѣріе, брось ты это душепагубное ученіе, совсѣмъ несреднее твоей душѣ. Повѣрь мнѣ: Богъ есть, вѣчность съ наградой или наказаніемъ ожидаетъ насъ, ибо душа безсмертна, умереть не можетъ, и объ участи ея вѣчной нашъ долгъ позаботиться, пока есть еще время, пока смерть временная не лишила насъ возможности приготовить себѣ вѣчность благую. Ты наслушался бредней модныхъ, которыя врагъ спасенія человѣческаго сѣетъ для гибели неопытныхъ душъ. Я знаю, что душа твоя не сочувствуетъ этимъ бреднямъ, что она гнушается ими, но ты упорствуешь, чтобы не казаться отсталымъ предъ товарищами твоими. Пожалѣй душу свою, не насилуй себя моды ради». Юноша, застигнутый врасплохъ откровеннымъ обличительнымъ словомъ старца, плѣненный его добротою, не устоялъ, разрыдался какъ дитя, и не смѣлъ взглянуть на старца. Но тотъ самъ поднялъ его голову, поцѣловалъ его въ лобъ и сказалъ: «И такъ, Сережа, полно отрицать Бога, вѣрь Ему, какъ подобаетъ христіанину, и примиришь съ Нимъ чрезъ таинства исповѣди и св. причастія, съ твердымъ обѣщаніемъ впередъ не быть уже тѣмъ, чѣмъ сталъ ты по легкомыслію». Женщины были высланы изъ комнаты, и юноша исповѣдался съ такими слезами, какія рѣдко бываютъ у кающихся. Однажды при мнѣ пришелъ къ старцу молодой человекъ прилично одѣтый, лѣтъ подъ 30-ть. Оставшись въ спальнѣ старца, я могъ наблюдать за разговоромъ старца съ этимъ посѣтителемъ, пришедшимъ не для исповѣди, а для совѣта духовнаго. Человекъ холостой, имѣв-

шій престарѣлыхъ родителей, которые уговаривали его жениться, онъ пожелалъ прежде побывать въ Кіевѣ, помолиться угодникамъ Божиимъ Печерскимъ и испросить совѣты старцевъ духовно-опытныхъ относительно того, жениться ли ему или нѣтъ; самъ онъ колебался, опасаясь то неудачнаго выбора невѣсты, то слабаго своего здоровья. Онъ сначала обратился за совѣтомъ къ одному Кіевскому старцу, который въ народѣ слылъ провидцемъ; тотъ отсовѣтовалъ ему жениться, сказавъ, что жена можетъ его бросить и что поэтому лучше оставаться ему холостымъ. Такой совѣтъ опечалилъ и смутилъ его, и въ тяжеломъ настроеніи духа пришелъ онъ къ отцу Антонію, подробно рассказалъ ему свою жизнь, свои наклонности, свои намѣренія, и передалъ ему то впечатлѣніе, которое произвели въ немъ слова помянутаго старца. О. Антоній молча выслушалъ все это, потомъ сказалъ: «Съ вами говорилъ мужъ святой, и вы смутились отъ его словъ, пришли ко мнѣ старцу грѣшному, вопрошать меня, какъ вамъ быть. Скажу вамъ, что все идущее отъ Бога водворяетъ въ душѣ миръ и покой, а не смущеніе и тревогу. Ваше смущеніе отъ словъ старца святаго свидѣтельствуешь, что на сей разъ отъ старца святаго вышло слово несвятое, и онъ, какъ человѣкъ, хотя и святой, не чуждъ ошибокъ. Св. Церковь благословляетъ только два положенія для людей, или дѣвство, или бракъ освященный ею; вы сами говорите, что неспособны пребывать въ состояніи дѣвства, что болѣе склонны къ жизни семейной,—слѣдовательно вамъ одинъ исходъ законный и богоугодный,—вступить въ бракъ, на что я васъ благословляю, слова же святаго старца прошу забыть и ими не смущаться. Завѣряю васъ именемъ Божиимъ, что если съ молитвою и благословеніемъ св. церкви вступите въ бракъ, то Господь благословитъ васъ счастіемъ въ немъ. Помните, что лучше бракъ, чѣмъ распутство; это помнить слѣдовало-бы и святому старцу, отсовѣтовавшему вамъ вступленіе въ бракъ, хотя вы

сознались предъ нимъ въ неспособности къ дѣвству». Старець благословилъ посѣтителя иконою Божіей Матери, и именемъ Ея заповѣдывалъ ему не задумываясь вступити въ бракъ, и тѣмъ успокоить и утѣшить своихъ родителей. — Пришла къ старцу пожилая женщина, скромно одѣтая, прїѣзжая въ Кіевъ изъ среднихъ губерній Россіи. Овдовѣвъ, оставшись бездѣтною, имѣя въ своемъ городѣ довольно помѣстительный домъ и небольшія средства къ жизни, изъ любви къ Богу и желанія Ему благоугодить, завела она въ своемъ домѣ страннопріимницу и пріютъ для престарѣлыхъ нищихъ. Но тутъ встрѣтили ее скорби, и со стороны согражданъ, заподозрившихъ ее въ корыстолюбіи потому, что нѣкоторые боголюбцы начали ей присылать пожертвованія для нищихъ, и со стороны самихъ нищихъ, ея призрѣваемыхъ, изъ коихъ многіе своими непокойными правами ее огорчали. Вотъ въ этихъ-то скорбяхъ своихъ пришла раба Божія за совѣтомъ и утѣшеніемъ къ отцу Антонію. Съ любовію и отеческимъ участіемъ отнесся къ ней старецъ: дѣла благотворенія были близки его душѣ, и онъ имѣлъ въ нихъ большую опытность, почему всякое слово его, сказанное боголюбивой женщиною, было какъ нельзя болѣе приложимо къ ея душѣ. «Что скорби тебя постигли въ твоемъ благомъ дѣлѣ, говорилъ ей старецъ, это признакъ того, что оно Богу угодно, а врагу противно; не унывать, а радоваться слѣдуетъ тебѣ, и на людей не огорчаться; пусть они судятъ и злословятъ тебя, а ты свое дѣло дѣлай по совѣсти. Поношенія, безъ вины переносимыя, въ мученичество вмѣняются тѣмъ душамъ, которыя терпѣливо и молчаливо ихъ переносятъ. Приношенія боголюбцевъ для нищихъ принимай, но и употребляй ихъ на пищихъ же, а отнюдь не для себя. Смотри на себя, какъ на приставницу къ Божію стяжанію, и расходуй его мудро, въ мѣру во всемъ, ибо нищихъ къ роскоши пріучать не полезно, довольно имъ пріюта, пища и одежды а если ропщутъ на тебя нищіе, потерни Бога ради, дѣла же сво-

его не оставляй; туеядцевъ не принимай, а если попадется такой и не захочетъ исправиться, гони его прочь. Несогрѣшишь въ этомъ. Богъ благословитъ тебя на подвиги благотворенія и я благословляю тебя, и вотъ мое тебѣ благословеніе». Старецъ далъ ей образокъ, — «а вотъ и лепта на твоихъ нищихъ», — старецъ вошелъ въ спальню взять нѣсколько денегъ изъ своей конторки, при чемъ я и съ своей стороны далъ ему своихъ нѣсколько денегъ. Посѣтительница неохотно брала эти деньги, какъ-бы боясь обидѣть старца. Тотъ замѣтилъ это и сказалъ: «Не бойся меня этимъ обидѣть, не свои даю, а Божіи; я схимникъ, денегъ своихъ не имѣю, и не долженъ имѣть, а если попадаютъ онѣ въ мои руки, то онѣ не мои, а Божіи, — вотъ и трачу ихъ на дѣла Божіи, каково и твое дѣло; не смущаясь бери ихъ отъ меня во славу Божію». Проводивъ женщину, батюшка весело сказалъ мнѣ: «смутился я вчера, когда одна генеральша послѣ исповѣди большую ассигнацію дала мнѣ; хотѣлъ не брать, да что-то внутри поудержало, а вотъ теперь и пригодилась она доброй душѣ на прокормленіе Христовой братіи». Потомъ помолчавъ немного, продолжалъ: «Мое правило, съ самаго начала духовничества моего, при исповѣди денежные вопросы въ сторону отлагать, къ пожертвованіямъ не склонять и себѣ денегъ не копить. На мои потребности довольно съ избыткомъ получаемаго мною изъ кружки братской наравнѣ съ другими іеромонахами, и какъ схимникъ, я себя окаевать долженъ и за то, что денежное содержаніе получаю; но такоеъ уставъ нашей обители, не мнѣ его нарушать. Часто даютъ мнѣ сами духовныя дѣти деньги на разныя потребности, кто для Лавры, кто для нищихъ, кто для меня лично. Не взять, оскорбляются, поэтому беру и отдаю. Умру — навѣрное капиталовъ не оставлю *)». Но выпрашивать при исповѣди хотя

*) Дѣйствительно, послѣ смерти отца Антонія капиталовъ не осталось: осталась большая бібліотека духовныхъ книгъ, довольно свя-

и для благихъ потребъ, это по моему значить унижать св. таинство, злоупотреблять даннымъ даромъ благодати Божіей: никогда на это не рѣшусь».

Разъ засталъ я у отца Антонія въ кельѣ нѣсколько молодыхъ особъ женскаго пола, и съ ними пожилую даму. Шелъ оживленный разговоръ, въ которомъ батюшка принималъ участіе; видно было, что посѣтительницы хорошо ему были знакомы и пользовались его расположеніемъ. Проводивъ ихъ, батюшка сказалъ мнѣ: «не осуди старика, что съ бабами бесѣду и знакомство водить. Эти барышни—дѣти мои духовныя, бѣднѣйшія сироты одного чиновника, остались послѣ родителей своихъ малъ мала меньше, и вотъ эта пожилая дѣвушка — тетка ихъ, которую ты съ ними видѣлъ, сама снискивавшая себѣ хлѣбъ учительствомъ да швейною работою, взяла ихъ на свое попеченіе и обратилась ко мнѣ съ просьбою принять въ нихъ участіе. Жаль стало мнѣ сиротокъ; похлопоталъ гдѣ могъ за нихъ, пристроилъ ихъ на казенный счетъ учиться. Есть у нихъ еще сестра, которую взяла къ себѣ по моей просьбѣ одна духовная моя дочка, съ дочерьми своими учила, и какъ родную дочь ее полюбила, и прекрасно потомъ за мужъ выдала, такъ что теперь и сестрамъ своимъ помогаетъ. Эти же, выучившись, стали съ теткою вмѣстѣ честно зарабатывать себѣ хлѣбъ, давать уроки, и такъ вотъ живутъ пока безъ особой нужды. Недавно старшую посваталъ одинъ чиновникъ. Пришли онѣ ко мнѣ за совѣтомъ; пожелалось мнѣ посмотреть на жениха; прислали и его ко мнѣ, и сразу очень мнѣ не понравился, а чѣмъ далѣе съ нимъ говорилъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что попали мои овечки въ сѣти ловкаго волка. Незамѣтно въ разговорѣ спросилъ его о мѣстѣ службы; оказалось, что начальникъ его

тыхъ иконъ, и очень мало денегъ, о чемъ въ письмѣ ко мнѣ свидѣтельствуешь намѣстникъ Кіево-Печерской Лавры отецъ Архимандритъ Иларіонъ.

изъ знакомыхъ мнѣ. Недолго думая, на другой же день отправляюсь къ этому знакомому мнѣ начальнику. Онъ не одобрилъ жениха, и настоятельно посовѣтовалъ спасти дѣвушку отъ гибели и разстроить этотъ бракъ. Поѣхалъ я къ невѣстѣ, гдѣ тоже узнали кое-что дурное про жениха. Я окончательно не благословилъ имъ и думать о немъ, посовѣтовалъ отказать ему, что они и сдѣлали. За это и они, и я нажили себѣ злѣйшаго врага; имъ даже пришлось жаловаться и просить себѣ защиты у властей отъ его преслѣдованія, мнѣ же досталось въ кельѣ своей выдержать отъ него бурную сцену, и даже оправдываться предъ покойнымъ митрополитомъ Арсеніемъ, которому онъ на меня нажаловался. Но Богъ помогъ все перенести и спасти сиротку отъ явной гибели, а вотъ теперь, за всѣ перенесенныя ею скорби, Богъ посылаетъ ей прекраснаго жениха, котораго я хорошо знаю, и отъ души благословляю ихъ союзъ. Вотъ эти посѣтительницы приходили извѣстить меня, что на дняхъ будетъ бракосочетаніе, и невольно вовлекли меня старика въ мірскіе разговоры съ собою. Какъ отецъ, радуюсь я ихъ радостію и благодарю Бога, что помогъ мнѣ сильно сдѣлать доброе дѣло».

Въ другой разъ при мнѣ пришелъ къ старцу молодой гимназистъ, которому старецъ видимо обрадовался. Онъ принесъ ему тетрадь на-бѣло переписанныхъ имъ сочиненій старца; старецъ долго разсматривалъ ее, остался доволенъ, далъ ему что-то изъ денегъ, и потомъ напоилъ чаемъ. Когда гимназистъ ушелъ, батюшка сказалъ мнѣ: «рѣдкій примѣръ трудолюбія въ столь раннихъ годахъ. Вообрази—онъ круглый сирота, имѣетъ двухъ братьевъ и сестру меньше себя, и всѣ они остались послѣ родителей на его попеченіи; мальчикъ нашелся, — учась въ гимназіи, занимался уроками на сторонѣ, бралъ переписывать бумаги у чиновниковъ, чрезъ это и со мною познакомился; нужно мнѣ было переписчика для своихъ тетрадей, его мнѣ порекомендовали; узналъ я его поло-

женіе, удивился и сжалился. Началъ хлопотать, сестру его скоро пристроилъ въ учебное заведеніе на казенный счетъ; одного брата въ гимназію приняли, а о другомъ вотъ теперь хлопочу,—обѣщали въ духовную семинарію его принять, старшій же братъ-отець, какъ я его зову за попеченія его о своихъ братьяхъ и сестрѣ,—получилъ хорошій урокъ съ квартирою и столомъ, и самъ обезпеченъ и братьямъ еще поможетъ». Я спросилъ старца, не блазнятся ли на него другіе, видя его хлопоты и заботы о подобныхъ сиротахъ дѣтяхъ. «Всего бывастъ, отвѣчалъ старецъ, но я на это вниманія не обращаю. Вотъ когда хлопоталъ о сестрѣ этого гимназиста, и поѣхалъ къ начальницѣ учебнаго заведенія, куда хотѣлъ ее помѣстить, она очень подозрительно спросила меня, почему это принимаю я такое участіе въ этой дѣвчкѣ и не сродни-ли она мнѣ приходится. Я сразу понялъ намекъ и обличилъ ея недобрыя мысли о мнѣ, чѣмъ очень ее сконфузилъ. Потомъ сама пріѣзжала ко мнѣ извиняться. Чтѣ дѣлать, розы хорошій цвѣтокъ, но колются; такъ и благія дѣла безъ скорбей и напраслинъ рѣдко обходятся».

Однажды пришла при мнѣ къ отцу Антонію нестарая еще послушница; я остался въ его спаленкѣ, а онъ къ ней вышелъ въ пріемную, откуда вскорѣ слышался гнѣвный голосъ батюшки; это меня удивило: еще никогда не видалъ я его гнѣвающимся, теперь же онъ гнѣвно кричалъ и гналъ вонъ отъ себя посѣтительницу. Проводивъ ее, батюшка сталъ говорить: «истинное наказаніе Божіе для меня эти странницы-послушницы; странствуютъ невѣсть за чѣмъ и невѣсть гдѣ, и только позорятъ иноческую одежду своимъ поведеніемъ. Вотъ эта овечка прошлый годъ пришла ко мнѣ каяться въ томъ, чтѣ по самому виду ея внѣшнему всеѣмъ было явно. Пришла каяться, не въ правѣ я ее отгонять отъ милосердія Христа, блудницу оправдавашаго. Говорю ей: сними-ка черную одежду, да одѣнься помірски, иди къ своимъ роднымъ, пристройся, и если

женихъ случится, Богъ благословитъ, иди съ миромъ за мужъ, и старайся свой теперешній грѣхъ добрыми дѣлами загладить. Расплакалась предо мною, что молъ стыдно идти ей домой къ роднымъ неспрадно. Подумалъ я и послалъ ее съ запискою къ одной здѣсь рабѣ Божіей, объяснивъ ей, въ чемъ дѣло; та пристроила ее у себя, пристроила потомъ и родившагося ея младенца; мать же тихонько ушла отъ своей благодѣтельницы, не поблагодаривъ и обокравъ ее за ея милости, и вмѣсто того чтобы, по моему приказанію, снять черную одежду и пристроиться у родныхъ въ мірѣ, продолжала опять странствія свои послушницею, и вотъ опять явилась ко мнѣ въ прежнемъ положеніи, съ просьбою о прежнемъ пріютѣ. Подобная дерзость и безстыдство этой погибшей невольно вызвали мой гнѣвъ, и ты видѣлъ, какъ я ее отъ себя сурово выгналъ. Вотъ чтобы не блазился моимъ гнѣвомъ, и повѣдалъ я тебѣ обстоятельства, его вызвавшія.—Нужно сказать, что въ кельѣ отца Антонія нерѣдко доставалось мнѣ встрѣчать послушницъ и монахинь, и пріѣзжихъ и мѣстныхъ—Кіево-Фроловскаго женскаго монастыря, жившихъ подъ его духовнымъ руководствомъ и приходившихъ къ нему для исповѣди и совѣтовъ духовныхъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ батюшка обходился съ простотою и любовію чисто-отеческою, позволялъ имъ хозяйничать въ своихъ кельяхъ и саду, при чемъ онѣ иногда уже слишкомъ усердствовали, что мнѣ не нравилось. Воспользовавшись случаемъ, я какъ-то чистосердечно высказался объ этомъ предъ старцемъ. «Я и самъ знаю и вижу это, сказалъ старецъ, и ты не повѣришь, какъ иногда болитъ душа моя за моего келейника, парня не стараго; но ничего не могу съ ними сдѣлать, никакъ въ толкъ не возьмутъ, что во всемъ слѣдуетъ мѣру знать. Жаль и ихъ бѣдныхъ, живутъ по монастырямъ своимъ безъ всякаго духовнаго назиданія, безъ всякаго руководства ко спасенію, идутъ ко мнѣ съ важнымъ дѣломъ, спасать свои

души; жестоко имъ въ этомъ отказывать; онѣ же за блага духовныя своими услугами по хозяйству хотятъ отплачивать мнѣ, и сколько я этому ни противлюсь, до сихъ поръ ничего не могу сдѣлать. Это — большое мѣсто въ моей келейной жизни, и до сихъ поръ не придумаю на него пригоднаго пластыря». Я просилъ батюшку не гнѣваться на меня за мое откровенное предъ нимъ слово. «Не гнѣваюсь, другъ мой, а благодарю, тебя оправдываю, а себя зазираю», отвѣчалъ старецъ, и съ тѣхъ поръ при мнѣ въ его кельяхъ черницы уже не хозяйничали.

Андрей Ковалевскій.

(Окончаніе будетъ).

УРОКИ ПОКАЯНІЯ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Закхей, Симонъ фарисей и блудница.

Закхей мытарь бѣ, но обаче спасашеся, и фарисей Симонъ соблазняшеся, и блудница пріимаше оставительныя разрѣшенія отъ Имущаго крѣпость (власть) оставляти грѣхи: юже, душе, потщися подрѣжати. Лук. 19, 2; 7, 37—48.

Слезы блудницы, Щедре, и азъ предлагаю: очисти мя, Спасе, благоутробіемъ твоимъ.

Согрѣшихъ, якоже блудница, единъ согрѣшихъ тебѣ: яко мѣро, пріими Спасе, и моя слезы.

Блудницу, о окаянная душе моя, не поревновала еси, яже пріимши мѣра алавастръ, со слезами мазаше нозѣ Спасовѣ, отре же власы (волосами) древнихъ (прежнихъ) согрѣшеній рукописаніе Раздирающаго ея.

Въ послѣдніе дни земной жизни своей Господь Іисусъ, на пути въ Іерусалимъ, проходилъ чрезъ Іерихонъ. Здѣсь искалъ видѣть Его Закхей, начальникъ мытарей, человѣкъ богатый, но за народомъ не могъ, потому что ростомъ былъ малъ. И вотъ, забѣжавши впередъ, онъ взбирается на смоковницу, мимо которой надлежало проходить Іисусу. Іисусъ замѣтилъ его и сказалъ ему: «Закхей, сойди скорѣй; ибо сегодня надобно мнѣ быть у тебя въ домѣ». Закхей поспѣшилъ домой и принялъ Іисуса съ радостію. И видя то, люди презиравшіе и ненавидѣвшіе мытарей, начали роптать, зачѣмъ Христосъ зашелъ къ грѣшному человѣку. Закхей же сказалъ Господу: «Господи, поло-

вину имѣнія моего я отдамъ нищимъ, а если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу вчетверо». Иисусъ сказалъ ему: «нынѣ пришло спасеніе дому сему, потому что и онъ сынъ Авраама. Ибо Сынъ человѣческой пришелъ възыскать и спасти погибшее».

Въ исторіи Закхея мытаря видимъ съ одной стороны примѣръ неизреченнаго милосердія Господа къ грѣшникамъ, съ другой образецъ истиннаго покаянія. Тотъ, который пришелъ възыскать и спасти погибшее, възыскалъ своею милостію человѣка, котораго фарисеи и ученики ихъ почитали погибшимъ. Онъ зналъ, что будутъ роптать на Него за благосклонность къ начальнику мытарей, слѣдственно притѣснителю, какъ имъ казалось, изъ притѣснителей; но несмотря на сіе Онъ торжественно явилъ ему свою благосклонность, чтобъ всѣ видѣли, что Онъ пришелъ не праведниковъ, а грѣшниковъ спасать, чтобъ надеждою спасенія ободрить всѣхъ грѣшниковъ. Много народу тѣснилось вокругъ Иисуса, на улицахъ Іерихона,—но ни на кого столько, какъ на Закхея, Онъ обратилъ милостивое вниманіе. Вѣтви и листья смоковницы не укрыли его отъ взоровъ Иисуса. Закхей былъ бы радъ услышать изъ устъ Его только слово милосердія. Иисусъ сдѣлалъ для него больше: Онъ удостоилъ посѣщеніемъ домъ его, и принесъ благословеніе не ему только, но и всему дому, всему семейству его. «Нынѣ спасеніе дому сему», сказалъ Онъ, вступивъ въ жилище Закхея. Люди проходили мимо дома Закхеева и проклинали этотъ домъ и живущихъ въ немъ, судили о нихъ строже чѣмъ о язычникахъ, хотя Закхей и его дѣти и домочадцы были чадами Авраама по плоти. Враги Закхея будутъ проклипать его и жилище его и послѣ этого случая, но это проклятіе не страшно ему,—надъ нимъ и его домомъ почило благословеніе Божіе съ тѣхъ поръ, какъ подъ кровъ Закхея вошелъ Господь Иисусъ съ своимъ миромъ и благодатію. Домъ Закхея теперъ сталъ церковію спасаемыхъ: на путь спасенія вступили вслѣдъ за отцемъ семейства и члены

его. До сихъ поръ они были чадами Авраама по плоти; теперь они сроднились съ нимъ по духу, по вѣрѣ во Христа Спасителя, которую имѣлъ Авраамъ, видѣвшій изъ дали вѣковъ день Христовъ и радовавшійся тому.—Чѣмъ Закхей могъ заслужить столь великую милость Божію?—Истиннымъ покаяніемъ. Можетъ быть и желаніе видѣть Іисуса, вступившаго въ Іерихонъ, было уже плодомъ не простаго любопытства, а покаяннаго душевнаго настроенія. Закхей имѣлъ возможность знать, какъ милостиво относился Христосъ къ грѣшникамъ, и какъ грѣшники взысканные Его любовію обращались на путь покаянія и измѣнялись къ лучшему въ нравственномъ отношеніи. Эти опыты милосердія къ нимъ Господа и ихъ раскаянія трогали грѣшную душу Закхея и внушали ему, сначала конечно перѣшительное, желаніе послѣдовать примѣру покаянія подобныхъ ему грѣшниковъ. Въ первый разъ ему казалось достаточно только видѣть Іисуса, а тамъ что Богъ дастъ, думалъ онъ. И вотъ ему удастся увидѣть Его. Желалъ ли, не желалъ ли при этомъ Закхей, чтобы и Христосъ его замѣтилъ, неслѣзливо. Но во всякомъ случаѣ его не могло не потрясти до глубины души то, что Христосъ замѣтилъ его, что взоры его, напряженно устремленные на Іисуса, встрѣтились съ Его взорами. Во взорѣ Іисуса заключается могущественная благодатная сила. Христосъ предрекъ Петру, что онъ отречется отъ Него. Малодушный апостоль изъ страха человѣческаго дѣйствительно отрекся отъ Него во дворѣ архіерейскомъ. «И обращая *тогда* Господь воззрѣ на Петра, и помяну Петръ слово Господне, и изшедъ вонъ плакася горько» (Лук. 22, 61—62). Воззрѣніе Христа на отрекшагося ученика потрясло его душу, и онъ горько заплакалъ. Чувство раскаянія, но вмѣстѣ надежды на прощеніе и помилованіе, съ силою пробудилось и въ душѣ Закхея, когда воззрѣлъ на него Господь взоромъ благоволенія и состраданія. Но еще съ большею силою чувство раскаянія и надежды заговорило въ немъ, когда онъ услышалъ слово

Христово: «сойди поскорѣй, ибо сегодня надобно Мнѣ быть у тебя въ домѣ». Милостивый взоръ и милостивое слово Христово произвели рѣшительный переворотъ въ душѣ начальника мытарей. Онъ положилъ твердое намѣреніе оставить грѣховную жизнь, прилѣпился всею душою ко Христу и съ радостію принялъ Его въ свой домъ. Сего мало: искренность своего раскаянія и благодарности ко Христу, взыскавшему его своею благодатію, онъ засвидѣтельствовалъ тѣмъ, что тотчасъ далъ обѣтъ предъ Нимъ загладить грѣхи свои предъ ближними—дѣлами милосердія. Онъ объявилъ, что одну половину имущества своего раздастъ нищимъ, а изъ остальной вознаграждать вчетверо обиженныхъ имъ. Ни того, ни другаго не требовалъ отъ Закхея законъ Моисеевъ. Въ этомъ законѣ предписано только, чтобъ незаконно присвойшій чужую собственность исповѣдалъ свой грѣхъ предъ Господомъ и возвратилъ ее обиженному съ прибавленіемъ одной пятой части (Числ. 5, 6. 7). Закхей сталъ выше закона: обиженного имъ незаконнымъ присвоеніемъ собственност онъ обязывается вознаграждать вчетверо,—и кромѣ того отказывается отъ половины своихъ законныхъ стяжаній въ пользу нищихъ. Такимъ образомъ Закхей приблизился къ тому нравственному совершенству, къ достиженію котораго Христосъ не могъ склонить одного богатаго юношу, вопросившаго Его: что мнѣ дѣлать, чтобы наследовать жизнь вѣчную?—За богоугодную жизнь Закхей причисленъ Церковію къ лику святыхъ. Память его 4-го января.

Грѣшникъ, недугующій подобно Закхею пристрастіемъ къ земнымъ стяжаніямъ, подвигнись по примѣру Закхея вырваться изъ сѣтей этого пагубнаго пристрастія. Горе тебѣ, если не успѣешь освободиться отъ нихъ до смерти, если до самой смерти будешь служить корыстолюбію и мечтать о чувственныхъ наслажденіяхъ, подобно богачу Евангельской притчи! Да устрашить тебя грозный приговоръ, поразившій этого богача: безумный, въ сію

ночь душу твою возьмутъ у тебя: кому же достанется то, что ты заготовилъ? (Лук. 12, 20). Не доводи себя до подобнаго положенія. Помысли о долготерпѣннн Господа, продолжающаго твою жизнь въ ожиданнн отъ тебя покаяннн и готоваго поступитъ съ тобою такъже милостиво, какъ Онъ милостиво поступилъ съ Закхеемъ. Взыщи узрѣть свѣтлое, благосклонное къ кающнмся грѣшникамъ лице Исуса съ такимъ же усерднемъ, какъ Закхей. Закхеемъ, какъ и всякимъ мытаремъ, недовольны были его сограждане. Но Закхей сознался, что они справедливо были недовольны имъ, что своимъ корыстолюбнемъ и обидами онъ заслужилъ ихъ негодованн. Закхей призналъ себя кругомъ виноватымъ. Совѣсть не давала ему покоя. Ея упреки были для него больнѣе упрековъ людскихъ. Не мило стало ему богатство, часть котораго нажилъ онъ неправдою. Пропадай оно совѣмъ, сказалъ онъ себѣ, душа дороже всѣхъ земныхъ сокровищъ. Скажи тоже и ты, грѣшникъ, объятый корыстолюбнемъ, и притеки къ Исусу съ усерднемъ Закхея. Воззови къ Нему: не отврати лица твоего отъ меня, призри на мя, какъ призрѣлъ на Закхея, и взоромъ твоей благодати ободрн меня на подвигъ борьбы съ господствующнмъ во мнѣ пристрастнемъ къ земнымъ благамъ, исцѣли меня отъ этого пристрастнн, якоже исцѣлилъ еси сребролюбивую душу Закхея мытаря. И милосердый Господь, призывающн къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, не только благосклонно приметъ твое раскаянн, но еще вступитъ съ тобою въ болѣе тѣсное общенн, чѣмъ съ Закхеемъ: Онъ войдетъ въ домъ души твоей въ пречистыхъ тайнахъ тѣла и крови своей, сроднится съ нею священнотайно, и наполнитъ ее радостню не менѣе чистою и великою, какъ и радость Закхея, принявшаго въ домъ свой Исуса. Съ этою радостню не сравнятся никакія земныя радости. Дорожи ею, какъ залогомъ вѣчнаго веселнн въ царствѣ небесномъ; но она доступна только истинно кающнмся. Истинное же покаянн состоитъ не только въ сожалѣннн о

прежнихъ грѣхахъ, не только въ заботливости о томъ, чтобы не возвращаться къ нимъ, но вмѣстѣ въ ревности о заглаженіи, по возможности, при помощи благодати Божіей, сдѣланныхъ грѣховъ поступками, подобными поступку Закхея. Если на твоей совѣсти лежатъ грѣхи, подобныя тѣмъ, въ которыхъ раскаялся Закхей, то дай обѣтъ сдѣлать тоже, что обѣщался сдѣлать Закхей. Съ избыткомъ вознагради обиженныхъ тобою, и недугъ корыстолюбія врачуй не только нелюбостыжаніемъ, но даже, если возможно, нестяжательностію.

Въ лицѣ женщины, помазавшей Господа мѣромъ, является не менѣе трогательный, какъ и въ лицѣ Закхея, примѣръ покаянія и милосердія Господа къ кающимся. Она приходитъ въ домъ фарисея Симона, узнавъ, что къ нему, по его приглашенію, пришелъ Иисусъ. Иисусъ возлежалъ за столомъ, по обычаю Іудеевъ, на лѣвомъ локтѣ, простерши ноги не подъ столъ, а назадъ. Женщина стояла у ногъ Иисуса и слушала Его ученіе. Въ ея рукѣ былъ алебастровый сосудъ съ мѣромъ. Она плача начала обливаться ногами Его слезами, драгоценнѣйшими мѣра, и отирать ихъ волосами своей головы, и цѣловала Его ноги и мазала мѣромъ. Что, спрашивается, привлекло женщину въ домъ, куда она не была приглашена, и что побудило ее почитать Христа столь трогательными знаками любви къ Нему? — Вѣра въ Него, въ Его божественное милосердіе къ грѣшникамъ, въ Его власть разрѣшать грѣхи кающимся, умиротворять смущаемую ими совѣсть. «Вѣра твоя спасла тебя, иди съ миромъ», сказалъ ей, отпуская ея, Христосъ. Женщина эта слыла великою грѣшницею,—была блудницею. Но покаяніе спасло ее отъ гибели. Любвеобильныя рѣчи, лившіяся изъ устъ Иисуса, быть можетъ не разъ и прежде ею слышанныя, заронили въ ея душу сѣмя раскаянія. Примѣръ подобныхъ ей грѣшниковъ, взысканныхъ милосердіемъ Христа, прощенныхъ Имъ и исправившихся, утвердилъ въ ней вѣру въ Него и надежду, что и сѣ Онъ проститъ грѣхи, если она принесетъ покаяніе въ нихъ,—и вотъ она у ногъ

Его. Господь не отвергъ знаковъ ея любви къ Нему. Онъ зналъ, что они вызваны вѣрою въ Него, какъ въ Испытателя грѣшниковъ, вѣрою, для водворенія которой Онъ явился въ міръ среди грѣшниковъ. Она потому такъ горячо обливала Его ноги слезами и такъ усердно мазала ихъ муромъ, что увѣрена была въ милосердіи къ ней Господа. Прежде чѣмъ Онъ изрекъ слово отпущенія ея многихъ грѣховъ, она сердцемъ чуяла, что Онъ уже простилъ ее. Такъ была велика вѣра ея и оттого такъ сильна была любовь ея къ Нему. Симонъ фарисей соблазнился тѣмъ, что Христосъ дозволилъ прикасаться къ Нему блудницѣ, и подумалъ, что еслибы Исусъ зналъ, кто къ нему прикасается, то отринулъ бы ее, что стало-быть Онъ не пророкъ. Господь видѣлъ, что на умѣ у Симона, почитавшаго себя праведникомъ и презиравшаго грѣшниковъ; и обратившись къ нему съ рѣчью, далъ ему понять, какъ онъ ошибается, осуждая Его за благосклонность къ грѣшницѣ. Эта грѣшница совсѣмъ уже не та, какою была до сихъ поръ. Она раскаялась въ своихъ грѣхахъ и заслужила прощеніе въ нихъ. И вотъ почему она такъ пламенно возлюбила Того, отъ кого не сомнѣвается получить это прощеніе. И какъ трогательно выражаетъ она эту любовь! По всему видно, что она возлюбила Его несравненно сильнѣе, чѣмъ Симонъ. И это въ порядкѣ вещей: чѣмъ больше благодѣяніе, тѣмъ, обыкновенно, живѣе любовь и благодарность къ благодѣтелю. Должникъ, которому заимодавецъ простилъ долгъ въ 500 динаріевъ (100 р.), гораздо больше полюбитъ, гораздо живѣе возблагодаритъ своего благодѣтеля, чѣмъ тотъ, кому прощенъ долгъ только въ 50 динаріевъ (10 р.). На перваго походитъ грѣшница, которой прощаются многочисленные и тяжкіе грѣхи, на послѣдняго—Симонъ фарисей, который принявъ Христа въ своемъ домѣ холодно, не оказалъ Ему обычныхъ почестей, оказываемыхъ почетнымъ гостямъ: не омылъ Ему ногъ, не поцѣловалъ Его, не помазалъ Ему головы масломъ. Понятно, почему такъ поступилъ Симонъ: онъ

почитаеть себя праведникомъ, которому почти не въ чемъ просить прощенія у Бога,—стало быть нѣтъ у него и побужденій такъ любить Христа, какъ возлюбила Его грѣшница. Ей, видно, прощаются многіе грѣхи, судя потому, что она возлюбила Его много, а кому мало прощается,—намекъ на Симона, мнимаго праведника,—тотъ, понятно, и мало любить. — Таковъ смыслъ всего сказаннаго Господомъ Симону. Затѣмъ, обратившись къ женѣ, Господь рекъ ей: «прощаются тебѣ грѣхи»,—и симъ далъ ей знать, что она не вотще надѣялась на Его милосердіе, возлюбивъ Его такъ много. Возлежавшіе съ Иисусомъ начали говорить про себя: «кто это, что и грѣхи отпускаеть»?—Онъ же сказалъ грѣшницѣ: «вѣра твоя спасла тебя, иди съ миромъ».

Примѣръ блудницы покаявшейся, прощенной и возлюбившей Христа, для многихъ изъ насъ служить къ обличенію, для всѣхъ трогателенъ. Одни изъ насъ ведутъ такую же зазорную жизнь, какъ и блудница, другіе виновны вообще въ духовномъ блужденіи предъ Господомъ, т.-е. въ невѣрности Ему, въ предпочтеніи служенію Ему служенія идоламъ страстей. Тѣ и другіе, подражая блудницѣ въ грѣхѣ, не всегда подражаютъ ей въ покаянніи, далеки отъ сознанія своей вины предъ Богомъ, не сокрушаются о томъ, что грѣхами оскорбляютъ Бога, не умоляютъ о снятіи съ нихъ вины, о прощеніи долговъ, Того, Кто взялъ на себя грѣхи міра, уплатилъ за нихъ своею кровію и тѣмъ приобрѣлъ право прощать кающихся грѣшниковъ, раздирать долговья на нихъ записи. Равнодушіе къ спасенію, коснѣніе въ грѣхахъ — возмутительное! Какъ побѣдить это равнодушіе, какъ пробудить душу отъ этого коснѣнія, какъ возбудить и поддержать въ ней спасительную скорбь о грѣхахъ?—Блудница, покаявшаяся и возлюбившая Христа, приведена была къ покаяннію ученіемъ Его и примѣрами обратившихся къ Нему грѣшниковъ. Внимай и ты, душа безпечная и преданная міру, Его ученію, читай или слушай Евангеліе, и располагай себя идти путемъ упредившихъ тебя обращеніемъ грѣшниковъ. Подобныхъ примѣровъ,

если захочешь, ты увидишь болѣе въ исторіи и въ жизни, чѣмъ сколько могла видѣть ихъ во время земной жизни Христовой обратившаяся блудница.—Удаленіемъ отъ міра и его суеты ослабляй въ себѣ пристрастіе къ нему; занимайся также самоиспытаніемъ, размышляй о смерти, о страшномъ судѣ и гееннѣ, также о многообразныхъ и безчисленныхъ милостяхъ къ намъ Господа, которыми хочетъ Онъ возбудить въ насъ благодарность къ Нему и благодарностію привлечь къ себѣ и которыя мы употребляемъ во зло. Всѣ подобныя усилія умягчить душу, употребляемая съ постоянствомъ и терпѣніемъ, увѣнчиваются, при помощи благодати Божіей, успѣхомъ: въ душѣ открывается источникъ слезъ, и эти теплыя слезы пусть она, какъ блудница, приноситъ ко Христу съ тою же сердечною любовію къ Нему за Его милосердіе къ кающимся грѣшникамъ; скажи Ему: «слезы блудницы и азъ предлагаю тебѣ, Щедре; очисти мя твоимъ благоутробіемъ. Согрѣшихъ, якоже блудница: яко мѣро, прими, Спасе, и моя слезы». Но не смущайся, если несмотря на всѣ усилія не даются тебѣ слезы, и ты не испытываешь сладкаго умиленія. Прими это лишеніе, какъ наказаніе за твое долгое коснѣніе во грѣхѣ, смиренно покорись волѣ Господа, не дающаго тебѣ благодати слезъ,—и принеси Ему хоть желаніе слезъ, и это желаніе Ему не менѣе угодно, какъ и самыя слезы, если оно соединяется съ ревностію о подвигахъ богоугодной жизни и съ любовію ко Христу.

Мытарь и фарисей по Евангельской притчѣ.

Мытарь спасашеся, и блудница цѣломудрствоваше (сдѣлалась цѣломудренною), и фарисей хваляся осуждашеся: овъ убо зывалъ: очисти мя (будь милостивъ мнѣ), ова же: помилуй мя. Сей же величашеся вопію: Боже, благодарю Тя, и прочія безумныя глаголы. Лук. 18, 14; 7, 46.

Очисти, якоже мытарь вопію ти, Спасе, очисти мя: никтоже бо сушихъ изъ Адама, якоже азъ согрѣшихъ тебѣ.

Объ удѣломудренной чрезъ покаяніе блудницѣ уже

была рѣчь при разсмотрѣніи стиха о случившемся съ нею въ домѣ Симона фари́сея. Ограничимся размышленіемъ о молитвѣ мытаря и фари́сея, на которую со словъ извѣстной Евангельской притчи указываютъ подлежащіе разсмотрѣнію стихи канона въ урокъ для нашего покаянiя. Эта притча произнесена Христомъ противъ тѣхъ, «кои увѣрены были о себѣ, что они праведны, и уничижали другихъ» (Лук. 18, 9). Въ ней содержится ученіе о томъ, какія душевныя расположенія нужны для полученiя оправданiя отъ Бога. Притча предостерегаетъ отъ тѣхъ душевныхъ расположеній, какія открылись въ молитвѣ фари́сея въ храмѣ, въ молитвѣ же мытаря представляетъ образецъ, достойный подражанiя для каждаго грѣшника, кающагося предъ Богомъ и желающаго получить отъ Него помилованіе. Въ молитвѣ фари́сей благодаритъ Бога за то, что онъ въ нравственномъ отношенiи превосходитъ прочихъ людей,—прочіе люди—грабители, обидчики, прелюбодѣи или таковы, какъ мытарь, позади его стоявшій тоже на молитвѣ,—онъ же фари́сей — не таковъ, — онъ постится два раза въ недѣлю, жертвуетъ въ храмъ Божій десятую часть изъ всего, что пріобрѣтеть (ст. 11. 12).—Благодарность Богу есть долгъ всякаго человѣка. За все мы должны благодарить Бога,—за внѣшнія милости, за помощь въ исполненiи заповѣдей Его, даже за скорби, болѣзни, бѣды и напасти. И фари́сей хорошо поступаетъ, что благодаритъ Бога, но не хорошо, что съ его благодарностію соединяется самохвальство и осужденіе ближнихъ; не хорошо, что онъ выставляетъ себя неукоризненнымъ предъ Богомъ на основанiи очень непогихъ нравственныхъ достоинствъ. Не дѣлать уголовныхъ преступленій противъ ближнихъ, не быть воромъ, грабителемъ, обидчикомъ, прелюбодѣемъ, еще не значитъ быть правымъ предъ Богомъ и Его закономъ. Законъ требуетъ несравненно больше. Недостаточно не дѣлать только зла ближнимъ, надобно еще дѣлать имъ добро, помогать имъ въ духовныхъ и тѣлесныхъ

нуждахъ. Совершить вѣсколько дѣлъ внѣшняго благочестія, предписанныхъ закономъ, напримѣръ давать въ храмъ десятую часть отъ доходовъ, или непредписанныхъ, напримѣръ поститься два раза въ недѣлю, опять далеко недостаточно для того, чтобы признавать себя правымъ предъ Богомъ. Дѣла внѣшняго благочестія имѣютъ цѣну только въ соединеніи съ искреннею любовію къ Богу и ближнимъ, съ сердечнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ, съ подвигами стяжанія и соблюденія сердечной чистоты. Еслибы фарисей сталъ судить о своемъ поведеніи, имѣя въ виду эти условія богоугожденія, онъ не дерзнулъ бы хвалиться предъ Богомъ, и смиренно исповѣдалъ бы предъ Нимъ свое недостоинство. Къ смиренію предъ Богомъ его долженъ былъ бы расположить также строгій судъ закона противъ всѣхъ подзакопныхъ: «проклять всякъ, кто не исполняетъ постоянно всего, что написано въ книгѣ закона» (Второз. 27, 26). Такъ какъ никому не подь силу буквально исполнить все, чего требуетъ законъ, то, очевидно, проклятіе закона падаетъ на всѣхъ, кому онъ данъ, неисключая того, кто не исполнилъ одной какой-нибудь заповѣди, а всѣ прочія исполнилъ. Посему-то и говорится о законѣ ветхозавѣтномъ, что онъ *иже содѣлываетъ* (Рим. 4, 15), т.-е. гнѣву Божию подвергаетъ. И законъ этотъ данъ совсѣмъ не для того, чтобы чрезъ него единственно достигать оправданія предъ Богомъ, а для того, чтобы путеводить къ вѣрѣ во Христа (Гал. 3, 24). Онъ путеводилъ ко Христу и нравственными заповѣдями, потому что трудность исполнять ихъ въ точности заставляла искать и ожидать помощи отъ Искупителя, который одинъ могъ снять съ человѣка осужденіе закона, одинъ могъ умиловить правду Божественную,—и обрядовою стороною. Ибо ветхозавѣтныя жертвы, не очищая грѣховъ сами по себѣ, служили только напоминаніемъ ихъ (Евр. 10, 3. 4), а вмѣстѣ прообразовали ту великую жертву, которую Христосъ принесъ на крестѣ, и питали вѣру въ силу ея. Фарисей, изображаемый въ притчѣ, какъ видно, далеко былъ отъ мыс-

ли о своей виновности предъ Богомъ и слѣдственно о нуждѣ для него искупленія. Иначе онъ пожелалъ бы явиться предъ Богомъ въ храмъ Его не съ одною благодарною молитвой, а вмѣстѣ съ мольбою о помилованіи. «Не види въ судъ съ рабомъ твоимъ», сказалъ бы онъ съ праведнымъ Давидомъ, «яко не оправдится предъ тобою всякъ живой» (Пс. 142, 2).—Но какая противоположность фарисею въ лицѣ мытаря, котораго осудилъ фарисей! Мытарь, быть можетъ, действительно былъ причастенъ тѣмъ грѣхамъ, въ которыхъ неповиннымъ исповѣдалъ себя фарисей. Но онъ угодилъ Богу именно тѣми духовными расположеніями, которыхъ недоставало фарисею. Вошедъ въ храмъ, мытарь сталъ издалеча, не смѣлъ очей поднять на небо, билъ себя въ грудь и говорилъ: Боже, милостивъ будь мнѣ грѣшнику! И такое чувство виновности и недостойнства предъ Богомъ, сознание нужды въ Его милосердіи и упованіе единственно на Его милосердіе,—вотъ чѣмъ мытарь угодилъ Богу, вотъ за что онъ пошелъ изъ храма въ домъ свой оправданнымъ болѣе, чѣмъ фарисей (Лук. 18, 14). Но для мытаря ли одного утѣшительно помилованіе, оказанное ему, или оправданіе? Нѣтъ,—оно всегда было и будетъ утѣшительно для всѣхъ подражающихъ мытареву смиренію. Ибо «всякъ возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется»,—такъ заключилъ притчу Спаситель. Въ семъ заключеніи идетъ рѣчь о гордости и смиреніи не въ общемъ, обширномъ смыслѣ, но въ отношеніи къ оправданію. Т.-е. въ лицѣ фарисея осуждено горделивое мнѣніе о своей праведности, о своихъ мнимыхъ заслугахъ предъ Богомъ, осуждены поистинѣ *безумные глаголы* самохвальства и презрѣнія къ ближнимъ; въ лицѣ же мытаря превознесено смиреніе, самоосужденіе или та духовная нищета, возлюбившіе которую сознаютъ свое недостойнство и виновность предъ Богомъ, и ожидаютъ оправданія единственно отъ милосердія Божія, за что и ублажаются Спасителемъ (Матѳ. 5, 1).

Осужденный Господомъ Иисусомъ фарисейскій духъ самовосхваленія и гордости, къ сожалѣнію, живетъ и въ христіанскомъ обществѣ. На самой исповѣди многіе вмѣсто того, чтобы приносить мытарево покаяніе, почти повторяютъ слова фарисея, говоря: я никого не убилъ, не ограбилъ, не укралъ, жены нѣ у кого не отнялъ, — и нерѣдко выражаютъ желаніе, чтобы духовникъ о другихъ грѣхахъ и не спрашивалъ ихъ, какъ будто всѣ прочіе грѣхи, какіе есть у нихъ, такъ значительны въ сравненіи съ грѣхами противъ 6-й, 7-й и 8-й заповѣди, что и помнить ихъ, и каяться въ нихъ не стоить, — какъ будто и грѣхомъ они не почитаютъ нарушеніе прочихъ заповѣдей, — какъ будто и знать не хотятъ, что даже тѣми заповѣдями, исполненіемъ которыхъ они похваляются, воспрещаются не одни грубые грѣхи, которыхъ удалось имъ избѣгнуть, а вмѣстѣ другіе многочисленныя, сродныя, по ученію Спасителя въ Его на горной бесѣдѣ и по катихизическому толкованію, съ грубыми, — какъ будто дѣло въ томъ только, чтобы не дѣлать извѣстныхъ грѣховъ, а не вмѣстѣ въ томъ, чтобы упражняться въ противоположныхъ имъ добрыхъ дѣлахъ, опущеніе которыхъ не менѣе грѣшно, чѣмъ грубое незаконное дѣйствіе, — какъ будто они должны отвѣчать предъ Богомъ за одни грубыя грѣховныя дѣла, а не вмѣстѣ за грѣховныя мысли и расположенія. — Иногда также приходится слышать на исповѣди самодовольное фарисейское восхваленіе себя за соблюденіе постовъ, за пожертвованія въ храмъ, выраженіе сокрушенія по поводу нечаяннаго употребленія скромной пищи въ постный день, безъ малѣйшей однако скорби о пренебреженіи важнѣйшаго въ законѣ: правосудія, милости и вѣрности долгу (Мат. 23, 23). — Душа, виновная въ подражаніи фарисею, бойся его самохвальства, чтобы не быть осужденною вмѣстѣ съ фарисеемъ, и возлюби мытарево смиреніе; безпощадно осуди себя предъ Господомъ во всѣхъ твоихъ винахъ предъ Нимъ и скажи Ему: «очисти мя, Спасе, очисти, яко мытарь вопію, никтоже

бо сущихъ изъ Адама якоже азъ согрѣшихъ тебѣ». Вмѣстѣ съ Павломъ пусть каждый изъ насъ исповѣдуетъ себя первымъ на свѣтѣ грѣшникомъ (1 Тим. 1, 15). Столь строгій судъ о себѣ можетъ показаться несправедливымъ только тому, кто судить о своемъ поведеніи по сравненію съ поведеніемъ другихъ людей, а не съ требованіями закона. Требованія закона Божія такъ высоки, заповѣдь Господня такъ широка, что не найдется на землѣ ни одного праведника, который бы, положа руку на сердце, могъ сказать о себѣ, что онъ исполнилъ все, чего требуетъ отъ него воля Божія, что достигъ высоты нравственнаго совершенства, указанной ему Богомъ: «будьте святы, какъ Богъ святъ (Лев. 19, 2), будьте совершенны, какъ Отецъ небесный совершенъ» (Мѡ. 5, 48). Этотъ идеалъ совершенства недостижимъ ни для кого. И чѣмъ выше кто поднимется на пути къ нему, тѣмъ яснѣе убѣдится въ ничтожество своихъ успѣховъ: область достигнутыхъ имъ успѣховъ въ стремленіи къ предудказанному ему нравственному совершенству покажется ему слишкомъ незначительною въ сравненіи съ тѣмъ, чего ему еще предстоитъ достигнуть. Онъ скажетъ себѣ и исповѣдуетъ предъ другими: я еще и не начиналъ идти путемъ спасенія, — какъ и дѣйствительно сказалъ одинъ великій подвижникъ передъ смертію. Онъ не станетъ ободрять себя тѣмъ, что все же онъ лучше, нравственнѣе многихъ людей. Своего превосходства передъ другими людьми онъ совѣмъ не признаетъ въ виду той совокупности совершенствъ, которой онъ не достигнулъ, хотя обязанъ стремиться къ достиженію ея, — и съ полнѣйшею искренностію скажетъ: я первый изъ грѣшниковъ; ибо, что я далекъ отъ нравственнаго совершенства, это я знаю, а что другіе хуже меня, этого не могу утверждать, — они хуже меня въ одномъ отношеніи, а въ другомъ можетъ быть лучше меня. — Въ такомъ смиренномъ, беспощадномъ самоосужденіи заключается главное условіе къ преклоненію Бога на милость, ибо и передъ человѣческимъ судомъ вина смяг-

чается, когда въ ней признаются. Это впрочемъ не значитъ, что грѣшникъ смѣло, безъ страха наказанія, можетъ проводить грѣховную жизнь, въ надеждѣ помилованія и оправданія, если онъ смиренно будетъ осуждать себя предъ Богомъ. Искреннее смиреніе всегда соединяется съ искреннимъ желаніемъ освободиться отъ тѣхъ недостатковъ, въ которыхъ сознаемся, и съ дѣятельнымъ стремленіемъ къ совершенству. Такъ бываетъ во всякомъ родѣ дѣятельности: успѣхи въ наукахъ, въ искусствѣ, въ жизни общественной, всегда бываютъ плодомъ смиреннаго сознанія, что мы далеки отъ совершенства въ усвоеніи истиннаго, прекраснаго, полезнаго, что намъ слѣдуетъ трудиться больше и больше для достиженія этихъ цѣлей. Подобно сему и въ нравственномъ отношеніи смиреніе служитъ побужденіемъ къ преспѣванію въ жизни святой и богоугодной. Примѣромъ можетъ служить ап. Павелъ. Онъ по смиренію называлъ себя первымъ грѣшникомъ, хотя всякому извѣстно, что онъ былъ величайшимъ праведникомъ. Но потому-то онъ и былъ величайшимъ праведникомъ, потому-то онъ совершилъ столь изумительные подвиги самоотверженія, любви къ Богу и ближнимъ, что почиталъ себя первымъ грѣшникомъ. Еслибы онъ не обладалъ великимъ смиреніемъ, еслибы онъ самодовольно взиралъ на пройденный имъ путь,—онъ не прославился бы столько на поприщѣ апостольскаго служенія и духовнаго подвижничества. Итакъ съ мытаревымъ смиреніемъ соединяй ревность къ подвигамъ жизни святой и богоугодной,—только подъ этимъ условіемъ твое смиреніе будетъ богоугодно, покаяніе спасительно.

Прот. В. Нечаевъ.

ДОБРАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ЗНАНІЮ И ВНѢШНЕМУ БЛАГОСОСТОЯНІЮ.

СЛОВО ВЪ ДЕНЬ ВОСШЕСТВІЯ НА ПРЕСТОЛЪ Е. И. В. БЛАГОЧЕСТИВѢЙШАГО ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.

Тѣлесное обученіе вмаѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣющее живота нынѣшняго и грядущаго (1 Тим. 4, 8).

Эти слова мы заимствуемъ изъ посланія св. апостола Павла къ *возлюбленному сыну по вѣрѣ* и ученику его Тимоѳею, который съ истиннымъ самоотверженіемъ раздѣлялъ съ великимъ *апостоламъ языковъ* не только труды апостольскаго служенія, но и узы страданія, и котораго послѣдній поставилъ затѣмъ епископомъ ефесской церкви. Духовный миръ малоазійскихъ христіанъ былъ возмущаемъ тогда *лжеименною философіей* или *знаніемъ* (Колос. 2, 8; 1 Тим. 6, 20), хвалившіеся которымъ учителя, стремясь вообще объяснять тайны вѣры изъ началъ разума, подвергали существенному измѣненію и даже извращенію многія важнѣйшія истины христіанства, и— между другими вопросами пытались по-своему рѣшать *нравственно-практическій* вопросъ объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и средствахъ его духовнаго возвышенія, очищенія, усовершенія, словомъ — спасенія. Какъ же именно? Лжеучители проповѣдывали два совершенно противоположные пути къ достиженію человѣкомъ одной и тойже цѣли, т.-е. возрожденія и воссоединенія его съ Богомъ, одни—путь крайняго воздержанія и самоумерщвленія, другіе же—путь крайняго сластолюбія и

распущенности по отношенію къ тѣлу, злоупотребляя христіанскою свободою и мнимо-совершеннѣйшее знаніе ставя несравненно выше, считая гораздо болѣе полезнымъ для человѣка, чѣмъ всѣ требованія нравственнаго закона и дѣйствительное осуществленіе ихъ въ жизни (см. посланія къ ефесянамъ, колоссянамъ и филиппійцамъ, также посланія ап. Петра и Іуды).

Вопреки толкамъ названныхъ учителей апостоль Христовъ и говорить: «тѣлесное обученіе», т. е. все относящееся къ тѣлесной и временной жизни человѣка, «мало полезно»,—имѣетъ временное значеніе, для одного лишь тѣла; «а благочестіе»—истинная вѣра въ Бога и жизнь по этой вѣрѣ—«на все полезно, имѣя обѣтованіе жизни не только будущей—на небѣ, но и *настоящей*—на землѣ». Благочестіе и довольство тѣмъ, что имѣемъ, поясняетъ онъ еще, составляетъ истинное благо для каждого отдѣльнаго человѣка и цѣлаго общества; напротивъ недовольство своимъ состояніемъ, стремленіе къ обогащенію можно назвать корнемъ всѣхъ золъ—взаимной вражды и всяческихъ насилій у частныхъ лицъ и разныхъ классовъ государства (6, 6—10). Вмѣстѣ съ тѣмъ, устраняя всякій поводъ къ раздѣленію въ христіанскомъ обществѣ и ведя всѣхъ къ спасенію путемъ любви и благочинія, апостоль заповѣдуетъ совершать молитвы за всѣхъ людей, болѣе же всего за держащихъ въ своихъ рукахъ власть, начиная съ самаго царя, потому что подъ счастливымъ и спокойнымъ правленіемъ лучше всего процвѣтаетъ благочестивая жизнь, и люди достигаютъ не только личнаго, но и общественнаго благосостоянія (2, 1—4). Между тѣмъ и въ наше время, когда такъ много заботятся объ образованіи народныхъ массъ и обезпеченіи общественнаго благоустройства и довольства, и въ наше время, говоримъ, какъ въ живыхъ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ произведеніяхъ печати нерѣдко проводятся мысли такого рода, что нравственное чувство, нравоучительныя идеи и правила никогда не

имѣли сколько-нибудь замѣтнаго вліянія въ исторіи человѣческаго развитія и благосостоянія, и что единственнымъ творцомъ и двигателемъ ихъ былъ и будетъ умъ и добываемыя имъ дѣйствительныя, примѣнимыя къ практикѣ жизни знанія, открытія и изобрѣтенія.

На первый и поверхностный взглядъ такія мысли или сужденія могутъ казаться и правдоподобными и, пожалуй, основательными; но совершенно не таковы они на самомъ дѣлѣ, при болѣе глубокомъ размышленіи, освѣщаемомъ свѣтомъ Божественнаго откровенія и подтверждаемомъ въ тоже время самымъ опытомъ человѣческой частной и общественной жизни. Нѣтъ, со всею силою ударенія надобно сказать, что *и добрая нравственность составляетъ существенное и непремьное условіе*, является всегдашнимъ спутникомъ *истиннаго развитія*, правильного употребленія самыхъ пріобрѣтеній ума и науки, а отсюда *и благосостоянія* какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ.

Справедливо, что наши худыя поступки, вообще злоупотребленія и неправильности жизни нерѣдко происходятъ отъ невѣдѣнія, отъ неразвитости нашей, и слѣдовательно, сила ума и добываемыя имъ знанія имѣютъ весьма важное значеніе въ дѣлѣ преуспѣянія и благосостоянія человѣческихъ обществъ; но тѣмъ не менѣе унижать нравственныя силы и качества человѣка предъ/умственными и объявлять такъ называемый научный прогрессъ единственнымъ двигателемъ въ исторической жизни человѣчества значитъ непростительно заблуждаться, впадать въ крайне-вредную односторонность. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ людей дѣлаютъ хорошими, настоящими людьми, полезными себѣ и другимъ, исключительно или хотя преимущественно количество знаній, добываемыхъ человекомъ, ихъ практическая пригодность и степень распространенія въ народной массѣ, а не дѣйствительное нравственное возрожденіе, внутреннее благоустроеніе человѣка, идущее рука объ руку со всестороннимъ развитіемъ богоподобныхъ силъ его? Такъ, отсюда слѣдуетъ лишь то, что для достойнаго человѣческаго существованія необходимо соединеніе обоихъ условій—умственного и нравственнаго развитія, и что для достиженія высокой степени нравственнаго совершенства необходима достаточная степень умственного просвѣщенія. Но нужно ска-

зять больше того. Духъ человѣка представляетъ собою организмъ своего рода, составленный изъ силъ и способностей для свойственной ему дѣятельности, какъ и организмъ тѣлесный. Понятіе организма предполагаетъ гармонію; гармонія же состоитъ изъ тоновъ, изъ которыхъ одинъ основной, а прочіе находятся въ согласіи съ нимъ. Подобно этому, и въ самой дѣятельности человѣка долженъ быть основной, направительный тонъ, а прочіе должны обниматься и согласоваться съ нимъ. Такою основной, господствующей тонъ въ дѣятельности человѣка есть именно нравственное начало, которое собственно и сообщаетъ ей истинно-человѣческое достоинство, и оно-то главнымъ образомъ движетъ всю умственную и гражданственную, словомъ—историческую жизнь человѣчества. Сердце, по наблюденію ученыхъ, есть органъ своеобразный, отличный отъ другихъ органовъ нашего тѣла. Тогда какъ большая часть другихъ органовъ предаются попеременно движенію и покою, сердце всегда дѣятельно: оно бьется отъ первой до послѣдней минуты жизни человѣка; перестаетъ оно биться, и—прекращается жизнь, начинается порча, гніеніе, разложеніе тѣла. Въ организмѣ духа сердце это—религіозно - нравственное чувство, которое держитъ человѣка, такъ сказать, въ средоточіи личности, и не даетъ ему потеряться въ кругу внѣшнихъ, важныхъ и неважныхъ, обыденныхъ занятій.

Оправдывается ли, затѣмъ, опытомъ жизни та мысль будто достаточно для человѣка обладать сильнымъ умомъ и обширными разносторонними познаніями, чтобы разливать вокругъ себя счастье и содѣйствовать благу людей? Ежедневный опытъ, напротивъ, показываетъ намъ, что знаніе и полное пониманіе людей и разнообразныхъ состояній, въ которыхъ они могутъ находиться, не сопровождаются всегда и непременно дѣятельнымъ участіемъ къ нуждамъ и потребностямъ людскимъ; а между тѣмъ благо-всостояніе людей, которое должно составлять существенную и единственную цѣль такъ называемой цивилизаціи, можетъ имѣть мѣсто только тогда, когда люди питаютъ другъ къ другу живое, сердечное сочувствіе и готовы оказывать взаимную дѣятельную помощь, радуясь съ радующимися и плача съ плачущими. Бываетъ даже такъ, что люди высокаго ума, которые подробно изучаютъ человѣ-

ческую природу, изслѣдуютъ и свои собственныя и чужія чувства, совсѣмъ не любятъ слышать о чужомъ горѣ, или смотрѣть на чужія страданія, потому что они для нихъ непріятны, мучительны, и отстраняютъ отъ себя всякій случай, гдѣ могли бы оказать такую или иную помощь своему ближнему. А односторонняя, исключительная преданность той области знаній, которая чрезмѣру превозносится въ наше время и въ которой преимущественно ожидаются *новыя* открытія и изобрѣтенія практическаго свойства (разумѣемъ естествознаніе вообще), еще болѣе способна, при современномъ направленіи ея, заглушить въ своихъ приверженцахъ нравственно-добрыя, человѣчныя чувства и расположенія и сдѣлать изъ нихъ людей грубыхъ, холодныхъ и жесткихъ. Вообще, повторимъ, умственное развитіе и образованность не влекутъ за собою необходимо образа жизни, соотвѣтственнаго имѣющимъ у человѣка вполне яснымъ понятіямъ и обширнымъ свѣдѣніямъ не только въ области человѣческаго любомудрія, но и самой высшей изъ наукъ — Богословія. Здѣсь возможны даже поразительныя сочетанія противоположностей между знаніемъ и поведеніемъ человѣка, какъ скоро онъ не получилъ правильнаго религіозно-нравственнаго развитія, и не заботится дѣятельность своего ума сообразовать и уравнивать съ добрыми чувствованіями своего сердца и такими же стремленіями своей воли.

Тоже самое, т.-е. что при несомнѣнномъ умственномъ развитіи людей и богатомъ запасѣ разнаго рода свѣдѣній возможно отсутствіе доброй нравственности, и что это явленіе неизбѣжно сопровождается гибельными для нихъ послѣдствіями, — тоже самое подтверждается и болѣе широкимъ опытомъ исторической жизни народовъ. Исторія указываетъ намъ не мало такихъ періодовъ въ жизни дохристіанскаго и христіанскаго міра, которые представляютъ собою поразительное сочетаніе нравственнаго упадка съ высокимъ уровнемъ умственной и вмѣстѣ гражданственной жизни. Паденіе древнихъ Греціи и Рима было прямымъ и естественнымъ слѣдствіемъ нравственнаго разслабленія и извращенія грековъ и римлянъ. А столь просвѣщенный XVIII вѣкъ нашъ, въ концѣ концовъ вѣроломно поправшій все святое и дерзко наругавшійся надъ самыми дорогими для человѣчества чувствами

и стремленіями во имя разума! Народъ есть тоже многочисленная нравственная личность и также предназначень къ нравственнымъ цѣлямъ, къ осуществленію въ своей жизни великихъ и мудрыхъ плановъ Верховнаго Міроправителя. Самое блестящее умственное развитіе, какъ скоро оно не соединяется съ обузданіемъ дурныхъ страстей и склонностей во имя правды и любви, есть не болѣе какъ призракъ, и для того народа нѣтъ спасенія, въ которомъ извратились и поколебались самыя основы нравственности: ибо единственно лишь нравственная стихія способна направлять къ общему благу и накопленіе знаний, и выборъ ихъ, и распредѣленіе въ средѣ народной; при достаточной же нравственной здравости и твердости народъ не падеть, устоитъ на историческомъ поприщѣ хотя бы и постигали его, время отъ времени, какія либо внѣшнія бѣдствія и невзгоды.—Напрасно говорятъ при этомъ, будто люди нравственно-добродѣтельные, но недостаточно образованные всегда производили много зла въ мірѣ. А что производили и производятъ люди даровитые и многосвѣдущіе, но порочные, — не гораздо ли большее еще зло? Вспомнимъ только о кровожадныхъ завоевателяхъ и властолюбивыхъ деспотахъ древняго и новаго времени: эти просвѣщенные варвары пахотили для себя нечеловѣческое наслажденіе въ безпощадномъ истребленіи у покоренныхъ ими народовъ памятниковъ наукъ и искусствъ, благотворительности и самой святости. И кого же выставляютъ намъ въ примѣръ нравственно-добродѣтельныхъ, хотя мало развитыхъ людей?—Религіозныхъ гонителей и мучителей, у которыхъ чистое нравственное чувство совершенно заглушено и превращено въ слѣпое орудіе страсти, и которые скорѣе должны быть названы духовно-больными и прямо безнравственными людьми: ибо подъ вліяніемъ той или другой страсти самый умъ нашъ теряетъ чувство правды, и склоняется къ тому, чтобы бѣлое называть чернымъ, а черное бѣлымъ. Такимъ образомъ, одинъ умъ, при самыхъ многостороннихъ познаніяхъ, не только не предохраняетъ человѣка отъ развитія въ немъ разныхъ дурныхъ качествъ, препятствующихъ человѣческому преуспѣянію и взаимному довольству, но еще способствуетъ ихъ укорененію и даже оправданію. Истинно, *благій человекъ отъ блага сокровища сердца своего износитъ благое: и злой человекъ отъ злаго сокровища сердца своего износитъ злое* (Лук. 6, 45).

Далѣе, хотятъ отрицать всякое вліяніе и значеніе въ дѣлѣ развитія и благосостоянія человѣческихъ обществъ правоученія и нравственной дѣятельности людей потому, что правоучительныя идеи и правила, въ противоположность умственнымъ понятіямъ, научнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, неподвижны сами по себѣ и неизмѣнно передаются изъ вѣка въ вѣкъ, что нравственныя дѣянія людей отличаются личнымъ и одиночнымъ характеромъ, и что плоды нравственнаго развитія человѣчества не могутъ, будтобы, переходить отъ предковъ къ потомкамъ путемъ преданія, по наслѣдству. Но вѣдь во всѣхъ областяхъ и родахъ человѣческаго знанія можно указать много такого, что остается неизмѣннымъ по своей сущности изъ вѣка въ вѣкъ, и только мѣняется, по временамъ, свою внѣшнюю форму и способъ выраженія. Такъ главнѣйшія направленія современной намъ, противохристіанской философіи (матеріализмъ, позитивизмъ, пессимизмъ и т. д.), развѣ не были извѣстны, въ своихъ основныхъ началахъ, къ стыду нашему, еще дохристіанскому міру? Даже ученіе о преобладающемъ значеніи умственнаго развитія предъ нравственнымъ для преуспѣянія человѣчества проповѣдывалось не только современными апостоламъ еретиками, какъ мы видѣли, но еще древне-греческими философами и гораздо раньше — китайскими и индійскими мудрецами. И въ самой наукѣ, видно, почти не бываетъ ничего новаго подъ луною; новыя понятія возникаютъ изъ старыхъ, исправляя и развивая ихъ и то не всегда къ лучшему, и никогда не зарождаются такъ сказать самопроизвольно, какъ ничто не зарождается самопроизвольно и въ живомъ мірѣ природы. Тѣмъ болѣе находится — и должнѣ находится — общаго, близкаго, сроднаго въ нравственныхъ ученіяхъ — христіанскомъ, древне-іудейскомъ и даже языческомъ. Это потому, что «душа человѣка по самой природѣ своей христіанка», какъ прекрасно выразился одинъ изъ древнихъ учителей церкви (Тертуллианъ), т. е. во первыхъ въ глубинѣ души всякаго — и естественнаго человѣка коренятся требованія тѣхъ началъ нравственной дѣятельности, которыя указаны, и стремленіе къ тѣмъ благамъ, которыя доставлены роду человѣческому христіанствомъ; — во вторыхъ христіанство и не имѣло въ виду сообщить, и дѣйствительно не сообщило людямъ того, что было бы неестественно, несвойственно имъ, или невозможно для нихъ. Отсюда и понятно, что неудовлетре-

ніе или ложное, неправильное удовлетвореніе нравственныхъ потребностей и стремленій нашего духа неизбѣжно должно влечь за собою тѣже страданія для нравственной личности человѣка, какими сопровождается неудовлетвореніе или опять неправильное удовлетвореніе всякихъ другихъ нашихъ потребностей, чувствованій, желаній: ибо тогда человѣкъ идетъ противъ собственной своей природы, оскорбляетъ собственную свою совѣсть,—этого внутренняго судію и отмстителя зла. А на тѣсную связь внѣшне-положительнаго, новозавѣтнаго ученія съ ветхозавѣтнымъ ясно указывалъ самъ Господь Іисусъ Христосъ, приходившій *не разорити законъ, или пророки, но исполнити* (Матѣ. 5, 17). Но нравственная дѣятельность наша слагается изъ двухъ сторонъ—внѣшней и внутренней, изъ видимаго дѣйствія и изъ душевнаго настроенія, или расположенія при совершеніи этого дѣйствія, и движущихъ человѣкомъ побужденій къ нему, и послѣдними-то собственно придается или отнимается нравственное достоинство отъ человѣческой дѣятельности. Поэтому съ внѣшняго вида, по буквѣ, по формѣ, нравственныя правила и нравственная дѣятельность различныхъ временъ и народовъ, даже христіанскихъ и языческихъ, могутъ имѣть между собою большое сходство, но по внутреннему содержанію, по духу и основному направленію своему онѣ будутъ такъже далеки другъ отъ друга, какъ небо отъ земли. Если, на примѣръ, мудрецъ, по ученію одного изъ древнихъ нравоучителей Востока (Лао-тзе), не долженъ стремиться къ славѣ, но лишь для того, чтобы не возбуждать зависти и ссоры въ другихъ людяхъ, то это, очевидно, не особенно высокая ступень нравственнаго возрѣванія, хотя на первый взглядъ она и можетъ показаться такою. Если онъ предписываетъ своимъ послѣдователямъ не собирать земныхъ сокровищъ, но это для того, чтобы они не служили приманкой для воровъ, то кто найдетъ тутъ сходство съ христіанскою нестяжательностью? Если мудрецъ, по тому же ученію, долженъ воздавать за оскорбленія благодареніями, но опять не изъ почтительности или любви къ оскорбившему его ближнему, равно не изъ чувства долга по отношенію къ божественной заповѣди, а единственно изъ самолюбія, для того, чтобы не разстроивать покой своего духа,—то есть ли въ этомъ хотя тѣнь подобія христіанской заповѣди

о самоотверженной, всепрощающей любви къ врагамъ? Или еще, напр., гениальныя и замѣчательнѣйшія мыслители древней Греціи (Платонъ и Аристотель) не стыдились внушать своимъ современникамъ, что низшіе классы общества существуютъ лишь для того, чтобы удовлетворять потребностямъ высшихъ классовъ и безусловно подчиняться имъ, что занятія, требующія физическаго напряженія, унижаютъ человѣка, что бѣдные ничего не заслуживаютъ, кромѣ презрѣнія, что рабство вполне законно и необходимо въ благоустроенномъ государствѣ, что добродѣтели женщины суть добродѣтели рабовъ, что дѣтубійство позволительно и т. п. Есть, и не малая, какъ извѣстно, разница въ этомъ отношеніи и между нравоученіемъ ветхозавѣтнымъ и новозавѣтнымъ, Моисеевымъ и Христовымъ: тогда какъ по первому преобладающее значеніе въ нравственной области заключается во внѣшнихъ поступкахъ, въ исполненіи частныхъ предписаній закона, отдѣльныхъ заповѣдей, по второму оно лежитъ во внутреннемъ настроеніи человѣка, въ общемъ расположеніи души его, въ побужденіяхъ и цѣляхъ, руководящихъ имъ при осуществленіи требованій нравственнаго закона, или, говоря словами Златоустаго учителя, «Богъ обыкновенно назначаетъ вѣнцы, взирая не на конецъ подвиговъ, а на расположеніе подвигающихся» (Бес. на 1 посл. Кор. стр. 46). Съ другой стороны, не замѣчается ли нѣкоторое и естественное улучшеніе правилъ нравственнаго поведения людей, какъ они выражаются въ обычаяхъ различныхъ дикихъ народовъ, не вступавшихъ еще на историческое поприще, и въ законахъ народовъ, достигшихъ въ той или другой мѣрѣ умственнаго образованія и гражданскаго устройства, насколько послѣдніе могли возвыситься въ нравственномъ отношеніи внѣ вліяній откровеннаго ученія? Но намъ, ученикамъ совершеннѣйшей истины Христовой, тѣмъ болѣе нѣтъ нужды ждать какихъ нибудь *новыхъ* открытій относительно законовъ человѣческаго поведения, потому что до сихъ поръ люди не только не исчерпали и не воплотили въ своей — частной и общественной — жизни возвышенныхъ и чистѣйшихъ требованій христіанской нравственности, но часто идутъ наперекоръ имъ; неизмѣнныя сами въ себѣ и руководительныя, евангельскія начала правды, любви и свободы всегда будутъ стоять впереди всѣхъ успѣховъ человѣчества въ его нравственномъ совершенствованіи, слѣдовательно вы-

ше идеаловъ всякаго времени, какимъ бы высокимъ просвѣщеніемъ ни отличалось оно, и какъ бы ни измѣнялись въ немъ условія жизни отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народовъ.—Напрасно говорятъ при этомъ, что нравственные дѣянія отличаются личнымъ и одиночнымъ характеромъ, такъ что здѣсь каждый начинаетъ дѣло снова, и что плоды нравственнаго развитія человѣчества не могутъ быть передаваемы потому изъ рода въ родъ, отъ дѣдовъ и отцовъ къ внукамъ и дѣтямъ. Конечно, нравственность не можетъ быть передаваема столь же прямо и не посредственно, какъ могутъ передаваться научныя познанія, и въ этомъ состоитъ высокое значеніе и достоинство нравственности, которая обусловливается свободою и самодѣятельностью человѣческой личности; тѣмъ не менѣе изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, будто жизнь истинно-благочестиваго и доблестнаго человѣка проходитъ безслѣдно и для его современниковъ, и для его потомковъ, не производя на нихъ никакого вліянія. Какъ камень, при паденіи въ воду, производитъ круги, которые перекрещиваются съ тысячею другихъ, и человѣческой глазъ не въ состояніи различить ихъ предѣлы: такъ точно дѣяніе человѣка — и особенно нравственно-высокой, святой личности — производитъ своего рода возбужденіе въ обществѣ, и его послѣдствія, видимыя и осязаемыя для стоящихъ вблизи, никогда не остаются безъ вліянія на будущее и нерѣдко отдаленнѣйшее потомство. Кому неизвѣстно вообще могущественное вліяніе примѣра, невольно подчиняющее себѣ иногда самыя сильныя умы? Кто не знаетъ, что мужество, великодушіе, самопожертвованіе и т. д. одного человѣка передается иногда какъ электрическая искра, даже тѣмъ, которые сами по себѣ вовсе неспособны къ такимъ порывамъ чувства? Такимъ образомъ, старшія поколѣнія, — намѣренно и ненамѣренно, чрезъ поученіе и живой примѣръ добро-нравственной дѣятельности (равно и наоборотъ), — передаютъ свое направленіе и свои свойства возрастающимъ среди нихъ молодымъ поколѣніямъ, — и вотъ становится возможнымъ общее, преемственное, нравственное развитіе и преуспѣяніе народовъ. Такъ, въ частности, и нашъ русскій народъ не стоялъ въ теченіи своей исторической жизни на одномъ и томъ же уровнѣ нравственныхъ воззрѣній и понятій... Общественное сознаніе нашего времени выдвигаетъ

гаеть другія, болѣе широкія и сложныя, задачи сравнительно съ прежнимъ временемъ, и требуетъ новыхъ, какъ обыкновенно выражаются нынѣ, идеаловъ жизни, съ инымъ строемъ и направлениемъ, чѣмъ какіе предносились нашими предкамъ,—хотя едва ли мы отважимся утверждать, что далеко превзошли ихъ въ релігіозно-нравственномъ отношеніи, благодаря болѣешему нашему умственному просвѣщенію и гражданской развитости.

Итакъ, вопреки всѣмъ крайнимъ и вреднымъ точкамъ лжеименнаго знанія древняго и новаго времени, да хранимъ въ себѣ твердо, братіе - христіане, ту непреложную истину, что только распространеніе христіанскихъ нравственныхъ началъ и глубокое проникновеніе ихъ въ общественно-народную жизнь можетъ направить къ добру самую умственную дѣятельность людей, установить любвеобильныя и взаимно-довѣрчивыя отношенія между властію и подчиненными ей, оградить чужія права и свободу, устроить и обезпечить общій покой и довольство, побуждая насъ отъ чистаго сердца воздавать всѣмъ должное, помогать слабымъ и нуждающимся, милосердовать и щадить даже враговъ своихъ. *Ищите прежде царствія Божія и правды его*, говорилъ Господь и Спаситель нашъ, т. е. болѣе всего заботьтесь объ удовлетвореніи высшихъ, духовныхъ, нравственныхъ стремленій и потребностей вашихъ—личныхъ и общественныхъ,—*и сія вся*,—чего люди въ теченіи цѣлыхъ тысячелѣтій напрасно добивались для себя и—увы! добиваются и теперь внѣ христіанства,—*приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33) Въмѣстѣ съ тѣмъ помолимся, братіе-соотечественники, особенно въ нынѣшній столь знаменательный для всей родной Россіи день, согласно наставленію апостола Христова и по руководству святой матери нашей—церкви православной, да даруетъ Господь Богъ благочестивѣйшему Государю Императору нашему «благоспѣшество Моисеево, мужество Давидово и мудрость Соломонову, во сже непоползновенно проходити ему великое свое служеніе, и во всей благочестивой державѣ его—настыремъ святыню, правителемъ судъ и правду, народу миръ и тишину, законамъ силу и самой вѣрѣ преслѣяніе.» Аминь.

Прот. Николай Благоразумовъ

ПОУЧЕНІЯ ПО РУКОВОДСТВУ ПРОЛОГА.

LXXXVIII.

О страннопріимствѣ.

(Изъ слова святаго Григорія папы римскаго о страннопріимствѣ.
Прол. л. 584).

Когда, братіе, въ нашемъ и сосѣднихъ уѣздахъ бываетъ неурожай, тогда зимою вы большею частію жалуетесь, что нищіе васъ ночлегомъ одолѣвають. Жалуетесь, и всѣ хитрости употребляете, чтобы только непрошеннаго гостя спровадить ночью со двора. И вотъ нерѣдко въ треску-чій морозъ иной бѣдный цѣлые часы долженъ бываетъ простоять на улицѣ, пока десятскій наконецъ не уговоритъ того или другаго изъ васъ и не отведетъ ему избу на ночлегъ. Это не хорошо. Не забывайте, что кто вводитъ страннаго въ домъ и упокоиваетъ, тотъ въ лицѣ его какъбы вводитъ и —упокоиваетъ самого Христа, и что за кровь данный нищему и самъ удостоится нѣкогда быть введеннымъ въ вѣчныя кровы.

Св. Григорій, папа Римскій, рассказываетъ слѣдующее: одинъ богатый человекъ каждый день имѣлъ обыкновеніе приглашать къ себѣ странниковъ, кормилъ ихъ и со всѣмъ семействомъ служилъ имъ. Однажды между обычными посѣтителами явился нѣкоторый новый, неизвѣстный ему странникъ. Хозяинъ пригласилъ его къ трапезѣ, а самъ между тѣмъ пошелъ за водою, чтобы по обычаю умыть ему руки. Съ водою онъ возвратился тотчасъ же, но къ удивленію своему, новаго посѣтителя, на мѣстѣ его, уже не увидалъ. Страннолюбецъ недоумѣвалъ: что бы это значило? Но недоумѣніе его скоро разрѣшилось. Въ ту же ночь явился ему Господь и сказалъ: «въ прежніе дни ты принималъ братій моихъ меньшихъ, а вчера принялъ самого Меня. И вотъ Имѣющій придти на судъ вмѣстѣ съ другими скажетъ и тебѣ: понеже единому отъ братій

моихъ меньшихъ сіе сотвористе, то Мнѣ сотвористе. И знай, что тѣхъ, которые прежде суда принимаютъ Его въ лицѣ странныхъ, Онъ на судѣ възвѣтитъ своими милостями».

И васъ, братіе, възвѣтитъ Онъ милосердый своими милостями, если не по принужденію, но добровольно и съ христіанскою любовію вы дадите хоть временный пріютъ безпріютнымъ. О, какъ счастливы будутъ страннолюбцы, когда услышатъ возжеланный оный гласъ: *страненъ бѣхъ и введостъ Мене* (Матѳ. 25, 35)! *Пріидите благословеніи Отца моего, наследуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія міра* (Матѳ. 25, 34). Аминь.

LXXXIX.

Обращеніе скорби въ радость.

(Память преподобнаго отца нашего Ксенофонта и подружія его Маріи, и двою сыну ихъ Аркадіа и Іоанна. Прол. генв. 26 л. 585).

Въ сей жизни видимъ часто, что и благочестивые люди впадаютъ въ бѣдствія и напасти. Для чего же Господь попускаетъ ихъ на избранныхъ своихъ? Иногда, какъ то видимъ на Давидѣ, для очищенія грѣховъ ихъ; иногда для обнаруженія ихъ вѣры и постоянства, какъ то видимъ на Іовѣ; иногда для славы своего имени, какъ то было съ слѣпымъ отъ рожденія (Іоан. 9, 3); иногда наконецъ и для того, чтобы послѣ бѣдствій сугубою необычайною радостію вознаградить ихъ и тѣмъ показать имъ свое особенное благоволеніе къ нимъ. Замѣчательный примѣръ сего послѣдняго мы видимъ на преподобныхъ Ксенофонтѣ и Маріи, память которыхъ церковь совершаетъ 26-го января.

Преподобный Ксенофонтъ жилъ въ Царьградѣ. Онъ былъ человекъ весьма добрый и благочестивый; такова же была и жена его Марія. Они имѣли двоихъ сыновей, Аркадіа и Іоанна. Когда послѣдніе стали подростать, родители, приставивши къ нимъ надежныхъ рабовъ, отправили ихъ на корабль въ городъ Вирить для изученія книжной премудрости. Морское плаваніе отроковъ было несчастное. Поднялась буря, корабль разбился и изъ бывшихъ на немъ одни спаслись, другіе погибли. Аркадій и Іоаннъ были въ числѣ первыхъ и по особенному смотрѣнію Бо-

жію были выброшены моремъ на разные отдаленные берега. Воспитанные въ благочестіи, на чужбинѣ они приняли монашескій образъ, а между тѣмъ каждый думалъ о другомъ, что братъ его утонулъ. Черезъ нѣкоторое время, опять по особенному смотрѣнію Божію, они каждый изъ своего мѣста отправились въ Іерусалимъ и тамъ вмѣстѣ, не зная другъ друга, поступили на послушаніе къ одному благочестивому старцу. Родители же ихъ, два года не получая отъ нихъ никакого извѣстія, крайне безпокоились объ ихъ участи и наконецъ послали въ Вирить одного изъ своихъ рабовъ. Сел тамъ не нашелъ ихъ, а встрѣтилъ только одного, бывшаго съ ними, и спасшагося также отъ потопленія раба, который и сказалъ ему, что корабль, на которомъ плыли дѣти ихъ господь, разбился и потонулъ, а съ нимъ вмѣстѣ погибли и они. Посланный возвратился въ Царьградъ и передалъ страшную вѣсть родителямъ. Послѣдніе скорбѣли и много плакали, но въ отчаяніе не пришли. Раздавъ имѣніе нищимъ, они отправились въ Іерусалимъ и тамъ, обходя святія мѣста, усердно просили Бога, чтобы Онъ самъ открылъ имъ, живы ихъ дѣти или нѣтъ. По особенному указанію Божію они между прочимъ посѣтили и старца, у котораго были дѣти ихъ. Видя у него молодыхъ, но чрезвычайно кроткихъ и благочестивыхъ монаховъ, они очень полюбили ихъ и для того, чтобы удовлетворить своему, какому-то непреодолимому, желанію видѣть ихъ, стали часто посѣщать старца. Въ одно изъ таковыхъ посѣщеній они со слезами пали къ ногамъ его и стали просить помолиться Богу, чтобы открыта была судьба дѣтей ихъ. Прозорливый и исполненный Святаго Духа старецъ уже зналъ, что живущіе у него монахи—дѣти скорбныхъ пришельцевъ, и чтобы обрадовать послѣднихъ, призвалъ своихъ юныхъ учениковъ и приказалъ имъ рассказывать о своемъ родѣ, жизни въ домѣ родителей, путешествіи и проч. Когда послѣдніе начали и помянули о своихъ родителяхъ и плаваніи въ Вирить, то тутъ узнали: братъ—брата, родители—дѣтей и дѣти—своихъ родителей. «И напadoша», говоритъ сказаніе, «на выя другъ друга, бысть велико рыданіе, яко и старцу проплакати. И утѣшившеся, въздаша славу и благодараніе Богу, тако извольшему». Послѣ сего Ксенофонтъ и Марія также приняли иноческій образъ и всѣ четверо такъ преуспѣли въ добро дѣтели и постѣ, что сподобились даже чудотвореній.

Итакъ, братіе, когда видите страдающими и благочестивыхъ, не смущайтесь симъ. Господь знаетъ, какъ вмалѣ наказать ихъ и затѣмъ великимъ облагодѣтельствомъ. Въ виду же сего и имъ самимъ конечно въ скорбяхъ скорѣе же радоваться нужно, нежели унывать. *Всяку радость*, говоритъ Апостолъ Іаковъ, *имѣйте братіе моя, егда во искушенія спадаете различна* (Іак. 1, 2). Конечно такъ должно быть и на самомъ дѣлѣ; *ибо любящимъ Бога вся поспѣшествуютъ во благое* (Рим. 8, 48), *и по мѣрѣ, какъ у нихъ умножаются страданія, умножается Христомъ и утѣшеніе ихъ* (2 Кор. 1, 5).

Свящ. Викторъ Гурьевъ.

РЕЗОЛЮЦІИ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1851, марта 2. «I. Назначеніе въ академію за годъ или за полгода до окончанія семинарскаго курса, удобнымъ признать не могу, по слѣдующимъ причинамъ: 1) за годъ семинарское правленіе не знаетъ, сколько потребуется учениковъ въ академію, слѣдственно не знаетъ, сколько назначить. 2) Какъ академическое правленіе замѣчаетъ, что есть достойные ученики не желающіе поступить въ академію: то преждевременное назначеніе таковыхъ можетъ быть поводомъ не къ поощренію, но къ намѣренному охлажденію. 3) Назначеніе нѣкоторыхъ за годъ до окончанія курса въ академію, отнимаетъ часть поощренія у прочихъ. 4) Въ теченіе года могутъ быть съ учениками такія перемѣны, что семинарское правленіе можетъ раскаяться въ раннемъ назначеніи, и оно окажется напраснымъ.

II. Соглашаюсь, что при испытаніи для принятія въ академію особенно нужно обращать вниманіе на успѣхи въ важнѣйшихъ предметахъ ученія и на силу умственныхъ способностей, и что не должно почитать сильнымъ препятствіемъ сему избранію, если память студента не сохранила какого нибудь маловажнаго познанія, преподаваемаго ему въ низшемъ отдѣленіи семинаріи».

1847, янв. 28. «Академическому правленію разсмотрѣть рукопись въ Синодѣ представленную (съ заглавіемъ: «Иже во святыхъ отца нашего Исаака Сирина душеполезныя словеса»), согласно требованію его сіятельства (графа Протасова), обратя вниманіе 1) на порядокъ текста книги, соотвѣтствуетъ ли онъ славенскому или греческому изданію. 2) На степень вѣрности и точности новаго перевода. 3) На чистоту языка. 4) Нѣтъ ли мѣстъ, которыя по несовершенству ли греческаго текста, или по невѣрности перевода, представляютъ смыслъ сомнительный въ отношеніи къ догматическому и духовно-нравственному ученію. О послѣдующемъ представить мнѣ съ возвращеніемъ сего (*письма*) и рукописи».

1850, авг. 25. «Воззваніе къ пожертвованіямъ есть тоже, что сборная книга, если не больше, ибо книгу знаетъ тотъ, кому она придетъ въ руки, чрезъ одного сборщика, а воззваніе идетъ во весь свѣтъ само собою. По велику книгу сборную, по закону, не можетъ никто дать въ епархіи безъ архіерея, а въ Россіи безъ св. Синода: то сомнительно, въ правѣ ли былъ цензурный комитетъ пропустить воззваніе (*къ христіанамъ о пожертвованіяхъ въ пользу Есфимено-Вознесенскаго Афонскаго монастыря*). Предлагаю конференціи (*Моск. академіи*) разсмотрѣть сіе».

1836, нояб. 4. «Какъ ректоромъ (*Виванской*) семинаріи до свѣдѣнія моего доведено, что проситель (*профессоръ философіи*) вошелъ въ сомнѣніе о своей рѣшимости вступить въ монашество: то 1) прошеніе сіе сдать въ семинарское правленіе, и дѣло почитать рѣшеннымъ. 2) Просителю изъяснить, что избраніе званія дѣло важное и требующее зрѣлаго размышленія о своихъ способностяхъ и наклонностяхъ; и что не испытавъ себя довольно и не утвердясь въ намѣреніи, не слѣдовало начинать дѣла».

1850, апр. 7. «1) Въ консисторію. 2) По долгу предосторожности объявить сей указъ (*св. Синода отъ 30 марта*) настоятелямъ монастырей, протоіереямъ священникамъ и діаконамъ, для усиленія вниманія ихъ, чтобы въ проповѣдяхъ и рѣчахъ изъясняться выраженіями точными

и удобовразумительными, и воздерживаться отъ изысканныхъ и безъ нужды отвлеченныхъ, которыя по невразумительности въ отношеніи къ назиданію бесплодны, и подвержены превратнымъ толкованіямъ. 3) Сообщить также и академическому и семинарскимъ правленіямъ».

Николаевской, въ Пыжахъ, церкви священникъ показалъ, что 25 марта ранняя литургія Іоанна Златоуста была въ той церкви совершена іеромонахомъ по случаю несчастнаго событія въ приходѣ: во время утрени обгорѣла дѣвица; родители желали приобщить ее обѣденными Дарами, и онъ священникъ всячески заботился, чтобы застать ее въ живыхъ.—Резолюція 2 апрѣля 1851 года: «По особенному обстоятельству отступленіе отъ устава извинительно. Сдать въ консисторію».

1865, авг. 24. «Памятникъ (*мраморный*) представляющій нагое тѣло (*младенца Андрея—князя Трубецкаго*), особенно поставленный противъ алтаря, оскорбляетъ скромность и достоинство мѣста. Поручить благочинному убѣдить поставившаго сей памятникъ снять нагую статую, или употребить художественное средство покрыть неприличную наготу; и о послѣдующемъ донести».

1864, апр. 11. «Согласенъ (съ мнѣніемъ преосв. Саввы). Чрезъ наименованныхъ игумена (*Гуслицкаго Пароенія*) и благочиннаго объявить сіе прихожанамъ (*Вознесенской, села Рѣчицъ, церкви, которые грозили отпаденіемъ въ расколъ, жалуясь на отчисленіе отъ ихъ прихода нѣсколькихъ деревень*). Съ соболѣзнованіемъ видимъ ихъ немирное расположеніе и неудовольствіе за такое дѣло, котораго и начальство не желало, но которое допустить вынуждено было обстоятельствами. Убѣждаемъ ихъ не возмущать свои души, и не вредить имъ своимъ немирнымъ расположеніемъ, но принять происшедшее съ терпѣніемъ и спокойствіемъ, и поручить себя и свою церковь благодати и благопромысленію Христа Спасителя, въ надеждѣ, что Онъ своею премудростію и благодію все устроитъ лучше, нежели они думаютъ».

Сообщилъ Архим. Григорій.

С Л О В А

ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО СИМЕОНА

НОВАГО ВОГОСЛОВА.

Въ переводѣ съ новогреческаго Преосвященнѣйшаго Епископа Теофана.

СЛОВО ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРОЕ.

- 1) О животворномъ умертвіи.
- 2) О томъ, что стяжаніе добродѣтелей покупается кровію.
- 3) Какія обиталища добродѣтелей?
- 4) Кто не восходитъ въ царствіе небесное должнымъ порядкомъ, тотъ не войдетъ въ него.
- 5) Въ совершенныхъ качествуютъ радость и веселіе, а не слезы.
- 6) И внутрь ихъ текутъ рѣки богословія.
- 7) Не слѣдуетъ принимать предстояние надъ народомъ, безъ удостовѣренія благодати Божіей.
- 8) Въ чемъ главное дѣло тѣхъ, кои имѣютъ предстояние надъ народомъ, и какъ разумныя овцы должны быть пасомы пастырями?

1. Не всякій, слышавшій о животворномъ умертвіи о Христѣ Иисусѣ, Богѣ нашемъ, и о дивномъ дѣйстви, какое бывасть отъ него всегда въ совершенныхъ добродѣтелию и вѣдѣніемъ,—уже и знаетъ, что оно такое, хотя и кажется ему, что онъ то знаетъ. Знаютъ его только тѣ, которые самымъ дѣломъ ясно поняли сказанное св. Апостоломъ Павломъ слово: *время прекращено есть прочее, да имущи жены, якоже не имущи будутъ: и плачущиися, якоже не плачущи: и радующиися, якоже не радующеся: и купующи, якоже не содержаще: и требующи міра сего, яко не требующе. Преходитъ бо образъ міра сего* (1 Кор. 7, 29—31). И еще: *яко умирающе, и се живи есмы: яко ничто-*

же имуща, а вся содержаща (2 Кор. 6, 9. 10). Не пробѣгай этихъ словъ просто, какъ ни попало, думая, что сразу понялъ уже сокрытую въ нихъ силу, но представь, возлюбленне, поточнѣе внутреннее состояніе души твоей, и я отъ видимыхъ вещей введу тебя въ узрѣніе значенія сказаннаго; только внимай добрѣ тому, что буду говорить. Кто умеръ и лежитъ мертвый, тотъ не чувствуетъ ничего изъ видимыхъ вещей. Кто ничего не имѣетъ, тотъ всего лишентъ, во всемъ имѣетъ нужду и всего желаетъ. И опять кто всѣмъ обладаетъ, тотъ чего еще другаго изъ вещей міра могъ бы пожелать? Ибо онъ имѣетъ уже все, и не осталось ничего, что пожелалъ бы онъ приобрѣсть.— Но блаженъ, кто взыскалъ сего дѣломъ, и понялъ, и увидѣлъ, и изучилъ то опытомъ: ибо эти слова—не пустыя слова. Ибо какъ на дорогахъ и поляхъ находятся по мѣстамъ дома, города, царскія палаты, такъ и на пути, ведущемъ въ царствіе небесное, находятся, въ своихъ имъ мѣстахъ, заповѣди Божіи и добродѣтели.

2. И вотъ я хочу раскрыть, сколько могу, что говорится о заповѣдяхъ Божіихъ и о добродѣтеляхъ, — объ этихъ, видимыхъ (на пути въ царствіе) зданіяхъ, — какъ они велики и какъ прекрасны. Впрочемъ читающій о семъ какъ можетъ по однимъ словамъ уразумѣть и представить эти вещи? Никакъ не можетъ. Если же и представить не можетъ, то какъ можетъ стяжать какія либо изъ нихъ, тѣмъ паче, когда онѣ стяжуются покупкою за извѣстную плату? То же, что дать надобно, чтобъ купить ихъ, не золото есть и не серебро, а кровь. Каждый, желающій изъ насъ, покупаетъ ихъ, одну за другою, кровію своею. И воистину, если кто не предастъ себя на закланіе, какъ овча, за каждую даже малѣйшую добродѣтель, и не прольетъ крови своей, за нею, тотъ не стяжетъ ея никогда. Такъ Богъ въ экономіи своей, положилъ, чтобы мы покупали вѣчную жизнь произвольною смертію.— Не хочешь умереть произвольною смертію и жить вѣчною жизнію?—И вотъ ты—мертвъ.

3) Но посмотримъ, какія и каковы суть обиталища добродѣтелей, за которыя всякой долженъ пролить кровь свою, чтобъ стяжать ихъ?—Первое такое обиталище есть блаженное смиреніе, какъ сказалъ Христось Господь: *блажени нищии духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное.* Желаящій войти въ сіе обиталище смиренія, а чрезъ него и въ царство небесное,—если не предастъ себя прежде на закланіе, какъ овча связанное по рукамъ и ногамъ, и на принесеніе себя въ жертву руками всякаго, кто захотѣлъ бы заклать его, и если не умретъ совершенною смертію, чрезъ умерщвленіе воли своей, — никогда не войдетъ въ него и не стяжетъ его. Если же этого не стяжетъ, не стяжетъ и никакого другаго. Ибо тому, кто оставитъ эту добродѣтель, невозможно будетъ успѣть ни въ какой другой. Господь положилъ, чтобы добродѣтели слѣдовали одна за другою въ своемъ порядкѣ и постепенно. Представь въ умѣ своемъ, что добродѣтели въ жизни людей являются, какъ нѣкіе острова посреде моря, отдѣленные одинъ отъ другаго водою, но соединенные посредствомъ мостовъ и состоящіе такимъ образомъ во взаимной связи. Первая изъ этихъ добродѣтелей есть блаженное смиреніе, въ которое вошедшій западную дверью посредствомъ покаянія и пробывшій въ немъ довольно время, выходитъ восточною дверью и, перешедши за тѣмъ чрезъ мостъ, вступаетъ въ обиталище плача, а послѣ того, какъ пробудетъ и тамъ довольно времени, омоется, очистится и облечется въ благообразіе плача, перебѣгаетъ и оттуда въ жаждалище и алкалище правды, т.-е. въ алчбу и жажду всякой добродѣтели. Потомъ идетъ онъ въ палату милостивости и благоутробія и, перешедши чрезъ нее или, лучше сказать, углубляясь паче и паче внутрь его, обрѣтаетъ царскую сокровищницу чистоты, въ которую вступивъ, узрѣваетъ невидимаго Царя славы, сѣдѣющаго внутрь его. Палата эта есть тѣло, царская сокровищница—душа, съ которою когда соединится Богъ ради исполненія заповѣдей Его, дѣлаетъ ее всю боже-

ственнымъ свѣтомъ и богомъ чрезъ единеніе съ Собою и благодать свою. И только всякій, проходящій означеннымъ путемъ добродѣтелей, приходитъ въ сіе боголѣпное состояніе. Вступить въ это шествіе съ другой стороны, или, минуя то или другое обиталище, искусственнымъ нѣкимъ способомъ перебраться въ дальнѣйшее, совершенно невозможно. Именно такъ, какъ сказано, опредѣлилъ входить въ царство небесное Владыка-Христосъ,—и быть сему иначе никакъ невозможно. Если предѣлы моря пребываютъ неподвижными, и морю нѣтъ возможности выступить изъ нихъ: не тѣмъ ли паче сохранится неподвижнымъ и неизмѣннымъ то, чему быть такъ, а не иначе, опредѣлилъ Господь въ дѣлѣ нашего спасенія?

4) По другому сравненію,—восхожденіе тѣхъ, которые подвизаются взойти на небо, подобно восхожденію по лѣствицѣ, имѣющей обычно ступени. Здѣсь, то—чтобъ одинъ возревновалъ о восхожденіи паче другихъ и скорѣе взшелъ по лѣствицѣ, перегнавъ ихъ, есть наше дѣло, дѣло произволенія каждаго. Но то, чтобы начинать не съ первой ступени, и потомъ восходить съ одной на другую, по порядку, въ какомъ онѣ положены, а минуя первую, прямо ступить на вторую или третью, совсѣмъ невозможно для людей. И тѣ, которые покушаются отступать отъ такого порядка восхожденія, трудятся напрасно. И еще: какъ невозможно взойти въ верхнія жилища безъ лѣстницы, или войти въ царскій внутреннѣйшій покой, туда, гдѣ занимается и принимаетъ своихъ царь, не прошедши прежде передней: такъ невозможно войти и въ царствіе небесное тому, кто не идетъ путемъ добродѣтелей, по порядку нами указанному. Такіе шествуютъ внѣ царскаго пути,—и находятся въ прелести, сами того не замѣчая.

(Молитва). Но, о Господи! Ты Путеуказатель заблудшимъ, и незаблудный Путь грядущимъ къ Тебѣ, возврати (съ распутій) всѣхъ насъ, приведи къ лѣствицѣ, возводящей къ Тебѣ, и всеильною рукою Твоею поруководи

насъ начать восхожденіе по ней. Даруй намъ силу подняться съ земли, и ступить на первую ступень, такъ чтобъ мы сознали, что положили начало восхожденію и поднялись немножко отъ земли. Ибо прежде намъ подобаетъ взойти немного къ Тебѣ, чтобъ Ты много низшелъ къ намъ благій, Владыко нашъ, и соединился съ нами. Покажи намъ, Господи, внѣшнюю дверь въ царствіе Твое, чтобы намъ толкать въ нее съ терпѣніемъ, пока не отверзется она, ради произвольной смерти нашей,—чтобы когда, вошедши въ сѣни, станемъ мы толкать въ каждую внутреннюю дверь и отверзать ихъ одну за другою, и Ты, многоблагодарный и многомилостивый Боже, слыша наши стенательныя воззванія и наши въ грудь ударенія, скорѣе снишелъ къ намъ съ верхнихъ покоевъ Твоихъ, такъ чтобы мы услышали ступанія всепречистыхъ ногъ Твоихъ и уразумѣли, что Ты отверзаешь двери, сущія между нами и Тобою, которыя заключены для насъ грѣшныхъ, и, пришедши къ намъ, вопрошилъ: кто ударяетъ здѣсь въ двери? мы же, отвѣчая съ плачемъ и рыданіемъ, сказали со страхомъ и радостію: это мы, Владыко, мы недостойные, бѣдные, отверженные и непотребные рабы Твои,—мы, ходившіе доселѣ по распутіямъ и блуждавшіе по горамъ, дебрямъ и пропастямъ, мы по глупости своей осквернившіе святое крещеніе, мы, не соблюдшіе данныхъ нами обѣщаній, мы, убѣгшіе отъ Тебя и самовольно перешедшіе ко врагу Твоему и навѣтнику душъ нашихъ. Теперь же, вспомнивъ о Твоемъ челоуѣколюбіи и Твоей благодати, убѣжали мы отъ него съ большимъ трудомъ и къ Тебѣ притекли съ великимъ страхомъ и трепетомъ. Прости убо насъ, Владыко всяческихъ, и не прогнѣвайся на насъ, но умилосердись и сжался надъ нами грѣшными. Отверзи намъ, Господи, и не помяни беззаконій нашихъ и нашей неблагодарности. Услыши насъ рабовъ Твоихъ, чтобы возмалодушеествовавъ, не возвратились мы вспять: ибо много уже времени мы стоимъ здѣсь и толцемъ, и прежде много по-

трудились, толкая во вѣшнія дѣри царства Твоего Сжался убо надъ нами и отверзи намъ, Господи, естественъмъ человѣколюбивый. Если, отверзая мало-по-малу, Ты отверзешь намъ наконецъ совсѣмъ дѣри милости Твоея, кто, увидѣвъ Тебя, не вострепещеть? Кто не падеть предъ Тобою со страхомъ и трепетомъ, и не възыщетъ милости Твоея? Кто, видя, какъ Ты, имѣющій окрестъ себя міриады міриадъ Ангеловъ, и тысячи тысячъ Архангеловъ, Троновъ и Властей, оставилъ всѣхъ ихъ тамъ, горѣ, и снисшелъ къ намъ, отворилъ намъ дѣри, срѣтилъ насъ и принялъ съ радушіемъ, падши на выи наши и облобызавъ насъ,—Кто, говорю, видя сіе, не станетъ вѣ себя отъ изумленія, не сдѣлается будто мертвымъ, не истааетъ и не разольется какъ вода и съ костыми своими? Кто не будетъ день и ночь плакать, помышляя о безднѣ человѣколюбія Твоего и Твоей благодати и видя славу и свѣтлоблистаніе лица Твоего? Буди слава Тебѣ, удомостроительствовавшему сіе тако! Буди честь и слава Тебѣ, благоволившему быть видимымъ нами и вступити въ живое общеніе съ нами! Буди слава Тебѣ, по великому благоутробію своему, открывающемуся и являющемуся намъ, тогда какъ по естеству Ты невидимъ для самыхъ Ангеловъ! Буди слава Тебѣ за неизглаголанную милость, по коей благоволишь Ты вселяться и ходить въ насъ ради нашего покаянія! О величіе славы неизъяснимое! О преизобиліе любви! Содержащій всяческая вселяется въ человѣка тлѣннаго и смертнаго, такъ что все въ немъ тогда соблюдается силою Бога, въ немъ обитающаго! О чудо изумительное,—и дѣла и тайны неодолимыя Бога непостижимаго! Человѣкъ смертный сознательно носить въ себѣ, какъ свѣтъ, Бога создавшаго всяческая и самаго сего человѣка, который носитъ Его,—носитъ внутрь себя какъ сокровище невыразимое, неизглаголанное, безкачественное, безколичественное, безвидное, безвещественное, безформное, оформленное лишь красотой неизреченною, предивною и всепростою, какъ свѣтъ, — такой, который

выше всякаго свѣта! — И такой человѣкъ, сосредоточиваясь весь въ себѣ, вращается однакожь среди насъ, не будучи никѣмъ познаваемъ изъ тѣхъ, которые имѣютъ съ нимъ сношеніе!

5. И кто въ состояніи описать радость, исполняющую такого человѣка? И есть ли что другое, что возможно бы было пожелать такому? Какого царя не блаженнѣе и не славнѣе онъ? Какого міра, или сколькихъ міровъ не богаче? И въ чемъ бы могъ онъ иногда недостаточествовать? Поистинѣ невозможно ему недостаточествовать въ какомъ либо благѣ, которое отъ Бога.

Но ты, брате, сподобившійся содѣлаться таковымъ, — ты, имѣющій обитающимъ внутри себя всего Бога, добрѣ внимай, чтобы не сдѣлать и не сказать чего либо недостойнаго святой воли Его; иначе Онъ тотчасъ удалится отъ тебя, и ты потеряешь сокровище, сокрытое внутри тебя. Почти Его, сколько можешь, и не вноси внутри обитающаго лица Его ничего, Ему неблагоугоднаго и чуждаго естеству Его, чтобы Онъ не прогнѣвался на тебя и не убѣжалъ, оставя тебя пустымъ. Не многословь предъ Нимъ, и не обращай къ Нему прошеній безъ благоговѣйной собранности. Не помышляй въ себѣ и не говори: дай-ка покажу я Ему преобильную теплоту и превеликую ревность любви, да приметъ Онъ доброе произволеніе, и да познаетъ, какъ люблю я Его и чту; потому что, прежде чѣмъ подумаешь ты такъ, Онъ уже знаетъ помышленія твои, и ничего нѣтъ сокрытаго отъ Него. Не покусись еще удержатъ Его мысленными руками: ибо Онъ неухватимъ, — и какъ только ты дерзнешь ухватить Его, или подумаешь только удержатъ Его, — уже не найдешь внутри себя ничего. Онъ тотчасъ удалится отъ тебя и станетъ неощутимъ для тебя.

Тогда, если, сокрушаясь, томя и бія себя, станешь ты каяться и плакать много, то не получишь никакой пользы. Истинно такъ: ибо Онъ есть радость и несогласенъ входить въ домъ, гдѣ печалются и скорбятъ, какъ и лю-

ботрудная пчела не терпитъ мѣста, наполненнаго дымомъ. Но если благоустроишь съ безпеченіемъ и преданностію въ волю Его, то Онъ опять обрѣтется внутрь тебя. Оставь тогда Владыку своего безмятежно почитать въ душѣ твоей, какъ на одрѣ нѣкоемъ,—и не начинай говорить въ себѣ, что если не стану плакать, то Онъ отвратится отъ меня, какъ отъ нерадивца и презрителя. Еслибы Богъ хотѣлъ, чтобъ ты, достигшій совершенства, плакалъ, какъ плачетъ тотъ, кто еще находится на степени покаянія: то Онъ видѣлся бы тебѣ издали, или совсѣмъ скрывался бы отъ тебя, или освѣщаль тебя издали, и такимъ образомъ давалъ тебѣ и раздражалъ въ тебѣ плачь къ очищенію и благоустроенію дома твоего. Но теперь послѣ покаянія и очищенія, какое получилъ ты посредствомъ слезъ, Онъ пришелъ въ тебя, чтобъ даровать тебѣ упокоеніе отъ трудовъ и воздыханій и исполнить тебя радостію и веселіемъ вмѣсто печали. Стой же прямо, не тѣломъ, но движеніями и устремленіями души твоей. Водвори въ себѣ тихое безмолвіе, такъ какъ въ домъ твой идетъ Царь царствующихъ. Скажи со строгостію всѣмъ придверникамъ дома твоего, то - есть, чувствамъ своимъ: Царь грядетъ; стойте же добръ при дверяхъ, стойте смирно и со страхомъ великимъ наблюдайте, чтобъ не пришелъ кто къ дверямъ и не сталъ стучать, и чтобъ ничей голосъ не проходилъ внутрь, ни изблизи, ни издали. Внимайте добръ, чтобъ кто не обманулъ васъ и не прокрался внутрь тайкомъ,—и Царь тотчасъ опять не оставилъ насъ и спѣшно не удался. — Такъ скажи, и стой въ веселіи и радованіи души своей, смотря внутрь себя на неописуемаго Владыку своего, благоволившаго неописанно описаться въ тебѣ, и созерцай красоту Его ни съ чѣмъ несравнимую. Созерцай же недомыслимо пресвятое лице Его, неприступное для Ангеловъ, и для Архангеловъ, и для всѣхъ чиновъ небесныхъ, изумляйся, радуйся и духовно скача веселись, внимая однакожъ Ему съ благоговѣніемъ, чтобъ услышать, что повелитъ Онъ

тебѣ сказать, или сдѣлать. Внимай убо тому, что Онъ говоритъ Тебѣ. Онъ не имѣетъ нужды требовать, что либо отъ рабовъ своихъ для своего собственнаго упокоенія, какъ имѣютъ ее земные цари, потому что ни въ чемъ не имѣетъ недостатка,—и если не обогатитъ напередъ рабовъ своихъ, то и не входитъ въ домъ ихъ.

6. Итакъ поелику Онъ ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, какъ я сказалъ, но обогатилъ тебя и своимъ къ тебѣ пришествіемъ сдѣлалъ безнедостаточнымъ: то внимай, да вѣдаешь, что говоритъ внутрь тебя Тотъ, Кто неотлучно изшедъ изъ лона благословеннаго Отца своего снизшелъ съ небесъ даже до твоего ничтожества. Ибо нельзя же тебѣ найти и подумать, чтобы Онъ дѣлалъ это когда либо какъбы мимоходомъ. Нѣтъ; благій и человеколюбивый Владыка нашъ дѣлаетъ это обыкновенно для спасенія и другихъ многихъ. Итакъ если ты почтишь Его, примешь Его и дашь Ему мѣсто и упокоеніе въ себѣ, то вѣдай добръ, что услышишь изъ сокровищъ Духа Его неизреченныя тайны. Не припадая къ персямъ Владыки Христа, какъ припалъ нѣкогда возлюбленный ученикъ Его Іоаннъ, но имѣя внутри персей своихъ все слово Божіе, будешь ты богословствовать богословіе новое и ветхое и добръ поймешь всѣ богословія, какія изречены и написаны были доселѣ, и содѣлаешься органомъ Духа dobroгласнымъ, издающимъ мелодіи, пріятнѣйшія паче всякой музыки.

Но если тыпустишь придти откуда либо печали и войти въ домъ твой, тотчасъ отбѣжить радость. Еслипустишь войти гнѣву или раздраженію, тотчасъ удалится Тихій и Кроткій. Еслипустишь войти ненависти и враждѣ къ кому либо, тотчасъ убѣжить Тотъ, кто наименовался и есть самосуцая и вностаcная Любовь. Еслипустишь приблизиться любопренію или зависти, тотчасъ незлобивый и благій Богъ станетъ невидимъ, ибо Онъ этого терпѣть не можетъ. Если Онъ замѣтитъ, что около дома твоего ходятъ лукавство, или многохлопот-

ливость съ любопытствомъ, а ты не отгоняешь ихъ наискорѣйше съ гнѣвомъ, а кротко принимаешь эти худости, которыя Онъ ненавидитъ, ты же позволяешь имъ приближаться къ Нему; то не станеть напередъ извѣщать тебя, когда удалится отъ тебя, Простый, Незлобивый и Непытливый, но тотчасъ оставить тебя, не давъ тебѣ того замѣтить.

Если также ты, сподобившійся пріискрениѣ соединиться съ такимъ Владыкою, увидѣтъ такую славу и стяжать такое богатство, разумѣю, царствіе небесное (которое есть самъ Богъ), будешь беречься, чтобъ въ домъ души твоей не вошла ни одна изъ сказанныхъ страстей, и всячески стараться доставить Царю великій покой отъ нихъ; но лице свое, т.-е. умъ свой, станешь обращать въ другую сторону и бесѣдовать съ другимъ, спиною обращаясь къ неприступному Богу, на Коего со страхомъ и трепетомъ взирають всѣ чины ангельскіе: то не по всей ли справедливости Онъ тотчасъ оставить тебя какъ презрителя и недостойнаго?

Но Онъ человѣколюбивъ есть, говоришь ты. И я тоже говорю. Но Онъ человѣколюбивъ къ тѣмъ, которые чувствуютъ Его человѣколюбіе, чтутъ Его и благодарятъ какъ подобаетъ. Если же ты ни во что ставя любовь Его, всеуспокояющую, полюбишь что либо другое и съ тѣмъ свяжешь всецѣло все стремленіе души своей, и станешь услаждаться другою какою сластію, или яствомъ, или питіемъ, или одеждою, или лицемъ какимъ красивымъ, или золотомъ, или серебромъ, или другимъ чѣмъ, и душа твоя воспохотствуетъ того и побѣждена будетъ любовію къ тому: то возможно ли, чтобы Богъ, естественно чистый и тебя содѣлавшій таковымъ благодатию Духа Святаго, продолжалъ быть въ общеніи и обращаться съ тобою, когда ты уклонился сердцемъ на другое, а не тотчасъ оставилъ тебя?—Само собою явно, что Онъ всеконечно оставитъ тебя.

7. Положимъ теперь, что ты не будешь дѣлать ничего

изъ того, что я сказалъ, но будешь гнать отъ себя всякую страсть, всякую похоть злую, всякое пристрастіе и естественную любовь къ роднымъ и всякому человѣку, и дѣйствуя такъ, достигнешь наконецъ совершенной безгрѣшности и чистоты, какъ представили мы выше, и воспримешь въ себя Бога, сущаго превыше всѣхъ небесъ; въ слѣдствіе чего не будешь тревожимъ никакою страстію и ни къ чему уже совершенно не будешь имѣть никакой склонности и любви, но всегда станешь пребывать съ Богомъ, имѣя умъ свой постоянно горѣ въ пренебесномъ царствіи Его. Положимъ далѣе, что въ то время, какъ ты находишься въ такомъ состояніи, кто нибудь внезапно позоветъ тебя и введетъ въ какой либо городъ, гдѣ множество народа, домовъ, палатъ убранныхъ и просторныхъ, гдѣ церкви большія и прекрасныя; архіереи, іереи, царь со всѣмъ синклитомъ вельможъ и тѣлохранителей. Потомъ (пропускаю всякіе другіе способы, какіе можешь самъ ты употреблять для полученія архіерейства и попеченія о народѣ), потомъ, говорю, всѣ эти, т.-е. и царь, и вельможи, и все множество народа, начнѣтъ со многими слезами приглашать и просить тебя принять на себя попеченіе о душахъ ихъ, чтобы ты пасъ ихъ и пользовалъ ученіемъ своимъ,—и ты, не получивъ мановенія на то отъ Бога, презришь Его, сподобившаго тебя благодати соцарствовать съ Нимъ, и оставя небесныя и вѣчныя блага, дарованныя Имъ тебѣ, спустишься къ этимъ непостояннымъ и привременнымъ и свяжешься съ тѣми, которые пригласили тебя пасти ихъ. Какъ думаешь? Уже ли не праведно будетъ, если Богъ, когда ты поступишь такимъ образомъ, оставитъ тебя пользоваться только этими привременными благами, которыхъ ты возжелалъ, лишивъ благъ духовныхъ, какъ въ настоящей жизни, такъ и въ другой? Конечно нѣтъ.

Даже еслибъ самъ Богъ повелѣвалъ тебѣ принять на себя пасеніе душъ человѣческихъ, тебѣ слѣдовало бы падши предъ Нимъ, восплакать, и съ великимъ страхомъ

и скорбію сказать: Владыко Господи! Какъ мнѣ оставить сладость пребыванія съ Тобою единымъ, и пойти въ ту суетливую и многотрудную жизнь? Ей, Господи! Не прогнѣвайся на меня, раба Твоего, и съ такой высоты славы Твоей не свергай меня въ тотъ хаосъ бѣдственный. Нѣтъ, Господи мой, не лишай меня такого свѣта Твоего и не низводи меня бѣднаго въ такую тму. Или я согрѣшилъ въ чемъ либо предъ Тобою, Господи, не зная того, и Ты за это опять возвращаешь меня въ тотъ хаосъ, изъ котораго Самъ, по великому благоутробію своему, человѣколюбно извлекъ меня и вывелъ? Не разстройвай меня такъ сильно Ты, подъявшій на рамо свое столь многіе мои грѣхи и беззаконія; но если я согрѣшилъ въ чемъ предъ Тобою, накажи меня здѣсь, гдѣ нахожусь. Если находишь благословнымъ, етсѣки лучше всѣ члены мои, только не посылай меня туда, въ тотъ хаосъ.

Еслибы Богъ и опять сталъ говорить тебѣ: иди, паси овецъ Моихъ, иди, обращай ко Мнѣ братій своихъ словомъ ученія твоего, слѣдовало бы и тебѣ опять отвѣтить: увы мнѣ, Господи! И какъ отдѣлиться отъ Тебя мнѣ недостойному? Еслибъ опять и въ третій разъ сказалъ Онъ тебѣ: нѣтъ, ты не отдѣлишься отъ Меня; Я и тамъ буду съ тобою неразлучно: то и тебѣ слѣдовало бы опять, падши, восплакать и, омочая мысленно слезами пречистыя ноги Его, сказать: какъ возможно Тебѣ пребывать со мною, Господи, если я низойду туда и омрачусь? Какъ возможно Тебѣ быть со мною, если сердце мое, поползновенное на всякое зло, склонится къ лести и похвалямъ человѣческимъ? Какъ возможно, чтобы Тебѣ благоугодно было пребывать со мною, если я вознесусь въ гордыни? Возможно ли, чтобы Ты не удалился отъ меня, если я не стану съ дерзновеніемъ праведно обличать царей и другія власти въ ихъ беззаконіяхъ и неправдахъ? Мнѣ же гдѣ возмочь исполнить это и все прочее, лежащее на пастырѣ, такъ какъ Тебѣ благоугодно, чтобы Ты былъ со мною и укрѣплялъ меня, а не обвинилъ, какъ

погрѣшителя, и за то не удалился отъ меня, какъ отъ недостойнаго, оставя меня одного поверженнымъ тамъ, — долу? Боюсь, Господи, чтобы не побѣдило меня сребролюбіе; боюсь, чтобы не овладѣла мною воля плоти, чтобы не обольстила меня сласть грѣховная, чтобы не омрачила ума моего забота о паствѣ, чтобы не возгордила меня честь царей и властей, чтобы не надмила меня великость власти, и не напустила презирать братій моихъ; боюсь, чтобы не выступить мнѣ изъ подобающаго моему званію чина отъ пиршествъ и винопитія, чтобы не стала опять упитанною отъ сластей плоть моя, утонченная воздержаніемъ, чтобы не уstrasили меня угрозы людскія, и не слѣдали преступникомъ заповѣдей Твоихъ; боюсь, чтобы просьбы собратій моихъ епископовъ и друзей не склонили меня стать участникомъ грѣховъ ихъ, и когда онеправдываютъ они другихъ, или другое что недоброе дѣлають, молчать, или даже содѣйствовать имъ, не обличая ихъ съ дерзновеніемъ и не показывая за заповѣди Твои сопротивленія имъ, какъ подобаетъ. И гдѣ мнѣ, Господи мой, изложить всѣ опасности званія сего, которыя безчисленны, и которыя Ты, Боже, знаешь лучше меня? Умоляю убо Тебя, непусти мнѣ впасть въ нихъ. Самъ бо вѣдаешь, Человѣколюбче, какъ трудно угодить людямъ, какъ они бываютъ тяжелы, насмѣшливы, пересудливы и клеветливы, особенно изъ грамотныхъ и ученыхъ, умудрившихся внѣшнею мудростію. Пощади же меня, Человѣколюбче, и не посылай меня туда—долу, на это предстоятельство надъ народомъ, въ среду такихъ и толикихъ бѣдъ и золъ.

Все сіе и другое многое слѣдовало бы тебѣ поимѣть въ мысли и, убоявшись имѣющихъ встрѣтиться тебѣ трудностей и бѣдъ, умолять Бога дозволить тебѣ не нисходить съ неба твоего на землю, опять въ мірскія дѣла. Если бы даже Богъ, похваляя любовь твою и твое смиреніе, сказалъ тебѣ: не бойся,—не будешь преодоленъ ничѣмъ противнымъ, ибо Я обѣщаю тебѣ всегда быть съ тобою,

и ты будешь имѣть Меня помощникомъ себѣ во всякомъ дѣлѣ,—Я и тамъ—долу прославлю тебя съ преизбыткомъ и сюда опять возвратишься ты еще съ большею славою и въ большей свѣтлости, и будешь соцарствовать со Мною въ безконечныя вѣки; — еслибы даже, говорю, тебѣ далъ такое обѣщаніе челоуѣколюбивый и всеблагій Царь, то и тогда не слѣдовало бы тебѣ дерзать и быть совершенно безпечительнымъ, но надлежало находиться въ страхѣ и трепетѣ великомъ, помышляя, что ты какъбы нисходишь съ великой высоты въ глубь глубочайшаго кладсеза, полного разными звѣрками и пресмыкающимися, — и въ такомъ настроеніи, съ великимъ страхомъ, взойти на престолъ патріарха, или митрополита, или епископа или другаго какого предстоительства надъ народомъ.

Если же ты сознаешь, что ты не таковъ, какъ мы сказали выше, но тебѣ напротивъ кажется, что, принимая настоятельство надъ народомъ, ты восходишь съ низу и отъ долу въ высь великую, то горе тебѣ за такую дерзость, горе тебѣ по причинѣ ослѣпленія ума твоего, горе тебѣ по причинѣ великаго неувѣжества твоего! Ибо такія мысли и помышленія несвойственны людямъ мыслящимъ и разумнымъ, но бессмысленнымъ язычникамъ или, лучше сказать, мертвымъ, которые не видятъ, не чувствуютъ, не живутъ, и совсѣмъ не знаютъ, что есть Богъ и что есть судъ Божій, имѣющій срѣтить насъ.

8. Что пасти народъ и пещись о спасеніи братій есть дѣло многоспасительное, какъ завершеніе любви, которая есть глава закона и пророковъ, этого никто не можетъ отвергать. Ибо когда Господь до трехъ разъ спрашивалъ Петра, любитъ ли онъ Его, и сей отвѣтилъ: *ей, Господи! Ты вѣси, яко люблю Тя*; тогда Господь, въ отвѣтъ на это, вотъ что сказалъ ему: если любишь ты Меня, Петре, *паси овцы Моя*. Опять, что не слѣдуетъ всякому челоуѣку, просто и какъ ни случилось, необдуманно брать на себя настоятельство надъ другими,—явно и это для всякаго, у кого умъ не омраченъ совершенно. Впрочемъ

многіе не знаютъ ни того, что означаетъ приведенное слово Господа, ни того, какимъ образомъ пасти овецъ Своихъ повелѣлъ Господь Петру. Но восходятъ дерзостно (увы!) на эту степень достоинства, и не стыдятся самочинно пасти паству Христову. Почему, если вамъ кажется благословнымъ, обсудимъ, что означаетъ это слово Господне, и какой заключается въ немъ смыслъ.

Когда Господь сказалъ Петру: *паси овцы Моя*, то этимъ не на другое что указалъ, какъ на предстояніе и поученіе, коимъ подобаешь быть о стадѣ Христовомъ, посредствомъ слова и ученія. Это подтверждается другими словами, сказанными тому же Петру: *Симоне, Симоне, се сатана проситъ вась, дабы съялъ, яко птеницу: азъ же молихся о тебѣ, да не оскудѣетъ въра твоя: и ты нѣкогда обраща съ утверди братію твою* (Лук. 22, 31. 32). Ибо что значать слова: *утверди братію твою*? Вотъ что: собственнымъ своимъ примѣромъ удостовѣрь ихъ, что не должно отчаяваться, въ какое бы кто прегрѣшеніе ни впалъ: ибо какое другое прегрѣшеніе хуже твоего, когда ты отвергся Меня, Владыки всяческихъ? Однакожь Я простилъ тебя тотчасъ, какъ только ты горько раскаялся, и, несмотря на то, что ты не имѣлъ дерзновенія по причинѣ отреченія, Я по имени призвалъ тебя чрезъ Ангела придти ко Мнѣ вмѣстѣ съ другими Апостолами на гору Галилейскую, ни однимъ словомъ не укоряя тебя въ отреченіи твоёмъ. Въ семъ-то, *обраща, ты и утверди братію твою*.

Паси овцы моя. Но вѣдай, что ты будешь истинно пасти ихъ, не тогда когда станешь переводить ихъ съ пажити на пажить, чтобъ онѣ утучнѣли тѣлесно, какъ то дѣлають пастыри безсловесныхъ овецъ, не тогда также, когда будешь запираеть ихъ въ стѣнахъ и огражденіяхъ овчарныхъ, но когда будешь научать ихъ соблюдать все, что Я повелѣлъ. Это потомъ заповѣдалъ Господь особо и всѣмъ Апостоламъ, говоря: *шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа,*

учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ (Мат. 28, 19. 20),—прибавивъ и еще: иже въру иметъ и крестит-ся, спасенъ будетъ. а иже не иметъ въры, осужденъ будетъ (Мар. 16, 16).

Паси, говорить, овцы моя. Пастырь безсловесныхъ овецъ не заботится о земледѣліи, ни о торговлѣ, ни о домахъ, ни о яствахъ различныхъ и многоцѣнныхъ, ни о славѣ и почести; нѣтъ ему дѣла и ни до чего другаго мірскаго, и охоты не имѣеть онъ пользоваться тѣмъ; но оставя все,—и домъ, и жену, и дѣтей,—все свое попеченіе обращаетъ на одну лишь паству свою, ради нея ночи проводя безъ сна и проходя съ нею въ отдаленныя мѣста, не имѣя ни крова ни постели, перенося зной дня и хладъ ночи и борясь съ воздушными перемѣнами: однѣхъ овецъ блюдетъ онъ, и объ нихъ всестороннее имѣеть попеченіе. Но для тебя, пастыря словесныхъ овецъ, возможно находиться подъ кровомъ дома, имѣть одръ, постель, трапезу, — и вмѣстѣ съ тѣмъ пасти и овецъ моихъ. Какъ же пасти?—Уча ихъ имѣть ко Мнѣ (говорить Господь) въру свѣтлую, чистую, не колеблющуюся, и любить Меня отъ всей души и отъ всего сердца, какъ и Я возлюбилъ ихъ, по любви къ нимъ предавъ Себя на смерть и умерши за нихъ. Доставляя же имъ, вмѣсто пажити, животворную пищу Моихъ заповѣдей, объясняй имъ, что онѣ тогда только будутъ вкушать животворность сей пищи, когда самымъ дѣломъ исполнять стануть заповѣди Мои, и побуждай ихъ вкушать отъ сей пищи каждочасно, чтобъ онѣ были всегда насыщенными отъ Моихъ благъ. А какія это Мои блага и какими дѣлами они стяжеваются, сіе познать научи ихъ изъ слѣдующихъ моихъ словъ: *продадите имѣнія ваша, и дадите милостыню, сотворите себѣ влагалища неветшающа, сокровище неоскудѣваемо на небесныхъ (Лук. 12, 33). Любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитесь за творящихъ вамъ напасть (Матѳ. 5, 44). Да никтоже (изъ васъ) зла за зло кому воздастъ (1 Сол. 5, 15). Отпускайте, и*

отпустятъ вамъ (Лук. 6, 37). *Аще ли же вы не отпускаете челоукомъ согрѣшенія ихъ, ни Отецъ вашъ, иже есть на небесахъ, отпуститъ вамъ согрѣшеній вашихъ* (Мар. 11, 26; Матѳ. 6, 15). Станьте бѣдны деньгами, да будете богаты благодатию Святаго Духа; презрите земную славу, чтобъ получить небесную.

Еще говори имъ и слѣдующее: предъ нами находятся два противоположныхъ предѣла,—животъ и смерть, и два міра, настоящій, видимый и привременный, и будущій, невидимый и вѣчный, — и два противоположныхъ между собою дѣйствователя въ сихъ мірахъ, — Богъ, и діаволь противостоящій Ему, изъ которыхъ Богъ всегда печется о спасеніи нашемъ, призывая насъ къ жизни и царству вѣчному, а діаволь желаетъ погибели и смерти души нашей, и день и ночь рыщеть, ища кого привлечь приманкою временныхъ сластей и поглотить, сдѣлавъ его повиннымъ вѣчному мученію. Поелику такимъ образомъ предъ нами Богъ и діаволь, то намъ, какъ мыслящимъ и разумнымъ, надлежитъ бѣжать отъ врага нашего и прибѣгать подъ кровъ Владыки нашего, прося помощи у Него, да не возгосподствуетъ надъ нами князь тмы, уловивъ насъ въ сѣти и тенета свои, и да не сдѣлаемся мы чрезъ то рабами ему и грѣху.

Что діаволь есть князь міра и вѣчной тмы, послушай самаго Христа, который говоритъ: *врядетъ сего міра князь, и во мнѣ не имать ничегоже* (Іоан. 14, 30). Княземъ міра называется онъ не какъ властитель и господинъ міра. Да идетъ отъ насъ такая богохульная мысль!— И какъ возможно, чтобъ властвовалъ надъ міромъ тотъ, кто не имѣетъ власти даже надъ свиньями? Но называется онъ княземъ міра потому, что раздражая пожеланіе богатства и другихъ вещей міра сего, онъ порабощаетъ себѣ прилѣпляющихся къ нимъ и беретъ надъ ними власть. Княземъ же тмы называется онъ потому, что низпалъ отъ свѣта божественной славы, по причинѣ гордости своей, и сдѣлался наслѣдникомъ вѣчной тмы. Но Богъ и

Владыка нашъ, яко Творецъ и Устроитель всего міра, естественно и властно есть князь всѣхъ—небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ, будучи свѣтомъ невечернимъ и неприступнымъ и Господомъ всего, и настоящаго и будущаго.

Итакъ которые покорствуютъ Богу и соблюдаютъ неуклонно заповѣди Его, тѣ и временныхъ благъ причащаются въ мѣру и съ воздержаніемъ, благодаря за нихъ Бога, и отъ этихъ видимыхъ и временныхъ благъ возводятся къ онымъ невидимымъ и вѣчнымъ за то, что повинулись царю всѣхъ Богу и соблюли повелѣнія Его. — Тѣ же, которые поступаютъ противно заповѣдямъ Божиимъ, тѣ находятся на противной Богу сторонѣ, вмѣстѣ съ діаволомъ, поелику сдѣлались врагами Его, какъ самъ Онъ говоритъ: *иже ипсть со Мною, на Мя есть: и иже не собираетъ со Мною, расточаетъ* (Лук. 11, 23). Посему, возлюбленные, пусть никто изъ васъ не слушаетъ князя тмы и міродержителя діавола; пусть никто не водится съ нимъ; никто пусть не дѣлается воиномъ діавола, и не воюетъ противъ Бога и Спасителя нашего; пусть никто не становится врагомъ души своей и не подвизается, чтобъ наслѣдовать огнь вѣчный. Умоляю васъ, отцы мои, и братія, и чада, не дѣлайте этого. Страшное дѣло и для одного даже слуха то, чтобъ сдѣлаться намъ врагами и противниками Богу.

А какъ дѣлается кто противникомъ Христу и подвизается о собственной своей гибели, я это сейчасъ вамъ скажу. Если, на примѣръ, кто побранить тебя, праведно или неправедно, или осудить, или оклеветать,—и ты не переносишь такого безчестія съ кротостію, но оскорбившись тѣмъ въ сердцѣ своемъ, не удерживаешь раздраженія своего, а бранишь и самъ того, кто побранилъ тебя, или осуждаешь его или другое что неприятное ему дѣлаешь, или не дѣлая ничего такого, держишь страсть неприязни противъ него въ сердцѣ своемъ, а не прощаешь ему отъ всей души, и не молишься о немъ Богу: то

вотъ и сталъ ты врагомъ Христу, потому что поступаешь противно заповѣдямъ Его; сталъ ты врагомъ и себѣ самому и губишь душу свою тѣмъ, что сдѣлалъ (въ силу такого непроститія брату) всѣ прежніе свои грѣхи неизгладимыми и непростительными. Еще,—если кто ударилъ тебя въ правую ланиту, а ты не только не обращаешь къ нему лѣвой, но самъ ударяешь его: то се—опять сдѣлался ты воиномъ и рабомъ діавола. Ты ударилъ не брата только, но чрезъ брата, котораго ударилъ, ударилъ и самого Христа, который повелѣлъ не ударять его, но обращать къ нему другую ланиту. Опять, если кто, тайно или явно, возьметъ у тебя золотую, или другую какую вещь, или ты дашь кому въ займы, или похитить кто что нибудь у тебя, — и не захочетъ потомъ отдать, или потому что ничего уже не имѣетъ, или по корыстолюбію и злонавію,—и ты не согласишь благодушно и незлобиво такого похищенія, но тащишь виновнаго въ суды, ввергаешь въ темницу и дѣлаешь все возможное, чтобъ обратно получить свое: то скажи мнѣ, не явный ли ты врагъ Богу и душѣ своей, дѣлая все такое? Ибо, если тебѣ повелѣно посѣщать заключенныхъ въ темницу и служить имъ по силѣ своей,—не требовать своего отъ того, кто его взялъ, отдавать и и срачицу тому, кто хочеть судиться съ тобою и ризу твою взять, предавать тѣло свое на смерть за заповѣдь Божию,—если, говорю, ты, коему даны такія повелѣнія, идешь въ суды изъ-за вещей тлѣнныхъ, преступая повелѣніе Божіе, если скорбишь, гнѣваешься и ввергаешь брата въ темницу: не явно ли, что ты выходишь изъ ума (христіанскаго здравоумія), прогнѣвляешь Бога, противясь Ему, и себя самого лишаешь вѣчной жизни?

Итакъ (возвращаясь опять къ пастырству) кто хочеть пасти стадо Христово и питать разумныхъ овецъ, научая ихъ всему тому, о чемъ мы сказали, чтобъ сдѣлать ихъ тучными отъ добрыхъ дѣлъ и многородныхъ добродѣтелей; тотъ какъ можетъ въ тоже время заботиться

о поляхъ и виноградникахъ и пещись о прочихъ стяжаніяхъ своихъ, чтобъ сохранить отъ похищенія и ущерба, прогоняя покушающихся на это? Когда ему ходить въ суды и заводить состязанія, бывая при семъ иной разъ для другихъ причиною клятвъ и клятвъ ложныхъ? Ибо если онъ правъ, то противникамъ его нужда бываетъ прибѣгать къ явной лжи и ложнымъ клятвамъ,—что какъ можетъ снести боголюбивая душа? И какъ можетъ быть пріятно Богу, который сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не клятися всяко. Буди же слово ваше, ей, ей: ни, ни: лишше же сею отъ неспрїязни есть* (Матѳ. 5, 33. 34). И еще: *глаголю же вамъ: яко всяко слово праздное, еже аще рекуть чловѣкы, воздадутъ о немъ слово въ день суда* (Матѳ. 12, 36).

Итакъ по причинѣ всѣхъ такихъ пагубныхъ для души случайностей, умоляю васъ, братія и отцы мои, если вѣрите самоистинѣ Христу и сказаннымъ мною словамъ, не ищите престоловъ и епархій, игуменствъ и предстомяній надъ другими славы ради чловѣческой и для тѣлеснаго покоя, боясь суда Божія и страшнаго онаго приговора, который устами пророка Іезекіиля изрекъ Онъ противъ не какъ слѣдуетъ пасущихъ овецъ Его: *сія глаголетъ Аданаи Господь: оле пастыри Израилевы, еда пасутъ пастыри самихъ себе, не овецъ ли пасутъ пастыри? Се млеко ядите, и волною одъваетеся, и тучное закалаете, а овецъ моихъ не пасете. Изнемогшаго не подъяете, и боляшаго не уврачеваете, и сокрушеннаго не обязаете, и заблуждшаго не обратисте, и погибшаго не взыскаете, и крпикое оскорбисте трудомъ, и властію наказаете я и наруганіемъ. И разсыпашася овцы моя, понеже не импяху пастырей. И немного ниже опять говоритъ Онъ: се Азъ на пастыри, и възыщу овецъ моихъ отъ рукъ ихъ, и оставлю я отъ паствы овецъ моихъ* (Іезек. 34, 3—5. 10). И еще: *и стражъ, аще увидитъ мечъ грядущъ, и не вострубитъ трубою, и нашедъ мечъ возметъ отъ низъ душу, та убо беззаконія ради своего*

взятся, а крове ея отъ руки стража възыщу (Іез. 33, 6).— Страшны, братія мои, эти слова, изреченныя Богомъ на пастырей. Посему станемъ лучше заботиться о томъ, чтобъ добръ пасти самихъ себя, яко стадо Христово, яко царское священіе, подчиняя плоть духу, да не побѣждаетъ лучшее худшимъ, т.-е., душа тѣломъ. Когда же внидемъ во глубину смиренномудрія, омоемъ скверны грѣховъ нашихъ слезами своими, стяжемъ кротость сокрушеніемъ сердца и смиренномудріемъ, великою жаждою правды Божіей привлечемъ утоленіе ея неизреченными благами царства небснаго чрезъ утѣшенія Духа Святаго; потомъ когда воспріимемъ утробы щедротъ и состраданія, стяжемъ сердце чистое совершеннымъ безстрастіемъ и узримъ свѣтъ Божій, т.-е. самага Духа Святаго дѣйствующимъ въ насъ и глаголющимъ о сокровенныхъ тайнахъ царствія Божія, какъ лица, посредствомъ глубокаго мира сочетавшія въ едино мудрованіе душу и тѣло, — когда умиротворимъ себя и сдѣлаемъ по душѣ и тѣлу согласнымъ орудіемъ Богу во единомъ духѣ, — когда къ тому претерпимъ еще ради Христа множество искушеній скорбей и бѣдъ и навыкнемъ укоряеми благословлять, гоними терпѣть, хулими молить (1 Кор. 4, 12, 13), не помня занакаго, но все то благодушно принимая и претерпѣвая и всячески стараясь сохранно пройти искусь сей, безъ малѣйшаго колебанія въ терпѣніи, которое есть основаніе добродѣтелей,— когда такимъ образомъ посредствомъ всѣхъ сказанныхъ добродѣтелей возрастемъ возрастомъ по Христу и востечемъ въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова, со стяжаніемъ совершеннаго Божовѣдѣнія и мудрости словесъ и тайнъ оныхъ, кои подаеть Духъ Святой, — когда, говорю, совершится въ насъ все сіе, и мы достигнемъ полнаго во всемъ совершенства: тогда пожалуй предадимъ себя и на пользу братій нашихъ. Впрочемъ и тогда не слѣдуетъ намъ самимъ искать этого, но уступать, если Богомъ будемъ призваны

къ тому, не превозношенія ради, но чтобъ быть рабами всѣхъ, какъ говорить Господь: кто хочетъ быть большій въ васъ, будь всѣмъ рабъ и всѣмъ слуга (Мар. 10. 43, 44). Но пока не достигнемъ мы совершенства и безстрастія, до тѣхъ поръ да минуесть насъ начальствованіе надъ другими, прошу васъ. Будемъ лучше въ послушаніи духовнымъ отцамъ нашимъ и Богу, все держащему во власти своей, будемъ каяться каждодневно и очищать себя слезами по Богу, да возможемъ познать Бога, что Онъ неложемъ во всемъ, что обѣтовалъ даровать любящимъ Его и исполняющимъ божественныя Его повелѣнія. Онъ исполнитъ всякаго по дѣламъ Его въ царствіи своемъ. Ему подобаесть всякая слава, честь и поклоненіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ

въ святую землю въ древней церкви *).

Мысли св. отцевъ и учителей церкви IV и V вѣка о путешествіи во св. землю.—Можно ли находить между этими лицами противниковъ обычая путешествовать въ св. землю?—Какъ отозвалось магометанское владычество въ Палестинѣ (нач. VII вѣка) на указанномъ обычаѣ?—Новыя побужденія къ путешествію въ Палестину.—Черты изъ описанія путешествія во св. землю западнаго святаго Виллибалда (VIII вѣка).—Изъ „путевыхъ записокъ“ монаха Бернарда (IX в.).—Замѣтное извращеніе обычая путешествовать во св. землю (въ XI в.); примѣры.

Четвертый и начало пятого вѣка христіанской эры представляютъ время, когда путешествіе въ св. землю становится дѣломъ общераспространеннымъ. Путешествуетъ сюда не только множество простыхъ христіанъ, но и лица замѣчательнѣйшія въ исторіи церкви. Очень естественно, что въ это же время замѣчательнѣйшими отцами и учителями церкви высказано было, при видѣ факта путешествій во св. землю, очень много глубокихъ мыслей о важности и значеніи путешествій во св. землю. Не должно однакожъ думать, что эти мысли клонились лишь къ тому, чтобы возбуждать и укрѣплять стремленіе къ такому странничеству; отцы и учителя церкви высказываютъ немало и такихъ возрѣній по вопросу, которыя должны научать христіанъ—быть осторожными въ своихъ порывахъ къ путешествіямъ, не преувеличивать подвига, цѣнить свой подвигъ не по тому, далеко или близко путешествуютъ, но по тому, съ какимъ душевнымъ расположеніемъ пріемлютъ

*) Окончаніе. См. феврал. книжку.

подвигъ; помнить, что не для всякаго подобное путешествіе на пользу, что иной вмѣсто пользы принесеть вредъ для своей души; не думать, что св. земля какъ по наименованію, такъ и по качеству ея жителей есть земля святая, и не соблазняться, если увидятъ здѣсь что либо не соотвѣтствующее своимъ пламеннымъ ожиданіямъ и т. д. Блаж. Иеронимъ придавалъ очень большое значеніе путешествію въ св. землю — въ дѣлѣ религіознаго преспѣванія христіанина. Указавъ на то, что въ св. землю путешествовали и мученики, и искуснѣйшіе учителя церковныя, онъ пишетъ: «всѣ они думали, что въ нихъ будетъ меньше религіозности, меньше знаній и что они не достигнутъ высокой степени добродѣтели, если не поклонятся Христу въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ заблестало со Креста первоевангеліе», и внушаетъ мысль, что поклоненіе святынямъ въ Палестинѣ есть дѣло заслуживающее поощренія. «Если поклоняемся гробамъ мучениковъ, замѣчаетъ онъ, поставляя на виду св. останки ихъ, прикладываемъ къ нимъ устами, то почему же оставлять безъ вниманія градъ, въ которомъ былъ похороненъ Господь? При этомъ тотъ же учитель церкви разбираетъ возраженія, какія дѣлались въ его время противъ поклоненія св. мѣстамъ Палестины, наприм. что эта земля напаялась кровію Господнею и сдѣлалась позорною, и опровергаетъ ихъ (Твор. II, 10. 11). Св. Павлинъ, епископъ Ноланскій († 431), на западѣ, въ своихъ письмахъ похваляетъ желаніе видѣть св. землю и приносить что либо отсюда на память о посѣщеніи. Онъ говоритъ: «желаніе — благочестивое видѣть тѣ мѣста, по которымъ шествовалъ, на которыхъ страдалъ и вознесся Христосъ; такъ же дѣло благословенное имѣть у себя что либо изъ тѣхъ мѣстъ, хотя бы ничтожный прахъ или что либо отъ древа креста Христова, хотя бы то было величиной со стебелекъ» *). Въ пользу путешествій ко святымъ мѣ-

*) Augusti. Denkwürd. X, 130.

стамъ высказывали себя церковные историки: Евсевій (Жизнь Констант. III) и блаж. Феодоритъ *). Но у писателей разсматриваемыхъ временъ встрѣчаемъ, какъ мы сказали, много и такихъ мыслей по вопросу о путешествіяхъ во св. землю, которыя научали благоразумію, осторожности и предостерегали отъ излишней мечтательности и преувеличенныхъ представлений о такомъ подвигѣ, какъ путешествія во св. землю. Блаж. Иеронимъ даетъ совѣтъ путешественникамъ, чтобы они ни на минуту не забывали, что истинное служеніе Богу въ духѣ. «Всѣ вѣрующіе получаютъ возмездіе не по различію мѣстъ, говоритъ онъ, а по мѣрѣ вѣры, и истинные поклонники поклоняются Отцу не въ Иерусалимѣ и не на горѣ Гаризинъ. Богъ есть Духъ и поклонникамъ Его должно поклоняться духомъ и истиною (Іоан. 3, 8). Послѣ того какъ по осушеніи руна Іудей весь міръ былъ окропленъ небесною росой и многіе, пришедши отъ востока и запада, возлегли на лонѣ Авраама, пересталъ быть вѣдомъ Богъ только во Іудей и Израилѣ, но во всю землю изыде вѣщаніе апостоловъ» (Пс. 75, 18. Твор. II, 131). Св. Григорій Нисскій въ томъ же родѣ внушаетъ мысль, что побывавшій въ свят. мѣстахъ не долженъ приписывать себѣ слишкомъ много, «какъ будто Господь доселѣ тѣлесно обитаетъ въ этихъ мѣстахъ, а отъ насъ удаленъ, и какъ будто Духъ Св. обилуетъ между іерусалимлянами, а къ намъ не можетъ перейти» (Твор. стр. 457). Далѣе, блаж. Иеронимъ даетъ понятъ путешественникамъ, что ихъ поклоненіе св. землѣ тогда только получить значеніе, когда, узрѣвъ мѣста смерти и воскресенія Христа, погребутъ себя для грѣха и воскреснутъ для новой, совершенной жизни. «Мѣста крестной смерти и воскресенія, пишетъ онъ, доставляютъ пользу тѣмъ только, кои несутъ крестъ свой и ежедневно воскресаютъ со Христомъ, тѣмъ, кои представляютъ себя достойными такого

*) Исторія Боголюбцевъ, гл. 5.

жилица. Небесная храмина равно видна и изъ Іерусалима, и изъ Британіи, ибо царствіе Божіе внутрь насъ есть» (II, 132). Тотъже Іеронимъ внушаетъ путешественникамъ, чтобъ они не превозносились тѣмъ, что видѣли св. землю, потому что многіе не видали ея совсѣмъ или видѣли на самое короткое время и однакожъ достигли высокой святости. Онъ замѣчаетъ: «Антоній и весь сонмъ монаховъ Египта, Месопотаміи, Понта не видали Іерусалима, и безъ этого города имъ отверзлись райскія врата. Блаж. Иларіонъ былъ изъ Палестины и жилъ въ Палестинѣ, но только одинъ день былъ въ Іерусалимѣ, — чтобы и не показать пренебреженія ко святымъ мѣстамъ, по ихъ близости, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы и не показать, что онъ ограничиваетъ Господа только этимъ мѣстомъ» (II, 132). Затѣмъ Іеронимъ внушаетъ путешествующимъ во св. землю, чтобы они не думали, будто въ будущей жизни при раздаяніи мзды прежде всего примется во вниманіе этотъ подвигъ, а не дѣла вообще. Іеронимъ, указывая на свой собственный примѣръ, говоритъ: «чтобы ты не считалъ какимъ либо ущербомъ для своей вѣры, если ты не видалъ Іерусалима и не предпочиталъ меня, что я нахожусь въ этомъ мѣстѣ, — ты примешь одинаковую мзду за дѣла твои отъ Господа нашего» (133). Григорій Нисскій съ своей стороны развиваетъ мысль, что было бы неосновательно думать, что, побывавъ въ Іерусалимѣ, человекъ становится болѣе вѣрующимъ, чѣмъ прочіе люди, и что онъ становится святѣе, особенно если помыслы его остаются грѣховными. Онъ пишетъ: «что явившійся Христосъ есть истинный Богъ, это мы исповѣдывали и прежде, чѣмъ были на мѣстѣ (въ Палестинѣ), и послѣ сего вѣра не уменьшилась и не увеличилась. О вочеловѣченіи чрезъ Дѣву мы знали и прежде, чѣмъ были въ Виолеемѣ; и воскресенію изъ мертвыхъ мы вѣровали прежде, нежели видѣли гробъ; что истинно было вознесеніе, исповѣдали прежде, нежели увидѣли гору масличную. Посему боящіяся Господа, хвалите Его въ тѣхъ

мѣстахъ, въ которыхъ находитесь. Ибо переменна мѣста не приближаетъ насъ къ Богу. Но гдѣ бы ты ни былъ, Господь придетъ къ тебѣ, если обитель души твоей окажется такою, чтобы Господь могъ вселиться въ тебѣ и ходить (Лев. 26, 12). А если внутренній твой человекъ полонъ лукавыхъ помысловъ, то хотя бы на горѣ масличной, хотя бы надъ памятникомъ воскресенія, ты далекъ отъ принятія Христа въ себя. Итакъ, совѣтую братіямъ изъ тѣла путешествовать ко Господу, а не изъ Каппадокіи въ Палестину» (Твор. 459 — 60). Наконецъ блж. Іеронимъ и св. Григорій въ своихъ описаніяхъ весьма ясно даютъ замѣчать, чтобы путешествующіе не воображали себѣ, что земля святая по имени есть святая и на дѣлѣ,—что много соблазновъ и грѣха и въ Палестинѣ, и что путешественникъ и здѣсь можетъ также впадать и самъ въ грѣхъ, какъ и дома. Іеронимъ говоритъ, что и въ Іерусалимѣ, «этомъ знатнѣйшемъ городѣ есть казармы, публичныя женщины, комедіанты, шуты и все, что обыкновенно бываетъ въ другихъ городахъ», и что не безопасно «оставлять родину, покидать города, считаться монахомъ и среди большого многолюдства жить совершенно также, какъ жилъ на родинѣ. Сюда стекаются со всего свѣта. Городъ наполненъ людьми всякаго рода, и бываетъ такое стѣсненіе обоюгаго пола, что чего въ другомъ мѣстѣ отчасти избѣгалъ, здѣсь все вынужденъ терпѣть» (II, 133—4). Въ томъ же родѣ пишетъ и Григорій. «Такъ какъ по обыкновенію для человека трудно наслаждаться какимъ нибудь благомъ безъ примѣси зла, то и у меня, по вкушеніи сладкаго (во св. землѣ), примѣшалось нѣкоторое ощущеніе горькаго, отъ чего послѣ пріятнаго наслажденія радостнымъ, снова возвращался я въ отечество опечаленнымъ, разсуждая, что справедливо слово Господне: весь «міръ во злѣ лежитъ» (1 Іоан. 5, 19). Поелику въ восточныхъ странахъ, на постоянныхъ дворяхъ, въ гостинницахъ и городахъ, много распущенности и повода ко грѣху, то какъ можетъ быть, чтобы уходя-

шаго въ дыму не стало рѣзать глаза? Гдѣ оскверняется слухъ, оскверняется и зрѣніе, тамъ оскверняется и сердце, принимая непотребное чрезъ зрѣніе и слухъ. Нѣтъ вида нечистоты, на который бы не дерзали живущіе во Іерусалимѣ; у нихъ и лукавство, и прелюбодѣянiя, и воровство, и идолослуженіе, и отравленіе, и зависть, и убійство; особенно между ними обыкновенно послѣдняго рода зло, такъ что нигдѣ нѣтъ такой готовности къ убійству какъ въ сихъ мѣстахъ. Еслибы бѣлая была благодать въ мѣстахъ іерусалимскихъ, то грѣхъ не водворился бы въ живущихъ тамъ» (Твор. 457—8, 462) *).

*) Принимая во вниманіе, что у бл. Іеронима есть мысли, которыми онъ поощряетъ путешествіе ко св. мѣстамъ, но также есть и такія мысли, которыя предостерегаютъ противъ путешествiя сюда, какъ сейчасъ приведенныя, *Августинъ* (X, 126—8), считаетъ Іеронима за противника путешествiй, находя, что въ послѣдняго рода мысляхъ онъ высказываетъ свой истинный взглядъ на дѣло. Но намъ кажется, что съ одинаковою же и даже большею основательностію за выраженіе истиннаго взгляда учителя Церкви нужно почитать перваго рода мысли, какъ скоро мы знаемъ, что цѣлую часть своей жизни онъ провелъ въ странствованiи по св. мѣстамъ.—Съ гораздо большимъ правомъ тотъ же *Августинъ* считаетъ *Григорiя Нисскаго* противникомъ путешествiй во св. землю (X, 119—121). У него дѣйствительно встрѣчаются выраженiя рѣзкія, которыя легко истолковывать въ духѣ неблагопріятномъ для странничества въ св. землю. Но чтобы судить правильно объ истинныхъ взглядахъ св. отца, нужно принимать во вниманіе слѣдующія обстоятельства: 1) самъ онъ почитаетъ себя счастливымъ и исполненнымъ радости, что онъ посѣтилъ „спасительные слѣды Бога“ (см. выше); 2) справедливо думаютъ, что *Григорiй* удерживаетъ отъ путешествiй не всѣхъ христіанъ, а *монаховъ*, ибо онъ говоритъ: „поелику есть люди изъ избравшихъ *иноческую* и *отшельническую* жизнь, которые счптаютъ дѣломъ благочестiя посѣтить мѣста Іерусалимскiя, въ которыхъ видны иамятники пребыванiя во плоти Господа, то хорошо было бы имъ смотрѣть на правiло, и если требуетъ этого руководство заповѣдей, то дѣлать это дѣло, какъ повелѣніе Господне. Если же нѣтъ этого въ заповѣдяхъ Владыки, то не знаю, гдѣ бы заповѣдано было желать дѣлать что-либо, ставя самого себя закономъ въ выборѣ добраго. Тамъ, гдѣ Господь призываетъ бла-

Четвертый и пятый вѣка христіанской церкви представляютъ собой явленіе замѣчательное въ исторіи путешествій ко св. мѣстамъ. Въ это время, путешествуютъ лица знаменитѣйшія въ исторіи церкви; путешествія предпринимаются вслѣдствіе побужденій, заслуживающихъ похвалу; сколько мудрыхъ и прекрасныхъ мыслей касательно путешествій во св. мѣста высказывается великими учителями церкви! Въ этомъ отношеніи послѣдующіе вѣка древней церкви не могутъ имѣть сравненія съ вѣками IV и V-мъ. Тѣмъ не менѣе и слѣдующія за V вѣкомъ столѣтія древней церкви въ исторіи путешествій во св. землю. представляютъ не мало любопытнаго, заслуживающаго вниманія въ глазахъ современнаго намъ христіанина

гословенныхъ къ наслѣдію царства небснаго, путешествіе въ Іерусалимъ Онъ не поставилъ въ числѣ добрыхъ дѣлъ. Имѣющей же умъ пусть размыслитъ, зачѣмъ стараться дѣлать то, что не дѣлаетъ ни блаженнымъ, ни къ царствію небесному близкимъ? Но это дѣло, по тщательномъ размышленіи, оказывается приносящимъ и вредъ душевный избравшимъ *строгую* жизнь“ (Твор. 455—6). 3) Изъ лицъ монашескаго чина, или пожалуй изъ числа вообще христіанъ, св. отецъ предостерегаетъ отъ путешествій, какъ могущихъ приносить „душевный вредъ“—въ особенности женщинъ, какъ имѣющихъ нужду въ проводникѣ—мужчинѣ, по, какъ справедливо замѣчаетъ Григорій, „ввѣряетъ ли себя (путешественница) чужему или своему, знакомому или наемнику—все не сохраняетъ закона цѣломудрія, неизбѣжно нареканіе“ (стр. 457). 4) На Григорія произвела Палестина тяжелое впечатлѣніе въ особенности потому, что нашелъ онъ здѣсь много еретиковъ. Одни изъ нихъ были такъ горды и надменны, что съ презрѣніемъ смотрѣли на православныхъ; они, по словамъ его, какъбы такъ провозглашали: „дальше отъ насъ, не приближайтесь къ намъ, мы чистые“ (стр. 465). Другіе изъ еретиковъ распространяли здѣсь вздорныя лжеученія, называли „Богородицу челоуѣкородицею“, учили „о трехъ воскресеніяхъ“, возвѣщали „тысячелѣтнее объяденіе“ (хиліасты), проповѣдывали „о возстановленіи іудейскаго обрядоваго закона, мечтали о томъ, что будетъ построенъ какой-то новый Іерусалимъ (для спасенныхъ) „изъ вещества болѣе прекраснаго, чѣмъ камни“. Вслѣдствіе всего этого, св. отецъ „чувствовалъ *раздраженіе* и скорбь въ сердцѣ отъ такихъ неспра-

Изученіе исторіи путешествій во св. землю послѣ V-го вѣка древней церкви затруднительно. Мы не такъ много знаемъ эту исторію, какъ бы желательно было. Историкъ не богатъ документами *). Но все же изложеніе этой исторіи весьма возможно.

Недолго св. земля оставалась въ рукахъ христіанскаго правительства. Въ началѣ VII вѣка Палестина была завоевана Сарацинами-магометанами, подъ владычествомъ которыхъ она оставалась во все время древней церкви. Безъ сомнѣнія, на первыхъ порахъ этого владычества христіане опасались пускаться въ путешествіе ко свят. мѣстамъ, находившимся въ рукахъ невѣрныхъ. Быть можетъ этимъ объясняется то обстоятельство, что мы такъ

ведливостей“ (стр. 470—71). *Августин* даже св. Златоуста выставляетъ противникомъ путешествій ко св. мѣстамъ вообще. Въ доказательство *Августин* приводитъ слѣд. слова изъ *бесѣды* Златоуста къ *антіохійскому народу*: „Адамъ былъ въ раю и палъ, потому что сдѣлался безпечнымъ; Іовъ сидѣлъ на гноищѣ и побѣдилъ, потому что былъ блителенъ. Во сколько разъ рай лучше гноища? Однакожь *своѣтство мѣста* не помогло обитателю, когда онъ самъ предалъ себя, точно также какъ и нечистота мѣста не повредила“ Іову. (рус. пер. т. 1, 291). Допустимъ, что будто здѣсь говоритъ св. отецъ противъ путешествій; но какъ въ такомъ случаѣ понимать слѣд. слова его о томъ же Іовѣ: „отъ воззрѣнія на гноище Іова каждый получитъ *великую пользу*, великое вразумленіе въ терпѣніи. Поэтому *многіе нынѣ* предпринимаютъ *дальній* и морской путь и со *всѣхъ концовъ* земли текутъ въ Аравію, чтобы увидѣть это гноище и облобызать землю“ и пр. (тамъ же, стр. 297)? *Августин* въ доказательство той же своей мысли приводитъ еще слѣд. изреченіе св. отца изъ *бесѣды* къ *Антіохійскому народу* (стр. 124): „Не нужно переплывать моря, не нужно пускаться въ дальній путь; каждый и каждая пусть приходятъ въ церковь или въ домъ призываютъ Бога“ (стр. 251). Но достаточно прочесть это мѣсто въ контекстѣ, чтобы убѣдиться въ неправомерности выводовъ, какіе дѣлаетъ *Августин*. Златоустый развиваетъ мысль, что молитва „цѣлой Церкви“ больше имѣетъ значенія чѣмъ молитва отдѣльныхъ лицъ, хоть бы то были благочестивые путешественники, предпринимавшіе трудный и опасный путь. Эта мысль, конечно, совершенно вѣрная.

*) Augusti (ibid). S. 131.

мало знаемъ о путешествіяхъ во св. землю изъ VII вѣка. Но вскорѣ оказалось, что опасенія и страхъ иновѣрнаго господства въ Палестинѣ — безосновательны. Магометане-Сарадины по весьма важнымъ причинамъ нисколько не думали стѣснять путешественниковъ - христіанъ; напротивъ, они даже благосклонно смотрѣли на подобное дѣло. У самихъ магометанъ составляло религіозный законъ—путешествіе ко св. мѣстамъ: что считали они дѣломъ святымъ для себя, въ томъ они не могли отказывать и христіанамъ. Притомъ же, такія мѣста какъ Іерусалимъ, предметъ глубокаго религіознаго почитанія христіанъ, были также священными и достойными почитанія и въ глазахъ Сарадинъ-магометанъ. Къ этому присоединялись и расчеты экономическіе со стороны новыхъ властителей Палестины. Путешественники не мало золота оставляли въ Палестинѣ, будь то въ качествѣ различныхъ милостынь въ пользу церквей, будь то въ качествѣ платы за позволеніе осмотрѣть ту или другую святыню, находящуюся въ рукахъ невѣрныхъ, будь то въ качествѣ простыхъ издержекъ на прожитокъ: все это побуждало магометанъ не препятствовать христіанамъ посѣщать св. мѣста Палестины.

И вотъ мы видимъ, что путешествія во св. землю не прекращаются и съ VII-го вѣка, какъ они не рѣдки были и до времени магометанства въ Палестинѣ,—въ VI вѣкѣ *). Даже, кажется, число путешественниковъ во св. землю во времена господства Сарадинъ умножилось. Трудности и опасности путешествія (столковенія съ иновѣрными у путешественниковъ бывали, и бывали нерѣдко, по крайней мѣрѣ въ частныхъ случаяхъ) дѣлали этотъ подвигъ еще привлекательнѣе, еще цѣннѣе въ глазахъ христіанъ. Тотъ, кто совершилъ это путешествіе, смотрѣлъ на себя, какъ на своего рода героя **).

*) Augusti. S. 132—4. О путешествіяхъ въ VI вѣкѣ говоритъ св. Григорій Двоесловъ, папа римскій: Binterim (см. выше), S. 626.

**) Augusti. S. 139.

чаемъ множество путешественниковъ между князьями, вельможами, священниками, монахами и простыми мірянами *). Къ сожалѣнію, побужденія къ путешествіямъ значительно измѣняютъ свой характеръ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Теперь многіе путешествуютъ по принужденію, тогда какъ прежде путешествовали по своей доброй волѣ. Прежде устремлялись въ св. землю лица, которыхъ побуждали къ этому благочестіе и жажда видѣть и лобызать мѣста ознаменованныя великими событіями въ исторіи христіанской религіи; теперь нерѣдко можно встрѣчать въ числѣ путешественниковъ тяжкихъ грѣшниковъ, которыхъ заставила путешествовать духовная власть. Въ особенности такіе великіе грѣхи, какъ предумышленное убійство, содомія и купля за деньги священныхъ должностей или симонія — искупались со времени VIII вѣка путешествіемъ ко св. мѣстамъ. Самые вельможи, если духовникъ находилъ совѣсть ихъ отягченною тяжкими грѣхами, и тѣ должны были покорно слушать голосъ своего духовника и идти въ Іерусалимъ замаливать грѣхи. Такіе путешественники, случалось нерѣдко, вмѣсто того, чтобы очистить свою душу подвигомъ, празное время во время пути употребляли на худыя и безнравственныя дѣла **).

Въ нашихъ рукахъ находится сборникъ путешествій ***), въ которомъ между прочимъ встрѣчается описаніе нѣкоторыхъ путешествій, имѣвшихъ мѣсто въ VIII и XI вѣкахъ. Здѣсь изображено много любопытнаго, достойнаго вниманія тѣхъ, кто интересуется исторіей путешествій во св. землю въ древнія времена. Разумѣемъ описаніе путешествія западнаго святаго Виллибальда со спутниками ****)

*) Augusti. S 138.

**) Binterim. S. 628—630.

***) Descriptiones Terrae Sanctae ex seculo VIII, IX, XII et XV. Von Tobler. Leipz. 1874.

****) Виллибальдъ былъ родомъ изъ Англіи, монахъ, впоследствии епископъ въ Германіи. Всего въ путешествіи во св. землю онъ про-

(нач. VIII-го вѣка) и «Путевыя записки» (itinerarium) монаха изъ Франціи Бернарда *) (XI вѣка). Принимая на себя пересказъ описанія путешествія перваго лица и изложеніе содержанія «Путевыхъ записокъ» втораго, мы постараемся передать главное ихъ содержаніе, поскольку въ этихъ разсказахъ выражается наблюдательность и религіозная любознательность путешественниковъ, но достовѣрность свѣдѣній оставляемъ на отвѣтственности самихъ повѣствователей, такъ какъ провѣрить разсказанное ими не видимъ возможности.

Виллибальдъ и его спутники, двинувшись изъ Англіи, чрезъ Галлію, Италію, Сицилію и островъ Кипръ, достигли Малой Азіи. При разсказѣ о путешествіи ихъ чрезъ Ефесъ на югъ встрѣчается упоминаніе о тѣхъ лишеніяхъ, какимъ подвергались путешественники. Пришедши въ городъ Фигилу, они выпросили себѣ хлѣба, пошли къ источнику, который находился среди города, сѣли на краю его, размочили хлѣбъ въ водѣ и такимъ образомъ утолили свой голодъ. Подвигаясь далѣе къ Палестинѣ, они нерѣдко чувствовали полнѣйшій недостатокъ въ хлѣбѣ, такъ что по временамъ они считали себя близкими къ смерти отъ безкормицы. Въ городѣ Емиссѣ случилось съ ними приключеніе очень непріятнаго свойства. Когда они пришли въ этотъ городъ, Сарацины заподозрили въ нихъ шпионовъ, представили ихъ правителю страны, который, нимало не внемля ихъ объясненіямъ, приказалъ ихъ посадить въ тюрьму, пока окончательно не выяснит-

былъ 4 года,—время весьма достаточное для обстоятельнаго изученія Палестины. Путешествіе Виллибальда описано въ двухъ редакціяхъ: одна изъ нихъ подробная, другая краткая. Первая составлена монахиней, родственницей Виллибальда, какъ думаютъ, подъ диктовку самого путешественника; другая—какимъ-то діакономъ, на основаніи разсказовъ самого путешественника (Tobler, p. 282—3. 298. 302—5. 348). Въ своемъ очеркѣ мы соединимъ эти два разсказа въ одинъ, во избѣжаніе повтореній.

*) Онъ путешествовалъ около 865 года (p. 393).

ся, кто они и зачѣмъ идутъ. Положеніе ихъ въ тюрьмѣ было бы очень печальнымъ, еслибы не нашелся какой-то благодѣтельный купецъ, который, хотя и не могъ избавить ихъ отъ тюрьмы, однакожъ нашелъ возможнымъ — доставлять узникамъ обѣдъ и ужинъ, водить ихъ въ баню, разумѣется, съ разрѣшенія властей, бывать по праздникамъ въ храмъ Божию. Быть можетъ, долго бы продолжалось ихъ темничное заключеніе, еслибъ не прибылъ въ городъ какой-то человѣкъ родомъ изъ Испаніи. Онъ принялъ участіе въ заключенникахъ, узнавъ отъ нихъ, кто они и куда идутъ, доложилъ обо всемъ этомъ правителю страны, послѣ чего послѣдній, распросивъ ихъ еще разъ о цѣли ихъ путешествія, освободилъ ихъ, сказавъ: «они не имѣютъ грѣха противъ насъ». Послѣ этого путники благополучно прибыли въ Палестину. Здѣсь они прежде другихъ мѣстъ посѣтили Кану Галилейскую. Въ Канѣ привлекъ ихъ вниманіе храмъ, а въ храмѣ престолъ, устроенный на шести кувшинахъ, въ которыхъ Господь на бракѣ въ Канѣ превратилъ воду въ вино *). Были они также въ Вивсаидѣ, откуда были родомъ апостолы Петръ и Андрей. Здѣсь устроена была церковь въ домѣ, который прежде принадлежалъ этимъ апостоламъ. По дорогѣ въ Іерусалимъ Виллибальдъ и его спутники (съ Виллибальдомъ ихъ было 8 человѣкъ) побывали на Іорданѣ. Здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ крестился Христосъ, была устроена церковь на каменныхъ столбахъ, а подъ церковію была сухая земля на томъ мѣстѣ (?), гдѣ нѣкогда произошло крещеніе Спасителя. Тамъ, гдѣ теперь (въ VIII в.) происходило крещеніе (вѣроятно оглашенныхъ), стоитъ на Іорданѣ деревянный крестъ и не много воды; съ одного берега Іордана до другаго протянута была ве-

*) Издатель нашего сборника замѣчаетъ, что кувшины, какіе употреблялись въ Палестинѣ, весьма могли, вслѣдствіе своего устройства, быть употреблены и для той цѣли, о какой передаютъ путешественники (р. 330).

ревка. Это для того, чтобы слабые и больные, приходившіе сюда въ праздникъ Богоявленія, могли держась за веревку погружаться въ воду. Женщины, страдавшія безплодіемъ, по разсказу путешественниковъ, погружаясь въ воды Иордана, получали милость отъ Господа (то-есть начинали раждать). Простирались путники къ Іерихону и здѣсь видѣли источникъ Елисея; но разсказъ, какой они слышали объ этомъ источникѣ, нѣсколько отличенъ отъ разсказа Бордосскаго пилигрима (онъ переданъ былъ выше). Этотъ источникъ, слышали они, сначала лишенъ былъ живительной силы для растительности, и потому былъ бесполезенъ людямъ, пока не пришелъ пророкъ Елисей и не освятилъ его. Послѣ этого жители города провели струи его на свои поля, въ сады и вообще всюду, гдѣ необходима вода, и все, что орошалось этимъ источникомъ, хорошо росло и было здорово, по причинѣ благословенія Елисея (р. 20—29). Наконецъ путешественники прибыли во свят. градъ Іерусалимъ. Здѣсь они прежде всего посѣтили то мѣсто, гдѣ обрѣтенъ былъ крестъ Господень. На этомъ мѣстѣ, которое называлось лобнымъ, находилась церковь. Мѣсто это прежде находилось за чертой города, но потомъ Елена, обрѣтши крестъ, включила его въ составъ городской площади. Въ то время у восточной стороны храма стояло три деревянныхъ креста въ память св. креста Господня и двухъ разбойниковъ, которые распяты были со Христомъ. Эти кресты находились не въ храмѣ, но внѣ его, впрочемъ подъ кровлей. Здѣсь находился и тотъ садъ, въ коемъ былъ гробъ Спасителя. Этотъ гробъ высѣченъ былъ въ скалѣ, и эта скала была на поверхности земли, была квадратна и хорошо выровнена. Наверху гробницы водруженъ былъ крестъ и на ней же построено красивое зданіе (*domus*); на восточной сторонѣ былъ сдѣланъ входъ въ скалу гроба, чрезъ который проникали молящіеся внутрь скалы. Внутри гроба можно было видѣть возвышеніе, на которомъ лежало тѣло Господне; на этомъ возвышеніи стояло пят-

надцать золотыхъ лампадъ съ елеемъ, горѣвшихъ днемъ и ночью. Указанное возвышеніе лежало на сѣверной части пещеры гроба. Предъ дверью гробницы лежалъ большой квадратный камень по подобію прежняго камня, который ангель отвалилъ отъ дверей гроба. Описатель путешествія Виллибальда замѣчаетъ, съ какимъ благоговѣніемъ этотъ путешественникъ посѣтилъ святыни Іерусалима. «Какому мѣсту чудесъ или какихъ другихъ дѣлъ Господа не воздалъ онъ цѣлованія? Какой алтарь не оросилъ онъ слезами? Съ какимъ набожнымъ чувствомъ повергался онъ предъ крестомъ Господнимъ, на которомъ Онъ распялся за міръ? Какой источникъ слезъ изливался на тотъ камень, который ангель отвалилъ отъ дверей гроба?» (р. 29. 30. Cf. 65. 66). Предъ вратами города возвышалась великая колонна съ крестомъ наверху; она поставлена была въ воспоминаніе о томъ, какъ Іудеи хотѣли похитить тѣло св. Дѣвы Маріи. Когда скончалась Дѣва Марія, и одиннадцать апостоловъ выносили тѣло ея изъ Іерусалима, то лишь только они подошли къ городскимъ воротамъ, Іудеи захотѣли отнять его у апостоловъ. Но дерзновенные мгновенно сдѣлались недвижимы, пока по молитвамъ апостоловъ не получили прощенія отъ Бога (р. 31. 32). Путешественники ходили въ долину Іосафатову, на восточной сторонѣ отъ Іерусалима. Въ долину находилась церковь св. Дѣвы Маріи, а въ церкви гробница ея, не потому,—прибавляется въ описаніи,— что здѣсь погребено было тѣло ея, а въ память ея. То ли здѣсь нужно разумѣть, говорится въ документѣ, что дѣйствительно на этомъ мѣстѣ апостолы погребли тѣло Богоматери, или то, что они только намѣревались погребать его тутъ и для сего вырыли уже и могилу, но тѣло ея исхищено изъ рукъ живыхъ людей,—или же оно, хотя и было погребено тутъ, но потомъ взято и перенесено отсюда, или же Богоматерь получивши истинное безсмертіе, воскресла,—этотъ вопросъ лучше оставить подъ сомнѣніемъ, чѣмъ утверждать что либо апокрифическое, т.-е.

недостовѣрное (р. 32, Сф. 66) *). Были путники на горѣ Елеонской, столь извѣстной въ исторіи Евангельской. Здѣсь была церковь, а въ церкви, въ срединѣ ея находился изваянный изъ мѣди, красивый, квадратный монументъ, поставленный на томъ самомъ мѣстѣ, съ котораго вознесся Господь. Посрединѣ монумента находилась четвероугольная сткляница, а въ самой сткляницѣ маленькая свѣчка. Эта свѣчка была закрыта со всѣхъ сторонъ указанной сткляницей, такъ что она могла всегда горѣть не только въ то время, когда свѣтитъ солнце, но и во время дождя, несмотря на то, что храмъ былъ открытъ сверху, былъ безъ кровли. Въ храмѣ, кромѣ того, обращали на себя вниманіе двѣ колонны, одна близъ сѣверной, другая близъ южной стѣны. Онѣ поставлены были въ память тѣхъ двухъ мужей, которые говорили: «мужіе галилейстіи, что стоите, зряще на небо»? Затѣмъ разкащикъ дѣлаетъ слѣдующее странное замѣчаніе: и человекъ, который съумѣетъ пролѣзть между стѣной и колоннами, становится свободнымъ отъ грѣховъ своихъ (р. 33). Побывали путники и въ Виелеемѣ, гдѣ «позна волю стяжавшаго его и осель ясли Господина своего» (Иса. 1, 3). Здѣсь они дивились на колодезь, поверхность котораго отъ одного края до другаго изображала собой фигуру звѣзды, которая, по Рождествѣ Господа, явилась волхвамъ и привела ихъ въ Виелеемъ. Ходили они въ мѣстечко Фекуа, гдѣ Наанайлъ былъ скрытъ своею матерью во время избіенія младенцевъ, совершеннаго Иродомъ, подъ смоковницею, о чемъ Христосъ сказалъ: «видѣхъ ты подъ смоковницею суща» (р. 67. 68). Повѣствователи рассказываютъ,

*) Издатель въ этому мѣсту изъ описанія путешествія Виллибальда, гдѣ говорится о гробницѣ св. Марин, дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Арнульфъ пишетъ: „въ этой гробницѣ Она дѣйствительно была погребена нѣкогда, но какимъ образомъ, въ какое время и кѣмъ тѣло Богородицы было перенесено отсюда и въ какомъ мѣстѣ ожидается воскресенія, никто, какъ говоритъ Бл. Іеронимъ, не знаетъ ничего вѣрнаго“ (р. 335).

что когда Виллибальдъ былъ въ Газѣ, въ церкви св. Матѳея и совершалъ здѣсь литургію, вдругъ онъ ослѣпъ и оставался слѣпымъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ до того времени, пока онъ не посѣтилъ снова Іерусалимъ, гдѣ при крестѣ Христовомъ, чудесно обрѣтенномъ нѣкогда, опять открылись очи его и онъ прозрѣлъ (р. 35. 36). Близъ Еммауса путешественникамъ показывали источникъ, въ которомъ Христосъ, когда ходилъ съ учениками по Іудеѣ, однажды вымылъ Себѣ ноги, отчего вода этого источника сдѣлалась цѣльбоносною: она служитъ какъ во здравіе людямъ, такъ врачуетъ и больной скоть, пьющей ее (р. 69). Когда путешественники возвращались, по совершеніи своего подвига, обратно изъ Палестины, съ ними случилось приключеніе, угрожавшее имъ большою опасностію. Будучи въ долину Ездrelонской, они пришли въ масличный большой садъ; съ ними ѣхалъ и какой-то ефіопъ. Когда они подвигались впередъ, вдругъ выскочилъ левъ съ открытою пастью, съ страшнымъ рычаніемъ. Путники испугались, но ефіопъ сказалъ имъ: «не бойтесь, а идите прямо». Они такъ и сдѣлали, и что же? Кровожадный звѣрь своротилъ въ сторону и очистилъ имъ дорогу. Потомъ они узнали, что левъ, котораго они такъ счастливо избѣгли, пожралъ многихъ, собиравшихъ плоды съ оливковыхъ деревьевъ (р. 39).

Въ срединѣ IX-го вѣка путешествовалъ въ св. землю французскій монахъ Бернардъ съ другими двумя спутниками, тоже монахами изъ Испаніи и Италіи. Какъ и Виллибальдъ, Бернардъ держалъ путь чрезъ Италію, но дальше онъ выбираетъ другой путь по сравненію съ Виллибальдомъ. Онъ переправляется не чрезъ о. Кипръ и Малую Азію, а чрезъ Египетъ. Въ Египтѣ повстрѣчалось съ нимъ весьма непріятное приключеніе, очень сходное съ тѣмъ, какое было съ Виллибальдомъ въ Емиссѣ: когда Бернардъ прибылъ въ Вавилонію (т.-е. Каиръ), то онъ вдругъ былъ схваченъ и брошенъ въ тюрьму, гдѣ онъ томился шесть дней, и не прежде былъ освобожденъ, какъ

когда онъ сдѣлалъ денежный подарокъ правителю страны. Египеть въ это время былъ также подъ владычествомъ магометанъ (р. 88. 89). Послѣ этого приключенія Бернардь и его спутники благополучно прибыли во св. градъ. Въ Иерусалимѣ они остановились въ прекрасной гостинницѣ, устроенной по повелѣнію западнаго императора Карла великаго для путешественниковъ, говорившихъ латинскимъ языкомъ. При гостинницѣ была церковь въ честь св. Дѣвы Маріи, и замѣчательная бібліотека; къ гостинницѣ приписаны были поля, виноградники и садъ въ долинѣ Иосафатовой. Бернардь, едва ли не первый изъ древнихъ путешественниковъ, сообщаетъ свѣдѣнія о схожденіи святаго огня въ день пасхи на гробѣ Господнемъ. Онъ говоритъ: съ наступленіемъ вечера въ великую субботу начинается богослуженіе при гробѣ Господнемъ и по окончаніи его поется: «Господи помилуй» до тѣхъ поръ, пока не сойдетъ ангелъ и не возжетъ огня въ тѣхъ лампадахъ, которыя висятъ надъ гробомъ Господнимъ. Патріархъ раздаетъ этотъ огонь епископамъ и народу въ церкви, чтобы каждый могъ возжечь его и въ своихъ домахъ. Кромѣ того, Бернардь видѣлъ въ Иерусалимѣ какое-то особенное мѣсто, которое называлось: рай. Оно находилось между четырьмя церквами устроенными на Голгоѣѣ. «Рай» былъ безъ кровли, стѣны его блистали золотомъ, полъ въ немъ сдѣланъ былъ изъ драгоценнаго камня; въ срединѣ «рая» сходились четыре цѣпи, протянутыя отъ четырехъ церквей; въ этомъ послѣднемъ мѣстѣ, говорили Бернаруду, находится центръ земли. Бернардь видѣлъ въ Иерусалимѣ еще слѣдующіе храмы: храмъ святаго Сіона, гдѣ Господь умылъ ноги своимъ ученикамъ; здѣсь висѣлъ терновый вѣнецъ Господа, — храмъ построенный на мѣстѣ, гдѣ убитъ былъ первомученикъ Стефанъ, — храмъ въ честь св. Петра, построенный на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ отрекся отъ Христа (р. 91. 92. 93). Въ Иерусалимѣ Бернардь осматривалъ въ долинѣ Иосафатовой селеніе Геосиманію, гдѣ обратила его вниманіе

церковь, круглая, въ честь Богородицы; въ этой церкви ему показывали гробницу Богородицы, которая по разсказу Бернарда, хотя не имѣла крыши, но весьма мало страдала отъ дождей. Въ Геесиманіи онъ видѣлъ мраморныя квадратныя камни такой прозрачности, что въ нихъ какъ въ зеркалѣ челоуѣкъ могъ созерцать все, что хочетъ (р. 94. 99). Былъ онъ и на горѣ Масличной. Рядомъ съ этой горой показывали ему мѣсто, на которомъ фарисеи привели къ Иисусу жену, ятую въ прелюбодѣянїи. Здѣсь устроена была церковь въ честь св. Іоанна, а въ этой церкви сохраняются на мраморномъ камнѣ письма, какія писалъ Господь на землѣ при вышеуказанномъ случаѣ. На самой горѣ Масличной Бернардъ видѣлъ круглую церковь безъ крыши, а въ срединѣ ея алтарь на мѣстѣ вознесенія Господня. Былъ онъ и въ Виванїи, гдѣ показывали ему гробницу Лазаря; близъ этой гробницы находился водоемъ, о которомъ разсказывали, что въ немъ Господь повелѣлъ омыться воскресшему Лазарю. При спускѣ съ горы Масличной, на западъ, онъ видѣлъ мраморный камень, на который ступилъ Господь, когда возсѣлъ на жребя, сына подъяремника. Въ Виведемѣ ему показывали поле, которое воздѣлывалъ пророкъ Аввакумъ, когда ангелъ повелѣлъ ему нести пищу Давїилу въ Вавилонъ, на югъ, гдѣ царствовалъ Навуходоносоръ (?); тамъ во времена Бернарда было очень много змѣй и дикихъ звѣрей. Въ Виведемѣ самомъ онъ видѣлъ церковь въ честь св. Дѣвы Марїи, и въ срединѣ церкви пещеру, закрытую камнемъ; въ пещерѣ показывали «ясли Господня», и на томъ мѣстѣ, гдѣ Христосъ младенчески плакалъ, устроенъ алтарь. Въ Виведемѣ была и еще церковь въ честь невинныхъ младенцевъ избѣнныхъ Иродомъ (р. 94—96). Въ заключеніе своихъ «путевыхъ записокъ» Бернардъ разсказываетъ о слѣдующемъ прекрасномъ обычаѣ, который, по его словамъ, соблюдался въ Египтѣ и въ Іерусалимѣ: Сарацины и христіане заключили между собой условіе, что если у какого либо путешественника

во время пути падеть верблюдь или осель, везущій пожитки путешественника, то никто не долженъ касаться этого имущества; вслѣдствіе чего путешественникъ, потерявшій верблюда или осла, могъ безъ опасеній за свое достояніе, оставить оное на пути, идти въ какой нибудь городъ за новымъ вьючнымъ животнымъ въ полной надеждѣ, что изъ его имущества ничто не пропадетъ. А для того, чтобы строже соблюдался этотъ обычай, жителями принято было за правило: всякаго бродягу, шатающагося днемъ или ночью по дорогамъ безъ письменнаго вида, удостовѣряющаго его личность, забирать въ тюрьму, пока не разъяснится, кто—онъ. Этимъ же путемъ достигали и другой цѣли: ловили лазутчиковъ (р. 98—99).

Въ послѣдующіе вѣка,—X и XI, — путешествія къ св. мѣстамъ Палестины не только не ослабѣваютъ, но и приобрѣтаютъ особенную силу. Многіе изъ христіанъ ожидали, что съ окончаніемъ тысячелѣтія христіанской эры наступитъ конецъ міру, явится антихристъ, произойдетъ страшный судъ. Въ виду этого многіе въ концѣ X-го вѣка устремились въ Іерусалимъ, чтобы въ тамошнихъ святыхъ почерпнуть крѣпость въ борьбѣ съ антихристомъ и достойно приготовить себя ко встрѣчѣ страшнаго суда. Когда же конецъ X-го вѣка не оправдалъ этихъ мечтаній, тоже самое стали думать о концѣ XI-го вѣка. И вотъ стремленіе путешествовать во св. землю обращается въ какую-то болѣзнь, страсть. Начинаютъ путешествовать короли, князья, архіепископы, епископы, вельможи и лица нисшихъ классовъ. Въ числѣ путешественниковъ встрѣчается множество женщинъ благородныхъ и иныхъ сословій,—женщинъ, чѣмъ доселѣ было мало въ обычай. Путешественники иногда составляютъ массы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ *). Такъ, число путешествен-

*) Эти и послѣдующія замѣчанія заимствуемъ изъ сочин. Августи: *Denkwürdigkeiten aus d. Christl. Archeologie*, B. X, S. 139—144.

никовъ, собравшихся и отправившихся въ Палестину въ 1064 году, во главѣ которыхъ стояли архіепископъ Майнскій Зигфридъ и еще множество епископовъ, простиралось до семи тысячъ человѣкъ. Путешествіе къ св. мѣстамъ замѣтно теряетъ тѣ достоинства, какими оно отличалось прежде: хорошей обычай извращается, и выражается. Сейчасъ упомянутые путешественники совершаютъ свой путь среди роскоши и богатства. Эта громадная масса однакоже совершаетъ свой путь безо всякаго оружія въ надеждѣ, что Богъ будетъ заступникомъ за благочестивыхъ, какими они себя считали, путешественниковъ. Но въ этомъ они обманулись, какъ и всегда человѣкъ обманывается въ суетныхъ надеждахъ. Роскошь и богатство путешественниковъ привлекли вниманіе Арабовъ; и эти путешественники, не достигши еще Іерусалима, были перебиты и ограблены. Изъ всей массы едва ли двѣ тысячи благополучно вернулись во свояси. Теперь начинаютъ путешествовать съ тѣмъ, чтобы удостоиться смерти въ Іерусалимѣ. Многіе полагаютъ, что они тѣмъ отверзнутъ себѣ райскія двери, если найдутъ смерть во св. землѣ. Нѣкто Летбальдъ, родомъ изъ Бургундіи, прибывъ во св. землю, отправляется на гору Елеонскую и здѣсь проситъ Бога о томъ, чтобы Онъ удостоилъ его умереть въ св. землѣ, если только этотъ годъ по Божіей волѣ назначенъ сдѣлаться годомъ его смерти. Теперь входитъ въ силу, похвальный впрочемъ, обычай, привозить изъ Палестины и беречь какую нибудь святыню. Такъ епископъ Орлеанскій Одольрихъ покупаетъ у Іерусалимскаго патріарха одну изъ лампадъ съ огнемъ, какія теплились на св. гробѣ, и бережно везетъ ее въ зажженномъ видѣ въ свое отечество, гдѣ и вѣшаетъ ее въ одномъ изъ храмовъ въ Орлеанѣ. У иныхъ путешественниковъ странничество принимаетъ видъ своеобразный до странности. Выдумали особое платье для путешествій къ св. мѣстамъ, платье, которое бы показывало ихъ кающи-

мися грѣшниками; въ руки брали бичъ, — вѣроятно, въ ознаменованіе того, что принятый ими подвигъ есть своего рода самобичеваніе; нерѣдко шли босыми ногами. Послѣднюю крайность въ путешествіяхъ описываемаго времени составляетъ то, что нѣкоторые шли такимъ образомъ: три шага сдѣлаютъ впередъ да шагъ назадъ, чтобы такимъ способомъ удлинить путь и сдѣлать его болѣе угоднымъ Богу.

Въ своемъ очеркѣ мы подошли къ исторіи крестовыхъ походовъ. Это явленіе было своего рода путешествіями ко св. мѣстамъ. Но описаніе этого явленія не входитъ въ наши планы; да оно и не принадлежитъ къ исторіи древней церкви.

А. Лебедевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ДУХОВНИКЪ КІЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ, ІЕРОСХИ- МОНАХЪ АНТОНІВЪ. *)

У о. Антонія въ приѣмной его кельѣ, на столахъ и окнахъ, разложены были кипы печатныхъ на бумагѣ иконъ, духовныхъ книгъ и брошюръ, а въ ящикахъ исповѣдальнаго его столика насыпаны были мелкіе крестики и образки. Почти всякій изъ исповѣдавшихся у него получалъ или святое изображеніе на бумагѣ, или книгу, или крестикъ, или образокъ, на благословеніе отъ него. Святыя изображенія были имъ освящаемы по чину церковному; каждый листъ имѣлъ штемпель съ именемъ старца; для каждаго заранѣе приготовлена была имъ бумажная, имъ самимъ склеенная бандероль, и старецъ, благословивъ изображеніемъ, самъ собственноручно свертывалъ его въ трубку, надѣвалъ бандероль, и въ такомъ видѣ отдавалъ благословляемому. «Это мое утѣшеніе, говорилъ старецъ, и я радуюсь, что у насъ стали печатать теперь благообразныя и недорогія на бумагѣ изображенія, стоящія 3—5 копѣекъ въ общей покупкѣ, а ими не только мужичка, но и знатнаго барина благословить можно». — Не разъ доставалось мнѣ встрѣчать у дверей кельи старца бывшихъ у него на исповѣди простолюдиновъ поклонниковъ, съ бумажными трубочками въ рукахъ, которыя они какъ святыню съ благоговѣніемъ несли, и крестясь со слезами хвалились, что это ихъ батюшка схимникъ иконами благословилъ, — понесемъ домой въ наши избы дорогое его благословеніе и пока живы, будемъ его помнить и за него молиться. Не лишалъ и меня грѣшнаго старецъ Божій

*) Окончаніе см. мартовскую книжку.

своихъ благословеній, и они хранятся мною какъ завѣтная святыня. Впервые благословилъ онъ меня небольшою иконою моленія Спасителя о чашѣ, написанною на кускѣ масличнаго дерева, срубленнаго въ Геосиманскомъ саду въ Іерусалимѣ, на самомъ мѣстѣ предсмертной молитвы Спасителя. Когда батюшка былъ въ Іерусалимѣ, то приобрѣлъ нѣсколько кусковъ масличнаго дерева изъ Геосиманскаго сада; пріѣхавъ домой, распилилъ ихъ на тонкія пластинки, и по написаніи на нихъ изображенія моленія Спасителя о чашѣ, ими благословилъ близкихъ ему духовныхъ дѣтей, каковаго благословенія и я сподобился. Тогда же далъ онъ мнѣ и свой фотографическій портретъ, съ собственноручною надписью. Въ другой разъ благословилъ онъ меня овальнымъ перламутровымъ образкомъ, съ рѣзнымъ на немъ изображеніемъ Рождества Христова. Этимъ образкомъ благословилъ старца въ Палестинѣ Виелеемскій митрополитъ Агапій, въ самомъ вертепѣ Рождества Христова, гдѣ старецъ служилъ съ митрополитомъ литургію въ самый праздникъ Рождества Христова, о чемъ свидѣтельствуетъ греческая надпись митрополита Агапія на оборотѣ образка. Благословляя меня этимъ образкомъ, старецъ сказалъ: «дорогъ мнѣ этотъ образокъ; поэтому тебя имъ и благословляю, надѣясь, что ты его сохранишь съ благоговѣніемъ, и будешь помнить его для меня значеніе. Если же останется онъ при мнѣ, то по смерти моей Богъ вѣсть кому и въ какія руки онъ достанется». Тогда же старецъ далъ мнѣ продолговатый кусочекъ просфоры, говоря: «И это тебѣ отъ меня залогъ благословенія, въ память моихъ о тебѣ молитвъ предъ престоломъ Божиимъ. У насъ въ Лаврѣ обычай: служащимъ литургію даютъ послѣ причащенія св. Тайнами, каждому особо, стаканчикъ вина и часть просфоры. Эту часть я никогда всю не съѣдаю, а беру остатокъ ея въ келью, засушиваю, и кого изъ духовныхъ дѣтей моихъ особо люблю, тому отдаю ее, въ залогъ моихъ о немъ молитвъ». Имѣлъ я желаніе устроить въ сво-

емъ имѣннїи теплую домовую церковь, о чемъ совѣтовался съ старцемъ и просилъ его благословенїа себѣ на это дѣло. Старець вынесъ мнѣ шелковый воздухъ, и имъ благословилъ меня, говоря: «съ этимъ воздухомъ я литургисалъ въ Іерусалимѣ на гробѣ Господнемъ, и вотъ да будетъ онъ благословенїемъ отъ меня задуманному тобою Божию храму; поэтому, когда будетъ освященъ храмъ, то при первой литургїи употреби этотъ воздухъ моего благословенїа отъ святаго гроба Господня». Къ сожалѣнїю, устройство храма не состоялось по независящимъ отъ меня причинамъ, и воздухъ хранится у меня до времени, Богу извѣстнаго. Когда я жаловался старцу на свою неудачу, онъ совѣтовалъ взять терпѣнїе и уповать на Бога, у котораго все возможно. «Повѣрь мнѣ, говорилъ старецъ, воздухъ мой не останется у тебя безъ употребленїа, рано или поздно онъ окажется благопотребенъ, на мѣстѣ, гдѣ укажетъ Богъ». И я вѣрю этимъ словамъ старца. Въ свою очередь нерѣдко подносилъ я старцу святыхъ иконы, и онъ отъ меня всегда съ любовїю принималъ ихъ, другихъ же вещественныхъ подарковъ не принималъ. Когда я поднесъ ему новую схиму, въ замѣнъ его старенькой, сильно попошенной, то онъ не безъ огорченїа за это мнѣ выговаривалъ, и не безъ труда упрощалъ я его принять и носить мою схиму. Разъ поднесъ я ему икону Его мірскаго Ангела преподобнаго Александра Свирскаго чудотворца, съ серебряннымъ чеканнымъ вѣнцомъ. Икону старецъ принялъ съ любовїю и утѣшенїемъ, ибо не имѣлъ еще такой въ своей кельѣ, но вѣнецъ снялъ и обратно мнѣ отдалъ, говоря, что для схимника это лишнее. При этомъ вспомнилъ и рассказалъ мнѣ свое пѣшеходное путешествїе къ мощамъ преподобнаго Александра Свирскаго и на Валаамъ, къ его пещерной кельѣ и могилѣ, на святомъ островѣ. Это путешествїе совершилъ онъ еще послушникомъ изъ Оптиной пустыни. Вотъ нѣкоторыя подробности изъ его разсказа, каковыя сохранились въ моей памяти: «Давно хо-

тѣлось мнѣ поклониться святымъ мощамъ соименнаго мнѣ въ мірскомъ званіи моемъ угодника Божія, преподобнаго Александра Свирскаго чудотворца, говорилъ старецъ отецъ Антоній о своемъ путешествіи. Просился я не разъ у батюшки отца Леонида при его жизни, отпустить меня помолиться въ Свирскій монастырь; кстати хотѣлось повидать тамъ и могилку приснопамятнаго старца схимонаха Θεодора, спостника и духовнаго наставника самого отца Леонида, тамъ скончавшагося и погребеннаго. Но батюшка все отмалчивался и не благословилъ мнѣ странствовать туда при его жизни, и уже послѣ его кончины удалось мнѣ выпроситься у настоятеля — игумена Моисея, путешествовать въ Свирскій монастырь. Мнѣ хотѣлось повидать и Валаамъ, о которомъ слышалъ много хорошаго отъ отца Леонида. Пошелъ я пѣшкомъ, съ посохомъ и котомочкою, и съ пятью рублями въ карманѣ, которые далъ на дорогу братъ игумена Моисея, начальникъ Оптинскаго скита—отецъ Антоній. Сперва трудно было путешествовать съ непривычки, ноги натеръ до пузырей и ранъ, но потомъ попривыкъ. Тогда русскій народъ былъ попростѣе и по добрѣе,—ездѣ почти пускали ночевать даромъ; еще накормятъ и напоятъ, и на дорогу хлѣба дадутъ, а станешь деньги давать за ночлеги, обижаются и не берутъ. Въ монастыряхъ рѣдко останавливался, развѣ для поклоненія святынь. Былъ я въ Ниловой пустыни Тверской епархіи, на островѣ большаго озера Селигера, не вдалекѣ отъ уѣзднаго города Осташкова. Тамъ открыто почиваютъ св. мощи угодника Божія преподобнаго Нила Столобенскаго чудотворца. Мѣстоположеніе весьма пустынное, удобное для иноческаго житія. Служба церковная тамъ прѣдлжательна, и братія довольно ласкова, такъ что пробылъ тамъ три дня, отдохнуль отъ пути. Въ Великій Новгородъ направился, но тамъ мнѣ не все понравилось: церквей и монастырей много, но всѣ почти запущены, монастыри малолюдны, за то вездѣ древней святыни много, и ею услаждалось мое сердце. Съ

недѣлю провелъ я въ Новгородѣ; пріютилъ меня тамъ одинъ страннопріимецъ купецъ, старичекъ благочестивый, такой добрый, что и теперь его помню: кормилъ, поилъ, въ баньку сводилъ, бѣлье и одежду снабдилъ; еще на дорогу и деньги давалъ, но я не взялъ ихъ, ибо и своихъ, отцемъ Антоніемъ данныхъ, пяти рублей еще не потратилъ. Изъ Новгорода въ Тихвинъ пошелъ, поклониться Царицѣ небесной: и утѣшила же Она меня странника, благодатными чувствами отъ своего чудотворнаго образа. Тамъ въ церкви, гдѣ стоитъ чудотворная икона Богоматери, противъ самой иконы, есть окно; глядитъ оно на открытую паперть, и здѣсь завсегда почти можно встрѣтить богомольцевъ, молящихся чрезъ окно чудотворной иконѣ Богоматери. Тутъ впервые сподобился и я ей поклониться, и чуть завидѣлъ изъ-дали чрезъ окно чудотворную икону Владычицы, напала на меня радость и умиленіе, какихъ никогда ни прежде ни послѣ въ такой мѣрѣ не испытывалъ. Было это въ полдень; соборъ былъ запертъ, монахи отдыхали, да и подлѣ окна мало было народа, всего двѣ-три старушки поселанки, какъ оказалось потомъ, раскольницы, ибо раскольники окрестные тоже чтутъ Тихвинскую чудотворную икону Богоматери, и приходятъ на паперть къ окну этому ей молиться въ промежуткахъ между службами церковными, которыхъ они стараются избѣгать. Старухи видимо были недовольны моимъ приходомъ и дико на меня озирались, но я не обратилъ на нихъ вниманія, и въ чувствахъ глубокаго благоговѣнія, опустился на колѣна противъ окна, въ которомъ видна была чудотворная икона Владычицы, и началъ читать ей акаѳистъ въ полголоса. Читалось сладостно, сердце такъ и трепетало, готово было выскочить изъ груди, а слезы невольно выступали на глазахъ. Когда кончилъ чтеніе, смотрю—старухи тоже стоятъ за мною на колѣнахъ и молятся. Одна изъ нихъ подошла ко мнѣ и дала мѣдный пятакъ, говоря: «хоть и не изъ нашихъ ты, но больно хорошо

читаешь, такъ что слезы насъ прошибли, слушая твое чтеніе,—вотъ возьми себѣ на калачъ». Долго хранилъ я потомъ этотъ пятакъ, на память о тѣхъ духовно - сладостныхъ минутахъ, о которыхъ онъ мнѣ напоминалъ, и которыми утѣшила меня Царица небесная въ Тихвинѣ. Когда отперли соборъ къ вечернѣ, сподобился я помолиться и приложиться къ небоявленной Тихвинской Богоматерней иконѣ. Она довольно большаго размѣра, но темна въ ликахъ, богато украшена золотою ризою съ драгоценными камнями. Въ Тихвинскомъ большомъ монастырѣ пробылъ я два дня. Братія тамъ непривѣтлива, служба церковная правится не безъ пропусковъ и вообще мнѣ тамъ не очень приглянулось. Одинъ благодатный ликъ Царицы небесной привлекалъ меня, и невольно пожалѣлъ я, что при немъ братія не пустынная, а городская. Ходилъ и въ ближайшіе къ Тихвину монастыри,—Бесѣдный и Преподобнаго Антонія Дымскаго. Монастыри маленькіе, пустынные и бѣдныя; за то иноки въ нихъ гораздо привѣтливѣе, чѣмъ въ Тихвинскомъ большомъ монастырѣ. Изъ Тихвина прямо направился въ Свирскій монастырь преподобнаго Александра, главную цѣль моего странствія. Тутъ впервые досталось мнѣ увидать Кореловъ: народъ премилый, очень мнѣ понравился. Нравственность и гостепріимство развиты въ нихъ въ высшей степени. Иди свободно въ избу Корела, бери что тебѣ вздумается, распоряжайся въ ней какъ желаешь,—никто тебѣ не попрепятствуетъ; самъ хозяинъ, или хозяйка, первые готовы всячески тебѣ услужить; и чисто у нихъ въ избахъ, опрятно, такъ что въ этомъ насъ русскихъ далеко они превосходятъ. Мнѣ тѣмъ болѣе дороги и милы показались Корелы, что вѣдь самъ преподобный Александръ Свирскій, мой небесный покровитель, происходилъ изъ этаго народа. Но вотъ попалъ я какъ-то на ночлегъ къ раскольникамъ, да еще самымъ закоренѣлымъ. Какъ сей часъ помню,—было это въ пятницу вечеромъ, шелъ все лѣсомъ, на силу дошелъ до не-

большаго хутора. Долго не пускали, все окликали; но дѣлать было нечего, я усиленно стучался и просился, и наконецъ меня впустили. Хозяинъ, бородатый мужикъ, веласково принялъ меня, а хозяйка такъ просто плюнула мнѣ вслѣдъ, когда я сказалъ имъ, что я не раскольникъ, а православный. Видно чтобы посмѣяться надо мною, сунули мнѣ кусокъ чернаго хлѣба и чашку молока. Забывъ о томъ, что день былъ постный, принялся я за эту ѣду, а хозяева только смотрятъ, да злобно усмѣхаются. Когда кончилъ я свою трапезу, хозяинъ на меня напустился: «какой ты—православный, какой ты монахъ, что въ пятницу скоромное ѣшь? Ты басурманъ, а не православный, и всѣ вы такіе никоновцы прокляты»,—и пошелъ и пошелъ честить. Ну, думаю себѣ, подѣломъ голубчикъ тебѣ, чтобы помнилъ день пятничный. Свернулся я на лавкѣ и притворился спящимъ; хозяинъ же долго еще потомъ изливалъ въ ругательствахъ свою злобу на православныхъ. Рано утромъ поторопился я оставить этотъ негостепріимный пріютъ, гдѣ впервые взяли съ меня за ночлегъ деньги. Пришелъ я наконецъ въ Александро-Свирскій монастырь, и очень удивился, увидя вмѣсто одного два монастыря рядомъ стоящихъ не въ очень далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Мѣстность ихъ пустынная, прекрасная. Рѣка Свирь быстрая и чистая, у самаго монастыря, и ходятъ по ней плоскодонныя суда,—тогда еще парашодовъ не было. Пришелъ я сначала въ Троицкій монастырь, думалъ, что здѣсь почиваютъ мощи преподобнаго Александра. Но оказалось, что почиваютъ они далѣе,—въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, гдѣ и монахи живутъ теперь; въ Троицкомъ же было духовное училище, да церкви прежняго монастыря, основаннаго и сооруженнаго преподобнымъ Александромъ не безъ Божія промысла и благоволенія. Соборная Троицкая церковь основана имъ по повелѣнію трехъ свѣтлыхъ Ангеловъ, по подобію праотца Авраама посѣтившихъ его въ пустыни, и самое мѣсто для нея указано ему тоже

Ангеломъ, въ куколѣ и схимѣ ему явившимся, какъ нѣкогда преподобному Пахомію великому, и показавшимъ мѣсто и размѣръ церкви. Другая церковь Покровская, тоже ознаменована явленіемъ преподобному Александру на ея основаніи Богоматери съ предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, на престолѣ сѣдящей и окруженной Ангельскимъ воинствомъ; она возсѣдала на основаніи горняго мѣста церкви, и утѣшила преподобнаго обѣтованіемъ, что будетъ заступницею и покровительницею его обители. Къ сожалѣнію теперь древнія церкви эти какъ-бы забыты въ оставленномъ монастырѣ и видимо клонятся къ упадку. Въ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ, который всего въ 100 саженьяхъ отъ Троицкаго, нашелъ я нѣкоторыхъ прежнихъ учениковъ батюшки отца Леонида, которые приняли меня какъ роднаго и успокоили у себя въ кельѣ съ братскою любовію. Пошелъ я къ угоднику Божію не безъ трепета душевнаго, ибо вотъ наконецъ исполнилось мое давнее задушевное желаніе—поклониться Его святымъ мощамъ. Высокій и совсѣмъ лысый старецъ—гробовой іеромонахъ открылъ мнѣ древнюю серебряную раку преподобнаго, и ощутительно пахнуло на меня изъ нея сладкимъ благоуханіемъ, такъ что я даже пошатнулся. Старецъ гробовой это замѣтилъ, поддержалъ меня, и съ отеческою любовію сказалъ: «не бойся, голубчикъ, это благодать Божія, это самъ преподобный тебѣ дарствуетъ; приложись къ нему съ вѣрою и любовію». Припавъ къ святымъ мощамъ роднаго мнѣ угодника Божія, долго не могъ я отъ нихъ оторваться, и точно всѣ свои скорби, всѣ свои желанія, какъ тяжкую ношу, сложилъ въ его священную раку. Около меня никого не было; старецъ гробовой терпѣливо ожидалъ меня, пока кончу молиться, и я на свободѣ излилъ свои чувства предъ преподобнымъ, и съ тѣхъ поръ еще болѣе съ нимъ сроднился.

Не меньшее утѣшеніе испыталъ я и въ кельѣ моихъ хозяевъ иноковъ, меня пріютившихъ. Сталъ я у нихъ спрашивать про старцевъ Θεодора и Леонида, гдѣ они

туть жили и въ какихъ кельяхъ? «Да вотъ въ этихъ самыхъ, въ которыхъ и мы теперь находимся», отвѣчали мнѣ иноки, и показали мнѣ самое мѣсто, гдѣ скончался схимонахъ Θεодоръ. Какъ святилище, казались мнѣ потому эти кельи, и я готовъ былъ лобызать самый по-мостъ, по которому ходили ублажаемые мною и уже отшедшіе въ вѣчность старцы Θεодоръ и Леонидъ. Пріятно было дѣлиться воспоминаніями съ Свирскими ихъ учениками: они вспоминали подробности жизни у нихъ въ обители обоихъ блаженныхъ старцевъ, рассказывали про праведническую кончину отца Θεодора, про нетлѣніе его тѣла, которое чрезъ немалое время открылось, когда рыли могилу его ближайшему ученику (по имени кажется Иларію), непремѣнно пожелавшему быть погребеннымъ рядомъ съ старцемъ Θεодоромъ, при чемъ гробъ старца, одежды его и самое тѣло обрѣтены въ цѣлости; отъ тѣла же ощущалось благоуханіе, что собесѣдники мои, какъ очевидцы, свидѣтельствовали мнѣ именемъ Божіимъ; я же въ свою очередь, какъ очевидецъ, передавалъ имъ подробности о жизни и многихъ скорбяхъ въ Оптиной пустыни старца отца Леонида, и о его блаженной кончинѣ и погребеніи, при чемъ невольно заплакалъ, вспомнивъ, что батюшка насъ уже оставилъ сиротами и отошелъ въ вѣчность; всплакнули за мною и мои собесѣдники, хорошо его знавшіе и глубоко чтившіе. Сводили они меня и на могилку схимонаха Θεодора, на кладбищѣ монастырскомъ, гдѣ рядомъ съ нимъ и ученикъ его покоится. Помолились, поплакали и здѣсь. Сорвалъ я себѣ вѣтку съ ближняго дерева, взялъ немного и земли съ могилы отца Θεодора на память и благословеніе. Болѣе недѣли прогостилъ я въ Свирскомъ монастырѣ у моихъ добродушныхъ хозяевъ—собратій по старцу. Водили они меня по монастырю, водили и въ пустыню, гдѣ жительствовавалъ преподобный Александръ, и гдѣ сподобился посѣщенія трехъ свѣтлыхъ Ангеловъ, въ лицѣ которыхъ самъ Богъ въ Троицѣ соблаговолилъ ему явиться. Пустыня

эта въ лѣсу; тамъ стоитъ каменная часовня, и въ ней икона явленія Святыя Троицы преподобному Александру; предъ иконою горитъ неугасимая лампада. Невольно подумалъ я, что болѣе прилично было-бы стоять тутъ храму Божію, чтобы столь святое мѣсто оглашалось пѣснопѣніями церковными и освящалось совершеніемъ литургіи. Пустынная мѣстность давала все удобство для скитскаго здѣсь жилья, и скитъ болѣе чѣмъ гдѣ либо былъ-бы тутъ у мѣста; но къ сожалѣнію теперь ни матеріальныхъ средства, ни духовное положеніе Свирскаго монастыря не даютъ надежды, чтобы сіе тутъ когда-либо устроилось. А очень-бы кстати было священное мѣсто явленія Святыя Троицы въ отечествѣ нашемъ, явленія единственнаго въ нашей отечественной церковной исторіи, ознаменовать памятникомъ его достойнымъ. Въ Палестинѣ сохранился дубъ Мамврійскій подлѣ Хеврона, гдѣ праотець Авраамъ сподобился въ видѣ трехъ Ангеловъ принять Святую Троицу, и тамъ всѣ христіане, и даже не-христіане, евреи и турки, очень это мѣсто чтутъ. У насъ въ Россіи никто почти и не знаетъ, что имѣемъ и мы нѣчто подобное мѣсту дуба Мамврійскаго въ отечествѣ нашемъ. Не безъ грусти разстался я съ Свирскимъ монастыремъ, и съ добрыми иноками въ немъ меня пріютившими; но нужно было мнѣ побывать еще и на Валаамѣ, гдѣ тоже имѣются слѣды преподобнаго Александра Свирскаго, полагавшаго тамъ начало своихъ иноческихъ подвиговъ, и гдѣ на одномъ изъ острововъ и теперь показываютъ пещеру, въ которой онъ пустынножительствовалъ, и могилу, которую онъ своими преподобными руками ископалъ для себя, чтобы всегда имѣть въ умѣ память смертную.»

Къ сожалѣнію, на этомъ прервался разговоръ отца Антонія о своемъ странствіи; пришли къ нему посѣтители и помѣшали мнѣ съ нимъ долѣе бесѣдовать, а потомъ сколько разъ ни старался я навести старца на продолженіе прежняго разговора, это мнѣ не удавалось. Любилъ также ста-

рець воспоминать о своемъ путешествіи на святую Аеонскую гору и въ Палестину—въ святой градъ Іерусалимъ ко гробу Господню. Такъ какъ объ этомъ путешествіи еще при жизни старца издана духовною его дочерью, графинею Маріею Димитріевною Толстою, въ Москвѣ, отдѣльная книга изъ его воспоминаній, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія душевныхъ впечатлѣній при поклоненіи святыни на востокъ (Москва. 1880 г.)», то я счтаю излишнимъ повторять то, что въ ней повѣствуется самимъ старцемъ, любившимъ досуги свои посвящать литературнымъ трудамъ. Замѣчательно, что не получивъ школьнаго образованія *), отецъ Антоній, подъ влияніемъ святоотеческихъ чтеній такъ образовался, что писалъ отчетливо и ясно, не хуже любаго академика. Кромѣ огромной переписки, которую велъ онъ со многими духовными лицами и духовными дѣтьми своими, въ Россіи и за границею—на Аеонѣ и въ Палестинѣ, кромѣ вышеупомянутой, изданной графинею Толстою, книги его воспоминаній, онъ оставилъ еще не мало рукописей своихъ, которыя иногда давалъ и мнѣ читать, по расположенію ко мнѣ. Кромѣ писемъ, изъ которыхъ инья, замѣчательныя въ духовномъ отношеніи, старецъ собиралъ въ хронологическомъ порядкѣ и уяснялъ своимъ примѣчаніями къ нимъ, онъ писалъ также нѣчто въ родѣ своей автобіографіи, очень любопытной, судя по тѣмъ отрывкамъ, которые давалъ мнѣ старецъ читать. Писалъ онъ четкимъ, яснымъ почеркомъ, чисто и изящно. Не любилъ онъ стѣсняться и кривить душою въ своихъ писаніяхъ, подъ часъ высказывая рѣзкую правду про то, что заслуживало порицанія. Я всегда удивлялся, какъ это батюшка успѣвалъ, при своихъ подвигахъ богослужебныхъ и молит-

*) Отецъ Антоній часто вспоминалъ случай съ нимъ: въ Бозѣ почившій Кіевскій митрополитъ Филаретъ разъ спросилъ его: гдѣ онъ воспитывался?—Въ овечьей школѣ, Ваше Высокопреосвященство⁴, былъ его отвѣтъ, который очень разсмѣшилъ владыку и вызвалъ его замѣчаніе, что овцы очень хорошо его обучили.

венныхъ, при своемъ постоянномъ почти духовничествѣ, очень обширномъ и поглощавшемъ все свободное его время, заниматься еще трудами письменными, и столь много собственноручно написать. Я видѣлъ у него толстыя тетради, чисто и изящно имъ написанныя. Жаль будетъ, если труды старца останутся въ рукописяхъ. Онъ говорилъ мнѣ, въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ въ августѣ 1880 года, что онъ всѣ свои рукописи передалъ духовной дочери своей—графинѣ Толстой, въ полную ея собственность, и что она желаетъ издать ихъ. Послѣ же смерти старца, отецъ намѣстникъ Кіево-Печерской лавры—архимандритъ Иларіонъ писалъ мнѣ, что послѣ старца еще осталась рукопись его трудовъ, которую однако врядъ ли удобно будетъ издать по причинѣ нѣкоторыхъ рѣзкостей въ ней, касающихся современныхъ событій и личностей. Полагаю, что эту рукопись самъ старецъ признавалъ неудобною къ изданію, почему и не отдалъ ее графинѣ Толстой, а оставилъ у себя; но все-таки желательно, чтобы она сохранилась и не была уничтожена, такъ какъ если не для насъ, то для потомковъ нашихъ будетъ она довольно интересною, какъ живой разсказъ духовно-опытнаго очевидца о переживаемой нами эпохѣ.

Съ начала 1880 года отецъ Антоній сталъ усиленно звать меня въ своихъ письмахъ въ Кіевъ, чего прежде не бывало. Даже чрезъ одного поклонника, бывшаго изъ моихъ мѣстъ въ Кіевѣ, передалъ словесное приглашеніе мнѣ непременно пріѣхать къ нему въ Кіевъ, *пока еще не поздно*. Не появляя я тогда этого слова; теперь же, послѣ смерти старца, исполнѣ оно мнѣ понятно, и очень радъ, что послушался его зова и побывалъ въ Кіевѣ, куда прибылъ въ первыхъ числахъ августа 1880 года. Поспѣшивъ въ келью старца, засталъ я его за обѣдомъ, въ задней лѣтней его келейкѣ, выходящей въ садъ. Батюшка сидѣлъ за столомъ съ горшечкомъ каши въ рукахъ, подвязавшись салфеткою, и когда увидѣлъ меня, засмѣялся и сказалъ: «въ чемъ засталъ, въ томъ и суди

меня». Очень обрадовался мнѣ, усадилъ сейчасъ съ собою обѣдать, а обѣдь-то весь состоялъ у него изъ гречневой кашицы, да фруктовъ изъ его сада,—за то предлагался старцемъ съ истинно-отеческою любовію. По наружности старецъ мало измѣнился, только одышка въ немъ стала примѣтнѣе и ногами еще плоше сталъ онъ ходить. Впрочемъ тотчасъ же послѣ обѣда повелъ меня въ свой садикъ, показывалъ свой виноградъ, и все жалѣлъ, что еще не поспѣлъ онъ и нельзя угостить имъ гостя. «Люблю я это растеніе, говорилъ старецъ указывая на виноградникъ свой,—напоминаетъ оно мнѣ ту лозу Божественную, которой всѣ мы розги; и когда обрѣзываю и чищу я свой виноградникъ, невольно всегда думаю, не такъ-ли поступить съ нами небесный виноградарь—Христосъ, и трепещу за себя и за своихъ духовныхъ чадъ, чтобы не собралъ насъ, какъ розги негодныя, не приносящія Ему плодовъ Его достойныхъ, и не повергъ въ огонь вѣчный». Когда вернулись мы изъ сада въ келью, спросилъ я старца, за чѣмъ такъ усиленно вызывалъ онъ меня къ себѣ въ Кіевъ? «За тѣмъ, отвѣтилъ батюшка, что хотѣлось мнѣ предъ смертію еще разъ видѣться и поговорить съ тобою». Да развѣ вы скоро собираетесь насъ оставить, отче? сказалъ я печально. «Скоро, другъ мой, въ этомъ году навѣрно, отвѣчалъ старецъ; пора уже костямъ на покой». Развѣ вамъ было о томъ какое откровеніе, спрашиваю я его? «Нѣтъ, я сего недостойнъ, смиренно отвѣчалъ старецъ; но по многимъ примѣтамъ вижу, что свѣтильникъ мой жизненный догораетъ, а потому и хочется повидаться и попрощаться съ тобою, пока не поздно». Видя, что я готовъ расплакаться, старецъ перемѣнилъ рѣчь и началъ духовную бесѣду на пользу моей души. Потомъ коснулся своихъ писаній, сказавъ, что почти всѣ свои рукописи отдалъ графинѣ Толстой и что попали онѣ въ хорошія руки. Около десяти дней пробылъ я въ Кіевѣ, и почти ежедневно бывалъ у отца Антонія, довольно бесѣдовалъ съ нимъ и всячески старался от-

влекать его отъ мысли о близости къ нему смерти; но старецъ все одно твердилъ, что она къ нему близка. Подъ праздникъ Успенія Богоматери, стоя во всенощной въ придѣльномъ алтарѣ великой церкви Кіево-Печерской Лавры, гдѣ стоялъ и батюшка отецъ Антоній, я видѣлъ, какъ трудно было ему стоять; но онъ крѣпился и выстоялъ 6-ти часовую всенощную до конца. Когда пропѣли по чину Кіево-Печерской Лавры 17-ю каенісму съ похвалами Богоматери, батюшка подошелъ ко мнѣ и тихо сказалъ, что «болѣе уже не будетъ слышать этихъ похвалъ». Если не на землѣ, то услышите ихъ, отче, на небѣ, отвѣтилъ я ему на это. «Недостойнъ», сказалъ старецъ и отошелъ на свое мѣсто. 14, 15 и 17 августа старецъ служилъ съ владыкою, Кіевскимъ митрополитомъ Филоеємъ, въ великой Лаврской церкви, божественную литургію. Встрѣтившись съ нимъ въ покояхъ митрополита 15-го послѣ литургіи, я удивился бодрости старца, потому что послѣ столь продолжительнаго молитвеннаго труда еще на закуску къ владыкѣ потрудился прійти, и невольно подумалъ, что старецъ преувеличиваетъ свою слабость, и что, Богъ дастъ, можетъ еще годикъ какой съ нами проживеть. Какъ-бы въ отвѣтъ на этотъ мой помыслъ, батюшка подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «въ послѣдній разъ праздникъ Владычицы въ этихъ покояхъ праздную». Невольно сразилъ онъ меня этимъ словомъ, такъ что я не нашелся что ему отвѣтить. 16 августа прибылъ проѣздомъ въ Кіевъ Леонтій архіепископъ Варшавскій, 17-го стоялъ Божественную литургію въ олтарѣ придѣльномъ великой Лаврской церкви, гдѣ и мнѣ довелось тогда стоять и видѣть свиданіе съ нимъ батюшки отца Антонія, давняго его знакома—еще съ тѣхъ поръ, когда преосвященнѣйшій Леонтій, въ санѣ архимандрита, проходилъ духовно-учебную службу свою въ Кіевѣ. Свиданіе это было самое задушевное; видно было по всему, что владыка обрадовался старцу, сейчасъ узналъ его и обошелся съ нимъ несказанно ласково. Когда послѣ литургіи за-

шелъ я въ келью къ отцу Антонію, и поздравилъ его съ свиданіемъ съ Варшавскимъ архіепископомъ, онъ съ довольнымъ видомъ сказалъ: «всегда любилъ я преосвященнаго Леонтія и всегда нравилась мнѣ его святая простота, и очень радъ я, что довелось мнѣ повидаться и попрощаться съ нимъ на исходѣ моей жизни». Нужно замѣтить, что старецъ вообще былъ очень сдержанъ въ похвалахъ лицамъ духовнымъ, высокопоставленнымъ. Изъ современныхъ святителей, сколько помнится мнѣ, послѣ въ Бозѣ почившаго Кіевскаго митрополита Филарета, котораго онъ особенно чтилъ и любилъ, сочувственно относился онъ къ Сергію архіепископу Казанскому и Леонтію архіепископу Варшавскому, и къ преосвященному Михаилу епископу Уманскому, викарію Кіевскому. Очень сочувственно относился старецъ и къ намѣстнику Кіево-Печерской лавры—отцу архимандриту Иларіону, тогда какъ къ его предмѣстнику былъ очень строгъ въ своихъ сужденіяхъ. Съ теплою любовію и сыновнимъ уваженіемъ всегда вспоминалъ бывшаго намѣстника Кіево-Печерской лавры, впослѣдствіи настоятеля Иверскаго Новгородскаго монастыря, тамъ и скончавшагося на покоѣ, архимандрита Лаврентія, постригавшаго его въ схиму, и, по словамъ его, бывшаго жизни истинно святой. «Мы по грѣхамъ нашимъ лишились этого праведника въ Лаврѣ», говорилъ отецъ Антоній,—и ѣздилъ я даже нарочно на свиданіе съ отцемъ Лаврентіемъ въ Иверскій монастырь, незадолго предъ его кончиною. О. Лаврентій возложилъ на меня иго благое и спасительное святой схимы, возложилъ сверхъ чаянія моего, когда и лѣтами былъ я еще нестаръ; онъ былъ того мнѣнія, что не въ многихъ лѣтахъ толкъ, а во многомъ разсужденіи духовномъ, съ которымъ принимается святая схима. Когда я былъ еще іеродіакономъ, и владыка митрополитъ Филаретъ назначилъ меня къ рукоположенію въ іеромонаха, я же сталъ проситься, чтобы повременили еще годикъ съ моимъ рукоположеніемъ, такъ какъ еще чувствовалъ

себя неготовымъ по внутреннему челоѣку, отецъ Лаврентій обѣщалъ упросить митрополита повременить моимъ рукоположеніемъ, но за то взялъ съ меня слово, что если въ свою очередь потребуетъ онъ отъ меня въ послѣдствіи что либо превосходящее мои убѣжденія, то окажу ему послушаніе. Митрополитъ Филаретъ охотно согласился повременить съ моимъ рукоположеніемъ въ іеромонаха, и даже похвалилъ меня за осторожность духовную. Черезъ годъ рукоположенъ былъ я въ іеромонаха; вскорѣ назначили меня и духовникомъ, а потомъ позвалъ меня отецъ Лаврентій къ себѣ въ келью и заговорилъ о схимѣ, припомнивъ и обѣщаніе мое ему данное, оказать послушаніе его требованію. Такъ-то Господь судьбами своими сподобилъ меня сего святаго великаго образа, избравъ для сего богоугоднаго старца Лаврентія, истиннаго благодѣтеля убогой моей души». — Вспоминая объ отцѣ Лаврентіѣ, батюшка разсказалъ и свою послѣднюю поѣздку къ нему въ Иверскій монастырь, при чемъ побывалъ и въ другихъ обителяхъ русскихъ, куда влекло его духовное сочувствіе къ лицамъ, тамъ обитавшимъ. Кромѣ Иверскаго монастыря, побывалъ онъ тогда въ Суздальскомъ Спасо-Ефиміевскомъ монастырѣ, въ Нижегородской Серафимо-Понетаевской женской обители и въ Тамбовской Вышинской пустыни. Въ Иверскомъ монастырѣ, куда ѣхалъ онъ собственно для отца Лаврентія, нашелъ онъ его уже сильно больнымъ и ослабѣвшимъ, такъ что онъ не могъ уже самъ вставать съ койки и еле приподнялся для встрѣчи гостя—отца Антонія, которому очень обрадовался. Несмотря на болѣзнь, лице отца Лаврентія свѣтилось какимъ-то необыкновеннымъ, мирнымъ и благодатнымъ оттѣнкомъ, что невольно поразило о. Антонія и о чемъ онъ потомъ вспоминалъ съ умиленіемъ. Очень хвалилъ онъ также бывшаго въ то время настоятелемъ Иверскаго монастыря архимандрита Веніамина за его сыновнюю любовь и попеченія къ угасавшему старцу, своему предмѣстнику. «За это не оста-

вить его Господь, набожно говорилъ батюшка, ибо это рѣдкая черта въ нашъ вѣкъ, въ который обычно начальники къ предмѣстникамъ своимъ по должности нелюбовно относятся». Тутъ же съ глубокимъ уваженіемъ и съ теплымъ сочувствіемъ вспомнилъ о. Антоній преосвященнаго Іеремію, бывшаго епископа Нижегородскаго, жительствующаго на покоѣ въ Нижегородскомъ Печерскомъ монастырѣ, и не безъ сердечнаго соболѣзнованія рассказывалъ нѣкоторыя событія изъ жизни преосвященнаго на покоѣ, свидѣтельствующія, что вѣкъ нашъ дѣйствительно не изобилень лицами, подобными архимандриту Веніамину. Преосвященнаго Іеремію батюшка отецъ Антоній глубоко чтить, отзывался о немъ съ великою похвалою и не разъ выражалъ свое сожалѣніе, что преосвященный не поселился на покоѣ въ Кіевѣ. Старецъ впрочемъ радовался, что съ назначеніемъ на Нижегородскую кафедру преосвященнаго Макарія, еще во время викаріатства своего въ Нижнемъ-Новгородѣ и настоятельства въ Печерскомъ монастырѣ уважавшаго и покоившаго престарѣлаго святителя, будетъ ему гораздо покойнѣе и удобнѣе жить на покоѣ въ этомъ монастырѣ.—Въ Суздальской Спасо-Ефиміевской монастырѣ отецъ Антоній ѣздилъ собственно чтобы посѣтить заключеннаго тамъ, бывшаго Петропавловскаго настоятеля Леонтія, съ которымъ нѣкогда былъ послушникомъ у Оптинскаго старца отца Леонида, и котораго и въ несчастіи не забывалъ. Прекрасная черта въ нравственномъ обликѣ отца Антонія!—Серафимо-Понетаевская женская обитель тоже была посѣщена имъ по особому къ ней расположенію старца: когда въ Серафимо-Дивѣевскомъ женскомъ монастырѣ возникли несогласія и многія тамошнія подвижницы, съ старицею Гликеріею Васильевною во главѣ, подверглись изгнанію изъ обители, то нѣкоторое время пребывали онѣ въ Кіевѣ, гдѣ отецъ Антоній принялъ въ нихъ живое отеческое участіе, утѣшалъ духовно, поддерживалъ скорбѣвшихъ своими совѣтами и ласками. Къ старицѣ

Гликеріи Васильевнѣ, ученицѣ приснопамятнаго старца Саровской пустыни Серафима, отецъ Антоній питалъ глубокое уваженіе, называлъ ее благодатною рабою Божією и говаривалъ, что во всякомъ родѣ Господь взыскиваетъ избранныя себѣ души. «Вотъ Гликерья Васильевна родомъ изъ Мордвы, говорилъ старецъ, а обладала такими дарами духовными, которые приводили меня въ удивленіе». Отецъ Антоній имѣлъ намѣреніе пріютить Дивѣевскихъ изгнанницъ гдѣ-либо вблизи Кіева, и особенно желалъ, чтобы древній упраздненный Кіево-Межигорскій мужскій монастырь, гдѣ еще сохранились храмы Божіи и нѣкоторыя зданія, былъ обращенъ въ женскій для поселенія въ немъ Дивѣевскихъ сестеръ, ибо между ними находились искусныя ремесленницы, иконописицы, золотошвеи, которыя трудами своими, главное же подвижническою жизнью своею подъ начальствомъ духовно-опытной старицы Гликеріи Васильевны, скоро бы привели въ хорошей порядокъ и благоустройство эту древнюю запустѣлую обитель. Старецъ даже ходатайствовалъ объ этомъ предъ Кіевскимъ митрополитомъ Арсеніемъ; но владыка несочувственно отнесся къ этому ходатайству и призналъ, что пустынная мѣстность Межигорья, въ лѣсу и надъ крутымъ берегомъ Днѣпра, мало удобна для женской обители. Дивѣевскія изгнанницы, поживъ нѣкоторое время въ Кіевѣ и видя, что здѣсь имъ негдѣ будетъ пріютиться, переселились въ предѣлы Нижегородскіе, и здѣсь въ селѣ Понетаевкѣ нашли себѣ пріютъ въ имѣніи доброй помѣщицы Копьевой, гдѣ потомъ основалась обитель Серафимо-Понетаевская, довольно теперь многолюдная и отличающаяся подвижническимъ направленіемъ своихъ обитательницъ; въ средѣ ихъ процвѣтаетъ также художественная иконопись и даже мозаическая работа. Батюшка отецъ Антоній всегда смотрѣлъ на эту юную обитель, какъ на родную себѣ, и вотъ пожелалъ лично видѣть, какъ пріютились его дочери духовныя въ селѣ Понетаевкѣ. Поднесенную ими тогда старцу икону Ивер-

скія Богоматери, весьма искусной монастырской ихъ работы, старецъ всегда имѣлъ въ своей спаленкѣ, и указывая на нее, не безъ утѣшенія говорилъ, что испыталъ большое духовное удовольствіе въ бытность свою въ Серафимо-Понетаевской обители.—Путешествіе въ Тамбовскую Вышинскую пустынь отецъ Антоній предпринялъ единственно для того, чтобы увидѣться и побесѣдовать съ пребывающимъ тамъ на покоѣ епископомъ Владимірскимъ Теофаномъ, котораго знавалъ онъ прежде въ Кіевѣ, и заинтересованный духовно-аскетическими писаніями преосвященнаго, о. Антоній пожелалъ имѣть еще свиданіе съ нимъ. Батюшка вспоминалъ при этомъ о весьма тряской и неудобной дорогѣ въ Вышинскую пустынь, по которой пришлось ему ѣхать на простой крестьянской телѣгѣ. Преосвященный избѣгаетъ постороннихъ посѣтителей; но отца Антонія онъ принялъ съ любовію, какъ стараго знакома, и удостоилъ духовной съ собою бесѣды. Это было послѣднее путешествіе въ жизни батюшки отца Антонія, болѣе уже никуда не отлучавшагося. Говаривалъ иногда, что временемъ приходятъ ему помыслы еще разъ побывать на Аѳонѣ и въ Палестинѣ, но что онъ эти помыслы гонитъ отъ себя, ибо считаетъ великою для себя милостію Божіею и то, что хоть однажды въ жизни удостоился побывать на святыхъ мѣстахъ Востока. Къ Аѳонскимъ старцамъ Русскаго Пантелеимонова монастыря, іеросхимонаху Іерониму и архимандриту Макарію, батюшка отецъ Антоній выказывалъ всегда особое расположеніе духовное, хвалилъ ихъ мудрость, ихъ подвижничество, благоустройство ихъ обители, что засвидѣтельствовалъ довольно краснорѣчиво и въ книгѣ своихъ «Воспоминаній» о Востокѣ. Также сочувственно относился онъ и къ іеромонаху Русскаго Пантелеимонова монастыря—отцу Арсенію, долго проживавшему въ Россіи, котораго отецъ Антоній видимо любилъ и уважалъ; за то очень несочувственно относился старецъ къ тѣмъ выходцамъ Аѳонскимъ, которые уваженіе

православныхъ къ Аѳону употребляютъ для корыстныхъ цѣлей, торгуютъ святыней и выставляютъ на показъ свое подвижничество. Греческое духовенство Палестины тоже подвергалось справедливымъ порицаніямъ правдиваго старца. Онъ былъ большимъ почитателемъ блаженнѣйшаго патріарха Іерусалимскаго Кирилла, потерпѣвшаго изгнаніе за свое несочувствіе къ постановленію Константинопольскаго собора, отлучившаго Болгаръ, и въ письмахъ своихъ къ знакомымъ инокамъ греческимъ въ Іерусалимѣ не стѣсняясь высказалъ имъ, что жестоко погрѣшили, низложивъ неправедно столь великаго святителя. Вообще Греки и ихъ притязанія на церковь Болгарскую, также распри ихъ съ Русскими въ Аѳонскомъ Пантелеимоновѣ монастырѣ, сильно возмущали старца. Обладая недюжиннымъ умомъ, просвѣтленнымъ подвижничествомъ духовнымъ, отецъ Антоній нерѣдко поражалъ меня ясностью и проницательностью своихъ отзывовъ о самихъ сложныхъ вопросахъ общественныхъ и духовныхъ. Это былъ умъ поистинѣ богомудрый, которому многое, кажущееся намъ—умамъ обыкновеннымъ, темнымъ и нелѣпымъ, представлялось вполне понятнымъ и яснымъ какъ день, и истолковывалось имъ съ поразительною вѣрностью.

Оканчивая воспоминанія свои о послѣдней болѣе продолжительной бесѣдѣ моей съ батюшкою отцемъ Антоніемъ, обращаюсь къ воспоминаніямъ о прощаньи моемъ съ нимъ, которое сдѣлало на меня неизгладимое впечатлѣніе. 18 августа былъ день рожденія старца. Я зналъ это, и подготовилъ ему въ даръ къ этому дню святую икону празднуемыхъ въ тотъ день святыхъ мучениковъ Флора и Лавра. Старецъ видимо остался доволенъ иконою, съ благоговѣніемъ къ ней приложился и сказалъ: «Проказникъ ты право, зналъ чѣмъ утѣшить старика; только не поздно-ли, ибо въ другой разъ болѣе не достанется мнѣ уже праздновать симъ святымъ мученикамъ; поэтому хотя уже я читалъ сегодня послѣдованіе ихъ

службы, но и еще разъ прочту ее вторично предъ твою иконою, зная навѣрно, что на будущій годъ въ этотъ день мнѣ уже имѣ не праздновать». Весь день этотъ провелъ я у старца; его посѣтили и другія близкія къ нему духовныя дѣти, принося ему поздравленія съ днемъ его рожденія. Какъ глава многочисленной духовной семьи, возсѣдалъ батюшка среди преданныхъ ему духовныхъ чадъ, и съ каждымъ поговорилъ, каждого утѣшимъ ласковымъ назидательнымъ словомъ. 19 августа былъ день моего рожденія и ангела, въ который готовился я и къ причащенію святыхъ Христовыхъ Таинъ; поэтому, обождавъ, когда всѣ посѣтители оставятъ батюшку, я просилъ его объ исповѣди меня. Последняя эта исповѣдь моя у старца была какъ-то особенно для меня трогательна, хотя ничѣмъ не отличалась отъ прежнихъ моихъ у него исповѣдей. Послѣ исповѣди старецъ приказалъ мнѣ, на утро, послѣ ранней литургии, сейчасъ же прійти къ нему. Я исполнилъ его желаніе. Приобщившись 19-го въ пещерной церкви преподобнаго Антонія, въ ближнихъ пещерахъ Кіево-Печерской Лавры, за раннею литургіею, я прямо изъ церкви поспѣшилъ къ батюшкѣ, который встрѣтилъ меня на порогѣ своей кельи съ большою просфорою, поздравилъ съ днемъ ангела и принятіемъ святыхъ Таинъ, отечески обнялъ и поцѣловалъ меня, и потомъ увелъ въ свою лѣтнюю келейку, и началъ угощать чаемъ. Въ этотъ день вечеромъ я долженъ былъ уѣхать изъ Кіева, о чемъ и сказалъ старцу. Тотъ призадумался, помолчалъ немного, но потомъ благословилъ—ѣхать мнѣ, сказавъ, что рано или поздно, а все нужно же намъ будетъ разстаться. «Но я съ тобою теперь не прощаюсь, сказалъ старецъ, прійди ко мнѣ послѣ вечерни въ великой лаврской церкви, и тогда попрощаемся». Послѣ вечерни пришелъ я; старецъ надѣлъ эпитрахиль, прочелъ молитвы о путешествующихъ, благословилъ меня своимъ крестомъ, сказавъ выразительно: «да благословитъ тебя Господь отъ Сіона, живой во

Іерусалимѣ!» Далъ мнѣ свой фотографическій портретъ, сказавъ: «это послѣдній». Просилъ молиться о немъ, когда услышу о его смерти, обнялъ, поцѣловалъ и проводилъ за порогъ своихъ келій, при чемъ долго стоялъ на своемъ крыльцѣ и смотрѣлъ мнѣ въ слѣдъ, пока я не скрылся въ святыхъ вратахъ Лавры. Остановившись въ святыхъ вратахъ, я издали низко поклонился батюшкѣ, все еще стоявшему на крыльцѣ, и онъ издали оѣснилъ меня своимъ благословеніемъ. Горько было мнѣ предчувствовать, что въ послѣдній разъ вижу я чтимаго мною старца и принимаю его благодатное благословеніе.—На этомъ собственно кончаются мои личныя воспоминанія о приснопамятномъ іеросхимонахѣ Антоніѣ, ибо болѣе не суждено было мнѣ его видѣть. Имѣя письма одной близкой къ нему духовной его дочери и намѣстника Кіево-Печерской Лавры архимандрита Иларіона, довольно подробно и подъ живымъ впечатлѣніемъ повѣствующія о послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни, кончинѣ и погребеніи старца Божія, позволяю себѣ на основанія этихъ вѣрныхъ повѣствованій сообщить дорогія мнѣ подробности этихъ событій. Съ наступленіемъ сентября 1880 года, отецъ Антоній сталъ чувствовать большой упадокъ силъ: возвращаясь въ келью свою изъ церкви, онъ казался крайне утомленнымъ, долго отдыхалъ, чего прежде съ нимъ не случалось. Между тѣмъ не переставалъ участвовать обычно въ богослуженіи, самъ служилъ довольно часто. Незадолго до кончины своей говорилъ духовной своей дочери: «хотѣлось бы до конца не отказываться отъ служенія въ Великой церкви, но силы измѣняются, а все-таки грустно не служить». Служилъ 28 и 30 сентября, 1 и 5 октября соборнѣ съ митрополитомъ Филоосемъ, въ Великой церкви Кіево-Печерской Лавры; 5 октября, чувствуя себя уже нѣсколько нездоровымъ, стоялъ онъ воскресную утреню въ Великой церкви, и здѣсь окончательно простудился. Во время служенія имъ литургіи съ митрополитомъ 5 октября, сослужащіе замѣтили большую

слабость въ старцѣ, и болѣзненную блѣдность въ его лицѣ. Выходя изъ олтаря по совершеніи литургіи, отецъ Антоній выразительно сказалъ нѣкоторымъ изъ своихъ собратьевъ: «въ послѣдній разъ Антоній служилъ здѣсь». Весь день 5 октября старецъ перемогался, крѣпился, принималъ посѣтителей, исповѣдывалъ, но пищи почти не принималъ. 6-го утромъ, предъ раннею обѣднею, послушникъ его Тимофей, взойдя къ нему въ келью, увидѣлъ его лежащимъ подъ шубою. Батюшка сказалъ, что онъ нездоровъ, чувствуетъ ознобъ и жаръ во всемъ тѣлѣ. Весь день отъ слабости пролежалъ, находясь какъбы въ забытьи. На предложеніе отца намѣстника полечиться и пригласить врача, старецъ рѣшительно отказался, говоря: «не нужно, пора на покой». 7 октября видимо измѣнился въ лицѣ, щеки втянуло, вокругъ глазъ появились темные круги, открылось у него сильное воспаленіе легкихъ, — болѣзнь, которую онъ уже дважды перенесъ безъ опасности для своей жизни. 8 октября исповѣдался и причастился святыхъ Христовыхъ Таинъ, въ полной памяти, съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія и умиленія. Велѣлъ перевести себя и положить въ пріемной своей, противъ большаго Распятія, стоявшаго на его исповѣдальномъ налоѣ, чтобы имѣть его предъ взорами своими. 9 октября опять пожелалъ пріобщиться святыхъ Таинъ; въ ожиданіи духовника своего какъбы бредилъ, требовалъ, чтобы подали ему эпитрахиль, читалъ молитвы, собирався идти въ церковь. Послѣ пріобщенія нѣсколько успокоился, но къ вечеру опять началъ бредить, все говорилъ, что «пора домой», и когда говорили ему, что онъ дома, онъ говорилъ: «туда, туда, гдѣ виноградъ, дайте мнѣ палку, пора идти!» Во всѣ эти дни никакой пищи не вкушалъ, и только нѣсколько ложекъ воды проглотилъ. 9-го передъ вечеромъ, духовную дочь свою отсылалъ домой, говоря: «не хорошо, если что случится, поѣзжай домой». Что же можетъ случиться? спросила она. «Развѣ не видишь, что языкъ мой тупѣетъ, и не

знаешь, что это значитъ», сказалъ старецъ. Тогда она стала просить его послѣдняго благословенія себѣ, и въ лицѣ ея всѣмъ духовнымъ его дѣтямъ. Старецъ приподнял правую свою руку, сложилъ ее іерейскимъ перстосложеніемъ, и трижды осѣнивъ ее крестнымъ знаменіемъ, сказалъ: «Богъ васъ благословитъ!» Вечеромъ того дня приходилъ къ старцу отецъ намѣстникъ, долго съ нимъ бесѣдовалъ. Обычная привѣтливая улыбка не оставляла старца при тяжкихъ страданіяхъ,—онъ переносилъ ихъ весьма терпѣливо, безъ стонувъ, безъ жалобъ, догаралъ какъ свѣча. Вечеромъ и всю ночь подъ 10 октября старцу было очень трудно. Въ исходѣ 3-го часа пополудни, кликувъ онъ своего келейника Тимофея, положилъ ему на руку свою голову и тихо сказалъ: «я умираю». Тотъ предложилъ прочесть канонъ на исходъ души, но старецъ, удерживая его за руку, сказалъ: «ты не дочитаешь», и сталъ все рѣже и рѣже дышать, и такимъ образомъ тихо и мирно предалъ свою кроткую и боголюбивую душу въ руки Божіи, въ 3 часа 20 минутъ пополудни, въ пятницу, 10 октября 1880 года. Тѣло почившаго старца, по чину облеченное въ схимонашескія одежды, положено было во гробъ, который давно былъ у него готовъ, и въ тотъ же день, по благословенію владыки митрополита, перенесено было въ церковь святи-теля Михаила, что подъ покоями митрополичьяго дома въ Кіево - Печерской Лаврѣ. Всѣмъ духовнымъ дѣтямъ старца было позволено провести въ молитвенномъ бдѣніи при его гробѣ ночь съ 10-го на 11-ое октября, и церковь всю ночь была полна усердствующими къ старцу, которые окружали смертные его останки съ неподдѣльною любовію и горькими слезами о его утратѣ. Люди разнаго званія, разныхъ состояній, отъ простолюдина и до вельможи, приходили ко гробу старца, и выражали предъ нимъ чувства уваженія и преданности къ почившему, и тутъ стало только вполне понятно, чѣмъ былъ старецъ для окружавшихъ его людей. 11 октября, въ суб-

боту, послѣ литургіи, совершенно было отпѣваніе почившаго старца намѣстникомъ Лавры архимандритомъ Иларіономъ съ 6-ю игуменами и 8-ю іеромонахами. Стеченіе народа было неимовѣрное, плачь и рыданія раздавались въ церкви и заглушали надгробныя пѣснопѣнія. Сами священнослужащіе не могли удержаться отъ слезъ, видя и слыша эти народныя рыданія. Проводы бранныхъ останковъ старца изъ церкви за святыя ворота Лавры, были духовно-торжественныя. Священнослужащіе, въ полномъ облаченіи, провожали гробъ до самой крѣпости, гдѣ гробъ поставленъ былъ въ ящикъ, и въ сопровожденіи духовника почившаго, въ ризахъ и со крестомъ, отправленъ въ Спасо-Преображенскій скитъ въ окрѣстностяхъ Кіева, гдѣ уготована была могила старцу, подлѣ церкви, на кладбищѣ лаврскомъ. Толпа народа, многія духовныя дѣти старца, провожали его гробъ до самого Спасо-Преображенскаго скита, гдѣ встрѣченъ былъ онъ скитскими священнослужителями и братією съ хоругвями, внесень въ церковь Преображенія Господня и здѣсь оставленъ на ночь. 12 октября, въ воскресенье, послѣ литургіи и паннихиды, гробъ старца опущенъ въ могилу. Исполнено и его душевное желаніе, которое онъ выражалъ близкимъ къ нему духовнымъ дѣтямъ, и просилъ непременно исполнить при его погребеніи. Когда былъ онъ въ Палестинѣ и участвовалъ на Іорданѣ въ праздникъ Богоявленія Господня въ служеніи божественной литургіи подъ открытымъ небомъ, на берегу священной рѣки, гдѣ для этого устраивается изъ прутьевъ тростника и земли временный престолъ, который по совершеніи литургіи тутъ же разбирается,—взялъ онъ нѣсколько земли съ этого престола, освященной совершеніемъ на ней таинства евхаристіи, въ столъ святомъ мѣстѣ; хранилъ ее у себя, и прѣсилъ ею засыпать при погребеніи его лице во гробѣ, что и было въ точности исполнено надъ смертными его останками. Замѣчательно, что довольно плотный тѣломъ, старецъ благолѣпно возлжалъ во гробѣ, и ни малѣйшаго

запаха смертнаго не ощущалось отъ его тѣла.—Такъ погасъ свѣтильникъ, столько лѣтъ духовно-свѣтившій въ Кіево-Печерской Лаврѣ, и оставившій послѣ себя многихъ, искренно оплакивающихъ его лишеніе. Кто знаетъ значеніе, для истинновѣрующаго православнаго христіанина, духовнаго отца руководителя, наставника, совѣтника, друга о Господѣ, тотъ только пойметъ духовную скорбь и сиротство, какое чувствуется духовными дѣтьми приснопоминаемаго старца—іеросхимонаха Антонія, послѣ его незамѣнимой для нихъ утраты. Да будетъ же ему вѣчная память отъ всѣхъ почитателей нашихъ отечественныхъ подвижниковъ благочестія и подвижничества христіанскаго, и да возбудитъ въ насъ примѣръ его жизни, всецѣло посвященной служенію Богу и ближнимъ, ревность къ посильному подражанію ему

Андрей Ковалевскій.

1881 года 13 января.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ И БЕЗСМЕРТІЕ ДУШИ.

Всѣ мы, безъ сомнѣнія, хорошо понимаемъ, какое важное значеніе въ нашей жизни должно имѣть правильное понятіе о нашей душѣ, ея существѣ и судьбѣ по смерти нашего тѣла. Что такое наша душа: есть ли она нѣчто самостоятельное и отличное отъ нашего тѣла, или только есть проявленіе, особаго рода свойство нашего живаго тѣла? И какъ продолжительна жизнь нашей души: кончается ли она вмѣстѣ съ жизнію нашего тѣла, или заходитъ за предѣлы нашей тѣлесной жизни, продолжается вѣчно, бесконечно? Словомъ: смертна или бессмертна наша душа? Эти вопросы, по различному рѣшенію ихъ, неизбѣжно должны отражаться и различными слѣдствіями на всемъ образѣ нашей настоящей жизни, на всѣхъ нашихъ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ и дѣйствіяхъ, на всемъ поведеніи, на всѣхъ нашихъ отношеніяхъ къ Богу, ближнимъ и самимъ себѣ. Признавая душу существомъ самостоятельнымъ по отношенію къ тѣлу и бессмертнымъ, мы неизбѣжно соглашаемся съ истиною словъ нашего Господа: *душа не больше ли птицы* (Матѹ. 6, 25)? *Не убойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить, а убойтесь больше того, Кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ. Сберегшій душу свою потеряетъ ее: а потерявшій душу свою ради Меня, сбережетъ ее* (Мѹ. 10, 28. 39). *Какая польза человеку, если онъ приобрететъ весь міръ, а душу своей повредитъ? Или какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою* (Мѹ. 16, 26)? Напротивъ, считая душу человека простою принадлежностію живаго тѣла, произведеніемъ или свойствомъ самой нашей плоти, мы, очеви-

дно, не поймемъ никакого ученія, раскрывающаго предъ нами обязанности нашей души, и будемъ твердить лишь одно: «участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ — участь одна: какъ тѣ умирають, такъ умирають и эти, и одно дыханіе у всѣхъ и нѣтъ у человѣка преимущества предъ скотомъ (Еккл. 3, 19); всему и всѣмъ— одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злomu, чистому и нечистому, приносящему жертвы и не приносящему жертвы; какъ добродѣтельному, такъ и грѣшнику; какъ клянущемуся, такъ и боящемуся клятвы» (— 9, 2 *)). Понятно, что мы и въ самой жизни нашей будемъ слѣдовать лишь тѣмъ, кто, не заботясь о загробной будущности своей души или вовсе отвергая посмертную жизнь души, говоритъ себѣ: «покойся, ѣшь, пей, веселись (Лук. 12, 19); станемъ ѣсть и пить; ибо завтра умремъ» (1 Кор. 15, 32). Такъ различны и даже противоположны слѣдствія различнаго возрѣнія на нашу душу, какъ на отдѣльное ли и безсмертное существо въ противоположность нашему бренному тѣлу, или какъ только на простое физическое обнаруженіе нашего тѣла, которое со смертію послѣдняго исчезнетъ безъ слѣда, замретъ подобно послѣдному звуку разбитой флейты. Итакъ, что же такое наша душа и какъ продолжительна ея жизнь? Есть ли она совершенно отличное отъ тѣла существо, или только физическое, хотя особаго рода, проявленіе нашего тѣла? Смертна ли она, или продолжаетъ свою жизнь и по смерти тѣла?

Модное ученіе нашего времени о душѣ есть такъ называемое матеріалистическое. Матеріалисты признають существующимъ только одно видимое, то, о чемъ гово-

*) Эти слова Экклезіаста, рассматриваемыя въ связи съ цѣлымъ содержаніемъ книги, отнюдь не выражаютъ отрпцанія безсмертія нашей души, а только указываютъ на тщету чрезмѣрныхъ заботъ о настоящей жизни (Сравн. 12, 7). Но взятыя отрывочно, они съ удобствомъ могутъ служить для отрицателей безсмертія нашей души выраженіемъ ихъ мыслей.

ворять намъ наши внѣшнія чувства (глазъ, слухъ и т. д.),— матеріальное, или матерію, и отвергають все духовное, сверхчувственное, невидимое; поэтому они и называются матеріалистами,—отъ вѣры ихъ въ одну матерію. Естественно, что отрицая все духовное вообще, они не признають и нашей души, какъ отличной отъ тѣла сущности, а съ непризнаніемъ самостоятельнаго существа души отвергають и ея безсмертіе. «Нѣтъ никакой души, говорятъ они, и слѣдовательно нѣтъ также и никакого безсмертія нашей души и даже не можетъ быть о немъ никакой рѣчи». Послѣдняя мысль, нужно согласиться, вытекаетъ совершенно послѣдовательно изъ первой; въ правильности заключенія пужно отдать честь матеріалистамъ. Правильно ли самое первое положеніе матеріалистовъ: «нѣтъ никакой души?»—вотъ вопросъ, къ разсмотрѣнію котораго мы перейдемъ скоро. А теперь не можемъ не указать на то, что, къ сожалѣнію, въ настоящее время матеріалистическое отрицаніе души и ея безсмертія принимается и раздѣляется весьма многими, преимущественно изъ круга образованныхъ и полуобразованныхъ людей и въ особенности изъ среды занимающихся изученіемъ видимой природы, такъ называемымъ естествознаніемъ.

Все эти послѣдователи матеріализма, въ оправданіе своего невѣрія въ самостоятельность души, именно и ссылаются на авторитетъ естествознанія, сдѣлавшаго къ нашему времени необычайные успѣхи во всѣхъ областяхъ изученія природы. Говорятъ: строгія и точныя данныя естественныхъ наукъ не позволяютъ намъ признать бытія души, какъ отдѣльнаго отъ тѣла существа, и допустить ея самостоятельную жизнь внѣ тѣла, т.-е. ея безсмертіе. Какое заблужденіе! Какое злоупотребленіе авторитетомъ науки (естествознанія), которая будучи истинною, строгою наукой, никогда не отвергала и не можетъ отвергать самостоятельности и безсмертія души, напротивъ положительно признаетъ и утверждаетъ ихъ! Въ этомъ мы убѣдимся чрезъ нѣсколько страницъ. Между тѣмъ для

лучшаго пониманія и оцѣнки матеріалистическаго ученія о душѣ, послушаемъ предварительно, что собственно говорятъ матеріалисты о нашей душѣ, какъ они понимаютъ ея отношеніе къ тѣлу и ея жизнь.

Одинъ изъ главныхъ учителей *) матеріализма говоритъ: «душа есть точно также продуктъ (произведеніе) развитія мозга, какъ дѣятельность мускуловъ—продуктъ мускульнаго развитія. Физиологія прямо и рѣшительно возстаётъ противъ личнаго безсмертія, какъ вообще противъ всѣхъ представленій, соединяющихся съ признаніемъ самостоятельнаго существованія души». Нельзя не отмѣтить здѣсь характернаго притязанія матеріалистовъ—возводитъ свое личное, исключительное мнѣніе въ достоинство голоса науки. Въ настоящемъ случаѣ вмѣсто того, чтобы сказать: «я К. Фогтъ прямо и рѣшительно встаю противъ личнаго безсмертія» (что было бы правильно), Фогтъ подмѣняетъ слова и утверждаетъ: «физиологія прямо и рѣшительно возстаётъ»... Обращаясь къ дѣйствительности, мы находимъ въ ряду наилучшихъ естествовѣдцовъ нашего времени многихъ сильными противниками матеріализма. Для примѣра укажемъ на Майера, Бэра, Вирхова и Фолькмана. Послѣдній прямо отвергаетъ у естествознанія, какъ науки, даже право разсуждать о безсмертіи или смертности души, какъ вопросъ вовсе не принадлежащемъ области естествознанія. «Для чистаго естествознанія, говоритъ онъ, невозможно рѣшеніе вопроса о безсмертіи души; такъ какъ этотъ вопросъ входитъ совсѣмъ въ другую область науки».

Прислушаемся еще къ другому голосу также виднаго матеріалиста **): «изъ воздуха и праха произошелъ чело-вѣкъ; онъ есть сумма родителей и кормилицы, мѣста и времени, воздуха и погоды, звука и свѣта, одежды и пищи; его воля есть необходимое слѣдствіе всѣхъ этихъ

*) Карлъ Фогтъ въ своихъ „Физиологическихъ письмахъ“.

**) Мошотта въ его „Круговоротъ жизни“.

причинъ; мысль есть только движеніе матеріи, дѣятельность мозгового вещества—безъ фосфора нѣтъ никакой мысли,—точно также и сознание есть не что иное, какъ только свойство матеріи. Мы не возмемся судить о спеціальныхъ вопросахъ естествознанія. Но въ приведенномъ сужденіи Молешотта естествознаніе,—такъ какъ онъ говоритъ отъ лица этой науки, — очевидно переступаетъ предѣлы изслѣдованія, принадлежаціе ему по праву и неотъемлемо, изслѣдованія видимой природы, и поэтому не можемъ не указать его погрѣшность въ заключеніи отъ видимаго къ невидимому, отъ чувственнаго къ духовному. Неоспоримая заслуга новѣйшей физиологіи въ отношеніи къ психологіи состоитъ въ томъ, что она строже, нежели до сего времени было, раскрыла, какъ тѣсно и глубоко наша душевная жизнь переплетается съ нашимъ тѣлеснымъ состояніемъ, какъ разнообразныя проявленія души иногда съ безусловною силой опредѣляются различными отправлениями тѣла, движеніемъ крови, состояніемъ нервовъ и т. д., какъ наконецъ, даже способность мышленія находится въ безспорной зависимости (впрочемъ не всегда и не въ безусловной, какъ увидимъ ниже) отъ состоянія мозга и съ поврежденіемъ послѣднаго подпадаетъ также поврежденію. Словомъ: разясненію отношеній физической стороны нашей природы къ психической, духовной, новѣйшая физиологія оказала много пользы. Но если эта наука отъ тѣсной связи между мозгомъ и нашимъ мышленіемъ выводитъ заключеніе, что мысль есть не что иное, какъ непосредственное произведеніе или физическое свойство мозга, то грѣшитъ смѣшеніемъ логическихъ понятій—*условія и причины*. Дѣятельность нервовъ мозга есть неоспоримое условіе или основа, на которой, въ настоящемъ нашемъ земномъ существованіи, зиждется дѣятельность нашей мысли. Но отсюда заключать, что слѣдовательно мозгъ есть причина мысли, совершенно несправедливо: никакая телеграмма невозможна безъ электрической батареи и телеграфной про-

волоки; но кто же будетъ утверждать, что слѣдовательно баттарея и проволока—причины телеграммы? Не будь чело-вѣка, и телеграфный аппаратъ никогда не далъ бы намъ телеграммы. Такъ точно и заключеніе отъ мозга, какъ необходимаго условія нашей мыслительной дѣятельности, къ тому, что мозгъ есть единственная причина нашей мысли, рѣшительно незаконно. Мозгъ и мысль суще-ственно различны между собой, несоизмѣримы: одинъ принадлежитъ къ физической природѣ, другая — къ об-ласти явленій духовныхъ. Какимъ же образомъ физи-ческая причина можетъ произвести дѣйствіе или яв-леніе съ свойствами вовсе не физического характера? Мозгъ видимъ, осязаемъ, измѣряемъ, взвѣшиваемъ и т. д. Ясно, что и дѣйствіе его должно обладать также свой-ствами чисто физическими. Между тѣмъ мысль невидима, неосязаема, неизмѣряема, невзвѣшиваема и проч.; сло-вомъ неуловима для нашихъ внѣшнихъ чувствъ и только познается нашимъ непосредственнымъ сознаниемъ. Мо-жетъ ли быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что, слѣдо-вательно, и причина ея, истинная, настоящая причина, должна быть невидимою, неосязаемою, неизмѣряемою, словомъ—духовною, которую мы и обозначаемъ общимъ именемъ «душа»? Не будь души, и нашъ мозгъ не произ-ведетъ никакой мысли.

Однако до сего времени мы говорили только противъ поспѣшныхъ и неправильныхъ выводовъ матеріализма (опирающагося въ своемъ умозаключеніи якобы на есте-ствознаніе), отъ состоянія и дѣятельности нашего мозга къ нашей мысли, какъ его непосредственному произве-денію. Теперь перейдемъ къ положительнымъ доказатель-ствамъ самостоятельности нашей души, насколько пред-ставляютъ ихъ намъ дѣйствительно твердыя данныя со-временнаго естествознанія, какъ науки въ строгомъ смы-слѣ слова. Послѣ этого разсмотримъ отдѣльно и вопросъ о безсмертіи нашей души.

Естествознаніе, какъ наука, рѣшительно отвергаетъ

матеріалистическое пониманіе мысли, какъ химическаго процесса, совершающагося въ мозгу. Оно доказываетъ, что мозгъ, какъ и всѣ другіе органы нашего тѣла, вслѣдствіе постоянной утраты однихъ мозговыхъ частицъ и появленія на ихъ мѣстѣ другихъ, новыхъ, находится въ непрерывной измѣнчивости. Отсюда одинъ изъ естествовѣдцовъ *) совѣтуетъ супругамъ чрезъ каждыя семь лѣтъ снова вѣнчаться; такъ какъ по истеченіи этого періода супружества они уже перестаютъ быть тѣми лицами, которыя въ свое время клялись предъ алтаремъ въ вѣрности другъ другу. Дѣйствительно, еслибы вся наша духовная жизнь была продуктомъ измѣнчивой матеріи, то мы неизбѣжно должны были бы послѣдовать совѣту ученаго: съ измѣненіемъ мозговаго вещества, съ непрерывнымъ обмѣномъ мозговыхъ частицъ, въ насъ постоянно должны были бы также исчезать старыя мысли, представленія, желанія и чувствованія; о непрерывномъ и неизмѣнномъ самосознаніи, о единствѣ духовной личности не могло бы быть и рѣчи. Къ счастью, при всѣхъ измѣненіяхъ проявленій нашей духовной жизни, мы всегда сознаемъ себя неизмѣнными въ существѣ, однимъ лицомъ. Ясно, что это единство самосознанія, это постоянство и неизмѣнность личности держатся не на вѣчно-измѣнчивомъ мозгѣ, но на другомъ жизненномъ основаніи нашихъ душевныхъ проявленій, на томъ, что мы называемъ «душой», какъ особой субстанціей нашей природы.

Позволимъ себѣ, далѣе, спросить матеріалистовъ, этихъ мнимыхъ жрецовъ естествознанія: если дѣйствительно въ насъ мыслить мозгъ, то почему высшія животныя не мыслятъ одинаково или подобнымъ же образомъ, какъ человѣкъ? Вопросъ этотъ не безосновательный. Сами матеріалисты **) съ особенною настойчивостію и удоволь-

*) Жанъ Поль.

**) Бюхнеръ: „Сила и матерія“.

ствіемъ указываютъ, что ни по формѣ, ни по составу («ни морфологически, ни химически», какъ они выражаются ученымъ языкомъ) нельзя показать существеннаго отличія между мозгомъ животнаго и мозгомъ человѣка; есть различіе только въ степени развитія. Но если между духовною жизнью человѣка съ ея проявленіями въ наукѣ и искусствѣ, въ языкѣ и самосознаніи, въ историческомъ развитіи и религіи, и тупою, неразумною и бессознательною жизнью даже самой развитой обезьяны мы все-же находимъ непроходимую пропасть; то, очевидно, основаніе духовнаго различія ихъ между собой, при существенномъ сходствѣ ихъ мозга, должно лежать уже не въ мозгѣ, а въ чемъ-то другомъ, чѣмъ владѣетъ человѣкъ и чего не имѣютъ животныя, т.-е. въ душѣ, существенно отличной въ человѣкѣ отъ души животныхъ. Отсюда, намъ кажется, вполне справедливо замѣчаніе одного французскаго ученаго: «чѣмъ болѣе находятъ физическаго сходства между человѣкомъ и животными, тѣмъ яснѣе выходитъ на свѣтъ различіе ихъ въ духовныхъ способностяхъ, которыя человѣку врождены, а животнымъ вовсе чужды».

Правда, матеріалисты, чтобы ослабить это различіе, усиливается доказать, что человѣкъ не владѣетъ никакими высшими природными способностями души, чуждыми животнымъ, что все, что заключается въ нашемъ разумѣ въ формѣ, такъ называемыхъ, понятій и идей, вошло въ него чрезъ отверстіе нашихъ внѣшнихъ чувствъ. Но это утвержденіе—грубое заблужденіе. Конечно никому неказывается отрицать, если угодно, что въ нашей душѣ нѣтъ ничего врожденнаго, напримѣръ законовъ мышленія, въ силу которыхъ мы только и въ состояніи связывать мысли въ одно цѣлое, или идеи истины, добра и красоты; но пока это отрицаніе стоитъ въ непримиримомъ противорѣчій съ опирающимся на наше самосознаніе содержаніемъ нашего духа, мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ признать его справедливымъ. Многія животныя владѣютъ болѣе развитыми и острыми орга-

нами внѣшнихъ ощущеній, нежели человекъ; почему же однако, если все входитъ въ нашъ духъ только при посредствѣ внѣшнихъ чувствъ, эти животныя не обнаруживаютъ способности логическаго мышленія, или не заявляютъ своихъ идей истины, добра и красоты?

Здѣсь не можемъ не привести словъ одного извѣстнаго въ наше время естествовѣда, обращенныхъ къ материалистамъ: «я не хочу, господа, поставить васъ въ затрудніе задачей—объяснить мнѣ въ подробностяхъ процессъ, которымъ, на примѣръ, выдѣляется и образуется чувство прекраснаго въ мозгу. Объясните мнѣ только одно, какимъ образомъ самое простое представленіе, наприм. дерева, закона или правила, можетъ быть познано и признано именно какъ химическій элементъ или соединеніе многихъ такихъ элементовъ, находящихся въ мозгу? Естествовѣдъ, высказывающій извѣстное сужденіе о предметѣ и однако отказывающійся оправдать свое объясненіе показаніемъ самой возможности, не говоря уже о дѣйствительности, образованія предмета, по нашему мнѣнію, не есть дѣйствительный естествовѣдъ». Величайшій авторитетъ нашего столѣтія въ области химіи, Либихъ, въ виду самодовольнаго легкомыслія материалистовъ, съ которымъ они рѣшаютъ труднѣйшіе вопросы науки о природѣ, не стѣсняясь называлъ ихъ «скоморохами на полѣ естествознанія».

Соглашаясь между собой въ пониманіи мысли, какъ продукта нашего мозга, материалисты однако до сего времени не могутъ столкнуться между собой, въ чемъ собственно состоитъ производительная дѣятельность мозга при образованіи мыслей. По однимъ изъ нихъ мозговые нервы дѣйствуютъ въ этомъ случаѣ подобно натянутымъ струнамъ, подвергаясь колебаніямъ, зачинающимся въ самомъ центрѣ мозга и оттуда распространяющимся далѣе. Другіе предполагаютъ столкновеніе въ нервныхъ шарикахъ, передающееся отъ одного къ другому, и въ этомъ видятъ фізіологическую основу мысли. Третьи усматри-

вають фізическаго дѣятеля мысли въ нѣкоторой бѣлко-видной жидкости въ нервахъ, которая, подвергаясь давлению въ одномъ концѣ, передаетъ это давленіе далѣе и эту нервную жидкость или текучесть называютъ то эфиромъ, то матерією свѣта, то матерією огня. Наконецъ, иные мыслепроизводителя въ нервахъ называютъ электричествомъ. Вы видите, какой сумбуръ въ предположеніяхъ матеріализма, изъ которыхъ каждое равно не доказано, даже только относительно вопроса, на какомъ физическомъ дѣятелѣ утверждается наша мысль. Понятно, что о рѣшеніи другаго вопроса, самого существеннаго, какъ именно нервные шарики или нервная жидкость превращаются въ богатое и разнообразное содержаніе душевной жизни, не можетъ быть и рѣчи.

Наконецъ, не можемъ не выставить противъ матеріализма цѣлаго ряда фактовъ, рѣшительно опровергающихъ его гипотезу о несамостоятельности нашей души. Эти факты не только открываютъ намъ всю невозможность производства души изъ мозга въ ся цѣломъ видѣ и отдѣльныхъ явленіяхъ, но и прямо исключаютъ всякое такое производство. Именно, вопервыхъ: еслибы душа была только проявленіемъ мозга, то чѣмъ объяснить такіе случаи, не разъ наблюдаемые медиками, что при поврежденіи частей мозга или даже при совершенномъ разрушеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, въ мыслительныхъ способностяхъ души не происходитъ никакого соответствующаго поврежденія? Вовторыхъ: какъ возможны всѣ тѣ явленія, которыя обыкновенно причисляются къ темной сторонѣ человѣческой природы, напримѣръ явленія сомнамбулизма, провѣренныя и утвержденныя наукой? Не разъ наблюдались такіе случаи: тѣло погружено въ мертвенный сонъ, ухо не воспримчиво ни къ какому шуму, стуку, грому, глазъ оцѣпенѣло устремленъ въ пустое пространство; между тѣмъ душа восходитъ до необычайной степени жизненности и дѣятельности: она обнаруживаетъ замѣчательную остроту пониманія относительно при-

чнѣ тѣлесныхъ болѣзней; иногда она представляется какъ будто совершенно перерожденною; такъ какъ въ магнетическомъ снѣ нѣкоторыя необразованныя лица говорятъ о такихъ предметахъ, которыя въ обыкновенномъ состояніи совершенно чужды ихъ знанію, и говорятъ иногда совсѣмъ на незнакомомъ имъ языкѣ. Какъ объяснить эти явленія, если не хотятъ признать душу самостоятельнымъ существомъ въ нашемъ тѣлѣ, существомъ, которое прямо свободнѣе и шире раскрывается, отрѣшаясь отъ посредничества тѣлесныхъ органовъ? При разсмотрѣніи указанныхъ и другихъ непонятныхъ явленій души не должны ли мы согласиться, что душа сама въ себѣ заключаетъ неисчерпаемое богатство жизни, въ скрытую глубину которой мы доселѣ не въ состояніи еще проникнуть? Наконецъ, въ третьихъ, не открывается ли предъ нами непререкаемо самодѣятельность души въ минуты разрѣшенія ея отъ брэнной тѣлесной оболочки? Какую иногда высоту духа, ясностію умственного взора и силою чувства и воли поражаютъ насъ умирающіе при видимомъ угасаніи ихъ тѣлесной жизни! Здѣсь мы присутствуемъ какъбы при явномъ переживаніи душею своего тѣла: тѣло испускаетъ послѣдній вздохъ, а душа еще полна неистощимой жизненной силы!

Всѣ эти наши соображенія въ пользу самостоятельности души и противъ матеріалистическаго пониманія ея, какъ произведенія или обнаруженія тѣла, намъ кажется, достаточно подготовили почву и для рѣшенія другаго, поставленнаго нами вопроса: вопроса *о безсмертіи нашей души*.

Итакъ, переходимъ къ этому вопросу. Ставимъ себѣ яснѣе вопросъ: представляетъ ли намъ сама въ себѣ душа ясныя и положительныя свидѣтельства своего безсмертія?

Прежде всего необходимо точнѣе опредѣлить, въ какомъ смыслѣ мы говоримъ о нашей душѣ. Понятно, что мы не будемъ входить здѣсь въ разнообразныя психологическіе вопросы, относящіеся къ существу души. Для на-

шей цѣли довольно будетъ, если мы объяснимъ, въ какомъ изъ двухъ словонаименованій мы будемъ понимать «душу». Извѣстно, что природу человѣка раздѣляютъ на двѣ или на три части и поэтому говорятъ: она состоитъ изъ тѣла и души, или: изъ тѣла, души и духа. Въ послѣднемъ случаѣ душой называется связующій посредствующій членъ между тѣломъ, которымъ мы принадлежимъ видимому міру, и духомъ, который разумно мыслить и свободно желаетъ. Душѣ поэтому принадлежали бы только способности воспріятія и ощущенія, или лучше, способности общія съ животными: и собака имѣетъ душу, въ силу которой она слышитъ и видитъ, ощущаетъ боль и удовольствіе и т. д. Въ этомъ широкомъ смыслѣ, безъ сомнѣнія, никто не будетъ утверждать безсмертія души, то есть души не только человѣка, но и животныхъ. Безсмертіе принадлежитъ собственно самосознательному и свободно-опредѣляющему себя духу и въ этомъ смыслѣ мы будемъ говорить о нашемъ духовномъ безсмертіи. Но такъ какъ строгое раздѣленіе того, что собственно принадлежитъ душѣ и духу въ человѣкѣ, невозможно; то мы поступимъ не безосновательно, если, пользуясь общепринятымъ словоупотребленіемъ, будемъ доказывать безсмертіе нашей души, а не духа. Не будемъ только забывать, что подъ словомъ душа мы должны разумѣть не животную, но, такъ сказать, духовную сторону человѣческой души.

Еще одно предварительное объясненіе. Подъ безсмертіемъ души мы будемъ разумѣть безсмертіе всѣхъ душъ человѣческихъ безъисключительно, а не тѣхъ лишь, которыя будто бы пріобрѣтаютъ его только энергіей своего духа или въ купѣли возрожденія отъ Духа Св., какъ это утверждаютъ нѣкоторые. Всякая душа, какова бы ни была въ нравственномъ отношеніи, безсмертна. Разность только въ томъ, что однимъ суждено блаженное безсмертіе, другіе всю вѣчность должны томиться въ мукахъ. Начало безсмертія вытекаетъ *изъ самаго существа* человѣческой

души, независимо отъ различныхъ степеней содержанія, какое въ ней заключается.

Итакъ, мы уже предуказали, что безсмертіе нашей души неотразимо вытекаетъ изъ самаго ея существа. Можно ли и чѣмъ это доказать? Можно и слѣдующимъ:

Вообще говоря, душа человѣка сама въ себѣ представляетъ свидѣтельства своего безсмертія. Въ частности эти свидѣтельства слѣдующія:

Вопервыхъ: всеобщая или повсюдная и постоянная, идущая чрезъ всѣ вѣка, увѣренность человѣческой души въ ея безсмертіи, увѣренность рѣшительно необъяснимая безъ предположенія дѣйствительной принадлежности безсмертія самому существу души.

Кто можетъ оспорить, что надежда на безсмертіе души принадлежитъ человѣчеству во всемъ его родѣ и во всѣ времена? Пойдите, куда хотите, отправьтесь къ какому угодно народу, и вы вездѣ встрѣтите эту надежду въ той или иной формѣ. Краснокожіе индійцы скажутъ вамъ: «посмотрите на рисовое зерно: оно истлѣваетъ въ землѣ, но опять оживаетъ; ужели мы индійцы должны навсегда умереть?» Гренландцы укажутъ вамъ на лучи сѣвернаго свѣта и скажутъ вамъ, что въ нихъ витаютъ умершія души. Обратитесь къ преданію древнихъ народовъ, и вы найдете, что ни одинъ народъ не признавалъ поконченною жизнь человѣка съ его смертію. Иногда представленія будущей жизни полны безотрадныхъ и даже ужасающихъ картинъ; иногда они слишкомъ напоминаютъ настоящую, земную жизнь со всѣми ея принадлежностями; по этимъ представленіямъ вы можете судить о сравнительныхъ ступеняхъ высоты языческихъ религій; но вездѣ вы встрѣтите одно убѣжденіе, что душа со смертію не уничтожается. Негры Африки, поклонники фетишей, вмѣстѣ съ своими умершими начальниками кладутъ въ могилу дорогія вещи и на вершинѣ могилы приносятъ въ жертву военнопленныхъ, дабы и по ту сторону гроба ихъ вождь имѣлъ приличную обстановку и служителей. Об-

разованные брамины ревностно заботятся о томъ, чтобы не пришлось имъ блуждать по землѣ, переселяясь въ безчисленныхъ животныхъ, а скорѣе достигнуть мѣста блаженства; даже буддисты, полагающіе конечною и возделѣнною цѣлю своего бытія погруженіе въ чистое небытіе, въ ничто, ближайшимъ образомъ вѣрятъ въ переселеніе душъ и такимъ образомъ далеки отъ мысли, что души исчезаютъ вмѣстѣ и одновременно съ тѣломъ. Есть народъ, у котораго вѣра въ безсмертіе даже сильнѣе развита, нежели вѣра въ Бога; таковы китайцы: у нихъ не столько поклоненіе Богу, сколько почитаніе предковъ составляетъ сердце религіи.

Въ согласіи со всѣмъ язычествомъ мы видимъ вѣрованія и лучшихъ представителей древней Греціи и Рима. Греческій поэтъ Пиндаръ поетъ: «тѣло каждаго человѣка подлежитъ страшной смерти, но отшедшая душа остается свободною и живою; потому, что она происходитъ отъ боговъ». Римскій ораторъ Цицеронъ въ своей книгѣ о душѣ говоритъ: «кто повѣритъ, что разумная душа можетъ быть лишена своей существенной дѣятельности, познанаія вещей и ихъ разсматриванія, съ отдѣленіемъ отъ тѣла? Напротивъ она лишь тогда ближе подходитъ къ послѣдней степени своего совершенства и даже въ нѣкоторой мѣрѣ приравнивается Богу, когда освобождается отъ тѣла, какъ нѣкотораго бремени». Но глубокомысленнѣе всѣхъ, когда либо учившихъ въ языческомъ мірѣ и не знавшихъ божественнаго откровенія, говоритъ о безсмертіи души Платонъ. «Нѣтъ, такъ заставляеть онъ восклицать умирающаго Сократа, не погибнетъ моя душа, предназначенная къ блаженной жизни, къ общенію съ благимъ Богомъ; она безпрепятственно вознесется къ Нему (Богу). Когда душа оставляетъ тѣло, она ничего тѣлеснаго не беретъ съ собой и сосредоточивается сама въ себѣ; отсюда она переходитъ въ подобное себѣ, невидимое, божественное, безсмертное и разумное, чтобы стать блаженною». Нужно ли говорить,

что у всѣхъ образованныхъ и полуобразованныхъ народовъ новаго, т.-е. христіанскаго времени, увѣренность въ безсмертіи души составляетъ, такъ сказать, неотъемлемую стихію ихъ религіозной вѣры вообще.

Спрашивается теперь: откуда это согласіе въ вѣрѣ въ безсмертіе у всѣхъ народовъ? Можно ли допустить, чтобы оно какимъ либо путемъ извнѣ привзошло въ сознаніе человѣчества? Не все ли, напротивъ, окружающее насъ, весь видимый міръ рѣшительно противорѣчитъ этой надеждѣ на безсмертіе? Законъ смерти царствуетъ надъ всѣми въ видимомъ мірѣ: «рожденіе и смерть, по выраженію поэтовъ, вѣчно смѣняющіяся волны безбрежнаго моря жизни». Дѣйствительно каждый шагъ мы дѣлаемъ на могилахъ погибшихъ родовъ животныхъ и человѣка; каждый день производитъ новыя опустошенія въ рядахъ живыхъ существъ и при всемъ томъ, вопреки ежедневному опыту, вѣра въ безсмертіе проходитъ чрезъ всю исторію человѣчества! Ужели же она внесена въ насъ извнѣ, изъ міра смерти?

Правда, говорятъ нѣкоторые, эта вѣра есть собственное порожденіе нашей души, но порожденіе незаконное, ложное, обманчивое, вытекающее изъ побужденія самоутѣшенія при потерѣ дорогихъ намъ лицъ, подпавшихъ жребію смерти. Такъ могутъ разсуждать лишь тѣ, кто въ дѣйствительности никогда не терялъ безгранично-любимыхъ ими лицъ, съ разбитымъ сердцемъ не стоялъ у гроба своего дитяти, жены или мужа, отца или матери. Скажите: въ такія минуты не скорѣе ли угрожаетъ вамъ опасность впасть въ безутѣшное отчаяніе, нежели утѣшать себя самоизобрѣтеннымъ ложнымъ представленіемъ жизни (еслибы только это представленіе было выдумкой людей) мертвыхъ по ту сторону гроба? И если даже допустить въ исключительныхъ личностяхъ необычайное возбужденіе фантазіи, то какъ возможно, чтобы такой источникъ послужилъ причиною вѣчнаго и всеобщаго убѣжденія людей въ безсмертіи души? Затѣмъ, справе-

дливо ли утверженіе, что мысль о безсмертіи всегда и вездѣ носить на себѣ по преимуществу утѣшительный характеръ? Напротивъ не многимъ ли она причиняетъ болѣе муки, чѣмъ утѣшенія, муки, отъ которой они желали бы избавиться всякою цѣной? У всѣхъ народовъ, за исключеніемъ христіанскихъ, въ представленіяхъ о посмертной жизни болѣе развитыми и разительными оказываются черты, обрисовывающія загробныя мученія, нежели загробное блаженство. Какъ же человѣчество могло изобрѣсть не столько радующее, сколько устрашающее утѣшеніе при разставаніи съ настоящею жизнію? И сами отрицатели нашего безсмертія нерѣдко переживаютъ такія минуты, когда чувствуютъ невольную дрожь предъ будущимъ судомъ за гробомъ.

Такъ вѣра въ продолженіе нашей жизни за порогомъ смерти не извнѣ навѣяна въ нашу душу, не изнутри порождена въ ней силою произвольной фантазіи, но вкоренена въ самую природу ея, нестрѣшима отъ ея существа; потому что принадлежитъ самому ея существу.

Восторжъ: безсмертіе души свидѣлствуется ея рѣшительною и постоянною неудовлетворенностію въ настоящей жизни. Не проходитъ ли чрезъ всѣ наслажденія благами міра сего общее всѣмъ намъ ощущеніе какой-то горечи, пустоты, разочарованія? Въ юношескомъ возрастѣ мы воспитываемъ и лелѣемъ въ себѣ самыя радужныя мечты, свѣтлыя надежды; но съ наступленіемъ возраста трезвой зрѣлости, спокойной разсудительности или съ закатомъ дней нашей жизни не вынуждаемся ли мы невольно съ горькимъ разочарованіемъ осматривать пройденный нами жизненный путь? И замѣчательно: именно люди, наиболѣе осчастливленные всевозможными дарами жизни, чаще и глубже другихъ ощущаютъ недовольство жизнію и вслѣдъ за Соломономъ повторяютъ: «суета суесть, все суета и томленіе духа»! Не случайно, но по глубоко-мудрому промислительному дѣйствию Божию Священная исторія оставила намъ на память подробное жизнеописаніе

саніе счастливѣйшаго изъ людей земнаго міра, Соломона, и въ тоже время сохранила до насъ его общій приговоръ богатству, радостямъ, всѣмъ наслажденіямъ, всей жизни въ настоящемъ мірѣ: «суета суетъ и все суета». Историческая личность Соломона есть общій образъ (типъ) счастливцевъ этого міра, а его суровый, разочарованный приговоръ надъ настоящею жизнію есть послѣднее заключительное слово о всякомъ земномъ счастьи, есть вѣчное пророчество объ истинномъ достоинствѣ земнаго благополучія. «Суета суетъ и все суета» — это итогъ, подведенный подъ всю человѣческую жизнь на землѣ. Въ наше время такое безотрадное сужденіе о жизни нашло себѣ цѣльное философское выраженіе и обоснованіе въ такъ называемой «философіи пессимизма» *), по которой въ земномъ мірѣ нѣтъ никакой разумной цѣли и надъ всѣмъ господствуетъ одна слѣпая воля или «безсознательное». Нельзя не признать знаменательнымъ, что именно въ наше время всеобщей преданности земнымъ интересамъ, общаго исканія удовлетворенія всѣмъ нашимъ, высшимъ и низшимъ, потребностямъ только въ настоящемъ мірѣ, выступаетъ впереди всѣхъ философскихъ ученій именно философія разочарованія въ земной жизни. Несмотря на коренную ложь ея ученія: «все въ мірѣ лишено разумныхъ цѣлей и всѣмъ управляетъ слѣпая воля или попросту какая-то глупая, неразумная сила» («безсознательное»), она вмѣщаетъ въ себѣ и нѣкоторую долю истины, именно, что при отрѣшеніи земнаго міра отъ небеснаго, при ограниченіи нашихъ стремленій къ благу удовлетвореніемъ ихъ въ настоящей жизни, мы должны въ концѣ концовъ признать, что настоящій міръ есть только міръ призрачныхъ благъ, мѣсто томленія и крушенія духа, вмѣстилище суеты суетъ и всяческой суеты!

Откуда теперь, спрашиваемъ, эта общая неудовлетворяемость духа настоящею жизнію при всемъ богатствѣ и раз-

*) Шопенгауера и Гартмана.

нообразіи ея благъ? Не странное ли это явленіе? Всѣ другія живыя существа въ мірѣ, окружающія насъ, наслаждаются своимъ счастіемъ, каждое въ мѣру своей природы. Животныя чувствуютъ себя совершенно удовлетворенными своимъ бытіемъ. Почему же, снова говоримъ, между тѣмъ какъ всѣ другія наши сожители на землѣ находятъ въ ея благахъ полное удовлетвореніе своему существу, своей природѣ, только мы одни, люди, высшія земныя творенія не можемъ достигнуть равновѣсія между требованіями нашего духа и удовлетвореніемъ ихъ со стороны настоящаго міра? Почему первыя всегда превышаютъ послѣднее и потому причиняютъ намъ вѣчно-жгучую боль въ сердцѣ, поддерживаютъ въ насъ постоянное чувство горечи? Не потому ли, что по самой природѣ нашей души мы только временные граждане этого переходящаго міра и вѣчные жители высшаго, небеснаго міра: *не имѣемъ здѣсь постоянного града, но ищемъ будущаго* (Евр. 13, 14)? Да, именно такъ; это—единственная разгадка нашего загадочнаго недовольства земнымъ міромъ.

Въ третьихъ: вѣрное свидѣтельство души о ея безсмертіи мы находимъ въ ея нравственномъ чувствѣ. Одно изъ наиболѣе важныхъ свойствъ нашей души, стоящихъ выше всякаго отрицанія, есть ея совѣсть. Голосъ совѣсти иногда можетъ заглушаться или даже извращаться; но самое существо совѣсти никогда не можетъ быть съ корнемъ уничтожено въ душѣ человѣческой. Дѣйствіе этой силы состоитъ въ томъ, что она различаетъ между добромъ и зломъ и это различіе сопровождаетъ требованіемъ различныхъ послѣдствій добра и зла,—награды за добро и наказанія за зло. Въ этомъ требованіи мы имѣемъ выраженіе вложеннаго въ нашу душу рукою правосуднаго Творца нравственнаго чувства, чувства правды, высшей справедливости, по которой добродѣтель и награда, съ одной стороны, и порочность и наказаніе, съ другой, должны находиться въ безусловномъ согласіи.

Что такого согласія на землѣ не существуетъ, этого,

конечно, никто оспаривать не будетъ. Человѣческая справедливость осуществляетъ только незначительную часть того, чего требуетъ высшая божественная правда. И вообще, по винѣ человѣческой, правда въ мірѣ является въ такомъ несовершенствѣ, въ такой неполнотѣ, которыя рѣшительно противорѣчатъ нашему нравственному чувству. Если злодѣй созидаетъ свое счастье на бѣдствіи и страданіяхъ другихъ и остается ненаказаннымъ ни судомъ человѣческимъ, ни, повидимому, судомъ Божиимъ, то не должны ли въ насъ поколебаться всѣ понятія о добрѣ и злѣ, о правдѣ и неправдѣ при ограниченіи правды однимъ неполнымъ раскрытіемъ ея на землѣ? Вотъ почему наше нравственное чувство ожидаетъ полнаго уравниванія между добромъ и наградою и зломъ и наказаніемъ въ будущей жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ неумолкаемо свидѣтельствуетъ о продолженіи нашей жизни за гробомъ. Эта увѣренность въ жизни души по смерти тѣла такъ глубоко лежитъ въ нашемъ нравственномъ чувствѣ, что только съ уничтоженіемъ послѣдняго можетъ быть и она искоренена въ насъ; но для такого уничтоженія потребовалось бы извращеніе самаго существа нашей души. Слѣдовательно, пока наша душа остается тою, какою дана намъ самимъ Творцомъ, она въ своемъ врожденномъ нравственномъ чувствѣ представляетъ намъ безобманчивое свидѣтельство своего безсмертія. Не можемъ не привести здѣсь словъ тѣмъ болѣе знаменательныхъ, что они вышли изъ устъ не какого либо богослова, вѣрующаго, такъ сказать, по профессіи, но одного изъ знаменитыхъ естествовѣдцовъ нашего вѣка. «Потребность, говоритъ Кьюве въ своей «исторіи млекопитающихъ», въ будущемъ порядкѣ вещей чувствуется съ особенною силой; такъ какъ мы нигдѣ не находимъ, чтобы Творецъ природы въ какой либо другой части міра допустилъ такой безпорядокъ, какой мы должны были бы признать въ человѣческомъ мірѣ, если бы не вѣрили въ справедливое возмездіе по ту сторону міра».

Покончивъ съ свидѣтельствами отдѣльныхъ сторонъ нашей души о ея безсмертіи, обратимся къ цѣлому ея существу. Что говоритъ намъ вся душа? Мы ссылаемся на собственный внутренній опытъ каждаго изъ насъ и спрашиваемъ: не носитъ ли наша душа твердое убѣжденіе въ себѣ, что она есть нѣчто существенно отличное, несравненно высшее, нежели всѣ другія, окружающія насъ, живыя существа, подлежащія общему жребію тлѣнія?

Разсмотримъ ближе это наше сознаніе превосходства человѣка предъ животными. Ни одно животное само по себѣ не имѣетъ никакой особенной задачи въ мірѣ для ея выполненія: каждое изъ нихъ назначено собственно продолжать свой родъ, въ которомъ одинъ экземпляръ имѣетъ такое же достоинство, какъ и другой. Отсюда всѣ животныя по своему назначенію принадлежатъ только землѣ, постепенно появляясь на ней и постепенно исчезая безъ всякаго слѣда. Человѣкъ, напротивъ, есть неоспоримо болѣе, нежели только часть своего рода: онъ есть личность съ особеннымъ характеромъ; онъ самосознательно противопоставляетъ себя, какъ определенное и исключительное лице, всѣмъ другимъ людямъ, отъ которыхъ во многомъ отличается. Въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ находится особый родъ мыслей, ощущеній, желаній и проч.; онъ не можетъ быть замѣненъ безусловно никѣмъ другимъ, и если онъ выходитъ изъ рядовъ живыхъ людей, то происходитъ на его мѣстѣ пустота въ общемъ организмѣ человечества, которое изъ полноты отдѣльныхъ, самостоятельныхъ личностей образуетъ единство многообразнаго цѣлаго. Въ виду такого отличія человѣка отъ животныхъ, его сознанія превосходства предъ всѣми тварями міра, надъ которыми онъ господствуетъ, его разумно-свободной личности, силы которой для своего развитія пуждаются въ безграничномъ времени, его духовной природы, уже въ своей земной жизни смѣлымъ полетомъ мысли возвышающейся надъ всѣми

границами мѣста и времени,—можно ли признать, чтобы человѣкъ подлежалъ тому же закону уничтоженія, какому и прочія животныя міра, во мракѣ безсознательности проводящія свою однообразную жизнь? Нѣтъ, невозможно! Какъ скоро человѣкъ сознаетъ себя какъ слѣдуетъ, онъ въ то же время чувствуетъ и знаетъ, что это дѣйствительно невозможно. Если мы справедливо говоримъ: «я мыслю, слѣдовательно я существую»; то также справедливо будетъ и слѣдующее положеніе: «я сознаю себя, отличаю себя отъ другихъ, я всегда есмь отдѣльная самостоятельная личность; слѣдовательно я всегда и буду существовать, не могу исчезнуть въ безграничнсмъ и безразличномъ морѣ бытія или въ пучинѣ небытія». Духъ человѣка не можетъ представить себя не существующимъ.

Не можетъ представить себя не существующимъ духъ человѣка! Въ самомъ дѣлѣ: можете ли вы представить себѣ какимъ-либо образомъ уничтоженіе нашей души? Подумайте, и увидите, что это невозможно. Вотъ новое доказательство нашего безсмертія! Остановимся на немъ.

Въ мірѣ матеріальныхъ предметовъ мы замѣчаемъ разложеніе ихъ на составныя и основныя части (элементы), но ни одна изъ этихъ частей или элементовъ не пропадаетъ совершенно и всегда въ томъ или иномъ видѣ сохраняется. Вода, поднимается ли въ видѣ пара на воздухъ, охладѣваетъ ли до образованія изъ себя льда, или входитъ въ составъ растений, въ кровь животныхъ и проч., во всякомъ случаѣ остается по существу водой, хотя бы и въ разнообразныхъ формахъ. Ни одна водяная капля, бывшая въ морѣ во дни міротворенія, не пропала къ нашему времени; безчисленное количество разъ она переходила изъ глубины моря въ облака, низпадала на вершины горъ, спускалась на холмы и долины и затѣмъ разными посредствующими путями снова погружалась въ море. Но никогда не терялась она безусловно и точно также всѣ другія капли, несмотря на ихъ безграничное множество. То же самое нужно сказать и о всякой дру-

гой частицѣ матеріи. Если человѣческое тѣло, опущенное въ могилу, подвергается тлѣнію и въ этомъ тлѣніи разлагается на свои первоначальныя части (элементы); то все же ни одна пылинка его не теряется, а входитъ въ новыя соединенія съ другими матеріальными частями. Не только матерія, а также и сила неуничтожима. Одно изъ новѣйшихъ открытій Физики состоитъ въ наблюдении и утвержденіи закона сохраненія силы, по которому, напримеръ, сила движенія, производящая ударъ одного тѣла о другое, превращается въ строго соответствующее количество теплоты, а теплота опять въ видѣ пара можетъ быть превращена въ движущую силу, при чемъ не пропадаетъ ни одна часть первоначальной силы. «Вездѣ, говоритъ современный англійскій физикъ Тиндаль, превращеніе, но нигдѣ нѣтъ уничтоженія».

Если ни одна частица матеріи неистребима, то какъ мы можемъ представить только разрушеніе и уничтоженіе нашей души *), предполагая ее самостоятельнымъ существомъ по отношенію къ тѣлу, когда она несравненно выше всякой воды, желѣза и проч., свободно властвуетъ надъ многими силами природы, по своему существу безтѣлесна и потому неразложима и поситъ въ себѣ ясное сознаніе своей непреходящности? Говорятъ, что для уничтоженія даже только одного атома въ мірѣ потребова-

*) О душѣ животныхъ не можетъ быть здѣсь рѣчи, такъ какъ мы говоримъ о безсмертіи человѣческой души по тому ея существу, которымъ она рѣшительно и безусловно отличается отъ душъ животныхъ и изнутри котораго мы черпали самыя свидѣтельства ея безсмертія: ея увѣренность въ своемъ безсмертіи, ея неудовлетворимость земнымъ состояніемъ, ея нравственное чувство, ея сознаніе превосходства надъ всѣми прочими тварями видимаго міра. Зерно безсмертія мы признаемъ не въ тѣхъ низшихъ силахъ или способностяхъ нашей души, которыми она родственна всѣмъ прочимъ тварямъ животнаго міра, но въ тѣхъ высшихъ сторонахъ ея, которыми она существенно отличается отъ души животныхъ, какъ духъ, хотя и не можемъ провести въ ней строгой пограничной черты между душой вообще и духомъ въ особенности.

лось бы полное всемогущество Божіе; такъ это уничтоженіе было бы не меньшимъ чудомъ, нежели твореніе. Если это справедливо, то какъ возможно допустить, чтобы это чудо уничтоженія изъ всего существующаго на землѣ совершалось только надъ однимъ высшимъ бытіемъ, надъ человѣческой душой и надъ каждой новой душой всегда снова? Немыслимо! Наша душа представляетъ сама въ себѣ положительныя свидѣтельства, что она отнюдь не менѣе, если не болѣе, непреходяща, чѣмъ основныя части матеріи и основныя силы бездушнѣ природы. Такъ съ полнымъ правомъ человѣкъ, разсматривая существо своей души, можетъ сказать: «я существую, слѣдовательно я безсмертенъ».

На основаніи всего сказаннаго нами доселѣ, намъ думается, мы хотя кратко и несовершенно, но со всѣхъ существенныхъ сторонъ разслѣдовали вопросъ о безсмертіи нашей души. Изъ этого разслѣдованія мы выводимъ слѣдующее общее заключеніе: такъ какъ основанія нашего безсмертія заключаются въ самой природѣ нашей души—въ ея отдѣльныхъ сторонахъ и въ цѣломъ существѣ,—такъ какъ смерть души стояла бы въ противорѣчій съ ея природой, то мы не только въ правѣ, но даже необходимо должны признать безсмертіе нашей души.

Здѣсь мы могли бы закончить наше изслѣдованіе о безсмертіи души; но, какъ не просто мыслящіе, но и вѣрующіе во Христа и Его вѣчное слово Евангелія, хотимъ еще подтвердить наше разсужденіе откровеннымъ словомъ о будущемъ состояніи нашей души по смерти тѣла. Божественное откровеніе не только подтверждаетъ наше вѣрованіе въ вѣчное существованіе нашей души, но и расширяетъ нашъ взоръ по отношенію къ тому состоянію, въ которомъ находится человѣческая душа непосредственно по переходѣ въ вѣчную жизнь и будетъ находиться по кончинѣ всего земнаго міра. Само собой разумѣется, что мы ограничимся только краткимъ и общимъ указаніемъ состоянія души за гробомъ по откоро-

венію Слова Божія; иначе намъ пришлось бы представить слишкомъ обширный трудъ по изслѣдуемому предмету.

Итакъ укажемъ, что говорить священное Писаніе наиболѣе яснаго, разительнаго и положительнаго: а) вообще о безсмертіи нашей души, б) о состояніи ея непосредственно по смерти тѣла, и в) о состояніи ея по концѣ міра.

а) Уже въ Ветхомъ Завѣтѣ отъ начала его до конца проходитъ ясное указаніе на безсмертіе нашей души въ нераздѣльной связи съ вѣрою въ возстановленіе даже истлѣвшихъ тѣлъ. Прежде всего это указаніе мы находимъ въ насажденіи Богомъ среди рая *древа жизни*, питающагося плодами котораго люди были бы безсмертны не только духовно, но и тѣлесно,—и затѣмъ въ исторіи Эноха, который за свою добрую жизнь взятъ былъ живымъ на небо. Но въ особенности въ псалмахъ и у большихъ пророковъ мы находимъ твердо выраженную надежду на вѣчное бытіе человѣка по тѣлу и душѣ. *Ты не оставишь души моей во адъ и не дашь святому твоему видѣть тлѣніе* (Пс. 15, 10); *я съ правды буду взирать на лице твое; пробудившись, буду насыщаться образомъ твоимъ* (— 16, 15). *Положена будетъ смерть на вѣки*, говоритъ Исаія, *оживутъ мертвецы твои, возстанутъ мертвыя тѣла* (Ис. 15, 8; 16, 19). Чѣмъ болѣе приближался Израиль къ временамъ пришествія Мессіи, тѣмъ совершеннѣе просвѣтлялся Духомъ Божиимъ его взоръ въ будущее состояніе человѣка по смерти тѣла. *Многіе изъ спящихъ*, говоритъ Даніиль, *въ прахъ земли пробудятся, одни для вѣчной жизни, другіе на вѣчное поруганіе и посрамленіе* (12, 2). Однако самое ясное и положительное ученіе о вѣчномъ бытіи нашихъ душъ мы имѣемъ въ Новомъ Завѣтѣ. Главныя мѣста этого ученія въ рѣчахъ нашего Господа мы уже привели въ началѣ разсужденія; здѣсь присоединимъ къ нимъ лишь слѣдующія два: на вопросъ невѣрующихъ саддукеевъ касательно вѣчной жизни по смерти Христосъ отвѣтилъ: *Моисей назвалъ Господа Богомъ Авраама, и Богомъ Исаака, и Богомъ Иакова;*

Богъ же не есть Богъ мертвыхъ, но живыхъ; ибо у Него всѣ живы (Лук. 20, 27. 28). У Іоанна говорится: *вѣрующій въ Сына имѣетъ вѣчную жизнь* (— 3, 36); здѣсь вѣчная жизнь, приписываемая вѣрующему уже въ этомъ мірѣ тлѣнія и смерти, ясно представляется не только неопредѣленно или безгранично продолжающеюся жизнію по отношенію къ времени, но вообще лишенною всякой формы времени, жизнію, для которой не будетъ никакого теченія времени, ни прежде, ни послѣ, но одно безусловно—теперь.

б) Въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда даже лучшіе люди жили на землѣ еще только чаяніемъ спасенія или искупленія отъ грѣховъ, но не наслаждались самымъ искупленіемъ, какъ дѣломъ совершеннымъ, состояніе душъ непосредственно по смерти тѣла изображается тѣнеобразною жизнію въ темномъ мѣстѣ, лишенною всякой силы и возможности прославленія Бога. Іовъ говоритъ, что послѣ земной жизни *опъ отойдетъ въ страну тьмы и сѣни смертной* (— 10, 21); псалмопѣвецъ не ожидаетъ по смерти никакого *памятованія о Богѣ* и во гробѣ никакого *прославленія Бога* (Пс. 6, 5) и всѣмъ не помышляющимъ о будущей жизни предвѣщаетъ, что, по окончаніи настоящей жизни, *какъ овецъ, заключатъ ихъ въ преисподнюю; смерть будетъ пасти ихъ, сила ихъ истощится* (—48, 15). Много свѣтлѣе и отраднѣе представляется состояніе праведныхъ (о грѣшныхъ не имѣемъ въ виду говорить) душъ за гробомъ до времени всеобщаго суда въ Новомъ Завѣтѣ, по совершеніи искупленія жертвою Господа нашего Іисуса Христа. Уже о ветхозавѣтномъ отцѣ вѣрующихъ, Авраамѣ Спасителѣ говоритъ, какъ о предвкушающемъ вѣчное блаженство въ его настоящемъ посмертномъ состояніи (Лук. 16, 22). Покаявшемуся разбойнику Христосъ обѣщаетъ: *нынѣ же будешь со Мною въ раю* (Лук. 23, 43). *Нынѣ*, т.-е. непосредственно по отрѣшеніи души отъ тѣла, ты будешь въ раю, въ общеніи со Мною. Словомъ «рай» Господь ясно и прямо (чего еще не находимъ въ Ветхомъ

Завѣтъ) выдѣляетъ въ царствѣ усопшихъ ту высшую половину его, въ которой отшедшія праведныя души находятся въ общеніи съ Богомъ. Это мѣсто тихаго покоя апостолъ называетъ *водвореніемъ у Господа* (2 Кор. 5, 8). Души людей, сотворенныя Богомъ по образу Божію и для Бога, пребывая въ земной юдоли, никогда не чувствовали себя здѣсь домашними, но какъбы чужестранными, и вотъ теперь, по отшествіи въ вѣчность, онѣ переходятъ въ истинное жилище своего небеснаго Отца (Іоан. 14, 2). Правда, это «не есть еще полное и совершенное блаженство, а только предначатіе вѣчнаго блаженства» *); однако несравненно лучше отягченія плотію, почему апостолъ и выражаетъ желаніе *разрѣшиться и быть со Христомъ; это ибо несравненно лучше* (Филип. 1, 23).

в) Душа, отрѣшенная отъ тѣла, не составляетъ полнаго человѣка. Особенность нашей природы состоитъ именно въ томъ, чтобы въ ней, какъ связующемъ членѣ двухъ міровъ, матеріальнаго и духовнаго, душа и тѣло соединились до совершенной неразрывности, до полной взаимной гармоніи и единенія. Еслибы наше тѣло вѣчно оставалось въ гробу, то по ту сторону гроба продолжало бы бытіе только нѣчто подобное намъ, нѣкоторый образъ нашъ, но не мы сами вполне и истинно, не наша цѣльная человѣческая природа. Но немислимо, чтобы въ вѣчное царство Божіе вошелъ лишь не полный образъ человѣка, лишенный существенныхъ особенностей нашей природы,—вошелъ въ царство, гдѣ должно совершиться *полное раскрытіе* жизни, предназначенное Творцемъ нашей природѣ при самомъ ея твореніи. Слово Божіе дѣйствительно и предуказываетъ, что отшедшія въ вѣчность души, по надлежащемъ приготовленіи ихъ и по кончинѣ этого міра, опять примутъ свои возстановленныя тѣла и будутъ уже жить вѣчно-полною

*) Руководство къ изученію христ. прав. — догматич. богословія мит. Макарія, 1869 г. стр. 349.

человѣческой природой: *и изыдутъ творившіе добро въ воскресеніе жизни, а дѣлавшіе зло въ воскресеніе осужденія* (Іоан. 5, 29). Воскресшее тѣло въ своемъ общемъ состояніи будетъ вполнѣ отражать внутреннее существо души: то, что прежде выражалось только частію, отрывочно и неполно въ нашей тѣлесной оболочкѣ, наприкладѣ, въ чертахъ лица и проч., въ воскресшемъ тѣлѣ откроется яснѣе, чѣмъ въ зеркалѣ, т.-е. или наша добрая, или злая душа. Такое же измѣненіе произойдетъ и съ тѣлами не умершими при кончинѣ міра (1 Кор. 15, 51. 52). Все это послѣдуетъ тогда, когда весь земной міръ, по винѣ человѣка подпавшій закону тлѣнія, *освободится отъ рабства тлѣнію въ свободу славы дѣтей Божіихъ* (Римл. 8, 21). На новой землѣ и подъ новымъ небомъ, гдѣ будетъ обитать *правда* (2 Петр. 3, 13), въ соотвѣтствіе усовершенной и просвѣтленной душѣ и наше *душевное тѣло* измѣнится въ *тѣло духовное*, нашъ образъ *перстнаго* приметъ образъ *небеснаго*, наше *тлѣнное* облечется *въ нетлѣніе*, наше *смертное* облечется *въ безсмертіе*. *Тогда сбудется слово написанное: поглощена смерть побѣдою* (1 Кор. 15, 44. 48. 53. 54.)

Закончимъ свою рѣчь словами тайновидца-апостола: *смерть! иди твое жало? адъ! иди твоя побѣда?... Благодареніе Богу, даровавшему намъ побѣду Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ!* (1 Кор. 15, 55. 57).

Свящ. І. П—скій.

УРОКИ ПОКАЯНІЯ ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗЪ ЕВАНГЕЛІЯ ВЪ ВЕЛИКОМЪ КАНОНѢ СВ. АНДРЕЯ КРИТСКАГО.

Пастырь и агнецъ.

Ты еси Пастырь добрый, взыщи мене агнца, и заблуждшаго да не презриши мене. Лук. 15, 4—7.

При чтеніи этого стиха надобно имѣть въ виду евангельскую притчу о заблудшей овцѣ. Въ этой притчѣ Господь Иисусъ выразилъ ту мысль, что грѣшникъ кающійся дороже Ему гордыхъ праведниковъ и что Онъ пришелъ привести не этихъ праведниковъ, а грѣшниковъ къ покаянію. Для нагляднаго выраженія этой мысли, Господь въ сказанной притчѣ представляетъ себя подъ образомъ пастыря, который, потерявъ одну изъ сотни своихъ овецъ, ушедшую изъ стада, бросаетъ въ пустынь 99, ищетъ ее и если найдетъ (Мат. 18, 13), беретъ ее съ радостію на плеча и пришедши домой, къ участію въ своей радости о найденной овцѣ приглашаетъ друзей и сосѣдей. «Глаголю вамъ, заключаетъ притчу Спаситель, яко радость будетъ на небеси о единомъ грѣшницѣ кающемся, нежели о девяностидесяти и девяти праведникахъ, иже не требуютъ покаянія», т.-е. о мнимыхъ праведникахъ, самодовольно почитающихъ себя не нуждающимися въ покаяніи (Лук. 15, 7).—Всѣ черты притчи глубоко трогательны.—Овца заблудшая и обрѣтенная—образъ грѣшника, взысканнаго благодатію и спасеннаго. И какой выразительный образъ! Овца, убѣжавшая изъ стада, скрывшаяся отъ надзора пастуха, есть самое жалкое животное. Она подвергается опасности попасть туда, гдѣ нѣтъ ни

корма, ни воды, затеряться въ непроходимой лѣсной чащѣ, или въ тущобѣ, и сдѣлаться добычею хищнаго звѣря. Подобно сему и душа, удалившаяся отъ Господа, источника истины и благодати, есть несчастное существо: она обрекаетъ себя на жертву всякаго рода заблужденіямъ, подвергается владычеству страстей, терзающихъ своихъ рабовъ пуще лютаго звѣря, дѣлается легкою добычею духовнаго льва—діавола, всюду ищущаго, кого бы поглотить.—Но чѣмъ жалче положеніе души удалившейся отъ Господа и блуждающей по распутіямъ грѣха, тѣмъ трогательнѣе попеченіе о ней Господа. Подобно пастуху, который, замѣтивъ пропажу одной овцы, оставляетъ свое стадо и идетъ искать заблудшую, милосердый Пастырь душъ тщится спасти отъ гибели падшую душу. Онъ преклонилъ небеса, гдѣ служалъ Ему тмы вѣрныхъ ему овецъ,—святыхъ ангеловъ,—сошелъ на землю для того, чтобы обрѣсти заблудшую овцу—родъ человѣческой. Сего мало,—Онъ и по совершеніи дѣла искупленія крестною смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ на небо, продолжаетъ съ высоты святая своя призирать на каждаго грѣшника, удалившагося отъ указанныхъ ему путей спасенія. Какія же Онъ употребляетъ средства, чтобы спасти грѣшную душу, блуждающую на путяхъ гибели? Онъ зоветъ ее къ себѣ то крѣпкимъ, то иногда грознымъ голосомъ. Онъ старается внушить ей, какъ опасно ея положеніе, чрезъ совѣсть, чрезъ писанное слово свое, чрезъ пастырей церкви, чрезъ бесѣды людей опытныхъ въ духовной жизни, чрезъ обстоятельства жизни—благопріятныя, располагающія къ благодарности Богу, или неблагопріятныя, располагающія къ смиренію и покаянію.—Какъ поступать небесный Пастырь съ душою откликнувшюся на его зовъ? Въ притчѣ о заблудшей овцѣ сказано, что пастырь, если найдетъ ее, беретъ ее на свои плечи съ радостію. Овца отъ долгаго блужданія утомилась и не въ состояніи слѣдовать за пастухомъ,—и вотъ онъ самъ несетъ ее домой. Подобно сему поступа-

еть Господь, когда обрѣтаетъ заблудшую душу. Она обнаружила уже готовность идти за Пастыремъ, ей нужно теперь начать подвиги покаянія. Но на первыхъ порахъ для ней трудны эти подвиги, не легко вдругъ разстаться съ прежнею жизнію въ удаленіи отъ Бога и отъ духовнаго стада. И вотъ милосердый Пастырь облегчаетъ ей этотъ трудъ своею укрѣпляющею благодатію. Призывая къ себѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ грѣховною ношею, Онъ обѣщаетъ упокоить ихъ. И Его обѣщаніе не ложно. Стоитъ только грѣшнику остановиться на пути грѣха и погибели и сдѣлать первый шагъ назадъ,—и ему готова помощь въ дальнѣйшемъ движеніи. Онъ уже не одинъ пойдетъ по новому пути, а съ Христомъ—Пастыремъ; будетъ претыкаться и падать,—Христосъ будетъ брать его на свои рамена, ободрять и утѣшать его, посылать въ его сердце умиленіе и радость въ молитвѣ, благословлять побѣдою надъ искушеніями, дѣлать для него нечувствительными даже внѣшнія страданія.—Въ притчѣ о заблудшей овцѣ сказано, что пастырь, нашедши ее, не только самъ радуется о ней, и притомъ болѣе, чѣмъ о девяносто девяти не заблудившихся, но приглашаетъ еще друзей и сосѣдей раздѣлить съ нимъ радость. Но если такъ радуются на землѣ по случаю отысканія безсловесной твари, то не наипаче ли радуются на небесахъ по случаю обрѣтенія и спасенія заблудшаго разумнаго существа? Радуется о немъ Пастырь душъ, а съ Нимъ не могутъ не радоваться его друзья и сосѣди,—небожители, присно близъ Него живущіе на небесахъ. Любящимъ свойственно принимать къ сердцу все, что радуетъ и огорчаетъ любимаго. Кто же больше небожителей любитъ Господа? Могутъ ли они не радоваться по самой любви къ заблудшему и потомъ обрѣтенному любовію Господа грѣшнику? Только злымъ, какъ современные Христу враждовавшіе противъ Него книжники и фарисеи, свойственно относиться безучастно къ судьбѣ ближняго, добрымъ же и святымъ свойственно радо-

ваться съ радующимися и плакать съ плачущими.—Но почему же на небесахъ радуются больше объ одномъ покавшемся грѣшникѣ, чѣмъ о девяносто девяти праведникахъ? Не справедливѣе ли за нихъ больше радоваться? Но какіе это праведники разумѣются въ притчѣ? Это, по словамъ притчи, не имѣющіе нужды въ покаяніи. Истинные ли они праведники? Нѣтъ,—истинные праведники, пока живутъ на землѣ, всегда имѣютъ и чувствуютъ нужду въ покаяніи. Нѣтъ ни одного праведника, который бы сознавалъ себя чуждымъ грѣха. Безгрѣшныхъ на землѣ нѣтъ. Стало-быть девяносто девять праведниковъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ притчѣ, суть мнимые, фальшивые праведники, гордые сознаниемъ, будто въ нравственномъ отношеніи они несравненно лучше прочихъ, будто своими дѣлами они вполне заслужили благоволеніе Божіе. Имъ ли чувствовать нужду въ покаяніи? О такихъ праведникахъ не радоваться, а скорбѣть остается. Они далеки отъ спасенія, потому что далеки отъ покаянія. Скорѣе раскается величайшій грѣшникъ, самую крайностию своихъ грѣховныхъ безобразій приводимый къ сознанию своей виновности, чѣмъ они.

Грѣшная душа! Не узнаешь ли себя въ заблудшей овцѣ евангельской притчи? Спроси себя, не удалилась ли ты своевольно съ пажитей, на которыхъ пасутся вѣрныя Пастырю Христу овцы Его духовнаго стада? Не пренебрегла ли духовною пищею, которою питаетъ ихъ Христосъ,—ученіемъ истины и благодатию святыхъ таинствъ? Не блуждаешь ли, вдали отъ стада Христова, по горамъ высокоумія и гордости? Не запуталась ли въ дебряхъ мірской суеты? Не погрязла ли въ смрадномъ болотѣ чувственныхъ наслажденій, куда завлекло тебя желаніе чѣмънибудь наполнить мучительную пустоту, оставшуюся въ тебѣ послѣ отчужденія твоего отъ Бога? Не гибнешь ли ты въ разбойничьемъ вертепѣ нечестивыхъ и порочныхъ сообществъ? Не идешь ли путемъ, ведущимъ прямо въ адъ? Не осѣтилъ ли тебя врагъ спасенія?—Горе тебѣ, грѣш-

ная душа, если не остановишься на избранномъ тобою пагубномъ пути!—Остановись, пойми, какъ пагубно твое положеніе, и поспѣши откликнуться на голосъ Пастыря Христа, зовущаго тебя ко спасенію,—скажи на зовъ Его благодати: «о Пастырь добрый! виновата я предъ тобою, убѣжавъ отъ тебя на страну далече. Я готова къ тебѣ возвратиться; взыщи меня твоимъ милосердіемъ и не презри меня заблудшую, а теперь кающуюся». Своимъ покаяніемъ ты обрадуешь не только Его, но и всѣхъ небожителей.

Д р а х м а .

Азъ есмь, Спасе, юже погубилъ (потерялъ) еси древле царскую (съ царскимъ изображеніемъ) драхму: но взыщи свѣтильничъ Предтечу твоего, Слове, взыщи и обряци твоей образъ. Лук. 15, 8—10.

Поиребохъ (помрачилъ) перваго образа доброту, Спасе, страстьми, юже, якоже иногда драхму, взыскавъ обряци.

Въ основаніи этихъ стиховъ Велик. Канона положена притча Христа Спасителя о потерянной драхмѣ, небольшой серебряной монетѣ въ 15 копѣтъ, съ царскимъ на ней изображеніемъ. У одной женщины было 10 драхмъ. Одну изъ нихъ она затеряла. Сумма небольшая, но женщина жалко лишится ея. И вотъ она зажигаетъ свѣчу, мететъ комнату и тщательно ищетъ въ сору затерянную мелкую монету, пока не найдетъ ее. Ей удается отыскать; она радуется и созываетъ подругъ и сосѣдокъ, чтобы съ ними подѣлиться своею радостію. Такъ, говорю вамъ,—заключаетъ притчу Господь, — бываетъ радость у ангеловъ Божіихъ обѣ одномъ грѣшникѣ кающемся. — Цѣль притчи одинакова съ цѣлью притчи о заблудшей овцѣ. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ дорого предъ Богомъ и ангелами обращеніе грѣшника, и почему Господь такъ заботится о грѣшникахъ. Подъ образомъ женщины, потерявшей и нашедшей драхму, представляет-

ся самъ Господь Иисусъ, съ материнскою заботливостію взыскающій погибающую душу. Подъ драхмою, украшенною изображеніемъ царя, разумѣтся душа, украшенная образомъ и подобіемъ Божиимъ и чрезъ то по самой природѣ возвышенная предъ всѣми земными тварями. Какъ носитель образа Бога вседержителя, человѣкъ поставленъ царемъ и владыкой надъ ними: ему отдана во власть вся земля, со всѣми земными тварями. Но человѣкъ не сохранилъ своего достоинства. Самоугодіе и страсти помрачили въ немъ черты образа Божія, и тотъ, кто по силѣ напечатлѣннаго въ немъ образа Божія умаленъ не многимъ чѣмъ предъ ангелами, уподобился скотамъ несмысленнымъ. Скотъ знаетъ однѣ физическія потребности, — онъ не имѣетъ разума, чтобы разумѣть Творца, — не имѣетъ духовнаго чувства, чтобы умиляться при видѣ дѣлъ Божіихъ, возвѣщающихъ совершенства Его, напечатлѣнныя въ твореніи, — не имѣетъ совѣсти, чтобы отличать добро отъ зла, и потому если убьетъ человѣка, не пойметъ, что это — злодѣяніе. До подобнаго состоянія доходили или по крайней мѣрѣ близки были къ нему люди, жившіе плотскою жизнію, такъ что было въ исторіи человѣчества время, когда самъ Господь назвалъ ихъ плотію по отсутствію въ нихъ признаковъ духовной жизни (Быт. 6, 3). Самая религія у большей части языческихъ народовъ носила плотскій характеръ, требуя отъ людей однихъ тѣлесныхъ дѣйствій благочестія. Человѣкъ погибалъ, но Господь сожалѣлъ надъ своимъ созданіемъ, низпадшимъ съ высоты богоподобія до скотоподобія, все-же однако не утратившимъ человѣческой природы. Образъ Божій затмился въ душѣ человѣка; какъ затмѣвается изображеніе на запачканной и потертой монетѣ, но еще не уничтожился. И вотъ самъ едиnorodный Сынъ Бога Отца, сый Сіяніе славы Его и точный Образъ существа Его, для обновленія образа Божія въ человѣкѣ снисходитъ съ неба на землю, и взыскуетъ погибающее созданіе съ такою же заботливостію, съ какою жен-

щина отыскиваетъ потерянную драхму. Для обрѣтенія духовной драхмы Онъ не жалѣетъ никакихъ усилій и жертвъ,— даже кровь свою проливаетъ за нее на крестѣ. Но прежде чѣмъ принять эту безконечной цѣны жертву, Онъ подобно женщинѣ, ищущей со свѣчею драхму, вноситъ свѣтъ своего ученія въ ту духовную тму заблужденій и пороковъ, въ которой погружена была душа. Она отпала отъ истины, составляющей необходимую черту образа Божія, состоящаго въ праведности и святости истины (Еф. 4, 24). И вотъ Господь, возстановляя въ человѣкѣ первоначальный образъ, озаряетъ его свѣтомъ истины. Онъ проповѣдуетъ ее во все время общественнаго своего служенія, но еще до вступленія Его въ это служеніе Ему предшествуетъ съ проповѣдію покаянія и свѣтомъ ея готовится къ принатію Его людей ходившихъ во мракѣ лжи и пороковъ, святой Іоаннъ Предтеча: онъ былъ поистинѣ свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ среди этого мрака (Іоан. 5, 35), и яркостію своего свѣта разрѣжалъ этотъ мракъ, и указывалъ имъ путь къ выходу изъ него. Крестная смерть Спасителя, сходявшаго даже, когда тѣло Его лежало во гробѣ, съ своею душою во адъ для обрѣтенія погруженной въ глубинѣ его драхмы, увѣчала дѣло спасенія человѣка: ради этой искупительной смерти дарованы человѣку всѣ благодатныя силы и средства для обновленія его по образу Создавшаго его и для избавленія отъ вѣчной гибели.—Но къ сожалѣнію грѣхъ и страсти снова помрачаютъ въ насъ образъ Божій, въ который мы облакаемся со времени крещенія. Новый человѣкъ, какимъ каждый изъ насъ сталъ чрезъ это таинство, съ теченіемъ времени уступаетъ въ насъ мѣсто ветхому, такъ что иной разъ трудно отличить христіанина отъ язычника, трудно отыскать въ немъ черты образа Божія, какъ трудно отыскать мелкую монету, затерявшуюся въ кучѣ пыли и сора и въдобавокъ почернѣвшую отъ грязи.—О грѣшная душа, погубившая перваго образа доброту, послѣши покаянiемъ обновить въ себѣ эту доброту. Для покаянія

требуется прежде всего сознание своей виновности, тяжести своих грѣховъ. А оно достигается чрезъ поставленіе себя предъ зеркаломъ закона Божія, чрезъ разсмотрѣніе своего нравственнаго состоянія во свѣтѣ этого закона. Люди, закоснѣвшіе во злѣ, боятся этого обличающаго ихъ свѣта. Не подражай ихъ примѣру, не бойся, а желай обличеній, какъ бы они ни были строги. Пусть они будутъ не менѣе строги, какъ и обличенія Іоанна Предтечи, называвшаго приходившихъ къ нему на крещеніе порожденіями ехидны. Смирись предъ его суровымъ голосомъ, даже проси Христа Спасителя, чтобы Онъ самъ своею благодатію проложилъ путь къ твоей совѣсти обличеніямъ великаго проповѣдника покаянія, заставилъ тебя откликнуться на нихъ вздохомъ сердечнаго сокрушенія. Люди сбившіеся съ дороги въ ночной тмѣ и находящіеся въ опасности погибнуть безъ вѣсти, спасаются отъ этой опасности, какъ скоро замѣтятъ вдали свѣтъ и пойдутъ туда, гдѣ видятъ этотъ привѣтный свѣтъ. Проповѣдь о покаяніи Іоанна Предтечи пусть послужитъ не только къ твоему обличенію, какъ свѣтомъ обличаются дѣла тмы, но вмѣстѣ къ твоему утѣшенію и умиротворенію,—пусть пробудитъ въ тебѣ радостное чувство, что ты не погибъ, а узрѣлъ путь спасенія, что ты уже не потерянная, а обрѣтенная драхма.

Прот. В. Нечаевъ.

ПЛАЧЕВНАЯ ПѢСНЬ.

Краса твоя, о Израиль, поражена на высотахъ твоихъ!
Не рассказывайте въ Гсеѣ; не возвѣщайте на улицахъ
Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлянъ, не
торжествовали дочери необрѣзанныхъ.

Горы Гелвуйскія! Да не сойдетъ ни роса, ни дождь на
васъ и да не будетъ на васъ полей съ плодами; ибо тамъ
поверженъ щитъ сильныхъ,—щитъ Саула, какъ бы не былъ
онъ помазанъ елесмъ!

Дочери израильскія! Плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ
васъ въ багряницу съ украшеніями и доставлялъ на одежды
ваши золотые уборы (2 Цар. 1, 19—24).

Этотъ плачевную пѣсню почтилъ Давидъ память Саула,
когда узналъ о смерти царя на горахъ Гелвуйскихъ, —
съ тѣхъ поръ проклятыхъ—и не только почтилъ лично,
но и повелѣлъ научить этой пѣснѣ, вписанной въ книгу
праведнаго, сыновъ іудиныхъ.

Будетъ почтена плачевными пѣснями смерть и нашего
мученика-Государя, болѣе, чѣмъ Саулъ, достойнаго па-
мяти, ибо хотя онъ былъ такой же помазанникъ Господень
какъ Саулъ, но несравненно превосходилъ его правствен-
ными и правительственными достоинствами,—и запишутся
эти пѣсни въ книги, чтобы пѣли о немъ и его смерти
сыны Россіи. Прольютъ о немъ слезы сожалѣнія и бла-
годарности сыны и дочери нашей земли,—а особенно тѣ
милліоны сыновъ и дочерей, которыхъ онъ, давъ имъ сво-
боду труда и собственность, тѣмъ самымъ какъбы одѣ-
валъ въ багряницу съ украшеніями и доставлялъ на оде-
жды ихъ золотые уборы. Но напрасно бы они вслѣдъ за

священнымъ поэтѣмъ повторяли горькія слова пѣсни: не рассказывайте въ Геѣѣ; не возвѣщайте на улицахъ Аскалона, чтобы не радовались дочери Филистимлянъ, не торжествовали дочери необрѣзанныхъ!

Конечно еще прежде, нежели вѣсть о смерти нашего Царя дошла до слуха всѣхъ сыновъ и дочерей нашей земли, не только въ Геѣѣ и на улицахъ Аскалона, — во всемъ мірѣ уже рассказывали и возвѣщали о томъ, что произошло 1-го марта на современныхъ Гелвуйскихъ горахъ. И нѣтъ, и не было возможности остановить распространеніе скорбной вѣсти, какъ бы сильно мы того ни желали; ибо это не въ углу происходило (Дѣян. 26, 26).

На наши просьбы—не рассказывать и не возвѣщать—люди изъ всякаго народа подъ небесами, находившіеся тамъ, отвѣтили бы: мы свидѣтели всего, что сдѣлалъ онъ въ странѣ.... и что наконецъ его убили (Дѣян. 10, 39).

Совершенно не тѣмъ водились бы мы, не желая рассказовъ и возвѣщеній повсюду о случившемся, чѣмъ водился составитель плачевной пѣсни о Саулѣ. Трудно было бы ожидать, чтобы въ какомъ-нибудь современномъ Геѣѣ или Аскалонѣ всѣ стали радоваться и торжествовать по поводу нашей великой потери и скорби, — хотя и находятся отдѣльные торжествующіе филистимляне и радующіяся дочери необрѣзанныхъ.—Скорѣе слѣдовало ожидать—въ чемъ и не обманулись—противоположнаго; ожидать, что рѣдкіе голоса радующихся и торжествующихъ будутъ покрыты голосами рассказывающихъ и сожальствующихъ, потому что надшій Царь пашъ былъ не только нашею національною красою, но красою всего цивилизованнаго міра, по его собственному признанію, красою въ ряду правителей и царей современныхъ. Отсюда и общее о немъ сожальніе, общее соболѣзнованіе намъ.

Но можемъ ли мы, въ правѣ ли мы въ виду всего совершавшагося и совершившагося искать и находить въ нихъ хотя бы малую долю облегченія своей скорби? Нѣтъ. Вотъ почему намъ умѣстно, хотя конечно напрас-

но, повторять слова плачевной пѣсни: не рассказывайте въ Геѣ, не возвѣщайте на улицахъ Аскалона... Эти общія соболѣзнованія не могутъ облегчить, а только усиливаютъ тяжесть нашего горя. Въ этомъ дружномъ голосѣ участія къ намъ не должны ли мы подслушать иной, грозно вопрошающій и судящій насъ голосъ: «что ты сдѣлалъ? Голосъ крови вопіетъ ко Мнѣ отъ земли» (Быт. 4, 10). Въ этихъ общихъ сожалѣніяхъ о немъ не скрывается ли его собственный послѣдній упрекъ, обращенный къ намъ: «высокая цѣна, въ которую они оцѣнили меня» (Зах. 11, 13)! Но еслибы за голосами участія и сожалѣнія мы, какъ глухіе или заткнувшіе уши свои (Псал. 57, 5 — 6), и не подслушали этихъ иныхъ голосовъ,—что мы можемъ отвѣтить на общее участіе и сожалѣніе?

Возможенъ при нашихъ обстоятельствахъ только одинъ отвѣтъ, если мы захотимъ хотя теперь наконецъ дать его искренне. У Господа, Бога нашего, правда, а у насъ — стыдъ на лицахъ, какъ сегодня, у всякаго іудея и у живущихъ въ Иерусалимѣ, у князей нашихъ, и у священниковъ нашихъ и у пророковъ нашихъ, и у отцевъ нашихъ (Варуха 1, 15—16).

Да! стыдъ, стыдъ на лицахъ нашихъ. Дыханіе жизни нашей, помазанникъ Господень поймалъ въ ямы ихъ, тотъ, — о которомъ мы — и не мы одни — говорили: подъ тѣнію его будемъ жить среди народовъ (Плачь Иер. 4, 20).

Подойдемъ ко гробу съ истерзаннымъ трупомъ и спросимъ: отчего же эти раны по рукамъ твоимъ?

— Такъ я израиленъ въ домѣ любящихъ меня, отвѣтитъ онъ (Зах. 13, 6).

Израиленъ, убить въ домѣ любящихъ; двадцать шесть лѣтъ труда въ домѣ любящихъ и — кончина, какъбы не былъ онъ помазанъ слеемъ!

Ни мнѣ, ни тебѣ, никому изъ насъ — кромѣ прямыхъ убійць—лично никто не скажетъ тѣхъ страшныхъ словъ, какія высказалъ Давидъ убійць Саула: «кровь твоя на головѣ твоей; ибо твои уста свидѣтельствовали на тебя, когда ты говорилъ: я убилъ помазанника Господня» (2 Цар.

1, 16). А между тѣмъ, — хотѣлось бы вѣрить, что это такъ, — собственный внутренній голосъ каждаго изъ насъ долженъ подсказать намъ признаніе: у Господа, Бога нашего, правда, а у насъ и отцевъ нашихъ — стыдъ на лицахъ, какъ сегодня (Вар. 2, 6).

Но почему же? Почему долженъ быть стыдъ у всѣхъ на лицахъ? Развѣ не рыдаютъ всѣ о томъ, котораго пронзили, какъ объ однородномъ, развѣ не скорбятъ, какъ скорбятъ о первенцѣ? Общая искренняя скорбь, общія слезы какъ будто избавляютъ всѣхъ насъ отъ необходимости стыдиться, отъ нужды — носить стыдъ на лицахъ своихъ, что бы о насъ ни говорили въ Геѣ и Аскалонѣ.

Все это такъ. Рыдаетъ земля, — каждое племя особо: племя дома Давидова особо, и жены ихъ особо; племя дома Нааанова особо, и жены ихъ особо; племя дома Левіина особо, и жены ихъ особо; племя Симеоново особо, и жены ихъ особо. Всѣ остальные племена каждое племя особо, и жены ихъ особо (Зах. 12, 10—14).

Рыдаетъ вся земля вмѣстѣ и — каждое племя особо. И есть причина — достаточная этому особому рыданію, рыданію по племенамъ. Каждое племя — сословіе — обязано Пронзенному великими благодѣяніями. Отсюда — слезы всѣхъ вмѣстѣ и особо.

Есть причина — достаточная и общаго для всѣхъ и для особаго по племенамъ — сословіямъ — стыда на лицахъ. Припомнимъ прошлое; припомнимъ, какое племя — сословіе не дало изъ среды своей того, кто намѣревался пронзить, и пронзилъ?

Стыдъ на всѣхъ лицахъ нашихъ!

И чѣмъ сотремъ мы этотъ стыдъ? Если обычно краснѣютъ люди отъ стыда при общественныхъ бѣдствіяхъ, какъ заслуженныхъ наказаніяхъ (Юиль 1, 11); то какъ же не краснѣть намъ? Ибо подите на острова Хиттимскіе, и посмотрите, и поплите въ Кедаръ, и развѣдайте прилежно, и рассмотрите: было ли тамъ чтонибудь подобное сему (Іер. 2, 10), что совершилось у насъ?

Исторія запишетъ нашъ долгъ за нами,—тотъ неполаченный нами долгъ, которымъ мы особенно должны почившему за 19-е февраля и 17-е апрѣля 1861 года; за 1-е генваря и 20-е ноября 1864 года; за 6-е, 17-е и 23-е апрѣля 1866 г.,—и за многіе другіе дни, которые должны быть навсегда памятны намъ, цѣнными нами самою высокою цѣною, и конечно должны быть уплачены. А чѣмъ же уплачены?

Мы платили. Платили по срокамъ, исправно, начиная съ 4-го апрѣля 1866 г. Много уплатили, не говоря о малыхъ уплатахъ, 19-го ноября 1879 г., еще больше 5-го февраля 1880, а 1-го марта 1881 года совсѣмъ, дочиста уплатили. Уплата произведена!

Эта-то уплата, этотъ нашъ грѣхъ и запишется желѣзнымъ рѣзцомъ. Алмазнымъ остриемъ онъ долженъ быть начертанъ и на скрижаляхъ сердецъ нашихъ (Іер. 17, 1). И еслибы собственная совѣсть своимъ самосудомъ, собственная память своими напоминапіями перестали вызывать на наши лица стыдъ, за день 1 марта; то острова Хиттимскіе и Кеदारъ, Геоъ и Аскалонъ будутъ вызывать его у князей нашихъ, у священниковъ нашихъ, и у пророковъ нашихъ, и у отцевъ нашихъ, и у насъ. Кровь его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ (Мѡ. 27, 25). Позоръ легъ на всю націю.

Мученикъ-Царь,
 Въ страхѣ суда и отмщенія
 Русь тебя молить принесть на алтарь,
 Какъ за грѣхи всей земли искупленіе,
 Жертву святую—последнюю кровь.
 Былъ ты при жизни прощенье, любовь;
 О! пощади же и нынѣ отчизну!
 Смой съ нея кровью своей укоризну!
 Кровью пролитой Державною
 Передъ Судьей—защити!
 Русь православную
 Благослови и—прости!

3 марта 1881 г.

СОБЫТІЕ 1-ГО МАРТА ПРЕДЪ ВЗОРОМЪ ВЪРУЮЩАГО *).

СЛОВО ВО ВТОРОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ВЕЛИКАГО ПОСТА,
8-го МАРТА.

*Не вси ли (ангели) суть служебни
дуци, въ служеніи посылаеми за хотя-
щихъ наслѣдовать спасеніе? Евр. 1, 14.*

Въ апостольскомъ чтеніи, положенномъ на сей воскресный день, идетъ рѣчь о превосходствѣ Ис. Христа, Сына Божія, предъ ангелами. Въ псалмахъ I. Христосъ называется Богомъ, Ему приписывается сотвореніе міра, сѣдѣніе одесную Бога Отца (Евр. 1, 9, 14),—одинаковое участіе съ Нимъ въ Божеской власти надъ міромъ. Ничего подобнаго въ Писаніи не говорится объ ангелахъ.

*) 2-го марта раннимъ утромъ чрезъ благочинныхъ разслана была по московскимъ церквамъ потрясающая повѣстка: Императоръ Александръ II скончался. На престолъ вступилъ Его наслѣдникъ, Александръ III. Настоятелямъ вмѣнено въ обязанность собрать прихожанъ къ 11 часамъ утра, привести ихъ къ присягѣ на вѣрно-подданство новому государю, и отслужить потомъ молебень о восшествіи на престолъ, а въ часъ пополудни отслужить первую панихиду по новопреставленномъ. Въ повѣсткѣ не сказано было, какою смертію скончался государь, но вѣсть о царевубійствѣ уже облетѣла Москву, хотя далеко не до всѣхъ достигла: большая часть Москвичей узнала о несчастіи только утромъ 2 марта. Я узналъ о немъ наканунѣ въ 11 часовъ вечера, и подъ ошеломляющимъ впечатлѣніемъ почти всю ночь не спалъ. Утромъ явившись въ церковь къ заутренѣ, я рѣшилъ, до получения начальственныхъ увѣдомленій и распоряженій, не объявлять никому о несчастіи и собрался даже говорить послѣ 1-й утренней каѳизмы обычное поученіе. Поставленъ былъ аналой,—и вдругъ является разсылный съ помянутою

Всѣ они суть только слуги Божіи, которымъ вѣрено отъ Бога попеченіе о людяхъ, ищущихъ спасенія (— 14).

Служебное отношеніе ангеловъ къ Господу свидѣтельствуеть о власти Его надъ ними и о безмѣрномъ Его величій предъ ними. А то, что служеніе ихъ Господу состоитъ между прочимъ въ попеченіи о людяхъ, свидѣтельствуеть о величайшей Его любви къ нимъ. Видно дорогъ Богу челоуѣкъ, когда Богъ поручаетъ ангельскому охраненію и руководству всѣхъ желающихъ спасенія. И какъ хорошо тому, кто находится подъ этою охраной и руководствомъ! Какъ счастливъ тотъ, кого Господь заповѣдалъ ангеламъ своимъ сохранять на всѣхъ путяхъ! Они *на рукахъ возмутъ* его, *да не когда преткнетъ онъ о камень ногу свою*. Т.-е. какъ мать, когда дитя учится ходить, наблюдаетъ за каждымъ его шагомъ, и если видитъ, что оно можетъ споткнуться обо что нибудь, тотчасъ беретъ его на руки: подобно сему поступаютъ ангелы съ людьми, которые, имѣя дѣтскую преданность волѣ Божіей, вѣрны ихъ надзору. Ангелы съ материнскою заботливостію охраняютъ ихъ отъ преткновенія о пагубный для нихъ камень, то-есть не допускаютъ до внѣш-

повѣсткою. Росписавшись въ полученіи ея, я еще имѣлъ настолько духу, чтобы выйти въ аналою, но отъ душевнаго волненія могъ сказать только слѣдующее: „Братія, не до поученія теперь. Господу угодно посѣтить насъ величайшимъ горемъ. Нашего возлюбленнаго царя не стало“.—Церковь огласилась рыданіями присутствовавшихъ. Большая часть ихъ впервые услышала страшную вѣсть.

Въ 11 часовъ прихожане собрались въ церковь для принятія вѣрно-подданнической присяги. Затѣмъ совершено было молебствіе за новаго Царя, вступившаго на престолъ. Въ часъ по полудни прихожане снова собрались въ храмъ на паннихиду о новопреставленномъ Государѣ-мученикѣ. Передъ присягою, молебствіемъ и паннихидою сказаны нами краткія рѣчи, соотвѣтствующія случаю. Поученія имѣющія отношеніе къ событію говорены были нами также 8-го марта и въ день погребенія Царя 15 марта. Благоклонному вниманію читателей предлагаемъ слово 8-го марта. Основою для слова послужилъ текстъ изъ дневнаго апостольскаго чтенія.

нихъ бѣдствій, также до искушеній и соблазновъ грѣховныхъ. Охраняемый ангелами смѣло «наступаетъ на аспида и василиска, попираетъ льва и змія», то-есть не только не терпитъ вреда отъ враговъ, лукавыхъ какъ змій, съ ядомъ аспидовъ подъ языкомъ, и жестокихъ, сильныхъ и кровожадныхъ какъ львы, но побѣждаетъ ихъ, дѣлаетъ ихъ безсильными сопротивляться ему и уязвлять его.

Подъ охраненіемъ высшихъ Силъ находился и тотъ избранникъ Божій, кончину котораго мы всё горько оплакиваемъ. До пяти разъ подвергался онъ опасности смертельно преткнуться о камень, который на путяхъ его къ ногамъ его подставляли враги; но невидимая рука поставляла его превыше этой опасности. Лукавые и ядовитые аспиды и василиски, кровожадные и непримѣрно лютые звѣри въ человѣческомъ образѣ нападали на его священную особу; но ангелы, охраненію которыхъ онъ былъ порученъ, каждый разъ дѣлали его безопаснымъ отъ ихъ нападеній: онъ попиралъ змій и львовъ. Всё мы радовались покрову небесному, осѣнявшему помазанника Божія, и возсылали къ Господу благодарственные молитвы, исповѣдуя, что никто, а одинъ Господь щитомъ ангеловъ своихъ спасалъ христа своего, избавлялъ его *отъ стѣн лавчей*, т.-е. отъ тайныхъ злоумышленій, *и отъ словесе мятежна*, т.-е. открытыхъ нападеній,—ограждалъ его *отъ страха нощнаго*, т.-е. отъ прикрываемыхъ всякимъ мракомъ вражескихъ козней, *и отъ стрѣлы летящія во дни*. Всё мы, на основаніи многократныхъ опытовъ чудеснаго спасенія Царя отъ злобныхъ покушеній на его жизнь, утверждались въ упованіи, что «Избавлявшій его чудесно отъ близкой смерти еще избавить» (2 Кор. 1, 10),—и симъ упованіемъ одушевлены были наши моленія о мирѣ, здравіи и спасеніи Царя нашего. Но не суждено было исполниться нашимъ надеждамъ и мольбамъ. Враги Царя и царства достигли наконецъ своей проклятой цѣли. Доселѣ они скрежетали зубами отъ злобы, видя безуспѣшными свои усилія погу-

бить Царя; теперь они торжествуютъ и ликуютъ и на весь міръ провозглашаютъ свою сатанинскую радость чрезъ подпольные внутри Россіи листки и чрезъ заграничныя крамольныя, открыто издаваемыя газеты. Теперь на ихъ сторонѣ праздникъ, — «наступило ихъ время и власть тмы» (Лук. 22, 53). Сыны отечества приуныли, сердца вѣрно-подданныхъ поражены жестокою скорбію, — въ иныхъ скорбь доходить до малодушія, даже до сомнѣнія въ промыслѣ Божіемъ. Они если не говорятъ, то думаютъ про себя: наше упованіе на Господа, наша увѣренность, что Онъ не попуститъ восторжествовать врагамъ Царя, не отниметъ отъ него ангельскаго охраненія, — посрамлена, наши мольбы не услышаны. Не обманывали ли мы только самихъ себя и прежде, если въ неоднократномъ спасеніи Царя видѣли доказательство особеннаго промышленія Божія о немъ, почитали его чудомъ? Не слишкомъ ли высоко цѣнили достоинство нашихъ молитвъ за Царя, если думали, что ими привлекаема была особенная милость Божія къ нему? Что намъ казалось чудеснымъ, не было ли скорѣе дѣломъ чистой случайности, счастливаго стеченія обстоятельствъ, безъ малѣйшаго участія Провидѣнія Божія, и независимо отъ нашихъ усердныхъ молитвъ?

Такъ, великое искушеніе нашему упованію на божественный Промыслъ проистекло изъ оплакиваемаго нами событія. Одни, благодареніе Богу, стоятъ превыше этого искушенія, другимъ оно грозитъ, третьи уже колеблются отъ него въ вѣрѣ. Для утвержденія однихъ, для успокоенія остальныхъ потребно сказать, что внушаетъ намъ святое откровеніе.

Жилъ нѣкогда на свѣтѣ властитель одного восточнаго пастушескаго племени. Подвластные глубоко чтили и любили его, потому что онъ былъ справедливъ и человѣколюбивъ. Онъ, по собственному его признанію, «спасалъ страдальца вопіющаго и сироту безпомощнаго. Сердцу вдовы имъ защищенной отъ обидчиковъ онъ доставлялъ радость. Онъ былъ глазами слѣпому и ногами хрому;

отцомъ былъ для нищихъ, и *всякую* тяжбу разбиралъ внимательно; сокрушалъ беззаконному челюсти и изъ зубовъ его исторгалъ похищенное» (Іова 29, 12—17). О почтеніи, преданности и любви къ нему подчиненныхъ и благодѣтельствованныхъ онъ такъ выражался: «когда я выходилъ къ воротамъ города и на площади ставилъ сѣдалище свое, князья удерживались отъ рѣчи и персты полагали на уста свои; ухо, слышавшее меня, ублажало меня, око видѣвшее восхваляло меня. Послѣ словъ моихъ уже не разсуждали. Ждали меня, какъ дождя. Бывало улыбнусь имъ, они не вѣрятъ, и свѣта лица моего не помрачали» (— 7. 9. 11. 22. 23. 24). Самъ Господь свидѣтельствовалъ о немъ: «нѣтъ такого, какъ онъ, на землѣ—человѣкъ непорочный, справедливый, богобоязненный и удаляющійся отъ зла» (— 1, 8). И велико было благоволеніе Господа къ этому властителю: Господь благословилъ его обиліемъ всякаго скота, составляющаго главное богатство въ пастушескомъ быту, и многочадіемъ. Дѣти утѣшали его своимъ дружелюбіемъ,—они имѣли обычай собираться поочередно другъ у друга на пиршества. Благочестивый отецъ содержалъ ихъ въ благочестіи и страхѣ Божіемъ, и когда кругъ пиршественныхъ дней совершался, онъ посылалъ за ними и возносилъ за нихъ всесожженіе; ибо, говорилъ онъ, можетъ быть сыновья мои согрѣшили и похулили Бога въ сердцѣ своемъ» (1, 2—5). Увѣренный въ неизмѣнности къ нему благоволенія Божія, онъ говорилъ себѣ: «въ гнѣздѣ моемъ скончаюсь, и дни мои будутъ многи, какъ песокъ» (29, 18). Дни его дѣйствительно были долги, но свѣтлость ихъ омрачена была бѣдствіями, которыя одно за другимъ, одно другаго страшнѣе, разразились надъ нимъ. Сначала разбойники напали на одну часть его скота и угнали, а рабовъ перебили; потомъ молнія попала на другую часть его скота и рабовъ; затѣмъ третья часть скота уведена тоже хищниками, и перебиты ими остальные рабы. Наконецъ ураганъ налетѣлъ на домъ, въ которомъ пировали его дѣти, повалилъ его, и всѣ они погибли подъ его тяжестью. И все это случилось въ одинъ день. Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней самъ онъ—этотъ богатый и знатный человѣкъ—пораженъ былъ лютою проказою отъ подошвы ногъ по самое теми, и сидѣлъ онъ на кучѣ навоза, скобя черепицею струпы свои. Къ нищетѣ и болѣзни присоединилось новое бѣд-

ствіе, — нравственное страданіе отъ жены и друзей. Жена совѣтовала ему похулить Бога и кончить жизнь свою самоубійствомъ. Трое друзей пришли навѣстить его и вмѣсто того, чтобы утѣшить страдальца, только огорчали его упреками, поставляя ему на видъ, что вѣрно за нимъ есть тяжкіе грѣхи, если онъ терпитъ столь тяжкое наказаніе. Надъ нимъ стали смѣяться молодые люди, тѣ, которыхъ отцовъ онъ не согласился бы помѣстить со псами стадъ своихъ (Іова гл. 1 и 2; 30, 1).

Вы, конечно, догадываетесь, что все сказанное мною сказано о праведномъ Іовѣ. Изъ книги Іова мы знаемъ, почему постигли Іова описанныя въ ней бѣдствія, — знаемъ, что они произошли не случайно, а по премудрому изволенію Господа. Но книга написана по окончаніи этихъ бѣдствій. Въ началѣ и продолженіи ихъ ни самъ Іовъ, ни его друзья не постигали значенія его страданій. Іовъ, какъ только разразились надъ нимъ бѣдствія, со смиреніемъ и преданностію подчинился волѣ Господа, благословлялъ Его, но потомъ раздражаемый упреками друзей и не зная за собой ничего, чѣмъ онъ заслужилъ бы страданія, отяготѣвшія надъ нимъ, хотя не отвергалъ, что страдаетъ по волѣ Божій, позволялъ себѣ рѣзкія и необдуманныя сужденія объ отношеніи Бога къ судьбѣ людей. Іовъ говорилъ о Богѣ: «Онъ губитъ и непорочнаго и виновнаго. Если этого Онъ поражаетъ бичемъ вдругъ, то пытки невинныхъ посмѣваются» (Іов. 9, 22, 23). Друзья Іова наставляли на одномъ, что вѣрно за нимъ есть тяжкіе грѣхи, и что за нихъ онъ несетъ столь тяжкое наказаніе. Ни Іову, ни друзьямъ его не открыты были намѣренія и распоряженія Божьи, предшествовавшія наступленію его бѣдствій, — они видѣли бѣдствія, а не корень ихъ, — о немъ они узнали уже послѣ. Что же они именно узнали? — Что лютыя напасти постигли Іова по волѣ Божіей, безъ которой и волося съ головы нашей не падаетъ, это они и прежде знали, но теперь имъ открыто, что всѣ эти напасти напущены были на него сатаною. Господь дозволилъ сатанѣ отнять у Іова все имущество и дѣтей, поразить его болѣзнію, но не касаться его жизни. Такъ и поступилъ сатана. Но зачѣмъ Господь предалъ Іова сатанинской власти? За грѣхи ли его? Нѣтъ, Іова самъ Господь называлъ праведнымъ и благочестивымъ. Но сатана не вѣ-

рилъ искренности его благочестія и добродѣтели, — онъ клеветалъ предъ Богомъ, что Іовъ не даромъ, а за Его милости къ нему чтить Бога, и что онъ перестанетъ чтить Его, какъ только лишень буетъ въ земныхъ благъ. Господу Богу угодно было дать Іову случай засвидѣтельствовать, что онъ безкорыстно служить Ему и останется вѣрнымъ Ему, что бы съ нимъ ни случилось, — и съ этою цѣлю попустилъ сатанѣ сдѣлать ему всяческое зло. Іовъ посрамилъ сатану, ибо хоть и горько жаловался Богу на свои бѣдствія, но не похулилъ Его, пребылъ вѣрнымъ Ему.

Посмотримъ теперь, не прольютъ ли нѣкотораго свѣта приключенія Іова на оплакиваемое нами событіе 1 марта?

Прежде всего нельзя не замѣтить, что нашъ вѣщественный Іовъ палъ жертвою козней тойже злой силы, во власть которой преданъ былъ ветхозавѣтный праведникъ. Разбойники, грабившіе имущество Іова, убивавшіе его рабовъ, молнія, попавшая стада его, ураганъ, погубившій дѣтей его, были слѣпными орудіями сатаны. Подобно сему и злодѣи, сгубившіе помазанника Божія, дѣйствовали по внушенію тогоже злаго существа, хотя сами не сознають того и даже отвергають самое существованіе діавола. Ихъ образъ мыслей, ихъ дѣянія носятъ чисто сатанинскій характеръ. Они — заклятые враги человечества; разрушать и уничтожать все, чѣмъ держится существованіе человѣческихъ обществъ, — власть, семейство, собственность, церковь, — вотъ ихъ задача! Развѣ это человѣческая задача? — Для достиженія своихъ гнусныхъ цѣлей не пренебрегать никакими средствами, какъ бы они ни были безнравственны, пускать въ ходъ ядъ, ножъ, огонь, устроить подкопы, взрывы, грабить и воровать, изъ-за одной намѣченной жертвы губить десятки, сотни, тысячи другихъ людей, ее окружающихъ, — дѣлать все это не только безъ жалости, но съ непонятною жестокостію, злорадствомъ, — развѣ это свойственно человѣку? — Убить въ себѣ чувства любви и состраданія къ отцу, къ матери, къ дѣтямъ, женѣ, разрывать союзъ съ ними съ такою же легкостію, какъ животныхъ, но отнюдь не съ бессознательностію ихъ, — развѣ это человѣческое дѣло? Если даже молодья и по самой природѣ мягкія души отроковъ и дѣвицъ закаляются въ непримиримой злобѣ противъ семьи и общества, дѣлаются недоступными для естественныхъ

чувствъ любви къ самымъ близкимъ по крови людямъ *),— дойти до такого неестественнаго состоянія развѣ возможно человѣку, не пойманному въ сѣти діавола? Поистинѣ злодѣи, терзающіе наше отечество, суть чада діавола, въ образѣ человѣческомъ, — находятся въ рабскомъ подчиненіи ему. Въ лицѣ ихъ дѣйствуетъ тоже злое существо, во власть котораго былъ отданъ Іовъ. Оно же сгубило и священную особу нашего Царя. Но какъ могло случиться, что драгоценная жизнь, послѣ многократныхъ опытовъ чудеснаго сохраненія ея отъ злодѣевъ, наконецъ оставлена Господомъ безъ охраны? Какъ могло случиться, что ангелы хранители, бдѣвшіе надъ безопасностію помазанника Божія, отступили наконецъ отъ него и уступили мѣсто адскимъ силамъ, сгубившимъ его?— На подобные вопросы одинъ отвѣтъ: воля Божія. По волѣ Божіей страдалъ Іовъ. Господь отдалъ его въ руки діавола съ тѣмъ только, чтобъ діаволь не касался его жизни. Господу же угодно было допустить адскимъ силамъ пресѣчь самую жизнь нашего Царя. Для вѣрующаго въ промыслъ Божій этого простаго отвѣта на наши нетерпѣливые вопросы совершенно достаточно. Неосновательны были жалобы Іова на провидѣніе Божіе, не разбирающее будто бы правыхъ и виноватыхъ, и самъ Іовъ, когда отъ самого Господа выслушалъ обличеніе за эти жалобы и вразумленіе, смиренно сказалъ: «вотъ я ничтоженъ; что буду я отвѣчать предъ Тобою? Руку мою полагаю на уста мои. Я говорилъ о томъ, чего не разумѣлъ. Поэтому я отрекаюсь и раскаиваюсь въ прахѣ и пеплѣ» (Іов. 39, 33; 42, 3. 6). Подобно Іову и мы, въ виду постигшаго насъ несчастія, должны смѣриться подъ крѣпкую руку Божію, безпрекословно покориться волѣ Божіей—не тою тупою покорностію, какая свойственна вѣрующимъ въ нѣумолимый рокъ или судьбу, сильную однимъ всемогуществомъ, но покорностію христіанскою, растворенною отраднымъ чувствомъ вѣры въ премудрое и всеблагое промысленіе Божіе, изъ самаго зла изводящее благо. Да не колеблетъ нашего упованія на Господа то, что молитвы наши о сохраненіи Царя отъ злодѣевъ на сей разъ не

*) Деятнадцатилѣтній злодѣй Рысаковъ прогналъ роднаго отца, который пришелъ къ нему въ тюрьму съ плачемъ и мольбами о раскаяніи.

услышаны. Будемъ лучше разсуждать вмѣстѣ съ Іовомъ: «аще благая пріяхомъ отъ руки Господней, злыхъ ли не стерпимъ» (Іова 2, 10)? Упованіе на Бога должно быть соединено съ преданностію Его святой волѣ,—уповай на Бога, но въ то же время будь готовъ принять отъ руки Его и то, чего не желалъ бы. Упованіе на Бога безъ преданности Его святой волѣ ведетъ къ недовольству, даже къ ропоту на Него. Есть нищіе, которые въ надеждѣ получить отъ прохожаго милостыню, смиренно просятъ у него подаванія, но получивъ отказъ, провожаютъ его бранью. На этихъ нищихъ походили бы и мы, еслибы благоговѣнно чтили и любили Господа только до тѣхъ поръ, пока Онъ творить все по нашему желанію.

Оплакиваемое нами событіе, требуя отъ насъ смиренной покорности волѣ Божіей, располагаетъ вмѣстѣ къ покаянію предъ Господомъ. Друзья Іова глубоко ошибались, усиливаясь доказать, что онъ страдаетъ въ наказаніе за какіе нибудь тяжкіе грѣхи. Не впасть бы и намъ въ подобную ошибку въ сужденіяхъ о несчастной кончинѣ нашего Царя. Не дерзнемъ утверждать о немъ то же, что говорили о Іовѣ его друзья. Нѣтъ на свѣтѣ безгрѣшнаго человѣка. Безъ сомнѣнія, не составлялъ исключенія въ этомъ отношеніи и почившій Царь. Но кому также неизвѣстны его великія нравственныя достоинства и государственныя заслуги? Кому неизвѣстно, что подобно Іову онъ былъ окомъ слѣпымъ, ногою хромымъ, что онъ былъ защитникомъ и благодѣтелемъ угнетенныхъ и страждущихъ, разбивалъ цѣли рабства не только въ отечествѣ, но и за предѣлами его, заботился о повсемѣстномъ распространеніи благаго просвѣщенія, вводилъ повсюду судъ правый и скорый, давалъ просторъ самодѣятельности въ дѣлахъ общественныхъ, былъ человѣколюбивъ до самоотверженія до послѣднихъ минутъ своей жизни и, можно сказать, палъ жертвою этого самоотверженія,—что онъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ руководствовался любовію, которая покрываетъ множество грѣховъ (1 Петр. 4, 8)?—Итакъ, остережемся думать, что Господь покаралъ Царя за его личные грѣхи, которые притомъ намъ неизвѣстны. Не его, а наши грѣхи должны озабочивать насъ. Въ виду множества и тяжести нашихъ грѣховъ ближе къ истинѣ думать, что Господь на насъ прогнѣвался и въ гнѣвѣ своемъ наказалъ насъ въ лицѣ Царя. Царь, какъ глава народа,

неотдѣлимъ отъ народа, особенно въ нашемъ отечествѣ, гдѣ союзъ Царя съ народомъ сходствуетъ съ отношеніями отца къ дѣтямъ, имѣеть, можно сказать, семейный характеръ. По этому даже мирная смерть царей нигдѣ такъ горячо не принимается къ сердцу, какъ у насъ на Руси. Это—смерть родныхъ намъ людей, это—всенародное горе, нераздѣлаемое только заклятыми врагами общественнаго порядка. Что же послѣ этого можетъ сравниться съ нашимъ горемъ по случаю не мирной, а мученической кончины Царя? Вѣдалъ это Господь, вѣдалъ, какъ болѣзненно отзовется въ сердцахъ нашихъ это всенародное бѣдствіе, вѣдалъ, что муки этой сердечной боли были бы для насъ самымъ тяжкимъ наказаніемъ, — и вотъ Онъ наслалъ на насъ это наказаніе. Тяжестью наказанія дается намъ почувствовать тяжесть нашей вины, дается намъ урокъ покаянія. Какими же винами мы прогнѣвали Господа, поразившаго насъ въ лицѣ Царя? Исповѣдуемъ ихъ, братія, и оплачемъ сердцемъ сокрушеннымъ. По слову Апостола, подѣ кровомъ предержавшей власти дается намъ возможность проводить тихое и безмолвное житіе во всякомъ благочестіи и чистотѣ (1 Тим. 2, 2). Но спросимъ себя, воспользовались ли мы благомъ тихаго и безмятежнаго житія въ истекшее царствованіе для преспѣванія въ дѣлахъ благочестія и духовной чистоты? Переживаемое нами время не представляетъ ли крайняго упадка религіи и нравственности?—Охлажденіе къ вѣрѣ и церкви возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Семейныя связи ослабѣваютъ болѣе и болѣе: дѣти перестаютъ повиноваться родителямъ, дѣвицы теряютъ свойственную ихъ полу и возрасту скромность; святость браковъ оскверняется открытымъ нарушеніемъ супружеской вѣрности и даже глумленіемъ надъ нею. Страсть къ наживѣ, поклоненіе золотому тельцу не стѣсняется никакими нравственными соображеніями. Страсть къ общественнымъ увеселеніямъ, особенно къ театральнымъ зрѣлищамъ, удовлетворяется съ явнымъ поруганіемъ церковныхъ праздниковъ и постовъ. Распространяются съ удивительною беззащитностію, особенно въ печати, мнѣнія, враждебныя вѣковому государственному строю. Едва успѣли принести присягу на вѣрность новому Государю, поклясться именемъ Божіимъ споспѣшествовать поддержанію самодержавныхъ правъ царской власти,—и вотъ уже проповѣдуется гла-

шатаями якобы общественнаго мнѣнія необходимость ограниченія самодержавія, необходимость замѣны этой формы правленія, по заграничнымъ примѣрамъ, какимъ-то договоромъ между подданными и верховною властію,—какъ будто можетъ быть мѣсто договору между отцемъ-государемъ и дѣтьми-подданными,—какъ будто можетъ быть искренній союзъ между царемъ, связаннымъ узами договора, и подданными, подозрительно слѣдящими за царемъ, исполняетъ ли онъ условія договора,—какъ будто этотъ образъ правленія у западныхъ народовъ спасаетъ ихъ отъ гибельныхъ внутреннихъ смуть. Проповѣдовать необходимость на Руси европейскихъ государственныхъ порядковъ едва ли можно безъ нарушенія вѣрноподданической присяги, — по могли ли бы такъ смѣло проповѣдывать, еслибы не разчитывали на сочувствіе по крайней мѣрѣ въ меньшинствѣ нашего общества? Желаящіе переменъ нашего государственнаго устройства забываютъ, что наше общество не довольно созрѣло и для той доли свободы, какая дарована намъ почившимъ Царемъ. Освобожденіе крестьянъ повлекло за собою пьянство и хозяйственное разстройство. Въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ недобросовѣстное отношеніе къ подсудимымъ со стороны присяжныхъ повѣренныхъ и присяжныхъ засѣдателей—обыкновенное явленіе. Бывали примѣры оправданія даже государственныхъ преступниковъ. Съ разширеніемъ свободы печатнаго слова свободно провозглашаются среди насъ путемъ печати ученія и мнѣнія, подрывающія уваженіе къ вѣрѣ, къ нравственности, къ власти церкви, къ основамъ семейной жизни, поддерживаются легкомысленныя притязанія учащейся молодежи, распространяются клеветы особенно на духовенство, и т. п.—Такъ, братія, наше общество много виновато предъ Богомъ и Его помазанникомъ. За наши вины прогнѣвался Господь и наказалъ насъ тяжкимъ горемъ въ лицѣ замученнаго Царя. Господь призываетъ насъ къ покаянію. Принесемъ искреннее покаяніе, и когда же лучше начать его, какъ не въ продолжающіеся дни поста и покаянія? Не покаемся,—не случилось бы чего хуже.

Прот. В. Нечаевъ.

ИСПОВѢДАНІЕ ВѢРЫ.

Слово въ великій пятокъ, Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, архіепископа Казанскаго.

По сихъ же моли Пилата Иосифъ иже отъ Аримаѳеа, сый ученикъ Иисусовъ, потаенъ же страха ради Иудейска, да возметъ тѣло Иисусово.
Іоан. 19, 38.

Перенесеніемъ плащаницы мы воспоминаемъ то, что совершилъ нѣкогда Іосифъ. Въ этотъ самый часъ дня по кончинѣ Спасителя онъ снялъ тѣло Его со креста, и потомъ, обвивъ плащаницею, положилъ въ новомъ гробѣ у себя въ саду.

Кто же былъ этотъ Іосифъ, и что для насъ поучительно въ его поведеніи?

По мѣсту своей родины онъ называется Аримаѳейскимъ; по званію, ибо онъ былъ членомъ высшаго судилища іудейскаго, евангелистъ Маркъ именуетъ его *совѣтникомъ*, и притомъ *благообразнымъ* (15, 43), такимъ, который былъ знаменитъ, и у всѣхъ былъ въ почтеніи. Общее уваженіе онъ заслужилъ тѣмъ, что, какъ замѣчаетъ Лука евангелистъ, онъ былъ честенъ и правдолюбивъ (23, 50). Когда Христа судили и осудили старѣйшины іудейскіе, Іосифъ не принималъ никакого участія въ ихъ незаконномъ рѣшеніи, *не бы присталъ совѣту и дѣлу ихъ* (ст. 51). Онъ зналъ хорошо Иисуса Христа, и былъ даже ученикомъ Его, только потаеннымъ, *страха ради Иудейска*. Но когда его Учитель умеръ на крестѣ, онъ отложилъ всякій страхъ; смѣло пошелъ къ Пилату, испросилъ тѣло Иисусово, и совершилъ то, что нынѣ на вечернѣ въ храмахъ нашихъ воспоминается.

Сравнимъ же себя съ нимъ; такъ ли мы усердны ко Христу, какъ онъ?

Съ перваго взгляда можно подумать, что преимущество намъ принадлежить. Онъ былъ потаенный, а мы явные ученики Спасителя. Когда христіанъ спрашиваютъ на судѣ, или въ другихъ случаяхъ, если нужно по дѣлу,—какого они вѣроисповѣданія, они открыто отвѣчаютъ: «православнаго», и даже по требованію церковныя свидѣтельства въ томъ представляютъ.

Но посмотримъ далѣе. Отъ чего Іосифъ былъ потаенный?—Только ли изъ боязни? Правда, онъ могъ съ безчестіемъ быть изгнанъ изъ сонмища и подвергнутъ другимъ непріятностямъ. Но главное въ томъ, что еслибъ онъ и объявилъ себя послѣдователемъ Христа, что могъ бы сдѣлать въ Его пользу? Враги ожесточены; а Сынъ Человѣческій шель *по речанному* (Лук. 22, 22), и еслибъ предустановленный свыше порядокъ въ Его земной жизни событій былъ измѣненъ, какъ бы сбылись *писанія, яко тако подобаетъ быти* (Матѣ. 26, 54)? Когда же все окончилось, когда самъ Распятый за насъ изрекъ: *совершишася* (Іоан. 19, 28); тогда и Іосифъ, казавшійся робкимъ, сдѣлался смѣлымъ, и изъ потаеннаго явнымъ. Никакой славы не могъ онъ себѣ обѣщать, погребая безславно умершаго, и всякая надежда на возмездіе исчезла въ мракъ могильной пещеры, къ которой, какъ будто на вѣвки, приваленъ былъ камень великій. Чѣмъ же объяснить такую перемѣну въ Іосифѣ? — Его великодушіемъ, его глубокою преданностію своему Учителю, предъ которымъ втайнѣ привыкъ благоговѣть. Изъ преданія онъ зналъ, что великая добродѣтель погребать странниковъ, которыхъ некому похоронить (Тов. 1, 16, и слѣд.). Тѣмъ желательнѣе было для него почтить приличнымъ погребеніемъ тѣло «сего Страннаго, иже не имѣлъ гдѣ главы подклонити, сего своего Учителя, егже ученикъ лукавый на смерть предаде».

Обращаясь къ себѣ, мы должны сознаться, что намъ уже ничто не препятствуетъ исповѣдывать свою вѣру. Кто какъ думаетъ о предметахъ ея, и во все ли вѣруеть, во что должно,—это еще можетъ быть тайной души. Но въ тѣхъ внѣшнихъ дѣйствіяхъ, которыя составляютъ отличительные признаки нашего вѣроисповѣданія, одно изъ двухъ, — или безбоязненно ихъ соблюдать, или боязливо отъ нихъ уклоняться; и кто уклоняется, можетъ ли быть названъ явнымъ и твердымъ послѣдователемъ Христо-

вымъ? Возьмемъ въ примѣръ поклоненіе иконамъ. Иной въ церкви показываетъ къ нимъ уваженіе, а придетъ въ посторонній домъ, и не взглянетъ на то мѣсто, гдѣ стоять онѣ. Потому что это несовременно, и въ образованномъ кругу будтобы не принято. Скажутъ: «была бы вѣра въ сердцѣ, а это—внѣшнее, неважное». Но какъ бы вамъ показалось, еслибъ вашъ другъ, въ искренность котораго вы вѣрили, встрѣтившись съ вами при лицахъ постороннихъ и почтенныхъ, отвернулся отъ васъ и не подалъ вамъ руки? А святая икона развѣ только въ храмѣ достойна поклоненія, а въ домѣ заслуживаетъ пренебреженія? Чтѣ важнѣе, — духъ вѣры, или духъ в ремени? Такъ бываетъ иногда и при исполненіи другихъ священныхъ обязанностей; стыдимся того, въ чемъ наша честь, наше спасеніе. Іосифъ Аримаѳейскій тайно у Христа учился; и открытымъ ученикомъ Его оказался. А у насъ многіе, открыто учившись Божію закону, отъ матерей навыкъши исполнять обряды, когда придутъ въ зрѣлыя годы, стараются уже скрывать свое дѣтское благоговѣніе къ святынѣ, и въ странѣ, гдѣ открыто господствуетъ православіе, чаще остаются потаенными христіанами.

Не тому насъ учить самъ Христосъ. Кто постыдится Его предъ людьми, того постыдится Онъ предъ ангелами (Лук. 9, 26), отвержетъ и лишитъ участія въ царствѣ своемъ. *Не стыдится страстію Господа нашего Іисуса Христа*, пишетъ апостоль Павелъ Тимоѳею (2 Тим. 1, 8), и всѣмъ намъ внушаетъ, *да держимъ исповѣданіе уповація неуклонно* (Евр. 10, 23). Не одни убѣжденія сердечныя здѣсь подразумѣваетъ онъ, но и дѣйствія наружныя, которыми свидѣтельствуемъ нашу вѣрность Господу; ибо дальше совѣтуетъ не оставлять намъ церковныхъ собравій, гдѣ больше и учимся соблюдать обряды.

«О еслибы, — заключимъ мы съ Григоріемъ Богословомъ, — намъ до послѣдняго издыханія сохранить сей прекрасный залогъ, сіе исповѣданіе, въ которомъ мы воспитаны, и съ нимъ переселиться изъ сей жизни, взявъ отсюда съ собою не другое чтѣ, какъ одно благочестіе» *).
Аминь.

*) Твор. Григ. Бог. част. III, стр. 315.

ЗАМѢЧАНІЯ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА

на *Записки о русской церковной археологіи священника*
Г. Б--го.

Записки объ археологіи представляютъ слѣды поспѣшности труда.

Опредѣленіе Археологіи, что она есть ученіе о древностяхъ, тождесловно.

Что Литургика разсматриваетъ только церковь въ значеніи храма, и только въ современности, — это невѣрно.

Что Археологія разсматриваетъ только церковь въ смыслѣ храма, это также невѣрно. Напримѣръ сочинитель самъ разсматриваетъ церковныя книги. Книги не храмъ.

Что въ Новгородѣ была круглая церковь, — какая въ семь нужда для археологіи, особенно преподаваемой въ отношеніи къ расколу?

Къ чему въ первыхъ строкахъ археологіи говорить о церквахъ обыденныхъ?

Что основаніемъ церквей служилъ срубъ избы, — сказано грубо и невѣрно.

Прирубался алтарь. — Почему же прирубался? Алтарь и церковь строились вмѣстѣ, а не послѣ прирубался алтарь.

Вмѣсто квадратныхъ прямоугольных, — это бессмыслица.

На подклѣткахъ—стульяхъ, — неужели это нужно знать для православія противъ раскола?

Шведъ Петрей, — что за авторитетъ для церкви противъ раскола, и къ чему нужно то, что онъ видѣлъ малыя церкви?

«Разныя пристройки, придѣлы, притворы, ходовыя паперти», — какая бесполезная смѣсь! Что за пристройки, которыя поставлены выше придѣловъ?

Что обыкновенную форму церквей составлялъ квадратъ, — неправда. Обыкновенно церкви въ длину болѣе, нежели въ ширину.

Щелеобразное окно—какой варварскій языкъ! И какая въ этомъ нужда? Узкое и длинное окно не относится ни къ православію, ни къ расколу.

Шарообразный сводъ.—Чтобы сводъ былъ такимъ, надобно, чтобы онъ имѣлъ полушаріе къ верху, и полушаріе къ низу. Это мечта, невозможная въ природѣ зданія.

Вообще подробности архитектурныя, неотносящіяся къ существенному расположенію храма, введены въ записки къ бесполезному обремененію. Археологія не архитектура.

«При нѣкоторыхъ церквахъ пристроивались бани или крестильницы, духовницы, сторожницы, усыпальницы, кладовыя, теремки»,—какая варварская смѣсь!

«Вмѣсто колоколенъ—звонницы».—Да что же звонница, какъ не колокольня?

Въ алтарѣ сѣнь на семи столпахъ—гдѣ это? Въ алтарѣ семь таинствъ въ лицахъ—гдѣ? Такихъ вещей нельзя говорить на вѣтеръ въ основательномъ ученіи.

Такъ много неудовлетворительнаго или лишняго на многихъ страницахъ.

Наперсные кресты, какъ и нынѣ, обыкновенно были осмиконечные—бездоказательно и невѣрно.

Въ главѣ о иконахъ дважды говорится о Рублевѣ и Черномъ (*живописцахъ*),—но какая изъ сего польза для археологіи?

«Въ 16 вѣкѣ порча вкуса въ иконахъ суевѣрными понятіями, вторженіе западнаго иконописанія».—Но гдѣ доказательства?

Въ статьѣ о иконахъ есть правильныя замѣчанія о исторіи иконописанія въ Россіи,—но не о иконахъ, изъ которыхъ не указано ни одной, почему либо примѣчательной для археологіи церковной.

Въ 11 вѣкѣ у насъ извѣстны были литургіи Златоустаго и Василія Великаго.—Неужели только въ 11 вѣкѣ? Неужели ранѣе сего вѣка неизвѣстны были литургіи и не служили ихъ въ Россійской церкви?

Останавливаюсь, не имѣя времени болѣе просматривать (не говорю—читать) записки объ археологіи.

Ноября 14-го 1855 г.

Собщи. Арх. Григорій.

ДОНЕСЕНІЕ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА СВ. СИНОДУ.

Въ древнія времена антиминсы устроились изъ льняной ткани, въ маломъ видѣ, съ изображеніемъ креста и съ надписью.

Въ 17-мъ вѣкѣ начали быть устроены въ большемъ видѣ, съ изображеніемъ положенія Господня во гробѣ, также изъ льняной ткани, а по времени и изъ шелковой.

Антиминсы на льняной ткани употреблялись безъ поврежденія лѣтъ 70 и болѣе.

Антиминсы на шелковой ткани, особенно въ новѣйшее время, по уменьшившейся прочности, становятся неспособными къ употребленію лѣтъ чрезъ 25-ть, и менѣе.

Отъ сего происходитъ затрудненіе сохранить св. мощи при частомъ перенесеніи оныхъ изъ ветхаго антиминса въ новый.

На Востокѣ доннѣ употребляются антиминсы изъ льняной ткани, и притомъ по особому разсужденію, что христіанскому безкровному алтарю болѣе приличествуетъ ткань изъ растительнаго, нежели изъ животнаго царства, къ которому принадлежитъ шелкъ.

Долгомъ поставляю представить сіе вниманію св. Синода, не признано ли будетъ за благо возстановить употребленіе антиминсовъ изъ чистой льняной ткани.

Ноября 16-го, 1861.

Сообщ. Арх. Грморгій.

МНѢНІЕ МОСК. МИТРОП. ФИЛАРЕТА.

1863, мая 4. Къ соображеніямъ преосвященнаго (*Св. Св.*) можетъ и должно быть присовокуплено слѣдующее:

1) Предполагаемое изданіе Евангелія по днямъ, какъ форматъ его показываетъ, назначается болѣе для домашняго, нежели для церковнаго употребленія. Но для сего полезнѣе распространять Евангеліе, печатаемое по порядку евангелистовъ. Ибо сіе можно читать двояко, и по днямъ, и по порядку евангельскихъ сказаній, а чрезъ сіе лучше и правильнѣе узнается исторія земной жизни и

ученія Христа Спасителя. Изданія же, сдѣланнаго по порядку дневныхъ чтеній, нельзя читать по порядку исторіи евангельской. Такъ на примѣръ въ чтеніяхъ изъ Евангелія Іоанна всей исторіи страданій Христовыхъ на ряду вѣтъ, а должно искать ихъ въ другомъ мѣстѣ книги. Тексты, которые въ непрерывномъ Евангеліи отмѣчаются, подъ названіемъ преступокъ, но тѣмъ не менѣе находятся на ряду, въ Евангеліи изданномъ по дневнымъ чтеніямъ, исчезаютъ.

2) Протоіерей (Невоструевъ) жалуется на преступки. Но и въ Евангеліи по дневнымъ чтеніямъ есть своего рода преступки. На примѣръ, во вторникъ свѣтлыя недѣли, на ряду Евангелія не напечатано, а скавано: ищи въ воскресныхъ Евангеліяхъ *).

3) При Евангеліи непрерывномъ, употребляемомъ въ російскихъ церквахъ, одна таблица указываетъ чтеніе всего и всякаго года. Въ Евангеліи по днямъ для сего служатъ 36 таблицъ. Не больше ли здѣсь можно запутаться?

4) Изданія по Евангелистамъ употребляются въ російской церкви и въ храмахъ и въ домахъ, и всѣ спокойно пользуются существующимъ при нихъ указателемъ чтеній. вмѣстѣ съ предполагаемымъ изданіемъ Евангелія по днямъ, протоіерей возбуждаетъ сомнѣніе о нѣкоторыхъ указаніяхъ чтеній, и требуетъ поправокъ. И эта приверженность къ древности можетъ показаться нововведеніемъ и можетъ произвести вмѣсто мира сомнѣнія и споры, вмѣсто пользы вредъ.

5) Если принять мнѣніе протоіерея: то всѣ экземпляры Евангелія, находящіеся нынѣ въ церквахъ, надобно оставить безъ употребленія, и замѣнить изданіями по новому плану съ предполагаемыми поправками чтенія. Есть ли довольно важныя причины поднимать такую тревогу во всѣхъ церквахъ?

Посему согласно съ мнѣніемъ преосвященнаго Можайскаго и моимъ мнѣніемъ, полагаю изданіе Евангелія по порядку дневныхъ чтеній не предпринимать.

Сочин. Арх. Григорій.

*) Въ этотъ день читается 113 зачало Евангелія отъ Луки.

ОГЛАВЛЕНІЕ I-Й ЧАСТИ ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ 1881 Г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ И АПРѢЛЬ.

Стр.

1. Толкованіе посланія св. Ап. Павла къ Титу. 3— 22	145—158
273—288	
2. Пятое, шестое и седьмое письмо въ С. П. Б. по поводу появленія тамъ поваго ученія вѣры..... 22 — 39	192—207 208—222
3. Желанная встрѣча.....	39 — 60
4. Миръ насѣкомыхъ	61 — 72
5. Слова Преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Си- меона Новаго Богослова..... 73 — 85	159—174
289—301	401—422
6. Бесѣда съ поповцемъ о рукоположенныхъ отъ ерети- ковъ.....	86 — 90
7. Уроки покаянія, заимствованныя изъ Евангелія въ великомъ канонѣ св. Андрея Критскаго. 91 —109	233—245
369—385	498—506
8. О помощи нуждающимся.....	109—123
9. Гнилыя рѣчи.....	124—233
10. 6 поученій по руководству Пролога..... 134—137	246—249
395—398	
11. Замѣчанія митрополита Филарета на библейскую исто- рію и на газетную статью о Крещеніи Господнемъ..	137—138
12. Егоже замѣчанія на записки по Археологін.....	524—525
13. Письма моск. митр. Филарета.....	139—140 272
14. Резолюція его же..... 141—142	266—270
398—400	
15. О загробной жизни, противъ спиритовъ.....	175 191
16. Бесѣда съ поповцемъ о мнимомъ правѣ іереевъ при- нимать приходяція отъ ереси священныя лица въ су- щемъ ихъ санѣ.....	223—228
17. Трудность добродѣтели и учительства.....	229—232
18. Отчетъ по Братству св. Петра митрополита за 1880 годъ.....	250—265
19. Донесенія моск. митр. Филарета.....	271—272—527
20. О путешествіяхъ въ свят. землю въ древней церкви. 423—442	302—325
21. Бесѣда съ поповцемъ о Іоаннѣ Маркіоновѣ, патри- архѣ Іерусалимскомъ.....	326—336
22. Воспоминанія о почившемъ въ Бозѣ старцѣ, духов- никѣ Кіево-Печерской Лавры, іеросхимонахѣ Антоніѣ. 337—368	444—469
23. Добрая нравственность въ отношеніи къ знанію и внѣшнему благосостоянію.....	386—394
24. Самостоятельность и безсмертіе души.....	470—496
25. Плачевная пѣснь.....	505—509
26. Событіе 1-го марта предъ взоромъ вѣрующаго.....	510—520
27. Исповѣданіе вѣры.....	521—523
28. Мнѣніе моск. митроп. Филарета.....	526—527